

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА ИМ. Г. ИБРАГИМОВА

**ТАТАРОВЕДЕНИЕ В СИТУАЦИИ СМЕНЫ ПАРАДИГМ:
ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ, ПРАКТИКА**

I Международный научно-практический семинар
2–3 декабря 2021 года, город Казань

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ

**ПАРАДИГМАЛАР АЛМАШЫНУ ШАРТЛАРЫНДА
ТАТАР БЕЛЕМЕ:
ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ, ПРАКТИКА**

I Халыкара фәнни-гамәли семинар
2021 ел, 2–3 декабрь, Казан шәһәре

**TATAR STUDIES IN PARADIGMS' CHANGE:
THEORY, METHODOLOGY, PRACTICE**

I International Scientific and Practical Workshop
2–3 December, 2021, Kazan

Казань
2021

УДК 39(470.41)
ББК 63.5(=632.3)

*Печатается в рамках мероприятий
государственной программы Республики Татарстан
«Сохранение национальной идентичности татарского народа
(2020–2023 годы)»*

Составители:

Ф. Г. Файзуллина, Г. А. Хуснутдинова,
Э. М. Галимзянова

Т12 Татароведение в ситуации смены парадигм: теория, методология, практика: I Международный научно-практический семинар. 2–3 декабря 2021 года, г. Казань: сб. материалов / сост.: Ф. Г. Файзуллина, Г. А. Хуснутдинова, Э. М. Галимзянова. – Казань: ИЯЛИ, 2021. – 300 с.
ISBN 978-5-93091-387-3

В сборнике представлены материалы I Международного научно-практического семинара «Татароведение в ситуации смены парадигм: теория, методология, практика», приуроченного к 100-летию со дня создания Академического центра Татнаркомпроса.

В статьях сборника освещаются вопросы институционализации татароведения, современные проблемы истории татар, татарского языкознания, фольклористики, регионоведения в ситуации смены научных парадигм.

Издание адресовано ученым-гуманитариям, занимающимся исследованиями в области татароведения, читателям, интересующимся историей, фольклором, литературой татар в России и за рубежом.

УДК 39(470.41)
ББК 63.5(=632.3)

ISBN 978-5-93091-387-3

© Институт языка, литературы и искусства
им. Г. Ибрагимова АН РТ, 2021

ОТ АКАДЕМЦЕНТРА ДО АКАДЕМИИ НАУК: ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ТАТАРОВЕДЕНИЯ

В этом году, объявленном в нашей стране в соответствии с Указом Президента Российской Федерации Владимира Путина Годом науки и технологий, научная общественность республики отмечает 30-летие создания Академии наук Республики Татарстан.

За три десятилетия своей истории Академия наук зарекомендовала себя как один из центров науки в России. Результаты научных исследований ученых Академии наук, ее структурных подразделений свидетельствуют о высоком уровне развития науки в республике, ее значительном научно-образовательном и научно-техническом потенциале.

Этот потенциал формировался на протяжении многих десятилетий. Основы академической науки были заложены еще в начале XIX века: многие известные всему миру научные школы ведут свою историю с открытия в ноябре 1804 г. Казанского императорского университета. Такие выдающиеся учёные, как Лобачевский, Клаус, Зинин, Бутлеров, Завойский, отец и сын Арбузовы, Богородицкий, Фукс и др. прославили Казань на весь мир.

С образованием в 1920 году ТАССР перед ее руководством встал важная задача: консолидировать научную общественность, создать условия для проведения исследовательской работы в разных отраслях науки. С этой целью 100 лет назад был создан Академический центр Татнаркомпроса, который осуществлял руководство и координацию научно-исследовательской деятельности в республике.

На протяжении почти 10 лет Академцентр с успехом претворял в жизнь возложенную на него миссию, способствуя решению насущных экономических, социальных и культурных задач, стоящих перед республикой.

Первым председателем Академцентра стал математик и педагог Гаяз Максудов. Он был редактором журнала «Магариф», руководил издательской деятельностью Татиздата, а в самом Академцентре возглавлял переводческий центр, написал ряд учебников по алгебре и геометрии на татарском языке.

В разные годы Академцентр возглавляли Галимджан Ибрагимов (1925–1927), Мухаммад Тагиров (1927–1928), Салах Атнагулов (1929–1930). За время своей деятельности Академцентром была проделана огромная работа по организации научных исследований в области татарского языкознания, литературоведения, истории и этнографии татарского народа, развитию татарского театра и музыки. Учеными Академцентра разрабатывались учебные планы, программы и учебники для национальной общеобразовательной школы.

Деятельность Академцентра была многогранной: в его составе в разные годы функционировали русская и татарская редакционные коллегии (в их ведении находились вопросы, связанные с подготовкой и изданием научной и учебной литературы), научно-педагогическая комиссия (занималась разработкой учебных программ и учебников для новой советской школы), музейная комиссия, Бюро краеведения, Научное общество татароведения.

Академцентром осуществлялось издание журналов «Вестник просвещения», «Магариф» (на татарском языке), «Безнең юл» (на татарском языке).

В работе структурных подразделений Академцентра принимали участие известные ученые: Дж. Валиди, М. Курбангалеев, Г. Рахим, Г. Шараф, Г. Губайдуллин, Н. Воробьев,

М. Худяков, А. Самойлович, Н. Н. Фирсов, Г. Ф. Линцер, П. М. Дульский, Х. Бадиги, Г. Х. Алпаров и др.

Значительное место в работе Академцентра занимала организация научно-исследовательской и учебно-методической работы в области национальных языков и литератур. Рецензирование и редактирование поступивших на рассмотрение научных рукописей осуществляли три редколлегии: русская, татарская и «национальных меньшинств» (в ведении последней находилось издание литературы на языках проживавших на территории ТАССР народов: чувашей, мари, мордвы, удмуртов и др.).

Под руководством Г. Ибрагимова в мае 1925 г. было создано Татарское бюро краеведения, активно развернулась деятельность «Научного общества татароведения», объединившего ученых Татарстана, которые работали в области изучения языка, литературы, фольклора, искусства татар. На страницах журнала «Вестник Научного общества татароведения» публиковались результаты исследований, не утратившие своей научной значимости и в наши дни.

Именно в рамках деятельности Академцентра начинается новый этап становления татароведения (первый был связан с исследованиями ученых Казанского императорского университета и созданного при нем «Общества археологии, истории и этнографии»; второй во многом определялся деятельностью татарских ученых конца XIX – нач. XX в.: Ш. Марджани, К. Насыри, Р. Фахретдинова, Х. Атласи, Г. Баттала, Дж. Валиди и др.).

1920-е годы считаются периодом расцвета татароведения. В это время увидели свет многочисленные труды по истории и этнографии татарского народа (Н. И. Воробьева, Г. С. Губайдуллина, М. Г. Худякова), истории татарской литературы и фольклору (Дж. Валиди, Г. С. Губайдуллина, Г. Рахима, Г. Ибрагимова), татарскому языкознанию (В. А. Богородицкого, Г. Ш. Шарафа).

Важно отметить, что в 1920-е годы сохранялась связь с научными традициями начала XX века (это во многом было обусловлено и тем, что многие ученые формировались в период связанного с ростом национального самосознания татар подъема в гуманитарных науках), и это благоприятно сказывалось на развитии татароведческих исследований.

На рубеже 1920–1930-х гг. происходит кардинальная ломка научных основ татароведческих исследований. Ликвидируются созданные в 1920-е гг. «Научное общество татароведения», «Общество изучения Татарстана», «Дом татарской культуры». Негативно на развитие татароведения повлияла и унификация тюркских алфавитов, хотя на состоявшемся в 1926 году I Тюркологическом съезде возглавляемая Г. Ибрагимовым делегация татарских ученых выступила против их тотальной латинизации.

В 1930-е гг. по татароведению был нанесен сокрушительный удар: многие известные ученые подверглись репрессиям по надуманным обвинениям в национализме, пантюркизме и пр. Эти потери имели негативные последствия в долгосрочной перспективе: потребовались многие десятилетия, чтобы восполнить их. Только в период «оттепели» начался процесс возвращения научного наследия видных татарских ученых первой трети XX века. Научными институтами, работающими под руководством Академии наук, сделано в этом направлении немало. Опубликованы и введены в научный оборот труды татарских историков (Р. Фахретдинова, Г. Губайдуллина, Х. Атласи, Е. И. Чернышева и др.), лингвистов (Дж. Валиди, Г. Шарафа, Г. Алпарова, Л. Залая и др.), литературоведов и фольклористов (К. Насыри, Г. Рахима, Г. Сагди, Г. Ибрагимова, Х. Ярми и др.), этнографов (Н. И. Воробьева, Ф. Т. Валеева и др.).

Вместе с тем, несмотря на значительные потери, которое татароведение понесло в 1930-е гг., оно продолжало развиваться в рамках новых, созданных партийным руководством структур.

Начиная с 1939 года центром татароведческих исследований становится Татарский НИИ языка, литературы и истории при Совнарком ТАССР (с 1945 года приобретает статус академического учреждения в составе КФАН СССР). В эти годы значительный вклад в организацию татароведческих исследований внесли Н. А. Нигматуллин, Х. Г. Шабапов, Х. Х. Ярмухаметов, М. Х. Гайнуллин, Я. Х. Агишев, А. Х. Хисматуллин и др.

В 1950–1980-е гг. Институт языка, литературы и истории, которому в 1967 году было присвоено имя классика татарской литературы, ученого и общественного деятеля Г. Ибрагимова, становится одним из центров татароведения в России и мире.

Учеными института были сделаны фундаментальные открытия в области татарского языкознания (В. Н. Хангильдин, Л. Заляй, Л. Махмутова, Д. Рамазанова, Г. Ахунзянов, Ф. Ганиев, Р. Ахметзянов и др.), истории татарской литературы (Г. Халит, М. Гайнуллин, Х. Хайри, Н. Юзеев, А. Ахмадуллин, Р. Башкуров, Н. Хисамов, З. Рамеев и др.), фольклористики (И. Надиров, Х. Ярмухамметов, Х. Махмутов, Л. Замалетдинов, Ф. Ахметова), истории татарского народа (Р. Г. Фахрутдинов, А. Х. Халиков, С. Х. Алишев, М. К. Мухарямов и пр.), этнографии (Н. И. Воробьев, Х. Гимади, Н. Ф. Калинин, А. П. Смирнов), искусствознания (Ф. Гизатуллин, П. Дульский, И. Илялова, Д. Гимранова, Д. Валеева, Г. Валеева-Сулейманова и др.).

Новый импульс татароведческие исследования приобретают в 1990-е гг., когда центром татароведения в республике становится Академия наук. Татароведческие исследования успешно ведутся в Институте языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова, Институте истории им. Ш. Марджани, Институте татарской энциклопедии и регионоведения, Институте археологии им. А. Х. Халикова. В 1990–2010-е гг. было реализовано большое количество фундаментальных научных проектов в области татарского языка, литературы, истории, археологии, регионоведения. Вот лишь некоторые, наиболее масштабные научные проекты: многотомная «Татарская энциклопедия» (в 6 томах), «История татар» (в 7 томах), «Татарская грамматика» (в 3 томах), «Толковый словарь татарского языка» (в 6 томах), многотомные академические собрания сочинений классиков татарской литературы (Г. Тукая, Г. Исхаки, Г. Ибрагимова), «История татарской литературы» (в 8 томах) и пр.

Ученые-археологи совместно с историками внесли значительный вклад в определение времени основания Казани и Елабуги, что позволило отметить 1000-летие этих городов. Их исследования содействовали включению памятников древнего города Болгара и Свияжска в список Всемирного наследия ЮНЕСКО.

Особо хочется отметить углубленную работу по изучению историко-культурного наследия татар, проживающих за пределами Татарстана. Нашими учеными проводятся археографические, археологические, этнографические экспедиции в места компактного проживания татар в Российской Федерации и за рубежом. Историко-археологическое изучение средневековых тюрко-татарских городов в Астраханской, Волгоградской, Рязанской, Саратовской, Ульяновской областях, в республиках Калмыкия, Крым, Монголия и др. меняет понимание древней истории наших предков.

Развитие татароведения в Академии наук сложно представить без научных контактов и взаимодействий с учеными, занимающимися изучением языка, истории, литературы, искусства татар в регионах России и за рубежом. Такие контакты происходят постоянно в рамках конференций, форумов татарских ученых.

Одной из целей семинара «Татароведение в ситуации смены парадигм: теория, методология, практика» является создание постоянно действующей дискуссионной площадки, объединяющей исследователей-татароведов. География проживания татар обширна. Вторая по численности нация в России, татары компактно проживают во многих субъектах Российской Федерации. Немало наших соотечественников и за рубежом – в странах ближнего и дальнего зарубежья. В этой связи я хотел бы выразить большую благодарность нашим иностранным коллегам, откликнувшимся на приглашение, приславшим свои статьи. Ваш опыт чрезвычайно интересен ученым Академии наук.

Уверен, что данный семинар будет способствовать формированию новых знаний и методов в области татароведения, а развернувшиеся на ее площадках дискуссии позволят определить дальнейшие перспективы татароведческих исследований.

*Мякшум Салахов,
Президент Академии наук Республики Татарстан*

FROM ACADEMY CENTER TO ACADEMY OF SCIENCES: HISTORY AND PROSPECTS OF TATAR STUDIES

The year 2021 was declared in our country in accordance with the Decree of the President of the Russian Federation Vladimir Putin as the Year of Science and Technology, the scientific community of the republic celebrates the 30th anniversary of the establishment of the Tatarstan Academy of Sciences.

Over the three decades of its history, the Tatarstan Academy of Sciences has established itself as one of the centers of science in Russia. The results of scientific research of scientists of the Academy of Sciences, its structural divisions testify to the high level of development of science in the republic, its significant scientific, educational and scientific and technical potential.

This potential has evolved over many decades. The foundations of academic science were laid back at the beginning of the 19th century: many world-famous scientific schools trace their history back to the opening of the Kazan Imperial University in November 1804. Such outstanding scientists as Lobachevsky, Klaus, Zinin, Butlerov, Zavoisky, father and son Arbuzov, Bogoroditsky, Fuchs and others glorified Kazan all over the world.

With the formation of the TASSR in 1920, its leadership faced an important task: to consolidate the scientific community, to create conditions for carrying out research work in various branches of science. For this purpose, the Academic Center of Tatnarkompros was established 100 years ago, which was responsible for the management and coordination of research activities in the republic.

For almost 10 years, the Academic Center has successfully implemented the mission entrusted to it, contributing to the solution of the urgent economic, social and cultural tasks facing the republic.

The first chairman of the Academic Center was mathematician and teacher Gayaz Maksudov. He was the editor of the magazine «Magarif», supervised the publishing activities of Tatizdat, and in the Academic Center itself headed the translation center, wrote a number of textbooks on algebra and geometry in the Tatar language.

Over the years, the Academic Center was headed by Galimjan Ibragimov (1925–1927), Muhammad Tagirov (1927–1928), Salakh Atnagulov (1929–1930). During its activity, the Academic Center has done an enormous amount of work to organize scientific research in the field of Tatar linguistics, literary criticism, history and ethnography of the Tatar people, and the development of Tatar Theater and music. Academic Center scientists have developed curricula, programs and textbooks for the national secondary school.

The activities of the Academic Center were multifaceted: in its structure, in different years, the Russian and Tatar editorial boards functioned (they were in charge of issues related to the preparation and publication of scientific and educational literature), the scientific and pedagogical commission (engaged in the development of curricula and textbooks for the new Soviet school), Museum Commission, the Bureau of Regional Studies, Scientific Society of Tatar Studies.

The Academic Center published the magazines «Bulletin of Education», «Magarif» (Education in Tatar), «Beznen yul» (Our way in Tatar).

Famous scientists took part in the work of the structural divisions of the Academic Center: J. Validi, M. Kurbangaleev, G. Rakhim, G. Sharaf, G. Gubaidullin, N. Vorobiev, M. Khudyakov, A. Samoilovich, N. N. Firsov, G. F. Linstser, P. M. Dulsky, H. Badigi, G. H. Alparov and others.

A significant place in the work of the Academic Center was occupied by the organization of research and educational-methodical work in the field of national languages and literatures. Reviewing and editing of scientific manuscripts submitted for consideration was carried out by three editorial boards: Russian, Tatar and «national minorities» (the latter was in charge of publishing literature in the languages of peoples living in the TASSR: Chuvash, Mari, Mordovians, Udmurts, etc.).

Under the leadership of G. Ibragimov in May 1925, the Tatar Bureau of Local Lore was created, the activity of the «Scientific Society of Tatar Studies» was actively developed, which united scientists of Tatarstan who worked in the field of studying the language, literature, folklore, and art of the Tatars. On the pages of the journal «Bulletin of the Scientific Society of Tatar Studies», the results of research were published, which have not lost their scientific significance in our days.

It is within the framework of the activities of the Academic Center that a new stage in the formation of Tatar studies begins (the first was associated with the research of scientists of the Kazan Imperial University and the Society of Archeology, History and Ethnography created under it; the second was largely determined by the activities of Tatar scientists of the late XIX – early XX centuries: Sh. Marjani, K. Nasyri, R. Fakhretdinova, H. Atlasi, G. Battala, J. Validi and others).

The 1920s are considered the heyday of Tatar studies. At that time, numerous works on the history and ethnography of the Tatar people (N. I. Vorobyov, G. S. Gubaidullin, M. G. Khudyakov), the history of Tatar literature (J. Validi, G. S. Gubaidullin, G. Rahim, G. Ibragimov), Tatar linguistics (V. A. Bogoroditsky, G. Sh. Sharaf), folklore were published.

It is important to note that in the 1920s, a connection with the scientific traditions of the beginning of the 20th century remained (this was largely due to the fact that many scientists were formed during the period of the rise in the humanities associated with the growth of the national self-consciousness of the Tatars), and this favorably affected the development of Tatar studies.

At the turn of the 1920–1930s. there is a radical breakdown of the scientific foundations of Tatar studies. The companies created in the 1920s are being liquidated. «Scientific Society of Tatar Studies», «Society for the Study of Tatarstan», «House of Tatar Culture». The unification of the Türkic alphabets also had a negative impact on the development of Tatar studies, although at the 1st Türkological Congress held in 1926, the delegation of Tatar scientists headed by G. Ibragimov opposed their total romanization.

In the 1930s, a crushing blow was dealt to Tatar studies: many famous scientists were repressed on trumped-up charges of nationalism, pan-Turkism, etc. These losses had negative consequences in the long term: it took many decades to make up for them.

Only during the «thaw» period began the process of returning the scientific heritage of prominent Tatar scientists of the first third of the XX century. Scientific institutes working under the leadership of the Academy of Sciences have done a lot in this direction. The works of Tatar historians (R. Fakhretdinov, G. Gubaidullin, H. Atlasi, E. I. Chernyshev and others), linguists (J. Validi, G. Sharaf, G. Alparov, L. Zalyai), literary critics and folklorists (K. Nasyri, G. Rakhima, G. Sagdi, G. Ibragimova, H. Yarmia, etc.), ethnographers (N. I. Vorobieva, F. T. Valeeva, etc.) have been published and put into scientific circulation.

At the same time, despite the significant losses that Tatar studies suffered in the 1930s, it continued to develop within the framework of new structures created by the party leadership.

Beginning in 1939, the Tatar Research Institute of Language, Literature and History under the Council of People's Commissars of the TASSR became the center of Tatar studies (since 1945, it acquires the status of an academic institution as part of the Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences). During these years, a significant contribution to the organization of Tatar studies was made by N. A. Nigmatullin, H. G. Shabanov, Kh. Kh. Yarmukhametov, M. Kh. Gainullin, Ya. Kh. Agishev, A. Kh. Khismatullin and others.

In the 1950–1980s, the Institute of Language, Literature and History, which in 1967 was named after the classic of Tatar literature, scientist and public figure G. Ibragimov, became one of the centers of Tatar studies in Russia and the world.

The scientists of the Institute made fundamental discoveries in the field of Tatar linguistics (V. N. Hangildin, L. Zalyai, L. Makhmutova, D. Ramazanova, G. Akhunzyanov, F. Ganiev, R. Akhmetzyanov, etc.), the history of Tatar literature (G. Halit, M. Gainullin, H. Khayri, N. Yuzeev, A. Akhmadullin, R. Bashkurov, N. Hisamov, Z. Rameev, etc.), folklore studies (I. Nadirov, H. Yarmukhammetov, H. Makhmutov, L. Zamaletdinov, F. Akhmetova), the history of the Tatar people (R. G. Fakhrutdinov, A. H. Khalikov, S. H. Alishev, M. K. Mukharyamov, etc.), ethnography (N. I. Vorobyev, H. Gimadi, N. F. Kalinin, A. P. Smirnov), art studies (F. Gizzatullin, P. Dulsky, I. Ilyalova, D. Gimranova, D. Valeeva, G. Valeeva-Suleymanova, etc.).

Tatar studies acquired a new impulse in the 1990s, when the Academy of Sciences became the center of Tatar studies in the republic. Tatar studies are being successfully carried out at the Institute of Language, Literature and History named after G. Ibragimov, Institute of History named after Sh. Mardzhani, Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies, Institute of Archeology. In the 1990s–2010s, a large number of fundamental scientific projects in the field of the Tatar language, literature, history, archeology, regional studies were implemented. In the 1990s–2010s, a large number of fundamental scientific projects in the field of the Tatar language, literature, history, archeology, regional studies were implemented. Here are just some of the most ambitious scientific projects: the multivolume «Tatar Encyclopedia» (in 6 volumes), «History of the Tatars» (in 7 volumes), «Tatar grammar» (in 3 volumes), «Explanatory Dictionary of the Tatar Language» (in 6 volumes), multivolume academic collected works of the classics of Tatar literature (G. Tukaya, G. Iskhaki, G. Ibragimov), «History of Tatar Literature» (in 8 volumes), etc.

Scientists-archaeologists, together with historians, have made a significant contribution to determining the time of the founding of Kazan and Yelabuga, which made it possible to celebrate the 1000th anniversary of these cities. Their research contributed to the inclusion of the monuments of the ancient cities of Bolgar and Sviyazhsk in the UNESCO World Heritage List.

I would especially like to note the in-depth work on the study of the historical and cultural heritage of the Tatars living outside of Tatarstan. Our scientists conduct archaeological, ethnographic expeditions to the places of compact residence of the Tatars in the Russian Federation and abroad. Historical and archaeological study of medieval Turkic-Tatar cities in the Astrakhan, Volgograd, Ryazan, Saratov, Ulyanovsk regions, in the republics of Kalmykia, Crimea, Mongolia, etc. changes the understanding of the ancient history of our ancestors.

It is difficult to imagine the development of Tatar studies at the Academy of Sciences without scientific contacts and interactions with scientists studying the language, history, literature, and art of the Tatars in the regions of Russia and abroad. Such contacts take place constantly within the framework of conferences and forums of Tatar scientists.

One of the goals of the conference «Tatar Studies in a Situation of a Paradigm Change: Theory, Methodology, Practice» is to create a permanent discussion platform that brings together Tatar scholars. The geography of Tatars' residence is extensive. The second largest nation in Russia, Tatars live compactly in many constituent entities of the Russian Federation. There are many of our compatriots abroad – in the countries of near and far abroad. In this regard, I would like to express my deep gratitude to our foreign colleagues who responded to the invitation and sent their articles. Your experience is extremely interesting for the scientists of the Academy of Sciences.

I am sure that this conference will contribute to the formation of new knowledge and methods in the field of Tatar studies, and the discussions that have unfolded on its platforms will help determine further prospects for Tatar studies.

*Myakzyum Salakhov,
President of Tatarstan Academy of Sciences*

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ И РАЗВИТИЕ ТАТАРОВЕДЕНИЯ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

УДК 930.2:94 (575.2) (04)

ИСТОРИОГРАФИЯ ТАТАР КЫРГЫЗСТАНА

А. Р. Бикбулатова, С. Р. Бикбулатова

*Кыргызский Национальный университет имени Ж. Баласагына
(Бишкек, Кыргызстан)*

Азиатский медицинский институт имени С. Тентишева (Кант, Кыргызстан)

В статье рассматривается историография изучения истории татар Кыргызстана в постсоветский период. Дается анализ работ по новому оценивающих деятельность купцов, переводчиков, проводников караванов, учителей из числа татар в досоветский период. Появляются комплексные работы посвященные демографии, языковому поведению, межлитературным связям, истории татар страны в годы независимости.

Ключевые слова: Историография, татары, Кыргызстан, история.

The article is discussed the historiography of the study of the history of the Tatars of Kyrgyzstan in the post-Soviet period. It has given analysis works on the new assessment of the activities of merchants, translators, caravan guides, teachers from among the Tatars in the pre-Soviet period. New complex of researches is beginning to devoted to demography, linguistic behavior, interliterary relations, the history of the country's Tatars during the years of independence.

Key words: Historiography, Tatars, Kyrgyzstan, history.

В постсоветский период, историография татар Кыргызстана обусловлена кардинальными политическими переменами в стране, связанными с деидеологизацией, исчезновением «запретных» тем, широким доступом к архивным документам и материалам, открывшими перед научным сообществом новые исследовательские перспективы. В связи с этим, расширилась методологическая база исследований, ранее ограничившаяся марксистским подходом [1: 22]. Эти обстоятельства способствовали появлению новых работ, в корне отличающихся от работ советского периода. Исследователи на основе архивных документов и др. материалов стали из другого ракурса смотреть, анализировать и делать выводы о процессе присоединения края к Российской империи, на аграрную политику, на этнокультурные процессы, происходившие в крае в досоветский и советский периоды. К ним можно отнести работы М. В. Плоских [2: 35], Д. Б. Сапаралиева [3: 40], Е. Н. Хелимского [4: 46], Т. К. Кененсариева [5: 23], И. Ю. Бартеневой [6: 11], А. Л. Салиева [7: 39] и мн. др.

Академик АН Кыргызской Республики М. В. Плоских [9: 35], историк Д. Сапаралиев [10: 40] на основе архивных материалов, показали роль татар в азиатских миссиях России в Среднюю Азию (не только в Кыргызстан), в качестве купцов, переводчиков и проводников караванов, а также в установлении первых дипломатических отношений. Они особо отмечают историческую роль Абдрахмана Нурмаметова, Муслюма Агафеева, Файзуллы Сейфулина и других представителей татарского народа, в установлении дипломатических отношений России с кыргызами. Авторы подчеркивает о доверии кыргызов к татарам, как к единоверцам, о возможности общаться с ними на едином тюркском языке, а также о принятии кыргызами татар как представителей царской власти. Работы выше указанных авторов концептуально отличается от аналогичных трудов советского периода. Фактологическая насыщенность, безупречная логика и основательная научная база является отличительной чертой данных работ.

Т. Кененсариев [11: 23] изучая земельную, переселенческую, торгово-промышленную политику самодержавия в Кыргызстане отмечает о том, что еще до завоевания Кыргызстана Россией, татары вели активную разъездно-меновую торговлю среди кочевников-кыргызов. Их называли «степными торговцами». Он более конкретно определил «нишу», занимаемую татарами в торговле среди кочевников-кыргызов.

Анализируя историю судебной политики царизма в кочевых регионах Туркестана А. Л. Салиев [12: 39] дает оценку влиянию мусульман – татар на судопроизводство кочевых народов Туркестана.

И. Ю. Бартенева [13: 11], исследуя переселенческое движение в Кыргызстане, раскрыла изменившееся отношение царских властей к татарам после присоединения края в состав Российской империи. Об их мерах по ограничению их влияния на местное население. В советский период, затрагиваемые национальные вопросы, столь открытая критика колониальной переселенческой политики Российской империи, было бы невозможным. Об этих проблемах стали открыто писать лишь в постсоветский период.

В постсоветский период, предпринимаются попытки переоценки деятельности татарской бригады, более детального изучения его истории и личностей, принимавших участие в составе данной бригады в победе и установлении Октябрьской революции в Средней Азии, а также на юге Кыргызстана. Данная тема стала объектом исследования Норихиро Наганавы (Norihiro Naganawa) ученого Центра славянских и евразийских исследований Университета Хоккайдо (Япония), а также А. Р. Бикбулатовой и Т. М. Аюпова [14: 14].

В годы независимости исследователи И. Б. Молдобаев [15: 32,33], С. А. Мамытов [16: 31], А. Р. Галимова [17: 20], С. К. Алымкулова [18: 7], Т. О. Бейшеналиев [19: 12] выбрали объектом своих исследований этногенетические и культурные связи татар с кыргызами. И. Б. Молдобаев, в своей работе используя в качестве источника кыргызские эпосы, приводит интересные научные сведения о взаимосвязях кыргызов с этническими объединениями Поволжья, Волго-Урала, Северного Кавказа и Крыма [20: 32]. Также, он отмечает наличие в эпосе «Манас» синонимов этнонима «татар» – «ногой», «ак-ногой», «кара-ногой», «сары-ногой». Автор не дает каких-либо пояснений к такой дифференциации татар в фольклоре кыргызского народа. Но, в целом на основе анализа материалов устного народного творчества, этнонимов И. Б. Молдобаеву удалось доказать существовавшие длительные связи между татарами и кыргызами, а также привести неопровержимые доказательства об их участии в этногенезе друг друга.

Ученые-филологи С. А. Мамытов [21: 31], А. Р. Галимова [22: 20] изучая кыргызско-татарские литературные связи, взаимодействие поэзии двух народов, опираясь на материалы фольклора, межлитературные, поэтические контакты установили глубокие этногенетические связи, уходящие в глубину веков.

Анализ динамики численности татар Кыргызстана со второй половины XIX до начала XXI века, можно проследить в научных исследованиях ученых Г. К. Кронгардта [25: 24], В. Плоских [26: 36], Н. Х. Кумской [27: 27], А. Т. Кушубекова [28: 28], А. Р. Бикбулатовой [29: 19]. Они проводят сравнительно-сопоставительный анализ количественных и качественных изменений татар в составе населения.

Определенный научный интерес вызывают работы исследователей постсоветского периода, изучающие дореволюционную систему образования Кыргызстана. Они повсеместно отмечают огромную роль татарской интеллигенции в системе образования Средней Азии, в том числе и в Кыргызстане. В их трудах заметны отдельные позитивные перемены в анализе системы образования данного периода, раскрытии природы джадидизма и становления светского образования. Авторы рассматривают джадидизм как идеологию религиозного и национального обновления, модернизации общества и жизни мусульман. К числу наиболее значимых работ можно отнести исследования А. А. Машкевича [30: 30], А. Э. Кубатовой [31: 25], А. Табышалиевой [32: 41], М. Асипбаевой [33: 8], А. Р. Бикбулатовой [34: 15, 18] и др.

А. Табышалиева [35: 41] дала определенную оценку данному процессу. Автор пишет: «Волжские татары, ознакомившись с европейской культурой становятся просветителями своих туркестанских единоверцев. В конце XIX – нач. XX в., инициатива распространения и упрочения исламской веры среди кочевых народов, принадлежала татарам. Именно в среде татарской интеллигенции Крыма, Поволжья и Урала зародилась реформаторское движение – джадидизм, содержащее идеи мусульманского единства народов Российской империи».

Исследователь А. Э. Кубатова [36: 25] рассмотрела джадидизм в Туркестане, как источник формирования народно-освободительного движения в регионе. Основное отличие данной работы заключается в том, что она совершенно справедливо, дает диа-

метрально противоположную оценку джадидизму, чем в советское время. Автор подчеркивает большую роль татарской интеллигенции в распространении этой идеи в регионе. Ей удалось раскрыть общественно-политическую деятельность просветителей джадидистов. Работа насыщена архивными документами и материалами, которые впервые введены в научный оборот.

М. Асипбаева [37: 8] анализируя систему образования северного Кыргызстана в конце XIX начале XX веков, акцентирует внимание на светской системе образования и подчеркивает роль татарской интеллигенции.

Особый интерес вызывают работы авторов С. Н. Абдуллаева [38: 1], Ж. А. Мамашевой [39: 29], А. Р. Бикбулатовой [40: 16,19], отражающие языковое поведение татар в Кыргызстане. Они отмечают общие тенденции присущие языковому поведению татар на всей территории страны, о сокращение доли татар, владеющих родным языком, о широком применении русского языка, а также о степени владения татарами кыргызским, узбекским языками.

В постсоветский период возрос интерес исследователей к истории татар г. Пишпек. К ним относятся труды краеведа В. Г. Петрова [41: 34], историка Т. М. Аюпова [42: 9]. Известно, что в XIX – начале XX в. в Пишпекке, рядом с Центральным рынком компактно жили татары и башкиры, образуя особую «татарскую» слободу (махалля). Ныне это часть улицы Пушкина г. Бишкек. В Пишпекке была не только Татарская улица, но и Исаковская (нынешняя Московская) названная по имени Исаака Даульбаева – пишпекского купца, приложившего много усилий по благоустройству города.

В советский период научные темы, изучающие этно-локальные особенности тех или иных народов, не соответствовали действующей на тот момент идеологии. Развал СССР, образование новых, национальных государств и др. политические преобразования привели к усилению национального самосознания. В результате появляются научные исследования, направленные на изучение истории этнических групп, их самоидентификации, материальных и духовных отличий и т.д. На этой волне, появляются исследования и о татарах Кыргызстана. Одним из первых фундаментальных, комплексных работ по истории татар и башкир Кыргызстана, написанных в постсоветский период, является работа А. П. Яркова «Татары и башкиры в Кыргызстане: Историко-культурный портрет» [44: 47]. В данной работе автор, на основе глубокого научного анализа, показывает время и основные причины переселения татар на территорию страны. Он подробно останавливается на кыргызско-татарских этнокультурных связях, анализирует роль татарского языка в крае, до момента присоединения к Российской империи, рассматривает их вклад в развитие системы образования в регионе. Автор раскрыл роль татар в распространении идеи И. Б. Гаспринского в Кыргызстане, и их активное участие в социальных катаклизмах начала XX века. Исследователь показал вклад ученых и исследователей Татарстана в научное изучение края. Таким образом, А. П. Яркков в своих научных изысканиях подходит к проблеме изучения данной проблемы с исторической точки зрения, однако, вопросы этно-демографического, социального развития татар, автором не были рассмотрены.

В Кыргызстане, на волне роста этнического самосознания, в местах массового проживания, татары стали объединяться в общественные организации. Только в Бишкеке таких организаций четыре: ООТБКЦ «Туган тел» Ассамблеи народа Кыргызстана, Общественное объединение «Союз татар Кыргызстана «Бердэмлек», Кыргызско-татарское общество дружбы и сотрудничества, Организация крымских татар «Ветанымыз Кырым». Также, подобные организации были созданы в областях и районах. По инициативе активистов и вышеуказанных организаций в Кыргызстане, были проведены более десятка научно-практических конференций [45: 42, 43]. Одна из первых научно –практических конференций организованная татарской интеллигенцией Кыргызстана состоялась в Бишкеке 24 апреля 1993 году на тему: «Татарский народный эпос «Идегей» и современность», в том же году 14 ноября совместно с ТБКЦ «Туган тел» и Институтом истории и НАН КР была организована следующая «Татары в Кыргызстане» (1993 г., г. Бишкек), 12 марта 1994 года состоялась научно-практическая конференция на тему: «Золотой Орде 750 лет», в год 1000 летия эпоса Манас в апреле 1995 г. «Вклад татарских ученых в манасоведение», в КРСУ в конце декабря 1998 г.

состоялась конференция «Татары Кыргызстана в XXI веке», по окончании, которых изданы сборники материалов. В докладах отражается роль татар-переселенцев в становлении и развитии региона, их вклад в социально-экономическое развитие, просвещение и культуру. На основе достоверных документальных фактов и воспоминаний очевидцев, в материалах воссозданы события разных периодов жизни татаро-башкирской диаспоры Кыргызстана. Данные материалы содержат богатый фактологический материал для дальнейших исследований проблем развития татар Кыргызстана.

Ежегодно, более десяти лет подряд в Бишкеке проводятся конференции по инициативе доктора медицинских наук, профессора Р. К. Усманова [47: 44] и Л. Ш. Сайдашева [46: 38] «Медики-татары в Кыргызстане». По итогам конференций издаются сборники материалов, где большое место занимает автобиография, трудовая деятельность медиков татар и башкир.

Благодаря возросшей активности татаро-башкирских общественных организаций в республике начали издание газеты «Туган тел» и журналов «Нур» и «Ирэк» (1996–1999 гг.) – печатного органа ООТБКЦ «Туган тел» Ассамблеи народа Кыргызстана, где были опубликованы статьи посвященные истории татар страны, материалы автобиографического характера, сведения о ветеранах Великой Отечественной войны и труда, о жизни и быте татарских семей, о межэтнических браках и т.д. Публикации данного журнала не носили собственно научного характера и были представлены, прежде всего, публицистическими и журналистскими работами. Несмотря на это, выпуск периодических изданий, проведение научно-практических конференций свидетельствует, во-первых, о росте этнического самосознания татар Кыргызстана в постсоветский период. Во-вторых, материалы периодической печати, конференций служат фактологическим материалом для исследования татарской этнодисперсной группы.

В этот же период были изданы работы, посвященные татарам, выдающимся личностям Кыргызстана – Нагиме Абдулвалиевой [48: 10, 4, 5], Халилу Ахмедовичу Рахматулину [52: 13], Роберту Хасановичу Уразгильдееву [53: 45] и другим.

Также в постсоветский период на основе этносоциологических исследований, проведенных среди татар Кыргызстана в 2009, 2011 годах, были опубликованы работы А. Р. Бикбулатовой, отражающие историю формирования татарской диаспоры в Кыргызстане ее расселение, социально-культурное развитие этнодисперсной группы татар в стране [54: 15–19].

Таким образом, историография изучения татар Кыргызстана постсоветского периода богата новыми архивными материалами, лишена идеологического давления и марксистско-ленинской методологии, отличается применением новых современных методов исследования, новым взглядом и подходом к данным историческим проблемам. Эти обстоятельства способствовали появлению трудов, детально рассматривающих ключевые моменты истории татар на территории Кыргызстана:

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдуллаев С. Н. Вопросы языковой жизни татар города Каракол // Тез. и мат. межд. научно-теорет. конф. по филол. наукам, посв.1000-летию эпоса «Манас» и памяти проф. К. Тыныстановна 16–17 октября г. Каракол, 1995. – Каракол, 1995. – С. 54–60.
2. Абдулвалиев Р. Ш. Хамза из Мачкары, дед Чингиза. – Бишкек, 2013. – 91 с.
3. Абытов Б. К. Выдающиеся личности города Ош. – Ош, 2000. –147 с.
4. Айтматов И. Т. О роли татарских женщин в формировании кыргызской интеллигенции в 20–30-х годах XX века // Материалы международной конференции. Татары в истории Киргизии. Прошлое и современность. г. Бишкек, 6 июня 2009г. – Бишкек, 2010. – С. 159–165.
5. Айтматова Р. Белые страницы истории (мои воспоминания). – Бишкек, 2013. –268 с.
6. Акунов К. Тамга тарыхы. Санжыра, тарых. – Бишкек: Бийиктик, 2010. – 160 б.
7. Алымкулова С. К. Кыпчаки в составе тюркских народов (этнополитические аспекты): Дис... докт. ист. наук / С. К. Алымкулова. – 07.00.07. –Бишкек, 2014. –313 с.
8. Асипбаева М. Б. XIX кылымдын аягы – XX кылымдын башындагы Түндүк Кыргызстандагы агартуунун абалы: Тарых илим. канд. дис. / М. Б. Асипбаева. – 07. 00. 02. –Бишкек, 2014. –177 б.
9. Аюпов Т. М. Некоторые аспекты формирования башкирской диаспоры Киргизии в дореволюционный период. // Известия АлтГУ. Исторические науки и археология. – Барнаул, 2019. № 2 (106) – С. 13–17.
10. Байрамова Ф. Ана. – Казань, 2015. – 178 с.
11. Бартенева И. Ю. Истоки переселенческого движения в Кыргызстан (вторая половина XIX – начало XX века) – Бишкек: Илим, 2010. – 199 с.

12. Бейшеналиев Т. О. Гибель Ойратского государства Татар и переселение кыргызов на Тянь-Шань // Кыргыздардын теги. – Бишкек, 1995. – С. 23–28.
13. Биздин Рахматулин / Түз.: Ж. М. Койчуманова, К. Ы. Абдыбаева. – Бишкек: Текник, 2017. – 90 б.
14. Бикбулатова А. Р., Аюпов Т. М. Роль 1-й отдельной приволжской татарской стрелковой бригады в упрочнении Советской власти на юге Кыргызстана // Актуальные проблемы истории Кыргызстана. Материалы республиканской научной конференции, посвященной 80-летию проф. Атокурова С. А. – Бишкек, 2013. – С. 142–148.
15. Бикбулатова А. Р. Новометодные школы в Кыргызстане и татары просветители // Вестник КНУ им. Ж. Баласагына. – Бишкек, 2014. – Вып. 5. – С. 182–185.
16. Бикбулатова А. Р. Этноязыковое поведение татар Кыргызстана. По материалам этносоциологического исследования 2009 г. // Вестник КНУ им. Ж. Баласагына. – Вып. 1. – Бишкек, 2012. – С. 52–58.
17. Бикбулатова А. Р. Рост уровня образования татар Кыргызстана. // Приволжский научный вестник. – 2016. – № 2 (54) – С. 74–84.
18. Бикбулатова А. Р. Татары просветители и их роль в распространении джадидизма // Вестник КНУ им. Ж. Баласагына. – Бишкек, 2014. – Вып. 5. – С. 185–190.
19. Бикбулатова А. Р. Татары Кыргызстана / Аниса Бикбулатова. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2020. – 239 с., ил.
20. Галимова А. Р. Литературные связи киргизской и татарской поэзии конца XIX – первой половины XX в. – Бишкек: Изд-во КРСУ, 2015. – 142 с.
21. Жумашова Г. С. Таш – Көмүр шаарынын тарыхы (1918–2009-жж.): Тарых илим. канд. дис. ... / Г. С. Жумашова. – 07.00.02. – Бишкек, 2012. – 202 б.
22. Закиров Р. З. Формирование этнической и культурной идентичности татар в XX веке.: Дис. ... д-ра ист. наук / Р. З. Закиров. – 07.00.02. – Казань, 2007. – 544 с.
23. Кененсариев Т. К. Экономическая политика царского правительства в Кыргызстане во 2-й половине XIX – начале XX в. – Бишкек: [б.и.], 2009. – 288 с.; Кыргызстан оторчулук доорунда (1855–1917) [Текст] / Т. Кененсариев. – Бишкек: MaxPrint, 2019. – 700 б.
24. Кронгардт Г. К. Население Киргизии в последней трети XIX – начале XX века.: По материалам северных районов / Г. К. Кронгардт; отв. ред. Н. В. Алексеенко; АН Кирг. ССР, Ин-т ист. – Фрунзе: Илим, 1989. – 247 с.
25. Кубатова А. Э. Кыргызстандагы жадидчилик кыймылы (1900–1916) / А. Э. Кубатова, жооптуу ред. т.и.д., проф. А. Джуманалиев. – Бишкек, 2012. – 204 б.
26. Кулова Э. К. История г. Талас. (1877–2010): Дис. ... канд. ист. наук / Э. К. Кулова. – 07.00.02. – Бишкек, 2016. – 175 с.
27. Кумскова Н. Х. Динамика татарского этноса Кыргызстана в постсоветский период // Материалы международной научно-практической конференции. г. Бишкек 2009. Татары в истории Киргизии. Прошлое и современность. – Бишкек, 2010. – С. 152–156.
28. Кушубеков А. Т. Трансформация этнического состава населения Кыргызстана в XX веке.: Дис. ... канд. ист. наук / А. Т. Кушубеков. – 07.00.07. – Бишкек, 2012. – 172 с.
29. Мамашева Ж. А. Языковое положение татарского этноса в городе Каракол [Электронный ресурс]. – Режим доступа: – http://nbisu.moy.su/_id/32/3212_ISUMAMASHEVA201.pdf. – Загл. с экрана.
30. Машкевич А. А. Философские идеи деизма в мировоззрении Исмаила Гаспринского: Автореф. дис. ... д-ра филос. наук / А. А. Машкевич. – Бишкек, 2004. – 36 с.
31. Мамытов С. А. Кыргызско-татарские литературные связи второй половины XIX–XX веков. – Бишкек: «Мурас», 1999. – 178 с.
32. Молдобаев И. Б. Этнокультурные связи кыргызов в средневековье. – Бишкек, 2003. – С. 16–29.
33. Молдобаев И. Б. Эпос «Манас» и его значение для изучения этнокультурных связей кыргызов с башкортами и татарами. – Бишкек: «Манас-1000», 1995. – 180 с.
34. Петров В. Г. Пишпек исчезающий (1825–1926). – Бишкек, 2005. – 101 с.
35. Плоских В. М. Роль татар в становлении киргизско-российских отношений // Материалы международной научно-практической конференции. г. Бишкек 2009. Татары в истории Киргизии. Прошлое и современность. – Бишкек, 2010. – С. 160–167.
36. Плоских В. М. Этно-социальная ситуация в Кыргызстане в конце XIX – начале XX в. (исторический аспект). – Бишкек, 2015. – 342 с.
37. Рыскулов Т. История города Каракола (1869–1918 гг.): Дис. ... канд. ист. наук / Т. Рыскулов. – 07.00.02. – Бишкек, 1994. – 224 с.
38. Сайдашев Л. Ш., Кошмуратов А. Г. Медики-татары и башкиры – в истории здравоохранения Кыргызстана. – Бишкек, 2015. – 120 с.
39. Салиев А. Л. Очерки истории судебной политики царизма в кочевых регионах Туркестана (по архивным, правовым и иным материалам) / А. Л. Салиев; отв. ред. П. П. Литвинов. – Бишкек, 2014. – 431 с.
40. Сапаралиев Д. Б. Взаимоотношения кыргызского народа с русским и соседними народами в XVIII в. – Бишкек: Илим, 1995. – 127 с.
41. Табышалиева А. Вера в Туркестане: Очерк истории религий Средней Азии и Казахстана. – Бишкек: «Аз-Мак», 1993. – 158 с.
42. Татары в истории Киргизии: прошлое и современность // Материалы Межд. научно-практ. конф. г. Бишкек, 6 июня 2009 г. – Бишкек, 2010. – С. 159–164.

43. Татары и башкиры в Кыргызстане // Материалы научно-практической конференции, посвященной 1000-летию Казани и 200-летию Казанского университета / Под. ред. С. Усманова. – Бишкек: Изд-во КРСУ, 2005. – С. 95–101.

44. Усманов Р. К. Медики-татары в Кыргызстане. Татары в истории Киргизии: прошлое и современность // Материалы Международной научно-практической конференции. г. Бишкек, 6 июня 2009 г. – Бишкек: Изд-во КРСУ, 2010. – С. 114–117.

45. У истоков национального балета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: //etref.ru/kniga-publikuetsya-s-pisemennogo-razresheniya-g-h-urazgileddev.html? page=8. – Загл. с экрана.

46. Хелимский Е. Н. Массовые источники по истории крестьян –переселенцев в Средней Азии в конце XIX –начале XX в. – Бишкек, 1998. – 125 с.

47. Ярков А. П. Татары и башкиры в Кыргызстане: историко-культурный портрет. – Бишкек, 1996. – Ч. 1. – 117 с.

УДК 930.253

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Г. ИБРАГИМОВА В ТАТАРСКОЙ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ АКАДЕМЦЕНТРА НА СТРАНИЦАХ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ

Г. Н. Зайнеева

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ (Казань)

В статье дается краткий обзор документов татарской редакционной коллегии Академцентра, хранящихся в Государственном архиве РТ.

Ключевые слова: Г. Ибрагимов, Академцентр, протокол, татарская редколлегия.

The article gives a brief overview of the documents of the Tatar editorial board of the Academic Center, stored in the State Archive of the Republic of Tatarstan.

Key words: G. Ibragimov, Academic Center, protocol, Tatar editorial board.

Как известно, Академцентр был создан для того, чтобы осуществлялось руководство и координация научно-исследовательской, научно-педагогической, художественной, музейно-архивной и переводческой деятельности в республике. Председателями Академического центра в разные годы были: Г. Г. Максудов (1922–1924), Г. Г. Ибрагимов (1925 – март 1927), М. Х. Тагиров (март 1927–1928), С. С. Атнагулов (1929–1930).

Наиболее плодотворным в деятельности Академического центра стал период, когда его возглавлял выдающийся татарский писатель и ученый Г. Г. Ибрагимов. Вся работа фиксировалась протоколами, выписками, отчетами, которые по сей день хранятся в Государственном архиве Республики Татарстан. В работе Академического центра принимали участие известные ученые: Е. И. Чернышёв, В. В. Егерев, Н. Н. Фирсов, Г. Ф. Линцер, П. М. Дульский, М. Г. Худяков, Г. С. Губайдуллин, М. Х. Курбангалеев, Х. Бадиги, Г. Х. Алпаров, Г. Рахим, Дж. Валидов, М. А. Фазлуллин, Н. С. Надиев и др.

В состав Академцентра входили научно-педагогическая комиссия, татарская редакционная коллегия, русская редакционная коллегия, редакционная коллегия национальных меньшинств, отдел по делам музеев и охраны памятников старины, бюро краеведения. В Государственном архиве Республики Татарстан в фонде Р-3682 хранятся протоколы заседаний русской и татарской редакционной коллегий Академцентра Наркомпроса ТАССР. Г. Ибрагимов сам являлся членом и русской, и татарской редколлегий. Он участвовал в обсуждении поступивших рукописей, нередко выступал в качестве рецензента. К примеру, в протоколе № 22 от 7 мая 1925 года слушалась рецензия т. Тенчурина и Ибрагимова о пьесе «Ялгыз» («Сирота») в 4-х действиях, постановили о необходимости издать по внесению некоторых исправлений. На заседании от 14 мая 1925 года (протокол № 23) рассматривался вопрос об издании пьесы тов. Исянбет и заявление тов. Ибрагимова о необходимости дополнений библиотеки татарской литературы. В результате, решено дополнить библиотеку произведениями Кулахметова, Наки Исянбет и Тагирова. В протоколе № 27 (от 18 июня 1925 г.) слушали устную рецензию тов. Ибрагимова о произведении тов. Г. Саади «Язык, литература и письменность в человеческом мире и их историческое развитие». Со слов Ибрагимова: «Объем этой книги 13–14 печ. листов. Характер труда научно-исторический. Она может

служить пособием для школ II-й ступени и высших учебных заведений. Есть в книге несколько растянутых и нуждающихся в сокращении места. Недостает в ней клише и имеются слабые клише, заимствованные из вторых рук. Необходимо издать ее, как учебное пособие. Эта книга не история литературы, а введение к ней и потому не будет повторением ранее изданных книг, а дополнением к ним». Там же постановили издать книгу. Например, в протоколе №28 от 3 июля 1925 года слушая рецензию (устную) тов. Ибрагимова о труде тов. Алпарова «Основы татарской грамматики», постановили включить в план 1925–26 года, с добавлением введения о разработке тюрко-татарской грамматики.

Такие вопросы поднимались и до его назначения председателем Академцентра. Например, письменная рецензия Г. Ибрагимова на книгу Г. Губайдуллина и Г. Рахима «История татарской литературы» (протокол № 10 от 27 июня 1922 года), где постановили: «Труд Г. Губайдуллина и Г. Рахима «История татарской литературы» признан удовлетворительным и приемлемым к печати с поправлениями и дополнениями, указанными в рецензии Г. Ибрагимова, при чем 3-я книга I-го тома древнего периода этого труда должна быть отпечатана в первую очередь; а 1-ая и 2-ая книги I-го тома древнего периода будут отпечатаны после необходимых поправок при первой технической возможности». В последующем, после поправок на заседании татредколлегии от 4 мая 1923 года, принято решение «принять к печати».

В годы председательства Г. Ибрагимова происходили значимые события в истории татарского общества. Например, обсуждение вопроса об ознаменовании столетия рождения Каюма Насыри (протокол № 12 от 10 февраля 1925 года), где постановили: 1. в день столетия организовать широкое открытое собрание, посвященное ознакомлению публики с личностью Каюма Насыри, выяснению его роли и разбору его трудов; 2. обратиться в Коллегию Наркомпроса с ходатайством об открытии стипендии имени Каюма Насыри в Институте журналистики; 3. назвать именем Насыри улицу 4-х Евангелистов; 4. обратиться в соответствующие учреждения об ознаменовании этого дня; 5. составление комиссии по проведению дня столетия поручить Академцентру.

В 1925 году президиумом Академцентра поднимался вопрос об ознаменовании пятилетия ТАССР (протокол № 20 от 9 апреля 1925 г.). «Президиум Академцентра постановил ознаменовать пятилетие АТССР выпуском двух иллюстративных сборников краеведческих материалов объемом приблизительно в 20 листов каждый, один из сборников будет издан на татарском, а другой – на русском языке. Составление программы сборников поручено тов. Ибрагимову. Кроме этого специальная комиссия по ознаменованию пятилетия АТССР находит необходимым издание на татарском и русском языках сборника отчетно-итогового характера «За пять лет» – тоже в 15–20 печ. листов». В итоге вынесли постановление: «издать два сборника: Научно-исторические материалы по Татарии и «За пять лет» – сборник отчетно-итогового характера. Оба на татарском и русском языках и оба приблизительно в 20 листов каждый». В результате под редакцией Ибрагимова были выпущены запланированные сборники: «За 5 лет. 1920–1925» (на татарском и русском языках) и «Материалы по изучению Татарстана».

В 1926 году прошел I Тюркологический съезд в Баку. Подготовка к съезду была начата задолго: была образована комиссия, выступающие, программа съезда, темы докладов и т.д. В этом же фонде имеются протоколы о составе делегации, сведения о делегации татарских ученых, о реализации постановлений съезда (по вопросу об изучении истории, по языку, по этнографии, о шрифте, об орфографии, по терминологии, по преподаванию родного языка, по краеведению). Имеется подготовленный отчет об участии делегации татарских ученых в работе I тюркологического съезда, где указывается, что проведены отчетные доклады, дана широкая информация через печать, Академцентром издан сборник, посвященный съезду, приняты меры по реализации постановлений съезда.

Имеются доклады отчеты по деятельности Академцентра за тот или иной период. Например, в протоколе № 28 от 13 марта 1925 года представлен доклад Галимджана Ибрагимова на открытом расширенном заседании коллегии Наркомпроса АТССР о деятельности Академического центра, где речь идет о деятельности Академцентра с 1 октября по 1 марта 1924–1925 гг. и перспективной части. Там же указывается, что

деятельность Академцентра охватывает 4 области: редакционная, научно-педагогическая, научная и краеведческая, область татарского искусства. По каждому отдельно предоставляется подробный отчет, в конце протокола имеются и вопросы-ответы докладчику. Поднимались вопросы о народном образовании, о руководстве научными работами, о шрифте и орфографии, об антирелигиозной агитации и др. Об отчете об участии делегации татарских ученых в работе I тюркологического съезда говорилось выше.

Г. Ибрагимов как писателя волновал вопрос об ассоциации татарских литераторов (протокол № 32 заседания коллегии отдела печати от 9 февраля 1927 года, ГА РТ, ф. П-15, оп. 2, д. 446): «Цель: организация и руководство новыми молодыми силами, поднятие квалификации литераторов, изучение различных литературных течений, урегулирование трудовых отношений между издательствами и литераторами, т.к. русских здесь мало, поэтому они будут объединяться в особой секции и также необходимо будет установить связь с другими организациями». В последующем 27 октября 1928 года и будет создана ассоциация татарских пролетарских писателей.

Деятельность писателя, общественного деятеля Г. Ибрагимова судя по архивным документам была непростой, отчеты, конференции, съезды, юбилейные события, доклады, планы и т.д., все это требовало его присутствия, его работы, его выступлений. Все вопросы решались в коллегиях и выполнялись по постановлениям. Документы, касающиеся деятельности Г. Ибрагимова отдельными книгами издавались в 2000 году (Г. Ибрагимов. Сочинения. 9 том. Письма и документы. Составитель Ф. Ибрагимов), в 2012 году (Галимджан Ибрагимов: документы и факты; Галимджан Ибрагимов глазами молодых. Составитель М. Х. Ибрагимов) и в 2020 году (Галимджан Ибрагимов – документларда: 2 томда. Составитель Р. Ф. Исламов). На данный момент в печати в издательстве находится 15 том академического издания «Сочинений» Г. Ибрагимова, в котором также представлены автобиографии, письма и документы из источников и в полном объеме.

ЛИТЕРАТУРА

1. Галимджан Ибрагимов. Эсэрләр. 9 том. Хатлар һәм документлар / Тезүче Ф. Ибрагимов. – Казан, 2000. – 464 б.
2. ГА РТ, фонд Р-3682; фонд П-15.
3. Хакимова Л. З. Общественно-политические и исторические взгляды Галимджана Ибрагимов. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2007. – 118 с.

УДК 82

ГЫЙЛЬМИ ҮЗӘК ЭШЧӘНЛЕГЕНДӘ ЯЗМА РУХИ МӘДӘНИЯТ ПРОБЛЕМАЛАРЫ

Р. Ф. Исламов

Татар энциклопедиясе һәм төбәкне өйрәнү институты (Казан)

В данной статье, в основном, на архивных материалах рассматриваются некоторые проблемы татарской письменной духовной культуры в деятельности Академического центра Татнаркомпроса.

Ключевые слова: Комиссариат Народного просвещения Татарстана, Академцентр, Г. Г. Максудов, Г. Г. Ибрагимов, М. Х. Тагиров, С. С. Атнагулов, алфавит.

Mainly on archival materials, some problems of Tatar written spiritual culture in the activities of the Academic Center of Tatnarkompros are considered in the article.

Key words: Commissariat of Public Education of Tatarstan, Academic Center, G. G. Maksudov, G. G. Ibragimov, M. H. Tagirov, S. S. Atnagulov, alphabet.

Татар әдәбиятын тиешле бер тәртиптә өйрәнү, татар мәктәпләре өчен уку-укыту программалары, уку әсбаплары төзү, фәнни-педагогик юнәлештә журналлар нәшер итү мәсьәләсе 1918 елның 10–23 май көннәрендә Казанда үткәрелгән Бөтенроссия мөселман укытучыларының III корылтаенда ук күтәрелә. Моны гамәлгә ашыру өчен Гыйльми һәйәт төзелә. Ул корылтайның 4 май көнне үткәрелгән икенче мәжлес раслаган өченче

көн тәртибе [5] нигезендә башкарыла. Аның дәвамчысы ТАССР Мәгариф халык комиссариатында төзелгән Гыйльми бүлек була. Аннары бу вазифа Гыйльми үзәккә күчә. Аның киңкырлы эшчәнлеген шактый тулы яктырткан хезмәтләр барлыгын истә тотып [44], биредә хезмәтебез темасына караган кайбер моментларга гына тукталып үтү мәгъкуль күрелде.

Гыйльми үзәкнең 1922–1924 елларда рәисе Г. Г. Максудов (1891–1942), 1925–1927 дә – Г. Г. Ибраһимов, 1927–1928 дә – М. Х. Таһиров (1895–1929), 1928–1929 да – С. С. Атнагулов (1893–1938) була.

Анда әдәбият юнәлешендә, нигездә, Г. С. Гобәйдуллин, Г. Рәхим, И. В. Кулиев (1885–1936), Ж. Вәлиди, К. М. Сәгыйдов (1888–1939), Г. Г. Сәгъди (1889–1956), Г. Г. Ходаяров (1891–1966), М. Парсин (1899–1963), Г. Толымбай, М. Г. Мамин (1905–1943), Ф. Сәйфи-Казанлы һ. б. язучылар, әдәбият һәм театр тәнкыйтьчеләре, журналистлар, публицистлар хезмәт куя.

Гыйльми үзәк эшчәнлегә үзенчәлекләренең берсе – ул Татарстан дәүләт нәшриятының эш планнарын төзүдә актив катнаша. Мәсәлән, 1925 елның 5 февральдә уздырган утырышында нәшриятның 1924–1925 елларга эш планына кайбер үзгәрешләр һәм төзәтмәләр керту кирәклегә мәсьәләсе карала. Нәшрият планына өстәмәләрне һәм төзәтмәләрне электә кабул ителгән планга зыян китермичә кертергә, «Татар әдәбияты китапханәсе»нең тәфсилле планын төзү өчен Г. Ибраһимов, Г. Рәхимгә һәм Г. Толымбайга тапшырырга дигән карар кабул ителә [21].

1925–1926 нче ел өчен төзелгән планда татар әдәбиятына бәйле шундый пунктлар бар:

2 – Бу планны төзегәндә тик Татарстан Жәмһүрияте генә түгел, бәлки СССРдагы барлык татар халкының ихтияжы күз алдында тотылып, башка шәһәрләрдәге татарча нәшрият оешмалары белән параллелизмга төшмәү моменты хәтергә алынды. Моның өчен алар белән аерым киңәш ясап, кайбер нәрсәләрне кайда кем тарафыннан бастыру мәсьәләсе аеруча килешүгә калдырылды.

3 – Планга «Кизүдәге мәсьәләләр буенча» дигән бер тармак кертелеп, алдан күреп билгеләү мөмкин булмаган мәзгүләр турында чыгарырга тиеш булыначак эсәрләр менә шуңа керәчәкләр. Әгәр дә тормыш ихтияжы мәжбүр итсә, планда күрсәтелгән кайбер эсәрне икенчеләр белән алмаштыру мөмкин булачак. Бу план, үткән елларныкына караганда бик күп дәрәжәдә киң, зур булганга, моны төзегәндә Татарстан Жәмһүриятенә полиграф куәте хәзерге хәләннән үсәргә-көчәргә тиешлеге күз алдында тотылды. Юкса, бу планны үтәү авырга килчәк.

4 – Эсәрләренең кайберләренең язучылары күрсәтелсә дә, бик күпләр әле кем тарафыннан язылачагы билгеләнмәгән. Оригинал, тәржемә уларақ язарга теләүчеләр бу хакта Гыйльми үзәккә мөрәжәгать итәрләр. Эсәрләренең вакытында чыгуларын тәмин өчен без ноябрь аенда планның төп бүлекләрен тапшырып бетәргә уйлыйбыз. Мөрәжәгатьләр менә шуны игътибарга алып хәзердән бирелсеннәр [3].

Төрле жанрдагы китаплар, брошюралар, программалар бастыру мәсьәләсе Гыйльми үзәк каршындагы Татар редакциясе утырышларында тикшерелеп, матбугатка тәкъдим ителә, яки кире кагыла. Мәсәлән, шул рәвешле 1923 елның 13 февралендә уздырылган утырышта һ. Такташның «Гыйсьян», «Урамда», «Мәңгелек әкият» исемле шигырьләре тупланган жыентыгы Г. Ибраһимовның бәяләмәсен тыңлаганнан соң кабул ителгән карар нигезендә [7] басылып чыга [38]. К. Нәжминен шигырьләр жыентыгы Г. Ибраһимов һәм һ. Такташның бәяләмәләре нигезендә матбугатка тәкъдим итү хакында карар кабул ителә [8]. К. Тинчуринның «Зар» исемле пьесасы иске темага яңача оригиналь эшләнгән, дингә каршы көрәштә зур агитацион әһәмияткә ия дип билгеләнә [9] һәм ул нәшер ителә [42]. Шагыйрь Т. Ченәкәйнең жыентыгы басмага тәкъдим ителә һәм эсәрләре сайлап алу Г. Рәхимгә йөкләнә [10]. Кабул ителгән карар нигезендә [11] Г. Ибраһимовның «Адәмнәр» исемле эсәре дөнья күрә [32]. Шагыйрь һәм драматург К. Әмиринен «Пролетариат моңнары» дигән китабы шулай ук карар нигезендә [12] нәшер ителә [2]. һ. Такташның теле, стиле, техник эшләнеше ягыннан яңача оригиналь башкарылган, эчтәлегә революцион рух белән сугарылган дип бәяләнгән «Давылдан соң» исемле шигырьләр жыентыгы [40], Г. Толымбайның «Кечкенә чакларда» исемле жыентыгы [43] да бастырыла.

Дөрес, кайбер әдәби әсәрләр басмага тәкъдим ителсәләр дә, ниндидер сәбәпләр аркасында басылмый кала. Мәсәлән, 1923 елның 4 маенда уздырылган утырышыта шагыйрь Н. Думавиның «Иблис» дигән китабын Госиздат исәбеннән башка бастырырга дигән карар кабул ителә [13], әмма ул нәшер ителми.

ТАССР Мәгариф халык комиссариатының 1925 елның 13 мартында Гыйльми үзәк рәисе Г. Ибраһимов Гыйльми үзәкнең 1924–1925 елгы эшенә хисап һәм алда башкарыласы бурычлар хакында тәфсилле доклад ясай [14]. Анда шундый бурычлар күрсәтелә:

«Татар әдәбияты китапханәсе» төзү. Моның өчен татар әдәбиятын борынгы ядкярләрдән алып 150–200 басма табак күләмендә нәшер итү мөмкинлекләрен эзләү сорала. Биредә өлкән язучылар гына түгел, ә барлык каләм ияләренә дә урын бирелә. Әсәрләрен китап итеп чыгарырга өлгермәгән башлап язучылар өчен «Яшь язучылар» жыентыгы бастыру карала.

Фикер алышуларда катнашып, Ш. Әхмәдиев татар әдәбияты, теле һәм мәдәнияте мәсьәләләре Татарстан каланчасыннан торып кына хәл итеп булмаячагын белдерә. Бөтен Союзда яшәүче атарларның тиешле ихтыяжларына җавап бирергә һәм Гыйльми үзәк шушы барлык таләпләргә җавап бирергә тиешлеген ассызыклай.

Ниһаять, Гыйльми үзәкнең коллегиясе 1925 нче елның 11 февралендәге утырышында 150–200 табак чамасы күләмендә «Татар әдәбияты көтепханәсе» төзүгә карар кабул итә. Шулай уңай белән Гыйльми үзәк рәисе Г. Ибраһимов һәм сәркәтибе З. Нуркин материал туплау максатында әдипләргә, шагыйрьләргә матбугатта мөрәҗәгать белән чыга. Аерым алганда андай шулай әйтә: «Халык әдәбиятыннан: 1) мөкалльәр, табышмаклар; 2) такмаклар, бәетләр, җырлар; 3) әкиятләр; 4) ноталары белән үк татар-башкорт җырлары (яңа заман җырлары да керәчәк); 5) борынгы татар әдәбиятыннан бишәр табаклы ике китап; 6) Акъегетзадә; 7) Заһир Бигиев; 8) Акмулла; 9) Закир Һади; 10) С. Максуди («Мәгыйшәт»); 11) Г. Исхакый; 12) Фатыйх Кәрим; 13) Г. Камал; 14) Г. Тукай; 15) М. Гафури; 16) Г. Ибраһимов; 17) Ф. Әмирханов; 18) Ш. Камал; 19) К. Тинчурин; 20) Думави, Бәшири, Укмасый (Беренче һәм икенче садалар шунда ук); 21) Сүнчәләй, Дәрдемәнд, С. Рәмиев, Вакыйф Жәлал, Нәкый Исәнбәт, И. Башмаков; 22) Ф. Сәйфи-Казанлы; 23) Ш. Бабич; 24) М. Фәйзи; 25) Г. Рәхим; 26) Г. Газиз; 27) М. Гали, С. Жәләл; 28) Шамил Госманов; 29) Фәтхи Бурнаш; 30) Һади Такташ; 31) Г. Толымбайский; 32) Кави Нәҗми; 33) К. Әмири 34) М. Максуд; 35) Кутуй; 36) яшь язучылар (яшь әдипләрдән сайлап); 37) Гомәр Галиев; 38) революция җырлары («Интернационал», «Марсельеза», «Бәхилләшү» һәм башкалар ноталары белән).

«Татар әдәбияты көтепханәсе» югарыгы исемлек белән генә, әлбәттә, чикләнмәчәк, бәлки яңа яшь куәтләр туу-күтәрелү белән нумир тәртибенчә шуңа өстәләр барылачак.

Хәзерге көндә безнең бурыч – энә шулай рәвешчә, билгеле бер система белән татар әдәбиятын чыгара башлаудыр. Татарстан Жәмһүриятенә нәшрият комбинаты бу өлкән эшкә үзенең беренче нәүбәттәге планына кертте, якин арада чыга башлаячак. Монда югарыгы нумирлар тарих тәртибенчә төзелделәр. Басканда ул тәртип буенча бару, әлбәттә, мәҗбүри түгел. Соңгы нумирларның, жыелып өлгерсә, алдарак чыгуы мөмкин. Бу эштә тоткарлык чыкмасын өчен Гыйльми үзәк әдипләргә, шагыйрьләргә түбәнгә үтенеч белән мөрәҗәгать итә:

Югарыда исемнәре булган язучылар 2–3 битлек кенә рәвештә үзләренең биографияләрен (тормышларын, эшләрен, әсәрләрен) һәм рәсемнәрен җибәрсеннәр иде. Материалның тулылыгы өчен әсәрләре белән берлектә болар кушылып басылачаклар.

Бу материаллар бары да «Казан, Наркомпрос, Гыйльми үзәк» адресы белән «Әдәбият комиссиясенә» дип җибәрелсеннәр» [33].

Татар әдәбияты тарихын өйрәнүгә багышланган фәнни хезмәтләргә эзәрләп бастыру мәсьәләсенә дә зур игътибар бирелә. Мәсәлән, Г. Гобәйдуллин һәм Г. Рәхимнең «Татар әдәбияты тарихы»на Г. Ибраһимовның язма бәяләмәсен карап, әлеге хезмәтнең башкарылышы канәгатьләнеллек дип табыла һәм нәшергә тәкъдим итәргә дигән карар кабул ителгәннән соң [15] басылып чыга [6]. Г. Ибраһимовның «Әдәбият кануннары» дигән хезмәтен яңадан бастыруны туган тел коллективы карамагына тапшырырга дигән карар кабул итә [16]. Г. Сәгъдинең «Татар әдәбияты» исемле китабын хакында бәяләмә 5 сентябрьдә булган утырышыта тыңлаганнан соң, Г. Ибраһимов һәм Г. Рәхим карамагына

тапшырыла [17]. Аның янә «Кешелек дөнъясында тел, әдәбият, язу һәм аларның тарихи үсүләре (гомумән тел-әдәбият тарихыннан)» дигән китабы басылып чыга [36].

Мәктәпләр өчен уку-уқыту әсбапларын нәшер итү дә игътибар үзәгендә була. Әйттик, коллектив тарафыннан төзелгән «Рәсемле әлифба», «Уку китабы. I кисәк», «II баскыч мәктәпләре өчен күчмә хрестоматия» дигән китапларның баштагы икесен нәшер итәргә, өченчәсе тикшерү өчен Ф. Бурнашка тапшырырга дигән кара кабул ителә [18]. Трапезниковның «Как использовать пришкольный земельный участок» исемле китабының Г. И. Динмөхәммәтов (1892–1922) һәм Г. Ибраһимов тәржемәсен яңадан бастыру мәсьәләсе карала [19].

Г. Алпаровның «Шәкли нигездә татар грамматикасы (Телебезне гыйльми тикшерү юлында бер тәжрибә)» исемле китабы 1925–1926 ел эш планына кертелә [20] һәм хезмәт басылып чыга [1].

Татар мәдәниятендә зур эз калдырган шәхесләренә барлау, аларның мирасларын жыйнау-туплау һәм бастыру эшләре дә Гыйльми үзәк каршындагы Татар редакция коллегиясенә көн тәртибендә була. Әйттик, 1922 елның 13 июнендә уздырган утырышында К. Насыйриның вафатына 20 ел тулуны билгеләп үтү хакында Г. Ибраһимовның доклады тыңлана. К. Насыйриның биографиясе буенча материаллар туплау өчен берничә кешене Тәтеш шәһәрәнә һәм Зөя өязендәге Шырдан авылына командировкага жиберергә; Г. Гобәйдуллинга һәм Г. Рәхимгә К. Насыйриның таралган хезмәтләрен жыйнарга һәм аларны сагып алырга дигән карар кабул итә [22].

Бөек мәгрифәтченең тууына йөз ел тулуны билгеләп үтү мәсьәләсе 1925 елның 10 февралендә уздырылган утырышта каралып, бу чарага багышлап зур ачык жылыш үткәргә, Журналистика институтында К. Насыйри исемендәге стипендия булдыруны сорап Татарстан Мәгариф комиссариаты коллегиясенә мөрәжәгать итәргә, Казандагы 4-х Евангелистов урамын Каюм Насыйри исемле белән атарга; бу көнне билгеләп үтү тиешле учреждениеләргә мөрәжәгать итәргә; комиссия төзүне Гыйльми үзәктән сорарга дигән карар кабул ителә [23]. Шулай ук К. Насыйриның жыентыгын төзү эше дә карала [24] һәм ул китап Г. Рәхим карамагында басыла [35].

К. Насыйриның юбилее уңае белән 1925 елның 15 февралендә Гыйльми үзәк тарафыннан Дәүләт татар театрында зур гыйльми жылыш уздырыла. Анда Ш. Әхмәдиев, Г. Ибраһимов, М. Парсин, Г. Рәхим, М. Корбангалиев докладлар белән чыгыш ясып, Н. Максуди, Ф. Әмирхан һәм Х. Вәлиевләр үзләренә истәлекләре белән уртаклаша. Ш. Әхмәдиев Татарстан хөкүмәтенә шундый карарын игълан итә:

1. Мәскәүдәге журналистлар институтында Насыйри исеменә стипендия билгеләргә;
2. Казандагы Евангелистовский һәм Яңа бистәдә Большой Симбирский урамнарны Насыйри исемле белән атарга;
3. Казан татар педтехникумын «Насыйри педтехникумы» дип атарга.
4. Насыйри әсәрләрен сайлап бастырырга һәм аның турында мәжмуга чыгарырга [34].

Бу чараны уздыру К. Насыйриның 1825 елның искечә 2 нче (яңача 15 нче) февралендә туганлыгын ачыклау белән бәйле.

Гыйльми үзәк кулъязма ядкярләренә туплау, аларны фәнни нигездә анализлап янә кулланышка кертү белән дә шөгыйльләнә. Әйттик, 1923 елның 6 мартында уздырылган утырышыта шагыйрь М. Укмасы тарафыннан тапшырылган кулъязмалар хакында Г. Ибраһимов чыгыш ясып һәм Үзәк мөселман китапханәсендә шундый истәлекләренә саклау өчен махсус шкаф булдырырга, матбугатта кулъязмалар жыйнау кампаниясен ачарга тәкъдим итә [25].

Гыйльми үзәк үзенең эшчәнлеген шул чор хаким идеология кысаларында алып бара, әлбәтте. Мәсәлән, Г. Ибраһимов 1922 елның 4 апрелендә уздырылган утырышында ясаган докладында Өлкә комитеты тарафыннан шундый сәяси уку әсбаплары төзәргә тәкъдим итүен белдерә: «Тарихи материализм» – С. Атнагулов, «Рус тарихы» – Ф. Сәйфи, «Фәнни социализм» – Г. Ходаяров, «ВКП(б) тарихы» – Г. Ибрагимов. Тәкъдимне үтәргә дигән карар кабул ителә [26].

1923 елның 8 мартында уздырылган утырышта Г. Ибраһимовның дингә каршы көрәш максатында алты брошюра нәшер итәргә кирәклеген хакында доклады тыңлана

һәм М. Худяковка, Хөснуллинга, И. Рәхмәтуллинга һәм Гомәровка «Динең килеп чыгышы» (2 басма табак), Г. Рәхимгә, Г. Гобәйдуллинга, Г. Шәрәфкә һәм Ж. Вәлидигә «Без ни өчен дингә каршы?» (2 б. т.), Г. Ибраһимовка һәм Ф. Сәйфиғә «Татар тарихында исламның урыны» (3 б. т.), Ф. Бурнашка, Заһриғә, К. Нәжмиғә, Һ. Такташка, С. Жәлалга һәм Ш. Госмановка «Кемнәр алар дин яклылар» (3 б. т.), Ф. Сәйфиғә «Совет Россиясенен диннәр мәсьәләсендә сәясәте» (1 б. т.) дигән брошюралар төзүне тапшырырга һәм Татар-башкорт бюросынан «Татар аларсында Исламның барлыкка килүе» исемле брошюраны кирәкле күләмдә сатып алырга дигән карар кабул ителә [27].

Сәясәти сизгерлек тә үзен белдереп тора. 1923 елның 17 июнендә уздырган утырышында Г. Ибраһимов, рус матбугатында очраган советка һәм революциягә каршы кайбер чыгышларны сәбәп итеп, күптән түгел нәшер ителгән «Известия общества археологии, истории и этнографии»ны таратуны тоткарлап торырга тәкъдим итә. Татаглавлитка әлеге басманы таратуны туктатып торырга, аның алдагы саннарын карауны Ф. Сәйфиғә һәм Г. Гобәйдуллинга йөкләргә дигән карар кабул ителә [30].

1925 елның 9 апрелендә уздырган утырышында ТАССРның бишеллеге унае белән татар һәм рус телләрендә төбәкне өйрәнү буенча иллюстрацияле ике җыентык, шулай ук ике телдә «Биш ел эчендә» дигән җыентык чыгару мәсьәләсе каралып, аның беренчесен эзерләү Г. Ибраһимовка тапшырыла. Ф. Сәйфинен «Авыл хатлары» дигән китабы тәкъдим ителә [31]. «Биш ел эчендә» дигән җыентык та [4], Ф. Сәйфинен китабы да нәшер ителә [38].

Татар язма мәдәниятендә шул чорлардагы иң үзенчәлекләре вакыйгаларның берсе булып алфавит алыштыру мәсьәләсе тора. Әйтергә кирәк, Г. Ибраһимов гамәлдәге гарәп графикасыннан латин хәрәфләренә күчүгә каршы була. Шуңа күрә «Әлифба тәртибенең төрле кешеләр тарафыннан төрлечә йөртелеп, нык урынлашкан бер тәртип булмасы, лөгәт китаплары төзүдә, канун һәм карарларның пунктларын санауда төрлелек керткәнлектән, Татарстандагы бөтен совет учреждениеләрендә, мәгариф эшләрендә һәм матбугатта куллану өчен рәсми итеп татар хәрәфләренен әлифба тәртибе»н булдыру турында махсус карар кабул итә һәм ул матбугатта игълан ителә [41].

Шулай итеп, зур булмаган күзәтүләребездән аңлашылганча, Гыйльми үзәк татар язма рухи мәдәниәте проблемаларының төрле тармакларын хәл итүдә актив эшчәнлек алып барганлыгы ачыклана.

ӘДӘБИЯТ

1. Алпаров Г. Шәкли нигездә татар грамматикасы (Телебезне гыйльми тикшерү юлында бер тәҗрибә). Татарстан Гыйльми үзәк карауында басылды (төзәтелгән икенче басмасы) / Г. Алпаров. – Казан: Татарстан дәүләт нәшрияты басмасы, 1926. – 164 б.
2. Әмири К. Пролетариат моңары / К. Әмири. – М.: «Нәшрият» кооперативы матбағасы, 1926. – 20 б.
3. Башлангыч // Мәгариф. – 1925. – № 9. – Б. II–III.
4. Биш ел эчендә 1920. 25.VI. 1925. – Казан, 1925. – 289 б.
5. Бөтенроссия мөселман укытучыларының өченче корылтае. 1918 ел, 10–23 май, Казан. – «Өмид» ширкәте матбағасы Казанда, 1918. – Б. 7.
6. Газиз Г., Рәхим Г. Татар әдәбияты тарихы. Беренче жилд. Борынгы дәвер. Икенче бүлек / Г. Газиз, Г. Рәхим. – Казан: Татарстан Совет Социалистик Жәмһүриятенә дәүләт нәшр., 1922. – 240 б.; Рәхим Г., Газиз Г. Татар әдәбияты тарихы. Беренче жилд. Борынгы дәвер. Өченче бүлек. 17, 18 һәм 19 гасырларда исеке әдәбият / Г. Рәхим, Г. Газиз. – Казан: Татарстан Совет Социалистик Жәмһүриятенә дәүләт нәшр., 1922. – 184 б.
7. ДБУ «Татарстан Республикасы Дәүләт архивы»: Р–3682 ф., 1 тасв., 311 эш, 6 кәг.
8. ДБУ «Татарстан Республикасы Дәүләт архивы»: Р–3682 ф., 1 тасв., 311 эш, 11 кәг.
9. ДБУ «Татарстан Республикасы Дәүләт архивы»: Р–3682 ф., 1 тасв., 311 эш, 19 кәг.
10. ДБУ «Татарстан Республикасы Дәүләт архивы»: Р–3682 ф., 1 тасв., 311 эш, 79 кәг.
11. ДБУ «Татарстан Республикасы Дәүләт архивы»: Р–3682 ф., 1 тасв., 311 эш, 80 (икенче ягы) кәг.
12. ДБУ «Татарстан Республикасы Дәүләт архивы»: Р–3682 ф., 1 тасв., 694 эш, 1 кәг.
13. ДБУ «Татарстан Республикасы Дәүләт архивы»: Р–3682 ф., 1 тасв., 311 эш, 13 кәг.
14. ДБУ «Татарстан Республикасы Дәүләт архивы»: Р–3682 ф., 1 тасв., 628 эш, 76, 76 (икенче ягы), 77, 77 (икенче ягы), 78, 78 (икенче ягы), 79, 79 (икенче ягы), 80, 80 (икенче ягы) кәг.
15. ДБУ «Татарстан Республикасы Дәүләт архивы»: Р–3682 ф., 1 тасв., 311 эш, 56 кәг.
16. ДБУ «Татарстан Республикасы Дәүләт архивы»: Р–3682 ф., 1 тасв., 311 эш, 58 кәг.
17. ДБУ «Татарстан Республикасы Дәүләт архивы»: Р–3682 ф., 1 тасв., 311 эш, 60 кәг.
18. ДБУ «Татарстан Республикасы Дәүләт архивы»: Р–3682 ф., 1 тасв., 311 эш, 59 кәг.
19. ДБУ «Татарстан Республикасы Дәүләт архивы»: Р–3682 ф., 1 тасв., 311 эш, 46 (икенче ягы) кәг.

20. ДБУ «Татарстан Республикасы Дәүләт архивы»: Р-3682 ф., 1 тасв., 694 эш, 42 (икенче ягы), 43 кәг.
21. ДБУ «Татарстан Республикасы Дәүләт архивы»: Р-3682 ф., 1 тасв., 694 эш, 12, 12(икенче ягы) кәг.
22. ДБУ «Татарстан Республикасы Дәүләт архивы»: Р-3682 ф., 1 тасв., 311 эш, 54 кәг.
23. ДБУ «Татарстан Республикасы Дәүләт архивы»: Р-3682 ф., 1 тасв., 694 эш, 13 кәг.
24. ДБУ «Татарстан Республикасы Дәүләт архивы»: Р-3682 ф., 1 тасв., 694 эш, 22, 22 (икенче ягы) кәг.
25. ДБУ «Татарстан Республикасы Дәүләт архивы»: Р-3682 ф., 1 тасв., 311 эш, 7 кәг.
26. ДБУ «Татарстан Республикасы Дәүләт архивы»: Р-3682 ф., 1 тасв., 311 эш, 51 кәг.
27. ДБУ «Татарстан Республикасы Дәүләт архивы»: Р-3682 ф., 1 тасв., 311 эш, 8 кәг.
28. ДБУ «Татарстан Республикасы Дәүләт архивы»: Р-3682 ф., 1 тасв., 311 эш, 10–10 (икенче ягы) кәг.
29. ДБУ «Татарстан Республикасы Дәүләт архивы»: Р-3682 ф., 1 тасв., 311 эш, 14 кәг.
30. ДБУ «Татарстан Республикасы Дәүләт архивы»: Р-3682 ф., 1 тасв., 311 эш, 89 (икенче ягы) кәг.
31. ДБУ «Татарстан Республикасы Дәүләт архивы»: Р-3682 ф., 1 тасв., 694 эш, 26, 27 (икенче ягы) кәг.
32. Ибраһимов Г. Адәмнәр: Хикәя / Г. Ибраһимов. – Казан: Татарстан матбугат һәм нәшрият комбинаты нәшере, 1923. 50 б.
33. Кызыл Татарстан. – 1925. – 8 март; Мәгариф. – 1925. – № 3. – Б. 120–121; Безнең юл. – 1925. – № 3. – Б. 143.
34. Каюм Насырның туганына йөз ел тулу // Мәгариф. – 1925. – № 1–2. – Б. 171–173.
35. Каюм Насырның монарчы басылмаган әсәрләре. Мәжмуга / Гали Рәхим карамагында. – Казан: Татарстан дәүләт нәшр., басмасы, 1926. – 135 б.
36. Сәгъди Г. Кешлек дөньясында тел, әдәбият, язучуларның тарихи үсүләре (гомумән тел-әдәбият тарихыннан) / Г. Сәгъди. – Казан: Татарстан дәүләт нәшрияты басмасы, 1926. – 246 б.
37. Сәйфи-Казанлы Ф. Татар дине (Татарның иске, яңа диннәре, боларның сыйнфый-икътисади хәлләргә мөнәсәбәте хакында халык өчен язылган) (Төзәтелгән икенче басма) / Ф. Сәйфи-Казанлы. – Казан: Татарстан матбугат һәм нәшрият комбинаты нәшере, 1924. – 50 б.
38. Сәйфи-Казанлы Ф. Журналист кезгесендә авыл хатлары / Ф. Сәйфи-Казанлы. – Казан: Татарстан матбугат-нәшрият комбинаты басмасы, 1925. – 80 б.
39. Такташ Н. Жир уллары трагедиясе. 6 күренештә. Адәм, Хауалар тормышыннан / Н. Такташ. – Казан: Татарстан, 1923. – 102 б.
40. Такташ Н. Давылдан соң / Н. Такташ. – Казан: Татарстан матбугат нәшрияты комбинаты басмасы, 1925. – 80 б.
41. Татар элифбасының тәртібе турында // Мәгариф. – 1925. – № 10–11. – Б. 178–179.
42. Тинчурин К. Зар. Бәни адәм фажиғәсе. Алты пәрдәдә / К. Тинчурин. – Казан: Татарстан матбугат һәм нәшрият комитеты нәшре, 1924. – 144 б.
43. Толымбайский Г. Кечкенә чакларда (Жыентык) / Г. Толымбайский. – Казан: Татарстан матбугат-нәшрият комбинаты басмасы, 1925. – 23 б.
44. Фаттахова Г. А. Деятельность Академического центра Татаркомпроса в 1920-е гг.: Автореф. дис. ... канд. истор. наук / Г. А. Фаттахова; КГУ. – Казань, 2000. – 22 с.; Фаттахова Г. А., Валеев Р. К. Академический центр Татарии: 1920-е годы / Г. А. Фаттахова, Р. К. Валеев. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2002. – 95 с.; Сабирзянов Г. С. Академический Центр (академцентр), структурное подразделение Наркомата просвещения ТАССР в 1921–30 / Г. С. Сабирзянов // Татарская энциклопедия: В 5 т. / Гл. ред. М. Х. Хасанов; отв. ред. Г. С. Сабирзянов. – Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2002. Т. 1: А–В. – С. 73; Сабиржанов Г. С. Гыйльми үзәк (академүзәк), 1921–30 елларда ТАССР Мәгариф халык комиссариатындагы гыйльми оешма / Г. С. Сабиржанов // Татар энциклопедиясе: 6 томда / Баш мөхәррир М. Х. Хасанов; жаваплы мөхәррир Г. С. Сабиржанов. – Казан: «ТР ФАнең Татар энциклопедиясе институты» дәүләт учреждениесе, 2010. – Б. 206; Латыпова Г. М. Деятельность Нардного комиссариата просвещения ТАССР в 1920-е гг.: Монография / Г. М. Латыпова. – Казань: Главное архивное управление при Кабинета Министров РТ, 2013. – С. 98–117; Академический центр Наркомпроса ТАССР: документы и материалы / Составители: кандидат искусствоведения О. Л. Улемнова, Л. Ш. Давлетшина. – Казань: ИЯЛИ, 2015. – С. 7–33; Каримуллин А. Г. Академический центр Татаркомпроса и его место в книгоиздательском деле / А. Г. Каримуллин // Академический центр Наркомпроса ТАССР: документы и материалы / Составители: кандидат искусствоведения О. Л. Улемнова, Л. Ш. Давлетшина. – Казань: ИЯЛИ, 2015. – С. 34–48; Улемнова О. Л. Музейное дело, охрана и изучение памятников искусства и старины / О. Л. Улемнова // Академический центр Наркомпроса ТАССР: документы и материалы / Составители: кандидат искусствоведения О. Л. Улемнова, Л. Ш. Давлетшина. – Казань: ИЯЛИ, 2015. – С. 49–59; Хайрутдинов Р. Р. Татарский научно-исследовательский институт культурного строительства им. М. Горького / Р. Р. Хайрутдинов // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2009. – № 2. – С. 263–265.

1920 ЕЛЛАРДА ТАТАР ТЕЛЕН ДӘУЛӘТ ТЕЛЕ ИТҮДӘ ГЫЙЛЬМИ ҮЗӘК ЭШЧӘНЛЕГЕ

З. Н. Кириллова

Казан (Идел буе) федераль университеты (Казан)

В данной работе исследуется деятельность Академического центра в области реализации татарского языка как государственного в 1920-е годы. Проводится обзор деятельности Академцентра по трем направлениям: научно-педагогическому, редакционно-издательскому и краеведческому. В краеведческом направлении анализируется Научное общество татароведения, которое вело свою деятельность в 1923–1929 гг. и внес большой вклад в изучение языка, истории и культуры татарского народа, собрал вокруг себя крупных ученых, в том числе и известных татарских специалистов.

Ключевые слова: Академический центр, реализация татарского языка, государственный язык, научное общество татароведения, 1920-е годы.

This work explores the activities of the Academic Center in the field of the implementation of the Tatar language as a state language in the 1920s. There is a review of the activities of the Academic Center in three areas: scientific, pedagogical, editorial, publishing and local history. In the local history direction, the Scientific Society of Tatar Studies is analyzed, which conducted its activities in 1923–1929 and made a great contribution to the study of the language, history and culture of the Tatar people, gathered around it large scientists, including famous Tatar specialists.

Key words: Academic Center, implementation of the Tatar language, state language, scientific society of Tatar studies, 1920s.

1921 елда татар теле беренче тапкыр рәсми рәвештә рус теле белән тигез дәрәжәдәге дәүләт теле итеп игълан ителә, һәм аны ижтимагый тормышның барлык өлкәләрендә дә куллану буенча киң эш жәлеп китә. Әлеге эш белән Татар телен гамәлгә кую үзәк комиссиясе житәкчелек итә.

Татар телен гамәли яктан тормышка ашыручы ролен Мәгариф комиссариаты үти. Аның карамагындагы төрле тип уку йортларында татар телен укуга һәм татарларны күбрәк жәлеп итү буенча зур эш башкарыла.

1918 елның май аенда Казанда үткәрелгән Бөтенроссия мөселман укытучыларының өченче съездында Татарстанда беренче гыйльми оешма – Гыйльми һәйәт (коллегия – З. К.) сайланып, аның каршында төрле бүлекләр оеша: тел-әдәбият, тарих бүлеге, музей, театр һәм нәфис сәнгать бүлеге, мәктәпләр өчен программалар төзү бүлеге, матбугат бүлеге һ.б. Соңрак Гыйльми һәйәт, исемен аз гына үзгәртеп, Гыйльми мәркәз яки Гыйльми үзәк дип йөртелә башлай.

Гыйльми үзәк 1922 елга кадәр оештырылу дәверен кичерә. 1922 елның 10 февралендә аның рәисе итеп Гаяз Максуд билгеләнә [4: 109]. Гыйльми үзәк президиумы составына бу елларда Гаяз Максуд, фәнни-педагогик комиссия рәисе Газиз Гобәйдуллин һәм гыйльми сәркатип Заһидулла Норкин (Нуркай) керәләр. 1925 елның 16 февралендә алып Гыйльми үзәк рәисе вазифасын Галимжан Ибраһимов башкара [5: 1].

Гыйльми үзәкнең эшчәнлеге дәвамында аның составында күп төрле комиссияләр төзелә. Аларның саны күп булуга да карамастан, үзәкнең эшчәнлеге нигездә 3 төп юнәлештә алып барыла: фәнни-педагогик, редакция-нәшрият эшчәнлеге һәм туган якны өйрәнү эше.

Фәнни-педагогик комиссия тарафыннан төрле тип уку йортлары, курслар өчен уку планнары, программалар һәм дәреслекләр төзелә; мәгариф бүлекләрендә методик бюролар оештырыла; күп санлы методик кулланмалар, аңлатма язучулары, методик хатлар күбәйтәлеп таратыла һ.б.

1920 елның 12 ноябрендә үк Татгосиздатның нәшрият бүлеге киңәйтелгән утырышында татар телендәге дәреслекләр төзү буенча коллектив оештырыла. Аның составына 6 күренекле галим: Г. Ибраһимов, М. Корбанғалиев, Ф. Сәйфи, Г. Шәрәф, Х. Бәдигый һәм Г. Сәйфуллиннар кертелә. Аларның бурычы итеп булган дәрес-

лекләр белән исәпләшмичә, бөтенләй яңа дәреслекләр төзү, моның өчен төп принцип итеп коммунистик хезмәт принцибын алу, ә милли һәм дини тенденцияләрне катгый рәвештә булдырмау куела [6: 118–119]. Шул вакыттан алып, әкрәнләп коллективлар яки аерым авторлар тарафыннан татар теле буенча дәреслекләр төзеп бастырыла башлый.

Татарстан республикасында чыгарыла торган барлык китаплар, дәреслек-кулланмалар, уку-укыту характерындагы һәм фәнни хезмәтләр Гыйльми үзәк карап чыгып, раслаганнан соң гына бастырылалар, бары вакытлы матбугат, өлкә комитеты, Халык комиссарлары советы һәм комиссариатларның махсус басмалары өчен генә Гыйльми үзәк рөхсәте таләп ителми [7: 79].

Кулъязмалар тикшерү, редакцияләү, бастырырга рөхсәт бирү эшеннән тыш, Гыйльми үзәк тарафыннан журналлар да нәшер ителә. Аларның беренчесе – 1918 елдан бирле татар телендә чыгып килгән «Мәгариф» фәнни-педагогик журналы. Педагогика һәм методиканың теоретик һәм гамәли мәсьәләләре, татар теле һәм туган якны өйрәнү проблемаларын яктыртучы журнал 1938 елдан «Совет мәктәбе» исеме астында чыга башлый.

1920 нче елларда Гыйльми үзәк кул астында чыгарылуы икенче басма – рус телендәге «Вестник просвещения» журналы. Шулай ук бу елларда татар телендә ижтимагый-сәясәи һәм әдәби характердагы «Безнең юл» журналы да үзенең эшчәнлегенә жәелдерә. Билгеле булганча, журналның төп житәкчесе Г. Ибраһимов була.

Гыйльми үзәк тарафыннан нәшер ителүче әлеге журналлар Татарстан республикасында гына түгел, СССР территориясендә яшәүче барлык төрки халыкларга да таратыла [10: 211].

Татар телендә бастыру өчен, төрле характердагы әдәбият эзерләгәндә, шулай ук, гомумән, татар телен дәүләт теленә яраклаштыру процессында, Гыйльми үзәк башта ук татар шрифты, орфографиясе, татар телендә фәнни терминология эшләү мәсьәләләре алдына килеп баса. Гыйльми үзәктә терминнар төзү буенча махсус комиссия оештырыла, аның кул астында «Татарстан» газетасы редакциясендә һәм Җир эшләре комиссариатының нәшрияты бүлегендә дә комиссияләр эшли [9: 20]. Татар телендә терминнар төзү өчен кабул ителгән карарлар нигезендә, Гыйльми үзәк тарафыннан бик күп фәннәренә атамалары төзелә һәм шул атамалар буенча дәреслекләр, гыйльми хезмәтләр һәм фәнни-популяр китаплар мәйданга чыгарыла.

Гыйльми үзәк эшчәнлегенә өченче юнәлеше – туган якны өйрәнү эше – Татар дөнъясын өйрәнү фәнни жәмгыятьте эшчәнлегендә ачык чагыла. Бу жәмгыять татар халкының телен, тарихын, мәданиятен төрле яклап өйрәнү буенча зур хезмәт күрсәтә, үзенең тирәсенә танылган галимнәрне, шул исәптән татарлар арасынан күренекле белгечләрне туплый.

Жәмгыятьнең максаты итеп түбәндәгеләр куела: татарларны һәм татар мәданиятен төрле яклап фәнни өйрәнү эше белән шөгыйльләнүче белгечләрне бергә туплау, шулай ук бу өлкәгә кагылышлы мәсьәләләрне фәнни эшкәртү. Бу максатларны күздә тотып, жәмгыять үзенең бөтен халык алдында үткәрелә торган гомуми жылышларында фәнни докладлар һәм белдерүләр тыңларга, экспедицияләр оештырырга һәм хезмәтләрен махсус журналда бастырырга тиеш була. Ул үзенең эшчәнлеген татар халкының матди һәм рухи мәданиятен төрле яклап өйрәнү нигезендә алып бара [1: 201].

Кызганыч, шундый зур максатлар куйган жәмгыять озын гомерле булып чыкмый: 1929 елның 3 ноябрендә ул Татарстанны өйрәнү жәмгыятенә кушыла [1: 213]. Алты ел ярым эшләү дәверендә жәмгыятьтә 4 идарә алмашына. Аларга төрле вакытта түбәндәге эгъзалар керә: Г. Рәхим, Ж. Вәлиди, Г. Гобәйдуллин, Г. Ибраһимов, М. Корбангалиев, Г. Максуд, Г. Шәрәф, Г. Сәгъди, М. Таһиров, М. Худяков, Н. Фирсов, Н. Воробьев һ.б.

Жәмгыятьнең аеруча актив эшчәнлегенә 1925 елдан башлана. Нәкъ шул вакытта гомуми жылышларның саны шактый арта, жәмгыять үзенең махсус органын чыгара башлый һәм фәнни экспедицияләр оештыра.

Үзенең барлык яшәеше дәверендә жәмгыять тарафыннан идарәнең 39 утырышы һәм шулай ук 39 гомуми жылыш уздырыла, шуларның 7 се рәисе шул ук Н. Фирсов булган Археология, тарих һәм этнография жәмгыятьте белән берлектә үткәрелә. Гомуми

жылышларда 65 фәнни доклад һәм чыгыш укыла. Докладлар белән 28 әгъза чыгыш ясьй [1: 202]. Докладлар татар тарихы, этнографиясе, әдәбияты, теле һәм башка бик күп проблемалар буенча күренекле галимнәр тарафыннан ясала. Мәсәлән, алар арасында В. А. Богородицкийның «Төрки-татар фонетикасы», «Төрки телләрдә сингармонизм законы», Г. Ибраһимовның Бакудагы I тюркология съезды хакындагы чыгышы, Ж. Вәлидинең «Казан татарлары диалектлары», Н. Ашмаринның «Казан татарлары телендә исем жөмлөләр», «Татар телендә сүз тәртибе», Г. Сәгъдинең «Татар әдәбияты үсешенең төп моментлары», Самойловичның «Татарстан республикасында туган якны өйрәнүнең бурычлары» кебек докладларны аерым күрсәтергә мөмкин. Чыгышларның кайберләре жанлы фикер алышулар һәм бәхәсләр дә китереп чыгара.

Жәмгыять эшчәнлегенең соңгы 4 елында аның махсус органы – «Вестник научного общества Татароведения» (ВНОТ) журналы чыгарыла. Журнал битләрендә жәмгыятьнең гомуми жылышларында укылган әһәмиятле фәнни докладлар, шулай ук тикшеренү характерындагы аерым хезмәтләр дә урын ала. Журналның чыгып өлгөргән 10 номерында барлыгы 70 фәнни мәкалә һәм 75 вак материал, рецензия һ.б. бастырыла.

Үзенең басма органы ярдәмендә Татар дөнъясын өйрәнү фәнни жәмгыяте СССР территориясендәгә һәм чит илләрдәгә 120 фәнни, укыту, гыйльми оешмалар һәм жәмгыятьләр белән регуляр бәйләнеш урнаштыра. Чит илләр арасында Берлин, Гамбург, Лондон, Рим, Харбин, Нью-Йорк һ.б. 10 шәһәр исеме билгеле [1: 206–207].

Гыйльми үзек карамагында 5 ел эшлэгән, ә соңгы 2 ел эшчәнлеген Татар мәдәнияте йорты каршында үткөргән Татар дөнъясын өйрәнү фәнни жәмгыяте татар халкын төрле яклап өйрәнү буенча зур эш башкара, үзенең тирәсенә танылган галимнәрне, шул исәптән татарлар арасынан күренекле белгечләрне туплый. Татар дөнъясын өйрәнү жәмгыяте генә түгел, гомумән, Гыйльми үзек тә үз тирәсенә татар хезмәткәрләрен туплау эшенә зур әһәмият бирә. Татарстан республикасынан гына түгел, Башкортостан, Кыргызстан, Төркестан, Себер һ.б. өлкәләрдә яшәүче татар белгечләре дәреслекләр, брошюралар төзү эшенә, Казан вакытлы матбугатына актив катнаша башлыйлар [7: 212; 2; 3]. Г. Сәгъди, Г. Алпаров, Г. Шнаси, Н. Надиев кебек күренекле галимнәр чит өлкәләрдән Казанга чакыртып алыналар һәм Гыйльми үзектә, шулай ук Казан уку йортларында уңышлы гына эшли башлыйлар [8: 27].

Йомгак ясап әйткәндә, XX гасырның 20 нче елларында татар теленең дәүләт теле сыйфатында нигезләре салынуда Гыйльми үзекнең роле гаять зур булган. Бу елларда ул татар тел гыйлемен үстерү, татар теле дәреслекләре һәм программалар төзү, туган якны фәнни яктан өйрәнү һ.б. мәсьәләләр белән тирәнтен шөгылләнгән.

ӘДӘБИЯТ

1. Вестник научного общества Татароведения. – 1930. – № 9–10.
2. Кириллова З. Н. Деятельность Научного общества татароведения // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Филологические науки». Том 2 (68). № 3. 2016. – С. 122–127.
3. Кириллова З. Н. Татар дөнъясын өйрәнү фәнни жәмгыяте // Татарское языкознание в контексте Евразийской гуманитарной науки: материалы Международной научно-практической конференции (Казань, 1–4 ноября 2016 г.). – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2016. – С. 196–200.
4. Национальный архив Республики Татарстан, ф. 3682, оп. 1, д. 76. Текстовые отчеты о деятельности Наркомпроса ТАССР за 1921 г. и июнь 1922 г. – 232 л.
5. Национальный архив Республики Татарстан, ф. 3682, оп. 1, д. 690. Академический Центр. Протоколы заседаний Президиума отдела (25 сентября 1924 г. – 30 сентября 1926 г.). – 41 л.
6. Национальный архив Республики Татарстан, ф. 3682, оп. 1, д. 5. Протоколы заседаний Коллегии Наркомпроса ТАССР и его отделов (15 октября – 7 декабря 1920 г.). 133 л.
7. Национальный архив Республики Татарстан, ф. 3682, оп. 1, д. 501. Текстовый отчет о деятельности Наркомпроса ТАССР за 1922/23 гг. – 100 л.
8. Национальный архив Республики Татарстан, ф. 732, оп. 1, д. 154. Обзор деятельности ТатЦИКа и его комиссии. Докладные записки о деятельности кантисполкомов (11 января – 16 декабря 1922 г.). – 347 л.
9. Национальный архив Республики Татарстан, ф. 3682, оп. 1, д. 1148. Текстовые отчеты о деятельности Наркомпроса ТАССР за 1925/26 учебный год (27–30 сентября 1925 г.). 261 л.
10. Отчет ЦИК и СНК за время с 3-го по 4-й съезд Советов. – Казань: тип. «Красн. Печатн.», 1923. – 304 с.

**ТАТГОСИЗДАТ АКАДЕМЦЕНТРА НАРКОМПРОСА ТАССР:
ПЕРВЫЙ ОПЫТ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИЗДАНИЯ
НАЦИОНАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

Г. М. Латыпова

заместитель директора ГБУ «Таткультресурсцентр» (Казань)

Г. Э. Рафикова

Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ (Казань)

Создание в 1921 г. Академического центра при Народном комиссариате просвещения ТАССР опиралось на необходимость государственного регулирования в сфере научной, образовательной и художественной деятельности советских учреждений. Его главной задачей было руководство, методическое сопровождение и финансирование этих учреждений. Особое внимание было уделено изданию учебников и учебной литературы, в том числе и переводам на татарский язык. Активная работа Татарского государственного издательства в 1920-е гг. позволила издать большое количество учебных пособий на татарском языке, а также развивать издание художественной литературы национальных авторов.

Ключевые слова: Народный комиссариат просвещения ТАССР, Академический центр, Государственное издательство ТАССР, переводная татарская литература.

The creation in 1921 of the Academic Center at the People's Commissariat of Education of the TASSR was based on the need for state regulation in the field of scientific, educational and artistic activities of Soviet institutions. Its main task was leadership, methodological support and financing of these institutions. Particular attention was paid to the publication of textbooks and educational literature, including translations into the Tatar language. Active work of the Tatar State Publishing House in the 1920s. Made it possible to publish a large number of textbooks in the Tatar language, as well as to develop the publication of fiction by national authors.

Key words: People's Commissariat of Education of the TASSR, Academic Center, State Publishing House of the TASSR, translated Tatar literature.

«Положение об Академическом центре Наркомпроса ТАССР» было подписано народным комиссаром просвещения ТАССР Ш. Г. Ахмадеевым на заседании коллегии Наркомпроса ТАССР 3 декабря 1921 г. Фактическая же работа началась еще раньше, когда 11 февраля 1921 г. был издан Декрет СНК РСФСР о создании Академцентра. Согласно Положению, на Академцентр среди прочего возлагались: разработка планов и программ деятельности научных учреждений и программ для преподавания во всех типах учебных заведений ТАССР, а также приобретение научных трудов, художественных произведений, составление учебников на конкурсной основе путем привлечения специальных коллективов и отдельных заинтересованных лиц [12: 391]. В структуре Академцентра были созданы коллегии, одной из которых стала редакционная [16: 43]. На нее было возложено руководство развитием издательского дела в ТАССР на русском и татарском языках. Все издания, имеющие книжный, учебный или научный характер, кроме периодических изданий областкома, ТатЦИКа, Совнаркома, Наркомзема и других комиссариатов, выпускались лишь после одобрения к печати Академическим центром [16: 43].

В том же 1921 г. в подчинение Академцентра Наркомпроса ТАССР перешло Государственное издательство ТАССР (Татгосиздат) (находилось в его ведении до 1927 г.) [10: 21]. Татгосиздат состоял из редакционного, техническо-издательского, учета и распределения литературы, административно-хозяйственных секторов. Первый из них в свою очередь состоял из отделов: агитации и пропаганды, периодических изданий, научной литературы, литературно-художественного и библиографического [4: 3–8].

Создание Академцентра при Татнаркомпросе положило начало государственному регулированию вопросов образования и издательской деятельности. Однако с первой попытки в условиях дефицита финансов наладить работу не всегда удавалось.

Татгосиздат одновременно подчинялся и Татнаркомпросу, и Госиздату РСФСР. В процессе издания русских книг для общесоюзного читателя Татгосиздат подчинялся Госиздату при Наркомпросе РСФСР [14: 84]. Но при издании книг для нужд республики как на татарском, так и на русском языке Татгосиздат должен был прислушиваться к Академцентру Наркомпроса ТАССР [14: 84]. Это отражалось на его финансировании и материальном снабжении. Наркомпрос ТАССР смотрел на Татгосиздат как на отделение Госиздата, а Госиздат (хотя и использовал его как свой филиал по выполнению заказов центра), в свою очередь, смотрел на него как на местное издательство.

В результате отсутствовали контроль над его деятельностью, и даже не осуществлялся учет выпущенной издательской продукции: отчеты Татгосиздата периода 1921–1922 гг. изобилуют выражением «исчерпывающих сведений дать не можем» [13: 60]. В Татгосиздате часто даже не задумывались «ради кого издается тот или иной материал», «не было установлено определенных взаимоотношений как с органами руководящими, так и с потребляющими» [6: 40]. Деятельность Татгосиздата «носила хаотический характер, не было выявлено принципов работы, не был налажен технический аппарат и перспективного плана издательского дела» [6: 5].

Обратимся к основной работе редакционного сектора Татгосиздата. Она заключалась в «создании новых учебников по всем предметам трудовой школы, а также в издании руководств для работников просвещения по всем видам культурпросветработы» [4: 3], в том числе и для национальных школ. Для этого Академцентр сформировал 10 коллективов авторов [17: 107]. К середине 1921 г. было написано и переведено на татарский язык более ста наименований учебников; учебных пособий по родному языку, литературе, математике, естествознанию; методических руководств по школьному делу, работ по педагогике. Среди них семь учебников для школ первой и второй ступени, написанные коллективом авторов – Г. Ибрагимовым, М. Курбангалеевым, Г. Худаяровым и др., три издания «Азбуки» («Татар элифбасы»), учебники естествознания И. Сакаева и К. Сагита («Табигатъ белеме»), математики М. Мухутдинова, Г. Богданова, Н. Люскина («Риязят дәрәсләре»), геометрии А. М. Астряба («Күрсәтмәле һәндис»), географии М. Курбангалеева и Ф. Сайфи-Казанлы («Табигый жәгърафия дәрәсләге») и др. [3: 23–24] Председатель редакционных коллегий по разработке научной терминологии татарского языка и научно-учебных комиссий при нем Г. Г. Максудов в 1923 и 1924 гг. издает учебник на татарском языке «Кыскача жәбер дәрәсләре» («Краткий курс алгебры»). Это была первая татарская книга, напечатанная на латинском шрифте. Другая его работа – «Прямолинейная тригонометрия», написанная в 1926–1927 гг., была опубликована на латинице. В 1929 г. была издана первая часть учебника «Жәбер дәрәсләре» («Уроки алгебры») для школ и педагогических техникумов.

Одной из самых актуальных проблем 1920-х гг. была выработка научной терминологии на татарском языке. Комиссия по выработке научной терминологии формировалась в процессе подготовки учебной литературы на татарском языке [17: 110]. Например, Х. Муштари было поручено составление учебника физики для школ II ступени на татарском языке. Обязательным условием было предоставление списка употребленных терминов. В эти годы был создан первый словарь административных терминов на татарском языке. Инициатором словаря являлась Центральная комиссия по реализации татарского языка при ЦИК ТАССР. Работа завершилась изданием словаря социально-политических и административных терминов. К 1928 г. были полностью выработаны научные термины по физике, математике, ботанике, родному языку, управлению государством, анатомии, физиологии, общей биологии, правовым наукам, обществоведению, истории и финансово-экономическим наукам, всего в общей сложности более 9 тыс. [15: 36].

Интересен факт подготовки к изданию и выхода в свет переводной педагогической и методической литературы. Это переводы с русского языка «Основ трудовой школы» В. Богданова (пер. Г. Динмухамеда), «Школа и рабочий класс» П. Болонского (пер. М. Максуда), «Дошкольное воспитание и детский сад» М. Морозовой и И. Техеевой (пер. Ф. Басырова), «Школа взрослых первой ступени» Л. Мадынского (в переработке М. Захида), методическое пособие по наблюдению за природой Игнатьева и Соколова (пер. Ф. Хамидуллина), сборник педагогических работ европейских ученых под названием «Ижтимаги педагогиканың бәйнәлмил таләпләре» (пер. М. Фазли и М. Курбанга-

леева). Из оригинальных педагогических и методических работ можно указать труды М. Курбангалеева «Методы обучения взрослых и образцы преподавания уроков» и «Изготовление материалов для трудовых занятий в трудовых школах и детских садах», М. Фазлуллы «Дидактические правила» и «О воспитании», работу Ф. Хамидуллы «Руководство по коллекционированию растений» и т.д. [3: 24].

Многое было сделано для перевода на русский язык произведений татарских писателей. Это изданные Татгосиздатом в 1922 и 1923 гг. роман Г. Ибрагимова «Красные цветы» и сборник стихотворений М. Гафури «Красное знамя».

В целях сохранения духовного наследия татарского народа и постоянного учета издаваемой литературы по образцу Центральной книжной палаты был организован библиографический отдел редакционного сектора [9: 8]. Но кроме задач государственной регистрации изданной печати в крае, на него возлагалась и «научная разработка вопросов теории, методологии и истории библиографии и других частей книговедения» [4: 5], то есть задачи научно-исследовательского направления. Это регистрация типографий, книгоиздательств и книжных магазинов; сбор и хранение всех печатных материалов, выходящих в свет в Татарской АССР; снабжение ими Центральной книжной палаты и через нее – центральных книгохранилищ; устройство выставок печатных новинок; организация при отделе специальной библиотеки библиографических и справочных пособий; издание списка новых книг по типу «Книжной летописи»; составление систематических библиографических указателей по отраслям наук и литературы; организация устных и письменных справок, консультаций по вопросам библиографии, библиотековедения и «прочих частей книговедения»; создание картотеки по истории местного края.

Татгосиздат в соответствии с политическими установками советской власти издавал и общественно-политическую литературу. В частности по линии обкома РКП(б) АТССР через Академцентр издавались труды В. И. Ленина [5: 226]. При агитпропе в 1924 г. была создана Ленинская комиссия, на которую возлагались обязанности по переводу трудов вождя на татарский язык [3: 65]. Председателем комиссии был назначен Г. Ибрагимов, членами – И. Рахматуллин и заведующий отделом печати обкома РКП(б) Л. Гумеров. По предложению комиссии были созданы три коллектива переводчиков. В первый вошли Г. Тулумбай, И. Кулиев, Х. Каримов, З. Нуркин, Ш. Байчура, во второй – Г. Галиев, Г. Карам, З. Юлдашев, Г. Латыпов, К. Наджми, в третий – Г. Рахим, Мустакаев, Д. Сагди, С. Бакиев [1: 4–6]. Этой же комиссии было поручено разработать единую систему политических терминов и основные принципы перевода политической литературы. Так же в 1924 г. увидел свет «Капитал» К. Маркса на татарском языке в переводе З. Нуркина, ставший первым изданием перевода этого труда среди нерусских народов СССР. Вышел в свет и «Манифест коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса, который был снабжен вопросами и ответами по тематике издания. В 1924 г. вне плана Ленинской комиссии были изданы сборники работ В. И. Ленина под названием «Ленин и молодежь» в переводе Г. Баембетова и ленинская статья «Карл Маркс» [1: 66]. Таткомбинатом по марксизму-ленинизму было издано 14 книг и 7 книг о партии большевиков. В свет вышли работы о партийном строительстве, о работе партии в деревне, устав и программа партии, книга о Н. Нариманове и т. д.

В мае 1923 г. на основании решения президиума Татсовнархоза от 24 апреля того же года была осуществлена реорганизация Татгосиздата в Комбинат издательства и печати ТАССР (Таткомбинат). Таткомбинат был организован как объединение «Госиздательства и Госпромышленности Татарской республики под общим управлением и руководством Татсовнархоза, находящегося под идейным руководством Татнаркомпроса на началах хозяйственного расчета» [8: 17]. Его основной задачей являлось «издание в культурно-просветительских целях учебно-педагогической, агитационно-пропагандистской литературы, произведений научной, научно-популярной и художественной литературы на татарском, русском и других языках народов республики, главным образом для татарского населения ТАССР и вне республики» [8: 17]. Таткомбинат имел «право приобретать различного рода рукописи и принимать их к изданию от различных учреждений и организаций, принимать заказы как госучреждений, так и частных лиц по выполнению различного рода полиграфических работ, изготовлять для своих нужд и для

продажи шрифты как татарские, так русские и иные, вести оптовую и розничную торговлю книгами своего и других изданий и учебными пособиями и другими изделиями полиграфической промышленности, входя в связь с соответствующими учреждениями и организациями...» [3: 41].

За 1923–1924 гг. Таткомбинат выпустил 88 книг на русском и татарском языках [2: 61]. Основное место среди издательской продукции Таткомбината занимали учебники для национальной школы, а именно 46 книг по различным отраслям знаний: азбуки, учебники грамматики, книги для изучения татарского языка, пособия для изучения татарского языка для нетатар М. Курбангалеева, Х. Бадиги, Г. Ибрагимова, Г. Худаярова, Г. Шарафа.

В начале 1920-х гг. Татнаркомпрос так и не смог обеспечить учебниками все национальные школы. Это объяснялось, прежде всего, недостаточным материальным обеспечением издательского дела. «...Относительно издательской работы, – отмечал народный комиссар просвещения Ш. Г. Ахмадеев, – мы по линии государственного бюджета ничего не получаем, только самые мизерные цифры, которые присылают по линии экономического центра», тогда как нас ждут учебники и книги татарские школы, работающие вне республики, а также «восточные народы Туркестана, Киргизии, Башкирии и т. п.» [11: 5]. Проблема заключалась и в дефиците бумаги и средств на издание книг. Вот строки из заключения комиссии, созданной Татсовнархозом для проверки деятельности Таткомбината: «Из-за слабого снабжения оборотными средствами Таткомбинат не сможет выполнить производственную программу, предложенную Академцентром Татнаркомпроса, по которой за год необходимо издать 1 751,5 печатного листа».

Но, несмотря на все сложности, издательская деятельность Академцентра была относительно успешной. Важное место среди изданий Таткомбината занимали педагогические работы, посвященные дошкольному и школьному воспитанию детей: труды Ф. Карими и З. Салахия, «Основные задачи общественного воспитания в школе» В. Шульгина (пер. М. Сафина). Был издан также сборник «30-летний трудовой юбилей», посвященный выдающемуся татарскому ученому, педагогу М. Курбангалееву. Методическая литература представлена трудами о преподавании математики (Н. Мухутдинова, Г. Богданова, Луккина), «Геометрия на подвижных моделях» П. Карасева (пер. Ф. Амирхана), географии (С. Ахмедова), истории (Ф. Сайфи-Казанлы), химии (С. Курбангалиева), татарского языка (М. Курбангалиева и Р. Газизова), указаниями по организации экскурсии на природу (Ф. Юсупова, Ф. Хамидуллина, Г. Хабиба), по сбору и организации гербария (Ф. Юсупова) и др.

Были изданы труды и по истории татар, России, о революционном движении, Гражданской войне, Красной Армии. Это сборник «Таттаро-башкиры в рядах Красной Армии», подготовленный К. Наджми, «Расстрел ленских рабочих» Ф. Шаковицкого (пер. Г. Губайди), «9 января» Ф. Кона (пер. Г. Рахима), «Парижская коммуна» В. Богданова и И. Боробьева (пер. Ш. Рамзи), «Очерки истории русской культуры» М. Покровского (пер. С. Джалиля и Х. Исакова), «Древние булгары», «История татар», «Пугачевское восстание», «Материалы по истории классов среди татар», «Происхождение татар и Золотая Орда», принадлежавшие перу татарского историка, профессора Г. Губайдуллина (Г. Газиз).

По медицине изданы «Беседы о женских болезнях» Ф. Россинского (в пер. врача Ф. Басыра), «Что такое охрана материнства и детей» И. Лепского (пер. Х. Фариды), книга к 100-летию со дня рождения Луи Пастера (пер. А. Биккулова), работа выдающегося медика, казанского профессора В. Груздева. Среди книг технической и сельскохозяйственной тематики можно указать «Технологию воды и топлива» Тулпарова, «Химию в сельском хозяйстве» Ф. Амирхана, «На пути подъема сельского хозяйства» Т. Салихова.

В 1925 г. в серии «Библиотека рабочего и крестьянина» были выпущены такие работы, как «Происхождение мира», «Есть ли душа», «Происхождение Земли», «Происхождение животных и человека» видного татарского педагога и просветителя Г. Шнаси, «Чем богата наша Родина» В. Степанова (пер. Г. Губайди). В этой серии вышли и произведения художественной литературы: пьесы И. Гехтмана «В дни коммуны» (пер. Ф. Бурнаша), А. Мазитова «К новой жизни», «Суд над безбожником Муратом» Ш. Хамиди,

«В дни реакции» Г. Галиева, «Таинственный шалаш» В. Уразая, сборники рассказов и стихотворений Г. Ибрагимова, Г. Тулумбая, Г. Губайди, Ф. Асгата, Г. Кадира, З. Музафари [3: 66].

В Академцентре был разработан план публикации татарских писателей [7: 40–41]. Они издавались в серии «Татарская литература». Всего вышло 17 книг: «Жиһанша хэзрэт» Х. Закира, «Гөнаһи кэбаир» М.-З. Бигиева, «Хисаметдин менла» М. Акъегетзадэ, «Сочинения» Г. Тукая, отдельные сочинения или сборники Г. Камала, Ф. Карими, К. Тинчурина, Х. Такташа, Ф. Бурнаша, Ф. Амирхана, Ш. Камала, К. Амири, М. Максуда, Г. Тулумбая, Ф. Сайфи-Казанлы [3: 68].

В 1925 г. была создана еще одна серия – «Детская литература». В этой серии были изданы «Настоящий коммунар» И. Эренбурга (пер. К. Узбека), три работы К. Амири «Дитя фабрики», «В заводской школе», «Прогулка в лесу», пьеса С. Адгамовой «Эпизод из сельской жизни», рассказ «Как Биктимер стал солдатом» Г. Гумера, «Детдомовский ребенок» Давлета и др. Еще до создания серии, в 1923 и 1924 гг., были изданы рассказ Г. Ибрагимова «Люди», «Шурале» Г. Тукая, пьесы М. Файзи «Ангел», «Асылъяр», «Сельский праздник», сборник стихотворений Х. Такташа, рассказ «Шамсетдин бай» и сборник рассказов «Под красным знаменем» Ш. Усманова, рассказ «Сироты» Г. Тулумбая, пьеса «Зар» К. Тинчурина, пьеса «Повешенный» Г. Баембетова, сборник стихотворений А. Кутуя «Бег дней». В 1924 г. вышли в свет сборники стихотворений и рассказов Ф. Асгата, Ш. Усманова, М. Максуда, Г. Галиева, З. Мазитова, Г. Хабиба, Г. Тулумбая и работа И. Усманова под названием «Ленин». Среди переводных был кинороман С. Городецкого «Черный город». Также вне серии вышли «Татарка» («Татар кызы») Ф. Амирхана, «Вихри» («Өермэлэр») К. Наджми, «Американ» К. Тинчурина, «Армия» («Гаскэр») М. Шарафа, «Сенной базар» («Печән базары») К. Амири, «В один из дней» («Көннәр көнендә») А. Гумерова, пьеса С. Бакиева «Кооперация – полезная организация» («Кооперация – фйдалы организация»), сборники стихотворений А. Кутуя, М. Крымова [3: 69].

Таким образом, создание Академцентра и его контроль над издательской деятельностью Татгосиздата в 1920-е гг., несмотря на идеологические ограничения и материальные трудности, принесло плоды в области не только обеспечения учебных заведений учебниками и переводной литературой. Были достигнуты заметные успехи в плане публикации произведений татарских авторов, как классиков, так и современников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Владимир Ильич (Ульянов) Ленинның татар телендә басылачак әсәрләре. – Казан: Татар. матб. нәшр. комбинаты, 1925. – 80 б.
2. Деятельность Таткомбината // Красная печать. – 1925. – С. 8.
3. Каримуллин А. Г. Татарское государственное издательство и татарская книга России (1917–1932). – Казань: Татар. кн. изд-во, 1999. – 320 с.
4. Красная печать за год существования ТССР: (с 1-го июня 1920 г. по 1-е июня 1921 г.). – Казань: Госиздат, 1921. – 8 с.
5. Культурное строительство в Татарии (1917–1941 гг.): документы и материалы / Сост.: М. Б. Кочурова, Р. Ш. Хакимова, З. Г. Гарипова, М. З. Тутаяв. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1971. – 672 с.
6. Отчет о деятельности Татнаркомпроса за время с последнего Всетатарского съезда Советов по 1-е октября 1922 г. – Казань, Изд. Наркомпроса, 1922. – 21 с.
7. Татарстан дәүләт нәшриятының китаплар исемлеге. № 5. – Казан, 1926. – 164 б.
8. Положение о Комбинате издательства и печати АТССР // Казанский библиофил. 1923. № 4. – С. 15–17.
9. 50 лет Государственной книжной палате Татарской АССР. – Казань, 1977. – 46 с.
10. Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ), ф. Р-273, оп. 2, д. 22.
11. ГА РТ, ф. Р-732, оп. 1, д. 411.
12. ГА РТ, ф. Р-3682, оп. 1, д. 59.
13. ГА РТ, ф. Р-3682, оп. 1, д. 77.
14. ГА РТ, ф. Р-3682, оп. 1, д. 289.
15. ГА РТ, ф. Р-3682, оп. 1, д. 943.
16. ГА РТ, ф. Р-3682, оп. 1, д. 948.
17. ГА РТ, ф. Р-3682, оп. 1, д. 1347.

**TATAR STUDIES IN POLITICAL SCIENCE RESEARCH:
TRENDS AND CHALLENGES**

Lenton, Adam Charles

George Washington University (Washington, DC)

**Татароведение в политологических исследованиях:
тренды и проблемы**

Лентон, Адам Чарльз

Университет Джорджа Вашингтона (Вашингтон, округ Колумбия)

В данной статье дается обзор трудов по татароведению в англоязычной политологической науке. Анализ исследовательских статей, опубликованных в ведущих журналах по сравнительной политике и политологии, показывает стабильный рост интереса к татарам и Татарстану. Темы идентичности (включая язык и религию) вместе с федерализмом являются наиболее заметными направлениями исследований. Географически существует примерно равное разделение между исследованиями, посвященными исключительно Татарстану, и сравнительными исследованиями, в которых дается сопоставление с другими регионами Российской Федерации.

Ключевые слова: татароведение, политология, идентичность, методология.

This article examines the role of Tatar studies in English-language political science scholarship. An analysis of research articles published in top comparative politics and Eurasia-focused political science journals reveals a modest but stable increase in work with a prominent focus on Tatars and Tatarstan. Topics of identity (including language and religion), together with federalism are the most prominent research directions. Geographically, there is a roughly even split between research focusing exclusively on Tatarstan and research that compares outcomes with other republics in the Russian Federation. I summarize these trends and offer some directions for future studies.

Key words: Tatar studies, political science, identity, methodology.

Many political scientists specialize in a geographical region or a particular country. This has important implications for understanding the production of knowledge and the varying prominence of regions in scholarly debates and discourse. In this article I review several leading political science journals to examine how Tatar studies and Tatarstan feature in English-language political science scholarship. In the first part of the article, I introduce the context in which Tatar studies and political science research developed in the post-Soviet period. In the second part I present evidence from an analysis of political science journals to examine trends and directions in this research. In the final part of the paper, I suggest avenues for further research.

1. Tatar studies in political science research:

Whilst Western Europe continues to be the most prominent area of study in US political science research, since the end of the Cold War specialists of Eastern Europe and the former Soviet Union have grown to represent a sizeable proportion of political scientists. After 1991 scholars were able to study political processes in the region using social science methods that would have been previously impossible, leading to hundreds of research projects. Specialists of Russia and the former Soviet Union contributed to important debates taking place in political science by examining processes of state transformation, the emergence of political parties, of civil society, and economic development: in other words, the paradigm of «transition» from a command to a market economy and from a Marxist-Leninist one-party state to a multiparty democracy [1].

One of the most vibrant areas of scholarship was related to issues of ethnic and national identity. Few scholars had predicted that the Soviet Union would collapse along ethno-national lines, which led to renewed interest in the so-called «nationalities question.» Noting the prominence of Tatarstan in post-Soviet politics, as well as Tatars' high level of mobilization during the *perestroika* period, several political scientists produced articles and monographs that were either partly or wholly devoted to Tatars and Tatarstan [2].

Throughout the 1990s and into the early 2000s, much scholarly debate in US political science centered around these two research directions – transition and ethnic mobilization among non-ethnic Russians – with disagreement mapping onto both. Critics of asymmetric federalism pointed to the downstream effects of regional autonomy on corruption and authoritarianism among elites [3], whilst supporters focused instead on the rights of non-ethnic Russians and the importance of sovereignty among ordinary citizens [4]. Nevertheless, these research directions both faded from mainstream political science debates during President Putin’s first and second terms in office.

What has been the role of Tatar studies in political science research in the 21st century? Whilst researchers have begun to reassess the regional distribution of knowledge in the discipline [5], we still know very little about *within*-region trends. This is particularly important for multiethnic contexts such as the Russian Federation, and Eurasia more broadly, in which understanding the production of knowledge can illuminate biases and gaps in scholars’ analysis.

To explore this question, I analyzed the research published across 11 top English-language political science journals from 1997 to 2021. Journal publications are a good way to gauge scholarly trends. Whilst any one journal will only publish a small number of submissions (and, in some cases, the editor has significant discretion over the final decision), by examining several journals together it becomes possible to identify the general degree to which research focusing on Tatars and Tatarstan is published.

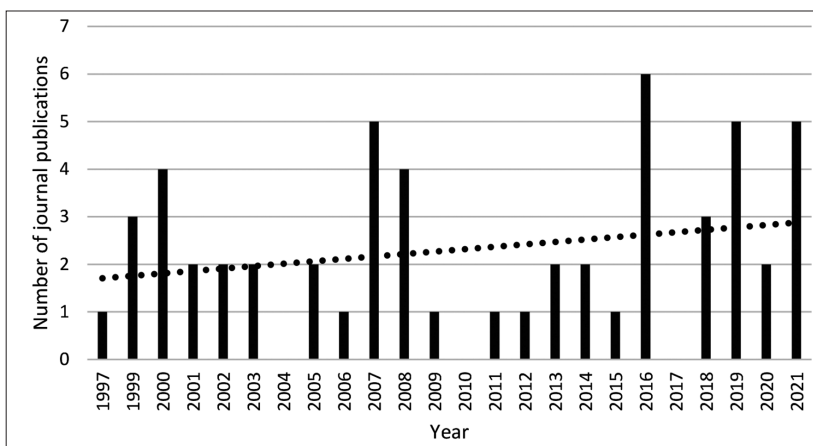
Of these 11 journals, 7 are political science journals with a regional focus on Eastern Europe and the former Soviet Union, whilst 4 are general interest journals in comparative politics (i.e., not limited to any one region). To conduct the analysis, I searched on journal databases for any content which included the root word «Tatar» from 1997 to the present day to ensure that any articles that mentioned «Tatars,» or «Tatarstan» would be found. I then examined the results manually to come up with the final sample.

I only included an article in the sample if it was either a) exclusively related to Tatars or Tatarstan; or b) prominently featured Tatars or Tatarstan in the analysis. For the latter, I would only count an article as «prominently» featuring Tatars or Tatarstan if a large section or key case study was devoted to these.

2. Evidence from top political science journals:

Figure 1 below shows the main across-time trend of publications (N= 55). Interestingly, the number remains quite steady, though year-on-year it tends to fluctuate.

Figure 1 Trends in political science research on Tatars (1997–2021), no. of journal articles per year.

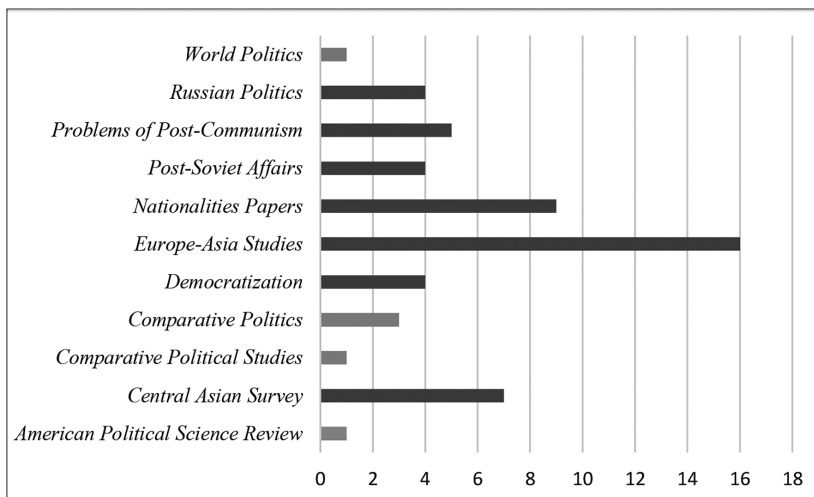

This number represents quite a small proportion of the total scholarly output of these journals, but in relative terms is still quite significant if one considers that most of these journals publish on average a few dozen articles a year. Additionally, there is a steady and even increasing number of political scientists whose research on Tatars and Tatarstan is being

published in top English-language political science journals. As mentioned previously, this number represents *only* those studies which would be impossible without specific insights and knowledge about Tatars or of Tatarstan. Overall, however, the number of research articles dedicated to Tatar issues or Tatarstan is still somewhat underrepresented. For instance, this figure stands at around 0.5% of articles in *Post-Soviet Affairs*: around ¼ of what one might expect if research corresponded to population figures. For several reasons this remains an issue in political science research more broadly.

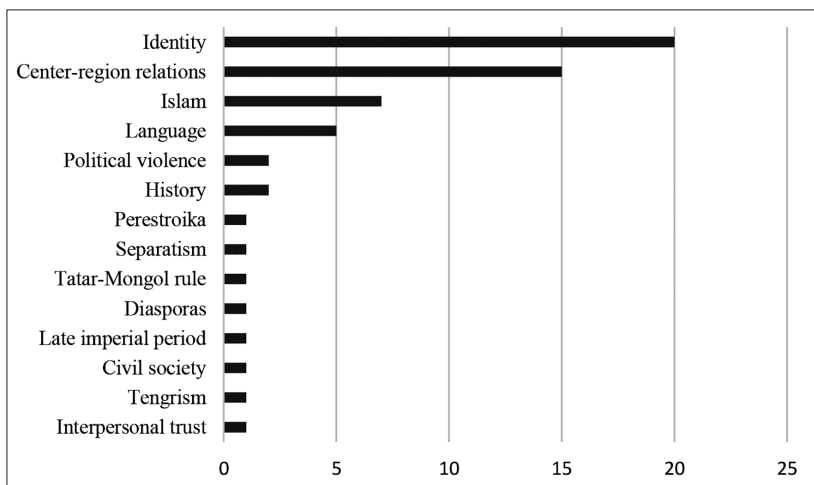
Figure 2 displays a breakdown by journal, with the blue bars representing general political science journals and the green bars representing regionally focused ones. As one might expect, the number of publications is larger in journals devoted specifically to Eastern Europe and Eurasia, but there are nevertheless several publications in top general subfield journals.

Figure 2 Trends in political science research on Tatars by journal.

It is worth highlighting that the general subfield journals listed tend to be extremely selective and heavily focused towards quantitative and statistical analyses, which often add barriers to specialists of one country or region. Researchers specializing in Tatars and Tatarstan have, however, published such work dealing with a variety of topics, and from different methodological standpoints.

Figure 3 Topics in political science research on Tatars

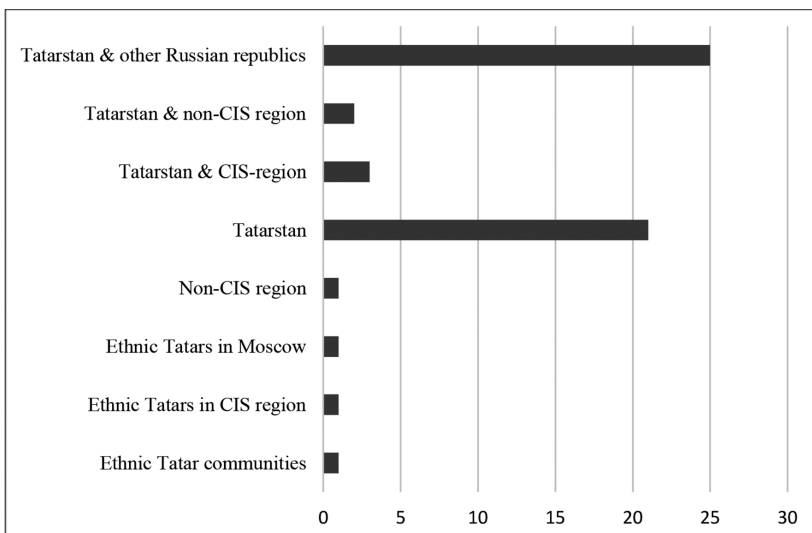
Other trends also emerge when examining the specific issues addressed in the research, as shown in Figure 3 above.

I assigned each article 1 or 2 key topics based upon the article’s keywords to identify topic clusters. The findings show that issues of identity are central to the political science research published and represent one way in which insights from Tatar studies and political scientists come together. It is also unsurprising that identity features so prominently because many of the other topics are difficult to fully separate from identity, such as language, political attitudes, and religion.

In addition to identity, another topic – which I labelled as «center-region relations» – is prominent in political science scholarship, focusing broadly on relations between Kazan and Moscow in the post-Soviet period, including elite politics [6], bilateral treaties and [7], and language policy [8]. In this regard Tatarstan is often studied because it is in many cases a regional «leader» and therefore can help political scientists to better understand center-region developments in Russia.

Methodology and geographical concentration:

Figure 4 Geographical concentration of political science research on Tatars

Geographically, existing research falls into two even categories: research focusing exclusively on Tatarstan, and comparative research that examines Tatarstan *in addition to* one or several other republics in Russia. For many of the issues studied such as identity or federal relations, Tatarstan is often juxtaposed to Bashkortostan or Yakutia.

Figure 5: Methodological approach of political science research on Tatars

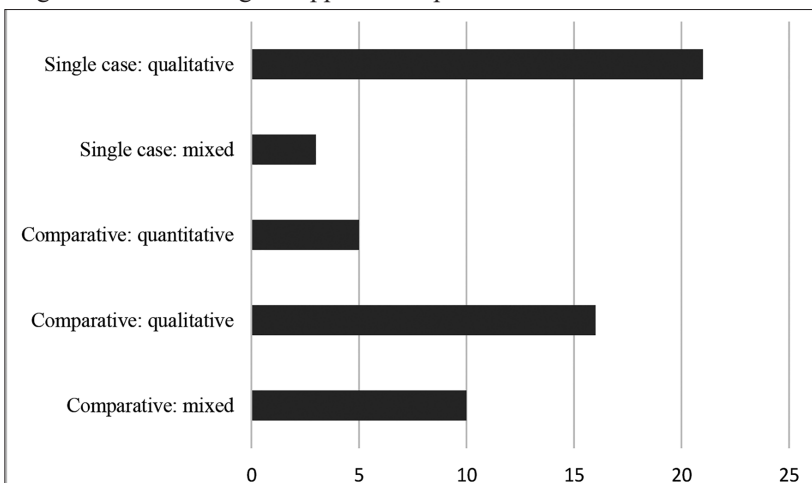
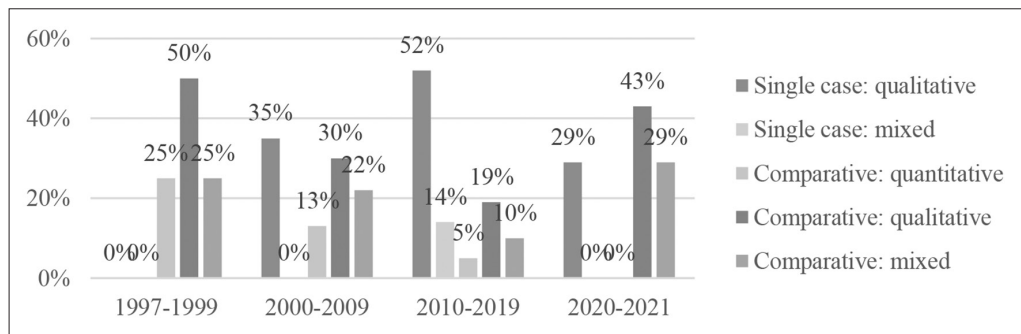

Figure 6 Methodological approach of political science research on Tatars, by period

Finally, figures 5 and 6 reveal that research on Tatars and Tatarstan is methodologically quite varied. The lack of any distinguishable pattern is a positive sign that specialization in Tatar studies and Tatarstan is valued across methodological boundaries. For the two full decades analyzed (2000–2009 and 2010–2019) the only distinguishable shift has been towards single case studies – a trend that is in line with political science research more generally [9].

3. Suggestions for future research:

The patterns uncovered lead to a few suggestions for future research.

First, one gap that emerges among existing political science research is that much of it does not extend beyond state and administrative borders in its approach (see Figure 4). With only around 1/3 of ethnic Tatars living within the Republic of Tatarstan, a renewed focus on diaspora politics, Ethno-Cultural Autonomies [*Natsional'no-kul'turnye avtonomii*], or the international relations of Tatarstan appear to be fruitful avenues for political science research.

Second, a minority of research uses quantitative data and/or mixed methods. Political science – especially in the United States – is increasingly oriented towards quantitative data. New directions in political science research on Tatars and Tatarstan might be possible through the quantitative analysis of historical texts, media (including newspapers), or survey data.

Finally, increased synthesis of existing research in a variety of formats can help identify new projects and challenges, such as the 2016 special issue in *Nationalities Papers* on Tatarstan, or special topic panels at conferences, and collaboration between researchers.

REFERENCES

1. David D. Laitin. Post-Soviet Politics // *Annual Review of Political Science* Volume 3, Number 1, 2000, pp. 117–48.
2. Dmitry Gorenburg. *Minority Ethnic Mobilization in the Russian Federation*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003; Katherine E. Graney. *Of Khans and Kremains: Tatarstan and the Future of Ethno-Federalism in Russia*, Lexington Books, 2009; Elise Giuliano, *Constructing Grievance: Ethnic Nationalism in Russia's Republics*. Ithaca: Cornell University Press, 2011; Helen Faller, *Nation, Language, Islam: Tatarstan's Sovereignty Movement*. Budapest : CEU Press, 2011.
3. Daniel S. Treisman. Russia's «Ethnic Revival»: The Separatist Activism of Regional Leaders in a Postcommunist Order // *World Politics*, Volume 49, Issue 2, 1997, pp. 212–49; Henry E. Hale. The Parade of Sovereignties: Testing Theories of Secession in the Soviet Setting // *British Journal of Political Science* Volume 30, Issue 1, 2000, pp. 31–56; Jeffrey Kahn. *Federalism, Democratization, and the Rule of Law in Russia*. Oxford: Oxford Scholarship, 2002.
4. Katherine E. Graney. *Of Khans and Kremains: Tatarstan and the Future of Ethno-Federalism in Russia*, Lexington Books, 2009; Helen Faller, *Nation, Language, Islam: Tatarstan's Sovereignty Movement*. Budapest : CEU Press, 2011, Gulnaz Sharafutdinova. Getting the «Dough» and Saving the Machine: Lessons from Tatarstan // *Demokratizatsiya*, Volume 21, Issue 4, Fall 2013, pp. 507–529.
5. Thomas B. Pepinsky. The Return of the Single-Country Study // *Annual Review of Political Science* Volume 22, Issue 1, 2019, pp. 187–203.
6. Gulnaz Sharafutdinova. Regional Governors Navigating through Putin's Third Term: On the Wave of Patriotism through the Troubled Waters of the Economy // *Russian Politics* Volume 1, issue 4, December 2016, pp. 372–97; Guzel Garifullina, Kirill Kazantsev, and Andrei Yakovlev. United We Stand: The Effects of Subnational Elite Structure on Succession in Two Russian Regions // *Post-Soviet Affairs*, Volume 36, Issues 5–6, November 2020, pp. 475–94.
7. Ekaterina Paustyan, A Treaty for the Rich and Politically Loyal? Explaining the Bilateral Center-Region Treaties in Post-Soviet Russia // *Russian Politics* Volume 6, issue 2, 2021, pp. 185–209; Adam Charles Lenton,

Office Politics: Tatarstan's Presidency and the Symbolic Politics of Regionalism // *Russian Politics* Volume 6, Issue 3, 2021, pp. 301–29.

8. Katherine E. Graney. Education Reform in Tatarstan and Bashkortostan: Sovereignty Projects in Post-Soviet Russia // *Europe-Asia Studies* Volume 51, Issue 4, June 1999, pp. 611–32; David Cashaback, Assessing asymmetrical federal design in the Russian federation: A case study of language policy in Tatarstan // *Europe-Asia Studies*, Volume 60, Issue 2, 2008, pp. 249–275; Teresa Wigglesworth-Baker. Language policy and post-Soviet identities in Tatarstan // *Nationalities Papers*, Volume 44, Issue 1, 2016, pp. 20–37; Dilyara Suleymanova. Between Regionalisation and Centralisation: The Implications of Russian Education Reforms for Schooling in Tatarstan // *Europe-Asia Studies*, Volume 70, Issue 1, pp. 53–74.

9. Thomas B. Pepinsky. The Return of the Single-Country Study // *Annual Review of Political Science* Volume 22, Issue 1, 2019, pp. 187–203.

УДК 323.15

UNEQUAL SUBJECTS: WHAT CRITICAL RACE THEORY CAN BRING TO TATAR HISTORY

Ross, Danielle

Utah State University (Logan)

Неравноценные понятия: что критическая расовая теория может привнести в историю татар

Росс, Даниэль

Университет штата Юта (Логан)

В данной статье рассматривается влияние имперского поворота в написании истории мусульманских меньшинств России. Определяется эпистемологический потенциал критической расовой теории как альтернативной модели для изучения того, как функционировали этнические и религиозные иерархии в российском случае.

Ключевые слова: раса, Российская империя, ислам, татары, ориентализм.

This paper considers the impact of the imperial turn on the writing of the history of Russia's Muslim minorities and the failure of Edward Said's *Orientalism* to serve as a model for decolonizing the field of Russian imperial history. It purposes Critical Race Theory as alternate model for exploring how ethnic and religious hierarchies functioned in the Russian case.

Key words: Race, Russian Empire, Islam, Tatar, Muslim, Orientalism.

Introduction

Starting in the 1990s, historians of Russia, especially those based in the U. S., Canada, western Europe, and Japan, embraced the idea that Russia in the nineteenth and early twentieth centuries was a multiethnic colonial empire directly comparable with other major colonial empires, including Britain, France, the Netherlands, and the United States [1: 1–6; 2: 201–287; 5: 6; 16: 4; 7: 3–8; 8: 251–286]. While the colonial nature of the Russian empire continues to be a subject of debate [9: 117–138], the concept of Russia as a multiethnic, colonial empire has set the agenda for post-1991 historical scholarship, with scholars focusing on how Russia acquired and integrated various parts of its empire [5; 6], how the Russian imperial government co-opted and reshaped legal culture and institutions in its colonial territories [10; 11], and how the experience of ruling a colonial empire shaped Russian culture [12; 13].

The new imperial turn carried with it a further imperative: the normalization of imperial and colonial relations. A repeated theme of the imperial-turn scholarship of the late 1990s and 2000s was that the true history of late imperial Russia was to be found not in violent confrontations between the imperial state and its colonized populations, but, rather in the mundane interactions of colonial subjects with the imperial institutions [8: 2; 11: 9–21]. While episodes of violence occurred, these episodes were less important than the power of the state to integrate and provide services to diverse populations through its control of courts, religious institutions, military service, and provincial administration [4: 2–16; 14; 15: 1–16]. This emphasis on integration, coexistence, and loyalty to empire was meant to serve as an antidote to narratives that overemphasized modern national identities and/or presented Russia as a space characterized by continual confrontations between the imperial government and

its non-Russian peoples [1: 3–7; 11: 4–9]. However, over the long term, it has also led to two other developments: (1) the replacement of narratives of violent confrontation between colonizer and colonized with a supposedly complex, but ultimately homogenous narrative of (relatively) peaceful imperial belonging; and (2) the marginalization of indigenous peoples in studies of Russia's colonized borderlands in favor of examinations of the imperial government and its agents.

The present paper will consider how scholars currently researching and writing Kazan Tatar and Volga-Ural Muslim history might step beyond this current imperial paradigm to create space for histories about something other than non-Russians as obedient imperial subjects. First, it will look at the potential of Edward Said's *Orientalism* to challenge the imperial turn and the reasons for its failure to do so. Then, it will introduce Critical Race Theory as an alternative framework for understanding Russian imperial rule. Finally, it will offer a case study of how CRT might be applied to Tatar history.

Orientalism's Failure

At the time that the imperial turn reached Russian imperial history, so, also, did another theoretical model: Edward Said's *Orientalism*. *Orientalism*, with its assertions about how colonial officials, scholars, and artists created the «Orient» through their art and scholarship and, thereby, laid the groundwork for their governments to dominate it [16: 31–72] posed a clear challenge to post-Soviet historians, who wished to focus on the Russian empire as integrator, facilitator, and winner of non-Russians' loyalty. In theory, Said's theory should have forced historians to reckon with the darker sides of colonial empire, most notably, the ways in which the agents of empire appropriated and misrepresented the cultures of the colonized and the very real consequences that these appropriations and misrepresentations had for the colonized people's political and economic agency, self-image, and personal safety. However, when questioned about the applicability of *Orientalism* for Russia, too many historians dodged the question. Some pointed to Russia's position as a territory on the boundary of Europe and Asia that was itself subjected to orientalism by western Europeans and, therefore, a victim rather than a perpetrator of orientalism. [3: 2] Others repurposed Said's narrative of how colonial governments other their colonized subjects to describe how the Russian government othered its own Russian peasants and subjected them to an internal colonization project [17: 1–12]. Still others resorted to hunting down exceptions to the rule, pointing to one or another Russian imperial official or scholar whom they perceived as less chauvinist, less enmeshed in state service, or more well-intentioned than his British or French counterparts; the mere existence of such individuals somehow proved that Said's *Orientalism* did not reflect the realities of imperial Russia [17: 701–715; 18: 1–22]. Finally, there were those who pointed to Russian artists' appropriation of the cultural material from their colonized subjects and their assertion of Asiatic as a component to Russian national identity as evidence that Russians experienced a unique sympathy for their non-European colonial subjects and, therefore, did not fit into Said's model [12: 1–11].

In short, Said's *Orientalism* could have been a powerful tool for historians of Russia's non-Russian communities to call the historians of empire to task. Instead, historians of imperial Russia retrenched to the position that Russia, despite being a colonial empire, was also an exceptional society to which the conditions that characterized other colonial empires applied only selectively. This refusal to engage with questions about Russia's relationship to orientalism, racism, and colonialism in an intellectually honest way is more than a mere annoyance to historians specializing in the history of the Tatars and other non-Russian communities. It makes Russianist historians complicit in perpetuating an intellectual framework in which the Russian state and state-allies voices are privileged over all others, in which complaints by non-Russian historical actors can be minimized or silenced, and in which histories of non-Russian communities that do not support the narrative of the benevolent, exceptional Russia imperial state can be erased.

Race in Russian Studies

This past summer, in response to the public demonstrations following the death of George Floyd, *Slavic Review* released a special issue dedicated to the question of how race may be

understood and applied in the Russian and Soviet contexts [20: 203]. This discussion of race re-treads the ground covered by proponents of Said's *Orientalism* 10–20 years ago to the extent that scholars of Russian history once again acknowledge that chauvinism existed (and continues to exist) in Russia. However, with a few exceptions, most of the essays presented in this special issue once again skirt around the Russia's colonial experience and its implications. Notably, not one of the essays focuses on the place of the Muslim peoples of the Volga-Ural region, Crimea, Siberia, Central Asia, the steppe, and the Caucasus in the racial hierarchies of Russian Empire or the Soviet Union. Of all the authors, only the sociologist Marina Yusupova offers observations that an historian of Russia's Muslim populations might find useful. Perhaps most useful of these is her proposal of a two-tiered Russian system of race, which divides peoples between the «European» (Russian, Ukrainian, Belarusian, Polish, German) and the «non-European» (Tatars, Kazakhs, Uzbeks, Buryat, North Caucasians, etc.) ethnicities. Assignment to one group or the other is based upon a combination of factors including geographic and cultural proximity to Europe and historical status with Russia's colonial structure [21: 227; 230]. As will be seen, this distinction provides a means of countering the argument that «whiteness» and race are fundamentally inapplicable to Russia.

Critical Race Theory first emerged in the American legal field in the 1970s. Its proponents proposed that racism was not an exceptional or aberrant element in society, but rather, part of society's normal operation and experienced on a daily basis [22: 4]. Indeed, racism is so deeply embedded in «normal» life that it is largely invisible to the dominant «white» society. This normality and invisibility of racism makes it difficult to discuss or remedy. Second, CRT presents racism as closely bound up with power and material wealth. White people benefit in some way from racism, and so have little reason to question it, much less dismantle it. Finally, CRT views race as socially constructed and changeable as necessary at the demands of white society [22: 8–10].

According to CRT, white people determine the rules of operations of the racial hierarchy, often without explicitly acknowledging that they do so. Meanwhile, the subordinate racial groups experience the negative effects of this system. Such effects may include: (1) reduced access or precariousness of access to resources such as housing, food, medical care, education, and employment; (2) discrimination in daily interactions; (3) subjection to popular and/or state violence and police surveillance, arrests, and imprisonment; (4) exclusion from political power, including through intimidation and disenfranchisement; and (5) enjoying less government protection of one's personal and property rights than do whites [22: 10–12; 21–22].

So, how does a model developed to reckon with racial inequality in the United States become useful in re-examining the history of interethnic relations in the Russian Empire? At first glance, the concept of «whiteness» does not appear to translate into the imperial Russian context. However, if Yusupova's «Europeanness» is substituted for the American concept of «whiteness,» then the relationship between hegemonic Russian society and its Muslim minorities fits almost uncannily into the CRT model. Imperial Russia's 15–20 million Muslim subjects lived in a society in which differential treatment of «Europeans» and «non-Europeans» was a normal aspect of daily life. The distinction between «Europeans» and «non-Europeans» was socially constructed around an arbitrarily chosen set of characteristics that was subject to change as the needs and anxieties of the Russian hegemonic majority changed. Those deemed «non-Europeans» could not opt out of the system by changing their names, their dress, their language, or their education because the rules dictating who belong to which category were established and enforced by the politically dominant «European» / «Russian» group. Those consigned to the category of «non-Europeans» were subjected to treatment that would have been considered abhorrent or unthinkable if directed toward ethnic Russians, Germans, or most of the empire's other «European» ethnicities. Non-Europeans' lands could be confiscated by the state without regard for the owners' property rights [26: 70–102]. In campaigns of colonial conquest, «non-European» combatants and civilians could be subjected to violence and mass slaughter [24: 35–47; 25: 65–79]. The perception that non-Europeans collectively were of duplicitous, scheming, disloyal, and culturally inferior to «European» Russians colored every aspect of their experience in Russian society, including their access to education, their ability to hold property, their right to vote (after 1905), and their likelihood of being subjected to violence by the imperial state or their fellow imperial subjects.

Applying CRT in the History of the Volga Region

The investigation of Bubi Madrasa in 1909–1912 provides an apt case for demonstrating how CRT might be fruitfully applied to elucidate how the «European» vs. «non-European» hierarchy functioned in late imperial Russia. Nearly all the conditions and practices identified within CRT are present in the Bubi case. Moreover, the number and variety of social and political actors involved in the case offer a wide range of perspectives, making it possible to counter argument that the events were driven by aberrant or idiosyncratic individuals rather than by values that would have been considered normal within «European» (i.e. Russian) society.

We can begin with the circumstances that led to the raid against the madrasa. Bubi Madrasa was one of several Muslim schools that had come to the attention of the Russian gendarme in 1909 as a potential site for the dissemination of pan-Islamism [26: 58ob; 27: 19ob], an offense that specific to Muslims subjects. Here, already, we encounter state surveillance deployed against individuals based upon their belonging to a subset of Yusupova's «non-European» category. The event that incited the raid against Bubi was not a report of pan-Islamism, but, rather, a complaint from a community member regarding the misbehavior of several of Bubi's students [28: 83–83ob; 29: 68ob; 30: 70]. The police did not wait for a report of pan-Islamism preached on school premises to take action against the Bubi Madrasa. Any report of misconduct was an adequate justification to unleash state-sanctioned violence. What Gabdulla Bubi and his students had done or not done was unimportant. They were Tatars and Muslims, and, within imperial Russia's racial-religious hierarchy, it was normal to consider them disloyal subjects. Rather than being treated as individuals by imperial policing institutions, they were targeted for belonging to a «wrong» racial/religious group and accused of the faults attributed to that group by «European» Russian society.

The scope of the Bubi raid also reveals the workings of Russia's racial hierarchies. As Gabdulla Bubi was arrested for crimes broadly attributed to his religious and ethnic group, so, too, was his ethnic community made to suffer for his perceived transgressions. The madrasa as well as the homes of all the teachers and students were subjected to a police search that continued for three days [31: 156–157]. Nine members of the madrasa's teaching staff were arrested [32: 3]. Bubi's brother was arrested, though he was guilty only of having worked at the school and being related to Bubi [30: 81]. In 1911–1912, the fallout from the Bubi raid radiated outward like ripples in a pond, a fact that was remarked upon repeatedly by Tatars writing in the 1910s and 1920s, but which has been largely ignored by foreign scholars of Russian history. The release of Galimjan Ibrahimov's *The Qazaq Girl* was delayed by a decade as a result of the manuscript being seized during a police raid on Vaqyt Press, which was, at the time, preparing the novel for publication [33: 474–475]. The publication of the third volume of Rizaeddin Fakhreddinov's *Asar* was similarly delayed by a nearly a century as his property, also, was targeted for police search and seizure [34: 348]. If we are to take Sadri Maqsudi's statistics at face value, 150 Muslim teachers, imams, writers, and publishers were subjected to police searches and seventy Muslims schools were closed following the Bubi raid [35: 1–2]. Most of these people had at most, casual or tangential connections with Gabdulla Bubi, but the charges leveled against him were extended to them as members of the same religious-racial group. As a disempowered racial group, they had no means to dispute either their membership in the group or their individual guilt or innocence. They were not permitted the individuality granted to Russia's «European» subjects.

Finally, a comparison of Russian society's treatment of Gabdulla Bubi and Ishmuhammad Dinmuhammadov during the Bubi trial suggests the universality of European/Russian prejudice against non-Europeans/Muslims. Dinmuhammadov's experience was, perhaps, the more predictable of the two. After attempting to take the side of the hegemonic group, he was silenced and quite literally spoken for, as the prosecutors replaced his interpreter with one of their own choosing who disregarded Dinmuhammadov whenever he deviated from the prosecution's agenda [30: 74–75]. Bubi's experience was both more complex and more interesting. Bubi was defended by the liberal Russian lawyer V. A. Maklakov, but Bubi's personal beliefs sorely tested Maklakov's liberalism. As Bubi noted in his memoirs, Maklakov claimed to have been made physically ill by Bubi's unpublished writings, which included an assertion that the Russian imperial government was fundamentally hostile toward its Muslim subjects and that working to dismantle the empire was in Muslims' best interest [30: 61; 36: 111 ob]. Bubi's

views followed Russia's racist status quo to its logical conclusion: Anti-Muslim sentiments were an integral part of the normal and accepted order of the imperial system and could not be excised from it or reformed out of it. Colonial empire was, by its very nature, racist. The only way for Russia's Muslims to rid themselves of anti-Muslim prejudices and policies was to rid themselves of entire imperial system. However, for Maklakov, Bubi had broken a sacrosanct rule: he had rejected not just the autocracy or the sitting emperor, but the entire Russian political and economic order, and in doing so, he put at risk the privileges that ethnic Russians as individuals and as a group enjoyed over their non-European subjects. Ethnic Russian intellectuals might have been willing to acknowledge instances of injustice against Russia's colonial subjects, but they were far less willing to divest themselves of their racial and ethnic privilege by relinquishing their control over the empire's non-European territories.

In this sense, while Maklakov and the prosecutors at the Bubi trial did not agree about the role of democracy in Russia, they did share an understanding of the appropriate position of non-Europeans in Russia; the normal state of non-Europeans was submission, obedience, silence, and gratitude to hegemonic European/Russian society. Russia might remain an autocracy or become a democracy or a parliamentary monarchy, but under no circumstances should ethnic Russians fully surrender their power to the non-Russian / non-European groups in their society.

Conclusion

My purpose in writing this paper is not merely to point out that chauvinism existed in imperial Russia. Rather, I propose that a form of racism that structurally and systematically privileged Russianness and Europeanness (as defined in the Russian context) was a fundamental element of Russian imperial culture and government policy. It remained fundamental to Soviet culture and government despite the Bolshevik decrying of Great Russian chauvinism. This racism was systemic rather than incidental. It was constructed and perpetuated at all levels of society, from government institutions and the discourses of Russian educated society to the daily interactions among the empire's subjects. Even if individual ethnic Russian officials, intellectuals, and politicians did not personally hold racist views, they reaped benefits from a society that granted them greater privileges, access to resources, security of status, and recognition as unique individuals, things that Russia's non-European subjects did not enjoy. Likewise, non-European subjects, regardless of their personal conduct and political views, found themselves subjected to a set of legal limitation, impositions, and stereotypes forced upon them by European/Russian society. This paper is a call to push back against the imperial turn or, rather, a call for a more honest, nuanced vision of Russia as a colonial empire. That vision should fully acknowledge the systemic racist policies, practices, and attitudes around which the empire was organized and explores the resilience of those policies, practices, and attitudes across the twentieth century and twenty-first centuries. CRT, when adapted for the Russian context, provides a framework for discussing ethnic non-Russians' lived experiences of inequality under Russian imperial and Soviet rule and for decolonizing the histories of the Tatars and Russia's other non-European minorities.

REFERENCES

1. Kappeler, A. *The Russian Empire: A Multi-ethnic History*. London: Routledge, 2001.
2. Lieven, D. C. B. *Empire. The Russian Empire and its Rivals*. New Haven: Yale University Press, 2002.
3. Geraci, R. *Window on the East: National and Imperial Identities in Late Tsarist Russia*. Ithaca: Cornell University Press, 2018.
4. Steinwedel, C. *Threads of Empire: Loyalty and Tsarist Authority in Bashkiria. 1552–1917*. Bloomington: Indiana University Press, 2016.
5. Khodarkovsky, M. *Russia's Steppe Frontier. The Making of a Colonial Empire. 1500–1800*. Bloomington: Indiana University Press, 2002.
6. Sunderland, W. *Taming the Wild Field. Colonization and Empire on the Russian Steppe*. Ithaca Cornell University Press, 2004.
7. Morrison, A. S. *Russian Rule in Samarkand. 1868–1910. A Comparison with British India*. Oxford: Oxford University Press, 2008.
8. Burbank, J. and F. Cooper. *Empires in World History. Power and the Politics of Difference*. Princeton: Princeton University Press, 2008.
9. Schorkowitz, D. *Was Russia a Colonial Empire?// Shifting Forms of Continental Empire: Unfinished Struggles and Tensions*. ed. D. Schorkowitz, J. R. Chávez and I. W. Schröder. Singapore: Springer, 2019, pp. 117–147.
10. Martin, V. *Law and Custom in the Steppe. The Kazakhs of the Middle Horde and Russian Colonialism in the Nineteenth Century*. London: Routledge, 2001.

11. Crews, R. D. For Prophet and Tsar: Islam and Empire in Russia and Central Asia. Cambridge: Harvard University Press, 2006.
12. Schimmelpennick van der Oye, D. Russian Orientalism. Asia in the Russian Mind from Peter the Great to the Emigration. New Haven: Yale University Press, 2010.
13. Issiyeva, A. Representing Russia's Orient: From Ethnography to Art Song. Oxford: Oxford University Press, 2020.
14. Krimse, S. The Lawful Empire: Legal Change and Cultural Diversity in Late Tsarist Russia. Cambridge: Cambridge University Press, 2019.
15. Kane, E. Russian Hajj: Empire and the Pilgrimage to Mecca. Ithaca: Cornell University Press, 2015.
16. Said, E. Orientalism. New York: Vintage, 1994.
17. Etkind, A. Internal Colonization: Russia's Imperial Experience Malden: Polity, 2011.
18. Nathaniel Knight On Russian Orientalism. A Response to Adeeb Khalid // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History, Volume 1, Number 4, Fall 2000, pp. 701–715.
19. Tolz, V. Russia's Own Orient. The Politics of Identity and Oriental Studies in the Late Imperial and Early Soviet Period. Oxford: Oxford University Press, 2011.
20. Carew, J. G. and C. Kaier Introduction // Slavic Review, Volume 80, Issue 2, pp. 203–206.
21. Marina Yusupova The Invisibility of Race in Sociological Research on Contemporary Russia: A Decolonial Intervention // Slavic Review, Volume 80, Issue 2, Summer 2021, pp. 224–233.
22. Delgado, R., J. Stefancic and A. Harris. Critical Race Theory (Third Edition): An Introduction. New York: New York University Press, 2017.
23. Virginia Martin Kazakh Chinggisids, Land and Political Power in the Nineteenth Century: A Case of Syrymbet // Central Asian Survey, Volume 29, No. 1, March 2010, pp. 79–102.
24. Ian W. Campbell Bloody Belonging: Writing Transcaspia into the Russian Empire // Empire and Belonging in the Eurasian Borderlands. Ithaca: Cornell University Press, 2019, pp. 35–47.
25. Matthew J. Payne «Do You Want Me to Exterminate All of Them or Just the Ones Who Oppose Us? // Empire and Belonging in the Eurasian Borderlands. Ithaca: Cornell University Press, 2019, pp. 65–79.
26. NART Fond 92. Opis' 2. Delo 8777.
27. NART Fond 199. Opis' 1. Delo 675.
28. NART Fond 41. Opis' 11. Delo 1.
29. NART Fond 41. Opis' 11. Delo 3.
30. Gabdulla Bubyi Bubyi mädräsäse kyska tarikhy // Bertugan Bubyilar häm Izh-Bubyi mädräsäse. Tarikhi-dokumental' jyentyk. Ed. R. Märdanov. Kazan: Rukhiyat, 1999.
31. Mähdiev, M. Ädäbiyat häm chynbarlyk. Kazan: Tatarstan kitap nashriyaty, 1987.
32. Bubi mädräsä khaqynda täfsilat // Kazan mökhbirä, Number 441, 1911.
33. Galimjan Ibrahimov. Äsärlär sigez tomda. Tom 2. Yash' Yöräklär. Kazak kyzy. Tatarstan kitap nashriyaty, 1975.
34. Fäkhreddin, R. Asar. Öchenche häm dürtenche tom. Kazan: Rukhiyat, 2010.
35. Sadreddin Maqsudov G. Dumada dakhiliyya ministerliginyng ismetasy qaralghan vaqyтта deputat Sadreddin Äfände Maqsudovnyng söelägän notyqy // Vaqyt, Number 955, 1912. Supplement.
36. NART Fond. 41. Opis 11. Delo 1.

УДК: 792.072

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ В ИЗУЧЕНИИ ТАТАРСКОГО ТЕАТРАЛЬНОГО ИСКУССТВА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

А. Р. Салихова

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ (Казань)

В статье рассматриваются основные направления в изучении татарского театрального искусства. Прослеживаются этапы развития науки о театре. Упомянуты наиболее значимые театроведческие работы. Анализируются наиболее выраженные тенденции в современных исследованиях. Автор воссоздает общую картину сегодняшнего состояния татарского театроведения.

Ключевые слова: татарский театр, драматургия, театроведение, пьеса, спектакль.

The article discusses the main directions in the study of the Tatar theatrical art. The stages of development of theater science are traced. The most significant works of theater studies are mentioned. The most pronounced trends in modern research are analyzed. The author recreates the general picture of the current state of Tatar theater studies.

Key words: Tatar theater, drama, theater studies, play, performance.

Театральное искусство является важной частью культуры татарского народа. На протяжении многих лет оно отражало национальный менталитет, способствовало духовному и эстетическому прогрессу, не только выражало, но и формировало коллективное

мнение. Проблемам сценического искусства в татарском обществе всегда придавалось большое значение: на эту тему высказывались различные мнения, возникали споры, велись острые дискуссии. В зависимости от исторической обстановки с течением времени менялись критерии и приоритеты, появлялись новые направления и методы осмысления сложного и подчас противоречивого театрального процесса. Все это представляет большой научный интерес.

Татарская театральная критика и театроведение, как и сам театр, имеют богатую историю. Хотя они тесно переплетены между собой, тем не менее, их рассматривают по отдельности. Театральная критика – это область литературного творчества, отражающая текущую сценическую деятельность, а театроведение – это наука, изучающая историю и теорию сцены. Первое обычно появляется вместе с самим театром, а второе, на ее основе – несколько позже. Еще до появления у татар своего профессионального театра вокруг театрального вопроса в течение нескольких лет шли горячие споры. В ранних пьесах и литературных сборниках, на страницах первых татарских газет «Фикер» («Мысль»), «Казан мохбире» («Казанские известия») писали о необходимости создания национального театра, об особенностях сценического искусства, его воспитательной роли. Зарождение непосредственно татарской театральной критики датируется 1906 годом и связано с двумя решающими факторами – появлением у татар собственного театра и развитием национальной периодической печати. Театральные статьи и рецензии до революции имели очень большое распространение. Они публиковались в таких газетах как: «Казан мохбире» (Казанские известия), «Эльислах» («Реформа»), «Йолдыз» («Звезда»), «Кояш» («Солнце»), «Вақыт» (Время), «Идел» («Волга»), «Тормыш» («Жизнь») и в журнале «Анг» («Разум»), издававшихся в Казани, Оренбурге, Астрахани, Уфе.

У истоков татарской театральной критики стоял Габдрахман Карам. Уже его первая статья, посвященная спектаклям «Кызганыч бала» и «Гыйшык бэлэсе» (первому официальному театральному представлению на татарском языке в «Новом клубе» 22 декабря 1906 года) свидетельствует о глубоком знании автором мировых культурных процессов, его горячей любви к театру и заинтересованности в деле национального просвещения. Данную статью можно назвать настоящей рецензией: речь в ней идет конкретно о пьесе, об игре актеров, о положительных моментах и отдельных недостатках спектакля. В дальнейшем, Г. Карам становится самым последовательным и активным театральным критиком дореволюционной поры. Будучи близким другом и советчиком артистов, в случае необходимости он превращался в сурового, но справедливого судью. Не случайно Габдулла Кариев называл его «грозою татарских артистов», всегда советовался с ним, по его замечаниям корректировал свою работу. Наряду с Г. Карамом одними из первых в периодической печати со статьями о театре активно выступали такие писатели как Г. Камал, Ф. Амирхан, Г. Тукай, С. Рамиев. Большую ценность и интерес представляют статьи и высказывания о театре М. Вахитова, Г. Ибрагимова, Ш. Ахмадеева. Активно работали в области театральной критики в Казани журналисты Г. Нугайбек, З. Нуркин, И. Биккулов, в Оренбурге К. Бакер, в Астрахани С. Рамиев, в Уфе С. Шарафутдинов.

Новый этап в развитии национального сценического искусства, и соответственно, театральной критики начался после Октябрьской революции 1917 года. Первые годы Советской власти и двадцатые годы сценическое искусство переживало сложный, противоречивый период своего развития. Театральные статьи и рецензии печатались почти ежедневно. По вопросам искусства активно выступали ведущие драматурги, артисты, режиссеры, журналисты и критики. Среди них следует выделить К. Тинчурина, З. Султанова, Ф. Бурнаша, Ш. Усманова, А. Гумерова, М. Парсина, А. Мазитова, С. Валиева-Сулву, Г. Айдарского, З. Гали, Ф. Саллави, Г. Кутуя, Р. Ишмурата, Г. Минского, Ф. Мусагита. Шли споры о национальных традициях, о роли культурного наследия в современном искусстве, о содержании и формах нового театра, о сценических жанрах, о месте музыки в драматическом театре. В этот период решающую роль сыграли выступления в печати К. Тинчурина, З. Султанова, Ф. Бурнаша, Ш. Усманова. В результате продолжительных дискуссий и споров к началу тридцатых годов, татарский театр окончательно сформировался как театр нового типа, основанный на принципах социалистического реализма.

Значительными фигурами в театральной критике довоенного периода можно назвать Г. Кутуя, М. Джалиля, А. Файзи, Н. Исанбета, Г. Кашшафа. Их интересовали

произведения на историческую и современную тему, фольклорные традиции, такие жанры как драма, трагедия, сатирическая комедия. В своих статьях они подчеркивали воспитательное значение искусства, считая самым важным соблюдение принципов партийности, народности, жизненной достоверности. Особенно богатое наследие оставил в критике Г. Кашшаф: его статьи и рецензии можно назвать театральной летописью. Много писали о театре Р. Ишмурат, Ш. Сарымсаков, Ф. Хусни, М. Гайнуллин, Ф. Мусагит.

Первые зачатки театроведения уже можно обнаружить в ежегодных обзорах Г. Карама, в статье Ф. Амирхана по случаю 10-летия татарского театра, в некоторых обобщающих статьях Ф. Бурнаша, К. Тинчурина, в сборнике о Г. Кариеве 1924 года. Богатый театроведческий материал содержит сборник «Татар театры», выпущенный по случаю 20-летия татарского театра. В нем выступили со статьями Г. Ибрагимов, Г. Сагди, Г. Рахим, М. Парсин, С. Гизатуллина-Волжская, К. Тинчурин, З. Султанов, К. Шамиль, С. Габаши и многие другие. Определенный интерес представляют книги «Татар театры тарихыннан» («Из истории татарского театра» 1926) В. Муртазина и Т. Ченакай, «Уен һәм сүз техникасы» («Техника игры и слова», 1928) и «Театр (1932) М. Магдеева, «Театр сэнгате» («Театральное искусство», 1931) Г. Айдарского и другие.

В шестидесятые годы начался новый этап в развитии татарского театроведения. Постепенно формируется группа профессиональных критиков-театроведов. Это Б. Гиззат, Р. Усманова, Х. Губайдуллин, Х. Кумысников. Затем А. Ахмадуллин, И. Илялова, Д. Гимранова, Х. Махмутов, Р. Игламов, Г. Арсланов, Н. Ханзафаров. Они совмещали регулярные выступления в печати с научной теоретической исследовательской работой. Поэтому естественно, что для них был характерен более глубокий и аналитический подход к вопросам театра и драматургии, более подробный разбор пьес, актерской игры, режиссерского решения, художественного и музыкального оформления спектаклей. В связи с 50-летием татарского театра издается серия брошюр, посвященная творчеству Г. Кариева, С. Гизатуллиной-Волжской, Г. Болгарской, Н. Таждаровой, Ф. Ильской, Х. Абджалилова, Х. Уразикова, авторами которых являются Ш. Сарымсаков, Г. Кашшаф, Ф. Шарафиев, А. Еники, Ф. Мусагит, Х. Кумысников. В 1966–1971 годах, в издательстве «Наука» в Москве выходит «История советского драматического театра» в шести томах, где Б. Гиззат публикует свои очерки по татарскому театру. Важной вехой в татарском театроведении стала выпущенная в 1975 году книга «Татар совет театры», подготовленная сотрудниками сектора искусства Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиала АН СССР. В ней впервые, наряду с историей ТГАТ им Г. Камала, включены главы по Республиканскому передвижному (ныне Татарский театр драмы и комедии им. К. Тинчурина), Мензелинскому и Альметьевскому театрам. Авторы книги – А. Ахмадуллин, Б. Гиззат, Х. Губайдуллин, И. Илялова, Х. Кумысников, Х. Махмутов, Д. Гимранова.

В восьмидесятые годы появились обобщающие исследования по татарской драматургии: «Татарская драматургия», «Горизонты татарской драмы» А. Ахмадуллина, «Татарская литература и публицистика начала XX века» М. Гайнуллина. Тогда же увидели свет монографии, посвященные жизни и деятельности корифеев сцены Г. Кариева, С. Гизатуллиной-Волжской, Г. Болгарской, Г. Шамукова, К. Тинчурина, Х. Уразикова и т.д. Была выпущена серия книг И. Иляловой «Актерское искусство современного татарского театра», «Международные связи татарского театра», «Театр имени Камала» и др.

В 1988 году вышла книга Х. Махмутова, И. Иляловой, Б. Гиззата «Дооктябрьский татарский театр», где подробно прослеживается исторический путь дореволюционного сценического искусства, рассматриваются основные этапы в его формировании, важнейшие театральные события и достижения. Важным достоинством данной книги является то, что она содержит богатейший фактический материал.

В двухтысячные годы появились серьезные обобщающие работы по различным отраслям театроведения. Следует назвать, в первую очередь труд М. Г. Арсланова «Татарское режиссерское искусство» [2, 3, 4] выпущенный в трех книгах в 1992, 1996 и 2002 годах. Это серьезное научное исследование, в котором прослеживаются этапы развития татарской режиссуры, реконструируются наиболее значимые постановки мастеров национальной сцены, выявляются характерные черты и ведущие тенденции развития татарского постановочного искусства. Также появились научные и научно-популярные

издания, посвященные отдельным театрам. В этом ряду можно назвать книги И. Иляловой о Театре им. К. Тинчурина, Р. Игламова о театре кукол, Д. Гимрановой о Мензелинском, Альметьевском и Набережночелнинском театрах.

Большой интерес представляет вышедший в 2009 году двухтомный альбом, посвященный истории татарского театра [14]. В первый том издания вошли более 100 статей о знаковых, легендарных спектаклях Камаловского театра за всю его историю с иллюстрациями. Во втором томе даны сведения о персоналиях татарского театра (режиссерах, артистах, художниках и т. д.), о татарских театрах в республике и за ее пределами, о репертуаре, гастролях смотрах и фестивалях ТГАТ им. Камала. Сюда же вошли разделы по театральной музыке и сценографии. В создании альбома принимал участие широкий круг авторов: Миркасым Усманов, Гали Арсланов, Юрий Благов, Айгуль Габаши, Дания Гимранова, Галина Зайнуллина, Нияз Игламов, Рауф Игламов, Ильтани Илялова, Юлдыз Исанбет, Юнус Сафиуллин, Рауза Султанова, Ольга Стрельникова, Луара Шакирзян. В 2018 году вышел третий том издания, куда вошли новые материалы, охватившие последнее десятилетие истории театра им. Г. Камала [15]. Похожим, хотя более скромным, справочным изданием стала книга М. Г. Арсланова на татарском языке «Татарский театр: энциклопедический словарь-справочник» [1], вышедшая в 2014 году.

Современный этап характеризуется комплексным подходом к вопросам театрального искусства. Появилось немало работ на стыке театроведения и других наук, таких как история, философия, культурология. Здесь можно отметить такие диссертационные исследования как: «Татарские театральные коллективы в ТАССР в 1930-е гг.» Л. М. Заббаровой, «Театральность как феномен в бытии культуры» Р. Р. Тазетдиновой, «Элементы соц-арта и постсоц-арта в татарском драматическом театре на рубеже XX–XXI веков» Г. И. Зайнуллиной и другие. Кроме того, в отдельную область выделилось изучение татарской сценографии, серьезные обобщающие работы по этой теме написаны Р. Р. Султановой [12,13, 14].

И, конечно же, присутствует тесная связь театроведения с филологией. Здесь можно назвать книги А. Р. Салиховой «Татарский театр в литературно-критическом наследии Габдрахмана Карамы» [11], «Особенности формирования и развития татарского сценического искусства» [10], монографию Д. Р. Фардеевой «Национальная проза на сцене Татарского государственного академического театра имени Г. Камала» [17], работы, посвященные татарской драматургии, в том числе, ее сценическим интерпретациям [8, 9]. Следует отметить, что филологи не ограничиваются теорией и историей вопроса, они включены в современный театральный процесс, часто выступают с критическими и научными статьями. Особой активностью в этой сфере отличаются А. Закирзянов, М. Хабутдинова, Е. Шевченко. С отдельными статьями выступают Д. Загидуллина [7], М. Ибрагимов, Ф. Миннуллина и другие.

В последнее время стало актуальным изучение татарского сценического искусства в широком контексте тюркской и в целом мировой культуры. Не остаются в стороне проблемы музыкального оформления спектаклей [5, 6], хореографии, театральной педагогики. Большое внимание уделяется вопросам национального своеобразия и культурных традиций. Благодаря международным конференциям и регулярно проводимому в Казани фестивалю «Науруз» татарское театральное искусство стало объектом осмысления и обсуждения достаточно широкого круга российских и зарубежных критиков и театроведов. Все это открывает перед исследователями новые горизонты и способствует тщательному и разностороннему изучению такого важного и значительного эстетического явления как татарское театральное искусство.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арсланов М. Г. Татар театры: энциклопедик сүзлек-белешмә. – Казан: «Заман» нәшр., 2014.
2. Арсланов М. Г. Татарское режиссёрское искусство (1906–1941). – Казань: Татар. кн. изд-во, 1992.
3. Арсланов М. Г. Татарское режиссёрское искусство (1941–1956). – Казань: Татар. кн. изд-во, 1996.
4. Арсланов М. Г. Татарское режиссёрское искусство (1957–1990). – Казань: Фикер, 2002.
5. Галимова Э. М. (Казань). Музыка в татарском драматическом театре: практический опыт композитора // Театр XXI века и вызовы нового времени: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 110-летию татарского театра. – Казань: ИЯЛИ, 2016. – С. 234–242.
6. Галимова Э. М. Специфика музыкального оформления произведений Г. Исхаки в постановке ТГАТ им. Г. Камала // Театр тюркского мира: перспективы развития: материалы международной научно-

практической конференции, посвященной Году театра в России. 23 декабря 2019 года. – Казань: ИЯЛИ, 2019. – С. 48–53.

7. Загидуллина Д. Ф. (Казань). Татарская литература и национальный театр: одна дорога на двоих // Театр XXI века и вызовы нового времени: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 110-летию татарского театра. – Казань: ИЯЛИ, 2016. – С. 4–13.

8. Закиржанов А. М. Г. Камал театры сәхнәсендә рус классикасы (А. Володин. «Санаулы кичләр») // Театр тюркского мира: перспективы развития: материалы международной научно-практической конференции, посвященной Году театра в России. 23 декабря 2019 года. – Казань: ИЯЛИ, 2019. – С. 92–97.

9. Ибрагимов М. И. «Чайка» А. П. Чехова в постановке Ф. Бикчантаева: «остранение» вариантотпорождающей поэтики // Театр тюркского мира: перспективы развития: материалы международной научно-практической конференции, посвященной Году театра в России. 23 декабря 2019 года. – Казань: ИЯЛИ, 2019. – С. 97–100.

10. Салихова А. Р. Особенности формирования и развития татарского сценического искусства. – Казань, ИЯЛИ, 2016.

11. Салихова А. Р. Татарский театр в литературно-критическом наследии Габдрахмана Карамы. – Казань, 2002.

12. Султанова Р. Р. История татарского театра в плакатном искусстве. – Казань, 2017.

13. Султанова Р. Р. Сценография татарского театра: основные этапы и закономерности развития (XX – нач. XXI в.). – Казань, 2019.

14. Султанова Р. Р. Школа мастеров: художественное образование в сфере сценографии в Казани. – Казань: Татарское книжное издательство, 2021.

15. Татарский государственный академический театр имени Галиасгара Камала. 110 лет. Т. 3. – Казань: Заман – Татар. кн. изд-во, 2018.

16. Татарский государственный театр имени Галиасгара Камала. Сто лет. В двух томах. – Казань, 2009.

17. Фардеева Д. Р. «Национальная проза на сцене Татарского государственного академического театра имени Г. Камала». – Казань, 2014.

УДК 7.067, 800

АКАДЕМИЧЕСКИЙ ЦЕНТР ТАТНАРКОМПРОСА И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ТАТАРОВЕДЕНИЯ 1920-Х ГГ.

О. Л. Улемнова

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ (Казань)

В статье раскрываются основные этапы деятельности Академического центра Народного комиссариата просвещения ТАССР и его подразделений. Выявляются как основные направления научной деятельности исследования, связанные с изучением и развитием татарского языка и татарской культуры. Филологические исследования включали реформу орфографии татарского языка, разработку и систематизацию научной терминологии, составление словарей и учебников на татарском языке, теоретические вопросы татарского языкознания и др. Автор делает акцент на исследования художественной культуры татарского народа, которые в 1920-е гг. благодаря П. М. Дульскому приобрели планомерный и системный характер и были сосредоточены на книжном искусстве, графике, декоративно-прикладном искусстве татарского народа. Сотрудники Академцентра занимались не только теоретическими исследованиями, но и практической деятельностью: музейным строительством, выставочной и издательской работой, комплексными научными экспедициями, направленными на изучение и презентацию татарской культуры.

Ключевые слова: Научно-организационная деятельность, татарское языкознание, татарская художественная культура, татарское книгопечатание, татарское декоративно-прикладное искусство, П. М. Дульский.

The article reveals the main stages of the activity of the Academic Center of the People's Commissariat of Education of the TASSR and its subdivisions. Identified as the main directions of scientific research activities related to the study and development of the Tatar language and Tatar culture. Philological research included the reform of the spelling of the Tatar language, the development and systematization of scientific terminology, the compilation of dictionaries and textbooks in the Tatar language, theoretical issues of Tatar linguistics, etc. The author focuses on the study of the artistic culture of the Tatar people, which in the 1920s. thanks to P. M. Dulsky acquired a systematic and systematic character and were focused on book art, graphics, arts and crafts of the Tatar people. The staff of the Academic Center were engaged not only in theoretical

research, but also in practical activities: museum construction, exhibition and publishing work, complex scientific expeditions aimed at studying and presenting Tatar culture.

Key words: Scientific and organizational activities, Tatar linguistics, Tatar art culture, Tatar book printing, Tatar decorative and applied art, P. M. Dulsky.

В начальный период государственного строительства Татарской АССР в 1920-е гг. одну из ключевых ролей в развитии гуманитарных наук играл Академический центр Народного комиссариата просвещения Татарской АССР (Академцентр ТНKP). В Академцентре ТНKP и его подразделениях определялись и координировались новые направления научных исследований, ориентированных, в первую очередь, на историю и культуру татарского народа, модернизацию татарского языка и татарского алфавита, становление татарской филологии и лингвистики, переводческой деятельности, закладывались научные основы формирования и изучения музейных коллекций, в том числе коллекций татарского искусства, сохранения и реставрации памятников истории и культуры на территории ТАССР, формировались новые, в том числе национальные, научные силы, складывалась новая система организация научной работы в республике, определяющая ее более системный характер, в то же время задающая новые параметры: координацию из единого центра, подчинение исследований насущным экономическим и политическим задачам, определяемым государством, которое стало не только финансировать, но и со временем (с 1930-х гг.) практически полностью определять направления научной деятельности [4: 8].

Многие насущные вопросы развития науки ставились в предшествующих Академцентру структурах – в научной коллегии Народного комиссариата просвещения Казанской губернии (1919–1920), в Научном отделе Народного комиссариата просвещения ТАССР (ТНKP) (1920–1921). Работа научного отдела за недолгий период его существования (немногим более года – с октября 1920 по декабрь 1921 г.) носила большей частью организационный характер, была направлена на учет отдельных научных работников, научных обществ, кружков, лабораторий и других научно-вспомогательных учреждений [5: 15], постановку научных проблем и направлений исследований. Подотдел востоковедения решал широкий спектр вопросов татарской культуры, разработав и закрепив декретом принципы реформы орфографии татарского языка, типографского и рукописного татарского шрифта, создав комиссию по разработке и систематизации научной терминологии на татарском языке под председательством Г. Шарафа в составе М. Курбангалеева, Г. Ибрагимова, Х. Бадьги, Г. Максудова [5: 17].

В этот же период начали складываться основные направления изучения художественной культуры татар – книжное и декоративно-прикладное искусства. В своей книге, посвященной развитию книгопечатания в Казани, П. М. Дульский раскрывает историю создания и деятельность «азиатской» типографии, положившей начало книгопечатанию на татарском языке на территории Татарстана [11: 32–36].

Проект создания Академического центра ТНKP в окончательном варианте был принят в декабре 1921 г. Положение об Академическом центре ТНKP закрепляло за ним «общее теоретическое и программное руководство научной, учебной (учебно-педагогической и учебно-технической), просветительной и художественной деятельностью Наркомпроса» [2: 64]. Для решения задач, поставленных перед Академцентром ТНKP, были созданы научные комиссии: научно-политическая, научно-техническая, научно-педагогическая, художественная (с подкомиссиями: литературной, театральной, музыкальной, изобразительных искусств и кинематографической), а также Главархив и Главмузей [2: 64–65].

Первым председателем Академцентра ТНKP стал Г. Максудов, математик и педагог. Он возглавлял переводческий центр, редакционную коллегию по разработке научной терминологии татарского языка и научно-учебных комиссий при ней, написал ряд учебников по алгебре и геометрии на татарском языке и пр. [13: 99].

Активно и планомерно в 1920-е гг. разворачивалось музейное строительство в республике, осуществляемое сначала Казанским подотделом Всероссийской коллегии по делам музеев (1919–1920), Отделом по делам музеев и охране памятников искусства и старины ТНKP (1920–1923), Музейной комиссией Академцентра ТНKP (с 1923 г.) [7:

44]. Одним из значимых этапов музейного строительства была организация Музея народов Востока в Казани, идея которого зародилась еще в недрах Мусульманской научной коллегии. Согласно концепции, разработанной Б. Ф. Адлером, в музее татарская культура должна была быть представлена во взаимосвязях «с культурой русской и восточными исламистскими культурами» в 4-х отделах: археолого-историческом, этнографическом, экономическом и отделе искусств [1: 9]. Первые итоги формирования музейной коллекции подвела «Выставка культуры народов Востока», открывшаяся в сентябре 1920 г. и представившая несколько тысяч предметов болгарской археологии, восточных рукописей и книг, нумизматики, этнографии и декоративно-прикладного искусства татар, народов Поволжья, Средней Азии, Сибири, Китая и др., предоставленных Центральным музеем ТАССР, Обществом археологии, истории и этнографии при Казанском университете, Центральной Восточной библиотекой, Духовной академией, частными коллекционерами Ф. Аитовой, Н. Ф. Высоцким, С. М. и Г. М. Галеевыми, М. Е. Евсеевым, Г. М. Залкиндом, Н. Ф. Катановым, Р. И. Лихачевой, С. Е. Маловым, А. М. Мироновым, В. Ф. Смолиным и др. [6]. После закрытия выставки (в феврале 1921 г.) работа по формированию музейных коллекций продолжалась, однако нерешенные вопросы финансирования и выделения помещения привели к слиянию Музея народов Востока с Центральным музеем ТАССР [8: 84].

Расцвет деятельности Академцентра ТНКП приходится на период 1925–1927 гг., когда его возглавил выдающийся татарский ученый, писатель и общественный деятель Г. Ибрагимов. Не меняя в корне структуру Академцентра, он способствовал упорядочению и планомерности его работы, согласованности действий структурных подразделений, привлечению лучших научных кадров, в т.ч. молодых. Деятельность Академцентра по основным направлениям охватывала всю территорию республики, взаимосвязь осуществлялась через местные научно-методические бюро, музеи, краеведческие объединения, находившиеся в подчинении соответствующих комиссий.

Академцентр ТНКП в 1926 г. представлял собой разветвленную, многоуровневую структуру с налаженными вертикальными и горизонтальными взаимосвязями:

- научно-педагогическая комиссия с кантонными и волостными научно-методическими бюро;

- Отдел охраны памятников искусства, старины и природы;
- Русская редакционная коллегия;
- Татарская редакционная коллегия;
- Редакционная коллегия национальных меньшинств;
- Бюро краеведения;

При этом бюро краеведения, которое возглавлял Г. Ибрагимов, имело ответвления в городах ТАССР – Арске, Бугульме, Буинске, Елабуге, Лаишево, Мамадыше, Мензелинске, Свияжске, Спаске, Тетюшах, Челнах, Чистополе; с бюро были связаны Научное общество татароведения, Общество любителей природы, Общество археологии, истории и этнографии (одно из старейших в Казанской губернии) [19: 90].

Большую роль Академцентр ТНКП сыграл в развитии издательского дела ТАССР, поскольку с 1922 г. практически все издания научного и учебного характера на территории ТАССР (за исключением ведомственных периодических и специальных изданий) выходили только после его одобрения. Рецензирование и редактирование поступивших на рассмотрение рукописей осуществляли редколлегии русская, татарская и «национальных меньшинств» (чуваш, мари, мордвы удмуртов и др.). Наиболее интенсивно работала татарская редколлегия, поскольку потребности русского населения большей частью удовлетворялись продукцией центральных издательств. С середины 1920-х гг. росло число оригинальных учебников по широкому спектру дисциплин, созданных татарскими авторами (Ф. Абдулхановым, С. Ахмадом, Г. Губайди, Г. Ибрагимовым, Х. Исхаковым, М. Курбангалеевым, А. Максудовым, Г. Нигмати, Ф. Сайфи, Г. Файзи, Г. Шанаси, Г. Шарифом и др.) [19: 57] и доля научных изданий на татарском языке по краеведению, истории, языкознанию (Г. Губайдулина, Г. Ибрагимова, И. Рахматуллина, Ф. Сайфи и др.) [19: 55]. В это же время начали издаваться серийные издания, объединенные по разным параметрам: «Библиотека детской литературы», «Библиотека татарской литературы» и др. С 1922 г. под эгидой ТНКП выпускались периодические издания: научно-педа-

гогические журналы «Магариф» «Вестник просвещения», общественно-политический политический журнал «Безнен юл» [19: 56].

Необходимо отметить, что в 1920-е гг. изменилась не только тематика издаваемых книг и журналов, но и их оформление, призванное отражать и иллюстрировать содержание, воплощать новые художественные вкусы, рожденные революционной эпохой. В татарское книгоиздательство пришли молодые художники Ф. Тагиров, Д. Красильников, позднее Ш. Мухамеджанов, Г. Юсупов и др., воспитанные художественными учебными заведениями нового типа, ориентированными на авангардные формы искусства, радикально изменившие внешний облик и структуру татарской книги [17: 100, 133, 140, 141].

Татарская редакционная коллегия добилась значительных результатов и по другим направлениям деятельности. Комиссия по выработке научной терминологии занималась одной из самых актуальных проблем 1920-х гг., вызванной бурным государственным национальным строительством. Научная и административная терминология вырабатывалась параллельно созданию и переводу учебников и научной литературы, составлению и переводу официальных документов. В результате кропотливой работы был издан словарь социально-политических и административных терминов, востребованный не только в республике, но в Москве и других регионах. К 1928 г. было выработано в общей сложности более 9000 научных терминов по физике, математике, ботанике, анатомии, физиологии, биологии, правовым наукам, обществоведению, истории, финансово-экономическим наукам, родному языку, управлению государством [4: 22].

В конце 1920-х гг. особенно остро встал вопрос об издании полного татарского словаря, что было обусловлено переходом на яналиф. Необходимо было перевести на латиницу изданный в 1926/1927 г. 1 том словаря Д. Валидова, и продолжить издание, привлекая к работе новые научные силы и широкие круги татарского населения для придания общественного характера этому общенациональному делу. Эту миссию взяла на себя комиссия в составе М. Сагидуллина (председатель), Д. Валидова, М. Курбангалеева, Г. Тулумбайского, С. Бурганова, А. Рахима и И. Рамеева. Начатая работа не была закончена в связи с ликвидацией Академцентра и «в дальнейшем возобновлена уже другими учреждениями на другом историческом этапе [4: 22].

Активно развернулась деятельность «Научного общества татароведения», созданного в 1923 г. с целью объединения ученых Татарстана, работающих «в области всестороннего изучения татар и татарской культуры», а также «распространения соответствующих сведений и пробуждения интересов к задачам Общества в общественной среде» [19: 62]. На страницах журнала «Вестник Научного общества татароведения», который начал издаваться в 1925 г., публиковались результаты исследований ученых Общества по разным направлениям: история, статистика и экономика, литература, искусство, этнография, природа. Так вопросы истории татар Средних веков, Нового и Новейшего времени от проблем русско-ногайских отношений в XVI в. до волнений татарских крестьян в XIX в. и революционных событий 1917 г. изучались Е. И. Чернышевым, Г. С. Губайдуллиним, Н. Ф. Калининим, болгарская археология – В. Ф. Смолиным, А. К. Буличем, М. Г. Худяковым, этнография казанских татар – Н. И. Воробьевим, М. и К. Губайдуллиними, тюркская и татарская лингвистика – В. А. Богородицким (законы сингармонизма в тюркских языках, корневые вокализмы в казанско-татарском диалекте, движения тона в татарском языке и др.), Д. Валидовим (история турецких словарей, диалекты татарского языка), А. Самойловичем (фонетика татарского языка, особенности крымско-татарского литературного языка), Г. Шарафом (сонорная длительность татарских гласных, принятие тюркскими народами латинского шрифта), татарская литература от древности до современных процессов – А. Рахимом, А. Саади, изобразительное и декоративно-прикладное искусство – П. М. Дульским. П. Е. Корниловим, А. Успенским, М. Г. Худяковым и др. В журнале воспроизводились и анализировались важные историко-культурные находки, например, ярлык хана Сахиб-Гирея (С. А. Вахидов), обнаруженный более полный список сочинений Ибн-Фадлана (В. Ф. Смолин), клад золотых предметов болгарского города Джуке-тау (В. Ф. Смолин) и др., начата была работам по библиографии отдельных аспектов истории и культуры татар разных регионов (А. Рахим, И. Струкова, Р. Тагиров, Г. Мухамедова). Издавались специальные номера журнала, посвященные жизни и деятельности выдающихся ученых Г. Ибрагимова, Н. Н. Фирсова [16].

Важной частью работы Академцентра стали научные экспедиции, направленные на изучение культуры, быта и искусства народов Татарстана, прежде всего титульной нации – татар. Начало планомерной работе в послереволюционные годы было положено в 1923 году этнографическими экспедициями Н. И. Воробьева, Г. С. Губайдуллина и П. М. Дульского в Арский кантон Татарстана, как наиболее типичный для татарской культуры. Собранные коллекции и материалы – предметы быта и декоративно-прикладного искусства, фотографии, зарисовки, обмеры, и др., раскрывающие особенности татарской сельской архитектуры, интерьеров жилищ, декоративно-прикладного искусства, легли в основу Татарского павильона, представленного на Всероссийской сельскохозяйственной выставке в Москве в 1923 году, а затем поступили в фонды ЦМТР. Как этнографический материал они были обобщены в трудах Н. И. Воробьева и впервые были осмыслены и изучены с искусствоведческих позиций П. М. Дульским [9].

Экспедиционная работа более или менее активно, что было связано с недостатком финансирования, продолжалась и в последующие годы, инициированная подразделениями Академцентра и другими научными учреждениями и обществами – Научным обществом татароведения, Домом татарской культуры, Татарским научно-исследовательским экономическим институтом, Обществом изучения Татарстана, в которых представители Академцентра также принимали участие. Состав экспедиций расширялся за счет вновь привлекаемых ученых и студентов, среди которых: Ф. И. Терегулов, М. С. Губайдуллина, К. С. Губайдуллин, С. Г. Вахидов, А. Ш. Абдрахимов, П. Е. Корнилов и др. Были обследованы такие районы ТАССР, как Мамадышский – в 1925 г., Челнинский, Чистопольский, Спасский – в 1926 г., Арский и Рыбнослободской – в 1928 г., Мензелинский – в 1929 и др. В ходе экспедиций фиксировались и изучались также болгаро-татарские некрополи. Так в ходе совместной экспедиции Музейного отдела Академцентра ТНКИ и Государственного института истории искусств (Ленинград) 1929 г. «по изучению искусства деревни ТССР», в которой участвовали ученый секретарь музейного отдела ТНКИ П. Е. Корнилов и сотрудник Центрального музея ТАССР А. А. Девишев, П. Е. Корниловым были проведены фотографирование, обмеры и изучение орнаментики остатков древних некрополей возле сел Ст. Менгер и Б. Атия [21: 5].

Активная выставочная деятельность, организуемая музейным отделом и другими подразделениями Академцентра, была одной из важных характеристик культуры 1920-х годов. Так, выставочная деятельность художественного отдела ЦМТР, организованная П. М. Дульским и П. Е. Корниловым, направленная на популяризацию в Казани современного графического искусства, стала беспрецедентным явлением российской художественной жизни этого периода [17: 147–148]. Важнейшей частью выставочной работы стала организация экспозиций татарского искусства и культуры за пределами Татарстана: отделы Татарской Республики на Международной выставке декоративных искусств в Париже (1925), на Всесоюзной полиграфической выставке в Москве (1927), на Юбилейной выставке искусства народов СССР в Москве (1927) и др.

С конца 1927 г. Академцентр, возглавляемый сначала М. Тагировым, затем С. Атнагуловым, переживал ряд реорганизаций (что было характерно для большинства учреждений того периода) и спад научно-исследовательской активности. Помимо научно-педагогической и научно-издательской комиссий в его структуру был включен Дом татарской культуры (ДТК), который постепенно перенимал функции Академцентра. ДТК возглавил З. Мухсинов. К 1930 г. там сложился коллектив опытных ученых и общественных деятелей: Н. Мухитдинов (ученый секретарь), П. Дульский (ученый секретарь и по издательствам), Р. Тагиров (директор Академической библиотеки), Г. Ашмасов (директор Книжной палаты) и др. [19: 69]. ДТК занимался научными исследованиями в рамках своих обществ и кружков: Общества изучения Татарстана (создано в 1927 г. на базе Бюро краеведения, в 1930 г. оно поглотило Научное общество татароведения), Педагогического общества, Общества писателей, Татарской ассоциации пролетарский писателей. Результаты научной и общественной деятельности ДТК публиковались в журналах «Безнен юл», «Магариф», «Татарстан», перешедших под юрисдикцию ДТК, в серии «Труды ДТК», в которой выходил монографии известных казанских ученых Н. Н. Фирсова, Н. И. Воробьева, В. А. Богородицкого и др.

К 1930 г. Академцентр как самостоятельная структура перестал существовать, а его основные функции были переданы иным учреждениям, в т.ч. Татарскому научно-исследовательскому экономическому институту (ТНИЭИ). ТНИЭИ, созданный в период начала индустриализации страны и реализации Пятилетнего плана реконструкции народного хозяйства, со свойственным этому времени уклоном в вульгарную социологизацию науки и культуры, ставил перед своим коллективом грандиозные цели: «всемерное содействие социалистическому строительству путем систематического, углубленного изучения природы, естественных богатств, населения, экономики, культуры и быта Татарии и на основе полученных данных – корректирование и уточнение пятилетки и разработка генерального плана соцстроительства» [3: 13]. Даже в новых условиях руководством института хорошо осознавалась важность гуманитарных исследований, принижаемых определенной частью научного сообщества. И. Бурнашев констатировал, что «нередко приходится слышать, что отдел культуры и быта является как бы лишним придатком к Научно-исследовательскому экономическому институту» [3: 15], декларируя и аргументируя позицию института: «в условиях национальной <...> республики на отдел культуры и быта возлагается ряд ответственных задач. Революция на фронте культуры настоятельно требует от нас научной разработки планов культурного строительства» [3: 15].

Под этими громкими лозунгами планировалась и начала разворачиваться хорошо продуманная и научно обоснованная теоретическая и практическая работа в области изучения, пропаганды и развития татарской художественной культуры. Она велась Кабинетом искусств ТНИЭИ, организованным 1 апреля 1930 г. под руководством З. Мухсинова [15: 67], в котором были созданы три секции – театра, музыки и изобразительных искусств. За полгода (с апреля по сентябрь 1930 г.) секцией изобразительных искусств была проведена большая работа, которая, конечно, во многом была результатом многолетних исследований ее руководителя П. М. Дульского и опиралась на его многообразный и глубокий опыт музейно-выставочной, организационной и издательской деятельности. Так, в отчете секции указано:

1. «ближайшее» участие в организации и оформлении выставок, посвященных 125-летнему юбилею Казанского университета, 10-летнему юбилею ТАССР (где был организован отдел Таткустпрома), организационному периоду работы ТНИЭИ в Доме татарской культуры;

2. Экспедиционное собирание материалов, характеризующих различные виды художественных кустарных производств (Шереметьевка, Рыбная Слобода, Полянки, Татарские Кабаны и др.);

3. Изучение графики художников-татар. Собраны материалы о 50 художника-татарах, работавших в области графики за последние 30 лет;

4. Завязана связь с выставкой советского экспорта в Москве с целью улучшения отдела Татреспублики на этой выставке. Завсекцией посещены московские выставки, посвященные вопросам нового быта; и др. [15: 68].

За указанный период П. М. Дульский опубликовал ряд трудов, в которых отражены его исследования художественной культуры татар. Так, статьей, посвященной Али Махмудову, было положено начало изучения искусства каллиграфии казанских татар [10: 1]. В своем труде «Оформление татарской книги за революционный период» (1930) П. М. Дульский подводит итоги этого важнейшего для татарского книжного искусства периода, подчеркивая, что «татарская печать за это время совершенно переродилась, <...> выявила свое самостоятельное лицо, дав целый ряд ценных достижений» [12: 7]. Он дает творческие характеристики наиболее ярким художникам-графикам (Г. Арсланову, Д. Красильникову, Ф. Тагирову и др.), выделяет основные центры развития татарской книжной и журнальной графики, как практик полиграфического дела, указывает на основные причины имеющих недостатки, обосновывает необходимость создания в Казани Полиграфического института.

Углубленное изучение П. М. Дульским графического искусства Татарстана, его богатый опыт музейно-выставочной работы, налаженные связи с московскими организациями, занимающимися внешнеэкономической деятельностью, способствовали тому, что феномен татарской книжной графики 1920-х гг. был широко представлен на международной выставке «Искусство книги» в Париже в 1931 г., а затем на передвижной выставке

«Советское искусство», которая прошла в ряде городов США в 1932–1933 гг. (централизованная организация выставок осуществлялась Всесоюзным обществом культурных связей с заграницей (ВОКС)). Благодаря обширному архиву П. М. Дульского, в котором сохранилась значительная часть экспозиции парижской выставки 1930 г., нам удалось в 2015 г. организовать выставку-реконструкцию «Татарская книга в Париже», на которой были представлены произведения татарских художников книги Г. В. Арсланова, Х. Измайловой, Д. Н. Красильникова, Ш. Н. Мухамеджанова, Ф. Ш. Тагирова, Г. Юсупова, а также русских художников, работавших над оформлением татарских книг и журналов, И. Я. Иванова, А. Н. Коробковой, Н. Н. Кроневаляда, Н. М. Сокольского, А. А. Хохрякова [18].

До конца 1931 г. секцией изобразительных искусств планировалось провести целый комплекс исследований по разным направлениям художественной культуры Татарстана. З. Мухсинову было поручено организовать работу по подготовке и оформлению постановок в Татарском академическом театре [15: 136–137], где к тому времени намечался кризис, о котором Т. Гиззат писал так: «зачастую в нашем театре оформление не помогает раскрытию драматургической идеи, а старается «затмевать» другие компоненты спектакля, и поэтому получаются несурезицы типа «ситцевых заплаток к обветшалым лохмотьям» [14: 170].

Основная нагрузка по-прежнему лежала на П. М. Дульском, который теперь выступал и как руководитель, привлекавший молодых специалистов – искусствоведов, художников, полиграфистов. Так, до середины января 1931 г. планировалось совместно с Таткустпромсоюзом провести конференцию инструкторов-кустарей с целью выявления новых форм художественных кустарных промыслов в Татарской Республике, по-видимому по результатам этого исследования планировалось подготовить и устроить отдел ТР на экспортной выставке в Москве. Молодому искусствоведу, заведующему художественным отделом ЦМТР А. А. Девишеву поручалось изучить ткачество в Нурлатском районе ТАССР. Предполагалось заниматься фиксацией и изучением нового быта в колхозах ТР с привлечением молодых художников-выпускников КХПТ Ш. Мухамеджанова, Х. Алмаева, А. Алтанбаева, М. Каримова и др. П. Дульский должен был закончить подготовку материалов для словаря казанских художников (татар и русских) [15: 136–137].

Особое внимание уделялось развитию современной татарской полиграфии, чему должно было способствовать организация и оборудование при «экспериментальном кабинете ИЗО» подотдела современной полиграфии. Кабинет искусств активно приступил к решению поставленной задачи «улучшения полиграфического производства в Татреспублике» и в октябре 1930 г. созвал совещание по вопросам изучения книги и улучшения продукции полиграфической промышленности. В совещании приняли участие представители многих заинтересованных организаций, из которых была организована группа содействия полиграфической промышленности. В нее вошли Ахметов, Сайфуллин, Мухамеджанов и Ефимов – от типографии им. Камиля Якупа, Реми и Мейтин – от Татиздата, Вилькен – от КИКСа, Феофилактов – от Полиграфшколы, Сперанский – от Техникума искусств, Вильковская и др. [15: 143]. В резолюции, принятой на совещании, предусматривались следующие практические мероприятия: проведение силами сотрудников Кабинета искусств консультаций по вопросам оформления книги; организация выставки издательской продукции АХРа (Ассоциации художников революции); проведение среди рабочих докладов о качестве продукции в полиграфпромышленности; создание Музея книги. Кроме того, совещание подчеркнуло необходимость организации художественных отделов при Татиздате и Татполиграфе и открытия графического отделения при Техникуме искусств [15: 144].

К сожалению, большинство из планируемых работ не было осуществлено. 14 мая 1931 г. на заседании бюро Татарского обкома ВКП (б) было принято решение о реорганизации ТНИЭИ, и 27 мая на его базе были созданы 2 самостоятельных института, призванных заниматься экономическими исследованиями в промышленности и сельском хозяйстве, а отдел культуры и быта, музеи и научные не вошли в их состав [20: 60]. В 1932 г. для гуманитарных исследований был создан Татарский НИИ культурного строительства им. Г. Горького, который был ликвидирован в 1933 и не оставил заметного следа [20: 61]. На несколько лет гуманитарные исследования в сфере татарской культуры и искусства были прерваны, поскольку приоритеты государственного строительства

СССР и его союзных и автономных республик были переориентированы на индустриализацию страны, а культурная политика – на стирание национальных различий и формирование новой общности «советский народ», в соответствии с продекларированной Сталиным еще в 1930 г. новой национальной политикой по слиянию национальных культур «в одну общую культуру с одним общим языком».

ЛИТЕРАТУРА

1. Адлер Б. Ф. Национальный музей // Казанский музейный вестник. – 1921. – № 1–2. – С. 3–12.
2. Академический центр Наркомпроса ТАССР. Документы и материалы. / сост.: О. Л. Улемнова, Л. Ш. Давлетшина. – Казань: ИЯЛИ, 2015. – 224 с.
3. Бурнашев И. Задачи и перспективы Татарского научно-исследовательского экономического института // Татарский научно-исследовательский экономический институт: осведомительный бюллетень. № 1. Казань, 1930. – С. 12–16.
4. Валеева Г. А. Академический центр Татари: 1920-е гг. Академический центр Наркомпроса ТАССР. Документы и материалы. – Казань: ИЯЛИ, 2015. – С. 7–33.
5. Вишневецкий Б. Н. Организация науки в Татарстане // Вестник просвещения. – 1921. – № 1. – С. 11–17.
6. Выставка культуры народов Востока: путеводитель по выставке / Авт. предисл. Б. Ф. Адлер и др. – Казань, 1920. 137 с.
7. Герасимова Н. В. Государственная политика в области музейного строительства и ее реализация на примере художественных отделов музеев ТАССР в 1920-е гг. // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2018. – № 3 (92). – С. 42–54.
8. Герасимова Н. В. Казанда көнчыгыш музей. Гамәлгә ашырылмаган проект // Фәнни Татарстан. 2020. – № 2. – С. 80–84.
9. Дульский П. М. Искусство Татреспублики на выставке // Труд и хозяйство. – 1923. – № 10. – С. 17–23.
10. Дульский П. М. Казанский каллиграф Али Махмудов. Отт. из журнала «Вестник Научного общества татароведения». 1930. № 9–10. – Казань, 1930. – 58 с.
11. Дульский П. М. Книга и ее художественная внешность (в связи с Казанским книгопечатанием). Казань: Издание библиографического кружка «Друзей книги», 1921. – 58 с.
12. Дульский П. М. Оформление татарской книги за революционный период. Отт. из 1-го тома Трудов Дома татарской культуры. – Казань: ТНИЭИ, Кабинет искусств, 1930. – 24 с., 15 л. ил.
13. Латыпова Г. М. Деятельность Народного комиссариата просвещения ТАССР в 1920-е гг. – Казань: Главное архивное управление при Кабинете министров РТ, 2013. – 240 с.
14. Султанова Р. Р. Сценография татарского театра: основные этапы и закономерности развития (XX – нач. XXI в.). – Казань, 2019. – 591 с.
15. Татарский научно-исследовательский экономический институт: осведомительный бюллетень. № 2. – Казань, 1930. – 146 с.
16. Указатель статей, помещенных в №№ 1–10 «Вестника Научного общества татароведения» (1925–1930) // Вестник Научного общества татароведения. – 1930. – № 9–10. – С. 215–218.
17. Улемнова О. Л. Казанская графика 1920–1930-х годов. – Казань: ИЯЛИ, 2018. – 336 с.
18. Улемнова О. Л. Татарская книга в Париже. Реконструкция выставок 1925 и 1930 годов // 3-я Казанская международная биеннале печатной графики. Каталог. – Казань: Заман, 2017. – С. 136–153.
19. Фаттахова Г. А., Валеев Р. К. Академический центр Татари: 1920-е годы. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2002. – 95 с.
20. Хайрутдинов Р. Р. Татарский научно-исследовательский институт культурного строительства им. М. Горького // Академический центр Наркомпроса ТАССР. Документы и материалы. – Казань: ИЯЛИ, 2015. – С. 60–63.
21. Центральный совет «Общества изучения Татарстан» (по линии экспедиционных исследований). Осведомительный бюллетень № 2. – 18 декабря 1929.

УДК 930 (091)

Г. РӘХИМНЕҢ ТАТАР ХАЛКЫН ГЫЙЛЬМИ ӨЙРӘНҮ ЖӘМГЫЯТЕНДӘ ЭШЧӘНЛЕГЕ

Г. А. Хөснетдинова

ТР ФА Г. Ибраһимов исем. Тел. әдәбият һәм сәнгать институты (Казан)

В истории татарской литературы, науки и культуры Гали Рахим занимает особое место. Его научные труды в свое время были опубликованы во многих газетах и журналах, но сейчас они являются библиографической редкостью и мало кому известны. Наиболее плодотворным и деятельным периодом жизни Г. Рахима являются годы работы в Научном обществе татароведения. В этой научной среде развивались взгляды Г. Рахима, которые нашли отражение в его статьях и отдельных работах.

Ключевые слова: Г. Рахим, Научное общество татароведения, история татарского народа, татарская литература, историография, Академцентр.

Gali Rahim occupies a special place in the history of Tatar literature, science and culture. His scientific works were published in many newspapers and magazines at one time, but now they are a bibliographic rarity and few people know. The most fruitful and active period of G. Rahim's life is the years of work in the Scientific Society of Tatar Studies. In this scientific environment, the views of G. Rahim developed, which were reflected in his articles and individual works.

Key words: G. Rahim, Scientific Society of Tatar Studies, history of the Tatar people, Tatar literature, historiography, Academic Center.

Егерменче еллар фәнни жәмгыятьләрнең күптөрлелеге, татар халкының һәм аның зыялыларының рухи яңарышының катлаулы үсеш процессы, милли мәданиятне өйрәнү өчен яңа фәнни көчләр жәлеп итү белән характерлана. Шул шартларда республикадагы фәнни-тикшеренү, фәнни-педагогик, сәнгать, музей-архив, тәржемәчелек эшчәнлекләрен оештыру максатыннан Гыйльми үзәк төзелә. Үзәк белем бирү өлкәсендә, нәшрият сәясәтен билгеләүдә, татар тел белемен, әдәбиятын, тарихын һәм этнографиясен өйрәнүдә, татар театры һәм музыка сәнгәтен үстерүдә актив эшчәнлек алып бара. Аның карамагында фәнни жәмгыятьләр, музейлар һәм китапханәләр була [1: 206].

Татар халкының дәүләтчелеген торгызу милли мәданиятне фәнни яктан өйрәнүләргә этәрә. Шул сәбәпле фәннең төрле өлкәләрен өйрәнү белән шөгыйльләнүче аерым белгечләрне, галимнәрне берләштергән гомуми үзәк булдыру ихтыяҗы туа. Анда фәннең ағымдагы мәсьәләләре буенча фикер алышу һәм чираттагы бурычларны билгеләү, аларны чишү мәсьәләләре каралырга тиеш була. Ниһаять, 1923 елда Шәркыятьчеләр жәмгыяте нигезендә Татар халкын гыйльми өйрәнү жәмгыяте оештырыла. Жәмгыятьнең беренче тантаналы утырышы 1923 елның 30 маенда татар һәм рус галимнәре катнашында уза. Ул башта Гыйльми үзәк, 1927 елдан Татар мәданияте йорты, 1930 елдан Татарстан фәнни-тикшеренү икътисад институты карамагында була. Рәисе Н. Фирсов, урынбасары итеп Г. Ибраһимов (1928 елга кадәр) сайлана. Сәркатип вазифаларын төрле елларда төрле галимнәр М. Худяков (1923–1926), Е. Чернышев (1925–1926), Г. Рәхим (1926 елдан) алып бара. Оешмада әгъзалар булып Ж. Вәлиди, Н. Воробьев, Г. Гобәйдуллин, М. Корбангалиев, Г. Сәгъди, Г. Шәрәф һ.б. (барлыгы 80 кешедән артык) галимнәр тора.

Жәмгыять эшчәнлегенә төп юнәлешләре итеп тарих, этнография (татар халкы тарихын өйрәнү һәм язу, ТАССР территориясендә кулъязма материал җыю, архив материалын өйрәнү, археологик һәйкәлләрне өйрәнү һәм археологик карталар төзү), статистика, икътисад, әдәбият, сәнгать, табигатьне өйрәнү билгеләнә.

Татар халкын гыйльми өйрәнү жәмгыяте СССРның 120 дән артык фәнни учреждениеләре, шулай ук чит ил галимнәре белән хезмәттәшлек итә, «Татар халкын гыйльми өйрәнү жәмгыяте хәбәрчесе» («Вестник научного общества татароведения») дигән журнал бастыра. 1924 елдан башлап татар халкының көнкүрешен, гореф-гадәтләрен, мәданиятен, эпиграфик һәйкәлләрне өйрәнү һәм сирәк материалларны җыю өчен даими рәвештә этнографик экспедицияләр оештыра. Шуның бишесе – В. И. Воробьев, икесе – П. М. Дульский һәм Г. Рәхим житәкчелегендә уза.

Жәмгыять туган як тарихын өйрәнү буенча зур эш башкара. Ләкин 20 нче еллар ахырында илдә башланган сәяси үзгәрешләр сәбәпле, ул 1930 елда мөстәкыйль оешма буларак яшәвеннән туктый һәм Татарстанны гыйльми өйрәнү жәмгыятенә мәданият һәм көнкүреш секциясе карамагында эшли башлый [2: 65].

Күренекле әдәбият галиме Гали Рәхим педагогик эшчәнлек белән бергә Татар халкын гыйльми өйрәнү жәмгыятендә дә фәнни эш алып бара. Ул элеге оешмада 1926 елның 11 апреленнән алып 1928 елга кадәр сәркатиплек вазифасын башкара, 1927 елда бертавыштан хакыйкый әгъза булып сайлана.

Татарлар һәм Татарстан тарихына кагылышлы бик күп материаллар бу чорда Гали Рәхим тарафыннан эшкәртелә. Болардан тыш, Казан федераль университетының сирәк китаплар һәм кулъязмалар бүлегендә 7385/2 номеры белән сакланган кулъязмадан күренгәнчә, Гали Рәхим жәмгыять җыелышларында күпсанлы фәнни докладлар белән дә чыгышлар ясый. Мәсәлән, «К. Насыриның гыйльми хезмәтләре», «Татар теленә

реформаторы Каюм Насыйри», «Знахарство и народная медицина у казанских татар», «Сообщение корреспондента Общества о некрещенных чувашах Спасского кантона», «Древние татарские некрополи Арского кантона», «Булгарские некрополи XIV века в Чистопольском кантоне» сундыйлар рәтеннән.

«Зур совет энциклопедиясе»нең беренче басмасында Татарстан тарихы, татар әдәбияты, сәнгате, гомумән, татарның мәдәни тормышына караган бүлекләргә эшләүдә дә Гали Рәхимнең хезмәте зур. Галимгә татар язучыларының сүзлеген-словнигын төзү эше йөкләнә. Әлеге сүзлеккә иллеләп язучы исеме теркәлә, алар арасында инде билгеле булганнары һәм шул ук вакытта әле совет чорында гына ижат итә башлаганнары да бар. Сүзлектәге күпчелек язучылар хакында Г. Рәхимнең үзенә мөкаләләр язарга туры килә.

Бу елларда Г. Рәхим татар язучыларының, сәнгать әһелләренен тормыш юлын, шуңа караган чыганаclarны барлау белән дә шөгылләнә. Каюм Насыйри, Мөхетдин Корбангалиев, Галиәсгар Камалларның беренче тулы тәржемәи хәлләрен яза, Габдрахман Ильяси, Әхмәт Уразаев-Кормашиларның нәселләрен табып, шул хакта материал туплый һәм татар әдәбияты тарихына исемнәрен кертә.

Г. Рәхим татарларда матбагачылык-китапчылык тарихы буенча да күләмле тикшеренүләр алып бара. ТАССР төзелүгә 5 ел тулу уңае белән күп фактик материал туплаган «Биш ел эчендә татар әдәбияты» (1925), «Татарстанда матбугат-әдәбият» (1925) мөкаләләрен бастыра. Беренче татарча газета чыгару проекты буенча табылган язмаларны туплай һәм шул хакта матбугат битләрендә хәбәр итә.

Жәмгыятьтә эшләү чорында галим каберташ язучыларын барлау, өйрәнү эшенә керешә. Үзәк тарафыннан 1927–1928 елларда оештырылган археологик экспедицияләргә берсендә Г. Рәхим Арча жирләрендә XV–XVI гасырга караган 61 язучы таш таба һәм шул хакта «Татарские эпиграфические памятники XVI века» (1930) исемле фәнни мөкалә бастыра. Галим сакланып калган әлеге ташларның шул чорны өйрәнү өчен язучы вакыты мәгълүм бердәнбер кыйммәтле материал булуларын билгели, аларның теленә һәм сәнгатьтә эшләнешенә анализ ясый. Мондый ташлар хакында «О двух татарских надгробных памятниках XVII века» (1929) һәм «Булгаро-татарские эпиграфические памятники Вятском крае» (1930) мөкаләләрендә дә сүз алып бара һәм, үрнәк итеп, текстларын китерә.

Татар халкын гыйльми өйрәнү жәмгыяте татар халкы тарихы буенча тарихи документларны өйрәнүгә дә зур игътибар бирә. Моның белән бәйле рәвештә Г. Рәхимнең эшчәнлеген билгеләп үтәргә кирәк. Ул Казан университетында укучы Көнчыгыш халыклары, татар студентлары, татарлар арасында лашманчылык хезмәте, татар крестьяннарының 1878 елда баш күтәрүләре, «Дастаны Чыңгыз хан вә Аксак Тимер», «Жәмигъ әл-Тәварих» кулъязмалары хакында мөкалә-тикшеренүләрен бастыра. Алар бүгенге көн тарихчылары, филологлары өчен дә зур хәзинә булып тора.

Ижади юлының һәр чорында татар фольклоры белән кызыксынган галим бу өлкәдә дә эшчәнлеген дәвам итә. Жәмгыять тарафыннан алып барылган өлкәне өйрәнүнең практик юнәлеше методик кулланмаларны таләп итә. Г. Рәхимнең әдәбиятчы, фольклорист Михаил Васильев (1878–1944) белән берлектә төзегән «Фольклор һәм халык әдәбияты жыю өчен кулланма»сы (1926) нәкъ менә шул сәбәплә нәшер ителә. Татарстанны гыйльми өйрәнү жәмгыятендә эшләнгән «Авылны өйрәнү. Татар авылларын монография ысулы белән өйрәнү өчен жентекле кулланма-программа» (1930) татар халык ижатын жыю, өйрәнү өлкәсендә аерым бер фәнни баскычы булып тора. 2000 данә тираж белән «Татиздат» нәшриятында басылган әлеге хезмәт татар фольклорын өйрәнүдә бүген дә кыйммәтле чыганаc булып тора. Кулланма-программа, авылларны өйрәнүдә беренче тәҗрибә булуына карамастан, басылу белән тәнкийтә утына элгә һәм 1937 елда галим кулга алынганч, гаепләнүен бер пункт буларак карала [3].

Нәтижә ясап шуны әйтәргә кирәк, узган гасырның 20 нче еллар азагы – 30 нчы еллар башы – татар фәне үсеше өчен катлаулы һәм каршылыклы чор. Бер-бер артлы фәнни жәмгыятьләр ябыла, туган якны өйрәнү оешмаларының эше башка юнәлештә алып барыла башлай, «пантюркизм» һәм «буржуаз милләтчелеге» белән көрәш, репрессияләр башлана. Бу исә, үз чиратында татар халкы тарихын һәм мәдәниятен өйрәнү эшенең сүлпәнләнүенә, яисә бөтенләй тукталуына китерә. Репрессия дулкыны

Г. Рәхимне дә читләтеп узмый. Милләтчелектә гаепләнеп, ул ике тапкыр, 1931 һәм 1937 елларда, кулга алына. 1943 елның мартында вафат була.

ӘДӘБИЯТ

1. Татар энциклопедиясе: 6 томда / Баш мөхәррир М. Х. Хәсәнов. 2 том. – Казан: «ТФ ФАнең Татар энциклопедиясе институты» дәүләт учреждениесе, 2010. 2 т.: Г-Й. 656 б.

2. Фаттахова Г. А., Валеев Р. К. Академический центр Татарии: 1920-е годы. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2002. 95 с.

3. Хөснетдинова Г. А. Гали Рәхим төзегән программалар // Милли һәм гомумкешелек кыйммәтләре системасында фольклор. Хәмит Хөснетдин улы Ярмөхәммәтевнен (Хәмит Ярми) тууына 110 ел тулуга багышланган халыкара фәнни-гамәли конференция материаллары. – Казан, 2014. Б. 218–222.

УДК 323.1

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ТАТАРОВЕДЕНИЯ В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII – 20-е гг. XX в. (по материалам Татарской энциклопедии)

Р. В. Шайдуллин

Институт Татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ (Казань)

В статье на базе широкого контента многотомной Татарской энциклопедии и других источниковых и историографических материалов анализируются характерные особенности становления и формы развития татароведения в России со второй половины XVIII в. – до конца 1920-х гг., а также выявляются основные поворотные моменты в эволюции татароведческих исследований. В ней особое внимание уделяется рассмотрению научных дисциплин, развивавшихся в рамках татароведения. Кроме того, в статье значительное место занимают проблемы, связанные с действующими акторами в сфере татароведения и их научными достижениями в этой области. Одной из особенностей этой работы является то, что развитие татароведения в ней рассматривается в контексте общественно-политических и этнокультурных трансформаций, происходивших в России и Татарстане. **Ключевые слова:** Россия, Татарстан, общественно-политическая и этнокультурные трансформации, Татарская энциклопедия, татароведение, татароведческие научные дисциплины, этапы эволюции, акторы и их научные достижения.

Based on the broad content of the multi-volume tatar encyclopedia and other source and historiographical materials, the article analyzes the characteristic features of the formation and development of tatar studies in Russia from the second half of the XVIII century to the end of the 1920s, and also identifies the main turning points in the evolution of tatar studies. It pays special attention to the consideration of scientific disciplines that developed within the framework of tatar studies. In addition, the problems associated with the current factors in the field of tatar studies and their scientific achievements in this field occupy a significant place in the article. One of the features of this work is that the development of tatar studies in it is considered in the context of socio-political and ethno-cultural transformations that took place in Russia and Tatarstan.

Key words: Russia, Tatarstan, socio-political and ethno-cultural transformations, tatar encyclopedia, tatar studies, tatar scientific disciplines, stages of evolution, actors and their scientific achievements.

Татароведение – это совокупность научных дисциплин о языке, литературе, фольклоре, истории, общественной мысли, духовной и материальной культуре татарского народа, является одним из составных частей тюркологии. Эта дефиниция на постсоветском этапе развития татарской общности впервые была озвучена на страницах Татарского энциклопедического словаря, увидевшего свет в 1999 г. [39: 528–529]. Она дальнейшего развитие получило в многотомной Татарской энциклопедии [38: 531–533], а также на страницах других научных изданий. В начале XXI в. татароведение становится одним из вузовских специальностей. С образованием Казанского федерального университета в 2010 г. была создана кафедра татароведения и тюркологии, которая являлась выпускающей кафедрой и осуществляла учебную, методическую и научно-исследовательскую деятельность в области востоковедения и тюркской филологии, а также вела подготов-

ку и переподготовку педагогических и научных кадров в области татароведения, востоковедения и тюркской филологии. Позднее она была «оптимизирована» в Институт международных отношений, истории и востоковедения. После возмущения татарской общественности в составе Института филологии и массовых коммуникаций в 2016 г. была создана Высшая школа татарики и тюркологии.

В процессе становления и развития российской тюркологии татароведение неоднократно претерпевало изменения: трансформировалось содержание его понятия «татароведение», объекта и предмета исследования. Во второй половине XIX в., в период становления «татарской идеи» и формирования консолидированного этнического самосознания татар, из тюркологии стали отпочковываться такие татароведческие дисциплины, как история, общественная мысль, языкознание, литература. Фактическое зарождение российской тюркологии (в том числе татароведения) относится ко второй половине XVIII в., когда в ходе Академических экспедиций [1: 72–73] Российской академии наук (1768–1774 гг.) началось комплексное историко-этнографическое и этнолингвистическое изучение народов Поволжья, Приуралья и Сибири. Первыми представителями российской академической науки (П. С. Паллас, И. И. Лепехин, И. Г. Георги и др.) было обращено внимание на родство тюркских языков, на их роль в формировании татарского литературного языка. К татарским древностям обращались также русские историки XVIII – первой половины XIX в. В. Н. Татищев, Н. М. Карамзин.

Первоначально татароведение развивалось преимущественно как филологическая дисциплина, татароведы занимались главным образом изучением татарской литературы и языка, изданием древних и средневековых тюркотатарских письменных памятников, а также азбук, грамматик, хрестоматий и словарей татарского языка. В 1778 г. в России было издано первое учебное пособие по татарской азбуке С. Х. Хальфина, которое известно под названием «Азбука татарского языка с обстоятельным описанием букв и складов». За ним последовали другие издания: «Грамматика татарского языка ... муллами юртовскими свидетельствованная» и «Слова коренные, нужнейшие к сведению для обучения татарскому языку ... муллами юртовскими свидетельствованные» (1801) И. И. Гиганова, «Букварь татарского и арабского письма» (1802) Н. Атнометева. Рассматривая этот период развития татароведения в целом, следует сказать, что оно как научная дисциплина было мало дифференцированным объектом исследования. В ней преобладала филология и характерные для нее методы критики источников и научного анализа. Дальнейший успех в развитие татароведения в значительной степени был связан с открытием Казанского университета (1804 г.). Изучение татарской филологии было сосредоточено в основном на Восточном разряде [15: 636–637] университета, который в 1830–1850-е гг. не только превратился в основной центр татароведения в России, но и занял ведущее положение в организации научной работы по тюркологии в Европе. Х. Д. Френ, И. Н. Березин, К. Ф. Фукс, А. К. Казем-Бек, И. Хальфин [14: 633] в своих трудах определили почти весь круг проблем, связанных с дальнейшим развитием татароведения, особенно по вопросам тюрко-татарской филологии и истории. Этот период был прорывным в истории российского (казанского) татароведения и связан с открытием и накоплением богатого историко-лингвистического и этнографического материала о народах, созданием словарей, хрестоматий и грамматик татарского языка, среди которых: «Азбука и грамматика татарского языка с правилами арабского чтения, преподаваемые в Казанской гимназии» (1809, 1812), «Жизнь Чингизхана и Аксак Тимура» (1819, 1822) И. И. Хальфина; «Грамматика татарского языка» (1814) А. А. Троянского; «Грамматика турецко-татарского языка» (1839), «Общая грамматика турецко-татарского языка» (1846) А. К. Казем-Бека; «Татарская грамматика», «Татарская хрестоматия» (1842) М. И. Иванова; «Турецкая хрестоматия» (ч. 1–3, 1857–1890) И. Н. Березина; «Казанские татары в статистическом и этнографическом отношениях» (1844) К. Ф. Фукса.

Большой вклад внесли в исследование Касимовского ханства – В. В. Вельяминов-Зернов, средневековых татарских рукописей – Г. Утыз-Имяни, болгаро-татарской материальной культуры – Г. Фаизханов, Н. Ф. Катанов, татарского национального образования, языкознания, народного устного и музыкального творчества – В. В. Радлов, Г. А. Вагапов, С. Б. Кукляшев, К. Насыри, С. Г. Рыбаков, В. А. Мошков, Т. Яхин, Г. Еникеев. Благодаря их трудам и собранным ими материалам определение понятия

«татароведение» стало наиболее авторитетным, причем оформились его основные дисциплины: язык, литература, фольклор, религия и традиционные обычаи, история, археология, этнография. К предметам татароведческих исследований стали относить также эпиграфику, нумизматику, палеографию.

Во второй половине XIX – начале XX в. наблюдался рост интереса к татароведению не только у представителей имперских научных учреждений и организаций, но и у интеллектуальной части татарского общества. Становление собственно национального татароведения в России в значительной мере было связано с распространением идеологии обновления общественной жизни татарского народа – джадидизма, а также с подъемом этнического самосознания татар и ростом их интереса к передовым образцам западноевропейской науки и культуры. Постепенно формировавшаяся идея об единой национальной общности татар в сочетании с успехами в области историко-филологических исследований, применения более совершенных методов научной критики средневековых источниковых материалов создали условия для зарождения научного татароведения, фактическим зачинателем которого стал Ш. Марджани. Его труды сыграли важную роль в идейном укреплении татарского народа, став своеобразным отправным началом для развития татарской национальной историографии, археологии и этнографии, и обусловили, таким образом, особый интерес к проблематике происхождения татарского народа, развития его письменности и литературы. Ш. Марджани научно обосновал «татарскую идею», ключевой основой которой стал вопрос: «Кто же ты, если не татарин?» [30: 43].

На рубеже XIX–XX вв., зарождением идеологии «нациостроительства», значительно усилился интерес к этнической истории и культуре татарского народа в исторических исследованиях Х. Атласи, Г. Ахмарова, Г. Баттала, К. Биккулова, Дж. Валиди Х.-Г. Габаша, Р. Фахретдина [3]. Безусловно, их труды можно назвать новым поворотным моментом в татароведении, выдвинутые ими концепции способствовали выделению татарской национальной историографии из толщи средневековых мусульманских традиций. Именно в этот период в татарском обществе появляется сила, способная конкурировать с религией и, по мнению Дж. Валиди, «дальнейшее пробуждение национального сознания под воздействием национальной литературы, национального искусства и национальной культуры, дальнейшее совершенствование национальных интересов под воздействием национальной экономики» должно было привести «к ослаблению объединяющей роли религии» в татарском обществе [11: 16].

Другим форсирующим фактором в развитии татароведения было становление нового татарского литературного языка и светской литературы (Г. Тукай, Дэрдменд, Ф. Амирхан, Г. Исхаки, Ф. Карими, Г. Ибрагимов) [28: 617–619]. Оригинальной теоретической работой об особенностях развития татарской народной поэзии стало сочинение Г. Тукая «Народная литература» (1910), которое заняло видное место в фольклористике начала XX в. Особую роль в становлении исторических представлений и национального самосознания у широких слоев татарского общества сыграл новый жанр – историко-публицистическая литература (Х. Атласи, Р. Фахретдин, Ф. Карими, Г. Исхаки, Ю. Акчура и др.), которая была в первую очередь связана с появлением татарской периодической печати (газеты: «Вақыт», «Казан мухбири», «Тан юлдузы», «Юлдуз»; журналы: «Шура», «Фикер»), национальной историографии, что позволило расширить предметы татароведения за счет политической, социальной и экономической истории.

Однако наибольшим показателем системного отражения роста интереса к национальной истории, культуре и религии татарского народа явились фундаментальные энциклопедические труды Ш. Марджани «Вафийат аль-аслаф ва тахийат аль-аслаф» («Достаточное о предшественниках и приветствие потомкам») [8: 548–549], «Мустафад аль-ахбар фи ахвали Казань ва Болгар» («Сведения, привлеченные для истории Казани и Болгара») [31: 292], Р. Фахретдина «Асар» («Следы») [2: 208]. Их труды, несмотря на то, что они не стали предметом широкого научного и публичного обсуждения, определили дальнейший вектор развития татароведения.

С установлением в России столыпинского авторитарно-полицейского режима в 1907–1914 гг. начались гонения и разоблачительные кампании против татарских интеллектуалов, причем особое авторитарное давление испытали на себе татары, работавшие

в сфере народного образования (Г. Баруди, Г. Апанасев, Х. Атласи, Габдулла, Губайдулла и Мухлиса Буби и др.). Определяющую роль в этом процессе сыграло «Особое совещание по выработке мер противодействия татарско-мусульманскому влиянию в Поволжском крае», созванное в 1910 г. в Санкт-Петербурге по инициативе российского правительства во главе с П. А. Столыпиным. На этом совещании были выработаны основные направления борьбы с этнокультурным и общественно-политическим самоопределением (автономностью) татар [34: 554–555]. Наиболее ярким судебным прецедентом, получившим всероссийскую огласку, было фальсифицированное дело братьев Буби [7: 467]. Все это наложило известный негативный отпечаток на развитие татароведения.

Надежды демократически настроенной части татарского научного сообщества, вызванные Февральской революцией 1917 г., довольно быстро развеялись и сменились шоком после большевистского переворота в октябре 1917 г. Значительная часть татарской интеллектуальной элиты, в том числе ее татароведческая часть, встретила приход к власти большевиков в основном настороженно. На какое-то время лейтмотивом ее творческого развития становилась мысль о неизбежном возврате к «демократическому» прошлому. В послеоктябрьский период в постоянном психологическом напряжении держали татарских интеллектуалов известия (отчасти и слухи) о преследовании представителей политической и творческой элиты, об их арестах и расстрелах.

Революционные катаклизмы прервали естественный процесс развития татароведения в России. В обращении ученых к проблемам татароведения властям часто виделся призрак «пантюркизма» и «буржуазного национализма» и, хуже того, «панисламизма». Более того изучение старотатарского языка, памятников древнего и средневекового тюрко-татарского наследия представителям «рабоче-крестьянской» власти представлялось анахронизмом. На фоне быстро развивавшихся тюркологических исследований в западноевропейских странах положение татароведения в России выглядело достаточно скромным. Это объяснялось не столько эмиграцией части татарских обществоведов и ученых – Ю. Акчуры, Г. Баттала, Г. Исхаки, С. Максуди, Ф. Туктарова и др., сколько новой социально-классовой идеологией властей по формированию марксистского мировоззрения и «пролетарской» науки. Первым шагом в этом направлении стали закрытие конфессиональных учебных и благотворительных заведений, исторических факультетов в вузах, ограничение издательских возможностей национальных средств печати. В то же время в качестве отрицательного фактора, мешавшего развитию татароведения, следует рассматривать и политическую ангажированность представителей новой (советской) науки, которые всячески противились научной деятельности представителей дореволюционного татароведения. В результате татароведы, имевшие до революции высокий социальный статус, превратились в «чуждые элементы». Однако, несмотря на все трудности в реализации своих научных исследований по причине их «неактуальности» или несоответствия господствующей идеологии, дореволюционным ученым иногда удавалось печатать свои сочинения. В этом немалую помощь им оказывали научные издания «Известия Общества археологии, истории и этнографии» и «Вестник Научного общества татароведения», каждый из них в 1920-е гг. выпустил по 10 номеров. Благодаря этим изданиям часть научной татароведческой продукции становилась достоянием отечественной и зарубежной тюркологии. К примеру, «Вестник Научного общества татароведения» за сравнительно короткий срок стал серьезным научным изданием, его ежегодный тираж достигал 500–600 экз. [33: 204]. По данным на 1 октября 1929 г., у журнала было 122 подписчика, среди них – 10 заграничных обществ и организаций гг. Берлин, Гамбург, Дерпт, Лондон, Нью-Йорк, Рим, Харбин, Хельсинки и др. [33: 205].

1920-е гг. стали временем столкновения ведущих представителей традиционного историко-филологического татароведения, составлявших элиту татарстанской науки, и политизированного краеведческого татароведения. Основной особенностью этого периода была борьба с проявлениями «национал-уклонизма», «буржуазного национализма», «пантюркизма» и «панисламизма». Советское руководство, несмотря на свое явное неприятие ученых старой школы, с целью сохранения лояльных старых научных кадров и организации деятельности научно-исследовательских, учебных и краеведческих учреждений, было вынуждено создавать различные координационные центры, наподобие научных отделов, обществ или Академических центров при Наркоматах

просвещения национальных республик. В 1920 г. при Наркомате просвещения Татарстана был образован научный отдел, в 1921 г. на его базе – Академический центр. В целевые задачи этого центра входило общее теоретическое и программное руководство «научной, учебной, просветительской и художественной деятельностью Наркомпроса» [4: 391]. Таким образом, на него возлагалась ответственность за всю научно-исследовательскую, научно-педагогическую, краеведческую, музейную, архивную и переводческую деятельность на территории Татарской республики.

После неудачных попыток институционализации федерального востоковедческого центра в Казани в марте 1923 г. руководство Академического центра предложило создать Научно-исследовательский институт татароведения при Наркомате просвещения Татарстана. Потребность образования этого института оно обосновывало острой необходимостью координации научно-исследовательских и организационно-практических работ по изучению истории и материальной культуры татарского народа, по охране памятников «татарской старины» [19: 6]. Однако под диктатом центральной власти вместо полноценного научно-исследовательского института было создано учреждение в форме добровольного общества, управляемого общественным правлением, идейно и материально ответственным перед государственными органами [20: 13]. У вновь образованного Научного общества татароведения (30.05.1923 г.) были следующие задачи: объединение лиц, работающих в области научного изучения татар и татарской культуры; научная разработка относящихся к этой области вопросов и распространение соответствующих сведений; пробуждение интереса к задачам общества [33: 207].

В результате в 1920-е гг. в рамках Научного общества татароведения вновь начало возрождаться научное татароведение, прерванное революционными событиями. Эти годы считаются периодом расцвета татароведения, особенно по таким дисциплинам, как история и этнография татарского народа (Н. И. Воробьев [13], Г. С. Губайдуллин [22], М. Г. Худяков [40]), археология и историко-культурное наследие (А. С. Башкиров [4], И. Бороздин [5], Н. Ф. Калинин [26], В. Ф. Смолин [37]), история татарской литературы (Дж. Валиди [9], Г. С. Губайдуллин, А. Рахим [16], Г. Г. Ибрагимов [5]), татарское языкознание (В. А. Богородицкий [6], Г. Ш. Шараф), татарское устное творчество (С. Г. Вахидов [10], научные методология изучения татарский деревень А. Рахим [35]).

Наиболее реальными достижениями татароведения 1920-х гг., сохранившие свое значение и в настоящее время, относятся к области средневековой истории и этнолингвистики. Татарская филология, прежде всего национальное литературоведение, как до революции, так и в 1920-е гг., являлась основой научного татароведения. О масштабах и результатах развития татароведения того времени можно судить по отзыву известного востоковеда, профессора А. Н. Самойловича, побывавшего в 1925 г. в Казани с лекциями по тюркологии. С восхищением он писал о работе татарских деятелей науки, литературы и искусства в различных областях научно-практических исследований [36: 26].

Кроме того, с середины 1920-х гг. в Татарстане прослеживается тенденция к расширению тематических рамок татароведения, проявившаяся в особом внимании к отдельным вопросам истории и культуры, экономического и политического развития татарского общества. В 1928 г. при Научном обществе татароведения была образована археографическая комиссия во главе с С. Н. Бикбулатовым. В ее работе активное участие принимали С. Г. Вахидов, В. В. Егерев, А. Рахим, Н. Н. Фирсов. Комиссия занималась поиском, сбором и изучением архивных материалов по истории татарского народа [33: 202]. К примеру, С. Г. Вахидов во время археографических поездок по деревням собрал свыше 3 тыс. восточных рукописей [17], из которых 210 экз. в 1925 г. он передал в Центральный музей ТАССР, в том числе тарханский ярлык казанского хана Сахиб-Гирея. Все это способствовало формированию необходимой книжно-рукописной базы для дальнейших разработок в области орфографии, диалектологии и лексикологии татарского языка. Собранные лексикографические материалы легли в основу «Полного словаря татарского языка» Дж. Валиди (1927–1929; в связи с арестом и ссылкой на строительство Беломорканала остался незавершенным).

В 1920-е гг. одной из важнейших политических задач властей было реформирование татарского алфавита путем замены арабской графики адаптированным латинским письмом [41]. В 1926 г. в Баку состоялась 1-я Всесоюзная тюркологическая конфе-

ренция, главной темой которой стало реформирование алфавитов тюркских народов СССР. В ее работе участвовали и представители татарской научной общественности (Г. Г. Ибрагимов, Г. Ш. Шараф, Г. С. Губайдуллин и др.) [34]. После бакинского тюркологического съезда под интенсивным идеологическим давлением властей в Татарстане, как и в других тюркских республиках, начали активно разрабатываться научные основы латинских и русских алфавитов для татарского языка, его орфографии, а также учебники и учебно-методические пособия татарского языка на латинизированной графике. В эту работу большой вклад внес Г. Ш. Шараф – крупный знаток вопросов статистики и экономики края, национально-племенного состава населения, картографического дела и проблем татарского языкознания]. Будучи руководителем отдела востоковедения Академического центра, он активно участвовал в разработке основ татарской орфографии, новой латинской графики для татарского языка и научной терминологии национального языка [18: 31]. В это же время увидели свет его работы «Этнография турецких племен в РСФСР», «Татары–башкиры», «Экономическое районирование СССР и национально-этнографический момент» [21: 73].

Как известно, история всякой науки, в том числе татароведения, складывается не только из истории идей, концепций, исследований, но и из судеб отдельных ученых и истории научных институций. Между тем осмысление судеб научной элиты в области татароведения является определяющим, поскольку научная жизнь – это никакая не абстракция, а жизнь реальных людей, связанных невидимыми нитями с прошлым и настоящим. В этом плане интересны научные поиски отдельных личностей, внесших значительный вклад в татароведение. Все это необходимо для опровержения закрепившегося в историографии представления о политико-методологической ущербности и неактуальности татароведения, а также для подтверждения научной основательности теоретико-методологических подходов представителей дореволюционной науки, что априори можно считать важнейшим достижением татароведения интересующего нас периода. К примеру, Г. С. Губайдуллин, проанализировав монографическое исследование М. Г. Худякова «Очерки по истории Казанского ханства», нашел в нем принципиальные подходы как к предмету татароведения, так и к его методологии, обязательные для «советских» татароведов. Несомненно, в научной оценке Г. С. Губайдуллина проявилась его увлеченность революционным романтизмом, попытка по-новому в формационных рамках осмыслить историю страны и народов. Согласимся со справедливым доводом профессора М. А. Усманова, что «в те годы, когда вера честных людей в торжество справедливости – как социальной, так и морально-этической – была еще искренней, а их ум и сознание не были разъедены ржой братоубийственной грызни партийных бонз. Именно в те годы, когда у людей была надежда разрушения «тюрьмы народов» и построения подлинно равноправного во всех отношениях общества...» [39: 6] такая позиция ученого была оправданной.

Вместе с тем при решении кадрового вопроса в области татароведения к ученым старой школы часто относились предвзято, причем такое отношение властей при острой нехватке квалифицированных ученых из татар было полным абсурдом. К тому же атмосфера недоверия к местным научным кадрам, шумные идеологические кампании и разгромные рецензии на их работы со стороны «марксистски подкованных» специалистов-гуманитариев вынуждали ученых в 1920-е гг. покинуть Татарстан, среди них были М. С. Губайдуллин, его брат Абдул-Кадыр и сестра Марьям, М. Г. Худяков, В. Ф. Смолен. По мнению татарского писателя М. С. Магдеева, в интригах против Г. С. Губайдуллина активное участие принимал Г. Г. Ибрагимов, возглавивший в 1925 г. Академический центр [29, 20–21]. Зная такие особенности характера Ибрагимова, как тщеславие и явная склонность к преувеличению собственных заслуг, можно предположить, что он не давал спуску своим соперникам по перу. Его методы политических игр были адекватны условиям того времени и могли выглядеть достаточно убедительными для руководства республики, о чем свидетельствует его негативное отношение к литературоведческим работам Г. С. Губайдуллина, А. Рахима [16], которые подверглись необоснованной критике. Причем он безапелляционно заявил, что их работы не имеют большой научной ценности и представляют собой лишь компиляцию трудов Ш. Марджани, К. Насыри и Р. Фахретдина [23: 368–370]. В то же время видный татарский просветитель Дж. Валиди,

наоборот, считал, что одним из достоинств литературоведческих работ Г. С. Губайдулина, А. Рахима является сбор и систематизация материалов по истории татарской литературы в одной книге. По его мнению, их «работа станет ценным источником не только для татарской, но и для общетюркской литературы» [12: 229].

Существующее нездоровое соперничество среди местных татароведов очень негативно сказывалось на развитии татароведческих исследований в Татарстане. В традиции ученой среды входило не только толерантное отношение к общественно-политическим воззрениям ученых, но и уважительные отношения между представителями разных научных школ, придерживавшихся как различных методологических воззрений, так иногда и очень несхожих взглядов по конкретным научным вопросам. Выше всего ценился профессионализм исследователя. Однако новую власть подобные традиции не устраивали – было принято принципиальное решение, направленное к прямому уничтожению представителей старой научной школы. Во второй половине 1920-х гг. на научной ниве у татароведов появился принципиальный противник – «яналиф», причем его сторонники, имевшие самую активную поддержку со стороны «выразителей» передовой марксистской идеологии, отличались особой нетерпимостью к арабоязычному историко-культурному наследию татарского народа. Все это совпало с общегосударственной кампанией по латинизации татарского алфавита, а также политико-идеологическими мероприятиями по ограничению татароведения в России. Как полагают многие исследователи, к концу 1920-х гг. государственные структуры утратили интерес к национальным культурам, что привело к ухудшению отношений к старым (дореволюционным) специалистам и кадровым перестановкам в научных учреждениях. Одновременно с этим в местной прессе развернулась разоблачительная кампания против видных представителей татароведения, что побудило отдельных татароведов даже покаяться и написать статьи с признанием своих «националистических» ошибок. В результате в конце 1920-х гг. татароведение постепенно начало терять свои научные кадры, пользовавшиеся авторитетом среди ученой общечественности. Некоторые видные татароведы по принципиальным соображениям были вынуждены сменить место работы или покинуть пределы Татарстана, другие оказались фактически не у дел (Х. Атласов, Х. Максуди, Г. Шараф, А. Рахим, Г. Ибрагимов, И. Биккулов, С. Джалял, З. Норкин и др.).

В этот период даже робкие попытки татарских ученых высказать свое мнение об истории и о культуре татарского народа стали восприниматься в штыки. Не избежал этой участи и «обласканный властью» Г. Г. Ибрагимов, который в своей статье «Каким путем пойдет татарская культура» (1927 г.) попытался сказать, что «народы, говорящие на татарском языке, где бы они ни жили, считаются частями одного культурного коллектива. Поэтому вопрос о постоянном контакте с татарами, живущими вне Татарской республики, должен быть одним из моментов, занимающих особое место в развитии и усилении татарской культуры. И моменты обмена культурными и научными опытами с другими тюркскими народами должны иметься в виду» [27: 114]. «Основными элементами национальной культуры», по его мнению, «становятся главным образом те духовные ценности, которые созданы ими самими на материале собственной жизни, на основе родного языка, в соответствии со своими потребностями. И в этом не может быть никакого сомнения» [25: 28]. Причем Г. Г. Ибрагимов ни в коем случае не пытался принизить роль русской культуры в многовековом историческом развитии татарского народа, наоборот, он считал, что она для татар являлась богатой школой. «Мы ощущаем, как выросли элементы высокоразвитой русской культуры во всех сферах нашей жизни, мы чувствуем, как русская культура непрерывно обогащает нас» [25: 24].

Однако ни интернационалистские, ни русско-культуртрегерские призывы Г. Г. Ибрагимова не нашли адекватного понимания в политическом руководстве Татарстана и против него была развернута широкая обличительная политическая кампания «как уклониста от линии партии» и в конечном итоге он был снят со всех занимаемых должностей. Такая участь постигла многих представителей татароведения.

В конце 1920-х гг., с утверждением тоталитаризма во всех сферах жизни страны в государственной культурно-образовательной идеологии приоритетами стали не национальные, а интернациональные (классовые) идеи, тесно переплетенные со сталинской «культурной революцией». Идея этнического родства и этнокультурной взаимности

тюркских народов, для татароведения являвшаяся аксиомой, сталинскому руководству была совершенно чуждой. С точки зрения как внешней, так и внутренней политики эта идея была признана «вредной» и «антисоветской»: с одной стороны, она представлялась пережитком «реакционного пантюркизма», с другой – идейно-политической основой для консолидации «тюркских политических сил», стоявших на антисоветских и пантюркистских позициях. Татароведение, имевшие многовековую историю, в начале 1930-х гг. осталось как без национально-интеллектуальной, так и без общетюркской поддержки, крайне важной для демонстрации своей актуальности и научно-практической значимости в условиях тоталитарного режима. Но, несмотря на это, научный багаж, накопленный за многие десятилетия в области татароведения, стал добротной основой для его послевоенного развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Академические экспедиции // Татарская энциклопедия. – Казань, 2002. – Т. 1: А–В. – 672 с.
2. «Асар» // Татарская энциклопедия. – Казань, 2002. – Т. 1: А–В. – 672 с.
3. Атласов Х. М. Себер тарихы. – Казан, 1911; его же. Казан ханлыгы. – Казан: Омид, 1914. – 1 ж. – 344 б.; Әхмәров Г. Казан ханлыгы. – Казан: Бәян-әл-хак, 1909. – 116 б.; Баттал Г. Татар тарихы. – Казан, 1912; Биккулов К. Татар ханнары. – Казан, 1911; Вәлиди Ж. Милләт вә миллият. – Оренбург, 1914. – 50 б.; Габәши Х. Төрөк ыруглары. – Казан: лит. тип. И. Н. Харитонова, 1897. – 36 с.; его же. Мохтасар тарих кауме төрөк. – Казан, 1899; его же. Мефассал тарих кавуме төрөк. – Казан, 1909. – 112 с.; Фәхрәтдин Р. Алтын Урда ханнары. – Казан, 1996 (перездание); его же. Казан ханнары. – Казан, 1995 (перездание).
4. Башкиров А. С. Экспедиция по изучению болгаро-татарской культуры летом 1928 г. // Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТССР. – Казань, 1929. – Вып. 3. – С. 27–36; его же. Памятники болгаро-татарской культуры на Волге; Акад. центр Татнаркомпроса, Н.-и. ин-т этнич. и нац. культур народов Востока СССР. – Казань, 1929. – 118 с.
5. Богородицкий В. А. Введение в тюрко-татарское языкознание: о природе языка, и филология и психология речи; типы языков. – Казань: Татгосиздат, 1929. – Ч. 1. – 58 с.; его же. Законы сингармонизма в тюркских языках // Вестник Научного общества татароведения. – 1927. – № 6. – С. 68–70; его же. О коренном вокализме и его изменениях в казанско-татарском диалекте // Вестник Научного общества татароведения. – 1928. – № 8. – С. 112–122; его же. Фонетика татарского языка в связи с другими тюркскими языками // Вестник Научного общества татароведения. – 1926. – № 4. – С. 92–93.
6. Бороздин И. Археологические разведки в [Казанском] Кремле. 1. Разведка близ Киприановской церкви // Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТССР. – Казань, 1929. – Вып. 3. – С. 37–40; его же. Из области татарской культуры // Новый Восток. – 1929. – № 25. – С. 185–200; его же. Современный Татарстан: к пятилетию Татарской республики // Новый Восток. – 1929. – № 10/11. – С. 116–118; его же. Бороздин И. Из культурной жизни Татарской республики / И. Бороздин // Вестник Научного общества татароведения. – 1930. – № 9/10. – С. 29–31.
7. «Буби дело» // Татарская энциклопедия. – Казань, 2002. – Т. 1: А–В. – 672 с.
8. «Вафийат аль-аслаф ва тахийат аль-аслаф» // Татарская энциклопедия. – Казань, 2002. – Т. 1: А–В. – 672 с.
9. Валиди Дж. Очерки истории образованности и литературы татар (до революции 1917 г.). – М.-Пг.: Госиздат, 1923. – 106 с.; его же. О диалектах казанского татарского языка // Вестник Научного общества татароведения. – 1927. – № 6. – С. 50–64; его же. Наречие каринских и глазовских татар // Вестник Научного общества татароведения. – 1927. – № 6. – С. 50–64; его же. Татар әдәбияты барышы. – Оренбург, 1912. – 122 б.; Татар теле имля һәм сарыф вә нәхү кагыйдәләре. – Казан, 1915. – 52 б.; Татар теленең кагыйдәләре. – 2 басма. – Казан: Мәғариф, 1918. – 26 б.; Татар теленең грамматикасы (Сарыф вә нәхү). – Төзәт. һәм өстәлгән 2 басма. – Казан: Корылтай, 1920. – 184 б.; Татар теленең тулы сүзлегә. – 1 кисәкнең 1 китабы. – Казан, 1927. – 352 б.; Татар теленең тулы сүзлегә. – 1 кисәкнең 2 китабы. – Казан, 1929. – 367 б.
10. Вахидов С. Г. Татарские легенды о прошлом Камско-Волжского края // Вестник Научного общества татароведения. – 1926. – № 11. – С. 82–91; его же Ярлык хана Сахиб-Гирея // Вестник Научного общества татароведения. – 1925. – № 1/2. – С. 29–37.
11. Вәлиди Ж. Милләт вә миллият. – Оренбург, 1914. – 50 б.
12. Вәлиди Ж. Татар әдәбияты тарихы өчен материаллар жыю юлында тәҗрибәләр китабына // Безнең юл. – 1924. – № 5. – Б. 228–230.
13. Воробьев Н. И. Научная жизнь в Татарской республике // Новый Восток. – 1925. – № 8/9. – С. 389–390; его же. Жилища и поселения казанских татар Арского кантона ТССР // Вестник Научного общества татароведения. – 1926. – № 4. – С. 10–49; его же. Некоторые данные по быту крещёных татар Челнинского кантона ТССР // Вестник Научного общества татароведения. – 1927. – № 7. – С. 157–172; его же. Этнографические исследования в ТАССР с 1920 по 1927 гг. // Этнография. – 1927. – Т. 3. – № 1. – С. 194–196; его же. Отчет о поездке с этнографической целью в Свияжский и Тетюшский кантоны летом 1927 года // Вестник Научного общества татароведения. – 1928. – № 8. – С. 100–111; его же. Ткачество у глазовских татар // Вестник Научного общества татароведения. – 1930. – № 9/10. – С. 181–183; его же. Материальная культура казанских татар: (опыт этногр. исследования). Казань: Дом татар. культуры; Акад. центр ТНКП, 1930. 464 с.
14. Востоковедение // Татарская энциклопедия. – Казань, 2002. – Т. 1: А–В. – 672 с.

15. Восточный разряд // Татарская энциклопедия. – Казань, 2002. – Т. 1: А–В. – 672.
16. Газиз Г., Рахим Г. Татар әдәбияты тарихы өчен материаллар жъю хакында бер тәҗрибә. – Казан: Татар. мат. нәшр. комбинаты, 1923. – Б. 1. 176 б.; Газиз Г., Рахим Г. Татар әдәбияты тарихы: Феодализм дәвәре. 2-басма. – Казан: Татар. мат. нәшр. комбинаты, 1925. – 316 б.
17. Госманов М. Г. Сәет Вахидиның игелекле мирасы // Казан утлары. – 1967. – № 5. – Б. 159.
18. Государственный архив Республики Татарстан. НА РТ. Ф. Р-225. Оп. 1. Д. 14. Л. 31.
19. Там же. Ф. Р-3682. Оп. 1. Д. 59.
20. Там же. Д. 488.
21. Там же. Д. 1346. Л. 70–78.
22. Гобәйдуллин Г. С. (Газиз Г.) Татар тарихы. 1-бүл. Иң борынгы заманнардан алып XVIII гасырга кадәр. 2-басма. – Казан: Татгосиздат, 1922. – 126 б.; его же. Борынгы болгарлар. – Казан: Татар. матбугат һәм нәшр. комбинаты, 1924. – 27 б.; его же. Пугачев явы: (Россиядә халык революцияләре тарихыннан). – Казан: Татар. матбугат һәм нәшр. комбинаты, 1924. – 19 б.; его же. Татарларның килеп чыгуы һәм Алтын Орда. – Казан: Татар дәүләт матбугат һәм нәшр. комбинаты, 1924. – 15 б.; его же. Из прошлого татар // Материалы по изучению Татарстана. – Казань, 1925; его же. Документ о движении среди татарских крестьян в 1878 г. // Вестник Научного общества татароведения. – 1925. – № 2. – С. 38–40; его же. Несколько слов об участии татар в народных движениях XVII века // Вестник Научного общества татароведения. – 1930. – № 9/10. – С. 32–44; его же. Что сделано в области социальных наук в Татарской республике в течение пяти лет // За 5 лет. К V годовщине празднования Татарской Социалистической Советской Республики. – Казань, 1925. – С. 167–171.
23. Ибрагимов Г. Г. Татары и революция 1905 года. – Казань: Госиздат, 1926. – 259 с.; его же. Татар әдәбияты тарихы өчен материаллар // Әдәбият һәм сәнгать турында хезмәтләр. – Казан, 1978. – Т. 5. – Б. 368–370.
24. Ибраһимов Г. Г. Татар әдәбияты тарихы өчен материаллар // Әдәбият һәм сәнгать турында хезмәтләр. – Казан, 1978. – Т. 5. – Б. 368–370.
25. Ибраһимов Г. Татар мәдәнияты нинди юл белән барачак? – Казан: Татдәүнәш, 1927. – 40 б.
26. Калинин Н. Ф. Где был дворец казанских ханов? // Вестник Научного общества татароведения. – 1927. – № 6. – С. 81–96; его же. Раскопки в Казанском Кремле в 1953 г. // Известия КФАН СССР. Сер. гуманитарных наук. – Казань, 1955. – Вып. 1. – С. 117–137.
27. Литвин А. Л. Запрет на жизнь: Сталинские репрессии в Татарстане. Казань: Тат. кн. изд-во, 1993. 224 с.
28. Литература татарская // Татарская энциклопедия. – Казань, 2003. – Т. 3: К–Л. – С. 664.
29. Мәгдиев М. Хатларда кеше язмышы // Сәенбикә. – Казан, 1993. – № 11. – Б. 20–21.
30. Мәрджани Ш. Мөстафәдаль-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар. – Казан, 1989. – Б. 43.
31. «Мустафад аль-ахбар фи ахвали Казан ва Болгар» // Татарская энциклопедия. – Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2008. – Т. 4: М–П. – 768 с.
32. Обзор деятельности Научного общества татароведения за период с 1 января 1928 по 1 октября 1929 // Вестник Научного общества татароведения. – 1930. – № 9/10. – С. 201–208.
33. «Особое совещание по выработке мер противодействия татарско-мусульманскому влиянию в Поволжском крае» // Татарская энциклопедия: Институт Татарской энциклопедии АН РТ. – Казань, 2008. – Т. 4: М–П. – 768 с.
34. Рахим А. Первый Тюркологический съезд и его резолюции // Вестник Научного общества татароведения. 1926. – № 5. – С. 3–14.
35. Рәхим Г. Авылны өйрәнү. татар авылларын монография ысулы белән өйрәнү өчен жентекле кулланма-программа. – Казан: Татиздат, 1930. – 50 б.
36. Самойлович А. Н. Двадцать дней в Казани // Вестник Научного общества татароведения. – 1925. – № 1–2. – С. 26–28.
37. Смолин В. Ф. Археологические заметки // Вестник Научного общества татароведения. – 1926. – № 4. – С. 72–76; его же. Археологический очерк Татарской республики. – Казань: Татгосиздат, 1925. – 70 с.; его же. Данауровский клад // Новый Восток. – 1925. – № 8/9. – С. 390–391.
38. Татароведение // Татарская энциклопедия. – Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2010. – Т. 5: Р–С–Т. – 736 с.
39. Татароведение // Татарский энциклопедический словарь. – Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 1999. – 703 с.
40. Худяков М. Г. Очерки по истории Казанского ханства / предисловие М. А. Усманова. – Изд. 3-е, доп. – Казань: Инсан, 1991. – 320 с.
41. Шараф Г. К вопросу о принятии для тюркских народностей латинского шрифта // Вестник Научного общества татароведения. – 1926. – № 5. – С. 15–80.

ТАТАРСКИЙ ЯЗЫК И СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И МЕТОДЫ В ЛИНГВИСТИКЕ

УДК 81'373.45-053.2

ТАТАРСКИЙ ЯЗЫК В НОВЫХ УСЛОВИЯХ МНОГОЯЗЫЧИЯ В КЫРГЫЗСТАНЕ

С. Н. Абдуллаев, Г. С. Абдуллаева

Иссык-Кульский государственный университет (Каракол)

В статье излагается плюрилингвальная методика обучения татарскому языку в изменившихся условиях многоязычия в Средней Азии. Авторы являются сторонниками концепции плюрилингвального подхода к преподаванию родного языка. Предлагаемый подход апеллирует к пропозициям как содержанию моделей коммуникативных единиц. Они помогают использовать взаимодействие языков в учебном процессе.

Ключевые слова: татарский язык, плюрилингвизм, взаимодействие языков, многоязычие, мультикультурализм.

The article describes the plurilingual methodology of teaching the Tatar language in the changed conditions of multilingualism in Central Asia. The authors are supporters of the concept of a multilingual approach to teaching the native language. The proposed approach appeals to propositions as the content of models of communicative units. They help to use the interaction of languages in the educational process.

Keywords: Tatar language, plurilingualism, interaction of languages, multilingualism, multiculturalism.

В прошлом столетии татарский язык в сопоставительном лингводидактическом плане рассматривался обычно в связке с русским языком. Сегодня ситуация изменилась. В Средней Азии актуальными стали вопросы взаимодействия татарского языка с местными государственными языками, а также с иностранными языками.

Проблемные вопросы, излагаемые в настоящей статье, посвящены продвижению татарского языка в качестве родного и средства повседневного общения в контексте плюрилингвального образования, другими словами проблеме оптимизации функционирования татарского языка в Кыргызской Республике, в частности в административном центре Иссык-Кульской области – городе Каракол. Согласно Конституции Кыргызстана татарский язык может использоваться и развиваться, как и другие языки страны. В условиях реальной языковой практики, особенно в регионах, он используется больше как средство внутрисемейного общения. Решение проблемы расширения диапазона общения видится в поисках путей конструктивного взаимодействия языков. Для этого был выбран плюрилингвальный подход, который с нашей точки зрения подразумевает не просто многоязычие, а именно взаимодействие языков. Перспектива татарского языка не в изолированном изучении, а в использовании возможностей, которые вытекают из процессов его взаимодействия с другими языками.

Цель нашего исследования – систематизировать теоретические представления об использовании синтаксических концептов в контексте взаимодействия татарского и других языков. Синтаксические концепты в нашем понимании вместе со структурными схемами формируют существенные модели коммуникативных единиц языка. Задачами статьи являются: 1) привлечение отобранных конкретных синтаксических концептов в плане сопоставления речемыслительной деятельности; 2) осмысление возможностей плюрилингвального подхода в практике обучения языку(ам); 3) анализ возможности/невозможности результативного сопоставления по языкам синтаксических концептов как ментальных коррелятов внеязыковых ситуаций в составе существенных моделей коммуникативных единиц; 4) изучение того, по каким параметрам возможно сопоставление синтаксических концептов (метафорический субстрат и др.); 5) осмысление связи межъязыковой соотносимости синтаксических концептов с повседневными фактами смешения языков в реальной речевой практике; 6) разработка системы коммуникативных упражнений.

Новизна предлагаемой исследовательской инициативы заключается в обращении к синтаксическим концептам для того, чтобы использовать их потенциал в лингводидактических целях. Синтаксические концепты в тюркологии еще недостаточно изучены как в теоретическом, так и в прикладном аспектах. Межъязыковое сопоставление на уровне синтаксиса обычно проводится на уровне речевых единиц. Как пишет З. Д. Попова, «системное контрастивное описание синтаксических концептов структурных схем разных языков – дело будущего» [4: 30].

Уникальность предлагаемого подхода видится в том, что он позволяет снять элемент противопоставления и изолированности при обращении, в частности, к татарскому языку. Открываются возможности сопоставления «глубинных структур» преподаваемого языка с другими языками, что стимулирует интерес к взаимодействию в учебном процессе и речевой практике. Сопоставление проводится в разрезе фрагментов языковых картин мира. Это усиливает мотивационную сторону плюрилингвального подхода, который, с нашей точки зрения, предполагает обращение к языкам в аспекте их диалога и взаимодействия.

В исследовании применяются следующие методы: дефиниционный анализ терминов, синтез лингвистической и лингводидактической информации, метод моделирования коммуникативных единиц, приемы межъязыкового сопоставления.

Конкретное применение ожидаемых результатов возможно в сфере преподавания татарского языка как родного, а также в деятельности организаций этносферы (Ассамблея народа Кыргызстана). Первичная экспериментальная апробация предварительно нашла свое отражение в процессе преподавания татарского языка на курсах в воскресной школе г. Каракол. При обращении к конкретным синтаксическим концептам как ментальным коррелятам внеязыковых ситуаций сопоставлялись фрагменты татарской, русской, киргизской, уйгурской языковых картин мира. Как показали наблюдения, это вызывает очевидный интерес у обучаемых лиц, особенно у носителей родных языков. Оживляются процессы аккультурации. Важно осмысление уникальности каждого языка и очевидной роли родного языка как исторически сформировавшегося средства аккумуляции национального культурного опыта.

В настоящее время, как правило, вопросы преподавания родного языка отличаются значительной актуальностью. Исключение не составляют и многочисленные родные языки в странах постсоветского пространства. В качестве примера мы намерены обратиться к ситуации в одной из средних школ современного Кыргызстана, когда многоязычное и поликультурное образование рассматриваются в аспекте поддержки родных языков учащихся в контексте транслингвального образования. Под транслингвальным образованием мы понимаем одновременную работу в контексте нескольких языков, когда умело сопоставляются особенности языков не только как средств общения, но и как способов познания мира.

Как известно, коммуникативная компетенция формируется в результате взаимодействия языковой и речевой компетенции. Под языковой компетенцией нами понимается потенциал лингвистических знаний человека, совокупность правил анализа и синтеза единиц, позволяющих строить и анализировать предложения, пользоваться системой языка для целей коммуникации. Понятие речевой компетенции связывается с формированием механизмов восприятия и продуцирования иноязычных высказываний, с овладением закономерностями функционирования речевых форм в тех или иных обстоятельствах общения, с использованием различных видов и форм речевой деятельности. Коммуникативная компетенция неразрывно связана с языковой компетенцией, которая подразумевает знание фонетики, грамматики, лексики, фразеологии и соответствующих умений и навыков, а также другие характеристики языка как системы, и рассматривается как способность к выбору и реализации программ речевого общения и поведения на фоне культурного контекста страны изучаемого языка: умение ориентироваться в различной обстановке, оценивать ситуацию с учетом темы, задач и коммуникативных установок, возникающих у участников общения [4: 11–49].

Итак, наше внимание направлено на возможность поддержки родных языков, в частности татарского языка, при обращении к потенциалу языковых картин мира. Дело в том, что регулярное сопоставление языковых картин мира в учебном процессе дает возможность «включения» в процесс обучения языковой и научения коммуникативной

компетенциям в области тех языков, представители которых находятся в учебной аудитории. Что касается специфики языковых картин мира, то при внимательном обращении к ним они могут обнаруживаться и на примере отдельных синтаксических конструкций [1: 52; 2].

Как известно, прогрессивное человечество вот уже более двадцати лет 21 февраля отмечает Всемирный день родного языка. Одной из форм празднования Всемирного дня родного языка для караколцев является проведение семинаров-конференций. В 2021 году изюминкой семинара-конференции стала интересная идея инкорпорации актуальных задач поддержки родного языка в учебный процесс при преподавании официального русского и других языков. Иными словами, родные языки можно поддерживать и развивать не в изолированном режиме, а в контексте поликультурного и многоязычного образования. Базовым был признан лингвокультурологический подход, при котором каждый язык понимается как отдельная уникальная и неповторимая точка зрения в вопросах интерпретации реалий объективной действительности. Участники семинара-конференции единодушно констатировали, что главная трудность и соответственно мастерство учителя заключаются в том, чтобы уметь сравнивать и сопоставлять между собой фрагменты языковых картин мира родных и преподаваемого русского языков.

Основная суть многоязычного образования заключается в том, чтобы дать возможность получить образование на родном языке как целевом языке и одновременно овладеть государственным, официальным и иностранным языками [4]. В Кыргызстане принята специальная программа, нацеленная на многоязычное образование. В 2016 году было издано Постановление правительства Кыргызской Республики «О внедрении многоязычного образования на 2017–2030 годы» [6]. Следовательно, когда мы говорим о необходимости поддерживать и изучать родной язык, мы должны отталкиваться от реалий сегодняшнего дня, то есть думать в контексте поликультурного и многоязычного образования. Иначе говоря, мы должны стараться не в одной школе, а во многих школах включать родной язык в качестве целевого в интегрированное обучение русскому языку. И здесь главное – показать, как мыслят и воспринимают мир татары, узбеки, уйгуры, дунгане и представители других этносов, отражая это в своем родном языке. Неизбежно данный процесс будет протекать в сопоставлении с русским языком. При этом надо всегда иметь в виду, что важно избегать механического калькирования и дословного перевода, так как это может приводить к курьезным и даже анекдотическим ситуациям.

Таким образом, взаимодействие между университетом и общеобразовательной школой, а также привлечение национально-культурных сообществ может стимулировать поиск различных путей в благородном деле поддержки родных языков. При этом русский язык обнаруживает еще одну грань своего служения кыргызстанцам разных национальностей. Важно не упускать из поля зрения такой фактор, как связь языков и культур и стараться использовать его в лингводидактических целях.

Основой оптимизации процесса научения, безусловно, выступает система упражнений, разрабатываемая с учетом принципа последовательности и учета психологических закономерностей, обеспечивающих более эффективное обучение языку.

Под системой упражнений мы понимаем организацию упражнений в определенной связи и последовательности, соответствующей процессу становления речевых навыков и умений с учетом лингвистических особенностей речевой деятельности на неродном языке.

Существуют различные классификации упражнений, но чаще всего подразделяют «языковые», «речевые», «подготовительные» и т.д., способствующие развитию комплексного умения для участия в диалоге, монологе и в форме тематической беседы, формируемые последовательно.

Коммуникативная компетенция формируется из языковой, речевой, социокультурной, профессиональной и компенсаторной компетенций с целым комплексом несложных умений и тренировок на разных этапах обучения, и, как мы полагаем, проходит многоуровневую стадию. Она требует методически продуманной и апробированной системы, с рациональной (с методической точки зрения) организацией ее проведения. Формирование каждого вида вышеназванных компетенций достигается выполнением специально разработанных упражнений и заданий.

Система упражнений и типы упражнений находятся в прямой взаимосвязи и складывается из определенного набора постоянных типов упражнений. Поскольку разработанные классификации и типологии упражнений строились в основном на лингвистической основе, то в качестве основных критериев брались язык и речь, а упражнения подразделялись на языковые и речевые. К другим типологиям упражнений относится, например, типология, опирающаяся на иерархию речевых навыков и умений (С. Ф. Шатилов), а также типология, базирующаяся на психологической природе речевого навыка (Е. И. Пассов). Не отказываясь от существующих классификаций упражнений, учитывая многоаспектный характер обучения, нами предлагается классификация, предусматривающая уровневый подход в формировании коммуникативной компетенции иностранных обучающихся – полиаспектная система упражнений. Трехаспектная типология упражнений (или многоуровневая система упражнений) при обучении родному языку предполагает: 1) упражнения на формирование знаний, умений, навыков о стратегических свойствах языка; 2) упражнения на формирование знаний, умений и навыков о динамических свойствах языка; 3) упражнения на формирование умений и навыков речевой деятельности [1: 58].

Учебно-языковые и комплексно-интегративные упражнения делятся на:

- 1) учебно-языковые упражнения (на освоение языковой системы, языковых средств);
- 2) учебно-речевые упражнения (составление словосочетаний, текстов, мини-ситуаций, предложений, реплик на заданную тему);
- 3) реально-речевые, представляющие собой комплексно-интегративные упражнения (составление диалогов, монологов, версий текстов на базе текста-оригинала).

Обязательным условием научно-обоснованного подхода к разработке технологий формирования и развития речи при обучении русскому языку иностранцев, в целом, а также к разработке полиаспектной (многоуровневой) системы упражнений, в частности, на наш взгляд, является учет лингвопсихологических, психолингвистических и методических факторов.

Разработка методической системы формирования и развития речи студентов при обучении татарскому языку как родному целиком строится на обучении коммуникативным упражнениям как важному средству активизации мыслительной и коммуникативной деятельности учащихся. Таким средством активации процесса обучения мы определили упражнения, отражающие содержание вышеприведенных факторов и отвечающие определенным требованиям, а именно:

- должны соответствовать задаче данного исследования – формированию лингвистической компетенции учащихся, основа которой обеспечивается сформированностью языковых навыков и рече-коммуникативных умений;
- должны способствовать формированию языковой коммуникативной способности обучаемых, их готовности к адекватному общению на межкультурном уровне;
- учитывать лингвистические, психологические и психолингвистические особенности функционирования языковой и речевой деятельности человека;
- способствовать стимулированию коммуникативной и дискурсивной активности обучаемых при усвоении языкового материала и его использовании в реальном речевом общении;
- учитывать индивидуальный характер деятельности сознания обучаемых посредством включения в эту деятельность психических процессов восприятия, образов представления, памяти, мышления, воображения и субъективных особенностей процессов, обуславливающих успешное усвоение языкового материала, овладение языковыми навыками, речевыми и коммуникативными умениями.

Исходя из перечисленных требований к упражнениям, способствующим активизации коммуникативной деятельности обучающихся в процессе формирования и развития русской речи, нами выделены многоуровневые упражнения, направленные на осознанное овладение иноязычным словом, состоящие из трех групп упражнений, соответствующих содержанию выдвигаемых требований.

Многокомпонентность системы упражнений, нацеленной на формирование языковой компетенции в обучении родному языку, заключается в межуровневом характере организации учебного процесса и интеграции учебного материала дисциплины.

Построение такой системы упражнений необходимо для осуществления контроля взаимосвязанных действий на всех этапах обучения при выполнении языковых и речевых заданий и обеспечения последовательности формирования соответствующих навыков и умений, реализуемых в процессе говорения.

Полиаспектная система упражнений построена с учетом познавательных процессов и рационального их включения в механизмы речи, обеспечивает прочное усвоение и владение языковым материалом и нацелена на развитие: а) лексической памяти; б) лингвокреативного мышления; в) лексической креативности; г) способности выводить новые значения слова на основе знакомых словообразовательных моделей и на основе контекста; д) развитие языковой догадки; е) языковой интуиции.

Главная функция полиаспектной системы упражнений в ее последовательности, способности отражать нарастающую трудность по принципу «от простого к сложному»: от первой группы речевых задач, которая носит аналитический характер, к последней – созданию своего текста. Такой подход способствует некоторому упорядочиванию и организации самостоятельной работы. Трудности могут быть в выполнении упражнений и внутри каждой группы заданий, особенно в воспроизведении текста, поскольку это зависит от многих факторов: его объема, содержания, языкового оформления и т.д. Сложность сочинения определяется его темой, жанром, источником получения материала. Адекватность языкового материала предполагает отражение реального многоязычия в обществе.

Подведем итоги. Татарский язык в качестве родного в условиях Иссък-Кульской области современного Кыргызстана нуждается в поддержке в плане своего функционального развития. Молодое поколение слабо владеет устной формой татарской речи и практически не владеет письменной формой. В то же время татарский язык активно взаимодействует с другими родственными языками, прежде всего с киргизским и уйгурским. Это обстоятельство можно использовать в плюрилингвальном ключе. Плюрилингвальность позволяет поддерживать родной язык при преподавании государственного и официального языков. Важным здесь представляется умение подобрать систему упражнений, позволяющих сопоставлять языковые картины мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдуллаев С. Н., Озонова А. А., Мушаев В. Н. Вопросы типологии языковых картин мира в тюркских и монгольских языках (оценочные конструкции) // Языки и литературы в поликультурном пространстве: современное состояние и перспективы развития. – Уфа, 2020. – С. 51–57.
2. Абдуллаева Г. Төрки телләрдеге полипредикатив конструкциялар // Materials of International scientific-practical conference on the theme: «Uzbek language development and problems on international cooperation». – Tashkent, 2020. – P 345–347.
3. Арутюнова Н. Д. Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – 512 с.
4. Закон КР «О государственном языке КР» от 02.04.2004 № 54. – URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/1439>
5. Попова З. Д. Синтаксический концепт и межкультурная коммуникация // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация», 2004. – № 2. – С. 27–37.
6. Постановление Правительства КР «О введении многоязычного образования на 2017–2030 годы» от 30 июня 2016 года. – URL: <http://bilim.akipress.org/ru/news:1417210>

УДК 81

ДВУЯЗЫЧИЕ И СОВРЕМЕННАЯ КОНЦЕПЦИЯ КУЛЬТУРЫ ТАТАРСКОЙ УСТНОЙ РЕЧИ (постановка проблемы)

Ч. З. Абдуллина, Ф. К. Сагдеева

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ (Казань)

На современном этапе развития Республики Татарстан двуязычие – это одно из основных тенденций языкового развития. В нашей многонациональной республике оно является необходимостью. Однако татарско-русское и русско-татарское двуязычие имеет ряд специфических отличий от других форм национально-русского и русско-национального двуязычия. Прежде всего, они обусловлены как общностью, так и различием структурных и функционально-стилистических черт татарского и русского языков, а также наличием в

каждом из них собственных национальных качеств. Проживание в Татарстане представителей и других наций и национальностей обусловило наличие здесь также других типов и форм двуязычия. Двуязычие, способствуя взаимопроникновению татарского и русского языков, проецируется на языковом сознании билингва. Это находит свое выражение в интерферирующем влиянии как татарского языка на русский, так и русского языка на татарский язык. Наблюдения показывают, что этому влиянию особенно подвержена татарская устная речь.

Ключевые слова: двуязычие, билингв, татарская устная речь, интерференция.

At the present stage of development of the Republic of Tatarstan bilingualism is one of the main trends of language development. In our multinational Republic it is a necessity. Tatar-Russian Russian Russian-Tatar bilingualism has a number of specific differences from other forms of national-Russian and Russian-national bilingualism. First of all, they are caused by both commonality and difference of structural and functional-stylistic features of the Tatar and Russian languages, as well as the presence of their own national qualities in each of them. The residence of representatives of other Nations and nationalities in Tatarstan led to the presence of other types and forms of bilingualism. Bilingualism, contributing to the interpenetration of the Tatar and Russian languages, is projected on the linguistic consciousness of a bilingual. This is reflected in the interfering influence of both the Tatar language on Russian and the Russian language on the Tatar language. Observations show that Tatar oral speech is especially susceptible to this influence.

Key words: bilingualism, bilingual, tatar oral speech, interference.

Проблема сохранения и развития национальных языков народов и наций, проживающих на его территории, является одной из важнейших проблем языковой политики современного Татарстана.

Язык любого народа сохраняется и развивается как воплощение, как содержание и форма самобытной культуры этноса в самом широком смысле слова. Отсюда следует, что основным условием сохранения и развития языков является сохранение и развитие самих народов, их творцов и носителей. Таким образом, степень функционального и структурного развития языка зависит от общего уровня развития этноса. Все другие факторы лишь ускоряют или, наоборот, тормозят развитие языков. Таковыми, по мнению ученых, можно считать следующие факторы: языковая политика государства как часть национальной политики; общая демографическая и языковая ситуация, уровень национально-языкового самосознания; употребление языка в различных сферах жизни его носителей, уровень и направление двуязычия (многоязычия) и др. [6].

На территории современной Республики Татарстан проживают 178 народов и наций. По данным последних переписей самые многочисленные из них – это татары. Второе место по численности населения составляют русские, третье – чуваша. После них среди национальностей составляющих большинство – украинцы, башкиры, марийцы, мордва, удмурты, евреи и др. В результате республике сложилась уникальная языковая ситуация: языковая личность свою национальную, социальную и лингвистическую идентификацию осуществляет благодаря своему родному и русскому языку. В пограничных зонах республики распространено национально-национальное (двустороннее двуязычие, к примеру, татарско-чувашское и чувашско-татарское, татарско-марийское и марийско-татарское и др.). Многоязычие в республике распространено среди представителей малочисленных национальностей и этнических групп, владеющих своими родными языками, татарским языком и русским. Наиболее распространенным типом двуязычия в Татарстане является национально-русское двуязычие, в частности татарско-русское.

Изменения, происходящие в языковой политике, позволяют расширить сферы применения татарского и русского языков. Вследствие этих причин в республике заметно активизировалось татарско-русское двуязычие. Активизация татарско-русского двуязычия среди татар и обучение татарскому языку русских и русскоязычных, для которых татарский язык не является родным, позволили сегодня говорить о том, что в условиях двуязычия изучение проблем культуры татарской устной речи становится весьма актуальным.

В специальной литературе не раз подчеркивалось, что устная речь является частью социального бытия людей, необходимым условием существования человеческого общества. «Воздействуя на сознание, помогая выработать мировоззрение и нормы поведения,

формируя вкусы, она используется и для того, чтобы повлиять на взгляды и убеждение людей, склонить их к тем или иным действиям и поступкам. В целом речь имеет основополагающее значение в становлении человеческой личности» [4: 151].

Подлинная устная речь создается в момент говорения. Устная речь – это речь говорящая, что предполагает наличие словесной импровизации, которая всегда имеет место в процессе говорения. По словам исследователей, в наше время устная речь не только перегнала письменную по возможностям фактического распространения, но и приобрела перед ней важное преимущество – моментальность. Кроме того, устная речь приобрела другое качество: способность фиксироваться, консервироваться, сохраняться и воспроизводиться.

Ведущие лингвисты отмечают все более возрождающуюся в последние десятилетия значимость живой речи. На наш взгляд, это, прежде всего, обусловлено тем, что живая речь носителей того или иного национального языка в концентрированном виде отражает существенные черты его развития и функционирования. Развитие и функционирование того или иного национального языка всегда есть, в конечном счете, определенный результат развития языковой политики государства.

Наблюдения показывают, что в условиях двуязычия в живой речи татарский язык упрощен до предела. Это означает, что не чувствуются стилистические нюансы языка, теряется точность восприятия речевой ситуации и т. п. В татарскую речь проникают такие русские слова и словосочетания, которые имеют соответствия в татарском языке. На фонетическом уровне допускается перенос русских орфоэпических особенностей на татарский языковой материал. Отклонения от нормы обнаруживаются и на других ярусах речевой структуры. Возможно, татарский язык на сегодняшний день и не пострадал от этого. Но возникают проблемы, связанные с культурой речи.

Ф. К. Сагдеева пишет, что «оперируя понятием «культура татарской речи» мы исходим не только из традиционного учения о культуре речи в собственно лингвистическом аспекте, но и из более социально значимой концепции «культура общения», учитывающей языковые возможности и языковые потребности татароязычного и русскоязычного населения Республики Татарстан, важнейшими особенностями которого на сегодняшний день являются функционирование татарского и русского языков как государственных, а также развитие татарско-русского и русско-татарского двуязычия» [5: 6].

При этом автор отмечает, что исследование культуры речи в условиях двуязычия имеет свою специфику и свои проблемы. По ее мнению, одним из наиболее актуальных аспектов изучения вопросов культуры речи в условиях двуязычия является исследование явления интерференции [5: 6, 1].

По происхождению интерференция подразделяется на внутреннюю (внутриязыковую) и внешнюю (межъязыковую), каждая из которых подразделяется на определенные группы [3]. Так, внутриязыковую интерференцию можно подразделить на: а) парафазию (напр, предлагали – предполагали), б) образованию по ложной аналогии (напр, *поляки* по аналогии с *земляки*); в) контаминацию (напр, *дружиться* < *дружить* + *подружиться*) [3].

Межъязыковая интерференция, связанная с переносом навыков родного языка билингва на изучаемый, обычно подразделяется на: а) лексическую, б) семантическую, в) лексико-семантическую, г) фонетическую, д) акцентологическую, ж) морфологическую, з) синтаксическую. Отсюда следует, что природа и сущность внешней и внутренней интерференции различна. По мнению Л. Аюповой, чисто лингвистический подход к их изучению недостаточен, необходим учет внешних и социальных факторов [2: 189]. Таким образом, в настоящее время стало ясно, что нельзя серьезно приблизиться к пониманию механизма языковых изменений без тщательного изучения социальных факторов; обуславливающих эволюцию языка. Нам представляется этот путь верным и при изучении так называемой обратной интерференции, которую можно нередко наблюдать в татарской речи билингвов-татар.

В последние годы этот термин стал употребляться и для рассмотрения результатов влияния русского языка на национальные (в конкретном случае – на татарский). На современном этапе имеются работы, в которых затрагивается проблема интерференции родного (национального) языка, но решается она частично в связи с другими вопросами. Речь идет об изучении интерференции адстратного характера. Она чаще всего обусловлена

заимствованием, проникающим из русского языка в национальный язык, калькированием, образованием общего лексического фонда в русском и национальных языках и т. д.

Однако современная лингвистика не может ограничиться этим далеко не полным пониманием явления интерференции. Главная проблема, возникающая с изучением интерференции, на наш взгляд, в первую очередь должна сводиться к выявлению того, насколько две контактирующие структуры смогут сохраниться неизменными и в какой степени они будут влиять друг на друга, изменять друг друга. Само собой разумеется, что рассмотрение явления интерференции в таком плане не отрицает позитивные стороны двуязычия, а, прежде всего, позволяет в полной мере выявить те процессы, которые происходят в татарском языке.

Эта проблема изучена еще недостаточно, хотя определенные шаги в этом направлении уже предприняты. Свидетельством тому являются работы Э. М. Ахунзянова, М. З. Закиева, Р. А. Юсупова, Л. К. Байрамовой, С. Г. Васильевой, Ф. К. Сагдеевой и др.

Нами делается попытка продолжить изучение явления интерференции на материале татарской устной обиходно-бытовой речи, раскрыть причины и механизмы его проявления, наметить дальнейшие пути его преодоления в процессе развития татарско-русского и русско-татарского двуязычия. Однако нами будут затронуты лишь некоторые аспекты этой проблемы, а именно: использование в родной речи билингвов-татар лексико-грамматических элементов русского языка и проявление фонетической интерференции в речи билингвов-татар и русскоязычных, изучающих татарский язык. Постановка данной проблемы именно таким образом обусловлена реальной ситуацией татарской языковой действительности.

Результаты исследования послужат более глубокому пониманию процессов, происходящих в татарском языке. Определенное значение данная работа имеет и в разработке проблем нормирования татарской устной речи в условиях двуязычия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдулина Ч. З., Сагдеева Ф. К. Проблема интерференции // Концептуальный и лингвальный миры: Языки и культура народов России и стран СНГ. – СПб. – Казань, 2019. – Вып. 17. – С. 135–141.
2. Аюпова Л. Л. Языковая ситуация в Республике Башкортостан: Дис. д-ра филол. наук. – Уфа, 1998. – 335 с.
3. Байрамова Л. К. Введение в контрастивную лингвистику: Учеб. пособие для студентов. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1994. – 119 с.
4. Кондратьева-Фишер И. С. Особенности устных выступлений носителей элитарной речевой культуры // Вопросы стилистики: Проблемы культуры речи. – Саратов, 1993. – Вып. 25. – С. 151–160.
5. Сагдеева Ф. К. Проблемы культуры татарской речи в условиях активного двуязычия – Казань, 2003. – 160 с.
6. Слепцов П. А. Төлкөнү түстүүр төрөөбүт тыл. – Якутск: Северовед, 1999. – 188 с.

УДК 371.38

ПРИМЕНЕНИЕ ЭЛЕКТРОННЫХ СЛОВАРЕЙ НА ЗАНЯТИЯХ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА В РУССКОЯЗЫЧНОЙ АУДИТОРИИ

Г. У. Алева

*ГАПОУ «Казанский колледж строительства, архитектуры
и городского хозяйства» (Казань)*

В статье рассматриваются некоторые особенности применения электронных словарей на занятиях. Дается их определение и раскрываются виды словарей и возможности их при формировании отдельных навыков студентов. Дается описание разносистемных словарей и их особенности при изучении отдельных разделов татарского языка.

Ключевые слова: словарь, электронный словарь, татарский язык, Ф. А. Ганиев, компьютерные технологии.

The article discusses some of the features of the use of electronic dictionaries in the classroom. Their definition is given and the types of dictionaries and their possibilities in the formation of individual skills of students are revealed. The description of different-system dictionaries and their features in the study of individual sections of the Tatar language is given.

Key words: dictionary, electronic dictionary, Tatar language, F. A. Ganiev, computer technologies.

Каждый современный педагог должен идти в ногу со временем. Временем, в котором студенты живут в виртуальном мире, временем, где эпистолярный жанр мало знаком современному поколению смс-вещания. Но утверждение В. А. Сухомлинского: «Урок – это зеркало общей и педагогической культуры учителя, мерило его интеллектуального богатства, показатель его кругозора и эрудиции», – является очень актуальным, мы должны идти вперед, чтобы нашим студентам было интересно учиться вместе со своим педагогом, а нам, педагогам, интересно преподавать, повышая при этом свою информационную культуру, осваивая новые технические возможности для занятия.

От педагогов сегодня требуют владения современными методами и способами обучения. Именно с помощью таких компьютерных технологий можно решать такие педагогические задачи, как обучение в сотрудничестве, активизация познавательной деятельности, осуществление дифференцированного, индивидуализированного, личностно-ориентированного подхода, разрешать проблемы разноуровневого и группового обучения.

Внедрение компьютерных технологий на уроках по родному языку позволяют: 1) повысить темп урока; 2) увеличить объем самостоятельной работы, как на уроке, так и при подготовке домашних заданий; 3) сделать урок более ярким и увлекательным.

Хороший урок невозможно представить без хорошо сформулированной темы, постановки его целей и задач, планирования этапов, а также цели на каждом отдельном этапе урока.

Необходимость обогащения словарного запаса учащихся через различные виды упражнений и диктантов ставит перед педагогом и студентами важную задачу – проводить всесторонний анализ слова в орфоэпическом, лексико-семантическом, орфографическом и синтаксическом аспектах. Обучая, необходимо создать условия для устранения из речи как диалектно-просторечных и нелитературных слов, так и слов архаичных, вышедших из употребления.

Для более эффективного усвоения лексических особенностей татарского языка самым практичным способом становится использование информационно-электронных словарей. В процессе обучения татарскому (родному или иностранному) языку мы традиционно обращались и к различным источникам информации: словарям, справочникам, энциклопедиям, хрестоматиям и т.п. Основным источником такой информации перестает быть традиционная библиотека, на смену ей пришли электронные словари, энциклопедии, представляемые ранее в большом объеме только на электронных носителях, а теперь и в Интернете.

Работа со словарем несет большое воспитательное и образовательное значение для формирования языковой личности студента, его мировоззрения, его культуры речи. Работа со словарем необходима для получения навыков, необходимых для будущей практической деятельности обучающегося.

Электронный словарь – это не просто отсканированный лист какого-либо печатного издания словаря, это программа (пример: Русско-татарский словарь Ф. А. Ганиева), снабженный удобным пользовательским интерфейсом и автоматическими быстрыми средствами поиска, кроме того это также и инструмент аудирования. И это намного ускорит работу педагога на уроке и обучающегося при подготовке к домашней работе. Ведь многие бумажные словари до сих пор не всем доступны.

Электронные словари сочетают большой объем с удобством пользования, что достигается благодаря машинному механизму поиска. Чтобы найти слово в электронном словаре, обычно достаточно просто напечатать его в командной строке словаря или найти в алфавитно-корневом рубрикаторе.

Информационно-коммуникационные технологии я применяю на всех этапах урока: при объяснении нового материала, при закреплении, а также при повторении материала.

В практике своей работы я использую электронные словари Ф. А. Ганиева и многих других. Так, например, электронный Русско-татарский словарь Ф. А. Ганиева размещен в сети интернет, т.е. он доступен. Здесь кроме лексем и грамматического оснащения, имеются и иллюстрации к ним, и что не маловажно для обучения. Кроме этого имеется и аудио базис, что позволяет обучающемуся прослушать с примерами, как это слово

произносится на изучаемом языке, что способствует не только запоминанию правописания данного слова, но и его звучания.

Именно особенность аудирования позволяет сформировать у студентов коммуникативную сторону обучения, студенты начинают говорить и активно изучать язык, т.е. возможность прослушать слово с примерами, помогает активизировать познавательную деятельность с прямым включением.

Данный словарь используется мною для многих видов работ по татарскому языку. При работе с разделом «Морфология» словарь нужен для поиска указаний на род и видовой признак слова, при работе с «Орфоэпией» и «Орфографией» (электронные словари Ганиева) нужна информация по произношению слова, а в разделах «Лексикология» и «Морфемика» без словаря обойтись невозможно, так как необходимо обращение к лексическому значению исходного слова и значению словообразовательной морфемы.

При усвоении обучающимся семантики и орфографии неизвестного слова необходима этимологическая справка, которую, как правило, давал педагог, что помогало сформировать интерес к слову, к языку, к его истории. Теперь эту этимологическую справку дети могут составлять друг для друга самостоятельно, используя электронные словари.

Хочу привести примеры использования электронного словаря на уроках по татарскому языку: Я предложила в этом учебном году своим студентам составить «Портрет слова», используя пять словарей, которые до этого мы использовали каждый отдельно для определенных видов работ. Это орфографический словарь, толковый словарь, словарь синонимов и антонимов (можно каждый отдельно), словообразовательный словарь или, при необходимости, словарь иностранных слов, этимологический словарь и фразеологический словарь. Данная работа позволила нам перейти и к прецедентным текстам, в которых встречались слова, разбираемые студентами. Если раньше при выполнении такого задания требовалось наличие в домашних условиях хотя бы одного вида требуемого словаря, или длительное посещение библиотеки, то теперь без каких-либо затрат все словари есть у каждого, стоит только включить компьютер и запустить Интернет. Выполненная работа помогла нам расширить рамки своего словарного запаса, активный словарь учащихся обогатился многими ранее неизвестными для них словами, что улучшило их речевые способности как при устных ответах, так и при выполнении каких-либо письменных работ, например, сочинений и изложений.

Важно помнить, что тщательно спланированная и хорошо организованная работа со словарями помогает обогащать словарный запас обучающихся, вырабатывать орфографическую грамотность, развивать речь учащихся, а в целом способствует повышению языковой культуры, формированию у ребенка внимания, уважения и любви к родному языку.

Благодаря систематической словарной работе на уроках татарского языка, у студентов возрос интерес к словарной работе и к татарскому языку в целом. Они любят и умеют работать со словарями и справочной литературой с использованием компьютерных технологий, что позволило им запомнить принцип работы и с печатными словарями, знают имена татарских языковедов и лексикографов, ведь на их фамилии они должны опираться при описании какого-либо искомого слова. И если студенты быстро ориентируются в море предлагаемых им вариантов электронных словарей – это прекрасный результат. Ведь использование электронных словарей способно значительно ускорить нашу работу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксютин А. А., Вицен А. А., Мекшенева Ж. В. Информационные технологии в образовании и науке // Современные наукоемкие технологии. – 2009. – № 11. – С. 50–52.
2. Вартанова Е. Л. Индустрия российских медиа: цифровое будущее : академическая монография / Е. Л. Вартанова, А. В. Вырковский, М. И. Максеев, С. С. Смирнов. – М.: МедиаМир, 2017. – 160 с.
3. Электронный русско-татарский словарь Ф. А. Ганиева // URL: <http://www.ganiev.org/ru>
4. Электронный орфографический словарь // URL: <http://tatgramota.ru/slovari/info/lop/>
5. Электронный «Татар теленең анлатмалы сүзлеге» @ 2004–20106 Jahat. Lab. KAI

ТАТАР ӘДӘБИЯТЫНДА ХАЖНАМӘЛӘР: ЖАНРНЫҢ ЭВОЛЮЦИЯСЕ

Ә. Х. Алиева

ТР ФА Г. Ибраһимов исемдәге Тел, әдәбият һәм сәнгать институты (Казан)

Статья посвящена анализу жанра хаджنامه, одного из вида путешествий в татарской литературе. Также выявляются причины появления этого жанра. Излагается что, в основе жанра хаджنامه лежат татарские литературные памятники написанные в результате поездок на святые места ислама с целью совершения обряда хадж. Уточняется что, они возникли после принятия ислама народами Поволжья, так как исполнение ритуалов хадж, посетив Мекку и Медину является одним из столбов ислама. В статье, на примерах сохранившихся текстов хаджنامه, анализируется формирование и пути дальнейшего развития, эволюции данного жанра.

Ключевые слова: хаджنامه, хождение, литературный жанр, пространство и время, путешествие на святые места, хадж.

The article is devoted to the analysis of the hajnam genre, one of the types of travel in Tatar literature. The reasons for the emergence of this genre are also revealed. It is stated that, at the heart of the hajnam genre are Tatar literary monuments written as a result of trips to the holy places of Islam in order to perform the hajj rite. It is clarified that they arose after the adoption of Islam by the peoples of the Volga region, since the performance of the hajj rituals, visiting Mecca and Medina, is one of the pillars of Islam. The article analyzes the formation and ways of further development and evolution of this genre using examples of the surviving texts of the Hajnam.

Key words: hajname, walking, literary genre, space and time, travel to holy places, hajj.

Әдәби ижатта сәяхәтнамә жанрында язылган юлъязмаларның бер төрен – хаж гамәлен үтәү максаты белән исламда изге саналган урыннарға сәфәрне тасвирлаган әдәби ядкәрләргә хажнамә дип атап йөртәләр.

Хажнамәләр жанрының предметын мөселман жәмгыятенен изге урынын тасвирлау тәшкил итә. Бу идея анда турыдан-туры чагылмый, берәр нәрсә аркылы башкарыла: изге урынга, иң кадерле дип табылган нәрсәгә мөрәжәгать итү үзе үк жанрның кыйммәтен арттыра, кызыксыну тудыра.

Хажнамәләрдә сәфәр чыгуның максатын билгели торган традицион формула астына – «изге ислам жирләрен күрү», «пәйгамбәрәбезнен, мөбарәк каберенә зиярәт итү, догалар кылу», «Кәгъбәтулланы күрү һәм хәжрә эсвадка якин килеп, аңа иреннәргә тидерү, йөзнә сөртү», «Хижаз өлкәсендәгә күп санлы изге урыннарда булып, хаж ритуалларын башкару, йолаларны үтәү» – кебек конкрет дини-сәяси мәсьәләләр яшерелгән («Мөхәммәдәмин хажнамәсе» (1783), Мортаза бине Котлыгыш әс-Симети «Сәяхәтнамәсе» (1698) шундыйлардан). Хажнамәләрдә исламдагы биш фарызның берсен – хаж гамәлен үтәүнең юлын өйрәтү максаты алга куелган. Чөнки хажилар гамәли сурәттә халык дипломатиясе идеясен үткәрәләр, шушы миссияне башкаралар. Мөселманнар арасында рухый туганлык образын пропагандалыйлар, шул рәвешле халыкның милли узаңы үсешенә уңай тәәсир итәләр.

Хажнамәне укыган һәркем үзен анда тасвирланган изге урыннарда булган кебек хис итә, яисә автордан үрнәк алып, үзенә дә шул жирләргә барасы килә. Хажнамәләргә икенче мөһим ягы – ул укучыны чынбарлыктагы, тормыштагы бик аз билгеле булган яки бөтенләй дә билгеле булмаган фактлар белән таныштыру, шулай ук, жанрның үзенчәлеген тәшкил итә. Гомумән, хажнамәләр жанры формаль яктан XX гасыр башында да шул рәвешле дөвам итә. Жанрның эчтәлегә белән каршылыкка керми диярлек.

Хажга йөрүләр белән бәйле яки шуның нәтижәсендә барлыкка килгән әдәбият аралык (пространство) һәм вакыт турындагы карашларны ачык чагылдыра, рухый һәм ижтимагый ориентирларны күрсәтә, изге Коръән өйрәтмәләре һәм пәйгамбәрләр тормышы турында кешеләргә фикер карашларын киңәйтә.

Изгеләргә хөрмәт, табыну, инану – хаж сәфәренең төн этәргеч көче булса, ә анда күргәннәргә тасвирлау күп гасырлык әдәби традиция булып кала һәм объектив рәвештә мөдәни-әдәби әсәрләр сафын тәшкил итә.

Хажнамәләрнең жанр этәлегә, пространство кыйммәтләре дефинициясенә таяна. Рус әдәбиятындагы «хождение» жанрына мөнәсәбәттә бу хакта Д. С. Лихачев та искәртеп китә: «Человек средних веков всегда как бы ощущает стороны света – восток, запад, юг и север; он чувствует свое положение относительно их. В соответствии со сторонами света рассматривались в мире ад и рай; рай на востоке, ад на западе» [1: 638].

Чынлап та, хажнамәләр жанры үсешә өчен «оҗмах» һәм «тәмуҗ» мөһим маҗнәви-структур оппозиция хасыйл итә. Жанрның формасы ягыннан да этәлегә ягыннан да әһәмиятле күренеш булып тора. Бу оппозиция исә үз чиратында фабула яисә сюжет оештыру өчен хронотоп хезмәтен үти.

Сайланган маршрут (изге Хижаз өлкәсе) турында язу исә баян итүче авторның катгый этикетка буйсынган образын таләп итә. Биредә күргәннәрен, хаж гамәлләрен башкару турында сөйләүче, баян итүче автор ислам дине реликвияләре, мөселманнар өчен кадерле ядкәрләр турында сөйләгәндә аеруча игътибарлы була һәм жентекле информация бирә. Корьәннән цитаталар китереп үз фикерен ныгыта, кайсы изге урында булганда һәм аерым каберләргә зиярәт иткәндә нинди догалар укырга кирәклекне искәртеп, укучы өчен аларның текстларын да китереп бара (мәсәлән, Әхмәтҗан әл-Казаниның «Сәфәр әл-Хижаз» дигән юльязмасында аеруча ачык күренә). Кайчакта авторлар төрле эпитетлар китереп факт, күренешләргә үз баяләрән дә бирәләр. (*«Бу бик төзек һәм бай шәһәр...», «Салоник шәһәрәнә икенче көндә сәгатъ 8 дә иртән йетдек. Күренештә мәҗмур шәһәр икән Юнан махарәбәсе бу шәһәр әтрафында булган икән. Бунда пароходтан төшөп шәһәргә кереп сәйер вә тамаша итдек... Төп халкы яһүд таифәседер. Кибетләре шактый ғына зиннәтле, 16 җәмигъ мәчетләре бар икән. Вә валлаһи әгъзәм, читтән караганда бу шәһәр безнең Казаннан аз ғына кимрәк булмалы»* һ.б. (мисаллар Х. Альмушевның «Хажнамә» (1898–1901) әсәрәннән китерелде)).

Хаж сәфәрен сурәтләгәндә хаж өчен ин мөһимә ашыкмыйча, ыгы-зыгысыз, житди рәвештә, Корьәндә әйтелгәнчә, динез, пәйгамбәрәбез күрсәтмәләренә туры китереп һәр гамәлне төгәл рәвештә үтәүне, ритуаллыкны ассызыклап тасвирлау. Шуна да хажнама-ләрнең Хижаз өлкәсендәге изге урыннарны Мәдинә һәм Мәккә тирәсендәге истәлекләргә зиярәт итүне, хаж гамәлен үтәүне тасвирлаган өлешләрендә ин беренче чиратта объективлык өстенлек итә. Фактлар кубәсенчә субъектив комментарийләрсез генә баян ителә.

Хажнамәләрдә сурәтләнгән объектлар әдәби алым белән эшләнгән «диафильмнарны» хәтерләтә. Авторның сөйләп торган вакыты сюжетта тасвирланган вакыт белән туры килә.

XIX гасыр башына таба жәмгыять тормышындагы үзгәрешләр нәтижәсендә хажнамәләрнең әдәби пространство кыңәү күзәтелә һәм бу күренеш материалны жанр кысаларында оештыру принциплары белән котылгысыз каршылыкка керә.

Авторлар сәяхәтнең маршрутын жентекләрәк тасвирларга тырышалар. Әһәмиятле, мөһим дип уйланылган топонимик объектларны да мөмкин кадәр күбрәк яктыртырга телиләр; вакыйгалар конкрет бер вакыт аралыгына беркетеләп тасвирлана. Бу сыйфат хажнамәләрне көндәлек дәфтәрәнә якынайта.

Авторның дини, рухани тематика белән беррәттән чит илләр тормышының дөнви яклары белән дә кызыксына башлаулары күренә. Әйттик, Мортаза бине Котлыгыш әс-Симети «Сәяхәтнамә»сендә хаж маршрутын бары тик юлда очраган зур шәһәрләрнең эзлекле рәвештә исемнәрен генә күрсәтеп, бер-бер артлы санап барылса, Гобәйдулла Әмиров исә үзенә берничә елга сузылган «Һиндстанга сәфәр»е (1775–1805) турындагы юльязмасында (икесе дә чит җирләргә Бохарадан башлап чыгып китәләр) юлда очраган һәр торак пункт турында искиткеч киң итеп бай топографик, икътисадый мәгълүматлар бирә һәм дәүләт идарәсе, халыкның милли составы, тоткан дин, гореф-гадәтләре, тормышы-көнкүреше, һөнәрләре, башка халыклар белән булган алыш-биреш, сәүдә мөнәсәбәтләренә дә жентекле игътибар биреп яза. Шулар рәвешле юльязмаларның этәлегә әкрәнләп Аллага гыйбадәт кылу кебек сакраль мәгънәләр белән генә чикләнми башлый. Бу бигрәк тә Г. Чокрый, Ш. Мәржани юльязмаларында

ачык күренә. Хажга йөрүчеләрнең борынгырак язмаларыннан аермалы буларак мэгъ-рифәтчелек чорында язылган хажнамәләрдә әдәби ижатка хас булган сюжет, композиция күзәтергә мөмкин.

Шул рәвешле юльязмаларның предметы үзгәрә башлый. Әгәр элегрәк хажнамәләрнең авторлары үз укучыларын күбрәк дини реалийлар, изгеләр тормышы, ислам реликвияләре белән таныштырырга тырышсалар, Аллахка якынаю, гөнаһлы жанны тәмуғ газәпләрыннан коткару юлы турында сөйләсәләр, шуларны яктыртсалар, соңрак чор хажнамәләрендә авторлар күбрәк чит жирләрнең татар укучысына билгесез, таныш булмаган реалийларын сурәтләргә омтылалар, чит илләрдәге халыкларның тормышын төрле яклап, бөтен нечкәлекләре белән, үзләренең карашларын чагылдырып сурәтләргә тырышалар. Шулай да бу жанрга кергән әсәрләрдә социологик анализ һәм портрет тасвиры бөтенләй күзәтелми. Авторлар үзләре тап булган күренешләрнең сәбәпләрен артык аңлатып тормыйлар. Шуңа да хажнамәләр, соңрак чорда язылган сәяхәтнамәләрдән аерылып торалар. Соңгыларында әсәрнең нигезен төзүче төрле картиналар, социаль күренешләр, тарихый экскурслар, зарисовкалар, әңгәмә һәм анализ специфик рәвештә алышынып торалар.

Авторларның әдәби пространство һәм вакыт турында күзаллаулары, сурәтләү аңламнары үзгәрә. Вакыйгалар башланган ноктадан (туган илдән) алып сәяхәтче әдәби әсәр тукымасында яши, үзенең барлыгын сиздереп тора. Әсәрдә тасвирланган вакыт аралыгында вакыйгалар бер туктаусыз үзгәрәп тора. Фабуланың бай эчтәлекле булуы сәбәпле вакыт агышы да тизләтелгән темп белән бара. Вакыйгалар агымына мөнәсәбәттә сурәтләнгән вакыт тормышның, гомумән, яшәешнең билгеле бер кисегә, элеше булып аңлашыла, туган илнең табигатен, табигый байлыкларын сәяхәт маршрутында очраган жирләр белән чагыштырып тасвирлау шактый урынны ала башлый.

Татар әдәбиятында жанрның үсеш кульминациясе XIX гасырда ижат ителгән әсәрләрдә чагыла (Ш. Мәржани (1879), Г. Чокрый (1872) һ.б.). Аларда, башка хажнамәләрдән аерылып торган төп сыйфат – изге урыннарны тасвирлауга азрак игътибар бирелә; фантастик мотивлар юк диярлек. Бу хажнамәләрдә иң мөһим нәрсә – сәяхәт вакытында күргән вакыйгалар турында сөйләү. Гали Чокрыйның хажнамәсен, мәсәлән, әсәрнең эчтәлегә һәм формасы ягыннан юльязма жанрының публицистик характердагы очерклар, эпик әдәбият юнәлешендә үсеше, хәрәкәте дип карарга мөмкинлек бирә. Хажнамәнең нигезендә сәяхәтченең билгеле бер пространство һәм вакыт аралыгында чынбарлыкны тасвирлауга багышлап язылган юл очеркы ята.

Әмма тәнкийть күзлегеннән чагыштырып карау методы ярдәмендә, үзенең белән читнеке арасында бәйләнеш һәм аерымлыкларны табу, охшату, ассоциацияләү бу әсәрне форма ягыннан юльязма, көндәлек жанрына кертеп карарга да мөмкинлек бирә.

Мондый әсәрләрнең сюжеты үз ватандашларын чит ил халыклары тормышы, ул жирләрнең табигате һ.б. белән таныштыруга корылган. Автор үзе күргәннәре турында үз фикерен дә әйтә, тәәсирләре белән дә уртаклаша. Кайчак үзе турында, сәфәр вакытында очратып танышкан кешеләр турында да нинди дә булса мэгълүмат бирергә дә мөмкин.

Хажнамәләр, гомумән, юльязмалар синкретик төрдәге жанр дип санала. Бер үк вакытта ул әдәби әсәр дә, социологияне (жәмгыять һәм аның үсеше турында тәгълимат), дини өйрәтмәләрне дә, табигать белемен дә үз эченә ала. Анда очеркка хас элементлар да күзәтелә; география, тарих, табигать фәннәренә караган мисаллардан файдалану нәтижәсендә андагы тормышны калку итеп чагылдырырга мөмкинлек бирә.

Йомгаклап әйткәндә, хажнамәләр бик күптән барлыкка килгән жанр. Бу жанр әдәбият үсешенең аерым бер этабында ошып, әдәби-тарихый барышта үсеш, үзгәреш кичергәннәр. Ләкин эволюция вакытында жанрның төп билгеләре үзгәрми, тотрыклы кала бирә. һәр хажнамәдә ул үзенчәлекләр яңадан тергезелә, кабатлана килә.

ӘДӘБИЯТ

1. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы // Избранные работы: в 3 т. – М.: Художественная литература, 1987. – Т. 1. – 656 с.

ТАТАРОВЕДЕНИЕ XX–XXI ВЕКОВ: ФУАТ АШРАФОВИЧ ГАНИЕВ

Х. Ч. Алишина

Тюменский государственный университет (Тюмень)

С Ганиевым Фуатом Ашрафовичем мы познакомились в ИЯЛИ КНЦ СССР в 1990 г. Он был моим коллегой по Академии наук Республики Татарстан, по Российскому комитету тюркологов в Москве. Встречи и общение с ним незабываемы. Вместе с директором ИЯЛИ АН РТ К. М. Миннуллин он приезжал в Тюменский государственный университет, в Российскую академию наук. Статья о незаурядном ученом написана в знак глубокого уважения и благодарности.

Ключевые слова: Татарский язык. Видовая характеристика глаголов татарского языка. Суффиксальное словообразование в татарском литературном языке.

We met Ganiev Fuat Ashrafovich in the IYALI of the KNC of the USSR in 1990. He was my colleague at the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, at the Russian Committee of Turkologists in Moscow, meetings and communication with him are unforgettable. Together with the Director of the ILI of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan K. M. Minnullin, he came to Tyumen State University, to the Russian Academy of Sciences. The article about the outstanding scientist was written as a sign of deep respect and gratitude.

Key words: Tatar language. Specific characteristics of the verbs of the Tatar language. Suffixal word formation in the Tatar literary language.

Прошло пять лет, как скончался Фуат Ашрафович Ганиев, крупный языковед-тюрколог, доктор филологических наук (1978 г.), профессор (1985 г.), главный научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, член-корреспондент Академии наук Республики Татарстан (1992 г.), заслуженный деятель науки Российской Федерации (1994 г.) и ТАССР (1989 г.), лауреат Государственной премии Республики Татарстан в области науки и техники (1994 г.).

Ф. А. Ганиев родился 1 августа 1930 г. в д. Насибаш Салаватского района Республики Башкортостан. После окончания Казанского государственного университета работал директором средней школы, редактором Татарского книжного издательства. Фуат Ашрафович Ганиев в 1959 г. поступает в аспирантуру в Институт языка, литературы и истории КФАН СССР, пишет диссертацию под научным руководством известного профессора Латифа Заляя.

В 1963 г. он защищает кандидатскую диссертацию на тему «Видовая характеристика глаголов татарского языка». В ней он впервые в тюркологии открыл наличие предельных и непредельных глаголов в тюркских языках. Он научно доказал, что в тюркских языках нет категории совершенного и несовершенного видов. До него большинство исследователей допускали наличие данной категории в тюркских языках. Он установил, что значения категории совершенного и несовершенного видов, имеющиеся в русском языке, в тюркских языках передаются имплицитно формами времени, в зависимости от предельности и непредельности глаголов, что явилось совершенно новым положением в тюркологии. Он впервые сумел объяснить, что в тюркских языках «модифицирующие глаголы» (так называемые вспомогательные глаголы) никакого отношения не имеют к выражению категории совершенного и несовершенного видов. Фуат Ганиев впервые в тюркологии установил и системно исследовал категорию способов действия («Aktionsart»). Как показал ученый, например, в татарском языке эта категория, является лексико-грамматической, ибо в ее выражении участвуют как лексические, так и грамматические средства: модифицирующие глаголы, редупликация глагольных форм и суффиксы.

В 1970–1985 гг. он издает ряд монографий «Фонетическое словообразование в татарском языке» (1973), «Суффиксальное словообразование в татарском литературном языке» (1974), «Вопросы морфологии татарского языка» (1980), «Образование сложных слов в татарском языке» (1982), «Конверсия в татарском языке» (1985).

В 1977 г. Фуат Ганиев защитил докторскую диссертацию на тему «Суффиксальное словообразование в татарском литературном языке». В докторской диссертации и в монографиях, изданных в вышеуказанные годы, им установлено 8 способов словообразования в татарском языке: 1) фонетический, 2) суффиксальный, 3) основосложение, 4) переход словосочетания в сложное слово, 5) переход словосочетания в сложное слово при одновременной его суффиксации, 6) конверсия (переход слова и словоформы одной части в другую), 7) лексико-семантический, 8) аббревиация.

Следует отметить, что в тюркологии в грамматиках до исследований Фуата Ганиева, как правило, рассматривалось лишь 3–4 способа словообразования. Вдобавок, три способа словообразования, а именно основосложение, переход словосочетания в сложное слово, переход словосочетания в сложное слово при одновременной суффиксации, изучалось как один способ – словосложение, что в корне искажало систему образования сложных слов в татарском языке

В тюркологии практически не обращалось внимания на конверсию как на способ словообразования, тогда как она представляет целую систему в какой-то степени напоминает конверсию, имеющуюся в английском языке. Ф. А. Ганиев этой проблеме посвятил целый труд. В итоге это новое было продолжено молодыми диссертантами.

В татарском языке как реликтовое явление сохранился и фонетический способ словообразования, по которому ученым также опубликован труд.

Ученый исследует суффиксальное словообразование структурно-функциональным методом, т.е. связывая значение каждого суффиксального слова со значением производящей основы, что дало возможность объективно правильно раскрыть словообразовательные значения, чего не было в грамматиках до исследований Фуата Ганиева.

Во всем языкознании структура слова, как известно, рассматривается как морфологическая структура. Фуат Ганиев в слове находит две структуры: 1) словообразовательную структуру; 2) морфологическую структуру. По мнению ученого, они между собой ничего общего не имеют: словообразовательная структура выражает все то, что в слове имеют лексические значения, морфологическая структура выражает всё то, что в слове имеют грамматические значения, что является совершенно новым положением в лингвистике.

Следует подчеркнуть, что ученый был категорически против употребления термина «аффикс» вместо термина «суффикс». Как известно, термин аффикс является общим обобщающим термином для многих понятий: для префикса, конфикса, инфикса, суффикса, интерфикса и т.д.

Ф. А. Ганиев определил также критерии различения омонимичных суффиксов. Им учтен и проанализирован практически весь состав словообразующих суффиксов в татарском языке, количество которых увеличено более чем в 2 раза по сравнению с существовавшими до него в исследованиях и грамматиках татарского языка.

Отдельные новые научные положения отражены также в труде «Татарский язык: проблемы и исследования» (2005). Ф. А. Ганиев создал самостоятельную лингвистическую дисциплину – словообразование в татарском языкознании.

Как известно, все исследователи тюркских языков рассматривают их только как агглютинативные, т.е. по их мнению, в них как грамматические, так и лексические значения выражаются агглютинацией, т.е. суффиксацией. Такое рассмотрение полностью искажает сущность и характер тюркских языков, ибо в них больше половины лексических, около половины грамматических значений выражается аналитически, т.е. дополнительными словами. Как видно, относить тюркские языки только к агглютинативным не очень корректно. Тюркские языки, по мнению ученого, являются агглютинативно-аналитическими языками. Отсюда ясно, что морфология тюркских языков наполовину является аналитической, и в лексике тюркских языков больше половины аналитических, т.е. сложных слов. Это положение, безусловно, является большим открытием.

Фуат Ганиев впервые в тюркологии установил наличие аналитических падежей, как это имеет место во французском и английском языках. Например, в татарском языке имя с нулевым суффиксом+послелог широко употребляется в татарском языке. Это положение представляет собой новизну для татарского языкознания, в принципе и для

тюркологии. По этой новой концепции, выдвинутой Ф. А. Ганиевым, уже успешно защищена кандидатская диссертация.

Новым для тюркологии является установление интерфиксов в тюркских языках, что дает возможность конкретно и правильно раскрыть структуру многих тюркских производных слов и их форм, до сих пор неадекватно трактующихся в тюркологии (алты + ш + ар).

Прорывом в изучении лексики татарского языка является установление наличия в нем огромного количества сложных лексических единиц. При составлении словарей не учитывалось, не принималось во внимание такое богатство языка. Ученый доказал, при составлении словарей не учитывались сложные слова, тюркские словари выглядели очень бедно. В настоящее время они включаются в словари.

В результате научных исследований Ф. А. Ганиева в татарском языкознании появилась новая дисциплина «Словообразование» наряду с «Морфологией» и «Синтаксисом». Эти же научные исследования дали возможность ученому впервые в татарском языкознании создать и издать учебное пособие для вузов «Словообразование в татарском языке» (1988, 2003, 2005, 2009).

Ф. А. Ганиевым опубликована монография «Функциональное словообразование в татарском литературном языке» (2009), не имеющей аналога в тюркологии. В этой работе словообразование исследуется от семантики к форме. Она представляет значительный интерес для сопоставительно-типологического изучения татарского языка.

Ф. А. Ганиев по приглашению в Турции участвовал в составлении «Общей грамматики тюркских языков» (в двух томах).

Ф. А. Ганиев автор свыше 300 научных трудов, в том числе 18 монографий. В книге «Современный татарский язык: словообразование» ученый обобщил все свои изыскания в области татарского словообразования. Создатель (в соавторстве) и научный редактор трехтомной академической грамматики татарского языка. Ф. А. Ганиев и другие авторы стали лауреатами Государственной премии в области науки и техники Республики Татарстан.

Вместе с тем, ученый внес и вносит большой вклад в татарскую лексикографию. Он соавтор однотомного «Русско-татарского словаря» (Казань, 1971), «Татарско-русского словаря» (Москва, 1966). Учёный является одним из основных составителей трёхтомного «Толкового словаря татарского языка» (Казань, 1977–1981). Под его научным руководством, редакцией и участии изданы такие солидные словари: «Татарско-русский словарь» (Казань, пять изданий), «Русско-татарский словарь» (Москва, четыре издания), «Татарско-русский учебный словарь» (Москва, Казань, три издания). «Татарско-турецкий словарь» (Москва) и «Турецко-татарский словарь» (Москва) и т.д.

В 2005 г. вышел из печати большой однотомный «Толковый словарь татарского языка» (143 печ.л.), который был высоко оценен широкой общественностью и специалистами. В него впервые в тюркологии включены составные глаголы. Этот словарь для татарской лексикографии является приблизительно тем же, чем является однотомный словарь С. И. Ожегова для русского языка.

Под его научным руководством, редакцией и участием издан «Татарско-русский словарь личных имен и фамилий» (2006), где татарский именник дан в транслитерации на русском языке. Данный словарь включает в себя правописание 7 тысяч личных имён так необходимых для различных отраслей и структур.

Ф. А. Ганиев занимается и проблемами орфографии татарского языка, исследованием её научных основ. Им в соавторстве создан и издан новый «Орфографический словарь татарского языка» с учетом орфографии толковых словарей, ибо их орфография, как принято, является нормой для письменности.

Ученым составлен и издан в 2009 г. оперативный «Русско-татарский словарь» (62,5 печ. л.) для изучения татарского и русского языков. Издана первая часть «Толкового словаря составных глаголов татарского языка» (буквы А–К). Этот словарь наглядно показывает исключительное богатство глагольной системы татарского языка, словарь не имеет аналогов в тюркологии. Под его руководством составлено и издано 24 русско-татарских лексических минимума для работников различных отраслей народного хозяйства и культуры для изучения государственных языков Республики Татарстан на курсах и кружках.

Под научным руководством Ф. А. Ганиева составлены еще «Школьный толковый словарь татарского языка» (70 авт. л.), «Русско-татарский словарь новых слов и новых значений» (40 авт. л.), «Татарско-русский словарь» (150 авт. л.). Начато составление 4-х томного «Толкового словаря татарского языка» объемом 450 авт. л. Все эти словари составлены и составляются по «Инструкции», разработанной ученым.

Все это говорит об огромном вкладе ученого в обогащение татарской лексикографии.

Ф. Ганиевым прочитано 117 докладов, из них 24 – на Международных (Берлин, Бухарест, Прага, Москва, Казань, Симферополь, Анкара, Измир, Елази и т.д.), 25 – на Всесоюзных и Всероссийских конференциях. Ученый является научным редактором 110 научных изданий.

Учёным Ф. А. Ганиевым создана своя научная школа. Под его научным руководством защищена 31 кандидатская диссертация. По новым научным концепциям и положениям Ф. А. Ганиева написано и защищено 14 докторских и 25 кандидатских диссертаций. За научной консультацией в Казань к Фуату Ашрафовичу очень часто приезжали ученые из разных республик и регионов.

Ф. А. Ганиев является автором проекта «Государственной программы по сохранению, изучению и развитию языков народов РТ» и автором проекта Закона Республики Татарстан «О языках народов Республики Татарстан», которые были утверждены Верховным Советом Республики Татарстан. По реализации татарского языка как государственного ученый работал в комиссиях, опубликовал значительное количество статей, где подчеркивал, что не слова, а только действия сделают татарский язык государственным!

Наряду с большой научной работой Ф. А. Ганиев около 30 лет вел общие и специальные курсы в Казанском государственном университете, Казанском педагогическом институте и Набережно-Челнинском педагогическом институте в качестве совместителя, читал лекции в Башкирском, Кабардино-Балкарском университетах, в Елабужском государственном педагогическом институте.

Он часто выступал в качестве официального оппонента на защите докторских и кандидатских диссертаций.

В течение нескольких лет с перерывами ученый был председателем ГЭК и ГАК в Казанском государственном университете, Елабужском государственном педагогическом институте.

Ф. А. Ганиев активно участвовал в общественной жизни Института и Республики: долгие годы работал заместителем председателя и председателем профкома Института. Возглавлял Республиканский координационный совет по лингвистике, являлся членом научного совета Академии наук СССР «Язык и общество», заместителем председателя по реализации татарского языка, членом Советского комитета тюркологов, являлся членом Ученого совета ИЯЛИ АН РТ, членом диссертационных советов ИЯЛИ и КГУ, членом комиссии по топонимике Казанской городской думы, членом Всероссийского общества востоковедов.

Ф. А. Ганиев награжден несколькими государственными медалями.

Кембриджским биографическим центром (Англия) внесен в энциклопедии «Знаменитые люди XX века» (1998), «Международные интеллектуалы: кто есть кто» (1999), «Современная наука» (2003) за большой вклад в филологию, избран иностранным член-корреспондентом Турецкого лингвистического общества (2000) и советником Американского биографического института (2000). Русской Академией наук и искусств он также включен в биографический справочник «Известные русские: кто есть кто на рубеже тысячелетия» (3-е издание) (2000).

Заслуженный деятель науки Республики Татарстан и Российской Федерации, член-корреспондент Академии наук Республики Татарстан, действительный член Российской Академии гуманитарных наук, иностранный член-корреспондент Турецкого лингвистического общества, Лауреат Государственной премии имени Кул Гали, лауреат Государственной премии в области науки и техники Республики Татарстан, главный научный сотрудник ИЯЛИ Академии наук Республики Татарстан, доктор филологических наук, профессор Ф. А. Ганиев внес весомый вклад как в татарское языкознание, так и в тюркологию. Вся его трудовая биография является достойным примером служения науке.

К ВОПРОСУ О СМЕНЕ НАУЧНЫХ ПАРАДИГМ В ЯЗЫКОЗНАНИИ

Э. Е. Антипова

Казань

В статье рассматривается одно из ключевых положений современной лингвистики – идея о системности, органичной целостности языка, элементы которого связаны определенными закономерными отношениями.

Ключевые слова: языкознание, научная парадигма, совокупность приемов и методов.

The article examines one of the key provisions of modern linguistics – the idea of a systematic, organic integrity of language, the elements of which are connected by certain regular relationships.

Key words: linguistics, scientific paradigm, a set of techniques and methods.

После выхода в свет в 1962 году известной книги американского ученого Томаса Куна «Структура научных революций» перед учеными встал вопрос о парадигме как модели постановки проблем и совокупности их решения. В этой книге автор предлагает рассматривать парадигму как совокупность методов и приемов, которыми пользуется то, или иное научное, или философское сообщество, объединенное общей научной или философской идеологией, в отличие от других сообществ, объединенных другой идеологией и, соответственно, имеющих свои парадигмы.

В конце 60-х годов XX века этот термин стал использоваться в философии науки и социологии науки для обозначения системы идей, взглядов и понятий, исходной концептуальной схемы, модели постановки проблем и их решения, методов исследования, господствующих в течение определенного исторического периода в научном сообществе.

С точки зрения общих принципов научного подхода к исследованию языка множество лингвистических концепций, школ и течений условно может быть сведено к трем научным парадигмам.

Первая из парадигм, генетическая (или историческая, эволюционная), объединяет школы и направления, которые опираются на принцип историзма и рассматривают язык, как действительность в целом, в его возникновении и развитии, т.е. необратимом, направленном изменении во времени и соответствии с внутренними законами самого языка и условиями его функционирования. Становление научного исторического языкознания происходит в первой четверти XIX века. Принцип историзма в языкознании явился универсальной объяснительной и упорядочивающей категорией, распространяющейся и на естественно-исторические, и на культурно-исторические процессы.

Таксономическая – вторая лингвистическая парадигма, в которой наряду с эволюционным аспектом языка выделяется аспект организационный, касающийся внутреннего устройства сложного языкового целого, выявления группы языковых единиц, их систематики и классификации, объединения этих единиц в языковую систему. Специалисты утверждают, что инвентарный подход, имевший место еще в прошлом характеризует скорее всего «допарадигмальный» этап. В 20–30-г. XX века происходило формирование научной таксономической парадигмы. Данная парадигма опиралась на принцип инвариантности, в соответствии с которым утверждается неизменность некоторой совокупности системообразующих соотношений внутри языковой системы, постоянство структуры при тех или иных изменениях системы, а впоследствии на более фундаментальный и более гибкий принцип системности, который не сводит систему языка только к ее реляционному каркасу, что в свою очередь не позволяет элиминировать ее субстанциальные и функциональные характеристики, связи с мышлением, сознанием и обществом, закономерности ее развития.

Третья исследовательская парадигма в языкознании, антропоцентрическая (коммуникативная, функциональная, коммуникативно-прагматическая, или просто прагматическая), оформляющаяся в последние десятилетия, опирается на принцип деятельно-

сти и провозглашает приоритет факторов, обеспечивающих успешное использование языка субъектом коммуникативной деятельности для достижения своих целей. Этой парадигме лингвистика обязана утверждением фактора человека как субъекта деятельности в самом широком смысле деятельности общения, коммуникативной и речевой деятельности.

Каждая из трех названных лингвистических парадигм предлагает свой подход к пониманию границ предметной области языкознания, соотношения частей языкового феномена как сложного и противоречивого целого, вырабатывает свой содержательный-концептуальный аппарат, свои методы и процедуры исследования.

Ученые считают, что выдвижение на первый план то принципа историзма, то принципа системности, то принципа деятельности, как раз и есть определяющее направление исторического языкознания XIX–XX вв., не есть, однако, процесс замены одной лингвистической парадигмы другой. Появление очередной из них не ведет к исчезновению другой или других. Происходит лишь смена акцентов в воззрениях на языковой феномен, на первый план выдвигаются то эволюционная, то организационная, то функциональная стороны этого феномена. Устанавливаются и развиваются новые связи между дисциплинами, изучающими эти стороны языковой действительности.

На сегодняшний день и сама лингвистика является полипарадигмальной, поскольку решить все проблемы в языке с помощью какого-то одного метода и подхода весьма проблематично.

Появление новых лингвистических направлений – когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, дискурсивного анализа, теории ментальности и др. – открывает перед исследователями новые перспективы, ставит более сложные задачи, требующие нестандартных подходов к осмыслению и описанию механизмов появления новых фактов в системе языка и речи. Особенно актуальным представляется исследование концептов с позиций когнитивной лингвистики и лингвокультурологии и др. [1; 2].

В любом языке мира существует набор универсальных, общеизвестных концептов, имеющих межнациональный смысл и отличающихся своим всеобъемлющим характером. Реализовываясь в каждом конкретном языке и, таким образом, вбирая в себя множество культурных коннотаций, присущих данной общности, эти концепты приобретают национальную специфику. По мнению Ф. К. Сагдеевой, на современном этапе развития татарского языкознания в рамках антропоцентрической парадигмы вопрос функционирования концептов в татарском языке является одним из приоритетных [3: 8].

ЛИТЕРАТУРА

1. Колесов В. В., Пименова М. В. Языковые основы русской ментальности. – М.: Флинта: Наука, 2016. – 136 с.
2. Маслова В. А., Пименова М. В. Коды лингвокультуры. – М.: Флинта: Наука, 2016. – 136 с.
3. Сагдеева Ф. К., Гайнанова Д. Р. Татарский концепт как объект лингвокультурологического анализа. – Казань: ИЯЛИ, 2017. – 248 с.

УДК 811.512.145

КАЮМ НАСЫЙРИНЫҢ «ЛӘҖЖӘИ ТАТАРИ» СҮЗЛЕГЕНДӘ ФОЛЬКЛОР ҮРНӘКЛӘРЕ

Г. Г. Батыршина, С. Х. Айдарова

Россия Ислам институты (Казан)

В статье рассматриваются образцы устного народного творчества в толковом словаре Каюма Насыри. Примеры различных жанров фольклора использованы ученым в качестве иллюстративного материала, при помощи их раскрыты значения лексем и смысловые оттенки.

Ключевые слова: ученый-просветитель К. Насыри, словарь «Ләҗжәи татары», устное народное творчество, иллюстративный материал.

The article examines samples of oral folklore in the explanatory dictionary of Kayum Nasyri. Examples of various genres of folklore are used by the scientist as illustrative material, the meanings of lexemes and their semantic shades are revealed.

Key words: scientist-educator K. Nasyri, dictionary «Li Tatarı», oral folk art, illustrative material.

Күренекле галим Каюм Насыри үзенең бар гомерен халкыбызга хезмәт итүгә багышлый. Татар халкын рус мәданияте белән таныштыру, башка халыклар белән бәртигез дәрәжәгә кую, татар телен әдәби-гыйльми тел дәрәжәсенә күтәрү галим эшчәнлегенен олы максаты һәм бурычы булып тора. Шулай уайдан К. Насыри фәннең төрле өлкәләре: педагогика, тел гыйлеми, матур әдәбият һ.б. буенча күп хезмәтләр язып бастыра.

К. Насыриның киңкырлы эшчәнлегендә татар фольклористикасы аерым урын алып тора. Билгеле булганча, галим монда берничә юнәлештә эш алып бара: халык авыз ижаты әсәрләрен барлап, туплап кына калмый, аларны халыкка житкерүдә, бастырып чыгаруда да үзеннән зур өлеш кертә. Шулай итеп, «К. Насыри халык ижатын махсус фән буларак өйрәнә башлауга нигез сала» [2: 4]. Мәгрифәтче галим буларак, К. Насыри татар халкын агартуда, аны аң-белемле, әхлаклы итүдә, туган телебезне, тарихыбызны өйрәнүдә фольклор материалларының гаять әһәмиятле булуын исбат итә. Шуңа да халык әдәбияты үрнәкләре галимнең «Кырык бакча», «Фәвакиһел-жөләса» кебек күләмле әсәрләрендә, дәреслекләр, тел белеменә караган хезмәтләрендә, календарларында һ.б. урын ала. Бу яктан караганда, К. Насыриның «Ләһжәи татари» (I т. – 1895, II т. – 1896) сүзлегә дә зур әһәмияткә ия. Татар тел белемендә беренче аңлатмалы сүзлек саналган әлеге хезмәттә XIX йөз татар әдәби теленең лексик байлыгы шактый тулы чагылыш таба. Ул язма тел һәм жанлы сөйләмгә хас әдәби тел үрнәкләрен – аерым сүз, тәгъбир, мәкаль-әйтемләр, фразеологияне үз эченә ала. Шулай ук жыр, табышмак текстлары да очрый. Бу берәмлекләр, нигездә, сүзләренң мәгънәләрен ачучы контекстлар сыйфатында, иллюстратив материал буларак китереләләр.

К. Насыри сүзләргә аңлатма биргәндә, **мәкаль-әйтемләр**гә еш мөрәжәгать итә. Мәсәлән, **тел** сүзен аңлатканда, түбәндәге мәкальләренә очратабыз: *Сөйдергән дә тел, биздергән дә тел; Тел белән әйтмичә, бармак белән төртеп булмый* [I, 131]; **тимер** сүзенә карата: *Тимер тапкан – тилмермәс* [I, 149]; **угълан** сүзенә мөнәсәбәттә: *Ир угълан тап, иркәнләп ят* [I, 61]; **әйләнеч** сүзен аңлатканда: *Әйләнеч булса да, юл яхшы, аксак булса да, кыз яхшы* [I, 76]; **карга** – *Карга күзен карга чукымас* [II, 32]; **үзәк** – *Үзеңнеке үзәктә, кешенеке кештәктә* [I, 58]; **кара** сүзенң мәгънәсен ачыклаганда: *Кара сакал кая барсаң да, артыңнан калмый* [II, 30]; **суфый** – *Суфый суган сөймәс, күрсә – кабыгын да куймас* [I, 223]; **каләм** сүзен шәрехләгәндә: *Каләм үгрән – каләм изгегә тартыр, каләм белән кешенең ризыгы артыр* [II, 44]; **әфсен** сүзенә бәйләп: *Әфсен-төпсен эче күпсен* [I, 25]. **Такыр** сүзенң өстәмә мәгънәсен аңлату өчен, *Акча бакыр, санарга такыр* әйтемен мисал итеп китерә һәм «такыр – юктан кинаядер», ди [II, 5] һ.б.

Сынамышлар килгән очрактар: **ирен** сүзен аңлатканда: *Иренем кычыта, күчтәнәч ашарсың* [I, 71] яисә **зәгъфран** сүзенә бәйләп: *Зәгъфран бар өйгә жылан, чаян кермәй, имеш* [I, 194]; **аяз** сүзенә мөнәсәбәттә: *Аяз булса суытыр, болыт булса жылытыр* [I, 33] һ.б.

Автор, сүзләргә аңлатмалар биргәндә, халык телендә киң таралган, еш кына киңәш тибындагы яисә үз тормышыннан алынган мисаллардан уңышлы файдалана. Мәсәлән, **сөйдермәк** сүзен аңлатканда: *Сөйдерә белергә кирәк, ягъни шөйлә (шулай) бул ки, сине һәркем сөйсен, яратсын* [I, 206]; **тимәк** сүзенә аңлатма биргәндә: *Тимә син кешегә, кулың белән дә тимә, телең белән дә тимә, кальбең белән дә тимә* [I, 149]; **тук** сүзенә бәйләп: *Ач карыңга мунча кермә, су эчмә, тук өстенә хәмер эчмә* [I, 142]; **фирүзә** сүзенә карата: *Һәр иртә саен фирүзәгә карамак күзнең күзтен арттырыр, димешләр* [II, 27]; **ми** сүзенә мөнәсәбәттә: *Әтәч мие чаян чакканга файдалыдыр* [II, 83]. Шулай ук *Бер сүзне ике кат сөйләшмә* [II, 28], *Күмер ашаган олак яшәгән* [II, 64], *ата хакын хакла, садака белән гомер озя* [I, 57] һ.б. мисалларны китерергә мөмкин. Халыкның тормыш тәҗрибәсе нәтижәсендә туган бу гыйбарәләр бүген дә әһәмиятле һәм күпләр өчен файдалану чыганагы була ала. Бу – К. Насыриның күпкырлы энциклопедик белемгә ия, мәгрифәтче галим икәнлеген тагын бер кат раслый.

Аерым бер сүзләрнең мәгънәсен ачыклаганда, бигрәк тә искергән сүзләрне аңлату өчен, автор шулай ук халык авыз ижаты эсәрләренә, бу очракта **табышмакларга** мөрәжәгать итә. Мәсәлән, *тарла* сүзенең мәгънәсен К. Насыйри түбәндәгечә аңлата: тарла – иген жире, асылда тарлаудыр. Лөгатемездә бары бер жомакта (табышмакта) мөстәгъмәл күренә: *Тарлавына тары сачдем, татлысына кинәндем* [I, 113]. Әйтергә кирәк, *тарлау* лексик берәмлеге «Татар теленең аңлатмалы сүзлегендә» «болын яки урман уртасындагы аерым басу» дип аңлатыла һәм шул ук мисал китерелә [4: 44]. «*Торымтай* – карчыга женесеннән бер коштыр, аның белән ау кылырлар... Ләкин лөгатемездә бер мөгаммәдә (табышмакта) мөстәгъмәлдер: *Туз чиләктә торымтай уйный* [II, 9]. *Туңкайтмак* сүзенең аңлатмасы бары табышмактан тора: *Өйгә керер иңкәеп, түргә менәр туңкаеп* (бер мөгаммәдер – табышмак) [II, 16]; *ялмамак* – *Жалт-жолт итәр, жалман жотар* [II, 95].

Сүзнең мәгънәсен, мәгънә төсмерләрен ачыклаганда, К. Насыйри **халык жырлары, бәет, шигырьләренә** дә читтә калдырмый. Мәсәлән, күп мәгънәле *атмак* берәмлеген аңлатканда, мондый шигырь юлларын укыйбыз: «Кайтырга жан атып тормын диерләр, ягъни ашыгып торамын мәгънәсендә. Шигырьдә һәм ошбу мәгънә мөлхуз (искә алынган – Г. Б):

*Сары ат эчикдем яратыб,
Кабкаларга таба каратыб.
Иртә көтәмен, кич көтәмен,
Бер күрергә сине жан атыб* [I, 8].

Өзелмак фигыленең мәгънәләрен күрсәтү өчен, шулай ук халык жырыннан өзек китерә: *Өзелеп-өзелеп калды жан гүзәл һәм Өзелә чәчәк эжилләр искәндә, өзелә үзәк искә төшкәндә* [I, 58].

Сокланмак сүзенең аңлатма биргәндә, шулай ук халык жырына таяна:

*Чыкма, жаный, урам буена,
Сокланырлар зифа буеңа* [I, 224].

«Ләһжәи татари» сүзлегендәге фольклор материалларын дәвам итеп, *Сусадым, жаным, хәрарәтдин каты, сондыйлар эшам тулусы ширбәте; Шикәрдин ширин, балдин татлы – тел тибрәтеп әйткән сүзләрең; Сезнең илдә көн дә бәйрәм, көн дә туй; безнең илдә көн дә сагыш, көн дә уй; Айкый-чайкый керләр юсаң, талмас микән беләгең, Гавадан болыт агыладыр, таудан тауга кагыладыр; Ырыкныкы – ырыкка, шырыкныкы – шырыкка* һ.б. мисалларны китерергә мөмкин. Болардан тыш, сүзләрне аңлату өлешендә кулланылган эпитет, метафора, чагыштырулар, күпсанлы фразеологик әйтелмәләр сүзлек мәкаләсен тагын да баетып, жанландырып жибергән.

Шулай итеп, К. Насыйри, туған телебезнең лексик байлыгын өйрәнү, аны халыкчан әдәби телгә якынайту өчен, ышанычлы чыганак итеп, халык авыз ижаты эсәрләренә мөрәжәгать итә. Шуң рәвешчә, ул сүзләрнең семантик эчтәлеген бар нечкәлекләре белән ачарга тырышкан. Ш. Рамазанов сүзләре белән әйткәндә, «татар теленең рухын, табигатен аңлап эш иткән» [3: 52] һәм ул моңа ирешкән дә.

Күренекле төрки телләр белгече Н. Ф. Катанов үз чорында ук «Ләһжәи татари» турында хаклы рәвештә болай дип язган: «При каждом слове автор приводит все речения, в которых оно употребляется народом; ввиду этого словарь вполне заслуживает перевода на русский язык, так как словари Радлова, Будагова и др. не приводят всех речений, где употребляется то или другое слово» [1: 202].

ӘДӘБИЯТ

1. Катанов Н. Легджей татари / Н. Катанов // Деятель. – 1897. – № 3. – С. 202–203.
2. Мәхмүтов Х. Каюм Насыйри һәм татар фольклористикасы / Х. Мәхмүтов // Каюм Насыйри. Сайланма эсәрләр. 4 томда, 3 том. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2005. – Б. 3–14.
3. Рамазанов Ш. Татар теле буенча очерклар / Ш. Рамазанов. – Казан: Таткнигоиздат, 1954. – 200 б.
4. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге. Өч томда. III том. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1981. – 832 б.

АКТАНЫШ АВЫЛЫ СӨЙЛӘШЕ ҮЗЕНЧӘЛЕКЛӘРЕ

А. Ә. Бәдртдинова

ТР ФА Г. Ибраһимов исемдәге Тел, әдәбият һәм сәнгать институты (Казан)

В статье описаны некоторые фонетические, морфологические и лексические особенности мензелинского говора среднего диалекта татарского языка функционирующего на территории села Актаныш Республики Татарстан Российской Федерации. Перечислены лексические группы диалектных слов, варианты гласных звуков, наиболее часто распространенные устойчивые выражения и т.д.

Ключевые слова. Мензелинский говор, гласные, междометие, аффиксы, лексика, код говора.

The article describes some phonetic, morphological and lexical features of the Menzelian dialect of the middle dialect of the Tatar language functioning on the territory of the village of Aktanysh of the Republic of Tatarstan of the Russian Federation. Lexical groups of dialect words, variants of vowel sounds, the most common stable expressions, etc. are listed.

Key words: Menzelian dialect, vowels, interjections, affixes, vocabulary, dialect code.

Урта диалектның минзәлә сөйләшенең таралу ареалы киң. Сөйләшне төгәлрәк анализлау өчен аның һәр урынчылыгын карарга кирәк. Шундый урыннарның берсе Татарстан Республикасының Актаныш авылы. Мәкәләдә сөйләшенең фонетик, морфологик, лексик үзенчәлекләре санала.

Фонетик үзенчәлекләр.

Безнең күзәтүләр бунча сөйләштә [a] авазының өч варианты бар: иренләшкән [a^w] авазы [2]; мишәр сөйләше тибындагы, рус телендәге авазга яқын, иренләшмәгән [a] авазы, фарингаль [a^a] авазы [1].

Иренләшкән [i] авазының ике варианты очрый: [boriŋg^wli^wq], [qori^wč], [tölke^w], [könde^wzge^w] [3] һәм [ilis], [qir], [türma].

[e] авазының да берничә варианты бар: әдәби телдәгечә түбән күтәрелешле иренләшмәгән э [e] авазы: ser, kerem, ber; рус телендәге кебек урта күтәрелешле иренләшмәгән [ē] авазы: [tēma], [kartotēka] һ. б.; рус теленнән кергән сүзләрдә [ɛ] авазы [и] кебек әйтелә: [ikran], [ikskavat'r]; кайбер сүзләрдә урта күтәрелешле [ē] авазы түбән күтәрелешле [e] авазына охшаган: [rečät].

[u] авазының әдәби телдәгедән безаз арттарак әйтелгән очраklar бар, кайбер сүзләрдә ул [o] авазына туры килә: [juq] / [joq].

[ü] авазы шулай ук арттарак өйтелә: [ü^rdäk], [ü^rpkä], [ü^usente], хәтта [u] авазына яқын килә.

[o] авазының ике варианты бар: урта күтәрелешле [ō] авазы (мәслән Оля сүзендә) һәм түбән күтәрелешле [ɔ] авазы: [ɔn].

[öj] дифтонгы монофтонглаша: [süräü] / [söj^räü], [süläü] / [söj^rläü], [ürä] / [öj^rä].

[-ij]/[-ij] дифтонгы [-aj]/[-äj] дифтонгы белән тәңгәл килә: [barmaj] / [barmij], [šundaj] / [šundij], [ätäj] / [äti] [4].

Минзәлә сөйләшенең фонетик үзенчәлекләрен анализлаганда, арткы рәт авазларының алдарак әйтелү, кайбер очраklarда бөтенләй алышынуын билгеләп үтәргә кирәк: [pinzäk] / [pidʒak], [mörzä] / [morʒa], [zön] / [jon], [mätäšä] / [mataša].

Морфологик үзенчәлекләр.

Сөйләштә иркәләү-кечерәйтү кушымчаларын кулланып сөйләшү киң таралган: -кәй, -кай, -кәчәй, -качай, -кәчкәй, -качкай. Бу аффикслар жанлы һәм жансыз предметларга, исемнәргә, сыйфатларга кушыла: [äbekäj], [babiqaj], [qiziqaj], [epəkaj], [malqai], [sijirqaj], [pečänkäj], [jäšelkäj], [qaraqaj], [nämäkäj], [ällämäkäj], [bäbekäjem], [bäbekäččäjem], [qizikašqajim].

Күплек санындагы икенче зат боерык фигылләрдә әдәби телдәге [-igiz], [-egez] кушымчаларын [-n] тартыгы белән алыштыру тенденциясе киң таралган: [barigiz] / [barin], [kilegez] / [kilen].

Лексик үзенчәлекләр.

Сөйләштә кызык лексик очраклар бар. Бу үзенчәлекләрне сөйләшнән коды дияргә дә була. Ягъни сөйләүченең шушы як кешесе икәннен күрсәтеп тора торган аерымлыклар.

Мәсәлән, Актаныш авылында ашны ашамыйлар, эчәләр: [aç ešäbez]. Катык белән сөтне ашарга да мөмкиннәр: [qatıq ačajbüz], [söt ačajbüz].

Тизәйткечләр арасында түбәндәге сүзләр тезмәсе еш кулланыла: [seznekelär beznekelärgä šana qarmalačırğa kilmäslär mikän, qarmalačsalar da, qarmalačmasalar da kilsennär].

Начар, теләсә ничек, завыксыз киенгән кешегә [säwänäj] дип әйтергә мөмкиннәр.

Кысылып, сүзне бүлеп утыручыга: [pečät suçır utırma] дип шелтә ясыйлар.

Актаныш авылында сөйләмдә [bäj], [malaj] сүзләрен киң кулланып сөйләшәләр. [bäj] ымлыгы гади сөйләмдә интонацияга карап шаккату, раслау, мактану һ.б. хисләрне белдерә. [malaj] сүзе ир кешеләргә, шулай ук хатны-кызларга эндәшкәндә бәйләвеч сүз ролен башкара.

Районда рус һәм гадәти булмаган интернационал исемнәр очрый: Рувельт, Робсон, Лена, Люда (Людмила түгел Люда) һ.б. Мондый мода бигрәк тә Советлар Союзы чорында киң таралаган булган.

Сөйләштәге диалекталь сүзләренә түбәндәге тематик группаларга бүлеп карарга мөмкин:

1) кешене, аның үзенчәлекләрен, сыйфатларын белдерүче сүзләр: [jubalgi]; [sirhau]; [tanau];

2) жанлы йәм жансыз табигать: [seläü]; [sarut];

3) сүзләрдә халык мәдәнияты (культурасы): [čüčinkä]; [izbut]; [gäüdä]; [kälžemä]; [kereš]; [diŋgez]; [disbe]; [duročmak]; [täkä]; [tätäj]; [sajrak] ‘пол’; [kip];

4) процесс яки хәрәкәтне аңлатучы сүзләр: [talau]; [bäšü]; [sajğu].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бадртдинова А. А. *Говор села Актаныш Республики Татарстан Российской Федерации / А. А. Бадртдинова // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2021. – № 3. – URL: https://sfk-mn.ru/PDF/11FLSK321.pdf* (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ. (дата обращения: 08.11.2021).

2. Бадртдинова А. А. Система вокализма говоров татарских сел Кольванского района Новосибирской области (по материалам экспедиции 2017-го года) / А. А. Бадртдинова // *Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2019. – № 1. – URL: https://sfk-mn.ru/PDF/05FLSK119.pdf* (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ. (дата обращения: 12.08.2021).

3. Хәкимжан Ф. *Татар әдәби теле: Фонетика. – Югары уку йорты студентлары өчен / Ф. Хәкимжан. – Тулылан. 2 нче басма. – Казан: ТДГИ нәшр., 2001. – 108 б.*

4. Баязитова Ф. С. *Древний пласт лексики мензелинского говора среднего диалекта / Ф. С. Баязитова // Исследования по исторической диалектологии татарского языка. Вып. 2. – Казань, 1982. – С. 3–9.*

УДК 811.512.145

XX–XXI ГАСЫРЛАРДА ТАТАР ТЕЛЕНЕҢ ЖАНЛЫ СӨЙЛӘМӘ ҺӘМ ЯЗМА ӘДӘБИ ТӨРЛӘРЕ: объектив-фәнни дәрәҗәдә һәм сәясәт-субъектив карашлар

И. Б. Бәширова

ТР ФА Г. Ибраһимов исемдәге Тел, әдәбият һәм сәнгать институты (Казан)

Институтом языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан изучаются фундаментальные темы, посвященные анализу литературного языка татарского народа. В этом направлении происходит смена парадигмы при сохранении традиции и методологии изучения. В статье рассматриваются основные направления развития, традиции и методы исследования татарского литературного языка XX–XXI вв. В ней проводится краткий анализ тюрко-татарского языка и его связей с диалектными вариантами устно-разговорного языка и социально-стилевыми вариантами письменного литературного языка.

Ключевые слова: диалектные варианты устно-разговорного языка, стилевые варианты письменно-литературного языка.

The Institute of Language, Literature and Arts named after G. Ibragimov of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan studies fundamental topics devoted to the analysis of the literary language of the Tatar people. In this direction, a paradigm shift is taking place while preserving the tradition and methodology of study. The article discusses the main directions of development, traditions and methods of research of the Tatar literary language of the XX–XXI centuries. It provides a brief analysis of the Turkic-Tatar language and its connections with dialect variants of the oral-spoken language and socio-stylistic variants of the written-literary language.

Key words: dialect variants of oral-spoken language, stylistic variants of written-literary language.

Татарстан Республикасы Фәннәр академиясе Г. Ибраһимов исем. Тел, әдәбият һәм тарих/сәнгать институтында, 80 еллар буена татар халкының жанлы сөйләмә һәм язма әдәби теле мәсьәләләренә караган фундаменталь темалар өйрәнеләп, хезмәтләр языла. Бу юнәлештә теория/нәзариат, методология, практика/гамәлият мәсьәләләренәң традициясе/объектив-фәнни дәрәслек сакланганы хәлдә, сәяси-субъектив караш/парадигмаларның үзгәреше дә күзәтелә. Мәкалә кысасы таләбенә туры китереп, Гомуми лингвистика бүлегендәге эшчәнлекнең бер тармагы турында тезислар рәвешендә генә әйтеп үтәргә мөмкин.

Татароведение, теория/нәзариат, метод/методология дип сүз башлаганда, күләмле хезмәт күз алдында тотыла. Әлеге эшчәнлек төрки-татар теленә нисбәтән, аның тарихын белү, аңлау, бүгенге вәзгыять белән чагыштырып, киләчәккә күзәлләүгә нигезләнә. Бу юнәлештәге кагълаулы мәсьәләләр, «XIII гасыр– XX йөз башы татар әдәби теле тарихы»-дип, дәүләт заказы буенча языла һәм 1 [11], 2 [12], 3 [13] өч томы басылып дөнья күргән коллектив хезмәттә, махсуслар өйрәнелә, көч/белем житкән дәрәжәдә яктыртыла барды. Әлеге томнар өчен язылган гомумтеоретик кереш мәкаләләре аерым жыентык булып тупланды. «Иске татар әдәби теле: эзлекле традиция һәм яңарыш» дигән гомуми керештә, татар әдәби теле тарихының төрле чорларында язылган/басылган/шәрехләнгән Истәлек ләренәң барысын да, ныклы система нигезендә, язма телнең эзлекле үсеш-үзгәреше күзәлләнерлек дәрәжәдәге метод/ ысуллары, максат/бурычлары билгеләнде. Бу юнәлештә телчеләренәң, әдәбиятчы һәм тарихчыларның, төрле вакытларда, әлеге мәсьәләгә нисбәтән белдерелгән фикерләренәң жентекләп игътибар ителәп, язма телнең тарихын язу максаты юнәлешеннән мөнәсәбәт белдерелә барды [2: 23–151]. Халкыбызның теле, әдәбияты/ мәдәнияте, ижтимагый фикер үсеше тарихының да кагълаулы, фажиғалә, гыйбрәтлә булуы, өйрәнелү барышында, объектив-фәнни дәрәслек һәм сәяси-субъектив карашларның үзара бәйләнеш-мөнәсәбәтенәң сәбәпләре ачыла барды. Бу очракта, мәкалә кысасы таләбенәң туры китереп, кыскача тезислар рәвешендә генә әйтеп үтәргә мөмкин. Без, татарларның, һәм язма әдәби теле, һәм жанлы сөйләмә теле, дәверләр буена эзлекле булып, үсеш-үзгәрештә дәвам ителүе мәгълүм. Телләренәң үсеш-үзгәреше дигәндә, төп бер шарт булып, аның һәр даим кулланылышта булуы истә тотыла. Тормышның бөтенләге, объектив-чынбарлык кануннарының таләбенәң туры килеп, Табигать, Жәмгыять, Тел/Сөйләм системаларының бәйләнеш-мөнәсәбәтенәң нигезләнә. Адам баласы, әлеге системаларның тумасы буларак, жанлы-сөйләмә һәм язма-китаби формасында хәрәкәт итә торган теле/сөйләмә белән көн күрә. Тел/сөйләмәннән башка Жәмгыять яши алмый, әмма ул аңа үзенәң таләбен куя ала. Тарихтан билгелә булганча, Жәмгыять тарафыннан телнең кулланылышына тулы мөмкинлек тудырылса гына, Тел үзенәң барлык көчә-куәте белән файдаланыла, мөмкинлек тудырылмаса – юкка чыга. Татар теленәң бүгенгә көннәрдә, Жәмгыять тарафыннан буылган, юкка чыгарылган халәтендә булуы күз алдыбызда. Әлеге мескенлеккә ничек дучар ителүебез, үткәндәге данлы Тарихыбыз яктылыгына куеп караганда, ачык чагыла.

Галимләр белдерүенә күрә, язма телнең барлыкка килүе вакытыннан үк, ижтимагый тормыштагы хәл-әхвәлләрне алып бару максатына кирәк булганга, жанлы-сөйләмә һәм авыз ижаты мөмкинләге истә тотылганы хәлдә, төрле жанрларга бүленеп файдаланыла башлавы аңлашыла [14: 35–46]. V–VII гасырлардан угыз-уйгыр-кыпчак кабилә тел-

ләрәнә нигезләнәп, гомумтөркидән килүче язма традиция, IX–XI гасырларда Төркестан/Караха нилар һәм Идел буе Болгар дәүләтләрендә, Тәңрегә инанып яшәүче төркиләргә, Ислам дине индерелүе белән тагын да камилләшә. Аллаһы Тәгаләдән гарәп телендә вәхи булып ингән Коръәни Кәрим Аятләренәң телен/язуын өйрәнергә, белергә кирәк була: уку, язу, гыйлем, әдәбият, мәдәният Исламның нигезе дип таныла. Безнең эрага кадәр үк язмачылыгы булган һәм руникадагы ташъязмалы төркиләр бу белемне дә кабул итә, катлаулы ислам фәлсәфәсенә төшенә, үзләштерә һәм гарәп графикасы белән үзенәң төрки телендә, дәверләре давамьнда укып рухланырлык әсәрләрен ижат итә. Гарәп теле һәм язуын өйрәтү тәртибе нигезендә, Ислам дине тәгълимагының колачын киңәйтү юнәлешендә языла башлаган әсәрләрдә, **гарәп графикасындагы төрки-татар язма теле** дигән үзенчәлекле күренеш барлыкка килә һәм көчән-куәтен, колачын-мөмкинлеген саклаганы хәлдә, XX гасырның урталарына кадәр гасырлар буена дәвам ителә.

«Языки мира, Тюркские языки» дигән энциклопедик басмадан күренгәнчә, төрки гаиләдә, 15 борынгы һәм хәзерге вакыттагы 39 телнең язма тарихы, V–VI, VII–IX, X–XI йөзләрдә башланып, XII–XIII гасырдан язма истәлегенәң язылу датасы билгеле булганга, азәрбайжан, төрек, төрекмән, уйгур, үзбәк телләре белән рәттән, татар теле дә, иске язулы (старописьменные) телләренәң берсе дип санала [17: 160, 395, 413, 427, 438, 358]. Иске язулы телләре язма нормага нигезләнә, норма тотрыклана, аның традициясе дәвам ителә. Язма норма дигәнәңдә, әлегә максат өчен файдаланыла торган график билгеләр системасы һәм аларның график-орфографик тәртибе истә тотыла [1: 533] Әлегә тәртип таләбенә туры китереләп, гарәп-фарсы алынмалары, ислам диненәң коралы дип саналганга, катгый рәвештә үз чыганаң теле кагыйдәсе буенча, төрки-татар сүзләрен, билгеле бер дәрәжәдә ныгыган иске имля тәртибе белән язу күздә тотыла [4: 55–56]. Нәтижәдә, **гарәп графикасындагы төрки-татар язма теленәң** график-орфографик тәртибе, гарәп һәм төрки телләренәң таләбенә туры китереләп, **ике әдәби телнең язма нормасына** нигезләнәп ныгый һәм әлегә нормаларның үзара мөнәсәбәтәннән барлыкка килә торган **норма вариантлары** белән бергә, параллель юнәлештә, кулланылышта була. Әлегә нигез **сакланганы хәлдә**, авторның кайсы укучыны күздә тотып ижат итүенә яраша торган сүзләрен сайлавы белән, әдәби тел дә **ижтимагыый вариантлылык** барлыкка килә. **Ижтимагыый вариантлылык** дигәнәңдә, ике юнәлеш истә тотыла: 1) авторның кемгә, нәрсә язуына (адресатка) карап сүзләрен сайлап файдалануы, 2) кешеләрнең ижтимагыый тормыштагы яшәвен рәткә салып, хәл-әхвәләрен алып бару максатыннан барлыкка киләп ныгыган төрле социаль юнәлештәге жанлары өчен сүзләренәң сайланып кулланылышы. Әлегә юнәлешләренәң икесе дә рун билгеләре белән языла торган истәлекләрдә үк яшәеш ала, әмма ислам дине тәәсирендә, гасырлар буена эзлекле рәвештә кулланыла торган көч-куәткә ия була. 1) Авторның кемгә, нәрсә язуына (адресатка) карап сүзләренәң сайлап файдаланылуы мәсьәләсен, әдипләре үзләре аңлата. XI гасырда, Йосыф Баласагунлы «Котадгу Билек» әсәренәң (462/1069–1070) ни өчен һәм ничек итеп төрки телендә язылуын махсус ассызыклай: «...Сочиненной на языке бограхановском и тюркской речью, ... По-тюркски сложил для тебя я стихи, /Молитвой мои замоли ты грехи», ...Для неучей-книга сия под запретом, ...И ведает цену ей лишь просвещенный/Что может невежда понять неученый...» [16: 5–10, 498]. Галимнәр белдерүенә күрә, аристократ / абруйлы бограхан теле дигәнәңдә, белемле кешеләр генә аңларга тиеш дип, диненәң төп коралы булган гарәп һәм фарсы алынмаларының күпләп кулланылуы, тюркской речью дигәнәңдә, **үз төбәгендәге** угыз-уйгыр, карлук сүзләре файдаланылуы истә тотыла [3: 99–100].

XII гасыр Болгар жирлегендә Әхмәд Ясәви(1091–1166) һәм шәкертләре ижаты белән суфичылык тарикате яшәеш ала, Төркестан (Яса) төбәгендә дәвам ителә. Әхмәд Ясәви «Диване хикмәт»ләрен Аять белән Хәдисне төрки телендә укый алырлык фәкыйрь/гариш гавамга багышлай: «Хушламыйдур галимләр сезне – айган төркине / Гарифләрдин ишетсәң ачар күнел милкене / Аять, Хәдис мәгънәсе төрки булса муафикъ / Мәгънәсенә йиткәнләр йиргә куйар бүркине... / Мискин зәгыйфь Хужа Әхмәд, йите поштенгә рәхмәт/Фарси телене белүбән хуб итәдүр төркине» Фарсы телен белү белән төркине дә хубыйбыз, аның яхшы, гүзәллеген аңыйбыз, дип, төрки телне югары поэзия әсәрләре языла торган фарсы теле белән бер дәрәжәгә куя, **гомумтөрки уртақ** сөйләмә сүз, сүзформа, сүзтезмәләре әдәбиләштереләп яңартыла: «...әдәби телләренәң нигез итеп, Урта

Идел (Болгар) төбәге төркиләре теле системасын һәм лексик байлыгын алганнар» [9: 130, 144]. Шулай итеп, XI–XII гасырларда Карахани һәм Болгар дәүләтләрендә, ислам дине тәгълиматының колачын киңәйтү, аны ныгыту-куәтләү максаты белән языла торган әдәбият, авторның кайсы укучыны күздә тотуына/адресатына карап, аристократ-абруйлы һәм халыкчан-гавами төрки әдәби теле юнәлешендә нигезләнә. Аристократ-абруйлы дигәндә, гарәп-фарсы һәм региональ архаик төрки сүз, сүзтезмәләренең мул кулланылуы, аларның үз графикасы белән, үз теленең кагыйдәсе буенча язылуы истә тотыла. Халыкчан-гавами дигәндә, алынмаларның азаюы, гомумтөрки-сөйләм берәмлек ләрнең өстенлек алып файдаланылуы, иске имля белән язылышы истә тотыла. Иске татар теленең табигате һәм вазифасына туры килә торган **топ билге-шарты/эзлекле традиция** буларак үсеш ала. XII–XIII йөзләрдә Урта Идел буе Болгар дәүләтендә, XIII–XIV гасырларда Жучи Олысы/Алтын Урда, XIV–XVI гасырларда Болгар-Казан ханлыгында яшәештә була. XVI гасырның икенче яртысынан татар халкы Мәскәү/Русия дәүләтендә, Урта Идел буе төрки-татарлар теле буларак кулланылышта була. Русия хакимиятенә төрки телле халыклар белән аралашу өчен тылмачлар, писерьләр, илчеләр кирәк була. Уку-язу, китаби язмачылыгы булган татарлар, яңа дәүләт таләп иткән вазифаларны үтәүгә, мәнфәгатьләрен тормышка ашыру юнәлешендә эшләргә тартыла, күбесе рус халкының данлыклы полководецы, галим, язучылары булып таныла. Иске татар теле, XVI–XIX гасыр башына кадәр, өч йөз еллар буена, икенче функциональ тел вазифасын үти, дәүләтнең чикләрен киңәйтүдә, аның көчен-куәтен арттыруда корал була. 2) Шуның белән бергә, төрки-татар әдәби телендә, орфографик норма һәм адресат таләбенә ярашып үсеш алган ижтимагый вариантлылык дөвам иткәне хәлдә, язма телнең көндәлек тормышны алып бару максатына кирәк булган вазифаны үтәү өчен, ташъязмаларында ук мәгълүм булган, төрле жанрларга бүленеп файдаланылуына нигезләнә, вазифаи/функциональ вариантлылык үсеш ала. Казан ханлыгында, Болгар һәм Алтын Урда чорындагы кебек үк, рухани-дини әдәбият, хат-битекләр, дәүләт башындагы монархлар тарафыннан түбәнрәк дәрәжәле шәхесләргә бирелә торган эмер-фәрман-ярлыклар язышу дөвам итә, төрле фәннәргә караган хезмәтләр языла, сүзлекләр төзелә. Шулай итеп, бу чорда, әдәби телнең эзлекле рәвештә килүче норма вариантлылыгы белән бергә, ижтимагый функциональ вазифа үтәүгә кирәк булган мөмкинлеге тагын да катлаулана киңәйтелә, колач ала [11: 32–46].

XVI гасыр урталарынан – XVIII йөзнең ахырларына кадәр татар халкы, «Болгар вилая тенең пәйтәхете Казан мөселман шәһәре» (Кол Шәриф, 1997, б. 77) өстенә төре сугышы белән килгән Мәскәү/ Русия басып алучыларына каршы, мөстәкыйльлеген югалтмау, динен/иманын, телен/ хәтерен саклау өчен, көрәшкә күтәрелә. Язма телнең табигате үзгәрергә тиешлегенә игътибар ителә. Әднаш Хафиз «Сиражел-колуб» әсәренә (1554) телен болай дип аңлата: «Бу китап гарәб теленчә ирде, бәгъзысы гажәм теленчә ирде. Замана ахыр булды. Гыйлемгә рәгъбәт кыйлучы калмады ирсә, түрки теленчә кыйлдык» [5: 146], ягъни замана ахырынан соң да исән калган элекке Казан ханлыгындагы укый-яза белүчеләрнең үз телләре булган түркидә яздык, дип, гасырлар буена гарәби һәм фарси телгә каршы куелып кулланыла торган төрки телнең, Казан халкының сөйләмә теленә нигезләнүен раслый. Бу чордагы әсәрләр, сөйләмә берәмлекләр әдәбиләштереләп, халыкның рухын, хәтерен, тарихын оныттырмау максаты күздә тотылып халыкчан түркидә языла. XVII гасырның соңгы чирегендә, автор үзе белдергәнчә, «Төрки тел белән гакийдә китабы» дип, Суфи Аллаһиярның (1620–1713) хезмәте абруйлы түркидә дөвам ителә. «...Мәскәү дәүләте тарафыннан көчлән чукындыруга дучар мөселманнарга иманнарын саклау стратегиясен эшләп бирә» [10: 230–233].

XVIII йөз башларында, Симети, Эстәрлебаш, Иж-Буби, Каргалы һ.б. мәчетләр ачыла башлый, Диния нәзарәтенә (1788–1789) уңай ягы да була. Шулай ук вакытларда, нәсыйхәт, мөнәжәт, касыйдә һ.б. жанрларында «Илаһи бәйет» ләр, әхлакий-дидактик, фәлсәфи-дини әсәрләр, халыкның хәтерен, динен-иманын, кешелеген саклау фикере сәнгатьчә чаралар белән тасвирлау дөвам ителә. Әмма гасыр уртасында татарларның тормыш-көн күреше тагын да авырлаша, көчлән чукындыру дөвам итә, туган-үскән жирләрен ташлап китүчеләр саны арта, кеше чыдамаслык хәлләргә карата протестның көчәюе белән бәйле хәлләр язма әдәбиятта, әлегә кадәр күрелмәгәнчә чагылыш таба. Патшабикә сорауларына җавап рәвешендә Батырша (Габдулла Алиев) «Гарызнамә»

трактатын яза (1755), Пугачев хәрәкәте белән бәйлә булган рәсми эш кәгазьләре дөнья күрә. Әлеге хезмәтләрнең әдәби чыганақ, язма истәлек буларак, филологик, лингвистик яссылыкта фәнни югарылыкта өйрәнелүе мәгълүм. Дәүләт эшләрен алып бару чарасы буларак эш кәгазьләренең теле, әдәби әсәрләрендәге кебек, төрки дип түгел, татарское письмо дип кулланыла. «Русча-татарча»дип, Сүзлекләр төзелә. Дини-сәнгати әсәрләрдә, гарәби һәм фарси телгә каршы куелып, төрки тел дип язу дәвам ителә. Т. Ялчыгол (1768–1838) төрки телне «кәндү-үз телемез» дип белдерә (1796) [11: 48–71].

Шуның белән бергә, бу вакытларда, ике йөз елларга сузылган яңа дәүләтчелектә, татар жәмгыяте оешу барышында, халыкның хәтерен, иманын саклау, әхлаклы булу максатын күздә тотып иҗат ителгән әсәрләргә нигезләнәп, ислам дине кануннарын төгәл үтәү белән бергә, белемле булырга, гыйлем белән генә гамәл кыйлу дәрест була дигән фикер үстөрә лә, аңга сәңдерелә. Шәригать гыйлемендә торгынлык, наданлык булмаска тиеш, мөдәррисләрнең үзләрен дә укытырга кирәклек, гомумән, мәгарифне алга жибәрү максаты мөйданга куела (Яхья Сәфәрғали, 1798), халкыбызның энциклопедик галиме Г. Утыз Имәни (1754–1834) хезмәтләрендә әлеге караш, аның үз эшчәнлегә белән раслана. Г. Курсави тарафыннан мәгърифәтчелекнең нәзарияте билгеләнелә (1776–1812), гыйлем белән гамәл кыйлу юнәлешә киңәюгә йөз тотә. Гарәп дөньясындагы укымышлыларның иҗаты якты лыгында, халкыбызның язма мирасы барланып/тупланып басмага әзерләнә. Гарәп илләрендә илчелек вазифасын үтәүчә Ә. Карғалый (1782–1833) сәяхәтнамәсен язганда, шул даирәнә мөмкинлеген файдалана. Поэзиядә мәсәл жанры нигезләнә (Һ. Салихов, 1794–1867). Кол Мөхәммәд (1775–1845) үзенә рисаләләрендә, сабий балаларга ислам дине нигезләрен аңлату барышында, әдәб-әхлакка, гыйлем-мәгърифәткә мөнәсәбәтлә мәсьәләләрне тасвирлый. Г. Кандаый (1797–1860) иҗат эшен традицион төркидән башлый, халык теленнән аерылмаслык дәрәжәдә дәвам итә, кеше шәхес буларак, шәхси халәт, шәхси хис-кичерешләре белән тасвирлана. Шул ук агымны Ш. Зәки (1825–1865) кебек талантлы шагыйрь дәвам. XIX гасырның уртасында, «Тукайлар чорына әзерлек дип билгеләргә мөмкинлек» бирә торган шагыйрьләр иҗат итә [11: 72–87]. XX йөзнен беренчә бишьеллыгында, даһи Г. Тукай иҗат итә башлый [11: 90–103].

Алга таба әлеге юнәлешләр татар халкының рухани-дини нигездә халык тарихы, әдәбияты, мәдәниятен, фәннә өйрәнүчә, атаклы Шиһабетдин Мәрҗани (1818–1889), Каюм Насыри (1825–1902) һ.б. галим/мәгърифәтчеләрнең қолачы эшчәнлегә дәвам ителә. Мәгълүм мәгърифәтчә әдипләребез иҗат итә башый, төрлә жанрлары проза жанры алгы планга чыга, язма жанрларны вазифалары ягыннан аерымлап карарга мөмкинлек туа. Бу эшчәнлек барганда, язма телнең һәм норма, һәм иҗтимагый вариантлылыгы киң файдаланыла: бер үк әдип адресатына карап, язма телнең һәм халыкчан, һәм абруйлы вариантын файдалана. Язма тел белән бара торган қолачы эшчәнлекне гомумиләштерү, әдәби статус бирү йөзеннән, **1899 елда** Уфада язма телне төзәтүгә багышланган беренчә Гыйльми мәҗлес жыела һәм **«Россия төркиләре»** дигән төшенчә-атама рәсмиләштерелә [8: 43]. Төрки тел дигән төшенчәнәң табигәтен һәм вазифасы турындагы фикер алышу гомумхалык даирәсенә күтәрелә («Нур», 1905–1914), «Шура» (1908–1918) һ.б. Әлеге дулкын барганда, яшь Г. Тукай иҗат итә башый (1886–1913), Г. Исхакый (1878–1954), Ф. Әмирхан (1886–1923), Г. Ибраһимов (1887–1938), Ш. Камал (1884–1942) кебек классик әдипләрнең беренчә хикәяләре басыла. Газета-журнал басмаларда иске/борынгы истәлекләр турында мәгълүмат бирелә, алар барлана, өйрәнелә, мөдрәсәләрдә укытылуға юнәлдерелә. Иске язудагы истәлекләре, филологик юнәлештә фәнни тикшерелә һәм укытыла торган телләр, классик тел дип атала [1: 196]. Иске татар телендә язылган истәлекләр, татар һәм башка төрки телләрдә тикшерелгәнә һәм укытылганга күрә, иске татар теле классик тел булып санала. Өч йөз еллар буена мискин булып торганнан соң, йөз ел эчендә, классик иске татар теле үзенә барлык куәтендә үсешкә ирешә, алга таба дәвам ителә. **XIX гасырның икенчә яртысы – XX йөзнен беренчә уньеллыгында**, татар язма әдәби теле: 1) рухани –дини әдәбияты; 2) дини-сәнгати, дөньяви дидактикаға нигезләнгән өч жанры белән дә матур әдәбият; 3) фәннәң барлык тармакларына да караган фәнни һәм фәнни-популяр әдәбият; 4) официал документ-рәсми эш кәгазе; 5) иҗтимагый публицистика-газета, журналлардагы басма әдәбият; 6) эпистоляр-хат, 7) көндәлек-һөнәри эш-гамәлләргә өйрәтү максаты күздә

тотылып языла торган функциональ стильләренәң төрле жанрлары белән бергә кулланылышта була. Иң мөһиме, чынбарлыкта булганча, бер яктан, гасырлар буена традиция булып килә торган нигез-мөмкинлек, үзенең **өч төрле норма вариантлылыгы** белән тулаем рәвештә дәвам ителә, икенче яктан, халыкчан-жанлы сөйләмә телнең байлыгы да, адресат һәм стильләр таләбенә туры китерелеп, әдәби телнең вазифасын үтәрлек дәрәжәдә файдаланылып яңартыла бара. Татар язма теленә, **халыкның үз мохите, үз мәгърифәте даирәсендә** тулаем эшчәнлеген үтәр өчен, әдәби тел **фактик статуска** ия була, нәтижәдә, **халыкның милләт буларак яшәеше билгеләнә** торган дәрәжәдәге төп бер факторына әверелә, татар әдәбияты һәм язма теленең алтын чоры дип атала торган гажәеп күренеш барлыкка килә. «Рус дәүләте, татар мәктәпләре, мәдрәсә, басмаханә, нәшриятләре өчен, бер генә тиен акча бирмәсә дә, боларның барысы да татар байлары хисабына төзелә, ачыла һәм эшли. Шуларның эшчәнлегенә нәтижәсендә, **бик киң регионда, бер әдәби тел, милли тел** итеп кабул ителә, шул телдә басылган дәрәжәләр, уку китаплары һәм әдәбият төрле регионнарда яшәгән жирле төркиләрдә, **бер милләт психологиясе тудыра**, аларның һәммәсен бер төрки-татар этнонимы берләштерә» [7: 457]. Немец галиме Отто Гётчның 1913 елда чыккан китабында, Идел буе татарларының мөселманлык тәэсирендә, мәдәни яктан иң алдынгы халык дәрәжәсенә үсеп житүләре турында статистик мәгълүмат бирелә: «...1880 елда Русиядә 11 млн мөселман була, аларның барлык китаплары әле 7–8 дән артмый, бер типографияләре, 4 юлбашчылары, европача югары белемле 12 зыялылары була, соңгыларының берсе Көнбатыш Европа югары уку йортын тәмамлаган. 1910 елда мөселманлар 20 миллионга житә, алар меңнән артык басма китап чыгаралар, 14 типографиягә, 16 вакытлы матбугатка ия булалар; 200 кеше Русия югары уку йортларын, 20 кеше Көнбатыш Европа университетларын тәмамлый; 100 гә якын язучылары, 6 югары, 5000 түбән дәрәжәле мәктәпләре була. Казан татарларында хәзер 150 кешегә бер мәчет һәм бер мулла булса, шул региондагы русларда һәм башка христианнарда 1500 кешегә бер священник туры килә. Татарларда 100 кешегә бер мәктәп, христианнарда исә 1500–3000 кешегә бер мәктәп туры була. Китап һәм газеталар тарату буенча татарлар христианнардан тагын да өстен торалар». Бу эшмәләрны В. И. Ленин конспектлы һәм Төркстанга татар йогынтысын түгел, ә рус йогынтысын көчәйтәргә кирәк дип саный» [7: 457–458]. Мәгълүм булганча, бөек юлбашчының субъектив тәкъдимен эзлекле рәвештә жиренә житкерелеп тормышка ашыру эшчәнлеген башлана. 1917 елдан Россия империясендә революция дигән сәяси үзгәрешләр кузгала. «1917 елдагы түнтәрештән соң татар күзгә күренеп телен, теле белән динен, дине белән иманын, иманы белән тарих эзен, шул эзләрдәге мирасын туктаусыз югалта бара» [15: 43]. Халкыбызның башына төшәчәк әлегә бәла-каза, иң башта язма әдәбиятнең яшәешендә, аның авторларының язмышында чагылыш таба. Ижтимагый тормышны чынбарлыкта булганча күз уңында тотып, төрле стилиндә ижат эше нигездә үсеш алган һәм объектив-дөрәс фәнни нигездә өйрәнелеп килә торган классик төрки-татар язма теле, сәяси-субъектив мөнәсәбәтләр юнәлешенә борылырга мәжбүр ителә. Бу үзгәрешләр беренче көннәрендә үк, татар әдәбиятының, әдәби теленең традициясен юкка чыгару юнәлешен ала. Төрки-татар теленең нигезе булган Рухани-дини әдәбияты турында сүз әйтәргә дә ярамый, кисеп ташлана. «Кыйссаи Йосыф» 1983 елга кадәр бер мәртәбә дә дөнья күрә алмый. 1918 елда татарлар яши торган барлык төбәкләрдә басылып килә торган газета-журналлар кырт киселеп туктатыла.

Шуның белән бергә, яңа власть тәртибенә ярашып, тормышны дәвам итәргә кирәк була. 1918 елда Бөтенроссия мөселман укучыларының өченче съездында (10–28 май) «Гыйльми һәйәт» (коллегия) оештырыла, гарәп язуын татар әйтелешенә туры китергә кирәклек мәсьәләсә күтәрелә [11: 169]. 1920 елның 27 маенда, гасырлар буена төрки-болгар-кыпчак-татарлар яши торган киң территориянең тарихи чикләреннән киселеп бирелгән өлешендә, татар халкының дүрттән бере (7 миллионның 2 миллионы) яши торган төбәгендә, Татарстан АССРны төзү турында декретка кул куела. 1921 елның 25 июнендә татар телен гамәлгә кую, Татарстанда рус теле белән бер рәттән, бертигез хокукка йөртү, ягъни **дәүләт теле статусын** алуы турында махсус декрет кабул ителә, барлык тармакларда татар телендә эш итү мәсьәләләре күздә тотыла. «Татар телендә эш итү мәсьәләләре»н юлга салуның шактый катлаулы булуы аңлашыла. Казанда, Уфада Истыйлях комиссияләре оештырыла. Сөйләмә телне, татарлар яши торган төбәкләрдә,

хөкүмэт мөнәсәбәте өчен ярарлык итеп, ягъни язма телнең вазифасын үтәрлек итеп, файдаланырга кирәк дигән фикер куәтләнә. 1921 ел 28 июнь указында, татар теле, дәүләт теле буларак, Россиянең татарлар яши торган барлык төбәкләрендә, сөйләмә теле уку-язу эшчәнлегендә файдаланылырга тиеш дип, **күпчелек татар булган урыннарда бөтенләй татар телен гамәлгә кую** мәсьәләсе күтәрелә (Татарстан хәбәрләре, 1921. 13.06). **1922 елда** барлык урта, югары һәм профессиональ –техник уку йортларында татар телен укыту турында махсус карар кабул ителә. Дәрәслекләр төзү эше тагын да куәтләнә. 1923 елдан «Гыйльми һәйәт» («Академик үзәк»)нең житәкчесе итеп билгеләнгән Г. Ибраһимов, Үзәккә танылган галимнәрне туплый, алар татар телен гамәли һәм нәзари яктан эшкәртү һәм гамәлгә кую юнәлешендә тырышлык күрсәтәләр, «Гамәли тел сабаклары» дигән хезмәт басыла башлый, 1925–1927 елларда «Татар әдәбияты көтебханәсе» туплау көн тәрибенә куела. Бу вакытларда инде латинга күчү мәсьәләсе хәл ителә башлый. 1927 елның 20 мартында «Яңалиф» жәмгыятенен беренче конференциясе ачыла, шул ук елның 3 июлендә «Латин алфавиты – татар теленен рәсми алфавиты» дип игълан ителә. 1927–28 елларда укыту латин алфавитына күчеп бетәргә тиеш була. Шулай итеп, татар әдәби теле, 1921 нче елда указ белән кабул ителә һәм 28 елга кадәр фактик статуска ия дәүләти тел булып, ягъни татарлар яшәгән **барлык төбәкләрдә** канцелярия документлары татар телендә алып барыла, вакытлы матбугат басыла, ана телендә укыту гамәлгә куела. Татарстан жөмһүриятендә русларга да татар теле укытыла. Әлеге эшчәнлек, XIX гасыр уртасыннан 1917 елга кадәр, татар әдәби теленен алтын чорында ирешкән дәрәжәсендәгә юнәлешендә алып барыла кебек тәэсир туа. Эмма бу вакытларда татар әдәби теленен гасырларга сузылган тарихы булуына игътибар ителми, ләкин аның **графикасы саклана**, әлеге нигездә жанлы сөйләм тел әдәби телнең вазифасын үтәү өчен жайлаштырыла, Яналиф белән язучуларында да дәвам ителә [11: 171–175.]

Шуның белән бергә, 1930 елларда: «Әдәби тел-сыйнфый бер тел ул. ...Татар әдәби теле дә, әлбәттә, сыйнфый...» дип, жәмгыятьтәгә ижтимагый-икътисади баскычларга туры китерелеп, өч дәвергә бүлеп аңлатыла торган сәяси юнәлеш башлана, мәктәптә өйрәтелә, фәнни хезмәтләр языла. 1931 елның бнчы маенда Ж. Вәлиди, Гали Рәхим, Садрый Жәләл кулга алына. **1938** елның мартыннан барлык милли мәктәпләрдә мәжбүри рәвештә рус теле укытыла башлый. Рус графикасы нигезендәгә яңа алфавитның проекты 1938 елның август аенда игълан ителә, ислам дине белән бәйләнгән гарәп язуыннан арындыру төп бурыч булып күтәрелә, китаплар яндырыла, туздырыла. 1939–1940 елларда, барлык мәктәп, техникум, югары уку йортларында кириллица белән укыту башлана, зурларны яңача язуга өйрәтү курслары ачыла, халык тоташ надан дип белдерелә. Эш кәгазьләрен рус телендә алып баруға йөз тотыла, татар әдәби теленен дини-рухани стилинән соң, икенче стиле яшәүдән туктатыла. 1937–1939 елларда, «контр-революцион милли үзәк» төзүдә катнаша дип, «халык дошманнары»н жәзалау үтерү бер дә туктамыйча алып барыла [11: 183–186].

1939 елда, татар телен һәм әдәбиятын фәнни тикшерү Институты оештырыла, **1944** елда Казан дәүләт университетында, Татар теле һәм әдәбияты кафедрасы ачыла. **1951** елда И. В. Сталинның «Марксизм һәм тел гыйлемә» мәсьәләләре» дигән хезмәте басылып чыккач, телләрен сыйнфый-буржуаз түгелләгә «мәгълүм була». «Әдәби тел-әдәбияттә беркетелгән һәм шушы телдә сөйләүчеләрнең барысы өчен дә урта норма итеп эшкәртелгән, шомартылган тел ул. ...Әдәби телнең хужасы – халык, теге яки бу сыйныфлар түгел», – дип яңача аңлатма бирелә. Капма-каршы фикерләр кузгала: әдәбиятта беркетелгән тел дигәндә, төрле стильдәгә текстларда чагылыш тапкан язма тел истә тотыла, эмма сөйләшүчеләрнең барысы өчен дә бер тигез аңларлык рәвештә, ничек итеп шомартылуы, нормага салынуы билгеләнми. Әдәби телнең хужасы – халык дигәндә, язма телнең гомумхалык теленә нигезләнүе истә тотыла, эмма мондый аңлатма бирелә: «Гомумхалык теле, гомуммилли тел дигән билгеләмәне И. В. Сталин өйрәткәнчә аңларга, ягъни бер диалектны үзәкләштерүче, калганнарын исә аңа буйсынган, аның тирәсендә укмашкан килеш, бердәм тел эчендә эрүчеләр итеп карарга тиешбез», – дип, гомуммилли тел дигән төшенчәне тарайтырга кирәклеке асызыклана [6: 12]. Бу вакытларда инде, әдәби тел, халыкка аңлашылмый дип санала торган гарәп, фарсы, төрек телләренен «чобарлыгы-корамалыгы»ннан, тулысынча чистартылган булганга, инде

аны «әдәбиятта беркетелмәгән» жаргоннардан арындыру, диалекталь берәмлекләрдән котылдыру өчен, каты көрәш игълан ителә, мәкаләләр языла, китаплар басыла. «Диалекталь үзенчәлекләрдән арынуга карата» дигән тема ярты гасыр буена, сөйләмә тел тәмам юкка чыгу дәрәжәсенә житеп пассивлашканчы, дәвам ителде. Бу юнәлеш әдәби телне гадиләштерде, бер үк сүzlәр кабатлана килеп, аның сәнгати затлылыгын киметте, эстетик халыкчан рухын юкка чыгарды: нәтижә күз алдыбызда.

1958 елда, Н. С. Хрущевның мәктәп реформасыннан соң, милли мәктәпләрдә, ана теле аерым предмет буларак калдырыла, укыту тулысынча рус теленә күчерелә. Милли телләрдә «тазарту», «чистарту»лардан соң, татар әдәби теле, бер яктан, үзенә гарәп-фарсы һәм төрки-татар бәйләнеш-мөнәсәбәтенә нигезләнәп, гасырлар буена килә торган традиция мөмкинлегеннән дә, икенче яктан, гомуммилли сөйләмә хас булган, табигый-халыкчан ижтимагый катламы – структур һәм функциональ вариантларыннан да аерыла, язма телнең үсеш эволюция тарихы тулаем юкка чыгарыла, өченчә төрле графикасында язгырға мәжбүр ителгән телнең барлык тармакларында да аңа фәкәть берлек(единичность) хас булырға тиеш дигән караш ныгытыла. Боларның барысы да әдәби телдә язылган теләсә нинди текстны(әдәби, фәнни, публицистика һ.б.) халыкның барысы да тулаем рәвештә бертигез дәрәжәдә аңларга тиеш дигән «изге» ниәт белән эшләнә, укытыла. Әдәби телнең табигатенә (традициясе булуына) һәм вазифасына (төрле стилиндә сүzlәрнең мах сус сайланып кулланылуына) туры килми торган, язма телнең тамырын корыту максаты күздә тотылып, махсус рәвештә уйлап чыгарылган бу сәяси идеология нигезендәгә эшчән лек, XX гасырның 20 нче елларыннан башланып, гасыр ахырына кадәр 80 еллап дәвам ителә, халыкның өч буыны ана теленнән читләштереләп тәрбияләнә, милли республикаларда сөйләмә икетеллелек тормышка ашырылмый, «берьяклы икетеллелек теориядә дә бер генә телдә аралашуга күчүнең бер баскычы итеп кенә санала башлый. ...80 нче еллар ахырында татар балаларының бары 7 проценты гына үз мәктәпләрендә укый,... бер татарга 0,7 данә генә китап басыла.

1985 елда Коммунистлар партиясенә XIX конференциясендә, СССРдагы ижтимагый тормышның барлык өлкәләрендә дә үзгәртеп кору кирәклегә күтәрелә. Илдәгә милли азчылыкларны тергезү,саклау, үстерү турында карар кабул ителә. Милли азчылыкларны тергезүнең һәм саклауның иң рациональ юлы дип, **милли телләргә саклау** һәм үстерү ысулы таныла, бу турыда законнар кабул ителә башлый. **1989** елда, **Татарстанның дөүләт теле** турындагы законның проектын төзү өчен, дөүләт комиссиясе оештырыла. ... «Татарстанда яшәүчә һәр кеше татар телен белергә тиеш» дигән максат күздә тотыла. Татар телен массакүләм өйрәнү башлана, күп урыннарда оешып килүчә түгәрәкләрнең эш тәртибен юлга салырга кирәклек күренә. Шунның белән бергә, мәктәптә татарча укыту мәсьәләсенә иң мөһим зарур эш булуы, бу тармакта ныгытып эшләргә кирәклек күз уңында тотыла. **1990 елның 30 августында** Югары Совет Татарстанның дөүләт суверенлыгы турында Декларация кабул ителә, Татарстан совет социалистик республикасының «...ике тигез хокуклы тел: татар һәм рус телләре Татарстанның дөүләт теле булып санала. Татарстан Республикасы гражданны аралашу телен иреккә рәвештә сайларга хокуклы»,– дип белдерелә. Шу ул көнне Татар телен өйрәнергә теләүчеләрнең күбесе түгәрәкләргә йөрүдән туктый. Әмма Татар теле мәктәп һәм югары уку йортларында саклана, укытыла башлый, дөүләти идарә тармакларында, эш кәгазьләренең тәржемә варианты буларак гамәлгә куела. Татар телле гимназияләр ачулуга йөз тотыла.

1991 елда, рус телендә генә сөйләшә торган коммунистик жәмгыять төзеләп бетә алмый, СССР таракала. **1992** елның 8 июлендә «Татарстан халыклары телләре турында» Татарстан Законы кабул ителә. **1994** елның 20 июлендә Татарстан Республикасы халыкларының телләрен саклау,өйрәнү һәм үстерү буенча Дөүләт программасы ЮС сессиясендә кабул ителә. «ТР халыклары телләре турындагы ТР Законы»н реалләштерү өчен махсус Комитет оештырыла, **1999** елдан МК составында, ягъни дөүләти югарылыкта, аерым бүлек буларак эшчәнлегә дәвам ителә.

Шулай итеп, татар теле, 73 елдан соң, 2 нче мәртәбә махсус указ белән дөүләт теле булып кабул ителә. Чагыштырып караганда, әлегә указларда дөүләт теле дигән төшенчәнең вазифасын төрлечә аңлау/аңлату күренә. 1921 ел 28 июнь указында, татар теле, дөүләт теле буларак, Россиянең татарлар яши торган барлык төбәкләрендә, сөйләмә

теле уку-язу эшчәнлегендә файдаланылырга тиеш дип, **күпчелек татар булган урыннарда бөтенләй татар телен гамәлгә кую** мәсьәләсә күтәрелә. Татар **сөйләмә** теленә **әдәби телнең** аерым вазифалары йөкләтелә, фактик-статуска ирешерлек көче-куәте була. Әлегә юнәлеш, 1899 елда, «Русия төркиләре өчен Казан шивәсә лисанын гому-ми ителеп кабул итәргә» дигән махсус карарга якыная, ягъни Россиядә таралып яшәргә мәжбүр ителгән **барлык** төрки-татарның язмышы күз алдында тотыла. 1992 елның 8 июлендә, «Татарстан халыклары телләре турында» дип кабул ителгән Законда, дүләт теле дигәндә, Татарстанда яшәүче, сан ягыннан күбрәк булган русларның(50, 8%), аннан соң татар(42,1%), чуаш, мари, мордва, удмурт һ.б. халыкларның телләре истә тотыла. Димәк, әлегә телләр сакланырга һәм үстерелергә тиеш була. Татарстан Республикасында «тел ситуациясе», «тел халәте», «дүләт теле» дигән төшенчәләрнең мәгънәсен аңларга теләү максатыннан фәнни-гамәли конференцияләр уздырыла, рус телендә диссертацияләр языла. Рус мәктәпләрендә татар класслары ачылып, русларга татар теле укытыла башлый. Татар телен укытуга сәгатьләр бирелү нәтижәсендә, рус теленнән ЕГЭне начар бирәләр дип, бу гамәлгә рус халкы, ата-аналар да, укытучылар да кискен каршылык күрсәтә.

1992 елның 6 ноябрдә кабул ителгән Конституциядә: «Татарский язык, наряду с русским, является государственным языком РТ (в соответствии с Законом РТ “О языках народов РТ” от 1992 г.), В Татарстане и в местах проживания татар существует сеть учебных и воспитательных учреждений, в которых используется татарский язык: дошкольные учреждения с татарским языком в качестве языка воспитания, начальные и средние школы с татарским языком в качестве образовательного», – дип, ягъни Татарлар яши торган төбәкләрдә татар теле иркен кулланыла, дип асызыкланып дәрәжәкә туры килми торган мәгълүмат бирелә. 1980нче еллар ахырында Казанда татар телендә укытыла торган бер мәктәп була, аерым төбәкләрдә барлык предметлар да рус телендә укытыла. Дөрәс, 1985–1990 елларда башланган милли хәрәкәт белән, балалар бакчаларында сөйләмә тел, мәктәпләрдә һәм гимназияләрдә язма тел өйрәтелә, Казан дүләт университетында, Татар дүләт педагогия институтында, Татар дүләт гуманитар институтында, татар теле, әдәбияты, тарихы кафедраларында студентлар кабул ителә, укытыла. Г. Ибраһимов исемендәге тел, әдәбият һәм сәнгать институтында, әлегә тармаклар фәнни яктан анализлана. Әмма татар телен дүләт теле дип игълан иткәндә, әлегә рухи күтәрелешкә ун ел да үтмәгән, татар сөйләмә теленә дә, әдәби язма теленә дә, 70 ел буена хәле-куәте сүндерелүе, 50 ел буенча мәктәптә укытылмыйча юкка чыгарылуы нәтижәсендә, 10 ел эчендә генә дүләт теле вазифасын үтәрлек дәрәжәгә күтәрел мөмкин/житлекмәгән була. Димәк, беренче чиратта, рухи күтәрелеш дулкынын дәвам итәргә, эшнә русларга татар телен укытудан түгел, 1921 елгы дүләт теленә вазифасын истә тотып, Татарстандагы һәм читтә яшәүче татарларга, **Ана теле буларак** укытуны таләп итүдән, ягъни халкыбызны уятудан башлау уңай булачак иде. Бу жәһәт тән, «Бөтөнтатар Мәгариф берлеге»нең 2 нче корылтаенда: «...күп кенә дәрәжәләр белән Татарстанда яши торган кешеләрне генә укытып була, читтә яшәүче татар балаларын укыту өчен алар бик үк кулай түгелләр», – дигән фикерләренә күтәрелүе игътибарны жәлеп итә (1995, 7 гыйнвар). Димәк, әдәби телне, тулаем татар халкы өчен милли бөтенлекне барлыкка китерү максатында укыту/өйрәтүләрнең бик үк ныклы нигездә бармаганлыгы, мәгариф өлкәсендәге вазифасын киңәйтү юнәлешенә күздә тотылмавы аңлашыла. Татар теле дүләт теле дип игълан ителгәндә, Дүләтнең үз функцияләрен үти торган, ягъни ижтимагый-социаль, сәяси-хокукий, фәнни-терминологик эшләргә мөнәсәбәтле гамәлләрнең барысы да рус телендә алып барырга күндерелгән була. Закон буларак кабул ителүгә карамастан, Татарстан дигән дүләт чикләрендә, фактик статуска ия булу өчен, ягъни, ижтимагый тормышның барлык тармакларында кулланылышка ирешүгә кирәк булган шартлар инде югалуа дучар ителгән: графика алмаштырылган, язмачылык традициясе оныттырылган, рухани-дини, эш көгәзьләре, фәнни стиле сүндерелгән, коммуникатив мөмкинлеге көчсезләндерелгән, татарларның дүрттән өч өлеше Россия төбәкләрендә яшәүгә күнеккән, шул дүләтләрнең Законына буйсындырылган була. Димәк, татар халкы Россия дүләте белән дә, Татарстан дүләте белән дә рус телендә генә аралашуа күчәрелеп беткән, дүләт идарәсе белән халыкны бәйли торган вазифасы юкка чыгарылган була. **XXI гасырда** аның үзен яклау, кызгану, киләсә буыннарга әманәт итеп

тапшыру бурычын аңлау көн тәртибе булып күтөрелә. Әлеге мәсьәләгә рус зыялылары мөнәсәбәт белдерә, Карен Шахназаров әйтә: «...Россия күпмилләтле халыклар дәүләте, руслар кебек татарлар да, башкортлар да, якутлар да һ.б. үз туган жирләрендә яши, димәк, аларның теле үз милләтен оештырырга тиеш. Бу хәл тормышка ашырылмаса, Россия федерация булып яши алмаячак». Депутат Борис Надеждин әлеге фикерне хуплый: «Хәзерге Россиядә русларга махсус статус алып өчен бернинди дә проблема юк. Россиядә яшәүче халыкларның 99,9% ы рус телендә сөйләшә. Монда төп проблема татарларда, һәр перепись үткән саен, 1 миллион татар үзенә ана теле дип, рус телен күрсәтә. Татар теле бүген авылларда гына кулланыла, димәк, халык юкка чыга бара» (TV, 2020, 20.02) Дәрәс, бу хакта М. З. Зәкиев хезмәтләрендә төгәл саннары күрсәтелгән була: «XX йөзнең 20 нче елларында СССР да Идел татарлары сан ягыннан 4 нче урында, 1959 һәм 1970 еллардагы сан алуда – 5 нче, 1980 елда – 6 нчы, 1989 елда – 7 нче урынны алдылар. Татар мәктәпләренең кимүе татарларның үз теленнән баш тартуын арттырды» [7: 460]. Аңлашылганча, бу юнәлештә безнең хәзерге хәлебез, XVI–XVIII гасырларда, 300 еллар буена тапталып, үлемгә дучар ителгән вазгыяттан дә хәтәрерәк.

Халкыбызның барлык зыялылары да, Россия изүенә каршы торып, татар сөйләмә һәм язма телен саклап калу гамәленә керешкән очракта гына, алга таба милләт булып яшәвебезне дәвам итә алачакбыз. Бу юнәлештә «Адымнар» – безнең соңгы ышаныч. Эмма Россиядә яшәүче барлык татарлар өчен бу типтагы мәктәпләр ача алмыйбыз. Бүгенге көннәрдә татар халкын Милләт буларак, аның территориясә һәм икътисатының уртаклыгынан бигрәк, жанлы сөйләмә теле белән бергә, язма-китаби теле, мәданиятенең уртаклыгы барлыкка китерә. Милли-дәүләти мөхит тудыруда бигрәк тә язма теленең әһәмиятен аерып күрсәтү сорала. Россиянең барлык төбәкләрендә, сан ягыннан икенче урында, уңган, булган татарлар яши, ат урынына эшли, налог түли. 300 еллар буена Мәскәү/Русия дәүләтенең икенче функциональ теле вазифасын үтәп кулланылган Татар теленә бүгенге вазгыяттә, Татарлар яшәгән барлык төбәкләрдә, ислам дине белән бергә, ана – сөт теле укытылуын тормышка ашырылуы максатыннан, һичшиксез, икенче рәсми-официаль тел статусы бирелү зарурлыгы күренә. Безгә шул юнәлештә эш алып барырга кирәк.

ӘДӘБИЯТ

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. – М., 1969. – 606 с.
2. Бәширова И. Б. Төрки-татар әдәбияты нәзариате. – Казан: ТӘҺСИ, 2018. – 316 б.
3. Благова Г. Ф. О принципах лингвистического изучения тюркских текстов // Вопросы языкознания. – 1979. – № 6. – С. 97–107.
4. Вәлиди Ж. Сайланма хезмәтләр: әдәби тел, грамматика, диалектология һәм лексикология мәсьәләләре. – Казан: Мәгариф, 2007. – 271 б.
5. Гайнетдинов М. В. Средневековая татарская литература VIII–XVIII вв. // Литература XVIII века. – Казан: Фән, 1999. – С. 181–199.
6. Жәләй Л. Татар теленең орфоэпик нигезләре. – Казан: Татгосиздат, 1953. – 72 б.
7. Зәкиев М. З. Татар халкы тарихы (этник тамырлары, оешуы һәм киләчәге). – Казан, 2008. – 544 б.
8. Курбатов Х. Р. Татар әдәби теленең алфавит һәм орфография тарихы. – 1999. – 139 б.
9. Татар әдәбияты тарихы: сигез томда. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2014. – 1 т.: Борынгы чор һәм Урта гасырлар. – 415 б.
10. Татар әдәбияты тарихы: сигез томда. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2014. – 2 т.: XV–XVIII гасырлар. – 471 б.
11. Татар әдәби теле тарихы (XIII гасыр – XX йөз башы). – Казан: ТӘҺСИ, 2015. – 1 т.: Фонетика. Графика: язма традицияләр, норма һәм вариантлылык. – 696 б.
12. Татар әдәби теле тарихы (XIII гасыр – XX йөз башы). – Казан: ТӘҺСИ, 2017. – 2 т.: Морфология. Грамматик категорияләреннән структур-субстанциональ үзенчәлеге һәм функциональ мөмкинлекләре: язма традицияләр, норма һәм вариантлылык. – 888 б.
13. Татар әдәби теле тарихы (XIII гасыр – XX йөз башы). – Казан: ТӘҺСИ, 2019. – 3 т.: Лексика. Лексик-семантик категорияләреннән инвариант-парадигма үзенчәлеге һәм контекстуаль-синтагматик мөмкинлекләре: язма традицияләр, норма һәм вариантлылык. Беренче кисәк. – 528 б.
14. Тенишев Э. Р. Тюркязычных письменных памятников языка // Языки мира: Тюркские языки. – Бишкек: Кыргызстан, 1997. – С. 35–46.
15. Юныс Миргазиян. Кыпчак кызы Аксана. Роман // Казан утлары. – 2018. – № 11. – Б. 8–67.
16. Юсуф Баласагунский. Благодатное знание / Издание подготовил С. Н. Иванов. – М.: Наука, 1983. – 557 с.
17. Языки мира: Тюркские языки. – Бишкек: Кыргызстан, 1997. – 543 с.

ГРАНИЦЫ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ПОЛИСЕМИИ (на материале татарского языка)

А. К. Булатова

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ (Казань)

Данная статья посвящена рассмотрению крайних полюсов полисемии слова в татарском языке. Лексическая многозначность граничит с такими языковыми явлениями как моносемия и омонимия. Выявление критериев разграничения значений полисемантическим словом и отдельных лексем (омонимов) представляет актуальную задачу современной татарской семасиологии.

Ключевые слова: лексическое значение, полисемия, омонимия, татарский язык, лексико-семантический вариант.

This article is devoted to the consideration of the extreme poles of the polysemy of the word in the Tatar language. Lexical ambiguity borders on such linguistic phenomena as monosemy and homonymy. Identification of criteria for distinguishing between the meanings of a polysemantic word or individual lexemes (omnimes) is an urgent task of modern Tatar semasiology.

Key words: lexical meaning, polysemy, homonymy, Tatar language, lexico-semantic variant.

Одним из признаков современного татарского языка является многоплановость его единиц, которая находит своё отражение в полисемантической лексической системе. Полисемия не нарушает закона единства слова и понятия, а свидетельствует лишь о несовпадении внутренней структуры словарного состава языка с системой понятий, которая находит в нем свое выражение. Полисемия является результатом лексико-семантического варьирования слова, процесса лексико-семантической производности, или семантической деривации. В качестве примера приведем слово *давыл*. Данная лексема многозначна, в ходе исторического развития приобрело несколько взаимосвязанных лексико-семантических вариантов:

1. Сильный разрушительный ветер, обычно перед осадками или во время осадков: буря, метель, вьюга, ураган, циклон; шторм (обычно на воде): *Давыл алып китте көймәне*. Г. Афзал. 'Шторм забрал лодку'.

2. Буря; революция: *Әле бит геройларның язмышы төйнәлгән, чуалган килеш калды. Әле алда – очсыз-кырыйсыз тормыш давыллары*. Ф. Садриев. 'Судьба героев еще осталась весьма запутанной. Впереди – нескончаемые перипетии'.

3. Большая ссора, конфликт. *Давылның беренче өермәсе озак көттермәде. Ык буеннан кайтышлы, аңа Мосаллия очрады*. Ф. Садриев. 'Первый вихрь ссоры не заставил себя долго ждать, прямо при возвращении с Ика ему повстречалась Мосаллия'.

4. Избыток эмоций, смятение чувств. *Йөрәгендә давыл кебек кинәт шашып кузгалган хисләр өермәсе Зөбәйдәне ихтыярсыз итте*. В. Имамов. 'Решительность покинула Зубайду из-за внезапно вспыхнувших чувств в её душе'.

5. Также слово используется в значении изменения магнитного поля Земли в результате активизации процессов плазмы Солнца: *Дизентерия һәм корсак тифы, талпан энцефалиты һәм туляремия, балаларда дифтерия һәм кызамык – барлык бу куркынычлы авырулар Кояш «давылы» чакта көчәяләр*. Могжизалар энциклопедиясе. 'Дизентерия, брюшной тиф, клещевой энцефалит, туляремия, дифтерия и краснуха у детей – все эти заболевания наиболее усиливаются при вспышках на Солнце'.

Понятие лексической полисемии может быть противопоставлено таким понятиям как однозначность (моносемия) и омонимия. Эти явления являются её крайними полюсами или границами. Однозначность предполагает закрепление за одним звуковым комплексом лишь одного устойчивого лексического значения, характеризуются однородной предметной направленностью, семантической одноплановостью. В идеале в языке одному понятию должен соответствовать одна сема. Однозначными могут быть имена собственные (их конкретное значение исключает возможность варьирования, так как они являются названиями единичных объектов) (слово *Актырнак* – кличка, которая дается собакам имеющим белые пятна на ногах, букв. 'белый ноготок'); неологизмы, недавно возникшие слова, не получившие еще широкое распространение (*рухташ*

‘единомышленник’, *төстәш* ‘одного цвета’, *хыялстан* ‘мир грез’); термины и слова в узкопредметном значении (такие слова в основном обозначают предметы специального употребления и в речи используются крайне редко, что способствует сохранению у них однозначности) (*сөйләүлек* ‘разговорник’, *өсқорма* ‘организация, учрежденная правительством’), абстрактные существительные (*инқяр* существительное ‘отрицание, непризнание’) и др.

Первоначально каждая лексема однозначна, многозначность – явление вторичное. Моносемия является потенциалом для создания многозначности. Например слово *өчпочмак* в первичном значении обозначает математический термин треугольник (геометрическая фигура): *тигезьянлы өчпочмак* равнобедренный треугольник; *төрле яклы өчпочмак* разносторонний треугольник.

Также произошел перенос наименования и схожие по форме предметы начали обозначаться *өчпочмак*. *Йомшак күн белән тышланган, нечкә кашка тагылган өчпочмакны ул иренең муенына такты*. Н. Фәттах. ‘Она повесила на шею мужа треугольник, сделанный из мягкой кожи и из тонкого шнура’.

Чертёжный инструмент для черчения также начали обозначать данной лексемой: *агач өчпочмак* ‘деревянный (фанерный) треугольник’; *өчпочмак белән җир үлчәү* ‘измерять земельный участок саженью’.

Слово также используется в значении ‘блюдо традиционной татарской кухни из теста с начинкой из картофеля и мяса’: *Өчпочмакны тавык, каз, үрдәк итләрен салып та пешерергә була*. Татар халык ашлары. ‘Учпочмаки можно готовить из мяса курицы, гуся и утки’.

Лексема используется и в значении косынка: *Хатын башына ак өчпочмак бәйләп алды*. ‘Женщина повязала на голову белую косынку’.

Обособление значений прежде единого многозначного слова в отдельные, самостоятельные слова-омонимы – процесс длительный и постепенный, поэтому резкой границы между многозначностью и омонимией во многих случаях нет.

Одна из главных задач при рассмотрении взаимоотношения между омонимией и многозначностью – это определение критериев их разграничения. Главный критерий – семантический: утрата значениями прежнего многозначного слова их взаимной языковой мотивированности, т. е. способности обнаруживать общность или непрерывность их внутренних форм [3: 35]. Другими, дополнительными критериями разграничения многозначности и омонимии могут быть: образование у омонимов разных несоотносимых словообразовательных гнезд, развитие у них характерной несовпадающей лексической и фразеологической сочетаемости, различный характер членимости на морфемы, резкое изменение грамматического значения (например, его «преодоление») и др.

Причины возникновения омонимии из многозначности могут быть как экстралингвистическими (изменение обозначаемых реалий, их утрата и др.), так и собственно лингвистическими (различные изменения в самой системе языка). И в том, и в другом случае это приводит к нарушению былой связи лексико-семантических вариантов слова, к «затемнению» их мотивированности. Важно учитывать тип полисемии слов: для метафорически связанных в прошлом значений при образовании омонимов существен такой показатель, как изменение самого предмета или знания о нем, для метонимически мотивированных значений – изменения в мотивирующем лексико-семантическом варианте, при цепочечной полисемии – утрата «промежуточного звена» и т. п. [5: 95].

Семантический критерий омонимии, иными словами утрата значениями взаимной языковой мотивированности, общности внутренней формы поддерживается другими, дополнительными: слова-омонимы входят в ряды несовместимых лексических сочетаний.

Омонимы же в свою очередь могут быть следствием распада многозначного слова, семантического разрыва, происходящего между различными его значениями. Омонимы такого происхождения довольно многочисленны в современном татарском языке: *ай* ‘луна’: *Караңгы дип килми калма, Ай булмаса, йолдыз бар*. М. Жәлил. ‘Обязательно приходи, несмотря на темноту, даже если луны не будет, есть же звезда (звезды)’ – *ай* ‘месяц, 30 дней’: *Казаннан кайтканына хәзер биш ай бардыр инде*. Г. Камал. ‘Уже прошло примерно пять месяцев с того времени как он приехал из Казани’.

Рассмотрим следующие омонимы.

Тиен I в номинативном значении – ‘белка, небольшой лесной зверёк-грызун с пушистым хвостом, а также мех его’: *Урман аңа бөтен матурлыгын ачып әҗибәргән иде: тегендә-монда тиеннәр сикерешә*. С. Гаффарова. ‘Лес раскрыл всю свою красоту: туда-сюда прыгают белки’.

Тиен II – мелкая монета, сотая доля рубля; копейка; грош: *Биш тиенгә, теге як ярга чыгып, ике стакан морс эчәргә була, аннары әле чөеп уйнарга да кала!* Ф. Хәсни. ‘За пять копеек можно выпить 2 стакана морса на той стороне, и ещё остается немного для игры в подкидывание’.

Данные лексемы восходят к одной древнетюркской основе *tejiŋ, tejin id., tegiŋ, täkiŋ* «зверек, пушной зверь» [1, Т. 2: 124]. Существует точка зрения, согласно которой слово *тиен* монета произошло от «тийин», что буквально означает ‘белка’, так как белка у многих тюркских народов использовалась в качестве наименования денежной единицы. Все дело в том, что в древности пушнина часто использовалась людьми как валюта. Описывая товарно-денежные отношения древней Булгарии, В. М. Беркутов предполагает, что меновой единицей при торговле служили шкурки белок, куниц и т. д. [2: 35]. Учёный считает, что многие денежные единицы сохранили в себе следы меновой торговли и именно шкурки белок (*тиен*) были денежной единицей.

Таким образом, явление полисемии можно рассматривать как звено из этой цепи, или говорить о ее крайних полюсах. Иначе, любое однозначное слово с истечением определенного времени может стать многозначным и наоборот, также единство означаемого при полисемии базируется на наличии непрерывной деривационной связи, охватывающей последовательно все элементы семантической структуры многозначного слова. Стоит этой «...непрерывности нарушиться хотя бы в одном месте, стоит выпасть хотя бы одному звену, обеспечивающему эту непрерывность, как семантическое единство слова нарушается, и происходит «распад полисемии», превращение полисемантического слова в два не связанных между собой омонима» [4: 143].

ЛИТЕРАТУРА

1. Әхмәтъянов Р. Г. Татар теленең этимологик сүзлеге: Ике томда. – Казан: Мәгариф – Вақыт, 2015. – Т. 1. – 543 б.; Т. 2. – 567 б.
2. Беркутов В. М. Народный календарь и метрология булгаро-татар. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1987. – 95 с.
3. Булатова А. К. Полисемия в современном татарском литературном языке. – Казань: ИЯЛИ, 2018. – 108 с.
4. Виноградов В. В. Словообразование и его отношение к грамматическое и лексикологии (на материале русского и родственных языков) // Вопросы теории и истории языка. – М., 1952. – С. 99–152.
5. Татар лексикологиясе: 3 томда / авт.: М. З. Зәкиев, Г. Р. Галиуллина, Р. Ф. Фәттахова, Ә. К. Булатова / проект жит. М. З. Зәкиев; ред. Г. Р. Галиуллина. – Казан: ТӘҺСИ, 2015. – Т. 1. – 352 б.
6. Татар теленең анлатмалы сүзлеге. – Казан: Матбугат йорты нәшрияты, 2005. – 848 б.
7. Татар теленең анлатмалы сүзлеге: 6 томда. – Казан: ТӘҺСИ, 2015. – Т. 1. – 712 б.; Т. 2. – 2016. – 748 б.; Т. 3. – 2017. – 744 б.
8. Татар теленең анлатмалы сүзлеге: 3 томда. Т. 1 / төз.: И. А. Абдуллин, Г. Х. Ахунжанов, Ф. М. Газизова. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1977. – 475 б.; Т. 2 / төз.: И. А. Абдуллин, Г. Х. Ахунжанов, С. Б. Вахитова. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1979. – 726 б.; Т. 3 / төз.: И. А. Абдуллин, С. Б. Вахитова, Ф. М. Газизова. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1981. – 832 б.

УДК 811

«МАТУРЛЫК» ТӨШЕНЧӘСЕН БЕЛДЕРӘ ТОРГАН ЛЕКСИК БЕРӘМЛЕКЛӘРДӘ СИНОНИМИЯ КҮРЕНЕШЕ (XVII–XVIII гасыр язма истәлекләре мисалында)

М. З. Вәлиева

ТР ФА Г. Ибраһимов исемдәге Тел, әдәбият һәм сәнгать институты (Казан)

Данная статья посвящена исследованию языка тюрко-татарских письменных памятников XVII–XVIII вв. В статье анализируются синонимический ряд, соотноствующие понятие «Красота». На фактическом материале доказано, что в формировании тюрко-татарской синонимической парадигмы этой эпохи большую роль играли заимствования из

арабского и персидского языков. Изучение синонимической лексики данного периода имеет весомое значение как для татарского, так и для многих тюркских языков.

Ключевые слова: письменные памятники, лексика, синоним, понятие, лексическое значение.

This article is devoted to the study of the language of the Turkic-Tatar written monuments of the XVII–XVIII centuries. The article analyzes the synonymous series corresponding to the concept of «Beauty». Based on the actual material, it is proved that borrowings from Arabic and Persian played an important role in the formation of the Turkic-Tatar synonymic paradigm of this era. The study of synonymic vocabulary of this period is of significant importance both for Tatar and for many Turkic languages.

Key words: written monuments, vocabulary, synonym, concept, lexical meaning.

Матур әдбиятта кешенең тышкы матурлыгы, йөз күркәмлеген тасвирлау язучыларның игътибарыннан беркайчан да читтә калмый. Шул исәптән XVII–XVIII гасыр язма истәлекләрендә дә әдәби геройларның тышкы-кыяфәте, йөз матурлыгы игътибар үзәгендә булып, еш кына авторларның субъектив мөнәсәбәтен дә чагылдырып тасвирлана. Әмма шунысын да искәртәргә кирәк: биредә тышкы матурлык кына күздә тотылмый, ә кешенең күнел матурлыгына да бәя бирелә. XVII–XVIII гасыр язма чыганаclarында бу максаттан *күркәм*, *күрекле*, *гүзәл* кебек кебек төрки татар-сүзләре белән беррәттән байтак кына гарәп-фарсы алынмалары да кулланыла. Алар күпчелек очракта үзара абсолют синонимнар булып, зур гына синонимик оя тәшкил итәләр:

كورك – *күркәм*, *күрекле* ‘күрер күзгә чибәр, ягымлы’;

گوزل – *гүзәл* ‘бик матур, чибәр’;

حوب – *хуб* ‘гүзәл, яхшы, күркәм’;

زيبا – *зиба* ‘гүзәл, зифа, матур’;

سولۇ – *сылу* ‘зифа, матур сынлы’;

جمال – *жәмал* ‘матурлык, чибәрлек, йөз матурлыгы, гүзәллек, ягымлылык, ямьлек’;

حسن – *хөсен* ‘күркәмлек, матурлык’;

لطافت – *ләтафәт* ‘гүзәллек, матурлык, йомшаклык, ягымлылык’ һ.б.

1. Кыз баланың йөз-бит матурлыгын, гәүдә сылулыгын тасвирлый торган лексик синонимнар. «Матур, чибәр, күзгә матур булып күренә» төшенчәсе бу чорда, беренче чиратта, борынгы төрки-татар كورك – *күркәм*, كوركلى – *күрекле*, كوركى – *күрке* кебек лексик берәмлекләр белән житкерелә: *Хан тәкый моның күркен күреб, озын сачын күреб, таңга калды* [1: 77]. *Әмма күрке андаг ирде, кәлсә кыруг агачка йафрак бетәр иде, коры йиргә бакса үлән бетәр иде, сачин тараса, энҗе түгелер ирде, төкерсә алтын төкерер ирде* [1: 69].

Күрекле лексемасының болгар-татарларда хатын-кыз исеме буларак кулланылышын да искәртәргә кирәк. Бүгенге көндә шулай ук хатын-кыз исеме итеп кулланыла торган گوزل – *гүзәл* лексемасы да язма истәлектә чибәр кыз баланы атый: *Имде илә улса гүзәлне көймә берлән Төн диңгезенә салып йибәрәек, – тиде* [1: 70].

Йөз-гәүдә матурлыгын тасвирлау ягыннан *күрекле* сүзенә синоним буларак *сылу* лексик берәмлеген китерергә мөмкин: *Андаг сылу кешене ул заманда һич күрмеш йук ирде, Тәңре кодрәте берлән пәйда булмыш ирде* [1: 77].

Йөз-кыяфәтнең матурлыгын, гүзәллеген тасвирлау максатыннан, *күрекле* сүзенә синоним буларак еш кына фарсы алынмасы حوب – *хуб* ‘гүзәл, яхшы, күркәм’ кулланыла: *Шул кичәдә дәшәндә хәзрәте Газраилне күрдә, билә ки боның кеби һичбер хуб сурәтне дөньяда күрдәге юк ирде* [4: 16].

حوب – *хуб* һәм ‘гүзәл, зифа, матур’ мәгънәсендәгә زيبا – *зиба* лексик берәмлекләре санап кителәп, геройның йөз-гәүдә матурлыгы күрсәтелә: *Ярым тугры, хуп яр иде күңел туймаз* [3: 496]. Түбәндәгә мисалда йөз күркәмлеге генә түгел, ә гәүдә зифалыгы да ассызыклана: *Вә шаһзадә мөтәхәйяр вә мөтәгажҗәб булып, өйгә килде вә бер сәгат үтеб ирде, бер җәване зиба вә хуб сурәт ишектән кереб килде вә салам кылды вә падишаһзадә аның талгаты зибасын күреб хәйран вә сәрасимә улды* [2: 505]. Килеш-килбәтнең нәфислеген, йөз матурлыгын аңлату жәһәтеннән *зиба* лексик берәмлеге төрки-татар

сүзе *سلو* – *сылу* белән синоним булып тора: *Андаг сылу кешене ул заманда нич күрмеш йук ирде, Тәңре кодрәте берлән пәйда булмыш ирде* [1: 77].

Кыз баланың күркәмлеген, матурлыгын һәм йөз чибәрлеген тасвирлаганда, авторлар гарәп-фарсы алынмаларын еш файдалана. Мәсәлән, гарәп алынмасы *جمال* – *жәмал* үзгәндә ‘матурлык, чибәрлек, йөз матурлыгы, гүзәллек, ягымлылык, ямьелек’ кебек төшенчәләргә туплап бирә: *Вә чөн шаһзадә кызын күрдә, жәмалигә хәйран калып, углының госсасын онытты* [2: 508].

Язма чыганаclarда *жәмал* лексемасына синоним буларак, «күркәмлек, матурлык» төшенчәсенә ия гарәп алынмасы *حسن* – *хөсен* кулланылган. Бу лексик берәмлекләр «гүзәллек, матурлык, йомшаклык, ягымлылык» төшенчәсендәге гарәп алынмасы *لطافت* – *ләтафәт* белән бергә килеп, кызының йөз матурлыгын гына түгел, ә күңел матурлыгын да ача. Автор фикеренчә, күңеле изге-саф булган кешеләрнең йөз-кыяфәте дә матур була.: *Бу пәри кызының хөсен вә жәмалыннан, ләтафәтидин тәмам хатыннарнын вә кәнизәкләрен онытты, чөн бу нәүгы зибә юк ирде* [2: 507].

2. Ир-атның эчке һәм тышкы матурлыгы белән бәйлә лексик синонимнар. Түбәндәге жөмләдә *كورکلی* – *күрекле* дигәндә, баһадирларның тышкы кыяфәт һәм йөз матурлыгы гына түгел, көч-акыл, ныклык, гайрәт кебек сугышчы ир-атка хас башка уңай сыйфатлар да күздә тотыла: *Ул угланнар гайәт күрекле ирделәр* [1: 77]. *Әмма минем углым Чыңгызның төсә-нишаны улдыр кем, ак тунлы, күк атлыг, алтын йөзекле, йөзе гайәт күрекле, алтын садаклы, ир чырайлы Жәбраил дик сынлы торыр* [1: 75].

Хублыкка мисалә юк сүзтезмәсе күркәмлекне тагын да югарырак бәяли, дөньяда тиңе булмаган күркәмлек хақында бара. Биредә шулай ук тышкы матурлык кына түгел, ә эчке күркәм сыйфатлар да күздә тотыла: И пәри иблис вә и хур пәртәлбис, белгел вә агяһ булгыл: сәндин бер угыл вәжүткә килде, хублыкка мисалә юк ирде [2: 509].

3. Турыдан-туры холык-фигыльнең матурлыгы, нәселнең затлылыгы турында сөйләүче лексик синонимнар. Алдагы мисалда исә *күрекле* берәмлеге турыдан-туры кешенең күркәм холкы хақында сөйли: *Әй, Бүртә Күчин, син бу сыйфаты күрекле кеше, нә өчен мондый эш кыйлдың, бу угланнарны йәшердең, угры булдың – тиделәр* [1: 75].

Күрекле синонимының *كورکلی* – *күрекле нәселле* сүзтезмәсе составында килгән очракта мәгънә эчтәлегә тагын да киңәя. Биредә кешенең тышкы-эчке матурлыгы түгел, үзен яхшы яктан таныткан акыллы, затлы нәсел күзаллана: *Үзе бүре йагырынлы, ир чырайлы, күрекле нәселле* [1: 74].

Фактик материалдан күренгәнчә, *күркәм / күрекле, гүзәл, хуб, зибә, жәмал, хөсен, ләтафәт* кебек лексик берәмлекләр XVII–XVIII гасыр язма истәлекләрендә эсәр геройларының йөз чибәрлегенә генә түгел, ә эчке матурлыкка, күңел сафлыгы-яктылыгына, йомшаклык-ягымлылыкка ия булуын да тасвирлый. Зур синонимик оя тәшкит итә торган әлегә лексик берәмлекләр арасынан *күркәм, күрекле* синонимнарының кулланылу ешлыгы, даирәсе шактый киң булуы күренә. Бу берәмлекнең хатын-кыз чибәрлеген, ир-ат матурлыгын, холык-фигыльнең күркәмлеген, нәселнең затлылыгын тасвирлау һ.б. кебек күп төрле максатлардан кулланылуы ачыкланды. Йөзгәүдә матурлыгын күрсәтү аша күңел матурлыгын да ачарга теләгәндә, авторлар, *күркәм / күрекле* сүзеннән тыш, *гүзәл, хуб, жәмал, хөсен, ләтафәт* кебек синонимнарға мөрәжәгать итә.

Шул рәвешчә, XVII–XVIII гасыр язма истәлекләре синонимнарға бай булуы белән аерылып тора. Эсәрнең телен тәэсирлә, фикерләргә төгәл-үтемле, эчтәлекне мәгънәле итүдә синонимнарның роле зур. Биредә, алда искәртелгәнчә, төрки-татар сүзләре генә түгел, ә гарәп-фарсы алынмаларының да актив кулланылуы күренде.

ӘДӘБИЯТ

1. Дәфтәре Чыңгызнамә // Мирастан биш сәхифә: XVII–XIX гасырлар әдәби-тарихи ядкярләре. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2011. – Б. 38–96.
2. Мәжмүгә эл-хикәят // Борынгы татар әдәбияты. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1963. – Б. 503–522.
3. Мәүлә Колый шигырьләре / Борынгы татар әдәбияты. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1963. – Б. 487–503.
4. Мөслими Тәварихы Болгария / Басмага әзерләүче С. Гыйләжетдинов. – Казан: Иман, 1999. – 100 б.

**РАЗВИТИЕ ЗООЛОГИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ
В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ В 20-Е ГОДЫ XX ВЕКА
(на материале учебной и научно-популярной литературы)**

О. Н. Галимова

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ (Казань)

Л. Н. Федотова

МБОУ «СОШ №19» г. Набережные Челны

В статье выявляются особенности развития зоологической терминологии татарского языка в 20-е годы XX века. По мнению авторов, в рассматриваемый период зоологическая терминология вступает в качественно новый этап развития. Происходит бурный рост терминов (терминов классификации, интернациональных терминов и новообразований), формируются специфические терминообразующие модели.

Ключевые слова. зоологическая терминология, татарский язык, терминосистема, история терминологии.

The article reveals the features of the zoological terminology development of the Tatar language in the 1920s. According to the authors, during the period under review, zoological terminology is entering a qualitatively new stage of development. There is a rapid growth of terms (classification terms, international terms and neoplasms), specific term-forming models are formed.

Key words: zoological terminology, Tatar language, terminology system, history of terminology.

В истории татарской терминологии в развитии терминологии принято выделить следующие этапы: 1) 1880–1919 годы; 2) 1920–1930 годы; 3) 1931–1990 годы; 4) 90-е годы XX века; 5) XXI век [7: 181]. Наиболее интенсивный рост терминологии приходится на 20–30-е, 50-е, 70-е и 90-е годы XX столетия [6: 23]. 20-е годы характеризуются также переходом от стихийного роста терминов к организованному [8: 69–70], что связано с работой терминологической комиссии. Результатом плодотворной работы которой стало создание к 1928 году научных терминов по «физике, математике, ботанике, родному языку, управлению государством, общей биологии, анатомии-физиологии, общей биологии, правовым наукам, обществоведению истории и финансово-экономическим наукам, всего более 9000 терминов» [3: 22], зафиксированные в отраслевых словарях. Показателем развития терминологии является и нехудожественная литература, где специальные слова несут особую нагрузку, являясь «средством распространения содержания в тексте» [4: 204]. В рассматриваемый период были изданы книги разного характера, в том числе научная, сориентированная на программы школьных курсов, научно-популярная литература [9: 17].

В изучении развития зоологической терминологии 20-х годов XX века интерес представляет учебник зоологии С. Карима и Г. Ахмадеева, вышедший в 1925 году. Большая часть зоонимов, функционирующих в тексте не зафиксирована в терминологическом словаре «Авыл хужалыгы истилахлары» (1924), содержащем 2000 терминов [1]. В целях выявления названий животных в более полном объеме к анализу привлечена научно-популярная литература.

Авторы учебного издания отмечают отсутствие учебника зоологии на татарском языке, чем и объясняют широкий охват материала, ориентированный на учеников первой и второй ступени обучения, семилетней школы и обучающихся техникумов. Подача материала основывается на принципах изложения знаний в учебнике зоологии Огнева. При фиксации специализированной информации об анатомии животных авторы обращались к зоологии проф. М. А. Мензбира. Таким образом, мир животных предстает перед учащимися как единое целое, состоящее из групп, в которые живые организмы распределяются по определенным признакам, что, по мнению С. Карима и Г. Ахмадеева, является наиболее оптимальным способом изучения животных. Таксоны называются специальными терминами *төркем* 'группа', *фирка* 'отряд', *сыйныф* 'класс', *ыруг* 'род', *төр* 'вид', *токым* 'порода' [5: 2]. Некоторые отличия в названиях классификационных групп наблюдаются в научно-популярной книге Г. Файзи (1926): *төркем* 'отряд', *сый-*

ныф 'класс', *гаилэ* 'семейство', *ыруг* 'род', *төр* 'вид' [10: 10–11]. Колебания в выборе эквивалента русского *отряд* свидетельствуют о нефсормированности термина в данный период развития терминологии.

Подача материала по данной системе потребовала разработку терминов классификации. В учебнике каждый таксон имеет свое название. Например, *сөякле балыклар* 'костные рыбы', *аркылы авызлылар* 'поперечноротые', *түгәрәк авызлылар* 'круглоротые', *ачык куыклылар* 'открытопузырные', *сөйрәлүчеләр* 'пресмыкающиеся', *имчәклеләр* 'млекопитающие', *жәп тояклылар* 'непарнокопытные', *так тояклылар* 'парнокопытные', *ерткычлар* 'хищники' и др. Некоторые термины вводятся впервые. Заполняются лакуны в родовидовой иерархической системе: *кортчыллар* 'насекомые', *ялангач салкын тәнлеләр* 'гады', *ике тереклеклеләр* 'земноводные'. Однако классификационные единицы ещё не достаточны разработаны, и не представляют систему. Названия всех групп образуются с аффиксом множественного числа. Аффикс *-лар/-ләр* формирует обобщенные названия групп, но не отражает иерархию этих же групп. В качестве показателя той или иной ступени иерархической системы авторы используют вышерассмотренные термины *төркем* 'группа', *фирка* 'отряд', *сыйныф* 'класс', *ыруг* 'род', *төр* 'вид', *токым* 'порода'. При назывании групп животных, ныне рассматриваемых как надкласс, класс, отряд, по определенному анатомическому признаку активно применяется модель *основа + -лы/-ле + -лар/-ләр*: *ике капкачлылар* 'двустворчатые', *хортумчыклылар* 'членистохоботные', *челтәр канатлылар* 'сетчатокрылые', *мыекчыклылар* 'жгутиковые', *йөзгеч аяклылар* 'ластоногие' и др. В образовании названий классов и подклассов встречается модель *основа + сыманнар* 'образные' *гидрасыманнар* 'гидроиды' [2: 28], *үрмәкүчсыманнар* 'паукообразные'.

В качестве гиперонима первой ступени, несмотря на употребление слова *жанвар* 'животное, зверь' (*иң садә жанварлар* 'простейшие') утверждается термин *хайван* 'животное'. Он имеет более высокий словообразовательный потенциал (*сөякле хайваннар / сырт сөякле хайваннар* 'позвоночные животные', *сөякsez хайваннар* 'беспозвоночные', *иң садә хайваннар* [2: 8], *имчәкле хайваннар* 'млекопитающие' [10: 14]). Возможностью создания новых единиц характеризуются также родовые слова *балык* 'рыба', *кош* 'птица', *күбәләк* 'бабочка'. Они образуют термины классификации различных уровней: *сөякле балыклар* 'костные рыбы' (группа), *чәнчәкелә балыклар* 'колючекрылые рыбы' (отряд), *үрмәләүче кошлар* 'древолазы' (отряд), *чыпчыксыл кошлар* 'воробьиные' (семейство), *йөгерек кошлар* 'бескилевые (уст. бегающие птицы)' (клада), *байгыш күбәләкләр* 'совки' (семейство), *ефәк күбәләкләре* 'шелкопряды' и др. Стоит отметить, что авторы учебника зоологии отдают предпочтение кратким формам классификационных единиц. Сравнение текстов учебной и научно-популярной литературы выявляет функционирование в рассматриваемый период и полных форм отдельных терминов: *имчәклеләр – имчәкле хайваннар* 'млекопитающие' [10: 14].

Терминообразующий потенциал родовых компонентов реализуется также в названиях видов: *так күбәләк* 'непарный шелкопряд', *тасма күбәләк* 'ленточник', *алма күбәләге* 'плодожорка яблонная', *яшел коңгыз* 'бронзовка', *мөгезле коңгыз* 'жук-носорог', *каты коңгыз* 'жук-бомбардир', *су коңгызы* 'плавунец', *үләксә коңгызы* 'мертвоед', *кайры коңгызы* 'короед'. Родовой компонент обнаруживается также в названиях *тутый кош* 'попугай', *тәрәч балыгы* 'треска', *кит балыгы* 'кит', *тузбаиш елан* 'уж', *кабан дуңгызы* 'кабан'.

Обращает внимание употребление специфических суффиксов. Например, в системе инсектонимов наблюдается модель *основа + суффикс -ман/-мән* (*кисмән* 'дровосек', *тишмән* 'сверлильщик', *чутмән* 'короед-типограф'). В системе названий моллюсков имеются малакониимы, образованные по одной и той же модели: *әнжәдар* 'жемчужница', *сәдәндар* 'перловица' (ср.: диал. *талдар* 'болотная птица'). Зоонимы *әнжәдар* 'жемчужница', *сәдәндар* 'перловица' хотя и функционируют в учебных тестах 30-х годов, к сороковым выпадают из состава терминологии, их заменяют заимствования или сложные термины. Как известно, в терминообразовании большую роль играют «модели-образцы» [8: 194], характерные для той или иной области знания определенные средства словообразования. По данным анализа терминов 20-х годов, несмотря на активное употребление составных, сложных слов, авторы стремились отдавать предпочтение однословным негромоздким терминам.

Зоология – область знания с множеством объектов, что усложняет отбор эквивалентов иноязычным названиям живых организмов. Поэтому приходится калькировать и заимствовать термины из русского или европейских языков. Именно в 20-е годы XX века наблюдается первое существенное изменение направления терминологии с востока на запад [8: 100; 71]. В этот период в учебной, в научно-популярной литературе фиксируются заимствования из греческого (*акалеф*, *амёба*, *гидра*, *гриф*, *медуза*, *питон*, *цикада*), латинского (*бизон*, *буйвол*, *голотурия*, *трихина*, *инфузория*, *лемур*), французского (*шимпанзе* (> афр.), *зебу*), немецкого (*монс*), английского (*горилла*) языков и вошедшие через русский язык малайские слова *трепанг*, *орангутан*. К некоторым иноязычным терминам были предложены эквиваленты. Например, *Африка кыр аты* ‘зебра’, *Австралия керпесе* ‘ехидна’, *капкачлы бака* ‘ракушка’, *аш бакасы* ‘устрица’, *айры койрык* ‘уховёртка’, *сарай тараканы* ‘прусак’, *ябышкак бет* ‘площица, лобковая вошь’, *карлыгач койрык* ‘махаон’, *бүре сунары* ‘волкодав’, *су сунары* ‘нюфаундленд’, *шарлык* ‘шаровик’, *читән күбәләге* ‘совка-гамма’, *талгы* ‘водолюб’ (употребляется в диалектах), *Зәһрә толымы* ‘Венерино плетение’. Заимствования *бизон*, *зубр* объединяются под гиперонимом *кыр үгезе* ‘булк. дикий бык’ [10: 14]. Основная часть вышеприведенных терминов не закрепляется в терминологии, уже в 30-е годы происходит замена заимствованиями и новообразованиями.

Отметим также функционирование названий животных арабского и персидского происхождения, которые ещё не вытесняются европеизмами, русизмами и новыми словами: *кәркәдән* ‘носорог’, *тимсах* ‘крокодил’, *зәрафә* ‘жираф’, *раһибә* ‘монашка’, *сәмәндәр* ‘саламандра’.

В целом, 20-е годы XX века являются началом нового этапа в развитии зоологических терминов. В этот период становится наиболее актуальным выявление татарских эквивалентов русских зоонимов. Существенным является разработка терминов классификации. Наблюдается формирование специфических терминомоделей. Характерно преобладание интернациональных терминов над арабизмами и персизмами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авыл хужалыгы истилахлары. – Казань: Изд-во Татнаркомзема, 1924. – 72 с.
2. Вагнер Ю. Хайваннар турында башлангыч белем / Татарчалаштыручы: Н. Рәимов. – Казан: Татар. дәүләт нәшр., 1926. – 52 б.
3. Валеева Г. А. Академический центр Татарии: 1920-е гг. // Академический центр Наркомпроса ТАССР: документы и материалы. – Казань: ИЯЛИ, 2015. – С. 7–33.
4. Гринёв-Гриневиц С. В. Терминоведение. – М., 2008. – 304 с.
5. Кәрим С., Әхмәдеев Г. Зоология (Хайванат). 1–2 бүлекләр. – Казан: Татиздат, 1925. – 405 б.
6. Рамазанова Д. Б. Татар әдәби теленең бүгенге торышы һәм функциональ стильләрдә үсеш тенденцияләре // Проблемы совершенствования терминологии татарского языка. – Казань: ИЯЛИ, 2006. – С. 17–24.
7. Татар лексикологиясе: өч томда / ред. Г. Р. Галиуллина. – Казан: ТӘҺСИ, 2018. – Т. III. 2 кис. – 464 б.
8. Фасеев Ф. С. Татар телендә терминология нигезләре. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1969. – 200 б.
9. Фаттахова Г. А. Деятельность Академического центра Татнаркомпроса в 1920-е гг.: автореф дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 2000. – 22 с.
10. Фәйзи Г. Йорт хайваннарының килеп чыгышы һәм яңа токым хайваннар чыгару. – Казан: Татар. дәүләт нәшр., 1926. – 14 б.

УДК 811.512.145

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СМЫСЛОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ СЛОЖНЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ ЦЕЛЫХ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Л. М. Гиниятуллина, М. М. Шакурова

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ (Казань)

В статье рассматриваются компоненты особой структуры художественного текста – сложные синтаксические целые. При анализе сложных синтаксических целых, вычленившихся из художественных текстов, выявлены единицы языка, способы связи и отношения, устанавливаемые между ними.

Ключевые слова: сложное синтаксическое целое, текст, стиль, языковые средства.

The article examines the components of a special structure of a literary text – a difficult syntactic unit. In the analysis of a difficult syntactic unit isolated from literary texts, the units of language, the ways of communication and the relationships established between them are revealed.

Key words: a difficult syntactic unit, text, style, language tools.

Литературно-художественный стиль – функциональный стиль речи, который применяется в художественной литературе. Посредством различных средств он воздействует на читателя, передает мысли и чувства автора, используя богатство его лексики, возможности разных стилей. Художественному тексту характерна образность, эмоциональность речи.

В художественном произведении слово помимо его основной функции несет определенную информацию, служит и для эстетического воздействия на читателя при помощи художественных образов. Данную мысль подтверждают и слова татарского писателя Г. Баширова о том, что татарский литературный язык с его богатством словарного запаса, выразительными возможностями, богатством синтаксических средств может описать все, от тонких и глубоких психологических переживаний до сложных философских понятий.

При комплексном анализе художественного текста внимание акцентируется на выявлении языковых средств [3]. Для того, чтобы проанализировать текст целиком, следует разделить его на более мелкие части. Сложное синтаксическое целое (далее – ССЦ) является одним из элементов текста.

В ходе исследования был отобран фактический материал из текста рассказа Л. Ибрагимовой «Кәккүк баласы» («Кукушонок»). При анализе ССЦ, вычлененных из художественного текста обратили внимание на то, из каких единиц языка оно состоит, как эти единицы связаны между собой, какие отношения устанавливаются между ними, в чем проявляется их единство.

В структурном плане в ССЦ выделяются зачин, формулирующий его микротему; медиальная часть – развитие микротемы; концовка – итог микротемы ССЦ. Анализ ССЦ доказал то, что для связи частей ССЦ применяются языковые особенности на всех уровнях: фонетическом, морфемном, лексическом, морфологическом и синтаксическом.

Проанализируем ССЦ из вышеназванного рассказа.

(1) Бу юлы конференциягә соңга калып килде Мәрхәбә. (2) Темасы аның фәнни хезмәте белән аваздаш, үзен кызыксындырган сорауларга кагылышы булса да, әллә нигә анда һич барасы килми йөрде. (3) Аягым тартмый, дип уйлады ул. (4) Аннары ерак, чит жир. (5) Башта самолет белән очасы, аннан соң күпмедер вакыт автобуска утырып барасы икән. (6) Самолет белән генә очасы булса, берсүзсез риза да иде кебек. (7) Шуңа ул бер жыенды, бер сүрелде. (8) Әле юлга чыгар алдыннан да кич буена һаман төгәл генә бер фикергә килә алмый, инде юл сумкасына салынган әйберләре тирәсендә әйләнчек бәрән шикелле әйләнде дә тулганды, икеләнде, пошаланды.

(9) Коллегалары белән кат-кат шалтыратышып сөйләшкәннән соң, ул якларда булган юк бит әле, әйдә, күрәп кайттым, дигән бер уйга килеп, барырга ниятләде.

(10) Һәм икенче көнне улына SMS белән хәбәр генә жибәрде дә, жиңелчә сумкасын жылкәсенә асып, юлга чыгып китте.

(На этот раз Мархаба опоздал на конференцию. Несмотря на то, что тема перекликалась с ее научной работой, затрагивала интересующие ее вопросы, почему-то не хотела туда ехать. Ноги не шли. Потом далекая, чужая земля. Оказывается, сначала нужно лететь на самолете, потом некоторое время проехать на автобусе. Казалось бы, если бы она летала только самолетом, то безоговорочно согласилась бы. Поэтому она то хотела ехать, то нет. Весь вечер перед тем, как отправиться в путь, она все еще не могла прийти к единому мнению, кружилась и вертелась вокруг вещей, которые она положила в дорожную сумку, все сомневалась, беспокоилась.

После неоднократных звонков и разговоров с коллегами, она решила, что еще не бывала в этих краях, решила съездить, увидеть.

И на следующий день она отправила сыну лишь SMS-сообщение, повесив легкую сумочку через плечо, отправилась в путь.)

ССЦ состоит из 10 предложений. Смысловое ядро – *соңга калып килде Мәрхәбә* (Мархаба опоздала). Зачин – первые два предложения. Все последующие предложения друг за другом раскрывают причину опоздания женщины.

Медиальная часть состоит из двух компонентов. Связываются они относительным словом *шуңа* (поэтому). Во втором компоненте указывается причина микротемы, обозначенной в первом. Тем самым именно второй компонент становится стержневым, а первый выступает «подготовительным» компонентом ССЦ.

Концовкой ССЦ являются девятое и десятое предложения. Сказуемые *барасы килми йөрде* (не хотела ехать) в зачине и *барырга ниятләде* (решила поехать) в концовке в семантическом и структурном плане объединяют две эти части.

В результате анализа в данном ССЦ выявлены языковые особенности на лексическом, морфологическом, синтаксическом, фонетическом и морфемном уровнях.

На лексическом уровне выделены следующие языковые явления:

– синонимы *барасы килми* (не хочет ехать) – *аягым тартмый* (ноги не шли) связывают предложения ССЦ и избавляют от повторов.

– употребив в медиальной части контекстуальные синонимы *ерак, чит (жир)* (далекая, чужая (земля)), антонимы *башта – аннан соң* (сначала – потом), контекстуальные антонимы *очасы – утырып барасы* (лететь – ехать), *бер жыенды – бер сүрелде* (то хотела ехать, то нет), автор пытается оправдать опоздание героя, показывает неуверенность героя в своих действиях.

– лексема *жиңелчә* (легкая) использована автором в последнем предложении. Она указывает на то, что герой, когда принял для себя решение, почувствовала облегчение.

На морфологическом уровне акцентированы такие языковые особенности:

– указательное местоимение *бу* (это) в сочетании *бу юлы* (на этот раз) показывает, что такое опоздание происходит в первый раз.

– *һаман* (все еще) – указывает на продолжительность действий;

– в сочетании *риза да иде кебек* (вроде была и согласна) – послелог *кебек* (как) передает сомнения героя;

– *SMS белән хәбәр генә жиһбарде дә* (отправила лишь SMS сообщение) – также показывает эмоциональное состояние героя. Она решилась, и стало легко в душе.

На синтаксическом уровне выявлены следующие языковые особенности:

– однородные сказуемые *әйләнде дә тулганды* (кружилась и вертелась), *жиһбарде дә чыгып китте* (отправила и отправилась в путь), соединенные сочинительным союзом *дә* (и), расположенные в последних предложениях медиальной части и концовки, указывают на завершение определенной части ССЦ;

– союз *шуңа* (поэтому) – показатель причинного отношения между компонентами медиальной части ССЦ;

– союз *һәм* (и) указывает на сочинительную связь между двумя предложениями концовки.

На фонетическом уровне акцентированы следующие языковые особенности:

– использование подряд три слова с ж *жиһбарде* (отправила), *жиңелчә* (легкая), *жиһләсенә* (на плечо) также показывает то, что приняв для себя решение, герой сбросила гору с плеч, почувствовала какую-то легкость.

На морфемном уровне выделены такие языковые особенности:

– повтор слов с аффиксом *-асы* (*очасы, барасы, очасы* (лететь, ехать) показывают то, что герой в душе хочет поехать на конференцию, но не может решиться, так как *-асы* – показатель аналитической формы желательного наклонения глагола, хотя в данном тексте аффикс употреблен не в тандеме с вспомогательным глаголом *килә* (хочет).

Рассмотрим еще один пример из вышеупомянутого рассказа Л. Ибагимовой «Кәккүк баласы» («Кукушонок»).

(1) Бар идеме ялган алар гаиләсендә?

(2) Әтисенә үзен күкрәгенә кысып иркәләп, күзләре яшьләнгән күрсәтергә теләми йөзен яшергәндә, аның үзенә нәрсәндер әйтәп бетермәгәнлеген яисә ачылып сөйләргә базмаганлыгын тоя иде. (3) Бу аз сүзле, тыйнак, сабыр гаиләдә һәр кешенә үз сәре булып һәм аның белән алар бер вакытта да, бернинди сәбәпкә дә алданмый

күңел йозакларын ачып, хэтта якыннары белән дә бүлешергә, уртаклашырга теләмә-деләр. (4) Әгәр дә ки бәрәп чыга калса, ул сер күз карасы кебек саклаган өйнең тулылыгын, жылылыгын кырау суккан кебек кырып төшерер һәм барчасын бәхетсез итәр иде кебек.

(5) Белде ул серне Мәрхәбә.

(Была ли ложь в их семье?)

Когда отец ласкал ее, прижимая к груди, и скрывал лицо, не желая показывать слез, она чувствовала, что он ей что-то не договаривает или не решается рассказать. В этой немногословной, скромной, терпеливой семье у каждого человека была своя тайна, и с ней они не хотели делиться никогда, ни по какой-либо причине, даже с близкими. Казалось, если бы эта тайна раскрылась, то она бы, разрушила всю полноту, тепло дома, и сделала бы всех несчастными.

Мархаба узнала эту тайну.)

ССЦ состоит из 5 предложений.

Смысловое ядро ССЦ составляют контекстуальные синонимы *ялган* (ложь) и *сер* (тайна). Зачином выступает первое предложение.

Медиальная часть состоит из двух компонентов. В первом автор ищет ответ на вопрос, поставленный в зачине. Во втором делает вывод о том, что если такая ложь существует, то она никому из членов этой семьи добра не принесет.

Концовка ССЦ – пятое предложение. Здесь дается ответ на вопрос, сформулированный в зачине. Зачин и концовка выражены предложениями с инверсией.

Выделены следующие языковые особенности.

На лексическом уровне:

– трехкратное повторение местоимения *үз* (свой) в различных формах, помимо того, что связывает предложения ССЦ, на семантическом уровне еще и подчеркивает то, что в семье каждый человек жил своей жизнью, у них были свои секреты, свои заботы, с которыми они не делились. Данную микроидею раскрывают и синонимы *бүлешергә* – *уртаклашырга* (делиться), *теләмәү* – *базмау* (не хотеть – не решаться);

– фразеологизм *күңел йозагы* (замок души) подчеркивает то, что тайна у каждого была скрыта под семью замками; *күз карасы кебек саклаган (өй)* (дом, который берегли как зеницу ока) – подтверждает мысль о том, что в семье царил любовь и забота друг о друге.

На морфологическом уровне:

– прилагательные *аз сүзле, тыйнак, сабыр (гаилә)* немногословная, скромная, терпеливая (семья) располагает читателя к персонажам;

– личные местоимения *аның* (ее), *алар* (они) – связывают предложения;

– отрицательная форма глаголов в первом компоненте медиальной части в структурном плане создает единое целое.

На синтаксическом уровне:

– союз *әгәр дә ки* (если) – выступает средством связи между компонентами ССЦ, выражающим условное отношение.

– инверсия в предложениях зачина и концовки создает единое целое.

На фонетическом уровне:

– выражения *күз карасы кебек саклаган* (который оберегал как зеницу ока) – *кырау суккан кебек кырып төшерер кебек* (погубят как заморозки) с буквой *к* в каждом слове – усиливает условное отношение, которое переходит в противопоставление.

На морфемном уровне:

– однокоренные слова *кырау* (заморозки) – *кырып* (губить) усиливают трагизм ситуации.

Таким образом, обзор ССЦ из текстов художественной литературы, краткий анализ синтаксических отношений между их компонентами выявил множество языковых особенностей. При создании текста авторы используют весь арсенал имеющихся в языке средств. Структура и смысловое строение в ССЦ тесно взаимосвязаны. Несмотря на то, что были выявлены различные синтаксические отношения между компонентами ССЦ, они являются целостными грамматическими и семантическими единицами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Салахова Р. Р., Гиниятуллина Л. М. Глаголы звучания в татарском языке: словообразовательный и семантический аспекты. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 3–2 (69). – С. 147–149.
2. Шакурова М. М. Лингвистический анализ фольклорного текста (на материале сказок и баитов). // Филология и культура. – 2014. – № 4 (38). – С. 216–220.
3. Шәкүрова М. М., Гыйниятуллина Л. М. Әдәби эсәргә лингвистик анализ ясау (татар әдәбияты һәм фольклоры мисалында). – Казан, 2018. – 144 б.

УДК 811.512.11

ШАГЫЙРЬ МӨХӘММӘДЬЯР ИЖАТЫНДА СЭНГАТЬ АЛЫМЫ БУЛАРАК АНТОНИМНАР

Э. Х. Кадилова

ТР ФА Г. Ибраһимов исемдәге Тел, әдәбият һәм сәнгать институты (Казан)

Поэзия поэта периода Казанского ханства Мухаммедьяра полна поэтических приемов, которые можно описать на разных лингвистических уровнях. Основной целью данной статьи является выявление функциональной роли антонимов в поэмах «Тухфай мардан» и «Нуры содур». Анализ художественных текстов поэта показал, что для индивидуально-художественного стиля поэта характерно широкое и разнообразное использование антонимов как лексического средства реализации контраста, и что структура антонимов разнообразна.

Ключевые слова: Мухаммедьяр, поэзия, антонимы, стилистический прием, антитеза.

The poetry of the of the Kazan Khanate period poet Muhammadyar is full of poetic techniques that can be described at different linguistic levels. The main purpose of thy article is to identify the functional role of antonyms in poems «Tukhfai Mardan» and «Nury Sodur». Analysis of the literary texts showed that the poet's individual artistic style has been characterized by a wide and varied use of antonyms as a lexical means of realizing contrast, and the structure of antonyms has been diverse.

Key words: Muhammadyar, poetry, antonyms, stylistic device, antithesis.

Лингвистик тикшеренүләрнең аерым бер өлеше язучылар ижатындагы сурәтләр чараларын өйрәнүгә багышлана. Матур әдәбият телендә сәнгати-тәэсирле чаралар мөһим роль уйный, эчтәлегендә үк капма-каршылык булган стилистик алымнар алар арасында үзенчәлекле урын алып тора. Каршылыкны бирүдә язучылар антонимнарга мөрәжәгать итә. Алар сөйләмдә тәэсир чарасы буларак кулланыла. Антонимнар ижатчыларга предметларның, жан ияләренен, процессларның, күренешләрнең сыйфат-билгеләрендәге, хәрәкәтләрнең каршылыкны тасвирлаганда, озынлыкларын, күләмнәрен, урнашу рәвешләрен чагыштырганда, төрле аралыктагы вакыт төшенчәсен белдергәндә һәм башка очракларда ярдәмгә килә [5: 218]. Мөхәммәдьяр телен өйрәнүдә әлеге проблема аерым урын алып тора. Шагыйрьнең ижаты шигъри алымнар белән тулы. Ул сурәтләр чараларының бөтен спектрны гаять нәзакәтле, төгәл итеп файдалана. Контрастлык алымы нигезендә төзелгән стилистик фигуралар алар эчендә мөһим урыннарның берсен тәшкил итә. Антонимнарны файдаланып, Мөхәммәдьяр үзенә фикерләрен һәм хисләрен тирәнтен аңлатып бирә алган.

Мөхәммәдьяр һәр ике поэмасында капма-каршы мәгънәдәге сүз, гыйбарәләрне янәшә куеп фикеренә үтемләгән арттыруга ирешә. Мөхәммәдьяр поэмаларының эчтәлегенә килсәк, мәсәлән, автор «Төхфәи мәрдан» поэмасында яхшылык – яманлыкны каршы куеп, әхлак мәсьәләләре күтәрә, гуманизм идеяләрен яклап чыга. «Нуры содур» поэмасында, Аллаһны, аның илчесен – пәйгамбәрне, аның көрәштәшләрен мактау сүзләреннән соң, авторның үзе турында кыскача мәгълүмат китерелә. Алга таба шагыйрь эсәрнең структурасын һәм кыскача эчтәлеген баян итүгә керешә. Һәр бүлек ике өлештән тора, ягъни Мөхәммәдьяр башта сабырлыкка, дәрәслеккә, түземлеккә чакыра, аннан соң, үз фикерен раслап, хикәя китерә. Алтынчы – сабырлык бабында да шулай. Автор сабыр-

лыкның кирәклеген *әүвәле – соңы, сөчүк – ачиг, көчай – асан* антонимнары аша образлы итеп ачуга ирешә:

Сабыр кылмак ирүр *әүвәле ачиг*
Һич нәмә йук дөһйәда андин катиг.
Соңы балдин *сөчүк* ирүр, и жәуан,
Сабыр берлә *көчай* эш булур *асан* (Н.с.: 53) [3: 198].

Бер шигырьдә берничә антоним пар куллану шагыйрь эсәрләренә кыйммәтен тагын да арттыра. Бу фикерләр татар халкында соңрак «Сабырлык ачы, жимеше татлы», «Ахыры балдан татлы» кебек канатлы гыйбарәләргә әйләнә.

Дөһйә яратылганнан бирле, хезмәт һәм ялкаулык, бәхет һәм бәхетсезлек, яктылык һәм караңгылык, яхшылык һәм яманлык, мөхәббәт һәм нәфрәт, кара һәм ак һәрвакыт янәшә яшәгән. Бу – дөһйәның язылмаган законы. Мөхәммәдьяр эсәрләрендә дә бу төшенчәләр төрле урыннарда антонимнар төзиләр: *Кем кулундин килгәнчә кыл йахшылык, Сәңа бер көн тәкый килгәй йахшылык* (Т.м.: 55) [3: 66]; Богдайдур тиб илгә сатмагыл саман, *Йаманлыкка – йаманлык килүр һаман. Йахшылык кыл, йахшылыкда – бар мазә*, Кем йаманлык кылса, – ул табгай *жәзә*. Йаманлык кылгучыга кылма *йаман, Йахшылык кыл аңа, әгәр булсаң, һәр заман* (Т.м.: 55) [3: 66]. Кеше сәндин күңүл өзсә, сән өзмәгел, *Йахшылыкны салыб, йаманлык, төзмәгел* (Т.м.: 59 б) [3: 78].

Антонимнар мәгънәләре ягыннан вакыт, билге, урын, күләм, табигать күренешләренә бәйлә булган контраст төшенчәләренә белдерәләр [4: 171]. Мөхәммәдьяр поэмаларында да шундый очракларга мисаллар урын ала. Мәсәлән: предметларның, процессларның, күренешләренә сыйфатларын, билгеләрен тасвирлый торган антонимнар: Бер хикайәт кылайым, галәм ханы, *Йалган* ирмәс, *күни*, тынлаңыз аны. Гакыйль ир бакмас (ул) тыш *сурәтенә*, Бакар аңлар ирнең (уш) *сурәтенә* (Т.м.: 456) [3: 47]. Күни сүзә 'дөрес' мәгънәсендә төрки язма истәлекләрдә очрый [2: 96].

Вакыт һәм пространство мөнәсәбәтләрен бирүдә сәнгәт эсәрләрендә антонимнар мөһим урын алып тора. Бу төр антонимнар Мөхәммәдьяр эсәрләрендә дә актив кулланылалар. «Нуры содур» поэмасында ике урында парлы сүз буларак *иртә-кичә* сүзләре вакыт төшенчәсен белдереп килсә, бер урында аның гарәп+фарсы алынмаларыннан төзелгән *собых* (собых – иртә [1: 509] вә *шам* (шам – кич [1: 699]) варианты бирелә: Күңүңез теләкләрен бирсүн Иляһ, *Иртә-кәчә* сезгә Хак булсун пәнаһ (Н.с.: 65) [3: 222]; *Иртә-кәчә* кылыб ул Хакка нияз, Таңга тигрү кылур ирди күб намаз (Н.с.: 636) [3: 219]; Дәүләтене кыл жәһанда мөстәдам, Гыйззәтене кыл зийадә *собых вә шам* (Н.с.: 626.) [3: 217]. Соңгы мисалны рифма таләбе белән файдаланылган очрак буларак карарга мөмкиндер. Вакыт мөнәсәбәтен бирүдә *төне-көне* мисалы да очрый: *Төне-көне* айгай кәмуғлар сәна (Н.с.: 656) [3: 223].

Бу төргә *кыш – йәй* (йаз) пары да керә: Ул жәзирә уртасында бер сарай, Кем йыракдин нуры балкыр *кыш вә йәй* (Н.с.: 51) [3: 194]; Кичә-көндүз даимән рушән ирүр, *Йаз вә кыш* галәм камуг гөлшән ирүр (Н.с.: 546) [3: 201]; Күб гәмәл кылмак берлә һәрбер кеше Жәһд кылса дөһйәда *йаз вә кышы* (Н.с.: 63) [3: 218]. *Йаз* лексемасы борыңгы төрки, урта төрки телдә, шулай ук иске татар телендә дә 'жәй' мәгънәсендә килә.

Антонимнарның төп стилистик функциясе – антitezаны белдерүдә лексик чара буларак куллану. Антитеза, стилистик алым буларак, бөтен чор поэзиядә дә киң таралган. «Төхфәи мәрдан» поэмасының шаһ һарун турындагы хикәяттә шагыйрь антitezаны ике геройның каршылыгын күрсәтү өчен оста файдалана. Ул Хушнавенәң характерлы сыйфатларын башка вәзирләренә сыйфатлары белән каршы куя: *Мән ирүрмән Хушхун, ариг, мөттәкый, Сән ирүрсән бәдбәхет, мәлгун, шәкый. Мәнем мәкьсудым – ошбу шаһ догасы, Сәнең мәкьсудың – нәфесең годдасы*. (Т.м.: 48а) [3: 49]. Контрастлык алымы авторга геройның рухи дөһйәсын һәм матурлыгын тулырак ачарга мөмкинлек бирә һәм эстетик бәя бирү чарасына әйләнә.

Поэмаларда төп антонимнар белән беррәттән, контекст антонимнары да урын ала. Мәсәлән, Тотса ирди телене сахрада *каз*, Тотмаз ирди ул дәм ичрә аны *баз* (Н.с.: 58) [3: 209].

Мөхәммәдьяр поэмаларында барлык сүз төркемнәренә дә диярлек караган антонимнар очрый. Мәсәлән,

антоним исемнәр: *пир – жэван, ата – ана* һ.б.: Кем укур булса аны *пир* вә *жэван*, Теләгем улдур үзендин ул заман (Н.с.: 656) [3: 176]; Әйде: «И ахмаклар сез, орушмаң, Бер данке өчен *ата-ана* сүгүшмәң» (Т.м. : 626) [3: 85]; *яхшылык – яманлык*: Кеше сәндин күңүл өзсә, сән өзмәгел, *Йахшылык*кны салыб, *йаманлык* төзмәгел (Т.м.: 60) [3: 78];

антоним сыйфатлар: *кечек-олуг, күни-игри* һ.б.: Фәрман булгай *кечек берлә олугга*: Тәмулгукны салыңлар диб тәмулга (Т.м.: 506) [3: 55]; Тел күни булса күнүлүр әл, азак, *Күни* булур барчасы бу күз, колак, *Игри* булса тел, – камугы игелүр, Ул сәбәбдин абруйы түгелүр (Н.с.: 57) [3: 206];

антоним фигыльләр: *бир – ал, котулды – тотулды* һ.б.: Дөнья *биреб* ахирәтне *алды* ул (Н.с.: 566) [3: 205]; Һәр ки тотты телени, *котулды* ул, Телени тотмаган уш *тотулды* ул» (Н.с.: 58) [3: 209];

антоним рәвешләр: *кичә – көндүз, йахшы – йаман* һ.б.: Бу сарай биеклегә нә тәжмигъ иде, *Кичә-көндүз* йакканы һәм шәмгъ иде (Т.м.: 53а) [3: 61]; *Йахши-йаман* кемләр, имеш, аңлайу, Йөрүр ирди үзе эүләр тыңлайу (Т.м.: 52а) [3: 59]; антоним алмашлыклар: мән – сән һ.б.: *Мән* ирүрмән Хушхун, ариг, мөттәкый, *Сән* ирүрсән бәдбәхет, мәлгун, шәкый. *Мәнем* максудым – ошбу шаһ догасы, *Сәнең* максудың – нәфесең годдасы. (Т.м.: 52а) [3: 59];

антоним саннар: *бер – ун, ун – мең*; Берне кылсаң, береңә ун алгайсән, Унны бирсәң, уныга йөз алгайсән (Т.м.: 50а) [3: 54] һ.б. Мөхәммәдьяр ижатында очраган антонимнар арасында исем, сыйфат һәм рәвеш сүз төркеменә караган сүзләренә аеруча күп булуы күзгә ташлана.

Янәшә килгән антонимнар арасында икесе дә төрки-татар, яки гарәп-фарсы алынмасы, яки берсе – төрки-татар, икенчесе – гарәп, фарсы сүзе булган парлар очрый: Гафләт илә тәңрене табмас кеше, Булса гафләт кәрәк *иркәк* йә *теше* (Т.м.: 58а) [3: 73]. *Иркәк* йә *теше* – икесе дә төрки-татар сүзләре очрагына мисал булса, гарәп һәм фарсы алынмаларыннан төзелгән антонимнар алдагы шигырь юлларында урын ала: *И хаб* илә *бидарны* сән белмәгән, *Төшүмдүр* йә *худ хайал* тиб алданган (Т.м.: 58а) [3: 73].

Мисаллардан күренгәнчә, антонимнар *берлә, илә* бәйләкләре, *вә, йә* теркәгечләре белән килә.

Мөхәммәдьяр әсәрләрендә антоним сүзләрдән төзелгән парлы сүзләр дә шактый еш очрый. Поэмалардан тупланган материаллар күрсәткәнчә, бу төр парлы сүзләр арасында ешлык буенча исем-антонимнардан ясалганнары күпчелекне тәшкил итә: Мәхәллә этләредүр тиндәшләрен, Борунги *ата-анадин* кулдашларың (Т.м.: 496) [3: 52]; Ирди һәм тин, Һәмдәм Искәндәри, *Мәширикь-мәгърибне* тотмыш ләшкәри (Т.м.: 52а) [3: 58]; Дин вә дөнья *йер-күкнең* мөфәххәри, Өнсә жан вә женнең пәйгамбәри (Н.с.: 556) [3: 203].

Шулай итеп, шагыйрь ижатында төрле төрдәге антонимнар кулланылуы турында нәтижә ясарга мөмкин. Мөхәммәдьяр антонимнарны капма-каршылыкны бирү өчен, лексик чара буларак киң файдалана. Поэмаларда тел антонимнарын еш очрый. Алар арасында иң продуктивлары – исем антонимнар, сыйфат антонимнар һәм рәвеш антонимнар. Тикшеренү предметы булган капма-каршы мәгънәле сүзләр арасында төрле тамырдан булган антонимнар – күбрәк, ә бер-берсе белән кушымчалар ярдәмдә генә капма-каршы мәгънә төзегәннәре азрак кулланыла.

ӨДӘБИЯТ

1. Гарәпчә-татарча-русча алынмалар сүзлегә / К. З. Хәмзин, М. И. Мәхмүтов, Г. Ш. Сәйфуллин. – Казан: Иман., 2018. – 792 б.
2. Кадирова Э. Х. Поэмы Мухаммедьяра «Тухфа-и Мардан» и «Нур-и Содур»: лексика. – Казань: Фикер, 2001. 230 с.
3. Мөхәммәдьяр Нуры содур. Поэмалар, шигырь. – Казан: Тат. кит нәшр., 1997. – 336 б.
4. Татар лексикологиясе. – Т. 1. Казан: ТӘҺСИ, 2015. – 351 б.
5. Харрасова Р. Ф. Әдәби редакцияләү нигезләре: студентлар һәм аспирантлар өчен уку әсбабы. – Казан: ТӘҺСИ, 2018. – 316 б.

ТЮРКСКАЯ ЛЕКСИКА, ИМЕЮЩАЯ ОБЩЕЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ (на примере названий животных)

А. К. Курманова, А. Ж. Раева, Д. Ж. Оспанова

*Евразийский национальный университет имени Л. Н. Гумилева
(Нур-Султан, Казахстан)*

В данной статье рассмотрена общая тюркская зоонимическая лексика. В качестве объекта исследования выступают зоонимы, являющиеся древним лексическим слоем тюркских языков. Анализ производится на основании этимологических словарей. Были рассмотрены мнения ученых об этимологии нескольких зоолексем – названий животных. Сравнение тюркских зоонимов позволяет показать «древность» слов, их общий характер в родственных языках, выявить отдельные одноязыковые особенности. Диахронный анализ зоолексем позволяет определить общетюркские, межтюркские или отдельные языковые характеристики зоонимов в тюркских языках.

Ключевые слова: тюркология, тюркские языки, лексикология, этимология, зооним, история языка.

This article discusses the general Turkic zoonymic vocabulary. The object of research is zoonyms, which are the ancient lexical layer of the Turkic languages. The analysis is carried out on the basis of etymological dictionaries. The opinions of scientists about the etymology of several zoolexemes, the names of animals, were considered. Comparison of Turkic zoonyms allows us to show the «antiquity» of words, their general character in related languages, and to identify individual monolingual features. Diachronic analysis of zoolexemes makes it possible to determine common Turkic, inter-Turkic or individual language characteristics of zoonyms in Turkic languages.

Key words: turkology, Turkic languages, lexicology, etymology, zoonym, history of language

Введение

Тюркология разворачивается к изучению универсального характера лексики в мировом пространстве. Тюркология является одной из крупнейших отраслей востоковедения, которая комплексно изучает язык и культуру, этнографию и историю, фольклор тюркоязычных народов.

Академик А. Кайдар говорил: «Тюркология – наука о земле». Тюркология появилась около трех веков назад, развивалась как отдельная ветвь востоковедения. Цель этой науки – изучение языка, устного народного творчества, этнографии и этнологии около 30 тюркских народов, насчитывающих более 130 миллионов человек в мире. Всестороннее познание этих народов является особым направлением «процветающих, жизнеспособных наук, вносящих огромный вклад в духовность человечества». Эти слова обосновывают научные задачи этой отдельной области знания языков и культур [12: 304].

Главным механизмом объединения тюркских народов в единое целое является изучение особенностей формирования закономерностей присущих каждому языку, выявление преемственности между современными тюркскими языками, возникшими на одной основе, то есть общетюркского общего языка, всегда будет актуальным в тюркологической сфере. При изучении лексического фонда тюркских языков большая задача возлагается на сферу лексикологии тюркологии, в том числе на такие сферы, как сравнительно-историческая лексикология, сравнительно-синхронная лексикология, терминология, лексикография и ономастика. На сегодняшний день теоретическая методологическая база, необходимая для данных исследований, полностью сформирована. Так как казахское языкознание, узбекское языкознание, татарское языкознание, турецкое языкознание, кыргызское языкознание и т.д. могут показать полное становление и развитие языковедческой научной основы каждого тюркского языка. При объединении концептуальных научных мнений об отдельных и общих проблемах лексикологии, развивающихся как фундаментальной отрасли языкознания каждого тюркского языка, создается общая научная концепция, касающаяся лексического состава тюркских языков, и четко определяется соотношение общностей и различий на современном уровне развития тюркских языков. Это, в свою очередь, ведет к полноценным сравнительно-историческим и

сравнительно-описательным исследованиям между двумя, тремя или более тюркскими языками, либо между языковыми группами и языковыми подгруппами. Одним из актуальных моментов тюркоязычного исследования является изучение лексического состава родственных языков в сопоставлении между собой.

Общетюркский слой, состоящий из общей для тюркских языков лексики, составляет ядро лексического фонда современных тюркских языков. Несомненно, что общетюркская лексика претерпевает смысло-содержательные изменения, связанные с самостоятельным развитием каждого языка, расширением и сужением функциональных сфер употребления. Однако первоначальное значение, послужившее основой для их семантического развития, не дает ни явного, ни расплывчатого выражения по лексике. Чему свидетельствует слова ученого К. М. Мусаева: «Когда говорят, что язык представляет собой кладовую истории народа – его носителя, прежде всего имеется в виду его лексика, которая непосредственно реагирует на все изменения в жизни народа» [4: 354].

Изучение зоонимов крайне необходимо для развития истории языка в целом, а также для развития отдельных классов и лексических моделей языка. Поскольку познание самого человечества и познание окружающей среды является сопутствующим явлением, то именные слова образуют древние слои тюркской лексики. По мнению профессора М. К. Ескеевой «всестороннее изучение глубинных слоев тюркской лексики, наряду с возможностью определения путей развития всех уровневых отраслей современных тюркских языков (фонетика, морфология, лексика, синтаксис), способствует выявлению фаунистической базы знаний тюркских народов, выявлению индивидуальности их этноязыка», следовательно, глубокое изучение зоонимов в тюркских языках как в структурном, так и в антропоцентричном отношении является актуальным [2: 47].

Методология исследования

Выводы, относящиеся к лексике тюркских языков основывались на изучении историко-сравнительных этимологических словарей М. Кашгари, А. Вамбери, Дж. Клоусона, В. В. Радлова, Л. Будагова, Э. К. Пекарского, Э. В. Севортяна, Э. Наджипа, Э. Құрышжанова; двуязычных переводческих словарей Н. Т. Сауранбаева, Г. Мусабоева, К. К. Юдахина, Б. Базылхана и др. Исследования ученых Б. М. Юнусалиева, К. Мусаева, А. Т. Кайдара, Е. Кажыбека и др., исследовавших лексику тюркских языков в историко-сравнительном аспекте на примере однокоренных слов, позволили решить ряд теоретических и практических проблем и задач сравнительно-исторического, этимологического изучения тюркских языков.

Обсуждение

Лексика – наиболее подвижная часть языка, быстро развивающаяся и меняющаяся под влиянием общества, но общетюркский слой словофонда казахского, киргизского, башкирского, татарского, кумыкского, Ногайского, азербайджанского, туркменского языков не претерпевает изменений, составляя ядро словаря. Общетюркский лексический слой служит своеобразным «мостом» между общеалтайским слоем тюркских языков и коренной самобытной лексикой каждого тюркского языка, став основой для новых слов, возникающих в связи с изменениями, происходящими в различных сферах общества [6].

Одной из наиболее распространенных лексико-тематических групп в системе тюркских языков являются названия животных. Животный мир сыграл важную роль в познании окружающей среды тюркских народов. В связи с этим в тюркских языках названия животных являются древнейшим и наиболее распространенным слоем общей базовой лексики. Потому что названия этой тематической группы встречаются во всех тюркских языках. В языкознании животных и птиц обобщенно называют зоонимами. Следовательно, зооним (*zoo* гр. животное + *onim* имя) – отрасль науки об именах животных. В тюркских языках зоонимы отличаются от других лексическо-тематических групп гораздо большим количеством. Для того чтобы показать, что зоонимы, составляющие древнейший пласт тюркской лексики, состоят из общетюркской и общеалтайской общей лексики, мы решили составить таблицу зоонимов из 9 языков (Таблица 1) и проанализировать некоторые из них.

Таблица 1. Сравнительная таблица тюркских зоонимов

Қазақ	Татар	Башкурт	Кыргыз	Тюрк	Туркмен	Уйгур	Узбек	Тува
<i>aristan</i>	<i>arslan</i>	<i>arıçlan</i>	<i>artsan</i>	<i>arslan</i>	<i>arslan</i>	<i>arslan</i>	<i>arslân</i>	<i>arżılan</i> ;
<i>barıs</i>	<i>bars</i>	<i>bars</i>	<i>bars</i>	<i>pars</i>		<i>bars</i>		
<i>bota</i>	<i>buta</i>	<i>buta</i>	<i>bodo</i>		<i>pota</i>	<i>bota</i>	<i>būta</i>	<i>bodagan</i>
<i>böri</i>	<i>böri</i>	<i>böri</i>	<i>börü</i>	<i>kurt</i>	<i>bö:ri</i>	<i>böri</i>	<i>böri</i>	<i>börü</i>
<i>bulan</i>	<i>bolan</i>	<i>bolan</i>	<i>bulan</i>				<i>bulon</i>	<i>bulan</i>
<i>ögiz</i>	<i>ükiz</i>	<i>ükiz</i>	<i>ögüz</i>	<i>öküz</i>	<i>öküz</i>	<i>höküz</i> ;	<i>hekiz</i>	
<i>kaban</i>	<i>kaban</i>	<i>kaban</i>	<i>kaman</i>	<i>kapan</i>	<i>gaban</i>	<i>kawan</i>	<i>kâbân</i>	<i>hawan</i>
<i>kabylan</i>	<i>kaplan</i>	<i>kaplan</i>	<i>kabylan</i>	<i>kaplan</i>	<i>gaplan</i>	<i>kaplan</i>	<i>ka°pla°n</i>	
<i>karsak</i>	<i>karsak</i>	<i>karsak</i>			<i>garsak</i>			<i>Karsak</i>
<i>kaskır</i>	<i>kaçkır</i>		<i>karişkır</i>	<i>kurt</i>			<i>kaşkır</i>	
<i>kundız</i>	<i>kondız</i> ;	<i>kondođ</i>	<i>kunduz</i>	<i>kunduz</i>	<i>gunduz</i>	<i>kunduz</i>	<i>kunduz</i>	<i>kundus</i>
<i>laşın</i>	<i>laçın</i>	<i>ılasın</i>	<i>laşın</i>	<i>laçın</i>	<i>la:çın</i>	<i>laçın</i>		<i>laçın</i>
<i>tülki</i>	<i>tölkı</i>	<i>tölkö</i>	<i>tülkü</i>	<i>tilki</i>	<i>tilki</i>		<i>tulki</i> ;	<i>dilgi</i>

С помощью сравнительной таблицы тюркских зоонимов можно убедиться, что названия животных, сформированные в нашем языке, имеют один корень во всех тюркских языках. Тем не менее, согласно классификации тюркских языков мы видим различия в зависимости от языковых особенностей каждой группы. В нашей статье мы проанализируем языковую природу зоолексем *арыстан* и *кабылан* среди названных зоонимов. Этимологические словари имеют особое значение при определении путей формирования, развития и этимологических основ лексем, обозначающих названия зоонимов в тюркских языках. Поэтому мы руководствовались этимологическими словарями Дж. Клоусона «An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish», Древнетюркский словарь, Этимологический словарь тюркских языков, т. II, IV–VII, А. М. Щербак «Историческое развитие лексики тюркских языков», Е. Н. Шипова «Словарь тюркизмов в русском языке», Хасан Эрен «Türk Dilinin Etimolojik Sözlüğü», Тунжер Гюленсой «Köken Bilgisi Sözlüğü».

Передача зоолексемы *Арыстан* в этимологических словарях: *arslan* (EDPT, 238); *arslan* (ДТС, 55); *арслан* (ЭСТЯ, 177); *арслан* (Щербак, 137); *aslan* (TDES, 20–21); *aslan~arslan* (KBS, 79). Названная зоолексема встречается на языке древнетюркских и средневековых памятников. Например, «Словарь тюркских языков» М. Кашгари в форме *арслан* (*арслан көкрәсә ат азақы таушалыр, когда рычит лев, у лошади заплетаются ноги*) (МК II, 146), *арслан* [ДТС, 55], *arslan* [3: 238], на уйгурском языке письменных памятников – *арслан* (Насилов, 1974, 56), в словаре «Codex Cumanicus» *astlan* [аслан/арслан] (Махмутова, 1982, 83), на языке памятников XIII века – *аслан* (Курьшжанов, 1970, 87).

Согласно современным тюркским языкам: турецкий, туркменский, кумыкский, татарский, алтайский, уйгурский: *arslan*; турецкий, азербайджанский: *aslan*; башкирский: *arıçlan* (чувашский: *arāslan*); казахский: *aristan*; киргизский: *artsan*; узбекский: *arslân*; сары-уйгурский: *arsılan*; тувинский: *arżılan*; чувашский: *uslam*. Монг. *арслан*, маньчж. *арслан*, венгр *oroszlan*. Следовательно, обратим внимание на то, что с точки зрения фонетического и семантического характера указанной зоолексемы особых изменений не наблюдается. В словаре Дж. Клоусона *arsla:n lion animal name. w.ending -la:n. An early l.-w. in Mong. as arslan/arsalan* [3: 238].

По мнению ученых Э. В. Севортяна (ЭСТЯ, 179), Р. Г. Ахметьянова (2001, 20) *арслан* (*арыслан*, *арыстан*) это тюркское слова. Э. В. Севортян в связи со структурой слова *аслан* высказывает следующее мнение: *арслан* – название носителя процесса, образованное с помощью аффикса *-лан* от *арс* – подражание рычанию диких зверей, лаю: «рас» в указанных значениях в каз., а также в кир. и ккал., что видно из *арсылда-* (< *арс* + *-ыл* + *-да*, где *-ыл* модификатор при подражательном корне, *-да* глаголообразующий аффикс при

подражательных основах) «рычать». Другие значения *арс* и *арсыл*: *арс арс ур*: «гавкать», «неистово лаять» кир., *арс ет* «гавкать, перен, «грубить» каз.; *арс-арс* подражание лаю собаки, *арсылда* «гавкать» каз., ккал. По своей внутренней форме и словообразовательной модели *арслан* параллельно *каплан* и *сыртлан*. Первый образован от глагола *кап* «хватать», «похищать», «утаскивать», «нападать» + аффикс *-лан* – *кап-лан* «барс», «леопард» и т.д. Второе слово образовалось от глагола *sirit* «скалить зубы», «хихикать», «ехидно смеяться», «осклабиться» (тур.) + аффикс *-лан* – *сырым-лан* > *сыртлан* «гиена» [7: 177–178].

По данным Г. Вамбери и Э. В. Севортяна в этимологическом словаре тюркских языков слово *арслан*: *aris* «сильный», *lan* «зверь». А. М. Щербак в слове *арыслан* выделяет прилагательное *ар* (*aap* «каштановый») в форме интенсификации *арсыл* и слово *ан*, передающее значение «зверь» [11: 137].

Об этимологии зоонима *арыстан* ученый Б. И. Татаринцев высказывался: «здесь можно говорить об образной основе *арс*, характеризующей что-то торчащее, острое, оскаленное, злобное». Что касается названия *арсылан арслан*, то его морфологическая структура могла быть и такой, как она представлена в ЭСТЯ, и несколько другой, более непосредственно связанной с основами типа *арсыл* (через стадию глагола *арс(ы)ла* «быть диким, злым»). Между тем он не отрицает, что происхождение названия льва может быть связано с подражательной основой [9: 138].

В этимологических словарях зоолексемы *кабылан*, *kaplan* (леопард): *kapla*: *n* (EDPT, 584); *кабилан* (Щербак, 125); *kaplan* (KBS, 457); *kaplan* TDES (21)

Согласно современным тюркским языкам: уйгурский, турецкий, караимский, балкарский, татарский, башкирский, ногайский: *kaplan*; казахский, киргизский: *kabylan*; каракалпакский *kablan*, азербайджанский: *gaplan*, туркменский: *gaplan*, узбекский: *kaplan*. Звуковые изменения: К (>g) AP (>b) [I]LAN (ɲ). В современных тюркских языках имеется слово *кабылан*, этимологическая основа которого до сих пор нуждается в изучении, в некоторых этимологических словарях турецкого языка языковой характер не определен. Этимологический анализ данного слова обусловлен сходством звука и формы слова *кабылан* со словами *arслан*, *aslan*, *sirtlan*, *yılan*. Хотя эти связи кажутся правильными в некоторых случаях, мы думаем, что недостаточно объяснить это сходство с точки зрения звука и формы.

В некоторых этимологических словарях *кабылан* (*kaplan*) анализируется следующим образом: В этимологическом словаре Дж. Клоусона говорится, что для *kaplan* и *leopard* нет определенной разницы, некоторые названия животных заканчиваются суффиксом *-lan*. Однако вместо этимологического анализа слова ученый ограничивается передачей его вида в исторических и турецких диалектах [3: 584].

Турецкий ученый Севан Нишанян в своей работе под названием «Хроника слов» (*Sözlerin Soyağacı*) проанализировал это слово следующим образом: «*kaplan*, bir tür yırtıcı hayvan. < *kap-•-lan* eki muhtemelen yırtıcı hayvan anlamındadır» («*каплан*, своего рода хищник»). Суффикс < *-kap-lan*, вероятно, означает хищник» [8: 214].

Ученые, которые рассмотрели этимологию слова, говорят, что слово *kap-lan* состоит из морфем, и что морфема *-lan* может быть хищным значимым словом. Следовательно, что касается структуры *-lan*, Веджихе Хатиоглу объясняет эту морфему и ее функцию следующим образом: суффикс «*-lan*» является морфемой, используемой в некоторых названиях животных «дикая, крупная хищная порода» Основа суффикса дракон-слово «*luŋ*» в китайском языке, *arслан* (*ars+lan*), *burslan* (*bars/burs/pars*, *burs+LAN*) *kaplan* (*kap+lan*), *sirtlan* (*sirt+lan*), *yılan* (*y-I-lan*, *ilan*, *ilan*) [14: 95–96].

Ученый Б. Сагындыков: *кабылан* может возникать в связи со значением «*қан/қау қауып алатын аң*», древнетюркское слово *qap* «кап» (ДТС, 420) «или қау, қауғадай». В морфеме *-ыл* прилагательное значение, морфема *-ан*, – форманты, выражающие предметное значение [6: 209].

Хотя происхождение и структура слова *kaplan* не полностью отражены в этимологических словарях, мнение ученого А. М. Щербака имеет высокую научную ценность: «велика вероятность появления слова *kaplan/gaplant* с добавлением *-an* к типу *kapli* (*kapil*). Однако исследования, проведенные для определения значения слова *kapli*, оказались безрезультатными. Его старая форма может быть *kapıǵlı*» [11: 138]. Исходя из этой информации, общая для тюркских языков этимология слова *kaplan* выглядит следующим образом: *kap - (I) gli + aŋ*.

В казахском языке есть слово *kabilan*. Это слово также используется в мамлюкском кипчакском языке. Произношение звука «р» между двумя гласными является нормальным звуковым изменением для турецкого языка.

Фонема «п» в конце слова встречается в туркменском языке. «Хотя причина нестабильного изменения согласного «ng» (п) в турецком языке на согласный -п неясна, само такое изменение неизбежно [11: 138].

Заключение

Основываясь на этих данных выводах, можно также пересмотреть происхождение структуры *-lan*. Чтобы добраться до истоков структуры, достаточно знать значение слова *ап*. Слова, содержащие эту структуру, состоят из следующих форм: *kaplan < kapl+ап*; *sirtlan < sirt+lig+ап*; *arslan < arsil+ ап*

Создание зоонимов в тюркских языках по определенной модели, т. е. основанное на общей модели морфологического строения, свидетельствует о возможности наличия определенной словообразовательной системы в формировании названий животных [2: 48]. Так, в казахском языке из состава зоонимов можно выделить суффикс *-ан* (*-ен*, *-ін*, *-н*): *арыстан*, *қабылан*, *құлан*, *аққұтан*, *бұлан*, *сілеусін* и др. В тюркском языкознании известны подходы, связывающие суффикс *-ан* с самостоятельной значимой охотничьей лексемой. В то же время, из слов *сауысқан*, *тышқан* (*-кен*, *-ген*, *-қан*); по отношению к насекомым от слов *шегіртке*, *құмырсқа*, *бүрге* отделяются суффиксы *-ка* (*-ке*, *-ке*). Многообразие структуры зоонимов в тюркских языках также свидетельствует об их сложной природе. В составе тюркских зоонимов могут быть слова характерные только для тюркского. Таким образом, имена животных имеют свое место и удельный вес в словарном запасе тюркских языков. Создание зоонимов в тюркских языках осуществляется на основе определенных языковых закономерностей. Мы понимаем, что эти закономерности определяются путем научного историко-сравнительного изучения этих названий и определения их происхождения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахметьянов Р. Г. Краткий историко-этимологический словарь татарского языка. –Казань: Татар. кн. изд-во, 2001. – 272 с.
2. Ескеева М. Қ., Кусаинова А. Б. Түркі тілдеріндегі зоонимдерді зерттеу мәселелері // ҚазҰУ Хабаршысы, Филология сериясы. 5 (163). – 2016. – Б. 46–51.
3. Klouson G. An Etimological Dictionary of pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford, 1972.
4. Мусаев К. Лексикология тюркских языков. – Москва, 1984. –232 с.
5. Сағидолла Г. Қазіргі түркі тілдерінің жазба тілдерінің сөздік құрамы: стратиграфиялық қабаттардағы ұқсастықтар мен өзіндік ерекшеліктер (қазақ, қырғыз, башқұрт, құмық, ноғай, татар және әзірбайжан, гагауз, түрікмен тілдері материалдары негізінде). – URL: // <https://ulagat.com/2020/07/11/қазіргі-түркі-тілдерінің-жазба-тілде/>
6. Сағындықұлы Б. Қазақ тілі лексикасы дамуының этимологиялық негіздері / С. Торайғыров ат. ПМУ. – Павлодар, 2010. – 262 б.
7. Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков / Институт языкознания. – Москва, 1974. – 754 с.
8. Sevan N. Sözlerin Soyağacı, 2. Basım. – İstanbul: Adam Yayınları. 2003. – 987 p.
9. Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. – Новосибирск: Наука, 2000. – 341 с. (Т. I: А–Б)
10. Tuncer G. Türkiye Türkçesindeki Türkçe Sözcüklerin Köken Bilgisi Sözlüğü, 1.cilt. – Ankara: TDK Yayınları, 2007. – 602 p.
11. Щербак А. М. Историческое развитие лексики тюркских языков. – М. Изд-во Академии наук СССР, 1961. – 172 с.
12. Қайдар Ә. Қазақ тілінің өзекті мәселелері. – Алматы, 1998. –304 б.
13. Hasan E Türk Dilinin Etimolojik Sözlüğü. – Ankara: Bizim Büro Basımevi, 1999. – 512 p.
14. Hatiboğlu V. Türkçenin Ekleri. – Ankara: TDK Yayınları, 1981.

СОКРАЩЕННЫЕ НАЗВАНИЯ СЛОВАРЕЙ

- EDPT – An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish (Дж. Клоусон).
ДТС – Древнетюркский словарь.
ЭСТЯ – Этимологический словарь тюркских языков (Э. В. Севортян).
ЭСТЯ, 1997 – Этимологический словарь тюркских языков (Л. С. Левитская, А. В. Дыбо, В. И. Рассадин).
Щербак – Историческое развитие лексики тюркских языков (А. М. Щербак).
KBS – Köken Bilgisi Sözlüğü (Тунжер Гюленсой).
TDES – Türk Dilinin Etimolojik Sözlüğü (Хасан Эрен).

ТАТАР ТЕЛЕНДӘ КЕШЕНЕ БӘЯЛӘУ СҮЗЛӘРЕ

Р. С. Нурмөхәммәтова

Казан (Идел буе) федераль университеты (Казан)

Человек – ядро национальной культуры, системы ее ценностей. Он создал данную культуру, отразил в языке свой физический облик, эмоции, интеллект, отношение к себе и окружающему. В связи с этим в современной лингвистике возникла необходимость выявления лексики, непосредственно отражающей национальной менталитет. Статья посвящается изучению лексем «ихлас», «зирәк» как средство отражения одной из личностных характеристик татар.

Ключевые слова: татарский язык, личность, характер, национальный менталитет.

Man – the core of the national culture, its system of values. He created this culture reflected in the language of your physical appearance, emotions, intelligence, attitude towards themselves and others. In this connection, in modern linguistics there was a need to identify the vocabulary, directly reflecting the national mentality. The article is devoted to the study of the token «Ihlas», «zirək» as a reflection of one of the personal characteristics of the Tatars.

Key words: Tatar language, personality, character, national mentality.

Соңгы елларда фәлсәфә, культурология, тел белеме, лингвокультурология фәннәрендә кешенең табигатен, тышкы кыяфәтен, эчке дөньясын, менталитетын һ.б. тулаем һәм тирәнтен өйрәнүгә омтылыш тенденциясе сизелә. Ул гына да түгел, кеше феноменының төшенү юлы табигать фәннәре аша түгел, ә табигый телләр аша ята дигән инануныгы бар [2]. Шуңа күрә тел һәм тел белеменең антропоүзәкчел характеры турында идея хәзерге лингвистикада кызыл сызык булып бара. «Тел үтәли антропоүзәкчел. Кешенең булуы телнең бөтен өлкәләрендә сизелә, әмма ул барыннан да бигрәк лексика һәм синтаксиста – сүзләрен семаантикасында, жөмлө төзелешендә һәм сөйләмнең оешуында күренә», – дип яза Н. Д. Арутюнова [1].

Шуңа күрә, кеше өйрәнү хәзерге тел галимнәрен аеруча кызыксындыруы аңлашыла, чөнки телдә бар нәрсә, шуңа күрә тел ияләренең кеше турында нәрсә белүләре һәм аның хакында ни уйлаулары да ачыктан-ачык чагылыш таба. Телдә шөхесне тасвирлый торган берәмлекләрнең шактый булуы кешенең үзен һәм үзенә ошаган жан ияләрен аңлай, тасвирлай һәм бәяли белү сыйфатына бәйле.

Һәр кеше шөхесен башкалардан аера торган үзенчәлекле сыйфатлар җыелмасы була. Психология фәне күзлегенән караганда, бу сыйфатларның берише – төп, ә калганы икенчел әһәмияткә ия. Башкача әйткәндә, кешедәге барлык сыйфатлар да кешенең үз-үзен тотышында бердәй чагылыш тапмый.

Төрле мәдәниятләрдә кыйммәтләр системасы да аерыла. Шунлыктан һәр халык кешене үз критерийлары буенча бәяли. Бер халык өчен мөһим булган сыйфатлар икенче халыкка әллә ни әһәмиятле саналмаска мөмкин. Болар халыкның этник күзаллаулары белән бәйле. «Этник күзаллаулар дүрт фактор нигезендә формалаша: тарихи-мәдәни (тарих дәвамында формалашкан хужалык һәм мәдәният үзенчәлекләре), антропологик (биологик һәм генетик кардәшлек), географик (бер географик территориядә күршедә яшәүче халыклар белән охшаш тормыш шартларына бәйле), милли характер һәм психология (теге яки бу иҗтимагый-этник гомумилеккә хас дөньяны кабул итү үзенчәлекләре һәм психологик сыйфатлар) [4]. Шуңа күрә төрле халыкларда кеше уңай яки тискәре яктан бәяләү үзенчәлекләре барлыкка килә. Алар тарих дәвамында төрле үзгәрешләр кичерергә мөмкин, әмма бер төркем эхлалый сыйфатлар озак еллар дәвамында халыкның төп күрсәткече, башкалардан аерып торучы этник билге булып саклана.

Гомуммагълүм факт: төрле халыкларга һәм этник төркемнәргә нисбәтле кешеләр үзләрен тотышлары, мәдәниятләре, хольк-табигатлары, гореф-гадәтләре һ.б. белән аерылып торалар. Мисалга Россия һәм чит ил психологлары һәм этнологлары үткәргән тишеренүләрнең нәтижеләрен китерергә мөмкин. Төрле этник төркемнәрен типик вәкилләренә хас хольк портреты түбәндәгедән гыйбарәт булуы ачыкланган: японнар – эш сөючән, сак, оешкан, житди, үзсүзле, кайгыртучан; инглизләр – тактлы, тыныч, тәнкыйди, акыллы; немецлар – практик, оешкан, эшчән, үз-үзенә ышанган, катгый,

кырыс, төгәл; руслар – ачык, юмарт, ваемсыз, гафу итүчән, ышанучан, тынычлык сөүчән; грузиннар – ярсу, артык хәрәкәтчән, эшлекле, һавалы, агрессив; татарлар – горур, үз-үзенә ышанган, зирәк, эш сөүчән, хәйләкәр, кызу канлы, ачуы тиз басылучан [5]. Мондый тикшеренүләр күпмилләтле дәүләт шартларында халыкларның үзгә аңлашып, дус-тату яшәүләренә шарт булып тора.

Кеше холкына хас сыйфатларны төрле тормыш аспектыларыннан чыгып төркем-лиләр: башка кешеләргә мөнәсәбәттә (тупаслык, туры сүзлек, тактылык, ялганчылык, үз эчәң бикләнгәнлек, аралашучанлык, дус була белүчәнлек һ.б.); эшкә мөнәсәбәттә (намуслылык, җаваплылык, эш сөүчәнлек, ялкаулык һ.б.); үз-үзенә мөнәсәбәттә (үз-үзгә яратучанлык, үзтәнкыйтчелек, тыйнаклык, горурлык, үз-үзгә ышанучанлык һ.б.); милеккә мөнәсәбәттә (комсызлык, сакчылык, юмартлык, исрафчылык, пөхтәлек, жыйнаклык, шапшаклык һ.б.).

Болар арасында иң мөһиме – башка кешеләргә мөнәсәбәт, чөнки нәкъ менә жәмгыятьгә генә кешенәң төп характер сыйфатлары формалаша, кешенәң башка кешеләр белән үз-үзен ничек тотуын бәяләүдән башка кешенәң холкы аңлашыла алмас иде.

Татар кешеләренә хас сыйфатларны махсус өйрәнәп язылган фәнни хезмәтләр дә күп түгел. Бары соңгы елларда лингвокультурология кысаларында татар теле материалында башкарылган хезмәтләрдә намуслылык, шәфкатьчелек, сабырлык, ярдәмчелек, хезмәт сөүчәнлек, тырышлык кебек сыйфатлар турында сүз алып барыла башлады. Бу нисбәттән, жирле сөйләшләр материалында башкарылган тикшеренүләргә дә уңай тәҗрибә буларак атап китү урынлы булыр.

Телне мәдәни күренеш буларак өйрәнү юлында уңышлы тәҗрибә булган «Татар теленә этномәдәни сүзлегә»нең III томында [3] милли тел шәхесен сыйфатлый торган бер төркем лексик берәмлекләр тупланып бирелгән: *абруйлы, акыллы, атаклы, батыр, бәхетле, дуамал, елак, җәһез, җор, зирәк, изге, ихлас, көнчә, куркак, мактанчык, мәрхәмәтле, моңлы, намуслы, оялчан, оятсыз, сабыр, саран, тиле, хәйләкәр, хыялый, шаян, юмарт, явыз, ягымлы, ялагай*.

Әлеге сыйфатлар арасында татарлар ихласлылыкны аеруча югары бәяли.

Ихлас сүзе татар телендә күп төрле мәгънәләрдә кулланыла: күңел чынлыгы, сафлыгы, тугрылык, эчкерсезлек; теләк, омтылыш, дөрт; кемне дә булса чын күңелдән охшату; симпатия, мэхәббәт; саф, эчкерсез, чын күңелдән эшләнә торган; чын күңелдән, риясыз; тырышлык куеп, зур теләк белән эшләү. Бу сүзгә яңа сүзләр ясау потенциалы да шактый зур, әлеге тамырдан *ихласлану* (берәр нәрсәгә бөтен күңелне бирү, шуның белән мавыгу, шуңа биреләп китү), *ихласлы* (чын, эчкерсез, саф; күңел бирүчән, мавыгучан; чын күңелдән, жаны-тәне белән), *ихласлылык* (саф күңелчелек, эчкерсезлек), *ихластан* (чын күңелдән, бөтен йөрәктән, эчкерсез, риясыз рәвештә), *ихластыр* (берәр нәрсәнең дөреслегенә ышандырганда әйтәләр; чын-чынлап, дөрестән дә) берәмлекләре барлыкка килгән.

Ихлас – алынма сүз, гарәп теленнән келгән, чыганак телдә *اخلاص* «керсез күңел, тугрылык, риясызлык, ихлас» мәгънәсен белдерә.

Кешеләрдәге әлеге сыйфатның татар тел дөньясында аның мәгънәдәш сүзләре күп булудан күренә: *ихлас* – риясыз; эчкерсез; хәйләсез; гади; беркатлы; саф; садә; самими; *ихлас белән* – чын күңелдән; ихлас күңелдән; чын йөрәктән, ихластан. *Ихлас* төшенчәсенә «ике йөзләр; риялы» берәмлекләре антоним булып тора.

Тел дөнья сурәтендә күренешнең әһәмиятен билгели торган тагын бер дәлил – аның фразеологизмнар составындагы кулланылышы, чөнки телнең бу берәмлекләре турыдан-туры бәяләү төсмеренә ия. Татарлар нәрсәнең дә булуын, эшләнәчегенә ышандырырга теләгәндә «*ихлас эгәр // ихластыр эгәр*» (чып-чын, валлаһидыр эгәр, как әйтәм, валлаһи чынлап) дип ант итә. *Ихлас белән* (берәр нәрсәгә бөтен күңелне биреп, игътибар белән, биреләп), *ихлас кайту* (теләк бетү, күңел кайту, күңел бизү), *ихлас кую / баглау / салу* (күңел бирү, бирелү, чын күңелдән кызыксыну), *ихлас күңелдән* (чын күңелдән, эчкерсез), *ихласы юк* (күңел дәрте, теләге булмау), *ихласың дөрес булса* (чынлап күңел биргән, ышанган булсаң) фразеологизмнарында ихласлыкка халык биргән бәя күренә.

Бу берәмлекнең мәкальләрдә еш очравы да алда әйтелгән фикерләргә исбатлы: *Ихлас белән сөйгән ярлар барың-югың уйламый; Иткә туйсам, шулпага ихласым юк; Килә икән, ихласлык, килми икән, юл ачык; Ихлас жыласаң, сукуыр күздән дә йөш чыга;*

Яхшы сүз әйтте дип сөенмә, *ихласын* белмичә; Яман сүз әйтте дип көенмә, көнчелеген белмичә; Олы хыянәт *ихласлыкка* охшый; Ике кулыңа бер эш, *ихлас* белән кереш.

Әдәби текстларда әлеге сүзнең семантикасы тагын да тирәнрәк ачыла. Аның яш-тән үк картлар кеби башыны бөгеп утыруы, бервакыт та урамда кычкырышып, йөгере-шеп малайлар берлә уйнамавы, алар берлә сугышмавы, аларны кыйнамавы, үзенең кый-налмавы Галим абзыйның бөтен *ихласыны* аңар беркетте (Г. Исхакый. «Татар гакылы»). Рөкыя студентка нәрсәдер сөйли, студент та *ихлас* белән тыңлап утыра; Анна Петровна белән купшы егет французча сөйләшеп торалар иде (Ф. Әмирхан. «Хәят»). Киленчәк *ихлас* күнелдән борчылды, кызның мендәрен каплап, тулкынланып яткан кара жефәк чәчләрен уйнатып, ярым кочаклады (Г. Ибраһимов. «Казакъ кызы»). – Әткәйме?.. Юк, син үзең яса инде безгә, – диде Бәдретдин, ничектер бик *ихластан* үтенгәндәй итеп (Ә. Еники. «Матурлык»). Күңеле саф түгел бу Миләүшәнең, сүзләре *ихлас* түгел... (Г. Гыйльманов. «Күрәзә»). Ошбу илаһи вәгазәдән соң укылган намаз да гадәти генә бул-мады шикелле. Аның үтәдән-үтә *ихлас* укылуы өлкәнрәкләрнең яш тулы мөлдәрәмә күзләрендә бик ачык чагыла иде (Г. Галиева. «Газзәбану»).

Зирәклек тә татарларда элек-электән югары бәягә лаек сыйфат буларак билгелән-гән. Татар халык әкиятләрендә зирәк кыз, зирәк хатын, зирәк килен, зирәк малай / егет, зирәк карт образларының төрле хәлләрдән жиңел генә котылуы, зур дәрәжәләргә ирешүе халыкның бу сыйфатка салган ышанычлары, өмет-хыяллары турында дәлил булып тора.

Татар телендә **зирәк** сүзенең түбәндәге мәгънәләре кулланылышта йөри: белем алы-рга сәләтле, зиһенле; төпле акыллы, уйлап эш итә торган; үткен, эшчән; сизгер, уяу. Бу берәмлек нигезендә татар телендә зирәклек (зирәк булу), зирәкләндерү (акылын үстерү, арттыру, аң кергү), зирәкләнү (акыл, аң үсү) кебек яңа сүзләр пәйда булган.

Зирәк сүзенең синонимик рәте дә шактый зур – зиһенле; фәһемле; тапкыр; акыллы; һушлы; башлы; төпле; үткен акыллы; үткен. Болар татар халкының әлеге сыйфатка зур игътибар бирүе хакында сөйли. **Зирәк** кешегә «сүзгә тапкыр түгел, зиһенсез, акылсыз» кеше каршы куела.

Бу берәмлек фразеологизмнар, мәкальләр составында да еш очрый. **Зирәк тома-на / зирәк ябалак** – түбәннән күтәрелгән мужик малае; әтәч синнән **зирәк** булмасын, син әтәчтән **зирәк** бул; гөл кадерен былбыл белер, жир кадерен **зирәк**ләр белер; карга үз бала-сына, Зариф **зирәк**тән туган, дип әйтер, ди; үлек арысланнан тере тычкан артык, надан туган-дустыңнан **зирәк** дошман артык; бу чагында дошман **зирәк**, уйлап сөйләргә кирәк; сөйләгәннән тыңлаган **зирәк** булсын; ир кадерен ирәннәр белер, зәр (фарсыча: алтын) кадерен **зирәк**ләр белер; зирек хәлен **зирәк** белер һ.б.

Әмма халыкның бу сыйфатка хөрмәте никадәр генә зур булмасын, ул бары зирәклеккә генә таянып ерак китеп булмасын яхшы төшенгән һәм моны тапкыр сүз белән теркәп куйган: төлке күпме **зирәк** булса да, күрәчәге тире кибете; **зирәк** кош аягын-нан элгәр – зирәк кош үткенлегенә ышануы белән аягының тозакка эләккәнән сизми дә калган кебек. Мәкаль коры зирәклегенә таянып кына эш итәргә ярамый, уйлап хәрәкәт ит, дигән фикерне үткәрә. Чыннан да, кешедәге бу сыйфат никадәр генә уңай саналса да, ул башка сыйфатлар белән берлектә генә көткән нәтижәләргә китерә.

Татар шагыйрьләренең һәм язучыларының ижатында да **зирәк** сүзе актив кулланы-ла. Бу да аларның үз әсәрләрендә шәхесне акыл эшчәнлегә, акыл сәләте ягыннан тасвир-лаганда әлеге үзенчәлекне беренче планга чыгарулары хакында хәбәр итә. **Зирәк**, ләкин берәз ялкаурак Хәят, русчаны бик яхшы сөйләшә белүе аркасында, шушы аз вакыт эчен-дә русча укып аңларга, беркадәр язарга өйрәнәп һәм беркадәр хисап башлангычлары белеп өлгерде (Ф. Әмирхан. «Хәят»). Кунак, аманлык-саулык турынан үткәч, беренче сүз буларак, аксакалның **зирәк**легенә хайран калганлыгын әйтте (Г. Ибраһимов. «Казакъ кызы»). Мәфтүха апай бик **зирәк** кеше. Икенче баруымда, ул мине, авыру карарга дигән булып, Миңниса әбигә алып китте (Г. Кутуй. «Тапшырылмаган хатлар»). ...Таң аткан-чы Фәхерниса карчыкның уты шулай яна, ә салкын төн сорылана башлагач, ана **зирәк** йокыга тала, ләкин нәкъ шулвакыт, әкрән генә ишек ачылып, Миңлегали килеп керә (М. Мәһдиев. «Кеше китә – жыры кала»). Әзерлек эшләренең башында сыналган, хужа-лар сагында жанын фида кылырга эзер, тугры Исламнур торганын **зирәк** укучылар әллә кайчан чамалап алгандыр дип уйлыйм (А. Гыйләжөв. «Балта кем кулында»). **Зирәк** иде әниебез, тапкыр иде (К. Миңлебаев. «Акыллы атын мактар»). Син ышанычлы, гадел,

зирәк акыллы, булган егет (Г. Галиева. «Газзәбану»). Кыз аларның һәммәсенә дә *зирәк* һәм үткен тел белән жавап бирде (Р. Батулла. «Алып батыр мажаралары»). Картларны *зирәк* диләр, дәрәс түгел, алар сак кыланалар, шуңа күрә *зирәк* булып күренәләр (М. Әмиханов. «И кылган догам минем...»).

Өлеге мисаллар татар тел дөнья сурәтендә *зирәк* сүзенә элек-электән салынган югары бәянең гасырлар үтү белән үзгәрмәвен, буыннан-буынга зур тарихи мирас, кыймәтле тәжрибә буларак күчә баруын күрсәтә.

Нәтижә ясап әйткәндә, шәхесне бәяләү сүзләре аның үз-үзенә бәясен дә, әйләнә-тирәдәгеләрдә аның хакында туган бәяне дә үз эченә ала. Галимнәр фикеренчә, мондый берәмлекләр кешенең жәмгыятьтә үзен тотышына тәэсир итә, үзгәрергә-камилләшергә этәргеч бирә. Фән өчен бу төркем сүзләрне тикшерүнең әһәмияте аеруча зур: алар халыкның милли сыйфатлары турында фикер формалаштырырга ярдәм итә.

Татар халкының эчке дөньясын, холкын, башкаларга мөнәсәбәттен ачып биргән берәмлекләренең саны телебездә меңнәр белән исәпләнә. Бу хезмәттә шулардан нибәры берсенә кыскача күзәтү ясалды. Мондый тикшеренүләр алга таба да дәвам итәр дип уйлыйбыз, чөнки бүгенге глобальләшү шартларында милли үзенчәлекләренә өйрәнү, саклап калу, башка халыкларга төшендерү иң актуаль мәсьәләләрдән санала.

ӨДӘБИЯТ

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с. – URL: <http://www.twirpx.com/file/125585/>

2. Маслова В. А. Лингвокультурология. – М.: Академия, 2001. – 183 с. – URL: <http://www.gumer.info/bibliotek/Buks/Linguist/maslova/05.php>

3. Татар теленең этномәданият сүзлеге: кешенең интеллектуаль һәм эхлак дөньясы лексикасы / Төзүче авторлар: Р. Р. Жамалетдинов, Р. С. Нурмөхәммәтова, М. Р. Саггарова, Ф. Р. Сибгасва / Тәржемәчеләр: А. Х. Әшрәпова, Л. Р. Мөхәрләмова. – Казан: Казан ун-ты нәшр., 2017. – 188 б.

4. Фомина Ю. И. Содержание этнических представлений современной российской молодежи // Молодой ученый. – 2011. – № 11. – Т. 2. – С. 129–139. – URL: <http://www.moluch.ru/archive/34/3803/>

5. Этнические грани личности. – URL: <http://www.narcom.ru/publ/info/343>

УДК 81'27

КУЛЬТУРНЫЕ ПЕРВОСМЫСЛЫ КОНЦЕПТОВ

М. В. Пименова

Институт иностранных языков (Санкт-Петербург)

А. С. Айдарбекова

Центрально-Азиатский инновационный университет (Шымкент, Казахстан)

О. В. Нецадим

Институт иностранных языков (Санкт-Петербург)

Цель статьи – описать мотивирующие признаки концепта *ум*. Задачи статьи: 1. Проанализировать статью «ум» в этимологических и историко-этимологических словарях русского языка; 2. Сформировать список первопризнаков концепта *ум*. 3. Представить классификацию полученных признаков по тематическим блокам. Для решения достигнутой задачи было использовано десять этимологических словарей. Выделенные мотивирующие признаки концепта *ум* были представлены в виде десяти блоков: 1. Явь («бодрствование», «явный/ наяву», «явить(ся)»); 2. Перцепция («воспринимать», «замечать», «зримый», «орган чувств», «примечать», «слышать», «чувство»); 3. Ментальные действия («догадываться», «думать», «мыслить», «познавать», «понимание», «понимать», «разумение», «сознание»); 4. Знание («знание», «знать», «наука», «узнавать», «учить»); 5. Мысль («замысел», «мысль», «образ мыслей», «смысл»); 6. Мнение («полагать»); 7. Внутренний мир («духовный», «душа», «совокупность духовных сил»); 8. Способность («повадка», «память», «разум», «рассудок», «способность», «умение», «уметь»); 9. Божественное вмешательство («помощник», «предначертание», «промысел»); 10. Начало («основание», «причина»). Большое количество мотивирующих признаков в структуре концепта *ум* говорит о давней истории его появления в русской лингвокультуре.

Ключевые слова: концепт, культурные смыслы; структура концепта; лингвокультурология; концептология; языковая картина мира.

The purpose of the article is to describe the motivating signs of the *mind* concept. Objectives of the article: 1. Analyze the article «mind» in the Russian language etymological and historical-etymological dictionaries; 2. Form a list of the first signs of the *mind* concept. 3. Provide the classification of the received signs according to thematic blocks. Ten etymological dictionaries were used to solve the achieved problem. The highlighted motivating signs of the *mind* concept were presented in the form of ten blocks: 1. Reality ('wakefulness', 'explicit / awake', 'appear (is)'); 2. Perception ('perceive', 'notice', 'visible', 'sense organ', 'notice', 'hear', 'feeling'); 3. Mental actions ('guess', 'think', 'thought', 'cognize', 'understanding', 'understand', 'consciousness'); 4. Knowledge ('knowledge', 'know', 'science', 'learn'); 5. Thought ('design', 'thought', 'way of thinking', 'meaning'); 6. Opinion ('believe'); 7. Inner world ('spiritual', 'soul', 'aggregate of spiritual forces'); 8. Ability ('habits', 'memory', 'reason', 'ability', 'skill', 'be able'); 9. Divine intervention ('helper', 'predestination', 'providence'); 10. Beginning ('base', 'reason'). A large number of motivating signs in the structure of the *mind* concept speaks of the long history of its appearance in Russian linguoculture.

Key words: concept, cultural meanings; structure of the concept; linguoculture; conceptology; language picture of the world.

Введение. Концепты внутреннего мира человека привлекают внимание когнитологов. Особый интерес вызывают интеллектуальные концепты. В данной статье рассматривается концепт *ум* с позиций первичных смыслов, т.е. его мотивирующих признаков. Под *мотивирующим* понимается признак концепта, положенный в основу наименования его репрезентанта.

Методы и материал исследования. Основным в статье выступает метод концептуального исследования. Кроме него, в работе задействованы: метод анализа словарных дефиниций и этимологический метод. Материалом для исследования послужили десять этимологических словарей русского языка.

Литературный обзор. Концепт *ум* не раз становился объектом исследования в авторских работах [3; 5; 6; 7]. Этот концепт рассматривался в сопоставлении и концептом *разум* [4; 9; 10]. Ментальная сфера – одна из интереснейших в аспекте изучения смежных концептов. Среди авторских работ есть статьи, в которых рассматривается концепт *разум* [4] и концепт *рассудок* [8]. В современной лингвистике отсутствуют работы, в которых были бы описаны первичные признаки концепта *ум*, т.е. его мотивирующие признаки. В обращении к теме первопризнаков концепта *ум* видится научная новизна исследования.

Результаты и обсуждение.

Слово *ум* встречается в большинстве славянских языков. Не существует однозначного мнения по поводу времени образования слова *ум*. М. Н. Свиридова относит время появления слова *умь* к X–XI вв. [11: 412], П. Я. Черных – к XI в. [15: 289]. Г. А. Крылов отмечает общеславянскую природу слова *ум* [2: 394].

Почти все славянские языки используют форму слова *ум* (с разными вариантами). М. Фасмер указывает в своем словаре: «укр., блр. ум, др.-русс. умь, ст.-слав. оумь ѠѹѢ, дѣвоиѡ, болг. ум, сербохорв. ѹм, род. п. ѹма, словен. ѹт, род. п. ѹта, чеш., словц., польск. ум» [13: 161]. Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская находят соответствия слову *ум* в балтийских языках [16: 464]. Об этом же говорит Ф. Фасмер: в латышском и литовском языках слова с этим значением созвучны русскому *ум*: «Лтш. uṃta «ум», лит. ūmas «смысл» заимств. из слав.» [13: 161].

А. К. Шапошников выводит слово *ум* «из праслав. *умь, производного с суф. -мъ от корня *у- (из *ау-), соотносительного с праслав. глаг. *(й)авити (се), и восходящего к и.-е. *аи- “воспринимать органами чувств, слышать, понимать”» [17: 456]. Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская приводят другую версию этимологии слова *ум*, объединяя его с такими словами, как *учить*, *наука* [16: 465].

Г. П. Цыганенко пишет, что праславянское *итъ: «происходит от и.-е. ai-men “ум, рассудок”, “ясное сознание”, “бодрствование”, “способность замечать, узнавать, познавать”» [14: 449]. Н. В. Горяев упоминает родственные санскритские слова *īmas*, *ōmas* «помощник» [1: 387].

Словари позволяют выделить от одного (словари Г. А. Крылова, М. Н. Свиридовой) до 17 мотивирующих признаков концепта *ум* (Словарь И. И. Срезневского). Полученные данные укажем в таблице 1.

Таблица 1. Мотивирующие признаки концепта ум

№ №	Словари Признаки	Горьев Н. В.	Крылов Г. А.	Свиридова М. Н.	Срезневский И. И.	Фасмер М.	Цыганенко Г. П.	Черных П. Я.	Шанский Н. М. и др.	Шапошников А. К.	Miclosich F.
1.	‘бодрствование’	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-
2.	‘воспринимать’	-	-	-	-	-	-	+	-	-	+
3.	‘догадываться’	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-
4.	‘думать’	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-
5.	‘духовный’	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-
6.	‘душа’	-	-	-	+	-	-	+	-	+	-
7.	‘замечать’	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-
8.	‘замысел’	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+
9.	‘знание’	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-
10.	‘знать’	+	-	-	-	-	+	-	-	-	-
11.	‘зримый’	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-
12.	‘мыслить’	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-
13.	‘мысль’	-	-	-	+	-	-	+	-	+	+
14.	‘наука’	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-
15.	‘образ мыслей’	-	-	-	+	-	-	-	-	-	+
16.	‘орган чувств’	-	-	-	-	-	-	+	-	+	-
17.	‘основание’	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-
18.	‘память’	-	-	-	-	+	+	-	+	-	-
19.	‘повадка’	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-
20.	‘познавать’	+	-	-	+	-	+	-	-	-	-
21.	‘полагать’	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-
22.	‘помощник’	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-
23.	‘понимание’	-	-	-	+	-	-	+	-	+	+
24.	‘понимать’	+	-	-	-	-	+	+	-	+	-
25.	‘примечать’	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-
26.	‘предначертание’	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-
27.	‘причина’	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-
28.	‘промысль’	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-
29.	‘разум’	-	-	-	+	-	-	-	+	-	-
30.	‘разумение’	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-
31.	‘рассудок’	-	-	-	+	-	+	-	-	-	-
32.	‘слышать’	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-
33.	‘смысл’	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-
34.	‘совокупность духовных сил’	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-
35.	‘сознание’	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-

36.	‘способность’	–	–	–	+	–	+	–	–	–	–
37.	‘узнавать’	+	–	–		–	+	–	–	–	–
38.	‘умение’	–	–	–	+	–	–	–	–	–	–
39.	‘уметь’	+	+	+	–	–	+	–	+	–	–
40.	‘учить’	–	–	–	–	–	–	–	+	–	–
41.	‘чувство’	–	–	–	–	+	–	–	–	–	–
42.	‘явный/ наяву’	–	–	–	–	–	+	+	–	–	–
43.	‘явить(ся)’	–	–	–	–	–	–	+	+	+	–

Анализ десяти этимологических и историко-этимологических словарей русского языка позволил определить в структуре концепта *ум* 43 мотивирующих признака. В словарях нет единого мнения на происхождение слова *ум*, на время его появления в русском языке. Большое количество мотивирующих признаков концепта *ум* позволяет говорить о его древности.

Заключение. Выделенные мотивирующие признаки концепта *ум* можно представить в виде десяти блоков: 1. Явь (‘бодрствование’, ‘явный/ наяву’, ‘явить(ся)’); 2. Перцепция (‘воспринимать’, ‘замечать’, ‘зримый’, ‘орган чувств’, ‘примечать’, ‘слышать’, ‘чувство’); 3. Ментальные действия (‘догадываться’, ‘думать’, ‘мыслить’, ‘познавать’, ‘понимание’, ‘понимать’, ‘разумение’, ‘сознание’); 4. Знание (‘знание’, ‘знать’, ‘наука’, ‘узнавать’, ‘учить’); 5. Мысль (‘замысел’, ‘мысль’, ‘образ мыслей’, ‘смысл’); 6. Мнение (‘полагать’); 7. Внутренний мир (‘духовный’, ‘душа’, ‘совокупность духовных сил’); 8. Способность (‘повадка’, ‘память’, ‘разум’, ‘рассудок’, ‘способность’, ‘умение’, ‘уметь’); 9. Божественное вмешательство (‘помощник’, ‘предназначение’, ‘промысел’); 10. Начало (‘основание’, ‘причина’).

ЛИТЕРАТУРА

1. Горяев Н. В. Сравнительный этимологический словарь русского языка. – Тифлис: Типография канц. Глав. градонач. Гр. ч. на Кавказе, 1896. – С. 387.
2. Крылов Г. А. Этимологический словарь русского языка. – СПб.: ООО «Полиграфуслуги», 2005. – 432 с. – С. 394.
3. Пименова М. В. Антропоморфизм как способ представления концептов (на примере концепта *ум*) // Вопросы филологии: Сб. науч. тр. / Отв. ред. М. В. Пименова. – Кемерово: Полиграф, 2003. – Вып. 4. – С. 7–12.
4. Пименова М. В. Структура концепта *разум* // *Mentalität und Mentales* / Hrsg. von E. A. Pimenov, M. V. Pimenova. – Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 2003. – S. 95–111 (Reihe Ethnohermeneutik und Ethnorhetorik. Band 9).
5. Пименова М. В. Антропоморфная парадигма признаков в структуре концепта *ум* // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – № 2. – 2004. – С. 32–35.
6. Пименова М. В. Антропоморфные модели в объективации концепта *ум* // Филология и культура: материалы V междунар. науч. конф. (Тамбов, 19–21 октября 2005 г.) / отв. ред. Т. А. Фесенко. – Тамбов: ТГУ им. Г. Р. Державина, 2005. – С. 143–146.
7. Пименова М. В. Смена ведущих концептуальных метафор (на примере концепта *ум*) // Гуманитарный вектор (Чита). – 2009. – № 1 [17]. – С. 45–51.
8. Пименова М. В. Концептосфера: методика исследования на современном этапе (структура концепта *рассудок*) // Слово и текст: коммуникативный, лингвокультурный и исторический аспекты: материалы международной научно-практической конференции. – Ростов-на-Дону: НМЦ «Логос», 2009. – 336 с. – С. 117–119.
9. Пименова М. В., Кондратьева О. Н. Метафоры имущества как способ объективации концептов (на примере концептов *ум* и *разум*) // Современные парадигмы лингвистики: традиции и инновации: материалы международной конференции (Волгоград, 12–14 октября 2005 г.) / Волгоград. гос. пед. ун-т; отв. ред. В. И. Супрун. – Волгоград: Перемена, 2005. – С. 84–88.
10. Пименова М. В., Сергеева Н. М. Орнитологические признаки концептов *ум* и *разум* // Слово в лингвокультурологическом аспекте / науч. ред. О. Н. Иванничева. – Мурманск: МГПУ, 2005. – Вып. 1. – С. 31–34.
11. Свиридова М. Н. Этимологический словарь современного русского языка. – М.: Аделант, 2014. – 512 с.
12. Срезневский И. И. Материалы к словарю древнерусского языка по письменным памятникам. – Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук, 1912. – Т. III. – Стлб. 1212–1213.
13. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. – М.: Прогресс, 1987. – Т. IV. – С. 161.

14. Цыганенко Г. П. Этимологический словарь русского языка. – Киев: Рад. шк., 1989. – 511 с.
15. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1999. – С. 289–290.
16. Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка. – М.: Просвещение, 1971. – 542 с.
17. Шапошников А. К. Этимологический словарь современного русского языка. – М.: Флинта, Наука, 2010. – С. 456.
18. Mikloshich F. Lexicon Palaeosloveniko-Græco-Latinum. – Vindobonae: G. Braumueller, 1882–1865. – С. 1053–1054.

УДК 81`27

ПЕРВИЧНЫЕ ПРИЗНАКИ КОНЦЕПТА «АТАМАН» В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

М. В. Пименова

Институт иностранных языков, Санкт-Петербург, Россия

М. М. Досумова

*Кокшетауский государственный университет им. Уалиханова
(Кокшетау, Казахстан)*

А. Ж. Бейсенова

*Кокшетауский государственный университет им. Уалиханова
(Кокшетау, Казахстан)*

В статье анализируется структура концепта *атаман* в аспекте мотивирующих признаков. Данный концепт актуален для тюркских и славянских языков. Среди этимологов нет однозначного мнения по вопросу языка – источника заимствования слова – репрезентанта концепта *атаман* – в русский язык. Анализ четырнадцати этимологических словарей привел к определению набора из 18 мотивирующих признаков в структуре концепта *атаман*. Эти первичные признаки изучаемого концепта были объединены в четыре класса: 1. Старший ('(большой) отец'; 'старшина ватаги'; 'старшина (на судне)'; 'старейшина казачьего лагеря'; 'старейшина пастухов'; 'человек/ мужчина'); 2. Военный ('10 000 войска'; 'начальник военного отряда'; 'отряд'; 'солдатская'); 3. Глава ('вожак'; 'глава рыболовецкой артели'; 'главарь'; 'голова'; 'предводитель'); 4. Работа ('артель'; 'вода'; 'служба').

Ключевые слова: концепт, мотивирующие признаки, структура концепта, языковая картина мира, лингвокультурология, концептология.

Primary signs of the *ataman* concept in Russian linguoculture

The article analyzes the structure of the *ataman* concept in the aspect of motivating signs. This concept is relevant for the Turkic and Slavic languages. There is no unequivocal opinion among etymologists on the issue of language – the source of the borrowing of the word – the representative of the concept *ataman* – into the Russian language. The analysis of fourteen etymological dictionaries led to the definition of a set of 18 motivating signs in the structure of the *ataman* concept. These primary signs of the studied concept were grouped into four classes: 1. Senior ('(big) father'; 'foreman of the gang'; 'foreman (on the ship)'; 'elder of the Cossack camp'; 'elder of shepherds'; 'man'); 2. Military ('10,000 troops'; 'chief of a military detachment'; 'detachment'; 'soldier's'); 3. Head ('leader1'; 'head of a fishing artel'; 'leader2'; 'head'; 'leader3'); 4. Work ('artel'; 'water'; 'service').

Key words: concept, motivating signs, concept structure, language picture of the world, linguoculture, conceptology.

Введение. Цель статьи – описать концепт *атаман* в русской лингвокультуре. Задачи: 1. Проанализировать этимологические словари русского языка. 2. Определить набор мотивирующих признаков концепта *атаман*; 3. Классифицировать полученные по тематическим классам.

Концепт *атаман* ранее не выступал в качестве объекта отдельного изучения. Обращение к первичным признакам в структуре концепта *атаман* составляет научную новизну проводимого исследования.

Методы и материал исследования. В статье используются следующие методы: этимологический, компонентного анализа словарных дефиниций, сравнительно-исторический, сопоставительный, описательный, концептуальный. Источниками материала исследования служат 14 этимологических и историко-этимологических словарей.

Литературный обзор. Этимология слова *атаман* не имеет однозначного толкования. В словарях выдвигается несколько разноречивых версий происхождения этого слова.

Начнем с того, что слово имело несколько вариантов написания: *атаман, ватаман, ватаманн, отоманъ, вотаман*. Впервые слово упоминается в III в.: Ходити тремъ ватагамъ моим в море, а ватаманнъ Ондреи Критцкыи. Грам. Двин. 1294 г.

В словаре И. И. Срезневского выдвигается первая версия: *атаман (ватаман)* и *ватага* – близкие слова [9: 231]. Эту версию А. Преображенский считает более вероятной [5: 9–10]. А. Е. Аникин поясняет эту версию: «ватаманъ из др.-булг. *ватагман, собственно, *vātaγman < *vātaγ (отсюда ватага, см. атажѣться) + суфф. -man; форма без в- возникла в рус. вследствие перераспределения. Однако *vātaγman проблематично, есть также географические и семантические трудности» [1: 328].

П. Я. Черных уверен, что слово *атаман* – заимствованное. Однако откуда слово пришло в русский язык – из тюркских языков или из германских – однозначного ответа не дает ни один этимолог. П. Я. Черных предполагает, что слово *атаман* попало через Новгород из германского источника [11: 59].

Слово *ватага* образовано по типу слов *стиляга, бродяга*. Ватага по контекстам – это служба (А куды архимандрить пошлетъ на монастырскую службу старцовъ своихъ или бѣльцов, на ватагу или на иную службу, и пошлинники мои и поватажники поватажного у нихъ не емлютъ. Жал. Гр. Дм. Юр. в Благ. Мон. 1446 г.), отряд (Кончака миновали Русские, а другие ватаги половцевъ были ими замѣчены), рыболовецкая артель (Како есмь докончалъ съ Новым-городомъ ходити тремъ ватагамъ моимъ на море. Грам. Двин. 1294 г.). О последнем значении упоминали авторы «Новгородского областного словаря»: (в)атаманъ ‘глава рыболовецкой артели’ новг. [3: 15]. В этой связи необходимо упомянуть промежуточную версию о заимствовании в древнерусский из шведского *vatten-man*, где *vatten* ‘вода’, с исходным значением *a^o* типа ‘старшина (на судне)’. Однако швед. *vatten-man* не засвидетельствовано и не вполне подходит фонетически [1: 328].

Слово *атаман*, по другой версии, произошло от ср.-в.-нем. *hōvetman* «главарь, вожак» (совр. нем. *Hauptmann*), норв. *hovedmann* «глава, вожак», швед. *huvudman* «руководитель, вождь», где первая часть *hōved* означала «голова», вторая «человек, мужчина». Об этом пишут И. И. Срезневский, П. Я. Черных, А. В. Шапошников: ватаманъ, ватаманнъ ‘старшина ватаги’, ‘начальник военного отряда’ (с 1294 г.), отаманъ сев.-зап. (XIII в.) [9: 231; Черных: 57; 13: 36]. В словаре Н. В. Горяева выстраивается ряд: польское и малоросское гетманъ, татарское *hātman* и казанское *атаман (атаманъ)* из немецкого *Hetmann*, английского *headman*, *Hauptmann* [2: 9]. М. Фасмер высказывается против этой версии, объясняя, что мнение, согласно которому *a^o* наряду с рус. гетманъ < польск. *hetman*, происходят из вост.-ср.-нем. *hāurtmann* «капитан», фонетически неприемлемо для *a^o* [10: 403]. Ряд этимологов: М. Фасмер, П. Я. Черных и А. Е. Аникин подчеркивают, что ср.-н.-нем. *hōvetmann* ‘главарь, вожак’ = нем. *Hauptmann* и возможно допущение исходного русского (древне-новгородского) *офтманъ с последующей контаминацией с *ватага*: ср.-н.-нем. *h-* должно было сохраниться в виде русского *х-*, как в древне-новгородском *хамъ* ‘полотно’ < герм., ср. средне-нижне-немецкое *ham* ‘покрывало, завеса, покрывало’, древне-скандинавское *hamr* ‘одежда, завеса’ [1: 328], однако этого не происходит.

Н. В. Горяев предлагает третью версию происхождения слова *атаман*: татарское *атаман* из *at=ata* «отец» и *томан=тѣма* «10 000 войска» [2: 438]. П. Я. Черных отмечает, что в тюркских языках в пределах СССР это слово появилось позднее; в старых тюркских текстах это слово отсутствует, предполагая, что в тюркские языки на советском пространстве слово *атаман* пришло из русского [11: 57].

Четвертая версия высказывается А. Брюкнером [14: 172]. Автор этимологического словаря польского языка считает, что *ата* в слове *атаман* восходит к тюркскому *odaman* «старейшина пастухов или казачьего лагеря». Об этом пишет В. В. Радлов: турецкое, крымско-татарское *oda* «солдатская артель», «отряд» [6: 1121]. А. Брюкнер объясняет

протетическое *в-* в слове *vatága*. А. Е. Аникин полагает, что «Выведение *а*^о из крымско-татарского *odaman* ‘старший пастух (также участник набегов, налетов)’ сомнительно ввиду большей древности славянских форм с *в-/w-* и их северо-западного ареала» [1: 328], опираясь на мнение М. Фасмера и П. Я. Черных [11: 57; 10: 95, 278].

Пятую версию выдвигает Г. А. Крылов: «По-тюркски *атаман* означает «главарь», «большой отец» (ата «отец» + *иман* – увеличительный суффикс)» [4: 23]. Эту версию поддерживают многие отечественные этимологи: М. Н. Свиридова [8: 27], Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская [12: 30] и М. Э. Рут, которая подчеркивает, что «это тюркское слово, образованное от корня *ата* со значением «отец» и суффикса *ман*, обладающего увеличительным значением (примерно таким, как русский суффикс *-ище* в словах *человечище*, *старичище*, *чудовище* и т. п.). Другими словами, *атаман* – это «большой отец». Обратите внимание, что атаманов нередко так и называли – *батько*» [7: 24].

Считается, что в славянских языках слово *атаман* – русизм. А. Е. Аникин приводит ряд соответствующих слов: укр. отáман ‘(казачий) атаман’, ст.-укр. ватамань (с 1422 г.) ‘староста’, атамань (XVI в.), блр. атамán, ст.-блр. (со втор. пол. XV в.) оутамонь, втамонь, атамань ‘заправила у рыбаков’ (с 1577 г.), ‘эконом’ (с 1497 г.), ‘сборщик подати, подчиненный татарским баскакам’ (с XVI в.), польск. ataman ‘куренной атаман у казаков’, ст.-польск. wataman (с 1594 г.) ‘начальник (низшего ранга)’» [1: 328].

Этимологические словари русского языка позволяют определить следующие мотивирующие признаки концепта *атаман*:

1. ‘10 000 войска’ [2: 438];
2. ‘артель’ [6: 1121];
3. ‘вода’ [1: 328-329];
4. ‘вожак’ [9: 231; 11: 57; 13: 36];
5. ‘глава рыболовецкой артели’ [1: 328; 3: 15; 9: 231];
6. ‘главарь’ [4: 23; 8: 27; 9: 231; 11: 57; 12: 30; 13: 36];
7. ‘голова’ [8: 231; 11: 57];
8. ‘начальник военного отряда’ [9: 231; 11: 57; 13: 36];
9. ‘(большой) отец’ [2: 438; 4: 23; 7: 24; 8: 27; 12: 30];
10. ‘отряд’ [9: 231];
11. ‘предводитель’ [13: 36];
12. ‘служба’ [9: 231];
13. ‘старшина ватаги’ [9: 231; 11: 57; 10: 95; 13: 36];
14. ‘старшина (на судне)’ [1: 328-329];
15. ‘солдатская’ [6: 1121];
16. ‘старейшина казачьего лагеря’ [6: 1121; 14: 172];
17. ‘старейшина пастухов’ [6: 1121; 14: 172];
18. ‘человек/мужчина’ [9: 231; 11: 57].

Большое количество мотивирующих признаков в структуре концепта *атаман* позволяет говорить о его давнем появлении в русской лингвокультуре. Следует обратить внимание, что слова *ата* в тюркских языках и *отец* в русском языке – однокоренные (отсюда синонимия: *атамана* часто называют *батей*, т.е. отцом). Слово *отец* образовано суффиксальным способом по типу *чтец*, *жнец*, *игрец*, *боец*, *кузнец* и под.

Заключение. Анализ этимологических словарей позволил выделить у концепта *атаман* 18 мотивирующих признаков. Эти первичные признаки концепта *атаман* можно объединить в четыре класса: 1. Старший (‘(большой) отец’, ‘старшина ватаги’, ‘старшина (на судне)’; ‘старейшина казачьего лагеря’, ‘старейшина пастухов’, ‘человек/мужчина’); 2. Военный (‘10 000 войска’, ‘начальник военного отряда’, ‘отряд’, ‘солдатская’); 3. Глава (‘вожак’, ‘глава рыболовецкой артели’, ‘главарь’, ‘голова’, ‘предводитель’); 4. Работа (‘артель’, ‘вода’, ‘служба’).

ЛИТЕРАТУРА

1. Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. Вып. 1 (а-аяюшка). – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2007. – 368 с.

2. Горяев Н. В. Сравнительный этимологический словарь русского языка. – Тифлис: Типография Главного нач. гр. ч. на Кавказе, 1896. – С. 7.

3. Клевцова А. В. и др. Новгородский областной словарь. – Санкт-Петербург: Наука. Ленинградское отделение, 2010. – С. 15.
4. Крылов Г. А. Этимологический словарь русского языка. – СПб.: Полиграфсервис, 2005. – 432 с.
5. Преображенский А. Этимологический словарь русского языка. – М.: Типография Г. Лиснера и Д. Совко, 1910–1914. – С. 9–10.
6. Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий: в 4 т. – Санкт-Петербург, 1893–1911. – Т. I. – С. 1121.
7. Рут М. Э. Этимологический словарь русского языка для школьников. – Екатеринбург: У-Фактория; М.: АСТ МОСКВА, 2009. – 304 с.
8. Свиридова М. Н. Этимологический словарь современного русского языка. – М.: Аделант, 2014. – С. 27.
9. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. – Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук, 1893. – Т. I. – Стлб. 231–232.
10. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. – М.: Прогресс, 1986. – Т. I. – С. 95.
11. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. – М.: Русский язык, 1999. – Т. I. – С. 57.
12. Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка. – М.: Просвещение, 1989. – С. 30.
13. Шапошников А. К. Этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. – М.: Флинта: Наука, 2010. – Т. I. – 584 с.
14. Bruckner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. – Warszawa: Wiedza Powszechna, 1985. – 821 s.

УДК 81`27

КОНЦЕПТ «КОЧЕВЬЕ» В АСПЕКТЕ ТЮРКСКОГО ЗАИМСТВОВАНИЯ

М. В. Пименова

Институт иностранных языков (Санкт-Петербург)

А. К. Жукенова, М. М. Досумова, А. Ж. Бейсенова

*Кокшетауский государственный университет им. Уалиханова
(Кокшетау, Казахстан)*

В статье анализируется концепт *кочевье* в аспекте своих мотивирующих признаков. Данный концепт сохранился в тюркских языках. В русский, английский и другие европейские языки этот концепт проник в разное время. В современных языках этот концепт актуализируется при помощи слов с корнями *soash / көч / гөч / кош / көш*. Заимствование этого концепта в другие лингвокультуры обусловлено несколькими причинами: 1. Взаимодействием с кочевыми народами; 2. Актуальностью этого концепта в определенные отрезки времени и развитием его структуры в связи с научно-техническим прогрессом.

Ключевые слова: заимствованный концепт, мотивирующие признаки, структура концепта, языковая картина мира, лингвокультурология, концептология.

The article analyzes the nomadism concept in the aspect of its motivating signs. This concept has been preserved in the Turkic languages. This concept penetrated into Russian, English and other European languages at different times. This concept is actualized using words with the roots *soash / көч / гөч / кош / көш* in modern languages. The borrowing of this concept into other language cultures is due to several reasons: 1. Interaction with nomadic peoples; 2. The relevance of this concept in certain periods of time and the development of its structure in connection with scientific and technological progress.

Key words: borrowed concept, motivating features, concept structure, language picture of the world, linguoculture, conceptology.

Введение. Цель статьи – описать тюркизм *кочевье* в русской языковой картине мира. Задачи: 1. Представить мотивирующие признаки заимствованного концепта *кочевье*. 2. Показать развитие структуры изучаемого концепта на материале разных языков: тюркских, русского и английского.

Обращение к теме заимствования не является новой. Основной тенденцией языкознания было изучение заимствованной лексики из европейских языков. В этой статье акцент делается на заимствование концептов из тюркских языков.

Тема заимствованных концептов появилась относительно недавно в отечественном языкознании [8; 9; 10]. За рубежом эта тема не затрагивалась никогда.

Большинство заимствованных тюркизмов прочно укоренилось среди лексики русского языка благодаря культурным, торговым, военным связям с другими государствами, в которых язык основного населения был тюркским. В повседневной речи мы часто употребляем тюркизмы, не замечая их и не придавая им большого значения. Согласно «Толковому словарю иноязычных слов» Л. П. Крысина, «тюркизм – слово или выражение, заимствованное из тюркских языков; оборот речи, построенный по образцу или под влиянием тюркских языков» [5: 801].

Заимствованные концепты привлекают внимание когнитологов и лингвокультурологов. Концепт *кочевье* – один из заимствованных в русский, английский и другие языки.

Методы и материал исследования. К основным в работе относятся следующие методы: этимологический, сравнительно-исторический, сопоставительный, описательный, концептуальный. Источниками материала исследования служат этимологические и историко-этимологические словари.

Литературный обзор. В научной литературе не так много работ, посвященных исследованию концепта *кочевье*. Данный концепт только начинает становиться объектом пристального изучения как в языкознании, так и в литературоведении.

Н. У. Исина в своей работе «Кочевой мир в русской литературе кочевья, образ, мотив, сюжет, национальные реалии, поэтика» обращается к теме образов кочевья и кочевников в русской литературе XIX–XX вв. [7]. Рассмотрение образов кочевья в литературоведческом аспекте стало новацией в научной литературе.

В своей статье Р. П. Кузьмина «Этимология лексемы *өмчин* в диалектной языковой картине мира эвенов» обращается к слову *өмчин* в ламунхинском говоре эвенского языка, обозначающему «кочевье», которое не имеет аналогов в других эвенских говорах [6]. Эвены – кочевники. Концепт *кочевье* для эвенской языковой картины мира является ключевым.

Обращение к теме заимствованного концепта *кочевье* в разных языковых картинах мира составляет научную новизну проведенного исследования. Актуальность исследования заключается в обобщении мотивирующих и понятийных признаков исследуемого концепта *кочевье*.

Результаты и обсуждение. Обращение к тюркским заимствованиям – одно из актуальных направлений в современной концептологии. Факты языка рассматриваются под другим углом зрения – в аспекте взаимодействия языков и культур в поликультурном пространстве разных народов.

Проанализируем один из тюркизмов – слова *кочевье*, *кочевать* и их производных, которые являются полисемичными в современном русском языке и их аналогов в других языках. Произношение, правописание, словообразование заимствованных слов со временем меняется для более привычного созвучия со своим родным языком. Корень слова *кочевье* может в словарях разных языков обозначаться по-разному: *soach* / *көч* / *гөч* / *кош* / *көш* и др. В «Этимологическом словаре тюркских языков» приводятся слова *көч*, *гөч* в значении «кочевка», *көч* в значении «кочевать», *көчер* «кочевник» [14].

Согласно «Древнетюркскому словарю», существительное *köç* имеет несколько значений: 1. кочевка, кочевье (*köçüñni özüñdä öza iz* «посылай свое кочевье раньше себя»); 2. небольшой отрезок времени (*bir köç küzgil* «подожди немного»). Глагол *köç-* толкуется как «переходить, передвигаться, кочевать» (*sü köçti* «войско передвинулось», т.е. перешло на другое место; *uluşdin ulusqa köçügli kisi* «человек, кочующий из страны в страну»; *bu aţun rabat ol tüşür köçgülik* «караван-сарай»: человек, остановившись передохнуть, должен идти дальше); производное *köçüt* имеет определение «лошадь кочевника» (*köçüt köçürdi* «он перевел лошадь (в другое место)») [3: 311].

В. В. Радлов в словарной статье *köch* отмечает родство слова с другими языками: (уйг.; чаг.) 1. перекочевка, переселение, путешествие, караван; 2. (чаг.) жена, семья [11: 1286, 1287]; *köch* (каз.) = *köch* перекочёвка; кош (каз., шор.) = *köch* переселиться, перекочевать [11: 1304]; *kos* (сар., койб.) = *köch* переселиться, кочевать [11: 1293]; *köts* (бараб., чул., тоб., ком.) = *köch* перекочевать, переселиться [11: 1291]; *köchar* (чаг.) кочевник [11: 1289]; *kötskün* (бараб.) кочевник [11: 1291]. Первопризнаками изучаемого концепта *кочевье* на основе анализа исходного тюркского слова *köch* являются: «переход», «(пере)движение», «переселение», «путешествие», «караван», «жена», «семья».

Древнетюркское производное от *köç* слово *köçür* означает: «1. переселять, перевозить (ol anı evdin köçürdi «он переселил его из дому»). 2. переводить, копировать (ol bitik köçürdi «он скопировал документ») [3: 311]. Как показывает анализ, слова *köçür* в древнетюркском языке и *kөшір* в казахском языке одинаковы по значению.

Современные языки показывают дальнейшее развитие тюркизма *kөç*. Разные лингвокультуры показывают его актуальность в наше время.

Однозначного мнения по поводу появления слово *коч* и его производных в русском языке нет. Н. К. Дмитриев пишет: «Корень *köçh-* с этим значением встречается во многих тюркских языках... Бернекер предполагает, что слово заимствовано из турецкого, но это неверно... Форма [*köçh*] могла быть заимствована из всех других более северных тюркских языков... фактически, конечно, это произошло в степях Приднепровья, Причерноморья или, наконец, Приуралья» [2: 27].

В русском языке есть ряд слов с этим корнем, например *кочевать, кочевье, кочевник*. Е. Н. Шипова отмечает ряд значений у глагола *кочевать*: «устар. вести кочевой образ жизни, менять место стоянки (о кочевниках-скотоводах)» [13: 199]. Автор словаря указывает на богатство словообразовательного гнезда: *кочёвка, кочевание; кочевники; кочевнический, кочевой; кочевничество*, приводя выражение: *кочевая жизнь*. И. И. Срезневский считает, что глагол *кочевати* появился в древнерусском языке с 1380 г. [12: 1305].

В. И. Даль включает в свой словарь несколько статей с однокоренными словами. Первая статья *коча*: «коча, кочь или кочмара ж. арх. палубное двухмачтовое мореходное судно, поменьше ладьи. || Сиб. большое палубное, речное судно, с веслами и с парусами. Сиб. кочи вышли из употреб. Кочмарный, к кочмаре относящ. || Кочь и коць, старинная верхняя одежда, род плаща, епанчи» [1: 182]. Вторая статья *коца, коць*: курс., смол. «стриженный ковер» [Там же]. Третья статья *кочебас*: «турецкое морское судно» [Там же]. Четвертая статья *кочевать*: «вести со всем семейством и хозяйством своим жизнь бродячую, неоседлую; переходить со стадами с места на место, ради подножного корма, перенося с собою и разборное жильё свое, кошемную кибитку, кожаный чум, цыганский шатер, или устраивая себе жильё из жердей коры, лапника и пр. || *Кочевка* также *кочевье* ср. место, занятое кочевым хозяйством; *кочевье* иногда говор. вм. *кочеванье*» [1: 182–183].

«Казачий словарь» приводит слово *коч* в значении «небольшое одномачтовое морское судно с палубой и двумя рулями, на корме и на носу; Сибирские казаки строили кочи сами и плавали на них вдоль берегов Ледовитого океана. В частности, атаман Семен Дежнев вместе с другими казаками обогнул на Коче крайний северо-восточный мыс азиатского материка, названный после его именем – Мыс Дежнева» [4].

В казахском и русском языках *кош* – это летнее временное стойбище кочевников; казачий лагерь, обоз; шалаш, кибитка. Е. Н. Шипова включает в свой словарь статью *кош*: «устар. 1. стан кочевников || летнее временное стойбище кочевников; 2. казачий лагерь, обоз; кошевой атаман» [13: 200]. И. И. Срезневский приводит даты появления слов репрезентантов изучаемого концепта в русском языке: «др.-рус. кошъ (с 1498 г.) стан, обоз, кошевыи (с 1460 г.) обозный» [Срезневский 1: 1307, 1305]. Н. К. Дмитриев относит *кош* к тюркизмам: «Монг., а также чаг., тат., каз., ног., кирг. кош в значении: 1. пара, двойной вьюк; 2. палатка. Слово *qos* (Paar) отмечено еще у Махмуда Кашгарского. Отсюда же *кош* и *кошевой* в практике Запорожской Сечи» [2: 27]. Дополнительно с сказанному, В. В. Радлов *кош* определяет еще как «4. (чаг.) ставка, лагерь, войско; 5. (чаг.) общество, юрты (обитаемые слугами около пашен), стоящие вдали от аула; 6. (кирг.) временная юрта» [11: 635, 636], отмечая, что «кош (мад.) семья, двор» [11: 1304]. Юдахин пишет: «Кирг. кош 1. временная юрта; 2. кош, кочевой лагерь; 3. ист. воинский отряд, отдельная часть войска» [15: 410].

Стан кочевников представляет собой лагерь, где временно устанавливались юрты. У запорожских казаков *кошем* называют селение, станицу (*стан*; ср. название стран: *Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан, Пакистан*), а *кошевой* был начальник коша, станичный атаман (*кошевой атаман*). Сохранились пословицы: *Где ни стал, так стан (там и стан). Каков стан, такова и тень*.

Для казахской лингвокультуры кочевка – это традиционный процесс переселения с одного места (стана) в другой: как в весеннее время года на жайлау, так и в осеннее

время на зимовку, к которому готовились заранее. Для переезда предки казахов использовали верблюдов, лошадей, повозки. Караван возглавлял опытный, знающий дорогу человек. Если по пути встречался путник, то он всегда приветствовал караван, желая благополучно добраться до места кочевья и доброго пути: *Көш көлікті болсын, Құдайым аман көшіп берсін.*

Кочевье – это не просто передвижение, а перемещение скота на новый выпас, на новое пастбище. Корень *köş* содержится в таких словах, как *кочкарь, коцкар, качкар, кочкар* «племенной баран». На флаге и гербе деревни Коч в Венгрии изображен баран: всем известно, что Венгрия славится породой мериносовых овец и тонкой бараньей шерстью.

Кошара – это овечий завод: всё обзаведение для приплода в степях овец. Словом *кошара* называют стойбище для овец, загон, овчарня; загон для скота, баз, стойло. Кошару обычно устанавливали поближе к воде: *Ещё один поворот, и едва заметная в траве колея вывела к старой овечьей кошаре, где их встретили три десятка бандитских, по-другому не скажешь, рож.* В. Полищук, Капитан Магу. Горы любви и скорби, 2019.

Кошма – это плотный ковер, стелимый на пол; войлок из овечьей шерсти; большой кусок такого войлока. Казахи в домашних условиях делали ковры из овечьей шерсти, сверху клали окрашенный орнамент и вкатывали во влажный войлок, так получалась кошма, которой покрывали юрту: *Таким же точно порядком появился и ковер или четырёхугольный кусок кошмы, которым и была завешена дверь палатки от солнца.* Л. Уоллес, Бен-Гур, 1880.

Глаголом *кочевать* обозначалась традиция кочевого образа жизни у кочевников – скотоводов, их смены места стоянки с целью поиска лучших пастбищ для домашнего скота. *Кочевье* в русской классике означает «переезд с одного места на другое», глагол *кочевать* имеет определение «постоянно менять место жительства». Например: *В соседстве новых поселенцев кочевали некоторые татарские семейства, отделившиеся от улусов Золотой Орды и искавшие привольных пажитей на берегах того же Яика.* А. С. Пушкин, История Пугачева, 1834.

Позже в структуре концепта *кочевье* появляется ироничный признак ‘быть бездомным’: *Лотохин: Ничего-с. Я сам бездомовник, человек кочующий; зимой по клубам, а летом по родным кочую.* А. Н. Островский, Красавец мужчина, 1882. В повседневной речи этот признак актуализирует неодобрительную оценку: «перемещаться из одного места в другое, не находя должного применения», например: *Документы кочуют из папки в папку. Постановление кочует из министерства в министерство.*

Кочевник – это человек, который ведет кочевой образ жизни; бедуин, номад, массагет, кочевщик. Жизнь для кочевника – бесконечное путешествие. Люди, объединенные кочевым образом существования, называются *племенем*: Зимой дошли до нас слухи, что якобы в ближнюю степь пришло новое *племя кочевников под именем печенегов.* А. Майборода, Последняя амазонка, 2015. Воинство кочевников называется *ордой*: *Мир шатался, звуки то исчезали, то вламывались в череп, как орда диких кочевников врывается в тихий город.* Ю. Никитин, Семеро Тайных, 1998.

В европейских языках есть слово *coach* «большая крытая телега». По одной из версий, ее название возводят к венгерской деревне Коч (в 65 км от Будапешта). Эту телегу отличает особый тип рессорной подвески – стальной (*kocsis szekér*). Корень *coach* заложен в таких словах европейских языков, как: чешский *kočár*, словацкий *koč*, немецкий *kutsche*, голландский *koets*, каталонский *cotxe*, итальянский *cocchio*, французский *coche*. В Европе этот вид транспорта известен как конные почтовые кареты. На гербе и флаге Будапешта изображена одна из первых моделей повозки.

Английский язык не избежал тюркских заимствований. *Coach* по-английски – комфортабельный автобус для путешествий на длительные расстояния: *It's cheaper to travel by coach than by train* «дешевле путешествовать на автобусе, чем на поезде». В английском языке отмечен ряд устойчивых выражений со словом *coach*.

Coach house – каретный двор, здание, похожее на гараж, в прошлом использовавшееся в Британии. В этом здании находятся экипажи, запряженные лошадьми: *The clutter will start to arrive tomorrow, but we can insist that it's stored in the coach house.* – Беспорядок начнется завтра, но мы можем настоять, чтобы он хранился в каретном дворе. Melville, Anne The Hardie Inherita.

Coaching inn – в прошлом придорожная гостиница, где можно было сменить лошадей: *Many historic coaching inns can still be seen along the traditional route* «Много исторических постоянных дворов все еще можно увидеть вдоль традиционного маршрута».

Английское *coach* получило метонимический перенос. В современном мире со словом *coach* произошел процесс вторичного заимствования: оно из английского языка перекочевало во все языки мира. Слово произошло от названия грузового транспортного средства, оно имеет значение «переносить людей с их места туда, где они хотят быть». *Coach* – это «тренер, наставник; инструктор; коуч», например: *football coach, life coach, business coach. Every coach will tell you that everyone needs a coach* «Каждый наставник скажет вам, что вам необходим наставник».

Заключение. Мотивирующих признаков концепта *кочевье*, выделенных на основе анализа исходного древнетюркского слова *köch*, семь: 'переход', '(пере)движение', 'переселение', 'путешествие', 'караван', 'жена', 'семья'. С этими признаками концепт *кочевье* появился в русском языке. В процессе развития этого признака в структуре концепта *кочевье* появилось 37 понятийных признака: 'палубное двухмачтовое мореходное судно', 'большое палубное, речное судно, с веслами и с парусами', 'турецкое морское судно', 'старинная верхняя одежда, род плаща, епанчи', 'менять место стоянки', 'жизнь бродячая, неоседлая', 'перевоз', 'переход со стадами с места на место', 'переселение', 'перенос разборного жилья', 'кибитка', 'палатка', 'чум', 'шатер', 'место', 'стойбище', 'стан', 'обоз', 'перевод', 'копирование', 'семейство и хозяйство', 'стриженный ковер', 'пара', 'двойной выюк', 'ставка', 'лагерь', 'войско', 'юрта', 'семья', 'двор', 'воинский отряд', 'селение', 'станица', 'баран', 'овца', 'кошма', 'бездомный'. В европейских языках структура концепта *кочевье* пошла по пути развития механических признаков: 'крытая телега', 'почтовая карета', 'автобус'. В английском языке, помимо механистических, в структуре концепта *кочевье* появились цивилизационные признаки культуртрегера (нем. Kulturträger букв. носитель культуры): 'наставник', 'тренер', 'учитель', 'инструктор'. С этими признаками слово *коуч* вернулось в разные языки, в том числе и тюркские.

ЛИТЕРАТУРА

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.-СПб.: Изд. Книгопродавца-типографа М. Р. Вольфа, 1881. Т. II. 807 с.
2. Дмитриев Н. К. О тюркских элементах русского словаря // Лексикографический сборник. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1958. Вып. 3. – С. 3–47.
3. Древнетюркский словарь. – Ленинград: Наука, 1969. – С. 311.
4. Казачий словарь [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://krutinka10.narod.ru/ist_krutinka/slovar.htm (дата обращения: 10.01.2017).
5. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. – М.: Эксмо, 2006. 944 с.
6. Кузьмина Р. П. Этимология лексемы *өмчин* в диалектной языковой картине мира эвенов // Международный научно-исследовательский журнал. – 2021. – № 6 (108). – Ч. 5. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/etimologiya-leksemy-mchin-v-dialektnoy-yazykovoy-kartine-mira-evenov>. (дата обращения: 10.00.2021).
7. Ивина Н. У. Кочевой мир в русской литературе кочевье, образ, мотив, сюжет, национальные реалии, поэтика // Русский язык и литература в тюркоязычном мире: современные концепции и технологии. Материалы Международной научно-практической конференции. Казань, 2016. – С. 164–167.
8. Пименова М. В. Политика в зеркале метафоры // Современная политическая лингвистика: материалы международной научной конференции. – Екатеринбург, 2003. С. 131–132.
9. Пименов Е. А., Пименова М. В. Сопоставительный анализ заимствованных концептов (на примере русского концепта *идея* и немецкого концепта *Idee*) // Концептуальные сферы МИР и ЧЕЛОВЕК: коллективная монография / Отв. ред. М. В. Пименова. – Кемерово: ИПК «Графика», 2005. – С. 143–177. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 6).
10. Пименова М. В. Обман воображаемых миров (мир иллюзий: опыт заимствованного концепта) // Концептосфера и языковая картина мира / отв. ред. Е. А. Пименов, М. В. Пименова. – Кемерово: КемГУ, 2006. – С. 26–37. (Серия «Филологический сборник». Вып. 9).
11. Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. – СПб.: Типография Имп. Акад. наук, 1893–1911. Т. 1–4.
12. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. – СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1893–1912. Т. I. 1420 стлб.
13. Шипова Е. Н. Словарь тюркизмов в русском языке. – Алма-Ата: Наука, КазССР, 1976. – 444 с.
14. Этимологический словарь тюркских языков / отв. ред. Г. Ф. Благова. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 368 с.
15. Юдахин К. К. Киргизско-русский словарь. – М.: Советская Энциклопедия, 1965. – 503 с.

О ТЕЗАУРУСНОМ МОДЕЛИРОВАНИИ КЛЮЧЕВЫХ ПОНЯТИЙ И ТЕРМИНОВ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

Ф. К. Сагдеева

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ (Казань)

Междисциплинарное направление лингвокультурология формируется в конце XX века. Основу данного направления составляет антропоцентрическая парадигма, которая предполагает новый подход к языку как объекту исследования. В статье рассматриваются ключевые понятия и терминология, составляющая метаязык лингвокультурологии.

Ключевые слова: лингвокультурология, антропоцентрическая парадигма, ключевые понятия и термины.

Interdisciplinary direction linguocultureology is formed at the end of the twentieth century. The basis of this direction is an anthropocentric paradigm, which involves a new approach to the language as an object of study. The article discusses key concepts and terminology that constitutes linguocultureology metalasack.

Key words: linguocultureology, anthropocentric paradigm, key concepts and terms.

Антропоцентрическая парадигма составляет основу развития лингвокультурологии. При таком понимании вопроса в поле зрения исследователей попадает понятие «языковая личность». В отечественном языкознании понятие «языковой личности» известно по трудам В. В. Виноградова, а в зарубежной лингвистике оно связано, прежде всего, с именем Л. Вайсберга. По мнению Ю. Н. Караулова, языковая личность – это «любой носитель того или иного языка, охарактеризованный на основе анализа произведенных им текстов с точки зрения использования в этих текстах системных средств данного языка для отражения видения им окружающей действительности (картины мира) для достижения определенных целей в этом мире» [8: 48]. Определение «языковой личности», предложенное им, с некоторыми уточнениями и дополнениями принимается исследователями как базовое.

Ученый наполняет это понятие особым теоретическим содержанием. Он определяет его следующим образом: «многослойный и многокомпонентный набор языковых способностей, умений, готовностей к осуществлению речевых поступков разной степени сложности, поступка, которые классифицируются, с одной стороны, по видам речевой деятельности (аудирование, говорение, чтение, письмо), а с другой – по уровням языка, т.е. фонетике, грамматике и лексике» [8: 29].

Ю. Н. Караулов считает, что структура языковой личности состоит из трех уровней: 1. вербально-семантического, или структурно-системного, предполагающего для носителя нормальное владение естественным языком, а для исследователя – традиционное описание формальных средств выражения определенных значений; 2. лингвокогнитивного, или тезаурусного, единицами которого являются понятия, идеи, концепты, складывающиеся у каждой языковой индивидуальности в более или менее упорядоченную, более или менее систематизированную «картину мира», отражающую его иерархию ценностей; лингвокогнитивный уровень устройства языковой личности ее анализ предполагает расширение значения и переход к знаниям, а значит охватывает интеллектуальную сферу личности, давая исследователю выход через язык, через процессы говорения и понимания – к знанию, сознанию, процессам познания человека; 3. мотивационно-прагматического, включающего в себя цели, мотивы, интересы, установки и интенциональности; этот уровень обеспечивает в анализе языковой личности закономерный и обусловленный переход от оценок ее речевой деятельности к осмыслению реальной деятельности в мире [8: 9–10].

Таким образом, языковая личность характеризуется не только степенью владения языком. Но и выбором – социальным, личностным – языковых средств различных уровней, а также видением мира, определяемым его языковой картиной. В результате в поле зрения лингвистического исследования оказываются цели, и мотивы, и задачи речевой деятельности индивида [15].

Языковая личность национальна и принадлежит определенному лингвокультурному сообществу. В данном аспекте понятие языковой личности соотносится с понятием «языковая картина мира», которое представляет собой модель лингвокультурной специфики того или иного народа. Исследователи отмечают, что языковая картина мира отражает реальность через культурную картину мира. *Культурная картина мира* представляет собой совокупность рациональных знаний и представлений о ценностях, нормах, правах, менталитете собственной культуры и культур других народов. Эти знания и представления придают культуре каждого народа самобытность, благодаря чему становится возможным отличить одну культуру от другой.

Культурная (понятийная) картина мира – отражение реального мира через призму понятий, сформированных в процессе познания мира человеком на основе как коллективного, так и индивидуального опыта. Эта картина специфична для каждой культуры, возникающей в определенных природных и социальных условиях, отличающих ее от других культур [5: 160].

Содержание языковой картины мира раскрывается в совокупности понятий, которые принято обозначать общим термином – *ментефакты*. Ментефакты представляют собой элементы «содержания» сознания и включают культурно маркированные знания, концепты и представления [9: 36]. Знания представляют собой некие информационные, содержательные единицы, совокупность которых представляет собой определенным образом структурированную систему. Знания могут быть национально нейтральными или национально маркированными.

К базовым понятиям лингвокультурологии относится и понятие *концепт*. Ю. С. Степанов пишет, что «концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека, то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек-рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее... Концепт – основная ячейка культуры в ментальном мире человека» [18: 40–41]. Таким образом, в наиболее важных культурных концептах языка актуализируется ментальность народа, которая представляет собой способ видения мира, уровень общественного сознания. Существует типология концептов, которая включает в себя концепты, обозначающие универсальные категории культуры (космические и философские), социальные категории и категории национальной культуры.

В связи с понятием «*культурный концепт*» В. В. Воробьев рассматривает и такое понятие, как «*лингвокультурема*». Введенный им термин «лингвокультурема» соответствует комплексной межуровневой единице, которая представляет собой диалектическое единство лингвистического и экстралингвистического (понятийного или предметного) содержания [4: 44, 49]. В понимании исследователя лингвокультурема есть совокупность формы языкового знака, его содержания и культурного смысла, сопровождающего этот знак. По мнению В. В. Воробьева, глубинный смысл, который потенциально присутствует в значении как элемент его содержания, особенно важен для понимания лингвокультуремы.

Однако не всеми учеными принимается такой подход к пониманию содержания термина «лингвокультурема», так как в нем не раскрывается механизм того, где и как прикрепляется культурная информация в языковом знаке [4: 52]. Из всего вышесказанного следует, что лингвокультурема по своей сущности является неоднородной и сложной.

Рассмотрим знаковую природу лингвокультуремы. Означаемое лингвокультуремы включает элементы культурной и языковой парадигм, т.е. может быть представлено в виде бинарной структуры, частями которой являются культурное означаемое и языковое означаемое.

Сущность культурного означаемого составляют *культурные установки, идеологии, стереотипы*.

Языковым означаемым является один или несколько блоков значений. В центре означаемого лингвокультуремы находится культурный семантический компонент, отражающий интерпретацию того или иного блока значения теми или иными культурными установками, идеологемами, стереотипами. Языковое означаемое описываемой лингвокультуремы представляют следующие компоненты: базовый языковой образ; интенсификация значения, являющаяся результатом культурной интерпретации образа;

отрицательная или положительная оценка, отражающая итоги соотнесения культурной интерпретации внутренней формы с культурной установкой; эмотивность неодобрения, которая является результатом культурной интерпретации образа и оценки и выражается в типовой эмоциональной реакции на данные знаки.

Означающее лингвокультуры представлено системой возможных для репрезентации данного смысла языковых единиц. Языковое означаемое рассматриваемой лингвокультуры репрезентировано словами, фразеологическими единицами, паремиями. Другими словами, знаковая специфика лингвокультуры проявляется в том, что имеет инвариантное означаемое и вариативное означающее.

Лингвокультура соединяет и культурную, и языковую семиотические системы. Это находит свое отражение в том, что культурная информация воплощается в одном из блоков значения. Исследователи обращают внимание на то, что тип культурно значимых языковых единиц репрезентирует, предопределяет, охраняет культурно значимые способы поведения.

Таким образом, важнейшими функциями лингвокультуры являются связующая (осуществляет связь языка и культуры); кумулятивная (является средством хранения культурной информации в языке); моделирующе-гносеологическая (отражает и определяет сценарии поведения человека в культурном пространстве).

Результатом процессов репрезентации и категоризации являются языковые картины мира, отражающие системы ценностей, действующие культурные коды. Процессы языковой репрезентации связаны с выражением смысла, процессы категоризации включением в языковую систему. Культурные аспекты репрезентации проявляются в том, как он интерпретирован в языке. Эти процессы находят свое воплощение в значении и значимости языковой единицы – способах хранения культурной информации в языке.

Представления включают в себя собственно представления и образы, а также связанные с ними оценки и коннотации.

Е. С. Кубрякова дает следующее определение представлениям: «Ощущения, которые возникают у человека при его взаимодействии со средой, приходят к нему по разным каналам – зрительному, слуховому, тактильному и т.д. Сенсорные механизмы преобразуют эти материальные стимулы, придавая им символический характер. Эти преобразованные символические образования и являются представлениями...» [10: 15]. Таким образом, представления в сопоставлении с ощущениями характеризуются репрезентативностью, символическим характером.

Исследователи отмечают, что представления возникают как мыслительные корреляты чувственно воспринимаемых предметов. Данный вид ментальных единиц составляет основу наивной картины мира и является результатом работы обыденного сознания и составляет основу наивной картины мира, т.е. системы донаучных (ненаучных), обыденных, отчасти национально детерминированных знаний [2: 349–352].

Главным репрезентантом представления выступает внутренняя форма. Она является семантическим стержнем представления. Внутренняя форма, по мнению А. А. Потебни, и есть представление [13: 125]. Исследователи считают, что в представлении выделяется наиболее важный, с точки зрения членов лингвокультурной общности или социума, признак реалии. Спектр языковых репрезентаций представлений достаточно широк: от слова до синтаксического целого. Представления не имеют четкого экстенционала. Их интенционал открыт, т.е. набор признаков, может варьироваться. Представления могут иметь как объективную, так и субъективную природу.

Объективные представления социальные, в них отражается коллективное миропонимание. Представления имеют свои способы образования, по мнению Потебни, к ним относятся ассоциации и слияние [13: 177].

Таким образом, дифференциальными признаками представлений являются следующие моменты: их донаучный (наивный) характер, нечеткий экстенционал, вариативный интенционал.

Кроме представлений, атрибутами наивной картины мира являются культурные установки, идеологемы.

Культурные установки – « это совокупность знаний о поведении в ситуации общения, определяемых культурной традицией» [3: 33]. В результате взаимодействия

с другими индивидами человек осознает себя членом коллектива, продуктами такого взаимодействия являются эталонизированные образцы поведения (культурные установки), имеющие характер рекомендации, правила закона, например, *эшеңне жиренә житкереп эшлә*, т.е. ценностно маркированные. Именно таким образом человек узнает как вести себя в той или иной ситуации, как следует отнестись к тому или иному явлению, какую оценку получит, совершив тот или иной поступок и т.п., т.е. овладевает культурно обусловленными сценариями поведения.

Особым видом культурных установок являются *идеологемы*. Они используются на определенном культурном срезе и меняются при переходе от одной культурной модели к другой. Идеологемы включают набор актуализированных в тот или иной период ценностей. По мнению исследователей, идеологемы отличаются от культурных установок более высокой сложностью своей организации, императивностью, безапелляционностью. Культурные установки и идеологемы могут сосуществовать. Еще одним отличием культурных установок от идеологем является возможная противоречивость установок и обязательная согласованность идеологем на одном культурном срезе. Так, культурной установке *эшеңне намус белән башкар* противопоставлена нет смысла честно трудиться *эшләп кем баеган*. В данном случае паремический фонд предопределяет оптимальные формы языковой репрезентации сценарного характера концептуального содержания культурных установок и идеологем. Культурным установкам близки по своим функциям и сущности стереотипы.

Стереотип – это социокультурно маркированная единица ментально-лингвально-го комплекса представителя определенной этнокультуры, реализуемая в речевом общении в виде нормативной локальной ассоциации к стандартной для данной культуры ситуации общения [14]. В. В. Красных определяет стереотип как некоторое «представление» фрагмента окружающей действительности, как фиксированную ментальную «картинку» [9].

Одним из средств репрезентации культурных стереотипов является внутренняя форма. В основе стереотипа лежат стандартные признаки того или иного явления, которые могут интерпретироваться сознанием как эталоны хорошего или плохого. Эти свойства внутренней формы позволили Н. Ф. Алиференко сравнить ее с речемыслительным кентавром, «фокусирующим в себе одни из признаков этимологического образа, модально-оценочный элемент эмосемы и отдельные смысловые гены концепта» [1: 27]. Например, в основе внутренних форм терминов, обозначающих детали изделий и инструментов – *каш*, *күз*, *тырнак* и др. (бровь, глаз) – лежит стереотипное представление о том, что изделие подобно человеку (человек становится эталоном, мерой создаваемых вещей). Так, Р. К. Рахимова, исследовавшая татарскую лексику ювелирного дела, пишет, что органы человека в ювелирной лексике означают: *каш* – обработанный ювелирный камень для украшений, вставка; *күз* – дырочки для вдевания колец или петелек в браслетах, ожерельях и чулпы-накосниках; *тырнак* (ноготь, ногти) в лексике ювелиров – зубчики шагона – гнезда для вставки камня в перстни, серьги и т.п. [11: 95].

Свойства внутренних форм репрезентировать сформированные той или иной лингвокультурной общностью стереотипы обусловило их квалификация как квазистереотипов [19].

Внутренняя форма (квазистереотип) представляет собой вербализацию того или иного положения дел (концептуального образа), которое может быть структурировано как гештальт, сцена, сценарий (скрипт), фрейм. Д. Б. Ольховиков отмечает: «Языковой образ – это вербализованное зрительное восприятие предметного мира, фиксирующее форму, цвет, свет, объем и положение в пространстве письменного предмета» [12: 338]. Процесс вербализации того или иного стандартного положения дел связан с актуализацией одного и редукцией остальных его признаков. А. А. Потехина отмечает: «Внутренняя форма есть ... центр образа, один из его признаков, преобладающий над всеми остальными [13: 125]. Автор учит различать внутреннюю форму и образ. Внутренняя форма – это центровая часть образа, один из его компонентов. Ученые отмечают, что многочисленные семантические и ономазиологические исследования демонстрируют тенденции к редукции и различению этих понятий, что находит свое объяснение в задачах исследования: акцентировании внимания на семасиологической и

ономазиологической специфике языкового образа. В настоящем исследовании внимание фокусируется на внутренней форме в прямом смысле слова, что объясняет синонимическое использование терминов *внутренняя форма* и *языковой образ*.

Признак, ставший внутренней формой языковой единицы, получает особую роль – репрезентировать данное представление. Эта особенность внутренней формы дает возможность ее определить как квазиденотативное содержание языкового знака [19: 236]. По мнению исследователей, процесс выбора подобного признака обусловлен культурными факторами и отражает специфику национальной категоризации и концептуализации мира.

Внутренняя форма является своеобразным результатом процесса языковой категоризации. Выбор определенного признака связан с процессом его эталонизации: выбранная сознанием человека черта становится своеобразной мерой явления, нормой хорошего или плохого, получает общепризнанный характер, который выражается в том, что использование языковой единицы отражает способ мировидения и может быть сопряжено с какой-либо эмоциональной реакцией.

Ученые считают, что специфика природы квазистереотипа состоит в том, что он как бы «схвачен» знаком, представляя часть его значения, которая отсылает, с одной стороны, к денотативно-сигнификативному, а с другой – к прагматическому компонентам. Внутренняя форма всегда опирается на другой знак, что определяет ее мотивированность. Мотивированность представляет собой интерпретационный компонент внутренней формы, который является результатом апперцепции человеческой психики – обусловленности каждого конкретного восприятия предыдущим опытом человека [13: 1999].

По мнению В. Н. Телия, в основе этого компонента лежит принцип фиктивности «как если бы», который определяет движение по шкале «живой – стертый / мертвый образ». Интерпретационный компонент внутренней формы отражает устойчивые, социально значимые отношения между мотивирующими и мотивированными именами и стоящими за ними явлениями. По этому поводу Н. Ф. Алефиренко пишет: «Это дает возможность образным единицам языка стереоскопически представлять всю смысловую эволюцию, «траекторию культурного развития» в парадоксальном сочетании всеобщего и особенного, субъективного и объективного видения мира [1: 35].

Факт утраты образности может указывать на следующее: снижение ценностного статуса обозначаемого языковой единицей явления; усложнение понятия, проявляющее в обрастании его смыслового стержня, репрезентированного языковым образом, новыми признаками, приведшее к затемнению внутренней формы; смену культурной парадигмы (культурных установок и стереотипов, особенностей материальной культуры), в которой была порождена данная внутренняя форма.

Исследователи считают, что каждый из этих факторов имеет одинаковую когнитивную основу: признак, положенный в основу внутренней формы, не может более представлять все значение языковой единицы, становится несущественным. Мертвые внутренние формы уже не объясняют то или иное явление.

Культурно-семиотический подход к внутренним формам позволяет выделить лингвосемиотические ряды, представляющие те или иные лингвокультуремы. Базовый образ, который моделируется в результате обобщения внутренних форм, является своего рода основанием для выделения лингвосемиотического ряда. Он отражает процессы аспектуализации культуры, которые находятся под влиянием культурного кода. Следовательно, внутренняя форма является отражением способа мировидения.

Таким образом, интерпретирующую роль по отношению к смыслу выполняет внутренняя форма. Из многообразия знаний она выделяет один признак, отражающий стереотипные представления определенной лингвокультурной общности о нормах хорошего или плохого. Квазистереотипы являются своеобразным входом в концепт.

Прецедентные феномены включают феномены: хорошо известные всем представителям национально-лингвокультурного сообщества (имеющие сверхличностный характер); актуальные в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане; обращение (апелляция), к которым постоянно возобновляется в речи представителей того или иного национально-лингвокультурного сообщества [9: 44–45].

Различают следующие виды прецедентных феноменов:

а) социумно-прецедентные феномены – феномены, известные любому среднему представителю того или иного социума (генерационного, социального, конфессионального, профессионального и т.д.) и входящие в коллективное когнитивное пространство, т.е. феномены, которые могут не зависеть от национальной культуры: общие, например, для всех мусульман (конфессиональный социум) или для врачей (профессиональный социум); б) национально-прецедентные феномены – феномены, известные любому среднему представителю того или иного национально-лингвокультурного сообщества и входящие в национальную когнитивную базу; в) универсально-прецедентные феномены – феномены, известные любому среднему современному homo sapiens и входящие в «универсальное» когнитивное пространство («универсальную» когнитивную базу) [9: 50].

Прецедентные феномены включают прецедентные высказывания, имена, ситуации и тексты.

Прецедентное высказывание – репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности, законченная и самодостаточная единица, которая может быть или не быть предикативной; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу: последний всегда «шире» простой суммы значений; в когнитивную базу входит само прецедентное высказывание как таковое; прецедентное высказывание неоднократно воспроизводится в речи носителей языка. К числу прецедентных высказываний принадлежат различные тексты. Прецедентным высказыванием может быть 1) цитата (в том числе и трансформированная), 2) название произведения, 3) полное воспроизведение небольшого по объему текста [6: 107].

Прецедентное имя – это индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом, как правило, относящимся к прецедентным, или с прецедентной ситуацией, это своего рода сложный знак, при употреблении которого в коммуникации осуществляется апелляция не к собственному денотату (референту), а к набору дифференциальных признаков данного прецедентного имени; может состоять из одного или более элементов, обозначая при этом одно понятие [6: 48].

Г. Р. Галиуллина к прецедентным именам относит имена мифологических, литературных героев и реальных личностей. Автор пишет, что «антропоним, переходя в разряд прецедентного имени, наполняется дополнительным смысловым контекстом, который отсутствует в его основном значении. Следует отметить, что смысловый объем прецедентных имен формируется не контекстом, они включаются в него уже готовыми семантическими оттенками. Они известны для носителей языка, воспринимаются представителями татарского лингвокультурного сообщества со всеми эмоционально-оценочными нюансами и активно функционируют в речи» [7: 120].

В татарской лингвокультуре в качестве прецедентных имен рассматриваются: персонажи волшебных сказок, имена которых приобрели нарицательный характер Алтынчеч (золотоволосая девушка), Алтынбай (букв. богатый золотом или золотой богач), Таз (плешивый, положительный герой), Карунбай (очень богатый и очень жадный человек); Саламторхан (бедный герой сказки, живший в соломе), персонаж поэмы Г. Тукая Былтыр (прошлый год) – воплощение находчивости и сообразительности и др.; прозвища, среди которых наиболее известный Шакур-Карак (конокрад). Он пользовался большой популярностью как среди простого народа, так и у местных властей и др. [16: 30].

Прецедентная ситуация – это некая «эталонная», «идеальная ситуация», связанная с набором определенных коннотаций, дифференциальные признаки которой входят в когнитивную базу, означающими прецедентной ситуации могут быть прецедентное высказывание или прецедентное имя, например, царица Соембикэ, которую с младенцем на руках выдали ее врагу Ивану Грозному.

Термин «прецедентный текст» был введен в научный обиход Н. В. Карауловым. *Прецедентные тексты* определены им как тексты: 1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях; 2) имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников; 3) обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности [8: 216].

Прецедентные тексты Ю. Н. Караулов характеризовал через понятие «хрестоматийность», которое распространяется не только на художественные тексты известных классиков литературы. В круг прецедентных текстов также входят тексты, существующие до художественной литературы «в виде мифов, преданий, устно-поэтических произведений», а также «библейские тексты и виды устной народной словесности (притча, анекдот, сказка и т.п.) и публицистические произведения историко-философского и политического звучания» [8: 216]. По мнению ученого, следствием хрестоматийности и общеизвестности прецедентных текстов является их «реинтерпретируемость», в результате которой прецедентные тексты «перешагивают рамки словесного творчества, где исконно возникли, воплощаются в других видах искусств (драматическом спектакле, поэзии, опере балете, живописи, скульптуре)» [8: 217].

К определяющим характеристикам текстов Ю. Н. Караулов относит хрестоматийность и общеизвестность, эмоциональную и познавательную ценность, проявляющуюся в их многократной интерпретации (воспроизводимости) в различного рода текстах и дискурсах, что в итоге ведет к тому, что такие тексты становятся «фактом культуры» [8: 217].

В татарской культуре суры и аяты Корана являются значимыми при сюжетопорождении художественных произведений. Многие памятники тюрко-татарского словесного искусства в той или иной степени связаны со Священной книгой мусульман. Произведения Ахмеда Ясави, Кул Гали, Насретдина Рабгузи, Махмуд-ал-Болгари, Хусам Кятиба, Мухаммедьяра, Кул Шарифа, Суфи Аллахира, Тажетдина Ялчыголова, Абульманиха Каргалый, Хибагуллы Салихова, Шамсуддина Заки, Мавля Куля, и др. пропитаны духом ислама. В художественных произведениях, написанных на старотатарском языке, систематически употребляются отдельные цитаты из Корана или хадиса [16: 28–29].

Термин «прецедентный текст» оказался востребованным среди ученых, Это привело к расширению изначального значения термина «прецедентный текст» и уточнению его понятийных составляющих. Так, Г. Г. Слышкин и М. А. Ефремова к прецедентным текстам причисляют «любую характеризующуюся цельностью и связностью последовательность знаковых единиц, обладающую ценностной значимостью для определенной культурной группы» [17: 45]. По мнению авторов, в число прецедентных текстов входят «тексты, обладающие ценностной значимостью в течение относительно короткого времени: тексты, прецедентные для сравнительно узкого круга лиц (семейной группы, студенческого коллектива, например, рекламный ролик или анекдот» [17: 40].

Расширение значения термина «прецедентный текст» касается и соотносимых с данным термином уточняющих моментов, в частности, таких как ценность и усвоение текстов. Ценность, как отмечают Г. Г. Слышкин и М. А. Ефремова, не обязательно может быть положительной. Она может быть и отрицательной. Усвоение текста языковой личностью может быть как актом «доброй воли», так и результатом «текстового насилия». При «текстовом насилии», осуществляемым индивидиумом либо общественными институтами, происходит «усвоение текста при отсутствии у адресата самостоятельно сформировавшейся интенции ознакомления с текстом». В качестве примеров прецедентности такого типа авторы приводят трилогию Л. И. Брежнева «Малая земля», «Целина», «Возрождение» и др. [17: 40].

В целом, по мнению исследователей, прецедентный текст – это законченный и самостоятельный продукт речемыслительной деятельности; (поли) предикативная единица; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна любому среднему члену национально-лингвокультурного сообщества; обращение к прецедентному тексту может многократно возобновляться в процессе коммуникации через связанные с этим текстом прецедентные имена.

Артефакты – предметы из вторичного, сказочного мира которые являются национально-маркированными и значимыми для данной культуры. Изначальный образ артефакта основывается на реалии с последующим наращением качеств и/или свойств предмета.

Исследователи считают, что *духи или бестиарии* не единичны, доказательством тому в определенной степени является множественность образов, в которых они

предстают человеку. В татарской лингвокультуре мы обнаруживаем таких персонажей, как *Шурале* – антропоморфное мифическое существо, которое описывается как низкорослое, горбатое, с длинными тонкими пальцами, небольшим рогом на лбу, а также *Бичура* (домовой), *өй (йөрт) иясе* (домовой), *су бабасы* (водяной дед), *су иясе* (водяной), *су анасы* (водяная), *мунча иясе (фәрештәсе)* и др. [16: 30].

Таким образом, в результате анализа научных источников были выявлены ключевые понятия и термины лингвокультурологии, которые отражают основное содержание этой лингвистической области знаний.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко Н. Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры. – М., 2002. – 392 с.
2. Апресян Ю. Д. Избранные труды. – Т. 1. Лексическая семантика: 2-е изд., испр. и доп. – М.: Языки русской культуры». 1995. – 472 с.
3. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. – Тамбов, 2001.
4. Воробьев В. В. Лингвокультурология: Теория и методы / В. В. Воробьев. – М.: Изд-во Российск. ун-та дружбы народов, 1997. – 331 с.
5. Грушевицкая Т. Г., Попов В. Д., Садохин А. П. Основы межкультурной коммуникации: Учебник для вузов / Под ред. А. П. Садохина. – М.: ЮНИТИ – ДАНА, 2003. – 352 с.
6. Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 288 с.
7. Галиуллина Г. Р. Прецедентные имена в современном татарском языке // Ученые записки Крымского Федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – Симферополь, 2016. – С. 117–121.
8. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 261 с.
9. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. Лекционный курс / В. В. Красных. – М.: Гнозис, 2002. – 284 с.
10. Кубрякова Е. С. Проблемы представления знаний в современной науке и роль лингвистики в решении этих проблем // Язык и структуры представления знаний. – М., 1992. – С. 4–38.
11. Рахимова Р. К. Лексика и словарь татарского ювелирного дел. – Казань: Фикер, 2002. – 192 с.
12. Ольховиков Замечания об особенностях филологического анализа и текстологического истолкования текста при переводе // Актуальные проблемы межкультурной коммуникации: Сб. науч. трудов. Вып. 444. – М.: МГЛУ, 1999. – С. 103–114.
13. Потехина А. А. Мысль и язык / А. А. Потехина. – Киев: СИНТО, 1993. – 364 с.
14. Прохоров Ю. Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев / Ю. Е. Прохоров. – М.: Педагогика-пресс, 1996. – 215 с.
15. Сагдеева Ф. К. Проблемы культуры татарской речи в условиях активного двуязычия: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ф. К. Сагдеева. Казань, 2001. – 25 с.
16. Сагдеева Ф. К., Гайнанова Д. Р. Татарский концепт как объект лингвокультурологического анализа. – Казань: ИЯЛИ. 2017. – 248 с.
17. Слышкин Г. Г., Ефремова М. А. Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа). – М.: Водолей Publishers, 2004. – 153 с.
18. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.
19. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В. Н. Телия. – М.: Наука, 1986. – 144 с.

УДК 81/8

О ДЕРИВАЦИОННЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ГЛАГОЛОВ РЕЧИ В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Р. Р. Салахова

Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань)

Статья посвящена изучению деривационных свойств глаголов коммуникации в татарском языке. Актуальность рассматриваемой проблемы определяется тем, что глаголы речевой деятельности татарского языка до сих пор не стали объектом отдельных научных исследований. В настоящей работе впервые определяются деривационные возможности глаголов речевой деятельности татарского языка на уровне словообразовательной парадигмы. В ходе исследования была выявлена структурная специфика данной глагольной лексики, раскрыты словообразовательные значения суффиксов, образующих глаголов речи, а также продемонстрирован ряд вспомогательных и модифицирующих глаголов,

принимающих активное участие в образовании составных глаголов исследуемой группы. Анализ словообразовательных возможностей коммуникативных глаголов позволяет выявить специфику отношений между деривационно-семантическими сегментами глаголов данной группы, а также послужит материалом для исследования семантической связи между мотивирующим и мотивированным словом.

Ключевые слова: татарский язык; семантика; коммуникативная лексика; глаголы речи; словообразование.

The article is devoted to the study of the derivational features of communicative verbs in the Tatar language. The relevance of this problem is determined by the fact that the verbs of speech activity of the Tatar language are still not the object of a separate scientific study. In this work, for the first time, the possibilities of derivation at the level of the speech paradigm of the beginning of language speech activity are determined. The study revealed the structural features of this verbal vocabulary, revealed the commonly used meanings of suffixes forming talking heads, and also showed auxiliary and modifying heads actively involved in the formation of composite heads of the studied group. The analysis of the speech capabilities of communicative verbs makes it possible to identify the specifics of the relations between the derivational-semantic segments of this group of verbs, and will also serve as material for the study of the semantic relationship between the motivating and motivating word.

Key words: Tatar language; semantics; communicative vocabulary; verbs of speech; word formation.

Речевая деятельность имеет огромное значение в жизни любого человека. Без коммуникации человеческая речь невозможна, а значит и невозможно и существование общества [1: 3]. Коммуникация в лингвистике, целенаправленная передача некоторого содержания с помощью языковых форм от одного участника ситуации общения другому. Коммуникативная лексика – это группа слов, включающая в себя языковые единицы разных частей речи и различные фразеологизмы [2: 48]. Одним из важнейших частей речи в указанной группе являются глаголы речи, используемые для обозначения различных процессов речевой деятельности человека. Основные глаголы речи, т.е. глаголы, обозначающие чистый акт говорения, и глаголы речи с дифференцированным значением: одни определяют характер или способ речи (*эйту* ‘сказать’, *говорить*); *сөйләү* ‘рассказывать’; *сорау* ‘спрашивать’; *сөйләшү, гапләшү, гөрләшү* ‘разговаривать с кем-либо’), другие называют объект речи с упором на форму высказывания (*чакыру* ‘звать’, ‘позвать’, ‘вызвать’; *кычкыру* ‘кричать’, *пышылдау* ‘шептать’, ‘шепнуть’ и др.).

В последнее время многие ученые как отечественные, так и зарубежные, исследовали глаголы речи и речевого действия, анализировали их, ставя перед собой совершенно разные задачи. В. П. Бахтина, например, обращала внимание на синтаксические свойства указанных глаголов. Ю. Д. Апресян, Л. М. Васильева, Г. К. Кулиев уделяли внимание, в основном, лексическому значению глаголов речи [3: 147]. В предлагаемой работе впервые предпринимается попытка посмотреть и проанализировать, словообразовательные возможности глаголов речи в татарском языке.

Специфика глаголов речевой деятельности обусловлена широкой многоаспектностью самого процесса речевой коммуникации, которая включает сообщение, повествование, описание, запрос о сообщении, говорение. Глаголы речи могут характеризовать внешнюю и коммуникативную сторону речи, ее эмоциональную оценку: *сөйләү* ‘рассказывать’, *говорить*, *эйту* ‘сказать’, *тиргәү* ‘ругать’, *ялганлау* ‘лгать’, *сорау* ‘спросить’, ‘просить’, *дәшү* ‘обратиться’, *бәхәсләшү* ‘спорить’, *җавап бирү* ‘отвечать’, *белешү* ‘узнавать’, *киләшү* ‘соглашаться’, *боеру* ‘приказывать’, *кушу* ‘велеть’, *үгетләү* ‘наставлять’, *сәламләү* ‘приветствовать’ и др.

Лексико-семантическая группа глаголов включает семантически неоднородные глагольные единицы, что дает основания для выделения нескольких лексико-семантических подгрупп. Например, лексико-семантическая подгруппа «предложение»: *тәкъдим итү* ‘предлагать’, *рекомендовать*, *киңәш бирү, киңәш итү* ‘советовать’, *сүз бирү, вәгъдә бирү* ‘обещать’, *дәлилләү* ‘доказывать’, *сүз куюшу* ‘договариваться’. Данная подгруппа состоит из разноструктурных глаголов, которые объединены интегральной семой «давать советы».

Аналитические глаголы, такие как *киңәш биру*, *киңәш иту* 'советовать' имеют синонимичный характер [5: 80]. Это пара однокоренных глаголов, производящей основой которых является существительное *киңәш* 'совет'. Рассмотрим еще одну синонимическую пару в данной подгруппе: *сүз биру*, *вәгъдә биру* 'обещать'. В отличие от первой пары, указанные глаголы не однокоренные, однако у них одинаковая модель словообразования: *имя существительное + вспомогательный глагол ит*. Следует отметить, что первая пара имеет разные словообразовательные модели: *существительное + вспомогательный глагол бир* (*киңәш + бир*) и *существительное + вспомогательный глагол ит* (*киңәш ит*).

Вызывает интерес деривационные особенности лексико-семантической подгруппы глаголов, характеризующие внешние признаки речи: *мыгырдау* 'бубнить', 'бормотать', *акыру* 'орать', *бакыру* 'кричать', *быкылдау*, *лыкылдау* 'лепотать' *пышылдау* 'говорить шепотом', *гөр килү* 'шуметь' и т.п. Как видно из примеров, производящую основу указанных глаголов составляют звукоподражательные слова, здесь можно отметить следующие модели словообразования:

- а) корень (звукоподражательное слово) + суффикс *-ылда/-елдә*;
- б) корень (звукоподражательное слово) + суффикс *-да/-дә*;
- в) корень (звукоподражательное слово) + суффикс *-а/-ә*;
- г) корень (звукоподражательное слово) + вспомогательный глагол *ит*;
- д) корень (звукоподражательное слово) + корень (звукоподражательное слово) + вспомогательный глагол *кил*.

Интересен тот факт, что данные модели производят и группу глаголов звучания: *кетердә* 'хрустеть', *шалтыра* 'завенеть', *чалтыра* 'дребезжать', *челтерә* 'журчат', *чәпә* – 'шлепать'. Таким образом, рассматриваемые нами подгруппа глаголов, характеризующие внешние признаки речи являются одновременно и глаголами звучания, так как у обеих групп глаголов имеется общая сема «звук». Глаголообразующие суффиксы такие, как *-гыр/-гер*, *-кыр/-кер*, *-а/-ә*, *-да/-дә*, *-ылда/-елдә*, *-ра/-рә*, *-ла/-лә* присоединяясь к звукоподражательным словам, выражают значение «производить звуки или совершать действия, издавая звуки, сходные с обозначенными в производящей основе» [4: 102].

Как показывает материал исследования, в татарском языке глаголы речевой деятельности, в основном, образуются двумя способами: синтетическим, при помощи суффиксации, и аналитическим, при помощи словосложения или лексикализации основ. В исследуемом материале так же выявлено ряд полисемантических глаголов, например, *шыбырдау* – 1) *шуршать*, *производит шуршащий звук*; 2) *барабанить* (о дожде); 3) перен. *болтать*, *говорить*; *такылдау* – 1) *стучать*, *барабанить*; 2) перен. *тараторить* *текелдәу* – 1) *тикать* (о часах); 2) перен. *тараторить*; *туку* – 1) *стучать*, *долбить* (о дятле); 2) перен. *твердить*, *долбить* (одно и то же говорить) [3: 148]. Таким образом, количественный состав производных глаголов речи, характеризующие внешние признаки, увеличивается и при помощи лексико-семантического способа словообразования.

Таким образом, широкие деривационные возможности татарского языка играют значительную роль в пополнении новыми лексико-семантическими вариантами глаголов. Разнообразие глаголообразующих суффиксов, с которыми обычно связаны тонкие смысловые различия глаголов, расширяет возможности их синонимических связей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арзамасцева О. О. Глаголы речи как часть метаязыка художественного текста: семантико-прагматическая характеристика // Вестник Бурятского государственного университета. – 2009. – № 11 – С. 3–5
2. Васильев Л. М. Методы семантического анализа // Исследования по семантике. – Уфа, 1975. – Вып. 1. – С. 45–52.
3. Салахова Р. Р., Гиниятуллина Л. М. Глаголы звучания в татарском языке: словообразовательный и семантический аспекты // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2017. № 3. Ч. 2. – С. 147–149.
4. Татарская грамматика: в 3-х т. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1993. – Т. I. – 584 с.
5. Ханбикова Ш. С., Сафиуллина Ф. С. Словарь синонимов татарского языка. – Казань, 2014. – 263 с.

ТАТАР ДӨНЬЯ ТЕЛ СУРӘТЕНДӘ ЯШЬ ҮЗЕНЧӘЛЕКЛӘРЕНӘ БӘЙЛЕ ЛЕКСИК БЕРӘМЛЕКЛӘР

Ф. Р. Сибгаева, Р. Р. Салахова

Казан (Идел буе) федераль университеты (Казан)

В последние несколько лет наблюдается тенденция к изучению языковых явлений во взаимосвязи с мышлением, духовным миром, мировоззрением человека. На самом деле понятия человеческого языка не могут представляться отдельно друг от друга, большую часть каждого языка составляют лексические единицы, понятия, связанные с человеком. Среди них есть лексика, отражающая возрастные особенности человека. Физическая и в большинстве случаев душевная сила человека, его навыки, степень участия в общественной жизни были напрямую связаны с его возрастными особенностями.

В этой статье изучается лексика, отражающая возрастные особенности человека, и она не только определяет возрастные различия, но и определяет его характер, внутреннее состояние.

Большая часть слов, отражающих возрастные особенности в татарском языке, образованы на основе словообразующих аффиксов.

Ключевые слова: возрастная лексика, татарский язык, языковая картина мира, общественный термин, возрастная особенность, период.

In the last few years, there has been a tendency to study linguistic phenomena in connection with thinking, the spiritual world, and a person's worldview. In fact, the concepts of a human language cannot be presented separately from each other, most of each language consists of lexical units, concepts related to a person. Among them there is a vocabulary that reflects the age characteristics of a person. The physical and in most cases mental strength of a person, his skills, the degree of participation in public life were directly related to his age characteristics.

This article studies the vocabulary reflecting the age characteristics of a person, and it not only determines age differences, but also determines his character.

Most of the words reflecting age peculiarities in the Tatar language are formed on the basis of word-forming affixes.

Key words: age vocabulary, Tatar language, linguistic picture of the world, social term, age feature, period.

Сүз чынбарлыктагы күренеш һәм әйберләрне атый һәм шул сыйфаты аша реаль тормышның системалылыгын турыдан-туры чагылдыра. Яшь үзенчәлекләрен чагылдырган лексика бик борынгы заманнарда барлыкка килгән, шуна күрә аларның мәгънә үзенчәлекләрен, алар белән бәйләп горейф-гадәтләрне өйрәнү борынгы тормыш-көн күрешне күзалларга, халык тарихында булып үткән төрлө вакыйгаларны ачыкларга мөмкинлек бирә.

Соңгы берничә дистә елда тел күренешләре кешенең фикерләве, рухи дөнъясы, дөнъяга карашы, дөнъяны күзаллавы белән бәйләнештә өйрәнелү тенденциясе арта бара. Чынлап та, кеше һәм тел төшенчәләре бер-берсеннән аерым күзаллана алмый, һәрбер телнең иң зур өлешен кеше белән бәйләп лексик берәмлекләр, төшенчәләр тәшкил итә. Алар арасында кешенең яшь үзенчәлекләрен чагылдыра торган лексика да бар. Бу – табигый да. Кешенең физик һәм күпчелек очракта рухи көче, күнекмәләре, ижтимагый тормышта катнашу дәрәжәсе аның яшь үзенчәлекләренә турыдан-туры бәйләнгән була.

Төрки телләрдә, шул исәптән, татар телендә дә яшь үзенчәлекләрен белдерә торган лексиканы өйрәнүгә караган фәнни хезмәтләр арасында түбәндәгеләрне күрсәтергә мөмкин: А. Т. Бекмуратова [1978], Е. С. Айбазова [1981], Д. М. Шихмурзаев [1985], Х. Г. Юсупов [1959] һ.б.; аерым диалектлар яки сөйләшләрдәге яшь үзенчәлекләрен чагылдырган лексик берәмлекләре М. М. Абакарова, Н. Э. Гаджихмедов [1985] туганлык атамаларын барлауга багышланган тикшерүләрендә күп урын алып тора, С. Ф. Миржанова [1973] һ.б. хезмәтләрендә яшь үзенчәлекләренә хас лексика карала.

Бу юнәлештә Э. В. Севортянын хезмәтендә [1974, 1978, 1980, 1986] дә зур әһәмияткә ия. Анда борынгы һәм хәзерге төрки телләр буенча гаять зур фактик материал тупланган һәм анализланган, шул исәптән яшь үзенчәлекләрен чагылдырган лексиканың килеп чыгуы, семантик һәм функциональ үсеш-үзгәрешенә караган төп гомумтеоретик мәсьәләләр дә каралган.

Яшь үзенчәлеге – кеше тормышы һәм аңының мөһим өлеше. Яшәешнең универсаль категорияләренә берсе буларак, тормышның һәр мизгеле кешедә һәрдаим кызыксыну уята. Тел белемдә вакыт проблемасы онтологик, лингвокультурологик аспектларда Е. С. Яковлева хезмәтләрендә ачытыла [Яковлева, 1994]. Шулай ук вакытта кеше һәм вакыт бәйләнеше буларак яшь үзенчәлекләрен чагылдырган лексикага карата кызыксыну да көчәеп китә. Галимнәр яшь үзенчәлеген чагылдырган лексиканы төрле аспектларда өйрәнәләр. Мондый төр лексиканы өйрәнүгә XX гасырның житмешенче елларында Р. И. Хашимов, Г. А. Пулягин, В. Г. Гак Л. Т. Костина игътибар итә. Аны беренчеләрдән булып Р. И. Хашимов өйрәнә [8: 21].

Яшь үзенчәлекләрен чагылдырган лексика XIX гасырда төзелгән күп санлы ике телле сүзлекләрдә дә шактый урын ала.

Ә. Ш. Юсупованың «Двуязычная лексикография татарского языка XIX века» [2008] дигән хезмәтдә бай һәм жентекле анализ бирелгән. Автор хаклы рәвештә, әлеге сүзлекләрдә лексиканы тикшерү татар теленең сүзлек составын тарихи аспектта өйрәнү өчен гаять әһәмиятле, дигән фикер уздыра.

Телнең сүзлек фондын тулаем, комплекслы итеп өйрәнүгә омтылу галимнәргә төрле алымнар белән тикшеренүләргә этәрә, лексик фондын төрле яклап барлау юллары ачыла. Соңгы елларда Д. Б. Рамазанованың «Татар телендә кешегә бәйләнеше лексика» дип аталган зур күләмле монографиясе дөнья күрдә [4: 8].

Мәкаләдә фактик материалны анализлауда төрле метод һәм алымнар кулланылды. Жыелган фактик материал лингвистикада төп метод булган күзәтү һәм теркәү методы нигезендә классификацияләнгән. Моннан тыш, лексик берәмлекләрен анализлауда тарихи-чагыштырма, тасвирлама, типологик, семантик анализ методлары, антропоцентрик анализ алымы файдаланылды.

Татар телендә яшь үзенчәлекләрен чагылдыра торган лексик берәмлекләрен үзгәргәндә «яшь» сүзе тора. «Татар теленең аңлатмалы сүзлегендә аның ике мәгънәсе теркәлгән: 1) кеше яки кайбер хайван гомеренең бер елы; 2) кешенең, хайваннарның, үсемлекнең яшәү чоры [5: 739].

Кешенең хронологик яшенә карап, аны төрле атамалар белән йөртәләр. Татарларда яна туган бала *бәби*, *сабий*, *нарасый* һәм *күкрәк баласы* кебек атамалар белән йөртелә. Бәби сүзенең сүзлектә теркәлгән мәгънәсе дә – «яңа туган, имчәк баласы» [5: 101]. Сүзлектә *имчәк* лексемасының мөстәкыйль лексема статусында йөргәнлегә асызыкла [5: 185].

Сабый 1) бик яшь, кечкенә (балалар турында); || күч. бик өстән генә фикер йөртүче, мәсьәләнен, хәлнең асылын аңламаучы; || и. бәби, кечкенә бал; 2) сабийларныкы төсле (чырай, кыяфәт һ.б.); 3) сабийлык елларына туры килә торган (чор, вакыт һ.б.) буларак аныкланыла [5: 456].

Нәни сүзенең аңлатмасы «кечкенә бала» буларак бирелә [5: 390].

Балаларга мөрәжәгать сүзе буларак, *бәпкәм* лексемасы да әлеге төркемгә карый. Сүзлектә *бәпкәм* сүзенең өченче мәгънәсе түбәндәгечә бирелә: «Картларның яшьләргә, бигрәк тә нәниләргә карата мөрәжәгать сүзе» [5: 103].

Татар теленең территориаль диалектларында *бала* мәгънәсен белдерә торган төрле сүзләр кулланылышта йөри. Мәсәлән, яңа туган, кеп-кечкенә баланы кайбер сөйләшләрдә *пети* дип атау гадәте бар. Л. Г. Мәхмүтова сүзлек текстында: *пети* – кечкенә. [6: 528]. Шулай ук сүзлектә каргалы, бәрәңге сөйләшләрендә әтисе үлгәннән соң балага карата кулланыла торган атама да теркәлгән, андыйларны *мирас бала* дип атап йөрткәннәр [6: 479].

Бәби тапканда булышучы, киңәшче, юатучы, бала тугач та, беренче гигиена таләпләрен жиренә житкереп үтүче хатыннарны кендек әбисе дип йөрткәннәр. Төрле жир-лекләрдә атамаларның төрлечә йөртелүенә игътибар итеп, Ф. Баязитова түбәндәге лексик берәмлекләрен мисал рәвешендә китереп үтә: кендек әби, кендекәй, олан әбисе, бәбәй әбисе, түти әби, әби тәтә, әби әңкә, инәлек корткаяк, мамы, авыл әбисе һ.б. [2: 35]. Бала туу хөрмәтенә үткәрелгән мәжлес атамалары да төрлечә әйтелгән: бәби мае – казан арты, мишәр диалекты сөйләшләрендә; бәби туе, бәби боткасы – тау ягы сөйләшләрендә; бәби чәе – касыйм, сергач сөйләшләрендә.

Татар телендә «балачак» дәвере шактый күп лексемалар аркылы чагылыш таба. Әлеге төркем сүзләрен үзгәргән тәшкит иткән бала лексемасы нигезендә бик күп яңа

сүзләр хасил була: *баласыту, балалану, балалау, балага узу, бала төшерү, балачак, баласыз, бала-чага*. Күрэнгәнчә, алар кушымчалау, нигез кушылу ысуллары белән ясалганнар. Шунысы үзенчәлекле: *бала-чага* жыелма исеме *бала* сүзе белән аның диалекталь варианты *чага* сүзе кушылу нәтижәсендә ясалган. Мишәр диалектының кайбер сөйләшләрәндә *чага* сүзе *бала* сүзенә яқын мәгънә, шул исәптән «эт, мәче, дунгыз, куян кебек вак хайваннарның баласына карата әйтелә торган сүз» мәгънәсен белдерә [6: 723].

Бала дигәндә, татар халкы бишектән төшкәннән уникаль яшыкә кадәрге яшәү чорын күзаллай. Сүзлекләрдәге лексемалар, бер яктан, баланың тәжрибәсез, самими булуын ассызыкласа (көчек, борын асты кипмәгән, маңка), икенче яктан, балаларның төп социаль роле – белем, тәжрибә туплау белән бәйләнгән булуын күрсәтәләр (укучы, шәкерт, талип). Анализ барышында балаларны гендер яғыннан да аеруның зур урын алуы күренә (кыз, малай). Ике халыкта да женес яғыннан аеру аларга гына хас булган үзгәрешләр белән бәйле. Балалыктан чыгу дәверендә бала үсмерлек чорына күчә.

Үсмерлек чоры «балалыктан яшылеккә кадәрге вакыт», ә үсмер «12 дән 16–17 яшыкә кадәр булган бала, яшүсмер» [5: 768]. Сүзлектә үсмер чакка караган зат атамалары чагыштырмача күп түгел. Аның каравы *үсмер, үсмерлек* сүзләренә тамырдаш булган *үсү, үсеш, үсенү, үстерү, үсү* кебек лексемалар шактый зур урын алалар. Үсмер белән үс- тамырыннан ясалган сүзләр арасында бер уртаклык бар: үсмерләр – балалыктан чыккан, әмма олылар социумында аерым параметрлар (физик, психик үсеш һ.б.) тиң кабул ителә алмаган, әлегә үсү процессын кичерә торган чор. Үсмерлек чоры балигъ булу белән тәмамлана, дип уйларга жирлек бар. Әлегә мизгелнен эһәмияте аның халык телендә төрле лексемалар белән аталыш алып таралуында да чагылыш таба. Мәсәлән, «Синонимнар сүзлегенә» мөрәжәгать итү түбәндәге вариантларны ачыкларга мөмкинлек бирде: «*балигъ булу* – балигълык, баләгать, житлегү, яше житү, буйга житү, буй житү, зур булу, зураю, үсеп житкән булу, житлеккәнлек, житешү» [7: 20]. Үсмерлек чорын кичерүче кешеләргә карата *егет, кыз, туташ* кебек мөрәжәгатьләр дә кулланыла.

Яшылек лексемасы телебездә күпчелек очракта уңай коннотациягә ия, ул матурлык, яз, көч, дәрт, гайләдә һәм жәмгыятьтә яңа социаль рольләргә эзерлек белән бәйләнештә карала. Шул ук вакытта яшләрәгә хас жилбәзәклек, төптән уйламау кебек семантикага ия булган сүзләр дә очрый. Сүзлектә тупланган лексик берәмлекләренә өйрәнү нәтижәләре күрсәткәнчә, татар телендә «яшь» сүзе сүз ясалышы яғыннан зур мөмкинлекләргә ия. «Татар теленен аңлатмалы сүзлегендә» алар арасында түбәндәге сүз төркемнәре теркәлгән: 1) исемнәр: яшь-жилкенчәк, яшь-жилбәзәк, яшүсмер; 2) фигыльләр: яшьсенү, яшьсетү; 3) рәвешләр: яшьли, яшьләй, яшьләрчә, яшьләтә, яшьтән [5: 739].

Татар шигъриятендә яшылекне «гомер таңы» яисә «гомер язы» дип атау еш очрый. Еш кына яр сөю, өйләнү, кияүгә чыгу, димәк, яңа социаль статусларга ия булу чоры; кешенен өйләнү / кияүгә чыгу белән бәйле рәвештә яңа социаль роль уйный башлавы, яңа статус алуын калку гәүдәләндерү буларак та күзаллана.

Яшылек чоры семантикасына ия булган лексемаларда яшылек чорын жилбәзәклек, көзлек чоры итеп сурәтли торган берәмлекләр дә очрый.

Житлегү чоры, кеше гомеренен урта яшьләрдәге чорына караган лексика стилистик яктан нейтраль, чагыштырмача азсанлы булуы белән аерылып тора һәм нигездә мөрәжәгать сүзләре (әфәнде, ханым, гражданин һ.б.) һәм мөрәжәгать сүзләр вазифасын үтәүче туганлык атамаларында чагылыш таба.

Житлегү чорына житкән кешеләренә халык *зурлар* дип атый башлай. Гомумиләштереп әйтелгән бу сүз синонимнарда конкретлаша төшә: өлкәннәр, олылар, өлкән кешеләр, абый-апалар, агай-апалар [7: 42].

Житлегү сүзе үзе «камилләшү, үсү» төшенчәләре белән бәйләнгән: *житкелекле, житлекле, житлексез, житлектерү*. Шәхеснен житлегүен мөстәкыйль яши башлау белән бәйләп карау ир, хатын, ир-ат, хатын-кыз, килен, кияү, апа, абый, агай, абый (урта яшьтәге хатын-кыз яисә ир-атка карата мөрәжәгать сүзе мәгънәсендә) кебек сүзләренә дә әлегә төркемгә кертергә мөмкинлек бирә. *Егет-жылән, кыз-кыркын* кебек жыйма исемнәрдә бу ачык чагылыш таба. Мәсәлән, «Татар теленен аңлатмалы сүзлегендә» егет-жилән «егетләр һәм яшүсмерләр» буларак аңлатыла [5: 156]. Кыз-кыркын лексемасы сүзлектә «төрле яшьтәге кызлар» дип бирелә [5: 130].

«Картлык» чорына бәйле булган лексик берәмлекләренә өйрәнү шуны күрсәтә: татар халкы элек-электән өлкән буынга карата ихтирамлы, игътибарлы булуы белән аерылып торган, гаиләдә әби-бабайның урыны түрдә булган.

Абый лексемасы, лингвистика галимнәре искәртүенчә, татар теленең үзәндә ясалган һәм инде югалган *абай* вариантынан килә. «Татар теленең аңлатмалы сүзлегенә» ндә аның ике мәгънәсе теркәлгән: «1) үзәңнән олырак ир туган; 2) яшь ягыннан үзәңнән олы ир кеше исеменә кушып әйтелә» [5: 16].

Ага атамасы «гомумтөрки «ага, ақа», «олы туган, олы кеше, хөрмәтле кеше» тамырынан» барлыкка килгән, дип фаразлана. «Татар теленең аңлатмалы сүзлегенә»ндә: 1) яшь ягыннан олы ир туган, абый; 2) үзәңнән олырак, өлкән ир кеше. *Ага* һәм шушы тамырдан ясалган *агай*, *агай-эне*, *агайне* кебек атамаларның диалекталь варианты *әкә* атамасы булуы ачыклана [5: 19].

Югарыда аталган лексемаларга яшь ягыннан капма-каршы мәгънәне белдергән туганлык атамасы – *эне*. «Татар теленең аңлатмалы сүзлегенә»ндә аның мәгънәсе түбәндәгечә аңлатыла: «кече ир туган» [5: 708].

Сүзлектә шулай ук сүзнен иркәләп эндәшү формасы буларак, *эне* + *-кәш* модаль *кушымчасы* моделе буенча ясалган *энекәш* һәм үзәңнән кечерәк ир затына мөрәжәгать итеп әйтү формасы буларак *эне* + *1 зат берлек сан кушымчасы* -м моделе буенча ясалган *энем* сүзләре теркәлгән. Ике очракта да әлегә лексема сөйләүчегә караганда кечерәк яшәтгә затка карата кулланыла, бу ягы белән этимологик мәгънәсен саклый. Р. Әхмәтьянов хезмәтендә бу лексик берәмлекнең килеп чыгышы «гом. тк. *уни*, *эни* «эне, кече туган (эне һәм сеңел)» сүзеннән, *ана* белән бер төптән булса кирәк» дип аңлатыла.

Татар диалектларында *энекәш* сүзенең диалекталь варианты буларак *анай* атамасы да кулланыла. *Эне* сүзе, *агай* сүзе белән янәшә килеп, парлы конструкция төзү хисабына, *агай-эне* жыйма исем ясауда да катнаша. Сүзлектә аның ике мәгънәсе теркәлгән: «1) ага һәм эне, агалы-энеле, бертуган ике ир кеше; 2) үз кешеләр, үзәңнең кешеләр» [5: 20].

Өлкән яшәтгә хатын-кызларны атауда да аерм сүзләр кулланыла. Мәсәлән: *анакый* – олы яшәтгә хатын-кызга мөрәжәгать сүзе [5: 40].

Аңлатмалы сүзлектә *абыстай* сүзенең өлкәнрәк хатын-кызга мөрәжәгать сүзе дип бирелгән сүзлек мәкаләсе дә бар: олы яшәтгә хатын-кызны ихтирам итү, зурлау йөзеннән исеменә кушып әйтелә [5: 16].

Картлык тәҗрибәлелек, акыл, зирәклек, физик яктан зәгыйфьләнгән бару чоры буларак та кабул ителә. Бу күренешләр өлкәннәргә зәгыйфь, мескен, физик һәм психик яктан тайпылышлары булган шәхесләр рәвешендә түгел, ә барыннан да элек зур тормыш тәҗрибәсе булган, үгет-нәсихәتكә оста, акыл, зирәклек эталонны рәвешендә тасвирлауга алшарт булып килә.

Шул рәвешле, татар дөнья картинасында яшь үзәңчәлекләренә бәйле рәвештә мондый кеше портреты хасил була: бала тугач та, гаиләгә, якын-тирәгә, дөньяга шатлык, бәхет белән туа. Аны көтәләр, якты дөньяда терәгә булуын белдереп, анага – тәмле әйберләр, балага – бүләкләр алып киләләр.

Үсмер чорда балаларны женси яктан аеруга зур игътибар бирелә. Кызлар, нигездә, әниләренә ярдәмче, булчак ирләренең йорт учагын саклаучы буларак тәрбияләнәләр, малайларның тәрбиясе эш, белем алуга юнәлтелә. Әмма кече яшәтә булып та, олылар эшенә кысылып торучы балаларга халык кырыс булган, тыйнаклык малайларда да, кызларда да хупланган.

Үсмерлек чоры яшәтешләр арасында абруй казану, югары эхлак сыйфатларын тәрбияләү, камилләшү чоры буларак күзалланган. Бу чорда кешенең без мактанчык, тәкәббәрлек күрсәтә алуы лексик берәмлекләрдә чагылыш тапкан, әмма хәзерге психологлар күп сөйләгән «күчеш чоры белән бәйле авырлыктар» лексикабызда чагылыш тапмый. Яшьлек лексикасы сөйгән яр табу, гаилә кору белән бәйлеләктә күзалланса, житлегү чорында кеше абый, апа, агай, абый, ханым, әфәнде кебек туганлык атамалары, мөрәжәгать сүзләр белән аталган. Татар һәм азәрбайжан телләрендә картлык – акыл туплау, зирәклектә, эхлаклылыкта үрнәк күрсәтү чоры буларак гәүдәләнгән.

Яшь үзәңчәлекләрен чагылдырган лексика кешегә бәйле рәвештә өйрәнелә, һәм ул яшь аермасын билгеләп кенә калмый, ә аның холкын, эчке халәтен сыйфатын да бил-

гели. Бу сүзләрнең күп өлеше ясалма сүзләр һәм алар нигездә -лык/-лек кушымчалары нигезендә ясалалар.

ӘДӘБИЯТ

1. Базен Л. Концепция возраста у древних тюркских народов // Зарубежная тюркология. – Вып. I. Древние тюркские языки и литературы. М., 1986. – С. 361–378.
2. Баязитова Ф. С. Бишек туге лексикасы (этнолингвистик аспект) // Фәнни Татарстан. – 2014. – № 1. – Б. 34–39.
3. Баязитова Ф. С. Гомернең өч туге: татар халкының гаилә йолалары. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1992. – 291 б.
4. Рамазанова Д. Б. Татар телендә кешегә бәйләнешле лексика. – Казан: ИЯЛИ нәшр., 2013. – 364 б.
5. Татар телендә аңлатмалы сүзлегә. – Казан: Матбугат йорты нәшр., 2005. – 848 б.
6. Татар телендә зур диалектологик сүзлегә. Казан: Татар. кит. нәшр., 2009. 839 б.
7. Ханбикова Ш. С., Сафиуллина Ф. С. Синонимнар сүзлегә. – Казан: Хәтер нәшр., 1999. – 255 б.
8. Хашимов Р. И. К вопросу о формировании русской возрастной лексики (историческое формирование и современное функционирование возрастных наименований несовершеннолетних детей): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1973. – 21 с.
9. Юсупова А. Ш. Двухязычная лексикография татарского языка XIX века. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2008. – 410 с.
10. Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира: Модели пространства, времени и восприятия. – М.: Гнозис, 1994. – 343 с.

УДК 81.354

ТАТАР ОРФОГРАФИЯСЕ ТУРЫНДАГЫ МӘСЪӘЛӘГӘ КАРАТА

И. Ф. Фәттахов

«Мәдәни җомга» газетасы (Казан)

В статье анализируются правила произношения и правописания на татарском языке. Подчеркивается важная роль закона сингармонизма для татарского и других родственных тюркских языков. Впервые делается попытка подчинить многие арабско-персидские заимствования на татарском языке к закону сингармонизма. Автор опирался на научно-теоретические труды Гибада Алпарова, Галимзяна Ибрагимова, Ильдара Низамова. Даны правильные варианты написания татарских имён и фамилий, и некоторых слов.

Ключевые слова: татарский язык, орфография, сингармонизм, имена, заимствования.

The article analyzes the rules of pronunciation and spelling in the Tatar language. The important role of the law of syngarmonism for the Tatar and other related Turkic languages is emphasized. For the first time, an attempt is made to subordinate many of the Arabic-Persian borrowings in the Tatar language to the law of syngarmonism. The author relied on the scientific and theoretical works of Gibad Alparov, Galimzyan Ibragimov, Ildar Nizamov. The correct spellings of Tatar names and surnames, and some words are given.

Key words: Tatar language, spelling, harmony, names, borrowings.

Хөрмәтле татар зыялылары! Уйланыр өчен Сөзгә мөрәҗгәгать итәм. Мәгълүм булганча, татар теле төрки телләр гаиләсенә керә. Бу гаиләгә тагын башкорт, нугай, кырым татар, төрек, үзбәк, каракалпак, кыргыз, казах, уйгур, төрекмән, азәрбайҗан, карачай-балкар, комык, гагауз, караим, хакас, чуваш, якут телләре карый. Хәзергә көндә чуваш, якут телләре гомумтөрки тел нормаларыннан ераклашкан саналалар. Чуваш теле мари теле йогынтысында, ә якут теле эвенк теле тәэсирендә гомумтөрки телдән шактый аерылалар.

Ана телебез, жиһандагы тугандаш төрки телләр белән чагыштырганда, грамматик төзелеше ягыннан камил, аның сүзлек хәзинәсе искиткеч бай. Берләшкән Милләтләр Оешмасы (алга таба – БМО) каршындагы «Юнеско» халыкара оешмасы татар телен дөньякүләм 14 тел арасына юкка гына кертмәгән инде.

Татарларга латин графикасына күчәргә Россия Федерациясенен Дәүләт Думасы үз вакытында рөхсәт биргән булса, татар телендә орфография мәсьәләсе әллә кайчан уңай хәл ителер иде. Кириллицада гарәп алынмаларын *мәгариф*, *каләм*, *салам*, *кагазь* дип язабыз, ә латин хәрефләре белән *məgarif*, *kələm*, *səlam*, *kəgəz* дип язар идек. Бу очракта сингармонизм законы тулысынча саклана.

Сузыкларның бер-берсенә йогынты ясап, үзара охшашланулары сингармонизм дип атала. Сингармонизм төшенчәсе гармония сүзеннән ясалган, ә гармония ярашуны,

килешеп яшәүне аңлата. Татарча сүзләр калынлыкта һәм нечкәлектә ярашалар. Сингармонизмның ике төре бар:

1) Рәт гармониясе – татар телендә а, о, у, ы сузык авазлары килсә, сүзләр калын әйтеләләр (борыч, бурыч, авыр, бавыр, карлыган); ә, и, ө, ү, э сузык авазлары булса, сүзләр нечкә әйтеләләр (чигү чиккән, күлмәк кисү, бөрлегән, жиләк);

Искәремәләр алынмаларда (диван, дивар, дарелфөнүн, имам, мөгаллим), кайбер грамматик формаларда (миңа, сиңа), кушма сүзләрдә (көнчыгыш, көнбатыш, өчпочмак, дүртпочмак) күзәтелә.

2) Ирен гармониясе – көлке [көлкө], борын [борон]. Беренче ижектә килгән ирен сузыклары [ө], [о] икенче ижектәге [э], [ы] авазларына тәэсир ителәр һәм [э], [ы] авазларын да иренләштерәләр.

Инде рус баласын әйткән дә юк, хәтта татар укучысы да сәлам, сәламәт, сәламәтлек шикелле алынма сүзләргә күп очракта дәрәҗә язмый, мәсәлән, диктант текстында еш кына сәләм, сәләмәт, сәләмәтлек дип, ягъни ишеткәнчә яза ул. Диктантлар тикшергәндә мондый хата, гадәттә, шактый еш очрый. Хаталануның төп сәбәбе – гарәп-фарсы телләренә сингармонизм законы хас булмау. Шуңа күрә гарәп һәм фарсы алынмаларын язганда, сингармонизмның сакланмавы аркасында, бик күп ялгышлар китә.

Татар тел белеме фәнендә фикеремне раслар өчен төрки телләргә хас булган сингармонизм законына таянам. Мин татар теленә гарәп-фарсыдан кергән сүзләргә дә әйткәнчә язу яклы, ягъни байтак алынмаларны сингармонизмга буйсындыру уенда торам. Шуңа рәвешле, ана телемнең орфография (дәрәҗә язу) кагыйдәләрен камилләштерүгә ирешеп була дип исәплим. Туган телебезнең чисталыгы, сафлыгы өчен, милли йөзән саклап калу өчен сине дә көрәшкә чакырам. Төрөк дигән зур, горур милләт тә нәкъ шулай эшли!

Мин татарча сүзләргә төрлечә бутап язуга каршы чыгам, аларны татарчалаштыру идеясен хуплыйм. Бу юнәлештә кемнәргә таянам соң? Атаклы телче-галимнәребез Гыйбад Алпаров, Галимжан Ибраһимов, Илдар Низамовның фәнни-нәзари хезмәтләренә нигезләнәм, аларның фикерләре белән килешәм.

Бездә әле милләт тәрәккыяте (прогресс) өчен тирән уйланылган тел сәясәте юк. Татар әдәби теленә бүген реформа кирәк – телебез чистартуны, ревизияне көтә. Зыялы кагламга В. И. Ленинның рус теле, Г. Г. Ибраһимовның татар теле чисталыгы өчен борчылып язган мәкаләләре билгеле. 1920–1930 елларда большевиклар рус телен француз, немец һәм инглиз алынмаларынан арындырсалар, татар теленнән исә гарәп-фарсы сүзләргә төшереп калдырдылар, ә аларны бары тик рус һәм интернациональ алынмалар белән алыштырдылар. Хәзерге рус һәм татар әдәби телләре яңадан чит сүзләр белән чуарланып бетте. Бу хакта кем чаң сугар?

Исемнәребезне дә дәрәҗә итеп язмыйбыз лабаса! *Габдулламы* яки *Абдулламы*? Мәсәлән: татарча да, русча да Габдулла Тукай дигән язылыш – хак, бер хәрәфе дә төшеп калмый.

Абдулла Алиш туган телебездә нигәдер Габдуллага үзгәрми? Ләкин бер факт бик игътибар итегез әле: балалар язучысы 1935–1941 елларда яшәгән Халыкара (хәзерге Кави Нәжми) урамындагы инде жимерек хәлдәге яшел буяулы, дүрт катлы 19 нчы йортка куелган истәлек тактасында *Габдулла* Алиш дип язылган! Шуңа ук өйдә күренекле татар әдипләре Кави Нәжми, Ибраһим *Газый* (истәлек тактасында Гази диелгән) торганнар. Тагын бер кызыклы факт: «Казан утлары» журналының 2008 елгы сигезенче санында (162–163 б.) И. Газыйның халык шагыйре Равил Фәйзуллинга язган хаты басылган. Укысагыз, хат ахырында язучының *Газый* (ягъни авазларны әйткәнчә хәрәфләр тезгән) дигән имзасын күрерсез.

Фамилияләргә *Габдуллин* яисә *Абдуллинмы*? Минемчә, РФ төбәкләрендә, Казахстанда, Урта Азия, Кавказ республикаларында яшәүче мөселман төркиләргә, шуңа исәптән татарларның исем-фамилиясен русча берәз үзгәртеп паспортка язсалар. Мәсәлән: тат. *Гали* (Гали бабай, Гали пәкесе, Галишәр Нәвай, диләр) – рус. *Али* (Али баба, Алишер Новай); тат. *Габдуллин* – рус. *Абдуллин*. Әйттик, 1990 еллар башында Үзбәкстаннан күчеп кайткан милләттәшләребез, ТР Президенты каршындагы Торак фондының элекке гендиректоры Мидхәт улы Тәлгат Абдуллин үз фамилиясен татарча үзгәртмичә яза; тат. *Габдрахман* (мисал өчен Мордовиядә туып үскән татар язучысы Г. Әпсәләмев) – рус. *Абдрахман*, *Абдурахман* (Абдрахман Абсалямов, диләр. Бу дәрәҗә инде?); *Гаязны Аяз* дип ник кыскартырга? Мәсәлән, мин укыган бер русча мәкаләдә Аяз Исхаки диелгән.

Наман да Шамил *Усманов* дип язабыз. Янәсе, документларында шулай бит, диләр. Болай әйткәнче, иң элек уйлыйк: бу рәсми кәгазьләргә кем, нинди телдә тутырған соң? Әлбәттә, кызыллар революцион урыс телендә язган. Россиядә Гражданнар сугышы елларында татарлардан беренче булып бригада комиссары, ягъни генерал дәрәжәсенә ирешкән данлыклы шәхес Абдулла (Шамил) Хәйрулла улы Усманов (1898–1937) туган ягында (Саратов губернасы, Кузнецк өязе), ничшиксез, *Усман* исеме бар, әмма чын татар *Госман*, ди. Өнә мәрхүм академик Миркасыйм Габделәхәт улы (авыр туфрагы жинчел булсын!) туганнан бирле фамилиясен *Госманов* дип язды. Ичмасам, мөхтәрәм тарихчы галимнән үрнәк алыяк, жәмәгать! Данлыклы жырчы *Госман* (Усман түгел!) Әлмиев, элекке Татар өлкә комитетының беренче секретаре Гомәр Исмәгыйль улы *Госманов* (урысча гына Усманов!) дип саф татарча язсак-әйтсәк, иң дәресе шул булыр. Даһи шагыйрь Сәгыйть Рәмиев әйтмешли, сөекле татарыбыз йокыдан уяна алмагач, аның баш миендә торгынлык күзәтелә, күзәнәкләре томаланып бара. Газиз халкым күбрәк урысча фикерләгәч, баш миенә татарча күзәнәкләре дә урысlaşа. Урыска охшашлашкан, ягъни ассимиляцияләшкән шактый күп зыялыларыбызның зиһенә дә томан эчендә хәзер.

Татарча *исем-фамилия* язганда да ялгышлар бар дип исәплим. Этиләребезгә хөрмәт йөзәннән, иң дәресе вариант булганга күрә, мантыйк буенча башта эти исеме, аннан соң шәхес исеме, фамилия язылырга тиеш, мәсәлән: *Сөнгатулла улы Мөхәммәт Мәһди(-ев)*. 1917 елга хәтле шулай иде бит (*Мөхәммәтгариф угълы Габдулла Тукай*).

Рус телендәгә китап һәм газета-журналларда С. Рамеев, М. Магдеев, М. Галеев, Р. Валеев, З. Валеева, М. Бареев дип язалар. Болай дәресе түгел! Русча язганда ата-бабаларыбыз исеме үзгәрмәсен: *Рами, Магди, Гали, Вали, Бари* калсын, аларга рус грамматикасының *-ев* кушымчасы гына ялгансын. Бәлки, мин ялгышамдыр. Ялгышсам, мине төзәтегез.

Татар телендә эти исемнә ялгана торган *-ович, -евич, -овна, -евна* яки фамилиягә ияргән *-ов, -ев* рус кушымчаларын сөйләмнән һәм язудан кайчан төшереп калдырырбыз икән? *Улы, кызы* дип рәсми хатларда, котлауларда гына түгел, үзара аралашканда, берберенә мөрәжәгать иткәндә кайчан әйтербез? Әллә һаман зиратта мәрхүм-мәрхүмәләренә кабер ташларына гына карап фәлән улы, фәлән кызы дип укып йөрербезме? Әйттик, мин Татарстанның Дәүләт Советына баргач, «Исәнмесез, Разил Исмәгыйль улы!» дип сәлам бирдем. Ул беренче карашка елмаеп, ләкин аңлап кабул итте. Тагын бер гыйбрәтле мисал китерәм. Олпат остазларымың берсе, КФУның атказанган профессоры Хатыйп Йосыф улы Миңнегулов, гомумән, үзенә шәкертләренәң отчество белән эндәшкәннен яратмый. Аның: «Илһам, миңа Хатыйп абый дип әйт, жаныма рәхәт булып китә», – дип искәрткәне бар. Шуннан соң мин гыйлем иясенә Хатыйп абый дип эндәшә башладым.

Без, зыялылар, *ата-баба* парлы сүзен яратып кулланабыз. Яраткач, нигә *ата-бабай* дип хатасыз язмыйбыз? Бездә *баба* сүзе юк, *бабай* дип сөйләшәбез, югыйсә. Мин моны татарның белемсезлегеннән килә дип саныйм. Урыс халкы Али баба, ди. Ана телебездә бүлек, кисәк мәгънәсен аңлата торган баб борыңгы төрки сүзе бар.

Бәлки, мишәр диалектындагы *кыз-хатын* парлы сүзен дә язуда, сөйләмдә актив кулланылышка кертергә инде вакыт житкәндер, чөнки башта кыз була дигәндәй, аннары гына хатынга әйләнә. Болай әйтсәк, сүз тәртибендә мантыйк саклана түгелме соң? Татар әдәби телендә *хатын-кыз* дибез, биредә логика юк кебек! Хөрмәтле зыялы, моңа синең карашың ничек? нәрсә уйлыйсың? Әдәби телгә һәм сөйләмгә дә кыз-хатын дип кертеп була. Мәсәлән, күренекле әдип, Тукай премиясе лауреаты, мөхтәрәм остазым Тәлгат Нәби улы Галиуллин үзенә дөнья күргән кабатланмас сюжетлы әдәби әсәрәндә – «Казан утлары» журналында басылган «Ана корт» повестендә [1: 66–95] «мишәрчә иркенләп *кыз-хатын* дип яза, мишәр сөйләшәндә еш кулланыла торган *мәсле* (ягъни төсле, шикелле, кебек, сыман, күк) чагыштыру бәйләген дә жөмлөләрәңә рәхәтләнеп кертеп жибәрә, тиешле урынга *гелән* (ягъни гел) сүзен дә ара-тирә куя. Әгәр повестьне укысан, мишәр диалекты (көнбатыш диалект дип тә атыллар) татар әдәби телен тагын да бапта дигән фикерне син дә расларсың дип уйлыйм. Мишәр диалектлары һәм сөйләшләрә – татар халкының уртак тел мирасы, алар хәзергә вакытта, совет чорыннан аермалы буларак, татар әдәби тел казанына кирәкле дәрәжәдә салынып, яхшы итеп кайнатылырга тиешләр. Белгәнәбезчә, Советлар чорында, татар әдәби теленә нигезе итеп алынган Казан арты сөйләшәненнән аермалы буларак, мишәр диалектына ниндидер тискәре, салкын

мөнәсәбәт яшәп килде, татар әдәбиятында да мишәр сөйләшен, гомумән, читкә тибәрү нык сизелде. Бу, әлбәттә, дәрәс һәм гуманлы фәнни караш түгел иде!

Урысчадан калька тәржемә ясап, «Татарстан халык артисткасы Венера Ганиева» яки «опера театры актрисасы...», диләр. Бу дәрәсме? Татар телендә кыз-хатын төрләнеше (женский род), гомумән, юк. Шулай булгач, болай әйтү – хата. Туган телебездә иң дәрәсә – артист, актёр.

Милләт зыялыларына уйланыр өчен бер тәкъдим кертәм: Татарстан Фәннәр Академиясенә гуманитар фәннәр бүлегенә гыйльми утырышында татар теле орфографиясе мәсьәләсен уртага салып сөйләшәргә, артык бәхәсләшмичә, аек, салкын акыл белән уңай хәл итеп, тормышка ашырырга дигән катгый карар чыгарырга кирәк. Телебезнең алгачы, киләчәк үсеше өчен кирәк мондый карар!

Энә татар дөнәясын фәнни өйрәнү эшен бик уңышлы оештырган беренче рәис танылган математик һәм педагог Гаяз Хисаметдин улы Максудов, аның эшен югары нәтижә белән дәвам иткән мәшһүр язучы, галим һәм жәмәгать эшлеклесе Галимжан Гыйрфан улы Ибраһимов житәкләгән Гыйльми үзәк (Академүзәк) 1921–1930 елларда ТАССРда татар телен дөүләт теле буларак гамәлгә кертү өчен никадәр практик эш кылып өлгәргән бит! 30 елларда исә сталинчылар шул игелекле гамәлләрне сызып ташлыйлар. 90 еллар башында ельцинчы «демократлар» ярдәмендә милли яңарыш кабатланды. 2000 елларда инде путинчылар милли хәрәкәтнең ялкынын бөтенләй сүндерделәр. Ә хәзер Татарстандагы дөүләт учреждениеләре, татар фәнни институтлары, милли ижтимагый-сәяси оешмалар татар телен республикада дөүләт теле итеп яшәтү өчен нәрсә дә булса эшлиләрме?!

Мөхтәрәм татар зыялылары, Сезнең игътибарга үзем төзегән таблицаны тәкъдим итәм. Уйланыгыз әле, газиз милләттәшләрем, һәм кәгазьгә уегызны уйдырып салыгыз! Фикерегез уртак изге эш өчен бик мөһим. Ана теленә йөзен, камиллеген бергәләп саклык!!!

ЛИТЕРАТУРА

1. Галиуллин Т. Н. Ана корт: Повесть // Казан утары. 2020. № 7. Б. 66–95.

КУШЫМТА 1

Тәртип саны	Сингармонизм законы нигезендә әйтелгәнчә язылыш	Сингармонизм законы бозылган очраklar
	Татар исемнәре, фамилияләре	
1	Әгъзәм, Әгъзәмев	Әгъзам, Әгъзамов
2	Әдәм	Адәм
3	Әлмирә	Әлмира, Альмира
4	Әминев	Әминов
5	Әпсәләм, Әпсәләмев	Әпсәлам, Әпсәламов
6	Әхмәтев	Әхмәтов
7	Әхтәмев	Әхтәмов
8	Бакый	Баки
9	Барый	Бари
10	Бәкер, Бәкерев	Бакир, Бакиров
11	Бәйрәмев	Бәйрәмов
12	Бәширев	Бәширов
13	Вагыйз	Вәгыйз
14	Васыйл, Вәсил	Васил
15	Гафурий	Гафури
16	Газый	Гази
17	Гомәрев	Гомәров
18	Курсавый	Курсави
19	Илидә	Илида

20	Илсүрә	Илсура
21	Мәрдәнев	Мәрданов
22	Мәржәни	Мәржани
23	Мәүлитев	Мәүлетов
24	Рәзил	Разил
25	Рәзин	Разин
26	Рәиф	Раиф
27	Рәмил, Рәмилә	Рамил, Рамилә
28	Садрый Максудый	Садри Максуди
29	Сәфәрәв	Сәфәров
30	Тәлгәт	Тәлгат, Тәлгать
31	Урманчы	Урманче
32	Фарваз	Фәрваз
33	Фәттәхетдин, Фәттәх, Фәттәхев	Фәттахетдин, Фәттах, Фәттахов
34	Хатыйп	Хатип
35	Хәлидә	Халидә
36	Хәлә	Халә
37	Хәсәнев	Хәсәнов
38	Шәймәрдән, Шәймәрдәнев	Шәймәрдан, Шәймәрданов
39	Ямәш (Йәмәш), Ямәшев (Йәмәшев)	Ямаш, Ямашев
Аерым сүзләр, атамалар		
1	әдәбияте (әдәбиәте)	әдәбияты
2	әмин	амин
3	бәрәбәр	бәрабәр
4	вазгыят	вәзгыять
5	идәрә	идарә
6	ишәрә	ишарә
7	латын	латин
8	лабаса	ләбаса
9	марый	мари
10	мантыйкый	мантыйки
11	мәгълүмәт	мәгълүмат
12	мәдәнияте (мәдәниәте)	мәдәнияты
13	мөрәжәгәт	мөрәжәгать
14	мөхит	мохит
15	мөхтәрият (мөхтәриәт)	мохтәрият
16	нәшрияте (нәшриәте)	нәшрияты
17	повестыне, повестенең	повестыны, повестеның
18	рухий	рухи
19	сәләм, сәләмәт, сәләмәтлек	сәлам, сәләмәт, сәләмәтлек
20	сүрәт	сурәт
21	Тәүрәт	Тәүрат
22	хәбәрдәр, хәбәрдәрлек	хәбәрдар, хәбәрдарлык
23	хәләт – тамыр сүз хәл	халәт
24	хәлбүки	хәлбуки
25	хәтирә – тамыр сүз хәтер	хатирә
26	шәрәб	шәраб
27	Шәрәк	Шәрык(ъ)

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ТАТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ФОЛЬКЛОРА

УДК 82.09 (470.4) "19"

О ДВУХ РЕДАКЦИЯХ ПЬЕСЫ Р. ИШМУРАТОВА «ЗА ДЕСЯТЬ ЛЕТ»

М. А. Ахметова

*Федеральный исследовательский центр
«Казанский научный центр Российской академии наук» (Казань)*

Автор статьи ставит целью проанализировать две версии пьесы татарского драматурга Ризы Ишмуратова под названием «За десять лет» (другое название «Прежде и теперь (Десять лет спустя)»), которая является ярким свидетельством создания большевиками «прокрустово ложе» насильно навязанного метода социалистического реализма, установления диктатуры в искусстве и литературе. Сопоставительный анализ двух вариантов одного и того же произведения дает возможность понять, как менялась конъюнктура окружающей действительности. С помощью автобиографических очерков анализируется личность самого писателя, который участвовал в реквизиции хлеба у своих односельчан, в деревне Уразаево Мензелинского кантона Татарской Автономной Советской Социалистической Республики.

Ключевые слова: голод 1920-х годов, татарская литература, драматург Риза Ишмуратов, пьеса «За десять лет» («Прежде и теперь (Десять лет спустя)'), прокрустово ложе социализма.

The author of the article aims to analyze two versions of the Tatar playwright Riza Ishmuratov's play, entitled «In a decade» (another title «Before and Now (Ten Years Later)'). The article is the evidence of the creation by the Bolsheviks of forcibly imposed social realism, the installation of dictatorship in art and literature. The comparative analysis of two variants of the same work makes it possible to understand how the situation in the surrounding reality has changed. The autobiographical essays help to analyze the personality of the writer, who participated in the confiscation of bread from his fellow villagers, in the village of Urazayevo of the Menzelinsky canton of the Tatar Republic.

Key words: the famine in the 1920s, Tatar literature, playwright Riza Ishmuratov, the play «For Ten Years» («Before and Now (Ten Years Later)'), social realism.

Вне поля зрения современных литературоведов осталось одно из произведений известного татарского драматурга Ризы Ишмурата (Ишмуратов Риза Фахрутдинович, 1903–1995), написанное в 1927 г. во время его обучения на высших курсах искусствоведения при Ленинградском государственном институте истории искусств в 1927–1930 гг. Пьеса в трех действиях была издана в том же году в Татгосиздате в Казани под названием «Ун ел тулганда» («За десять лет») тиражом 3 000 экземпляров. В сведениях о произведениях Р. Ишмуратова, составленных научным сотрудником Института языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова Казанского филиала Академии наук СССР Ханузом Махмутовым (1933–1996) в 1983 г., отмечено, что пьеса дважды была премирована и поставлена в самодеятельных театральных коллективах [18].

В апреле 1928 г. пьеса была включена в литературную хрестоматию «Ташкын» («Потоп»), ранее подготовленную классиком татарской литературы Фатыхом Амирханом (1886–1926), главным редактором Татгосиздата Сафой Бургановым (1899–1937) и главным редактором газеты «Красный Татарстан» Галимджаном Нигмати (1897–1941), для школ второй ступени, техникумов и других учебных заведений среднего звена, но уже под другим названием «Прежде и теперь (Десять лет спустя)» и со значительными изменениями в содержании. Хрестоматия «Потоп» – это первый литературный сборник-учебник, изданный на латинице, новом тюркском алфавите (Яналифе), в состав которого были включены в основном произведения, опубликованные после Октябрьской революции. В 1930 г. увидело свет исправленное и дополненное второе издание литературной хрестоматии, но интересующая нас пьеса осталась без изменений. Изучив сложившуюся ситуацию, мы пришли к выводу, что издание 1928 г. является первым вариантом пьесы,

поскольку хрестоматия начинается свою историю до 1926 г. и выпущена после смерти одного из составителей – Фатыха Амирхана. Однако в архиве писателя, переданном в Центр письменного и музыкального наследия ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, не удалось найти информацию о данном варианте произведения, пьеса не включена в перечень произведений Р. Ишмуратова и не издавалась в его книгах. Складывается впечатление, что автору хотелось изъять из своего творческого наследия данное произведение.

Вариант 1927 г. позднее был опубликован в сборнике «Гульзада» (1941), где были собраны небольшого объема пьесы, написанные, как отметил Анас Камал (1908–1978), для непрофессиональных клубов и театральных кружков. Ишмуратовская пьеса «За десять лет» оценивается драматургом как опыт первой публикации автора. Она имела агитационный характер, положительно оценивающий коллективизацию, однако сейчас ее нельзя рассматривать художественно полноценным произведением, реально отражающим колорит эпохи [9: 123].

По мнению театроведа Х. Махмутова, пьеса «За десять лет» показывает, как классовые враги хотели опорочить Советскую власть в двадцатые и последующие годы, и раскрывает их коварные планы. Наряду с другими произведениями, написанными на начальном этапе творчества Р. Ишмуратова «Пожар» (1929) и «Данлы чор» («Славное время», 1930), в ней описывается борьба приверженцев капиталистического строя, защитников частно-собственнических интересов со сторонниками организации социалистического коллективного хозяйства. Эти произведения основаны на реальных фактах, поэтому так силен в них идейный конфликт и сам сюжет захватывает, тем не менее, не освобождены и от формализма [12: 129].

В свое время литературоведом А. Ахмадуллиным было отмечено, что «тематику и содержание драматургии Ишмуратова определяли идеологические установки советского времени... на передний план выступили проблемы утверждения новой советской морали» [17: 639]. Характерная черта и особенность творчества Р. Ишмуратова, отмечает литературовед Ф. Галимуллин, это раскрытие личности и ее действий в социальной среде в неразрывной связи с эпохой [3: 173].

Ознакомившись с мемуарами Ризы Ишмурата, мы убедились в том, что пьеса «Десять лет спустя» – автобиографическое произведение. В ней жизненные события передаются читателю не только через восприятие самого драматурга, а в характере вымышленного автором главного героя, на наш взгляд, лежит личность и характер самого автора. Главный герой произведения – Салих – сын Шамси (во втором варианте – Шамсетдин). Двадцатилетний ярый сторонник большевиков не находит понимания у своего отца, за что и был изгнан из дома. Причину Салих видит в необразованности отца, по мнению которого, часть неразумных рабочих-крестьян, умудрившаяся захватить власть, могут привести страну к разорению. Большевики же, напротив, идут правильным путем и для всех откроют дорогу в светлое будущее. Салих – партийный юрист, и в конце произведения он стал известным адвокатом, одним из лучших адвокатов не только среди татар, но и среди русских, работает в главном суде Казани. Действие, посвященное самодостаточной адвокатской жизни Салиха, отсутствует в варианте, представленном в литературной хрестоматии. Там пьеса состоит из двух действий, и с этим связаны структурные изменения в пьесе (вариант 1927 г. в 3-х действиях).

Интересно проследить, как в самом произведении меняется отношение героев к современной им действительности, как разрешается проблема отцов и детей. Сын стал достаточно известным адвокатом, и в конце рассказа в том и другом варианте уже отец приходит к заключению, что вся надежда мыслящих людей на большевиков, на новый строй. Беспартийный Шамси в финале пьесы стал преданным советской власти человеком, председателем сельского совета: «Если бы знал, сколько добра принесет нам Советская власть, то непременно вступил бы в Красную гвардию и боролся бы против буржуев» [8: 163]. В варианте 1928 г. в начале произведения Шамси вспоминает дореволюционное время, о том, как при Николае II жили в райских условиях, когда о творческих людях заботились, опекали их, когда они были уважаемыми людьми в обществе (на что и обращает внимание читателя название произведения): «Не ценили Николая II... Оказывается, воспитывал он нас как детей, жили тогда, как в раю...» [8: 154]. Автор сопоставляет царское время с действующей властью, с жадными и подлыми людьми,

которым было наплевать на Россию. В начале 1920 г. З. Н. Гиппиус справедливо писала, что «самодержавие большевиков горше, хуже николаевского – но дутая власть их слабее, и при самом легком ударе извне – она лопнет, как пузырь» [5: 111]. Разумеется, во втором варианте пьесы Ишмуратова о царском режиме ничего не говорится, поскольку в новую эпоху модно стало описывать «победителя»-пролетария.

С первых строк пьесы, изданной в хрестоматии, начинается критика в адрес большевиков. Автор называет их безбожниками и зимагурами, негодяями и проходимцами, злыми и коварными людьми: «И откуда только взялась эта нечисть – большевики. Уничтожим нищету, сделаем всех людей равными, провозглашали они, а на деле ввергли всю страну в нищету беспросветную» [8: 151]; «Свобода якобы... Якобы свободны мы теперь... Да пропади пропадом такая свобода! Когда нет возможности своим хлебом наесться... Когда не осталось достойной одежды. Одного из двух коней забирают. А оставшегося, не распрягая, гоняют день и ночь. Хочешь чаю испить, нет чаю-то... Завариваем всякую траву да листья, и пьем пополам с тоской» [8: 153]; «Какой может быть порядок, когда управляет всякое отребье да шантрапа! Сгинули бы они, может, и восстановился прежний порядок... а то дела наши совсем плачевны» [8: 154].

Множество негативных высказываний о большевистском режиме можно увидеть на страницах периодической печати. Например, в издании Восточно-русского культурно-просветительного общества «Дус» («Друг», 1917 г., 24 октября) достаточно резко оценивается роль атеиста Ленина, который с завезенными из Германии безбожниками, не уважающими российских святынь, свершил в стране революцию и обрушил зло, ненависть и насилие на россиян.

В дневниках Зинаиды Гиппиус (1869–1945) отражено отношение большевиков к русскому народу: «к России никакого отношения не имеют и о ней меньше всего заботятся <...> В громадном большинстве не русские <...> они нащупывают инстинкты, чтобы их использовать в интересах... право не знаю точно, своих или германских, только не в интересах русского народа» [4: 149]. Внутри большевицкой власти – гниль, прах, смрад, слизь, а сами большевики, прежде всего, бабы: рыхлы, тупы, беспощадно и крайне истеричны, хитры. Она их называет «кистязателями, нетовцами, разрушителями жизни», которые надеялись из голода получить для себя большую выгоду, играя грубо и просто [5: 114, 175, 203].

Особенного внимания заслуживает статья «Ленин. Моментальная фотография» (1921) Александра Ивановича Куприна (1870–1937), где точно охарактеризованы ленинский темперамент и мировоззрение: «в сущности этот человек, такой простой, вежливый и здоровый, гораздо страшнее Нерона, Тиберия, Иоанна Грозного. Те, при всем своем душевном уродстве, были все-таки людьми, доступными капризам дня и колебаниям характера. Этот же – нечто вроде камня, вроде утеса, который оторвался от горного кряжа и стремительно катится вниз, уничтожая все на своем пути. И при том – подумайте! – камень, в силу какого-то волшебства – мыслящий! Нет у него ни чувств, ни желаний, ни инстинктов. Одна острая, сухая, непобедимая мысль: падая, уничтожаю» [10: 312].

Существенные изменения происходят и в характере и образе крестьянина Сафы. В первом варианте он поддерживает взгляды середняка-крестьянина Шамси, критикует советскую власть за грабеж деревенских жителей и называет их «безбожниками». Во втором варианте Сафа, наоборот, на стороне советской власти и разделяет мысли активного сторонника большевиков Салиха, сына Шамси: «Нет никакой пользы от белых не для бедноты, как мы, и не для середняка-крестьянина, как ты Шамси. Они годятся лишь таким баям, которые грабят свой народ, как Гайнетдин... Лишь бы уж победили этих белых дьяволов» [7: 88].

В 1930-е гг. взаимоотношения между писателями были непростые, и отношение к писателям в обществе в целом сложное, неоднозначное. После 1925 г. в печати, издательствах и библиотеках окончательно утвердились параметры контроля и централизации, введенные еще в начале 20-х гг. В марте 1928 г. XV партсъезд установил «факты и идеи», которые писатель должен «перевести с политического языка партийных директив на художественный язык образов». Таким образом, в конце 20-х гг. XX столетия «стала невозможна публикация идеологически неприемлемых произведений классиче-

ской литературы и таких, в которых изображались негативные стороны советской действительности или отсутствовала агитационная направленность в том объеме, в каком это допускалось в первой половине 20-х гг.» [1: 8]. Основное положение политики в литературе – это «требование от каждого, нашего и попутного, автора совершенно определенной и четкой целевой установки» [20: 46], т.е. какой определенной нажим на эмоции читателя произвести, в какую сторону и какие именно рефлексy вызвать. Задача партии – волевая стандартизация литературы, установка на действие, но не было у них определенной концепции руководства литературой.

Именно в начале 1920-х гг., когда вопросы литературы были второстепенными по сравнению с другими задачами, в татарской литературе появились произведения, реалистически достоверно освещающие правдивую историю того времени: поэма «Людоеды» (1922) М. Гафури, повесть «Люди» (1923) Г. Ибрагимова и другие. Однако сильное идеологическое давление в свое время заставило классика татарской литературы Г. Ибрагимова, председателя Академического центра и Татарского бюро краеведения, изменить содержание произведения о голоде. Автор доработал некоторые описания в повести, было добавлено то, что хотела видеть тогда советская власть. В результате в 1931 г. был издан второй вариант повести «Люди», который по объяснению самого автора, запуганный коллегами и властями человек боролся сам с собой, с художником, создавшим это потрясающее читателей творение.

В связи с этим важно вспомнить слова А. В. Луначарского о цензуре «...подлинное искусство, то, которое носит на себе печать гения или таланта, в клетке петь не может. Приспособленный к клетке талант превращается из соловья в чижику, из орла в курицу» [11]. В своем выступлении на совещании отдела печати о политике РКП (б) в художественной литературе (9–10 мая 1924 г.) А. Луначарский отметил, что «даже в тех случаях, когда мы имеем художника из нашей собственной среды, нельзя ставить ему в его художественных произведениях узко-партийных и программных целей. Поскольку он выступает как художник, он формирует свой опыт по иным законам, чем по каким происходит работа публициста. Когда нам дают искусство под густым партийным соусом, мы очень часто констатируем потом, что нам дали фальсификат» [1: 264]. Вместо свободы слова большевики создали прокрустово ложе соцреализма, установили свою диктатуру в искусстве и литературе. А судьбы тех, кто шел вопреки идеологии, складывались трагично. Попытка подогнать всех писателей под единообразие мысли зачастую кончалась скверными психическими и физическими последствиями для жертв этой политики. Это подтверждается словами В. Полянского «вне идеологии нет спасения. Пустота и кривляние, смерть и увядание ждут противников ее» [13: 92].

Видоизмененный вариант пьесы Р. Ишмуратова «Десять лет спустя» также подогнан под каноны данного художественного направления. Здесь многое зачищается автором, меняется и мировоззрение персонажей. Не остается никаких следов той критики, которая была в адрес большевиков в начале произведения 1928 г. Интересно отметить, что в то время Ишмуратов был далеко не рядовым сотрудником. После окончания Татарского государственного театрального техникума в 1926 г. он работал режиссером-постановщиком в Татарском академическом театре. В 1930 г. был назначен инспектором по художественной части Наркомпроса ТАССР. В 1931–1940 гг. был руководителем коллегии режиссеров, работал режиссером-постановщиком и заведующим литературной частью Татарского академического театра, заместителем начальника Управления по делам искусств при Совете народных комиссаров ТАССР. Возможно ли было в то время занять такие посты, если бы он не был преданным коммунистом (с 1927 г. член КПСС)?!

Думается, что сопоставительный анализ двух вариантов одного и того же произведения дает возможность понять, как менялся антураж окружающей действительности. В 1930 гг. было чрезвычайно опасно критиковать большевиков и существующий строй, это было чревато последствиями, причем, очень жесткими. Поэтому писатели выправляли ситуацию каждый по-своему, и строили свои произведения по канонам соцреализма. Критика, в свою очередь, обязана была разоблачать идеологическую направленность творчества того или иного художника и показать враг он или друг для пролетариата. Литература для власти превратилась в «оружие» для строительства идеологии социализма.

С целью усилить пролетарскую литературу в Татарстане в 1928 г. была создана организация пролетарских писателей. «Ядром пролетарской культурной революции, осуществляющим в области литературы задачи, поставленные партией» являются Все-союзное объединение ассоциаций пролетарских писателей (ВОАПП) и Российская ассоциация пролетарских писателей (РАПП).

В своем очерке, посвященном 10-летию ТАССР, Гумер Галеев пишет, что «татарская пролетарская литература является оружием воздействия на идеологическом фронте пролетарской революции, она выполняла и в дальнейшем должна выполнять величайшие задачи пролетарской революции» [2: 21]. Из важнейших задач, которые можно реализовать только с помощью постоянной поддержки партии, это – объединить силы коммунизма на литературных фронтах, большевизировать ряды пролетарской литературы [2: 27]. В 1929 г. А. Саади изучая татарскую литературу в эпоху диктатуры пролетариата отмечает образование нового литературного стиля – пролетарского реализма, который характеризуется «...коллективизмом, стремлением к конкретности, открытостью, реализмом» [15: 45].

Ознакомившись с воспоминаниями Ишмуратова, понимаем, что драматург был убежденным коммунистом, большевиком. Только настоящий человек, по его мнению, может стать преданным идеалам Ленина и партии человеком. Он и сам стал таким. Подтверждением этого является его личное участие в изъятии хлеба у односельчан.

Голод 1920-х гг. привел страну к серьезным потерям как моральным, так и физическим, разрушил сельское хозяйство страны. Даже спустя несколько лет государство все так же продолжало изымать хлеб у крестьян с целью поддержать армию и рабочих в городах. По информационным сводкам объединенного государственного политического управления (ОГПУ) СССР с осени 1927 г. и на весь последующий период одной из главных тем для руководства становятся хлебозаготовки под углом зрения «политических настроений крестьянства в связи с мероприятиями по усилению хлебозаготовок», из которого выростали и другие темы «классовая борьба», «кулацкий террор», враждебная деятельность «антисоветских элементов» [16: 14, 16]. Сводки по вопросам коллективизации крестьянских хозяйств до осени 1929 г. были нерегулярными и незначительными по объему, и только с января 1930-х годов сводки «Коллективизация и политические настроения деревни» становятся ежедневными и объем их вырастает до 30–40, а часто и до 50 страниц [16: 17].

В марте-апреле 1929 г. в небольшой деревне Уразаево (570 жителей) Мензелинского кантона ТАССР, по рассказам драматурга, реквизировали полторы тысячи пудов хлеба (24 000 кг). Под предлогом, что хлеб нужен государству, городам и, конечно же, рабочим, чтобы они смогли дать сельским жителям нужные хозяйственные товары, одежду и многое другое, председатель, по указанию волостного комитета, выполнил задание: «Слёз крестьянских не пожалев, выскреба все углы-сусеки, выполнили задание. Главная пища крестьянина. Если не останется хлеба, не будет в амбаре запаса на два-три месяца, крестьянин свалится с ног, выбьется из сил» [6: 276]. Тогда и семья Ишмуратова поровну поделила четыре мешка ржи себе и государству. В июне 1929 г., всего лишь через два месяца, пришел приказ сверху на сбор дополнительные сорока тысяч пудов (640 000 кг) из Актанышской волости Мензелинского кантона. Из них тысячу пудов (16 000 кг) должны были собрать в деревне Уразаево. Секретарь волостного комитета обращается с просьбой к Р. Ишмуратову, как закаленному коммунисту, помочь реализовать задание по реквизиции хлеба у крестьян. Ишмуратов соглашается (видите ли, неудобно было отказать близкому знакомому, авторитетнейшему секретарю волкомитета – Халилу Карамуллину), и был назначен полноправным уполномоченным от партии Актанышского волостного комитета по реквизиции хлеба в деревне Уразаево. Зная, что придется отбирать хлеб у своих односельчан, у тех, кто с почтением и угощениями тебя встречал, лишить последнего куса хлеба своих родных и близких, он не смог (или не захотел) отказать начальству. Хлеб – основа социализма, и только объединение единоличных крестьянских хозяйств в коллективные, по его мнению, приведет к победе над многолетним голодом. Слезы родственников и проклятия крестьян-хлеборобов его не остановили, поскольку задание партии для него закон, а его невозможно не выполнить. «Земля и хлеб, – писал историк В. П. Данилов, – были основными объектами борьбы в

деревне и деревни в целом против государства, любой власти с самого начала крестьянской революции в 1902 г. и до ее завершения в 1922 г.» [16: 11].

Ишмуратов догадывается, что выполнение хлебного задания приведет к конфликтам и неприятностям. Задумавшись о том, что его будет ждать в родной деревне, он паникует, порой даже и жалеет, что не выбрал чужую деревню. Свои-то меня может и поймут, пишет он, но простят ли меня односельчане пожилого возраста, забудется ли их гневный взгляд или так и будут терзать мою душу. Однако сущность самовлюбленного человека берёт свое: «кто я, если растерялся перед такими трудностями и воздержался от задуманного? Борец коммунизма или бесхарактерное и нерешительное существо?!» [6: 303]. Да, он не растерялся перед трудностями, назначил кому три, кому десять, а зажиточным и тридцать пудов. Даже его семья не осталась в стороне, поделив поровну обнаруженные в клетки два мешка по пять пудов каждый. Вот как бывает, пишет Р. Ишмуратов, неплохо угощаться едой с маминого стола параллельно выполняя хлебную задачу [6: 296].

Ишмуратов сам пережил страшный голодный 1921 г., и его младший брат начал опухать от голода и чуть не умер. Его отец – Фахрутдин Ишмуратов умер в январе 1920 г. от разразившегося тифа и в связи с этим, пишет он в автобиографии, «в начале 1922 года в связи с голодом и моей болезнью, а так же с трудностями, связанными со смертью отца, я возвратился в деревню» [19]. Тогда он был военным сотрудником политуправления Восточного сектора войск Внутренней охраны Республики на территории Южного Урала в Уфе. Однако, как пишет драматург, от голодной смерти спасли благоприятные погодные условия 1922 г., своевременные дожди, и конечно же, помощь, оказанная советской властью [6: 266]. Благодаря таким людям, как Р. Ишмуратов, постоянно изымавшим у крестьян хлеб, голод стал постоянным спутником земледельцев. Слова председателя совета Гаязетдина помогают увидеть подлую натуру Ишмуратова: «Ведь уполномоченным по реквизиции хлеба назначен наш земляк-односельчанин Ишмуратов... Ему-то что, все равно, лишь бы дай. Под предлогом «задание партии для меня закон», сдаст государству хлеб, реквизируемый у своих односельчан, не оставив им на пропитание, и уедет в город на учебу» [6: 285–286]. В течение двух недель план был выполнен, и Ишмуратову была объявлена благодарность за успешную реквизицию хлеба. За его работу от волостного комитета была написана многословная характеристика следующего содержания: «Одаренный такими качествами, как честность, настойчивость и свойственная коммунистам принципиальность, Риза Фахретдинович Ишмуратов сильно поддержал Актанышскую волость при выполнении продовольственной разверстки» [6: 310–311].

Пьеса «Прежде и теперь (Десять лет спустя)» является свидетельством идеологического прессинга в литературе и искусстве в 1920-е и последующие годы. Учитывая обстановку в стране, хаос в литературной и политической жизни, ужесточение политики партии, Р. Ишмуратов доработал свое произведение в рамках соцреализма, где действительность рассматривается только под определенным углом зрения, неизбежно искажая реальность. Метод социалистического реализма привел к страшнейшему оскудению тематики творчества и обнищанию его проблематики, писателей обязывали создавать идеологически выдержанные произведения, ориентированные на сегодняшнюю политику, всячески иллюстрирующие и пропагандирующие ее. Писатели, которые в своем творчестве стараются как-то отразить тему сегодняшнего дня, по мнению О. Бескина, «не творцы, вы приносившие в лучшем случае и подхалимы в худшем» [14: 64].

ЛИТЕРАТУРА

1. В тисках идеологии. Антология литературно-политических документов. 1917–1927 гг. – М. Изд-во «Книжная палата», 1992. 511 с.
2. Гали Г. Пролетариат әдәбияты өчен көрәшкәндә. – Казань: Яналиф, 1930. – 135 б.
3. Галимуллин Ф. Тормыш имтиханы // Казан утлары. – 1988. – № 11. – Б. 173–174.
4. Гиппиус З. Н. Дневники: воспоминания, мемуары. – Минск: Харвест, 2004. – 304 с.
5. Гиппиус З. Н. Мечты и кошмар (1920 – 1925) / Сост., вступ. статья, коммент. А. Н. Николюкина. – СПб.: Изд-во «Росток», 2002. – 560 с.
6. Ишморат Р. Гомер сукмаклары. Истәлекләр. – Казань: Татар. кит. нәшр., 1987. – 408 б.
7. Ишморат Р. Гөлзадә. – Казань: Татгосиздат, 1941. – Б. 83–112.
8. Ишморат Р. Элек һәм хәзер (Ун ел тулганда) // Ташкын. Әдәби хрестоматия. I нче кисәк. – Казань: Яналиф, 1928. – Б. 151–163.

9. Камал А. Гөлзада // Совет әдәбияты. – 1943. – № 2–3. – Б. 123–124.
10. Куприн А. И. Ленин. Моментальная фотография // Куприн А. И. Голос оттуда. – М.: Согласие, 1999. С. 308–312.
11. Луначарский А. В. Свобода книги и революция // Печать и революция. – 1921. – Кн. I: май-июль.
12. Махмұтов Н. Заман белән бергә // Казан утлары. – 1973. – № 10. – Б. 128–133.
13. Полянский В. Об идеологии в литературе // Современник. – 1923. – № 2. – С. 85–92.
14. Против буржуазного либерализма в художественной литературе. Дискуссия о «перевале». – М.: Изд-во Коммунистической академии, 1931. – 105 с.
15. Сагди Г. Пролетариат диктатурасы дәверендә татар әдәбияты. – Казан: Яналиф, 1930. – 198 б.
16. Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. 1918–1939. Документы и материалы: в 4-х т. Т. 1. 1918–1922 гг. / Под ред. А. Береловича, В. Данилова. – М.: «Российская политическая энциклопедия», 2000. – 864 с.
17. Татарская энциклопедия: в 6 т. Т. 2. – Казань: Институт татарской энциклопедии, 2005. – 656 с.
18. Центр письменного и музыкального наследия Института языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан (ЦП и МН ИЯЛИ АН РТ). Ф. 43. О. 2. Д. 2. Л. 157.
19. ЦП и МН ИЯЛИ АН РТ. Ф. 73. О. 2. Д. 2. Л. 8.
20. Чужак Н. «Без руля и без ветрил» (К нашей политике в литературе) // Октябрь мысли. – 1924. – № 1. – С. 38–47.

УДК 821

ТАТАРСКАЯ ЛИТЕРАТУРА В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН (на примере творчества поэта Шамиля Анака)

Г. М. Габдулхакова

*Центр изучения татарской диаспоры Института татарской энциклопедии и
регионоведения АН РТ (Казань)*

В статье представлен обзор творческой деятельности Шамиля Анака – поэта-новатора, поэта-философа, продолжателя лучших традиций мировой поэзии, а также определяются особенности его поэзии.

Ключевые слова: татарская литература, философская лирика, поэт-новатор, верлибр.

The article provides an overview of the creative activities of Shamil Anak. He is a poet-innovator, poet-philosopher, continuer of the best traditions of world poetry. And also here the phenomenon of his poetry is defined.

Key words: Tatar literature, philosophical lyrics, innovative poet, vers libre.

На страницах многотомной «Татарской энциклопедии» (Казань, 2002–2014, тт. 1–6) достойное место заняли наши выдающиеся татарские деятели, проживающие за пределами нашей республики. Один из них – поэт Шамиль Анак (Махмудов Шамиль Гумерович).

Шамиль Анак – поэт-новатор европейского типа мышления. Он создал свою оригинальную творческую систему (систему художественно-эстетических норм и стихосложения), теоретически обосновал и ввёл в татарскую и башкирскую поэзию свободный стих (верлибр), а также первым в татарской поэзии создал веночек сонетов и применил терцину (итал. *terza rima*, франц. *rimes tiercees* – одна из особых, так называемых «твердых» поэтических форм итальянского происхождения). Анак создал форму философских поэтических новелл и стихотворений в прозе, возродил древние жанры оды и касыды на современной базе и на базе татарского языка воссоздал форму японских хайку (жанр традиционной японской лирической поэзии) и танка («короткая песня», 31 слоговая пятистрочная). Его стихи публиковались во многих московских газетах и журналах.

Поэт родился 25 ноября 1928 года в деревне Абдрашитово Альшеевского района БАССР. В 1945 году окончил Давлекановское педучилище, а в 1950 году – восточное отделение филологического факультета Московского университета им. М. В. Ломоносова. В 1950–1957 гг. учился там же в аспирантуре и преподавал в Литературном институте им. М. Горького. В 1959 вернулся в родное село, с 1964 до конца жизни жил в пос. Раевский. Умер 21 октября 2005 года, похоронен на мусульманском кладбище.

Творческий путь Шамиль Анак начал как переводчик. В его переводах на башкирском языке прозвучали стихи турецкого поэта Назыма Хикмета «Шигырзар һәм поэма-

лар» (Өфө, 1952) и избранные произведения на татарском языке («Сайланма әсәрләр», Казан, 1955), а также отдельные рассказы турецких писателей Решата Нури Гюнтекина, Омера Сейфетдина, Орхана Кемала, Фаика Байсала, Нади Догана, Фахри Эрдинча, Садри Эртема, Азиза Несина, стихи и новеллы Нефзата Устюна; стихи классика немецкой литературы Гёте, поэтессы Лии Франк, чилийского поэта Пабло Неруды и других испаноязычных поэтов, стихи классиков русской поэзии Н. А. Некрасова, Н. Н. Никитина; на русский язык он перевёл стихи Г. Тукая, М. Джалиля и др.

Стихи Анака обычно относят к жанру философской лирики. Однако такое определение не совсем точно и полно.

Анак прежде всего не поэт-философ, а философ, выражающий свои философские взгляды, идеи посредством поэзии – языком поэзии, поэтическими образами. Именно поэзия и есть та самая краткая и ёмкая, и в то же время зримая, выпуклая форма, с помощью которой можно наиболее доходчиво и ярко выразить философские идеи.

Необходимо подчеркнуть, что философия Шамиля Анака как по содержанию, так и по форме принципиально, можно сказать, диаметрально отличается от известных нам античных, средневековых и новейшего времени философских систем. И прежде всего тем, что система Анака базируется на древнейших формах рассмотрения мира, взятых в спектре данных современных наук. Отсюда, система Анака избирает объектом исследования не столько сами явления или предметы реального мира, сколько исследование или выявление глубинных, или корневых, по выражению Анака, связей между ними, и во-вторых, строится на базе древнейшего «естественного видения» мира, или древнетюркского тенгрианства, включая элементы буддизма и средневекового суфизма. Этим определяется и другое принципиальное отличие философской системы Анака: она представляет собой не изложение системы философских догм, а скорее выражение самого процесса исследования, притом наглядного, конкретного, чем объясняется обращение к языку поэзии, к её лаконичности и образности.

В этом плане (выражения философского посредством художественного) поэзия Анака стоит в одну ряду с поэзией таких средневековых поэтов-суфиев, как Ахмет Ясави, Бакыргани, Гаттар, Джалалетдин Руми, а в литературе XX века с произведениями таких писателей, как Жан Поль Сартр, Лев Толстой и, может быть, Уолт Уитмен.

В этом заключается уникальность поэзии Анака в татаро-башкирской литературе и культуре. И в этом плане философская поэзия Анака обретает черты как бы национальной философии.

Поэтическая система Анака отличается прежде всего невиданным многообразием структурных форм стиха: каждому стихотворению Анака присущ единый для всего стихотворения ритмомелодический рисунок, так называемая «сквозная интонация», то есть стихи Шамиля Анака строятся не из отдельных, повторяющихся по ритму, строф, а все стихотворение в целом представляет собой нечто единое, цельное по своему сложному ритмическому рисунку. Отсюда, в полутора десятках книг Анака каждое стихотворение имеет свою, присущую только этому стихотворению форму, то есть ни одно стихотворение не повторяет другое. В этом плане поэзия Анака уникальна, единственна и не имеет аналога. Это – второй феномен творчества Ш. Анака.

Третья особенность поэзии Анака заключается в том, что в ней сочетаются, казалось бы, несовместимые философия и лирика. А именно с философской абстрагированностью, мысль и ее словесное выражение в поэзии Анака органически сочетаются предельная конкретность поэтического образа, его зримость, высокий эмоциональный накал чувств и тонкий лиризм.

Анак – поэт глубоко лирический. Его стихи – тонкие, изящные. Он мыслит необычно, свежо, оригинально. Как отмечают критики, отпечаток умной мысли, тонкой кисти художника заметен буквально в каждой его строке.

Если его поэма «Чёрная планета» («Кара йолдыз») – это набатный призыв к миру, то стихотворения «Альшанское кладбище в Праге» («Альшан зиратында») и «Хиросима» («Мин – Хиросима») – глубочайшая скорбь о павших. Если «Вечерние записки» («Эңгер язмарары») представляют собой глубокие философские раздумья о мире, человеке, жизни и смерти во множестве ее ипостасей, то «Письмена любви» («Сөю тамгалары») по накалу чувств, взлету мысли, родниковой чистоте достигают библейских высот звучания. Даже

по названиям книг можно определить поэтический склад мышления автора – «Солнце на дороге» (М., 1962), «Оды мирным вещам» (М., 1968), «Три синих холма» (М., 1971), «Неожиданные встречи» (Казань, 1971), «Запах полыни» (Уфа, 1973), «Полночный бой часов» (М., 1975), «Солнце на дороге» (Казань, 1966), на татарском языке), «Неожиданные встречи» (Казань, 1971, на татарском языке), «Скромный праздник» (Казань, 1982, на татарском языке), «Репортаж из сердца Европы» (Уфа, 1963, на башкирском языке), «Плач белого зайца» (Уфа, 1966, на башкирском языке), «Надписи на камнях» (Уфа, 1978, на башкирском языке), «Письмена любви» (Уфа, 1988, на башкирском языке) [4: 143] и другие. В коллективном сборнике поэтов-хайкистов мира, изданном в 1992 году в Германии, под названием «Букет хайку», Анак представлял Россию и Татарстан. Хайку Анака даны в сборнике на татарском, русском и немецком языках.

Его произведения в виде отдельных стихотворений, поэтических подборок, циклов публиковались, кроме татарского и башкирского языков, на русском, украинском, грузинском, киргизском, чувашском, эстонском и др. языках республик бывшего Союза; а также на немецком, чешском, словацком и болгарском.

После себя Анак оставил полтора десятка книг, много переводов из разных языков, тексты песен и романсов и добрую память в сердцах тех, кто хорошо знаком с его творчеством.

ЛИТЕРАТУРА

1. Галиуллин Т. Тыйнак табынга кил, укучы! // Казан утлары. – 1983. – № 11.
2. Гафуров М. Дарю тебе память // Вечерняя Уфа. – 1979. – № 21.
3. Мустафин Р. Образ времени. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1981. – 295 с.
4. Татарская энциклопедия. – Казань: Институт татарской энциклопедии: в 6-ти тт. Т. 1, 2002. – С. 143.
5. Харисов Р. Юл өстендә кояш // Казан утлары. – 1967. – № 12.
6. Хузангай А. Поиск слова. – Чебоксары, 1987. – 191 с.

УДК 821.512.145

ИЛСӨЯР ИКСАНОВАНЫҢ БАШЛАНГЫЧ ЧОР ШИГЬРИЯТЕНДӨ ОБРАЗ ТУДЫРУ ҮЗЕНЧӨЛЕГЕ

Г. Р. Гайнуллина, Г. Р. Габдуллина

Казан (Идел буе) федераль университеты (Казан)

Поэзия Ильсияр Иксановой – представительницы романтического направления современной татарской поэзии на сегодняшний день является малоизученной темой. В статье анализируются стихотворения поэтессы начального периода ее творчества в аспекте образной системы. Выявляются особенности образной системы романтических текстов поэтессы.

Ключевые слова: поэзия, образ, И. Иксанова, символ, художественный мир.

На The poetry of Ilsiyyar Iksanova, a representative of the romantic trend of modern Tatar poetry, is a little-studied topic today. The article analyzes the poems of the poetess of the initial period of her work in the aspect of the figurative system. The features of the figurative system of romantic texts of the poetess are revealed.

Key words: poetry, image, I. Iksanova, symbol, artistic world.

Татар әдәбиятының күпгасырлык үсеш юлында һәм шигъри сүзе, һәм гажәеп нечкә, зәвыклы прозасы белән аерылып торган әдипләр бар. Тормышка үз карашы, үз фәлсәфәсе, ижтимагый-мәдәни барышка шәхси мөнәсәбәте булган, чынбарлыкка хис-кичереш ноктасыннан бәя биргән хатын-кызлар алып барган әдәби нәфис сүз соңгы елларда күзгә күренеп үзгәрдә, үстә. Әдәбият галиме Н. М. Йосыпова карашынча, «гомум планда караганда, XX–XXI йөз чикләрендә татар поэзиясенен, үткән гасыр шигъри традицияләренә үстәрәп, дөвам итеп баруы белән янәшәдә, хис-кичереш бирелеше, образлы сурәтлелек, сәнгати алымнар жәһәттенән яңа эзләнүләр, тәжрибәләр юлына керүе күренә» [5: 132]. Хәзерге поэзиядә «уйлану рухы, анализ, шәхеснең туктаусыз үзгәрә килгән рухи дөнъясына игътибар үсү» [1: 152] шагыйрәләр ижатына да үз тамга-

сын салды. С. Сөләйманованың моңсу-якты шигъри мәктәбен К. Булатова, С. Гәрәева, Ф. Гыйззәтуллина, Б. Рәхимова, Ф. Зыятдинова, Ф. Мөслимова, Р. Рахман, И. Иксановлар дәвам итте, бүгенге көндә шигърият дөньясында Й. Миңнуллина, Л. Гыйбадуллина, Л. Янсуар һ.б. әдیبәләр ат уйната. Аерым шагыйрәләр прозаны да «кешенең бөеклегенә дан жырлап, кеше хисенә сафлыгы һәм тирәнлеген югары күтәреп язган, шигъриләшә барган эпик телгә ия» [3: 9] хикәяләре белән баетты.

Илсәяр Иксанова әдәбиятка XX йөзнен 90 нче еллар башында күңел лирикасына караган шигъри тезмәләре белән килеп керсә, бүгенге көндә әдیبәнәң хикәя, повесть, эссе, драма жанрларына караган әсәрләре үз аудиториясен тапты.

Әдәбият галиме Д. Заһидуллина карашынча, И. Иксанова ижаты – хәзерге әдәбиятта шәркый башлангычлы романтизм үрнәге [4: 132].

И. Иксанова сәнгатьчә гажәеп матур яңгырашлы сүзе белән поэзиядә һәм прозада яшәү мәгънәсе кебек фәлсәфи мотивлашкан мәсьәләләрне Мәхәббәт, Матурлык фәлсәфәләренә бәйләп яктырта. Аның матур, ихлас, жан авазы булып яңгыраган шигъриләрендә, хикәяләрендә яшәү көче мәхәббәт, шатлык, матурлык категорияләре аша аңлатыла.

Шагыйрә, прозаик, журналист Илсәяр Иксанова (Илсәяр Вазыйх кызы Гарипова) 1966 елның 7 февралендә Татарстанның Лаеш районы Татар Сараланы авылында дөньяга килә. Зыялы, тигез-тату гаиләдә төпчек бала булып үсә. Аның әтисе дә, әнисе дә мөгаллимнәр – әтисе тарихчы, мәктәп директоры, әнисе башлангыч сыйныфлар укытучысы. И. Иксанова башлангыч сыйныфларда укыганда ук шигъриләр яза башлый. Беренче шигъри тәҗрибәләре төбәк газетасы «Кама ягы» битләрендә басыла, соңга таба яшь, өметле автор буларак «Яшь ленинчы» (хәзерге «Сабантуй») һәм «Татарстан яшьләре» газеталары белән даими элементдә тора, «Татарстан яшьләре» газетасы оештырган әдәби конкурсларда катнаша. 1988 елда Казан дәүләт университетының татар филологиясе факультетын тәмамлагач, Татарстан китап нәшриятында, «Сабантуй», «Шәһри Казан» газеталарында, «Ялкын» журналында эшли. Журналист буларак, кызыклы шәхесләр, әдәбият-сәнгать эһелләре турында язылган мәкаләләре, алар белән оештырган интервьюлары аша танылу ала.

Әдیبәнәң шигъри, хикәяләре вакытлы матбугатта даими басылып тора. «Ышанасы килә» дигән беренче шигъриләр җыентыгы 1991 елда басыла, «Кышкы канәферләр» дигән икенче китабы 1999 елда, «Син – язган язмышым» дигән өченче китабы 2003 елда, дүртенче «Кырык кыл» исемле шигъри бәйләмә 2008 елда нәшер ителә. Шигъриләренәң төп нигезен кеше язмышы, хатын-кыз җаме, гаилә, мәхәббәт турында фәлсәфи уйланулар, күңел кичерешләре тәшкил итә, алар хисләренәң ихласлыгы, беркадәр моңсу-сагышлы аһәңе һәм тел бизәкләренәң муллыгы белән укучыны җәлеп итәләр. Шигърияте өчен С. Сөләйманова (2006), Н. Такташ бүләкләре ала, 2016 елда Татарстанның атказанган сәнгать эшлеклесе дигән исемгә лаек була. 2016 елда китап сөючеләренә әдибә «Балан чәчәге» дип исемләнгән яңа җыентыгы белән сөендерде. Биредә язучының повесть, хикәя, телевизион фильм өчен сценарий, эссе жанрына караган соңгы ун елгы ижаты урын ала.

И. Иксанова шигъриләрендә күп алымнар ярдәмендә катлаулы сурәт тудыру омтылышы бар. Аның күңел шигърияте эчке мәгънәне ачуга юл күрсәтүче символик образларга бай.

Күңел лирикасы – иң хисле, эмоциональ, кешегә хас булган бөтен кичерешләр гамасын үзенә туплаган шигърият. Нигездә кешенең шәхси тормыш-көннәтешә, хыял-өметләре, халәте-тойгысы белән бәйлә хис-кичереш ята. Монда гадәти, көндәлек тормыш, мәхәббәт, дөньяга караш, дөньяны аңлату белән бәйлә шигъриләренә-мәхәббәт лирикасын, фәлсәфи лириканы да кертеп карыйбыз.

Илсәяр Иксанованың әле 1991нче елда дөнья күргән «Ышанасы килә» дигән беренче шигъри бәйләмә «Кешеләргә ышанасы килә» шигъри белән ачыла. Шигъридә лирик геройның ышангычлы дус күңел йолдызын эзләве риторик эндәш алымы белән әйтелә. Шигъриенәң исемә эчтәлектә кешеләргә сыенасы, ышанасы килә дип кабатланып, лирик геройның тормыш юлында «йөрәген ачар кешесе» әлегә табылмавына борчылу мотивын көчәйтә. Соңгы строфада аллитерация алымы белән лирик герой аның өчен күңелләре карурман булып калган дусларына ышана, таяна алмавын үкенеч белән белдерә:

Кешеләргә ачыласы килә,
Ачынмаммы икән соңыннан?
Йөрөгәнне ачар кешенең дә
Күңелләре кайчак карурман [4: 4].

Шагыйрәнең тәүге шигырьләре тормышта үз юлыңны эзләү, максат билгеләү төсендә аңлана. «Гомер», «Сискәнү», «Кеше булса...», «...Әллә ничек кенә үтә гомер» һ.б. шигырьләрендә лирик героиня яфрак кыштырдавының, ябалакның ялгыз тавышының, чыкның яшьле күзенең, күбәләкнең канат кагышының, кинәт тамган тамчының, Кояш баешының, атылган йолдызның, урманнарның көзгә сагышының, учакларның күзгә карап януының сискәндерүен, шомландыруын әйтә. Иң борчыганы «искән жилдер гомер агышы». Сәбәбе:

Ялгышларның баткак юлларында
Күмеләп калган кеше язмышы [4: 9] («Сискәнү»).

Нәркемнең үз юлы, үз гамәле булу турындагы гади хакыйкатъне И. Иксанова шигъриятенәң иң башлангыч чорында ук билгели:

Кеше булса, эшләр эше булсын,
Борчулары булсын, гамьнәре,
Киләчәккә ышанычы булсын,
Үтәр көннәренәң ямьнәре [4: 10] («Кеше булса...»).

Бу дәвер шигъриятендә ел фасыллары хисләр үзгәрешен билгеләп, төсләр шул хисләрне баерак, тулырак итеп күрсәтү өчен кулланыла. Мисал өчен, жәй образы «Минем жәем», «Жәй сагышы», «...Мин жәйләрдә», ...Бу – жәйнең соңгы яңгыры» һ. б. шигырьләрендә хисләрнең иң көчле, ялкынлы чорын гәүдәләндереп килүче символ булып тора. «Жәй сагышы» шигырендә татлы иске, хискә тулган лирик геройның күңел дөньясы якты үткәннәр турындагы сагыш белән бәйлә тасвирлана. Биредә сагышның даимилеген, бу хисләрне тыйнак сабырлык белән моңсу гына үткәргә кирәклегенә искәртелә:

Елдан елга күчә бара жәйләр,
Минем жәйләр, мине сагынып... [4: 13].

Аерым шигырьләрдә жәй образы традицион мәгънәсен үзгәртеп, сөйгән ярларны аерган вакыт, чор буларак аңлана. Лирик геройның сөйгәнне белән күрешергә, аның белән гомерен ялгарга теләве «Юл арасы гына...» исемле шигырьдә өй һәм ил образларын, күңел һәм гомер образларын кабатлау аша көчәйтәп бирелә. Биредә лирик геройның гомер юлы мәхәббәт, якты хисләр тулы күңел иле кебек билгеләнә.

Синең өң белән минем өем,
Синең иленең белән минем илем –
Юл арасы гына.
Йөзләреңне бер күрәсе генә,
Күзләрең бер багасы гына [4: 47].

Күренгәнчә, биредә автор ел фасылларын хис алышынуын күрсәтү өчен куллана. Гомер юлын билгеләгән мәхәббәтнең юк кына киртә аркасында чыңга ашмавын, югалуын тойган лирик геройның хәсрәтен юатырлык көч юк. Лирик герой, хисенә юану эзләп, сөйгәннең моңарында югалырга теләвен белдерә, жавап хисне сагына. Шигырьнең исеме соңгы тезмәдә кабатлану – югалту ачысын тойган лирик геройның жан авазы – моңы булып аңлана.

Жәйдән көзгә күчеш лирик герой күңелендәге сагыш хисләрнең көчәюен символ икән билдерү. Сагышлы жәйнең нәтижәсе булып «шыбыр шыбыр коелган алма» төшкә генә кергән хисләр, якты хыяллар торы билгеләнә.

Көз образы – И. Иксанованың тулы иҗатын иңләп алган, гел кабатланып килгән, шигъриятендә сагыш-хәсрәт сызыгын көчәйтүче символ.

«Көздә калдыр» шигырендә лирик геройның сагышы иң югары дәрәжәдә бирелә. Гашыйк лирик герой өчен яфрак бураны, балан тәлгәше, киткән торналар моңы, томаннар артында калган тәүге тойгылар, әрнүле көз якын, кадерле, аңаяна, ят назлар кирәк

түгел. Риторик эндәш белән дөньяга хисләрне саклау турында мөрәжәгате лирик геройның хәсрәтен иң югары дәрәжәгә күтәрә, шул ук вакытта юану эзләвен дә белдерә.

М. Цветаевага багышланган «...Синең жаның миңа күчкән мәллә»шигырендә соры көз гомернең моңсу, төссез, «жан өзелеп калган» халәтен белдерүче символ. Кумир эзләп, рус шагыйрәсенә яшәешнең әлегә дәверендә мөрәжәгать итүе очраклы түгел:

Синең язмышыңның ачылыгы –
Иренемә тамган күз яшемдә [4:25].

Лирик герой үзенең рухына якын жан эзли, хисләрән бүлешер кешесен тапканына ышана:

Безнең жаннар тормыш чылбырында
Еллар аша бара беррәттән [4:25].

Шагыйрә көз вакытын тасвирлап, еш кына шигырьгә фәлсәфи эчтәлек алып керә. «Көзгә фәлсәфә» шигырендә лирик герой исемненән шагыйрә яшәешнең туу-үлем сызыгы белән бәйлә хакыйкатен тәкъдим итә. Автор кеше тормышында алышынып торган өмет-өметсезлек чиген күрсәтә, үлүе көз, тууы яз белән символлаштырып, кешенең бу жиргә мәңгелеккә килүе искәртелә.

Илсәяр Иксанованың «Гомер» шигырендә көз яшылекнең үтүенә ишарә итә. Бу юлларда бөрә детален лирик герой үзенең бала-чагы белән чагыштыра:

Бөрә чакта
Чәчәк булып ачыласы килә.

Моннан без аның чәчәкне яшь, чибәр кыз булуы белән тиңләп каравын күрәбез:

Чәчәк аткач,
Жимеш булып житешәсе килә.

Мәхәббәте уянуы жимеш булып пешәсе килүгә тиңләштерелә:

Жимеш булгач,
Тизрәк пешәсе килә.

Ә инде сөйгәнән тапкач, гаилә корасы, балалар үстерәсе килүне ул – тизрәк пешәсе килү теләге белән тиңли:

Пешеп життең исә, көз килә [4:26].

Көз образына мәгънә төсмере ягыннан якынайган кыш образы «Сагыш», «Жаным буран», «...Телисеңме, хисләремне», «Ак энҗе хисләрем» һ.б. шигырьләрдә хисләрнең төрлө дәрәжәсен, төрлө төсмерләрен белдереп кулланыла. Шагыйрәнең күңел лирикасына караган беренче шигырьләреннән «Кышкы яңгыр» исемле шигырендә лирик геройның сөюен онытырга теләп газәпләнуы бирелә.

Бу яңгырны син жибәрдең мәллә
Мин өзелеп буран көткәндә?
Эзләреңне ап-ак карлар белән
Мин күммәкче идем көртләргә [4:27].

И. Иксанованың сагыш белән сугарылган «Зиратта» шигырендә аның балачагын, туып-үскән авылын, дәү әнисен, урамнарын бик сагынуын ачык күрәбез:

Кыш. Жепшек. Карга күмелгән
Авылым урамнары.
Жанымда сулыгып елый
Сагыну бураннары [4:24].

Үзе туып-үскән авылы инде үзгәргән, лирик «мин» аны кышкы буран белән күмелгән дип бирә. Бу күренешкә аның жаны елый, ул үзенә урын таба алмый. Лирик герой бәргәләнгән күңелен буран белән чагыштыра, жепшек кар деталә белән күңеленең йомшаклыгын, авылына мәхәббәт хисен аңлатып бирә:

Кышларда яз сулышы –
Моңнары балачакның.
Буран булып Дәү әнкәмә –
Зиратка таба чаптым [4:24].

Лирик «мин»нең балачагы авылда әбисе янында, бәхетле, тыныч үтә. Ул хәзер дә шул тынычлыкны эзләп авылга, дәү әнисе янына йөгәрә. Ләкин дөньялар үзгәргән, балачак үткән, авыл үзгәргән, элеккеге нәни бала да юк, ә иң мөһиме – аның иң якын кешесе, сердәше, тәрбиячесе хәзер инде бу фани дөньядан бакый дөнъяга күчкән. Лирик героиня күңеленең ашкынуын буранга тинли һәм үзенең якын кешесе – әбисе янына чабып баруын күрсәтә. Чабып дип, хис дәрәжәсен иң югары ноктага куя. Элек ул өйгә чапса, ә хәзер инде зиратка әбисенең каберенә йөгәрә, шунда үзенең күңеленә тынычлык табарына өметләнә...

«Өзмә өметемне» шигырендә лирик геройның сөйгәннен табуга өметен өзүгә борчылу хисе ел фасылларының алышынуына бәйләп тасвирлана. Кыш, яз, жәй вакытлары көтү чоры кебек аңлана. Көз – соңгару, хыялының чыңга ашмавына, югалуына символ булып тора. Лирик героиня матур, татлы хыялларын ак төс, өметенең кими башлавын зәңгәр төс белән символлаштыра.

Димәк, И. Иксанованың башлангыч чор шигырьләрендә ел фасыллары белән бәйлә күренешләр – лирик героиняның сагыш хисен төрле төсмерләрдә ачып, аның эчтәлеген билгеләп килүче образлар.

Шул рәвешле, Илсәяр Иксанованың 1991 елда дөнья күргән «Ышанасы килә» дигән «яшьлекнең иң ихлас шигырьләрен» үз эченә алган беренче шигъри бәйләмендә тупланган тәүге шигырьләре тормышта үз юлыңны эзләү, максат билгеләү төсендә аңлана. «Кешеләргә ышанасы килә», «Гомер», «Сискәнү», «Кеше булса...», «...Әллә ничек кенә үтә гомер» һ.б. шигырьләрендә лирик героиня традицион аңланыштагы якты өмет символы булган йолдыз образын яратып куллана. Гомер агышының тизлегенә борчылган лирик героиня яфрак кыштырдавының, ябалакның ялгыз тавышының, чыкның яшьле күзенә, күбәлекнең канат кагышының, кинәт тамган тамчының, Кояш баешының, урманнарның көзгә сагышының, учакларның күзгә карап януының сискәндерүен, шомландыруын әйтә. Шагыйрәнең образ тудыру үзенчәлеге энә шуннан гыйбарәт.

ӘДӘБИЯТ

1. Галиуллин Т. Н. Шигърият баскычлары: Әдәби тәнкийть мәкаләләре. – Казан: Мәгариф, 2002.
2. Заһидуллина Д. Ф. Яңа дулкында (1980–2000) еллар татар прозасында традицияләр һәм яңачалык). – Казан: Мәгариф, 2006.
3. Заһидуллина Д. Ф. Классический романтизм и особенности его функционирования в современных условиях: творчество Илсияр Иксановой // Татарская поэзия рубежа XX–XXI веков (1986–2015 г.г.): эстетические ориентиры и художественные поиски – Казань: Изд-во Академии наук РТ, 2017.
4. Иксанова И. В. Ышанасы килә: Шигырьләр. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1991.
5. Юсупова Н. М. Шигърият дөнъясы: 2014 ел // Казан утлары. – 2015. – № 4. – Б. 132.

УДК 821.512.145.0

МАХМУТ ГАЛЯУ – ОДИН ИЗ ОСНОВОПОЛОЖНИКОВ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОСВОЕНИЯ СУДЬБЫ ТАТАРСКОГО НАРОДА

Ф. Г. Галимуллин

Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань)

В статье рассматриваются история создания и художественные особенности романов Махмута Галая из дилогии «Кровавые знаки». Произведения М. Галая посвящены отражению жизни татар в наиболее критические времена конца XIX – начала XX века. Трагичная судьба самого писателя и его произведений в 1930-е годы показана через историю издания и перевода его романов на русский и татарский языки.

Ключевые слова: татарская литература, Махмут Галая, история татарского народа, роман «Муть», роман «Эмигранты», роман «Мөһәжирләр», роман «Боганчык еллар»

The article examines the history of creation and artistic features of the novels of Mahmut Galyau from the dilogy «Bloody Signs». The works of M. Galyau are devoted to the reflection

of the life of the Tatars in the most critical times of the late XIX – early XX centuries. The tragic fate of the writer himself and his works in the 1930s is shown through the history of the publication and translation of his novels into Russian and Tatar languages.

Key words: Tatar literature, Mahmut Galyau, history of the Tatar people, the novel «Mut», the novel «Emigrants», the novel «Immigrants», the novel «Boganchyk ellar».

Подлинная художественная литература предполагает непрременную связь автора с судьбой своего народа. Только тот писатель может правдиво отражать чаяния своих соплеменников, если он связан с их жизнью, прошлым и настоящим. Именно такие представители татарской интеллигенции брали на себя эту функцию и своими произведениями осветили путь будущим поколениям. Удивительно то, что время само способствует появлению их на арене народной жизни. Например, с этой точки зрения примечательны семидесятые и восьмидесятые годы XIX столетия. Наиболее сложные века в истории татарского народа постепенно оставались позади. Впереди двадцатый век, многие надеялись, что он будет более цивилизованным, в нем будут определенные сдвиги в сторону демократизации общества и государственного устройства. Именно в то время появились талантливые личности такие, как Гаяз Исхаки, Маджит Гафури, Фатих Амирхан, Галимджан Ибрагимов, которые сумели возглавить процесс развития прогрессивного мышления. Махмуд Галаяу также может быть причислен к плеяде этих выдающихся представителей нашей интеллигенции.

Свои произведения, написанные до 1917 года он подписывал «Марджани». Это неслучайно, так как он из знаменитого рода выдающегося теолога, богослова, историка и просветителя Шигабутдина Марждани: Галаяутдин – отец Махмута – родной брат этого хазрата. Естественно, Махмуд гордился этим обстоятельством и с удовольствием носил фамилию своего рода. Махмуд получил начальную подготовку в родной деревне, где учительствовал его отец, затем получил основательное образование в медресе города Казани. Впоследствии работал учителем в татарских школах Астрахани. Там же в 1907 году обосновал сатирический журнал «Туп» («Орудие»), за что был изгнан из города. Ибо острие этого издания было направлено на разоблачение несправедливости в стране, основам политического и материального насилия царского режима. Махмуд Галаяу воспитывался на произведениях таких выдающихся писателей и поэтов, как Гаяз Исхаки и Сагит Рамиев.

Г. Исхаки, например, в своем публицистическо-художественном трактате «Исчезновение через двести лет» (1902) отчетливо предупреждал: «Настоящее состояние жизни татар на таком плачевном состоянии, если такое будет продолжаться и дальше, через двести лет приведет к исчезновению татарского народа» [3: 55]. Его ученик и единомышленник Сагит Рамиев во весь голос говорил: «Татары, знайте, приближается день исчезновения. Не пропадать же, нам следует родиться заново!» [5: 27]. Многие были одухотворены романтической мечтой превратить начало двадцатого века в зарю татарского народа – повернуть ход исторического развития в пользу угнетенных. Г. Тукай также размышлял об этом и указывал самый верный и плодотворный путь: «будем работать с чистыми, открытыми глазами, настоящим умом!» [6: 350]. Смысл слова «работать» в этом контексте можно было понимать, как «бороться», так как никто нам не поднесет в готовом виде права на человеческую жизнь наравне с другими народами.

М. Галаяу также хотел увидеть себя среди тех, кто каким-то путем, по силе возможности, прилагает усилия к реализации идей своих видных современников-наставников. Свобода для народа в общественно-политическом и экономическом развитии, защита интересов большинства народа – превращается и в его идеалы. Именно это приводит его в газету «Борханел тэрэкький» («Основание прогресса»), на страницах которой часто можно было увидеть его злободневные материалы, за которые он попадает на глаза жандармерии. Слежка за ним, различные преследования не останавливают его. Он осмеливается с точки зрения служителей царизма на более дерзкий поступок – в 1907 году организует сатирический журнал «Туп» («Орудие»), острие которого было направлено и на устои существующего государственного режима. Такое издание не могло существовать долго, и действительно, после выхода первого же номера оно обратило на себя внимание жандармерии, в результате третий номер стал поводом для его

окончательного запрещения. Молодой журналист был вынужден переехать в Оренбург. Интересное совпадение: в том же 1907 году по такой же причине Г. Тукай перебрался в Казань. Как видим, татарский народ никогда не замыкался в каком-то одном регионе. Многомиллионный татарский народ везде и повсюду жил в своем историческом регионе, и для его интеллигенции были широкие возможности в различных местах страны для ведения деятельности в реализации потребностей татар в образовании, культуре, издании газет, журналов и книг на татарском языке. Примером могут служить такие центры компактного проживания татар, как Казань, Уфа, Петербург, Оренбург, Астрахань, Екатеринбург, Ново-Николаевка (ныне Новосибирск). Двадцатилетний Махмут Галая радушно был принят представителями татарской интеллигенции этого уральского города, где тюркские народы – в основном татары, казахи, башкиры – ощущали взаимную поддержку. Тем более отдельные местные зажиточные татары, как Рамиевы, Хусаиновы здесь создавали возможности для развития издательского дела, просвещения, литературы и исламского возрождения. Талантливые журналисты и писатели Фатих Карими, Ризаэтдин Фахрутдин, Ярулла Вали, Джамал Валиди, Шариф Камал, Шакир Мухаммедов и другие с берегов реки Урал активно доносили свое просветительское слово на весь татарский мир. М. Галая устроился в одну из типографий Оренбурга наборщиком букв и корректором. В 1914 году он уже сам открывает здесь издательство «Белек» («Знание»), направляет его деятельность, тонко чувствуя потребности и условия времени. Именно отсюда татарские школы и медресе этого региона обеспечиваются учебниками, различными пособиями, научно-популярными книгами. Некоторые книги были изданы в его авторстве. Например, «Татарская морфология», «Чтение по-тюрки». При новом подъеме революционного движения он и здесь принимает самое активное участие в создании другого журнала сатирического направления под названием «Кармак» («Крючок»), который смог просуществовать два года. В числе авторов издания были известные авторы Сагит Сунчелей, Шаехзада Бабич, Шариф Камал, Маджит Гафури, Зариф Башири. Это говорит о том, что журнал стал набирать необходимую популярность. Таким образом, проявляется способность М. Галая как организатора журналистской трибуны и руководителя печатного органа.

Однако после октябрьских событий 1917 года такая слаженная работа была прервана. М. Галая не теряет надежды, что новая власть поможет выйти из трудного положения и татарского просвещения, культуры. Ибо в официальных вступлениях большевистских руководителей все же можно было уловить такие обнадеживающие обещания. Вот почему он и в новых обстоятельствах охотно принимает участие в работе просветительского направления. Его сначала привлекают к работе в органах просвещения Башкортостана, затем Оренбурга. В 1925 году ему поручают работу по организации школы наборщиков в городе Москве. После создания Союза писателей, на какое-то время его приглашают на работу в этой творческой организации. Как известно, было объявлено, что советской литературой являются и произведения, созданные на всех языках народов, населяющих страну. В этих условиях была особая потребность в кадрах, знающих несколько языков. М. Галая в Москве налаживал библиографическую работу.

Именно в московский период жизни он начал осваивать большие и сложные жанры. К концу двадцатых годов он уже был автором трех романов и других произведений. Среди них необходимо выделить дилогию «Кровавые знаки», которая была задумана как тетралогия, т. е. цикл из четырех романов. К сожалению, автор успел написать только две части.

«Кровавые знаки» – историческое эпическое произведение, которое отражает жизнь татар в довольно большой временной отрезок. События развертываются с 1877 года, в котором был страшный голод – и до 1904 года, то есть начала русско-японской войны. Затем в произведении должны были быть изображены бурные картины первой и второй революций до низложения царского режима. Таким образом, мы могли бы проследить судьбу народа в течение сорока лет, периода переломных кардинальных изменений в нашей стране. Выбор художественного освоения времени был не случаен. После известных событий 1552 года татарский народ существовал в очень стесненных условиях, были предприняты неоднократные попытки его насильственного крещения. Однако в основном народ не поддавался угрозам и лишениям. В последней четверти XIX века, в

связи с отходом от феодальных устоев и развитием в стране капиталистических отношений, такие нажимы более-менее были смягчены. Все же материальное положение большинства народа было на очень низком уровне. Плюс к этому в 1877 году разразилась страшная засуха, беспощадно морил людей голод. Оставаясь верным действительности, писатель показывает, что и татарское общество состоит из богатых слоев и нищих. Поэтому последствия притеснения обществом и природой различные слои переносят по-разному. Казалось бы, несчастье должно было стать общим бедствием для всех слоев татар. Но нет, и в этих условиях богатые прибавляют к своему достатку все новые возможности, а у бедных положение становится более удручающим. В итоге из этого лихолетья народ выходит с тяжелыми потерями. Все это писатель показывает через судьбы как отдельных людей, так и всех односельчан. При этом, правдиво создавая свое произведение, автор, основываясь на народной мудрости, оставался истинным реалистом, изображая образ жизни татар, показывая примеры находчивости, духовной и моральной чистоты, взаимной доброты. По убеждению автора, и в таких условиях могут быть сохранены качества, свойственные разумному человеку, только у таких народов, у которых они проявляются естественно, т.е. укоренились в образе жизни и воспитании.

В начале двадцатого века ухудшение материального положения народов страны становится всеобщим, что приводит к обострению не только классовых, но и межнациональных противоречий. Доверие народа к вышестоящим органам истощается окончательно, всякие начинания правительственных органов воспринимаются с сомнением, порою даже враждебно. Такое отношение прежде всего наблюдался среди тех народов, которые правящие круги относили к «второсортным».

Скажем, на 1897 год назначается проведение переписи населения. Так как для того, чтобы правильно и целенаправленно вести экономическую, социальную политику важно знать, хотя бы приблизительно, общее количество населения, проживающих в стране, его национальный состав и другие данные. По сути своей нормальное и необходимое мероприятие. Каждая страна, старающаяся руководить процессом планомерно, старается иметь такие данные. Таким образом, проведение переписи населения – дело положительное. Однако татары конца XIX века сомневаются в этом, думая о том, что, наверняка, за переписью скрывается еще какой-то подлог. Многие убеждены: знание количества татар правительству нужно для организации их крещения. Народ, воспитанный и живущий на исламских ценностях, не может представить себе существование по иным нравам и обычаям. Поэтому такая перспектива не только пугает их, но и становится катализатором противостояния. Это нашло отражение и в первом романе М. Галяу «Болганчык еллар» («Муть»). Чиновников, явившихся в деревню провести перепись, убили. Среди татар были люди, которые, основываясь на более объективных фактах и тенденциях, представляющих положение в стране по-иному. Они понимали, что в этих трагических событиях вина переписчиков, жандармов и становых не велика. Они в этой государственной машине являются лишь людьми-винтиками, реализующими общую политику в стране. Словом, вся ответственность ложится на руководителя страны, который и принимает решение, и одновременно организует их выполнение. Все зависит от царя! Только такое понимание общего положения может способствовать установке тактики и стратегии борьбы за освобождение от такого всеобщего угнетения. Первая русская революция 1905–1907 годов была большим общественным взрывом в империи, детонатором которого послужила и безуспешная русско-японская война 1904 года.

Правда, какая-то часть татарского народа сделала попытку по-другому улучшить условия существования своих соплеменников. Опасаясь насильственного крещения, попытки которого в истории ни раз уже были, они решили уехать в Турцию, надеясь найти в стране единоверцев полнокровное счастье. Хотя такие примеры были не массовыми, но все же наблюдалось усиление эмиграции татар. Для того, чтобы узнать судьбу таких людей на чужбине, М. Галяу съездил в Турцию, ознакомился их жизнью. На страницах второй части романа «Мөһәжирләр» («Эмигранты») читатель видит, что, хотя там религиозные притеснения отсутствуют, однако классовые противоречия никуда не исчезли.

Как известно, и у Г. Тукая на такие вынужденные переселения имеется решительный поэтический ответ: мы здесь родились, хотим жить по-человечески именно здесь!

Тем, кто хотел бы изгнать татар в Турцию, он в стихотворении «Не уйдем!» говорит: «если лучше вам, туда сами пожалуйте, господа!»

Как видим, произведение М. Гаялу посвящено отражению жизни татар в наиболее критические времена, тем более написано на татарском языке. Поэтому было бы логичнее издать его в Казани – столице Республики Татарстан. Как следовало ожидать, писатель, причисленный советскими идеологами к буржуазным авторам, тем более родственник самого Ш. Марджани у себя на родине был встречен недружелюбно, оказался нежелательным человеком. Понятно, что он уехал в Москву подавленный, отчужденный, о чем свидетельствует видный татарский прозаик Г. Баширов [1: 145]. В Москве о своем неудачном визите в Казань он поделился с самим А. М. Горьким. Пролетарский писатель посоветовал ему издать эти романы на русском языке здесь в Москве. За перевод взялась известная в то время переводчица на русский язык Гайша Шарипова. Издательство дало для внутреннего рецензирования оригинальные и переведенные тексты Мусе Джалилю, который в те годы жил и работал в Москве. М. Джалиль – единственный современник М. Гаялу, который полностью прочитал произведение на татарском языке и оставил об этом свою оценку. По крайней мере другого человека, высказавшего о нем какое-то мнение из того времени, кажется пока неизвестно. Отраднее то, что М. Джалиль весьма положительно оценивает оригинал произведения. «Его художественный уровень очень высокий. Образы сильные, реальные, интересные. Читаешь книгу взахлеб. Картины, нарисованные, богатые. Язык легкий» [2: 70]. Относительно перевода на русский язык, у него имеются серьезные замечания. «Перевод крайне слабый. Переводчица не старалась сохранять специфические особенности и литературные ценности оригинала. Его язык грубый, далек от литературного. Г. Шарипова работала, не вникая в художественные особенности пера автора. Этот перевод никак нельзя принимать в работу» [2: 72]. В то же время М. Джалиль указывает на определенные общие недостатки произведения. Отдельные из них, как и полагается, относятся к сфере художественности. Заметим, что автор рецензии не свободен и от требований официальной идеологии того времени. И все же очень важно заключительные его суждения: «Несмотря на имеющиеся серьезные недостатки, роман достоин быть изданным массовым тиражом и распространения» [2: 73]. Несмотря на невысокую оценку М. Джалилем качества перевода, первая книга увидела свет в переводе Г. Шариповой под названием «Муть» в 1931 году. Второй роман «Эмигранты» – был издан в 1934 году уже в переводе самого автора романа. Так же был издан на русском языке еще один его роман – «Кабулсай».

К сожалению, во время ареста в 1937 году все оригиналы произведений М. Гаялу были увезены и где-то пропали. После реабилитации доброго имени писателя в 1956 году в Союзе писателей была создана комиссия с целью собирания и возвращения его литературного наследия, в которую вошли видные поэты и писатели А. Файзи, М. Максуд и другие. Они провели определенную работу в этом направлении, установили приблизительный объем его произведений. Творческое наследие М. Гаялу было разнообразно в жанровом и тематическом планах, в него входят романы, очерки и рассказы, которые были включены в изданные еще в 1920-е годы в Казани сборники «Каяу» (1927) и «Төннәр» («Узлы», 1928). А повесть «Күпнең берсе» («Один из многих»), издана в 1931 году отдельной книгой в Москве. В 1924 году в Оренбурге М. Гаялу написал пьесы: «Пугач явы» («Пугачевский бунт»), «Саламторханнар» («Пустозвоны») и «Курчак туе» («Кукольная свадьба»).

Комиссия рекомендовала издать для начала трехтомник писателя. К сожалению, такое благое намерение осталось только на словах: произведения М. Гаялу еще долгие годы не издавались как на русском, так и на татарском языках. Ибо в Татарстане человек, носивший когда-то фамилию Марджани, все еще был не своим.

Все же со временем нашлись подлинники ценители творчества М. Гаялу. Талантливые редакторы и переводчики Раис Даутов и Яхья Халитов взялись за восстановление текста произведений М. Гаялу на оригинальном языке. Ими были тщательно изучены язык, стиль писателя, особенности использования слов в контексте, своеобразие построения предложений и другие присущие ему средства художественного изображения. Наконец, в 1976–1977 годах эти романы впервые были предложены читателям на родном языке, которые тотчас стали популярными, самыми читаемыми произведениями. По

творчеству писателя были написаны диссертации, другие исследования. Мнение едино: произведения М. Гаяля являются значительным вкладом в татарскую литературу двадцатого века. В то же время своими историческими произведениями он внес свою большую лепту в художественное освоение тяжелой судьбы своего народа. В 2017 году эти романы на татарском языке были переизданы Татарским книжным издательством [4].

В 2021 году исполняется 135 лет рождения этого талантливого представителя большой татарской литературы, что является поводом актуализации его личности и высокохудожественного творчества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баширов Г. Уйланулар (Раздумья) // Казан утлары (Казанские огни). – 1972. – № 4. – С. 145.
2. Джалиль М. М. Галәүнең «Болганчык еллар» китабы турында (О книге М. Гаяля «Муть»). / Муса Джалиль. Сочинения (на татар. яз.). – Казань: Татар. кн. изд-во, 1976. – Т. 4. – С. 69–73.
3. Исхаки Г. Зиндан (Заточение). – Казань: Татар. кн. изд-во, 1991. – С. 21–77.
4. Мәрҗәни М. Г. Болганчык еллар. Мөһажирләр: романнар / Мәмүт Галәү; [тәрж.: Я. Халитов, Р. Даутов; кереш мәкалә авт. Ф. Г. Галимуллин]. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2017. – 472 б.
5. Рамиев С. Таң вакыты (На заре). – Казан: Татар. кн. изд-во, 1991. – С. 27.
6. Тукай Г. Стихотворения, Сказки. Поэмы (на татар. яз.). – Казан: Татар. кн. изд-во, 1968. – С. 350.

УДК 821.161.1-14+821(=470.41)

МОТИВЫ ВРЕМЕНИ И ПОЛЕТА ДУШИ В ПОЭМЕ РЕНАТА ХАРИСА «REANIMATION» И В ЕЕ ПЕРЕВОДЕ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

А. Ф. Галимуллина

Институт филологии и межкультурной коммуникации Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань)

В статье представлен сопоставительный анализ новой поэмы современного татарского поэта Рената Хариса «Reanimation» (2021) и ее художественного перевода на русский язык «Реанимация» Н. В. Переяслова (2021), в ходе которого выявляются идейно-художественные особенности текста оригинала и поэтика перевода. Поэма Р. Хариса посвящена осмыслению мотивов времени и полета души, через идею бессмертия души, а также мирообраз Вселенной, что характерно и для всего творчества современного татарского поэта, новаторски преломляющего литературные и культурологические представления о времени и о Душе.

Ключевые слова: Ренат Харис, татарская литература, поэма, душа, время, мотив, Николай Переяслов, художественный перевод

The article presents a comparative analysis of the new poem of the modern Tatar poet Renat Kharis «Reanimation» (2021) and its literary translation into Russian «Reanimation» by N. V. Pereyaslov (2021), during which the ideological and artistic features of the original text and the poetics of translation are revealed. The poem by R. Kharis is devoted to the understanding of the motives of time and the flight of the soul, through the idea of the immortality of the soul, as well as the world image of the Universe, which is typical for all the work of the modern Tatar poet, innovatively refracts literary and cultural ideas about time and about the Soul.

Key words: Renat Kharis, Tatar literature, poem, soul, time, motive, Nikolai Pereyaslov, literary translation

Выдающийся современный татарский поэт Ренат Харис (1941) отличается широким кругом творческих интересов: его произведения посвящены осмыслению нравственных, философских, общественно-политических тем прошлого и современности татарского народа, России и мирового сообщества. Одной из характерных черт поэтики Рената Хариса является символичность художественного воплощения образов его произведений. Поэт зачастую от частных фактов переходит к широкомасштабным обобщениям, ассоциациям, причем это касается не только гражданских и философских произведений, но и интимной лирики.

Творчество Р. Хариса отличается новаторством, актуальностью: он живо реагирует на события современности, обозначая злободневные проблемы, например,

в публицистической поэме «Татарский “Титаник”», посвященной гибели на Волге теплохода «Булгария», пронзительно описывая гибель людей, он пытается понять, что привело к этой ужасной трагедии. Какую бы тему ни затрагивал поэт, лейтмотивом его произведений является любовь, которая, по глубокому убеждению Р. Хариса, движет как историческими событиями, так и судьбами каждого человека. В начале 2021 года через художественное осмысление различных граней любовного чувства во всех ее эротических, драматических, поучительных, нравственно-философских, юмористических проявлениях в поэме «Татар “Декамероны”» («Татарский “Декамерон”») поэт откликнулся на вынужденную самоизоляцию из-за пандемии коронавирусной инфекции (COVID-19) весны 2020 года. В ней поэт в шутливо-ироничном тоне поставил «вечные» философские проблемы о смысле жизни, о творчестве, о ежедневном выборе, который каждый делает в своей жизни.

К сожалению, болезнь не обошла стороной и самого поэта, который в июне 2021 года лечился в клинике Казанского федерального университета, находясь в «красной зоне», в палате 310, написал поэму, посвятив ее врачам, борющимся с пандемией коронавируса, поэтому поэма имеет конкретную дату – 15–22 июня 2021 года. Эта поэма «Reanimation» Рената Хариса впервые была опубликована в газете «Мэдэни жомга» (№ 26 от 9 июля 2021 года) на татарском языке, а уже в сентябре издана на русском языке в «Литературной газете» (№ 35 от 1–7 сентября 2021 года) в художественном переводе известного русского поэта и переводчика Николая Переясллова [7–8].

В поэме Р. Хариса «Reanimation» сюжетобразующим является мотив полёта души лирического героя, которая может быть рассмотрена как в контексте татарской, восточной, русской литературной и суфийских теологических учений, западно-европейской философии, так и мусульманской и христианской религиозных воззрений. Мотив полёта души тесно соприкасается с идеей бессмертия души, которая изучается философами, культурологами и литературоведами на примере творчества отдельных писателей [1–6, 9]. Поэма «Reanimation» Рената Хариса композиционно делится на три части: «Вступление», в которой лирический герой обращается к коронавирусу, осмысливает причины своей болезни, которые видит в высоком самомнении, в беспечности:

Мы жили, веря лишь в «авось»,
не видя – свет вокруг иль тьма,
и это слово в нас впилося,
пытаясь нас лишить ума [8: 25].

Лирический герой поэмы воспринимает коронавирус как часть природы, законами которой бездумно пренебрегает человечество: «Я понял – виноват не ты / в том, что я сильно занемог, / надеясь только на мечты, / ну а рассудком – пренебрёг. // Себя внезапно возомнив / почти Аллахом на Земле, / я стал ко всем быть неучтив, / толкаясь, как в кромешной мгле» [8: 25].

Заметим, что в тексте оригинала эта мысль выражена еще резче: «кешелекне кул юарга / өйрәтергә тырышканга / ютәләңдә буа-буа, / манчый-манчый кара канга. // Юк, син миңа бәйләнмәдең... / хәтәр тулы болытыңа / үзем бастым һаваланып эчтәге «бәлки!»не тыңлап – // янәсе мин, Аллахтан соң, / жиһанда икенче күәт... / Ә асылда нәрсә чыкты – / мин Жирдә беренче тинтәк, // сукуыр акыл, чукрак йөрәк / һәм калкансыз гладиатор!.. / Сакланганни саклармын, дип / әйткән күәт мең кат хактыр!..» [7: 7]. Не вирус виноват, а сам человек, возомнив себя второй силой после бога, пренебрегая мерами предосторожности наступает на опасное облако. Антитеза «икенче күәт...» – «мин Жирдә беренче тинтәк» («вторая сила» – «первый безумец»), дополненные эпитетами: «слепой разум, глухое сердце», гладиатор без щита (беззащитный) дополняют резкую обличительную интонацию в самохарактеристике лирического героя поэмы. Особенно удачный, на наш взгляд, образ гладиатора без щита, является емким образом, характеризующим беззащитность и бессилие людей перед коварным вирусом. Поэт с сожалением замечает, что многие так и не усвоили уроки пандемии, как и другие уроки истории:

Ә без «авось»ка таяндык,
Без «бәлки»ләр ашап үстек...

Россиянец бу гадәте
бүген дә акылдан өстен... [7: 7].

Сурово характеризуюя и оценивая поступки лирического героя как представителя всего человечества, поэт не теряет оптимизма и выражает веру в его лучшие проявления:

Бөтен нәрсә табигатгән –
Чирләре дә, дөвасы да...
Әммә безгә, ни булса да,
Кеше булып каласы бар! [7: 7].

Поэт верит, что человечество найдет выход и из этой беды, сохранив свой ум, преодолет все преграды: «*Ләкин кеше ачу-үчтән / тәмам югалтмый акылын – / әмәл табып атлап чыга / үз тинтәклегә аркылы...*» [7: 7].

Как видим, текст оригинала имеет свои существенные эмоциональные и оценочные оттенки, которые переводчик упустил, хотя в основную идею передал – упрек человечеству в пренебрежении законов природы, в излишней самоуверенности, а также в антигетическом осмыслении темы «разума» и «безумия»: «*Мы жили, веря лишь в «авось», / не видя – свет вокруг или тьма, / и это слово в нас впилося, / пытаюсь нас лишить ума. // Но, несмотря на злость и месть, / горит рассудок в нас огнём, / и, чувствуя, как жжёт нас честь, / мы за неё – в пожар шагнём...*» [8: 25].

Вторая, основная часть поэмы Р. Хариса посвящена мотиву полёта души лирического героя – поэта, находящегося между жизнью и смертью, между двумя мирами: «*Аңга киләм... Кайтам, китәм / Ул дөнъяга, бу дөнъяга... / Ике дөнъя арасында / Салкын һава булып агам... // Мин бар, мин юк аралыкта / Үле дә мин, тере дә мин... / Үзен тойган матдә булып Чиксезлектә эрегәнмен*» [7: 7].

Р. Харис рисует космическую картину между земным и иным мирами, передавая ощущение невесомости («*салкын һава булып агам...*» («теку как холодный воздух»), «*үзен тойган матдә булып / Чиксезлектә эрегәнмен*»). Такую индивидуальную развернутую метафору очень трудно передать на другом языке, поэтому переводчик дал свой вариант этой строфы, на наш взгляд, это один из примеров явления «непереводимого», когда сложные экзистенциальные явления и художественные метафоры не поддаются адекватному переносу с одного языка на другой: «*...И вот я из небытия / вновь возвращаюсь в этот мир, / где дует воздуха струя / в меня из гулких вышних дыр. // Вокруг всё пусто и мертво, / и в том пространстве, не дыша, / я превращаюсь в вещество, / чтоб в нём жила моя душа. // Мне странен этот способ – быть / там, где живых и близко нет, / и в облаках туманных плыть / на далеке горящий свет. / Вот госпиталь. Казань вокруг. / И взгляд мой различает вдруг / себя на белой простыне, лежащим тихо в полусне*» [8: 25]. Различные способы и проблемы художественного перевода произведений татарских поэтов на русский язык обстоятельно рассматривает в своих статьях Э. Ф. Нагуманова: «переводчики находят разные способы передачи отличительных особенностей поэтики современных им татарских национальных поэтов. Те, кто не владеет языком оригинала, как правило, создают вариации на имеющиеся темы, не сохраняя уникальных поэтических черт переводных произведений» [4: 362]. Николай Переяслов тесно сотрудничает с Ренатом Харисом как автором переводимо произведения, поэтому создает максимально приближенные к оригиналу переводы, однако, сохраняя верность художественной правде, он допускает и отступления от татарского оригинала.

В переводе Н. Переяслова появляется образ Казани и Казанского университета («*А за окном встаёт рассвет – / Казанский университет / плывёт над миром, как в кино... / И смотрит голубь мне в окно*»), в поэме Р. Хариса главный смысловой акцент сделан на мотиве вечности, инобытия, хотя образ университета – КФУ тоже есть: «*“Универ” госпиталенда, / ак түшәктә, ак мөндәрләрдә, / тәрәздән карый-карый / зәп-зәңгәр күкле көннәргә... // КФУның бер бинасы – / фронтоны зәңгәр күктә. / Күгәрченнәр гөрләшәләр... / Барысы диярлек күкләр, / берсе ләкин ак халатлы – / табииләре булса кирәк, / миннән вирус йокмасын дип, / һәрберсенә дару бирә...*» [7: 7]. Показательно, что символом парения души над телом, полёта души Ренат Харис выбирает образ голубя / голубки – один из самых древних символов, которые есть как в исламе, так и в христианстве. Голубь ассоциируется с душой, с чистотой и добром, знаком доброй

вести (белый голубь принес Ною оливковую ветвь), он символ мира, верности и счастливой супружеской жизни. Вся символическая палитра образа голубя задействована в поэме Р. Хариса. Заметим, что в литературе способность души воспарять, отделяясь от тела, отрешаясь от всего земного мира соотносится как с образом абстрактной птицы, так и с образами других птиц: лебедь, орёл, жаворонок, голубь, соловей, ласточка. Как отмечает Г. В. Косяков, «Метафорическое сближение души и птицы, оформляя онтологическую вертикаль, в русской романтической поэзии утверждает благоговение души перед величием мироздания и его Творца» [2: 6]. В поэме Р. Хариса голуби предстают также воплощением умиротворения, обычного течения жизни, которая продолжается за окнами университетского госпиталя без лирического героя, который болезнью заперт в палате, задыхается от недостатка воздуха: «*Хоть душу кашлем разорви, / хоть сердце утопи в крови, / хоть загони всю землю в шок, / а мне б – хоть воздуха глоток!..*» [8: 25]. Частный случай получает в поэме философское обобщение, символическое звучание, возвращая к первоосновам жизни: человек создан из воздуха, воздухом живёт его душа, отсюда и «*Ад – это жар, но знает мир: / без воздуха – умрёт костер!*» [8: 25].

Есть Жизнь и Смерть, а между них –
 Просторы мёртвые лежат.
 Тут не вздохнёте и на миг,
 Бескислородность – вот он Ад! [8: 25].

Р. Харис в поэме «Reanimation» остается верным своему творческому кредо: его поэзия отличается интертекстуальностью, диалогичностью, ассоциативностью. К татарской поэме он дает эпиграф на русском языке из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Прощай, немытая Россия», который отсутствует в публикации перевода поэмы в «Литературной газете». С одной стороны в поэме он объясняется строчками о том, что человечество научилось в одночасье мыть руки, но в то же время эпиграф из М. Ю. Лермонтова отсылает нас и ко всему творчеству известного русского поэта-романтика, создавшего многогранный образ крылатой души, Так, Г. В. Косяков считает, что «В лирике М. Ю. Лермонтова мотив полёта бессмертной души, духа развивается в 7 основных вариантах» [2: 7]. Из них образ, созданный Р. Харисом, на наш взгляд, наиболее близок к двум мотивам, разработанных в поэзии М. Ю. Лермонтова (по Г. В. Косякову): «(1) полет души до и после её земного воплощения: “Ночь. I” (1830), “Смерть” (“Ласкаемый цветущими мечтами...” (1830–1831), “Ангел” (1831), “Из Паткуля” (1831)» и «(6) духовное парение души во время сна, воспоминания, мечты, поэтического вдохновения, медитации или молитвенного предстояния: “Farewell” (1830), “Как часто, пестрою толпою окружён...” (1840)» [2: 7]. Типологическая близость в художественном осмыслении образа души в татарской литературе по отношению к поэзии М. Ю. Лермонтова рассматривается А. З. Хабибуллиной на примере творчества татарских поэтов начала XX века: Г. Тукая, С. Рамиева, Ш. Бабича [6]. Так, А. З. Хабибуллина, выявляя специфику воплощения концепта душа в татарской и шире – в восточной литературе, справедливо отмечает, что «... концепт души в них более объективирован и свободен от авторского бытия. Так, в творчестве Г. Тукая, С. Рамиева и Ш. Бабича есть несколько стихотворений, которые посвящены описанию души, они так и называются – «Куңел» [6: 281]. Исследователь анализирует стихотворение Г. Тукая «Куңел» («Душа», 1909) и приходит к обоснованному выводу о том, что «в нем душа предстает образом, который не только преодолевает границу авторского «я», бытия поэта: она, словно птица, возвышаясь над ним, помогает бороться с горестями жизни. Поэт обращается к душе, видя в ней заступницу своей жизни...» [6: 281]. Трактовка души в поэме Р. Хариса продолжает традицию татарской классической поэзии, крылатая душа, купающаяся в океане Вселенной, освобожденная от оков плоти, от боли, почти растворяется в ней:

Галәм миннән ерагая,
 мин Галәмнән аерылам –
 миллион яшьлек акылымнан
 беравыкка мэхрүм булам. (...)

Чиксезлектә юнәлеш юк,
 юк тарафлар, юк хәрәкәт.

Син үзэктэ! Син мэнгелек!..
Сөйлэп бетергесез рэхэт... [7: 7].

Душа лирического героя, подчиняясь зову памяти, возвращается в своё тело, принимая боль и страдания земной жизни. Оптимизм финала поэмы обусловлен сознательным выбором Души, принимающей всю полноту земной жизни: «*Мин үземэ кайтын кердем – / рэхэлектэн газаларга – / Гар күзэнэгем эчендэ / Тере һаваны сакларга...*» [7: 7].

В третьей, финальной части поэмы звучит гимн жизни, раскрывающий смысл земной жизни Человека, утверждение превосходства Души над всеми невзгодами, наряду с философскими сентенциями, в финале поэмы воспеваются и врачи: «*Так кто же в этом мне помог? / Кто отворил врата с утра? / То ли голубка, то ль Сам Бог, / а то ль в халатах доктора. // Ну да, это они, врачи, / что нам даруя Жизни путь, / в нас вводят иглы, как ключи, / чтоб наши души отомкнуть. / В комбинезонах все они, / узнай – кто врач, а кто сестра. / Но это именно они – / из красной зоны доктора! // Сегодня им стократ трудней / скрестить во благо мира тут / труд медицины наших дней / и – Авицены древний труд...*» [8: 25].

Если во второй части преобладали живописные образы, цвета (белый, синий, неземное сияние), то третья часть наполнена звуками и запахами, передающими радости земного бытия: «*Кереп барам якты кэнгэ... / Ә дөнъяда болын исе! / Болын исле Жир шарында / Мең яшисе, мең яшиесе!*» [7: 7].

Поэт вновь, как и во многих своих стихотворениях обыгрывает значение своего имени: *Renatus*, означающее: «вновь вернувшийся к жизни, возродившийся заново», а также имя мифической птицы Сивург, помогающей людям в тяжелых ситуациях. Лирический герой-поэт вышел окрепшим духом, с еще большей силой полюбившим жизнь: «*Рух ныгыды! Әметемә / сәмруг-кош канаты үсте! / Жәһәннәмнән чыга алган / Renatus мин! Renatus мин!*» [7: 7].

В гимнические стихи поэт вводит и нарочито бытовые подробности такие, как перина и потолок: «*сезгә кайттым өмдәге / иң жайлы, рэхэт түшәгем, ялкауланган чакларында / төкерә торган түшәгем*» [7: 7]. Перевод Н. Переяслова, в целом передавая содержание и настроение поэмы, не передает авторские идеомы и описательные эпитеты: «*Вот мой любимый уголок, / моё окно, мой чистый пол, / моя постель, мой потолок, / мои подушки, и мой стол*». У Р. Хариса – «потолок, на который в минуты лени я плюю» и «моя удобная и блаженная постель».

В назывных предложениях поэт перечисляет то, что дорого ему на Земле: любимая жена, дети, рукописи; его радостно встречают ромашки, пчёлы, ночная роса: «*Мин яңадан кайттым сезгә, / балаларым, сөйгән ярым, / сулыш алам шатлык тулы / күзегезгә карый-карый*»; «*Куандылар ромашкалар, / бал кортлары, төнгә рәиә – / вирус түгел, Кеше жинә, / Кеше жинә бу көрәштә...*» [7: 7]. Повтор слова «Кеше» – «Человек» вселяет оптимизм и надежду на победу в борьбе с пандемией, на которую Человечество надеется в конце концов металлическую маску (В русском переводе Н. Переяслов добавляет вместо повтора: «*Не Вирус победил, а я – / обычный человек, поэт!*» [8: 25]).

В финале пандемия предстает как олицетворение природных катаклизмов, испытаний, которыми испытывается человечество на прочность: «*С коронавируса бедой / сегодня борется весь свет! / Но проще победить сто бед, / чем излечить наш шар земной. // Не легче ль пробкою заткнуть / нам горло глупости своей, чтоб нас, коронавирус, жуть / собой не мучила сто дней? // Дрожит от бед земная ось. / Век нас терзает, как пират. / Но если жить не на «авось», / то перейдём мы мост Сират* (мост над адом); «*И Вирус взвоят, как струна, / и станет ясно: счастьё – быть! / Лишь надо, чтоб моя страна / почаще стала руки мыть...*» [8: 25].

Таким образом, в своей поэме «*Reanimation*» Р. Харис через глубоко личные переживания перешел к философским обобщениям, противопоставив экзистенциальным испытаниям вечные гуманитарные ценности, поэтому повествование о драматических испытаниях, выпавших на долю лирического героя, в поэме завершается оптимистически.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ибрагим Т. К., Ефремова Н. В. Мусульманская религиозная философия фальсафа: учебное пособие / Т. К. Ибрагим, Н. В. Ефремова. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2014. – 236 с.

2. Косяков Г. В. Мотив полета души в лирике М. Ю. Лермонтова // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2020. – Т. 14. – № 2. – С. 6–12.
3. Меркель Е. В., Яковлева Л. В. Образы «пространства» и «времени» как миромоделирующие координаты поэтического мира А. А. Ахматовой // Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество: Крымский Ахматовский научный сборник. – Симферополь, 2012. – Вып. 10. – С. 83–92.
4. Нагуманова Э. Ф. Поэтика современной татарской лирики в переводах на русский язык // Грамота. – Тамбов, 2019. – Т. 12. – Вып. 5. – С. 359–363.
5. Паномаренко Н. В. Идея бессмертия: онтологический и гносеологический аспекты // Вестник ОГУ. – 2013. – № 7 (156). – С. 29–36.
6. Хабибуллина А. З. Концепт души в русской и восточных литературах // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. – 2011. – Т. 153. – Кн. 2. – С. 275–285.
7. Харис Р. Reanimation: поэма // Мәдәни жомга. – 2021. – № 26. – 9 июль. – С. 7.
8. Харис Р. Реанимация: поэма / перевод на русский язык Н. В. Переяслова // Литературная газета. – 2021. – № 35 (6798). – 1–7 сентября. – С. 25.
9. Шиммель А. Мир исламского мистицизма / пер. с англ.: Н. И. Пригариной, А. С. Рапопорт. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ООО «Садра», 2012. – 536 с.

УДК 821.512.145

ФЛЮС ЛАТЫЙФИНЫҢ «ИШЕЛЕП ТӨШКӘН БӘХЕТ» РОМАНЫНДА МИЛЛИ ПРОБЛЕМАТИКА

А. Ф. Ганиева

ТР ФА Г. Ибраһимов исемендәге Тел, әдәбият һәм сәнгать институты (Казан)

Произведения Ф. Латыфи занимают значимое место в татарской литературе. В них писатель выражает свои непредвзятые убеждения о горестной реальности современности и прошедшей истории народа, способствуя тем самым пробуждению национального самосознания. Автор статьи, проводя анализ романа «Свалившееся счастье», исследует проблематику и идейно-эстетические особенности произведения. Ф. Латыфи обозначает в качестве первоочередного условия счастья личности национальную волю и независимость, а также равноправное положение своего народа среди других этносов.

Ключевые слова: татарская литература, Флюс Латыфи, образ, герой, роман, проблема.

Works of F. Latyifi occupy a significant place in Tatar literature due to their unbiased view of the sad reality of modernity and past history, thereby contributing to the awakening of national consciousness. The author of the article analyzes the novel «Fallen Happiness», explores the problematic and ideological and aesthetic features of the work. F. Latyifi designates national will and independence as the primary condition for personal happiness, as well as the equal position of his people among other ethnic groups.

Key words: Tatar literature, Latifi Flus, image, hero, novel, problem.

Үзгәртеп корулар чорыннан башлап, татар әдәбиятында милли проблематикага игътибар нык арта. Ижтимагый эчтәлекле әдәби әсәрләр, гадәттә, «без» һәм «алар» (читләр) төшенчәләренә каршылыгына корыла. Моңарчы «без» дигәндә – совет кешесе, «алар» дигәндә совет дошманнары күзалланса, бу чордан «без» – милли үзбилгеләнешне, үзанны югары кыйммәт итеп караган катлам, «алар» – миллилекне юкка чыгарырга омтылучы капма-каршы як булып аңлашыла башлый. Тарихи үткәнне реконструкцияләү-тергезү юлы белән, шартлы-фантастик әсәрләр материалында татар халкының үткәне, бүгенгесе, киләчәге хакында житди сөйләшү алып барган, иң актуаль проблемаларга мөрәжәгать иткән Ф. Латыфи милли тематика кысаларында «постколониаль әдәбият тудыру юнәлешендә беренче тәҗрибәләренә берсен ясы» [1: 90]. «Ишелеп төшкән бәхет» (1996–2000) романы Октябрь революциясеннән алып туксанынчы еллар башына кадәрге вакытны инди һәм бу чорда татарны юкка чыгаруга корылган сәясәтне фаш итә.

Алдан ук шуны билгеләргә кирәк: язучы бу әсәрендә «без»не дә өч төркемгә бүлә. Аның берсе – татарның үз жирендә власть тарафыннан жәбер солымга, изелүгә түзеп яшәүгә мәжбүр булган төп халык. Алар: Сирин, Ильяс, Рифгать, Хафиз, Асия, Хәдичә ханым һ.б. Икенчесе – заман жилләре читкә ташлаган, анда да үз милли асылларын сакларга тырышып көн күрүче зыялы катлам вәкилләре: Акчуриннар, Алкиннар. Өчен-

чесе – «татарны татар кулы белән юкка чыгаруга» хезмэт итүче «алар яклы булган безнекеләр» – «Гыймаевлар».

Роман Казанда барган вакыйга белән башланып китә дә, алга таба ретроспекция рәвешендә төрле илләрдә, төрле вакытларда булган күренеш-хәлләрне сурәтли. Әлеге вакыйгалар арасында эчке бәйләнеш бар: алар барысы да «читләр»нең һәм «Гыймаевлар»ның чын йөзен ачуны максат итеп куя. Милли-фәлсәфи романның мөхәббәт өчпочмагына корылуы эсәргә лирик-романтик күтәрәнкелек бирә. Университетның математика факультетында укучы Сиринне уйламаганда-көтмәгәндә армия сафларына алып куялар. Бактың исә, аның белән очрашып йөрүче Асияне Дамир Гыймаев исемле егет тә ошата икән һәм Дамирга военкоматта эшләүче абыйсы ярдәмендә Сиринне хәрби хезмәتكә озату берни дә тормый.

Вакыйгалар тарихка «Кариб кризисы» дип кереп калган сәяси вазгыять белән бәйләп бирелә. Сириннең һәм аның кебек меңләгән татар студентларының шул вакытта оештырылган стратегик максатлы ракета гаскәрләренә алынуы һәм зарарлы радиоактив материаллар белән эш итү өчен куелуы билгеле була. Моңы язучы санчасть докторы Янистан әйттерә. «Нинди асыл генофондны юк итәләр! Белепме, белмичәме? Сөз – татар халкының киләчәге... Андыйсызмы шуны?! Нишләп нәкъ менә сезне, татар егетләрен монда китереп тугырганнар соң?!» [2: 184]. Латыш милләтле әлеге табиб сугыш чорында Латвиядән китерелгән ятим балалар белән Сириннең туган авылы Балтамакта тәрбияләнгән икән. Язучы, шул рәвешчә, башка халыкларның татар милләтенә булган хөрмәтен чагылдыра. Янис авыл кешеләренә игелекле, ягымлы, киң күңелле булуын сагынып искә ала.

Әлеге сәясәтнең фажигале нәтижеләре озак көттерми. Хәрби хезмәт үткән егетләр сәламәтлекләрен дә, бәхетләрен дә гомерлеккә югалталар: Рифгать үз-үзенә кул сала, Ильясның да жәрәхәте төзәләрлек булмый, бер-ике елдан гомере өзәләр. Бу илдә кадере булмасын аңлаган Сирин, эзәрлекләүдән туеп, Америкага китә.

1960 ел вакыйгаларына параллель рәвештә 1945 елгы хәрби операция сурәтләнә. Икенче бөтендөнья сугышында жиңү яулаганнан соң, бер төркем совет гаскәре Кытайның Харбин һәм Чәнчүн шәһәрләрендәге татар милли оешмаларын юк итәргә тиеш була. Монда да совет хакимиятенә «татар кулы белән татарны юкка чыгару» алымы кулланыла: Кытайга татар сугышчылары жиберелә. Язучы биредә «үз-чит» каршылыгын тагы да үтемләрәк аңлату максатында бер психологик киеренке момент куллана. Особый отдел, Г. Исхакыйның Чәнчүндә булу ихтималын күздә тотып, иң беренче нәүбәттә аны кулга алу бурычы куя. Эзәрлекләнүчеләрнең китеп өлгерүен һәм үзләренә соңга калуларын аңлаган бер НКВД солдатты милли лидерның диварда эленеп торган портретын атып төшерә. Янәшәсендәге Тукай портретына да төбәвен күрәп алган мишәр егетә солдатның автоматын читкә борып өлгәрә.

«– Аңа атканчы миңа ат! – дип ачу белән жиңгә төкерде мишәр егетә, – Ул бит Тукай! Өгәр анда сезнең Пушкин торган булса, ул да дошман булып идеме?»

Кинәт солдатның алыштырып куйдылармыни, аның йөзә үзгәрдә, калтыранган иреннәрен жиып, теш арасынан кысып чыгарды:

– Пушкинга тимә, ул – безнең Пушкин!

Аның “безнең” сүзен аерып, басым ясап әйткәнән Хафиз да, мишәр егетә дә бик ачык тойдылар. Бу инде: “Болар сезнеке, димәк, дошман. Сөз үзегез дә дошман” дигәнне аңлатырга тиеш иде» [2: 85].

Шулай итеп, әдип һәр халыкның үз бөөкләре үзенә кадерле булуын, әмма моны «алар»ның танийсы килмәвен, татарларны дошман санавын тирән бер ачыну белән яза.

Ф. Латыйфинның чит илләрдә яшәүче татарларга хөрмәте сизелеп тора: Акчуринар, Алкиннар ят халыклар, мәдәниятләр арасында гомер итсәләр дә, үз милләтләренә тугры калып, туган телнең кадерен, газизлеген аңлап яшиләр. Әмиржан Акчуриң трагик язмышлы милләтпәрвәр зат буларак бирелә. Октябрь революциясеннән соң ул – усмер сабий – эти-әниләре белән Кытайга күченеп килә. 1945 елда совет солдатлары Кытайга кергәч, хәрби трибунал аны дүрт елга ирегәннән мөхрүм итә, аннан сигез елга хезмәт белән төзәтү лагерына билгеләнә. Россиянең төрле шәһәрләрендә тоткында булып, озак еллардан соң гына гаиләсе янына – Төркиягә кайта һәм алдагы гомерен Америкада яши. Кулга алынуының сәбәбе – Идел-Урал оешмасында торуы, аның сәркатибе, рәисе

урынбасары булып эшләве. Әмиржан Акчурин образы – татар милләтенә карата гаделсез сәясәтнең бер чагылышы. Әмиржан хатларында «Инсаният йөзүндә бер генә кешене дә милләте, дине вә дөнъяга карашы өчен хөкем итмиләр, моңа беркемнең хакы юк» [2: 101] дигән сүзләр кабатлана. Бу исә романның фәлсәфи нигезен тәшкил иткән фикер булып яңгырый. Язучы әлеге герой аша Советлар илендәге татарларның гына түгел, читтә яшәүчеләренә дә эзәрлекләнүен, михнәт-газапларга дучар ителүен күрсәтә.

Романда Сириң һәм Илдар тормышы арасында янәшәлекләр булу һәм аларны чагыштырып карау кызыклы. Америка, СССР белән чагыштырганда, кеше хокуклары сакланган ил буларак күрсәтелә. Яшь кешегә үсү, карьера ясау өчен дә бөтен мөмкинлекләр тудырылган. Илдар яшүгән үк үз һөнәрен булдыра, матди яктан тормышын көйләп килә. Сириң – белемле, сәләтле, физик нык егет – туган иле өчен, автор язганча, «ит комбинатына сугымлык» сыйфатында йөртелә.

Шулай ук әсәрдә татар фәлсәфәсен ачкан мөһим вакыйгага игътибар итү кирәк. СССР да, АКШ та шашып коралланган дәвәрдә, Сириң мәжбүри рәвештә кеше сәламәтлегенә куркыныч янаган урынга алына, шул ук вакытта Америкада Илдар һәм аның дуслы Джюга югары эш хакы тәкъдим ителәр. Әлеге «эш «нең корал ясау икәннен аңлаган әтисе Әмиржан да, эшқуар Рәстәм агасы да аннан баш тартырга киңәш бирәләр. Америкада һәм башка илләрдә таньлып килүче үз компаниясен булдырган зыялы, милли жанлы Рәстәм Агиш татарның үз яшәү кануннары булуын аңлата: «Безнең милләт кайда гына юк! Бөтен жир шарына сибелгән, чочелгән, таралган ул. <...> Беркайда да югалып калмаган, бетмәгән, аякка баса алган. Моңа алар ничек ирешкән дип беләсең? Барысы да тик хезмәт белән, үзара ярдәмләшү белән. Чәчәң белән жир себер, төн йоклама, эшлә, тырыш. Кануныбыз шул. Без сәясәттән ерак, кайсыдыр илнең сугышларында катнашу безнең эшебез түгел. Башка милләتلәрне сугыш-тарткалаш юлы белән түгел, бары тик акыл өстенлегә белән генә уздыра алырбыз. <...> Юлыбыз шул гына. Акыл кирәк жирдә татар булсын!» [2: 142].

Әмиржанның улына әйткән сүзләрендә авторның «Хыянәт» романындагы мотивы кабатлана. «Америка гаскәрләренә керү ул – татар егетләренә үз милләттәшләренә дә каршы сугышка керү» булачак, дип белдерә.

Романда күп нәрсә затлылык һәм затсызлыкка аерып карала. Әсәренң беренче битләреннән үк без әлеге каршылык белән очрашабыз. Америкадан китерелгән күргәзмәдәге югары технологик жиһазлардан бигрәк, халыкны океан артыннан килгән яшьләренң татарча сөйләшүе, итәгатьлелеге, мәдәнилеге, берничә тел белүе гажәпләндерә. Матур гына сөйләшеп торган ике татарны: «Хватит вам тараторить... И нам тоже хочется поговорить! Раскудахались тут...» дип бүлдерүләре чын затсызлык булып кабул ителә.

Язучы татар мөһажирләренә үз-үзен тотышларына, сөйләмнәренә, үзара мөгамәләләренә игътибар бирә. Читтә яшәгәндә дә милләтенә хөрмәт саклауны, тарихынны белүне, яшь буынга телне, гореф-гадәтләренә тапшыруны зыялылык билгесе итеп күрсәтә. Әлеге күренешкә капма-каршы итеп башка халыкның мәдәни байлыгын жимерүчеләр куела. Хәтта ил житәкчеләре дә затлылыктан ерак тора, әсәрдә тарихка кереп калган 1960 елның 23 сентябрәндә Нью-Йоркта үткән киңәшмәдә Н. Хрущевның аяк киеме белән трибунага сукканы китерелә. Язучы илдәге кан коешлар, фажигаләрнең килеп чыгуына житәкчеләрнең роле зур булуын асызыкый: «Алай гына да түгел, аларның байтагына нәкъ менә шушы ил, шушы илнең токымсыз, затсыз хөкемдарлары сәбәпче булды. “Һәр пешекче хатын ил белән идәрә итә ала” дигән мәгънәсез тәкъбирне аксиомага әйләндергән дәүләттә башкача була алыр иде микән?!» [2: 123].

Әсәрдә образлар матур эшләнгән. Татар авылында үсеп, шәһәрдә укып йөрүче, соңрак армия хезмәте үтүче Сириңнең эчке дөнъясы тулы ачыла. Язучы урыны белән публицистикага кереп китсә дә, герой кичерешләре, дөнъяга карашы автор фикерләре белән кисешми, образ төтенлекле, мөстәкыйль булып кала. Шулай да, Сириңнең армиядән кайткач үз бәхете өчен көрәшмәве, 1990 еллар рухында Америка мәдәниятен, яшәү рәвешен идеаллаштырып бирү күңелдә ризасызлык уята.

Гомумән, Ф. Латыйфи – «Ишелеп төшкән бәхет» романы белән әдәбиятта беренчеләрдән булып татар геноциды турында сүз башлаган язучы. Әсәр үзәгендә 1960 елларда кеше сәламәтлегенә зыянлы объектларга татар егетләрен жиберү вакыйгасы торса да, чынлыкта монның совет хакимиятенң дистә еллар буге алып барган махсус сәясәте икәнә күрсәтелә. «Монның белән автор үзенен әдәбиятка очраклы килеп кермәвен һәм югары

эдәби кимәлдә укучыга житкерә алырлык фикер байлыгы барлыгын раслый. Язучының татар халкын бик бәхетле итеп күрәсе килә, аны төрле тормышчан, әмма эдәби кануннар жирлегендә туган ситуацияләргә куеп карый. Халык вәкилләренә хас сыйфатларны бар- лый, шәхесне сындырып сыный, милләтнең ныклык шкаласын билгели кебек» [3: 112].

Барыннан да бигрәк, Ф. Латыйфиниң әлеге романы милли-фәлсәфи фикергә нигезләнүе белән әһәмияле. Язучы шәхес бәхетен, иң беренче чиратта, милли хөрлектә, үз халкының башка халыклар белән тигез хокуклы булуында күрә. Аның прозасында гасырлар буге изелеп яшәүгә әрнү, хокуксызлыкка сызлану лейтмотив булып сузыла.

ӘДӘБИЯТ

1. Загидуллина Д. Татарская поэзия и проза рубежа XX–XXI веков: эстетические ориентиры и художественные поиски: монография. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2018. – 286 с.
2. Латыйфи Ф. Ишелеп төшкән бәхет // Ишелеп төшкән бәхет: роман, роман-нәсер, повесть. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2012. – 413 б.
3. Сафин Ф. Хыянәтсез иҗат // Казан утлары. – 2001. – № 6. – Б. 102–112.

УДК 82-1+821.161.1«197/201»

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ТАТАРСКОГО ИНТЕРТЕКСТА В ПЕРЕВОДАХ Р. КУТУЯ И Р. БУХАРАЕВА

И. А. Еникеев

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ (Казань)

В статье рассмотрена проблема репрезентации национального интертекста в произведениях иноязычных авторов. Объектом исследования являются переводы татарской поэзии. Для перевода использован дискурс-анализ и контекстная методология. Представлены две стратегии перевода – буквальный (Р. Бухараев) и вольный (Р. Кутуй). Показана роль метатекста как инструмента поиска скрытых смыслов в переводимых произведениях. Сделан вывод о значимости интертекстового комментария в интерпретации смыслов переводов разными категориями читателей.

Ключевые слова: метатекст, перевод, комментарий, нарратив, татарский интертекст, контекст, дискурсивный анализ, денотат, репрезентация, Р. Бухараев, Р. Кутуй.

The article deals with the problem of the representation of the national intertext in the works of foreign language authors. The object of the research is the translations of Tatar poetry. Discourse analysis and contextual methodology were used for translation. Two translation strategies are presented – literal (R. Bukharaev) and free (R. Kutui). The role of metatext as a tool for searching for hidden meanings in translated works is shown. The conclusion is made about the importance of intertext commentary in the interpretation of the meanings of translations by different categories of readers.

Key words: metatext, translation, commentary, narrative, Tatar intertext, context, discourse analysis, denotation, representation, R. Bukharaev, R. Kutui.

Понятие интертекст, также как и дискурс имеет несколько вариантов значения, ибо оно относится к разным сферам гуманитарных наук. Однако устойчивым смысловым инвариантом его толкования являются термины – реминисценция, аллюзия и скрытое цитирование. Под татарским интертекстом имеет смысл понимать заимствования из татарского литературного контекста, используемые в творчестве иноязычных писателей. Наиболее благоприятным фоном для раскрытия сути данного явления могут стать переводы татарской поэзии, осуществленные такими известными русскоязычными писателями, как Р. Кутуй и Р. Бухараев. Их переводческие стратегии, особенно ярко проявились в интертекстовых комментариях или, говоря языком современной науки, в «метатекстовой переводческой инфраструктуре» [9: 50]. Они наглядно показывают картину влияния татарской литературы на мировоззрение и творчество писателей-билингвов, живущих на границах разных культур, на грани флективных и агглютинативных языков.

Прежде чем приступить к полноценному исследованию особенностей переводческой методологии этих самобытных и разных писателей, стоит осветить более узкую, но все же очень значимую в переводческой стратегии проблему – вопрос метатекстовой инфраструктуры перевода, частным проявлением которой является интертекстовый

переводческий комментарий или, точнее, скрытые гипертекстовые отсылки к текстам татарской литературы, а иногда даже целевое использование татарских стиливых маркеров в своих переводах, а затем и в своем творчестве. Данная переводческая стратегия имеет под собой сильную теоретическую базу, разработанную в трудах ученых XX века. В рамках статьи невозможно дать полный обзор всех направлений исследований. Мы можем только представить круг основных терминов и понятий или научный инструментарий используемый учеными, среди которых наиболее известны имена Ж. Женнета, М. Фуко, В. В. Виноградова, Ю. М. Лотмана, М. М. Бахтина. Они выделяют теорию порождающей силы контекста, общий текстовой контекст как замысел, понимание смысла текста через соотнесение с другими текстами, т.е. интертекст. Рассматриваются понятия точек неопределенности и неоднозначности значений и смысла, снятие неоднозначности в результате выявления и фиксации денотатов как свернутых мыслей. Очень интересны расшифровки термина В. фон Гумбольдта «Дух народа» как непроговариваемого и невидимого общекультурного фона, который и представляет собой коллективный денотат. Отмечается нарративный характер перевода как способ коммуникации автора, читателя и переводчика. Обозначены такие методы современного перевода как дополнения, диалог, кинесика, невербальные приемы (мимика и жесты, графемы и смайлики), внимание к подтекстовому содержанию, смысловой поиск того, что было заложено и вербально выражено автором. Особенно отмечают владение переводчиком «искусством эмпатийного переживания, умением видеть содержание художественного текста на богатом фоне экстралингвистических факторов – той «археологии знания», которая составляет «ментальный лексикон» самого переводчика, заставляя его перевоплощаться и выступать в роли соавтора оригинального текста. Переводчик, используя дискурс-анализ, становится археологическим конструктором нового текста» [2: 21]. Заслуживает внимания идея о метатексте, который «не принадлежит оригиналу и является аллографом (т.е. написан третьим лицом), но вместе с тем он стремится слиться с текстом перевода, оправдывая его, дополняя и объясняя авторский текст» [9: 54]. Любопытна идея об интертекстуальных комментариях как интертекстуальных переключках автора с предшественниками и современниками, понятие маркирования интертекстуальности в переводах постмодернистских произведений, когда переводчик расшифровывает скрытые прецедентные интексты в тексте оригинала и заложенные в них смыслы, одновременно вызывая у читателя определенные ассоциации и генерируя дополнительные смыслы.

Как явствует из исследований теоретиков, переводчик может наращивать текст оригинала дополнительными смыслами из отобранных им контекстов не только в своих комментариях [9: 51], но и непосредственно в тексте перевода произведения, компенсируя и заполняя смысловые лакуны и точки неопределенности своими интерпретациями [10: 28]. И на этом уровне проявляется сходство и различие двух самобытных талантов. Р. Бухараев использует метод буквального перевода, но с привлечением разных контекстов, как мировых культур, так и собственно татарского. Для Р. Бухараева было характерно совершенное вербальное владение татарским языком, но не речью. У Р. Кутуя наоборот было феноменальное невербальное ощущение татарского языка на уровне ритма, музыкальной и интонационной структуры живой речи, что проявилось в его стратегии перевода, который принято называть вольным. В качестве объекта исследования мы выбрали комментарий Р. Кутуя к осуществленным им переводам поэзии Дэрдменда. У Р. Бухараева есть более объемные статьи-комментарии «Соловьиный сад Золотой Орды» и «Грустит Лебяжье озеро».

Предисловие, сделанное Р. Кутуем к своим переводам, очень небольшое, но ёмкое и программное по смыслу. В них есть три ключевых смысла или денотата (свёрнутая мысль – [10: 31]). Первый денотат обозначен фразой о том, что Дэрдменд «несуетный, видно, был человек, не упирался взглядом в земную твердь, не ограничивал пространство мира. Отсюда и философский взгляд» [8: 87]. За ним стоит скрытое цитирование стихотворения Дэрдменда «Үзен жирдә, күзен жирдә». В переводе С. Липкина названо «Ты на земле» [3: 62]., а в переводе В. Думаевой-Валиевой звучит:

«Как же так? Небесной книгой
Озаренный, на земле

Не заметив камня, ногу
Об него сломал себе» [5: 130].

Второй денотат о национальном достоинстве, которое «испытывается в открытой беседе, где поэтическая речь куда мудрее брани с трибунных подмостков. Дэрдменд понимал: Отечество неделимо, Родина тем более...» [8: 87] отсылает к стихотворению Дэрдменда «Говор вод» («Гөрлэгэн сулар башында»):

«Что милей – страна ль родная?
Ах, милей родной народ!
Молоко и кровь святая,
Время вас не изживет.
[Минут царства и державы – [5: 85]]
Родина – она уйдёт.
Молоко не пропадёт» [7: 106].

Третий денотат завершает интерпретацию образа Дэрдменда поэтом Р. Кутуем: «Тогда же я и высказал своё осмысление жизни Дэрдменда как **поступка**. И появилось-то оно неожиданно, с оттенком чего-то таинственного. Поэт – миллионер – философ. И приличной книги, подобающей стати, при жизни не выпустил, хотя казалось бы, что ему стоило удовлетворить честолюбивое желание» [8: 87]. А за ним скрывается стихотворение Дэрдменда «Что изобрел, химияче...». Скорее всего Р. Кутуй прочитал его в переводе Р. Шагиевой, потому что в других изданиях оно не опубликовано:

«Что изобрёл, ты химик, людей ошеломляя:
Чернила черные, что мысль мою несут, в строку вправляя.
Эй, инженер, бросай аршин, весы оставь без промедленья,
Перед могуществом чернил твои ничтожны измеренья.
Наука алгебра в веках не столько вынесла ответов,
Тиранов скольких обличив, страну спасли чернила эти» [3: 92].

На этом примере видно как аллюзии татарского текста становятся органичным элементом художественного мироощущения русскоязычного автора. Но благодаря кутуевской интерпретации они очень сильно звучат в новом современном контексте и даже по-новому позиционируют образ Дэрдменда не только для русскоязычных, но и для татарских читателей.

Схожую методику интерпретации и приращения смысла применил Р. Бухараев в своих переводах поэзии Золотой Орды [7] и классической татарской поэзии XX века [13]. Благодаря своей выдающейся эрудиции он увидел религиозно-суфийский контекст, объединяющий творчество средневековых татарских поэтов. В своем комментарии «Соловьиный сад Золотой Орды» он репрезентирует, в качестве основного, денотат о том, что «все они – поэты утонченной тюрко-мусульманской цивилизации, обладающие не только изрядным вкусом к оседлой городской культуре, но и поражающими воображение знаниями об окружающем мире» [1: 194]. В качестве примера он представляет свой перевод строк золотоордынского поэта Сайфа Сараи, который за 150 лет до Коперника написал о вращении Земли вокруг Солнца:

«Сухейля в цепях мимо сада вели...
Душа Гульдурсун словно взмыла с земли:
Узнала любви притяженье душа,
Землей вокруг Солнца круженье верша!» [1: 194].

Второй денотат Р. Бухараева сформирован на интертекстовой отсылке к поэме Хисама Кятыба «Царь-череп» и произведению Махмуда Булгари «Нахдж эль Фарадис», интерпретируемых Бухараевым в контексте мировой литературы: «Поэзия, сочетающая в себе глубину религиозного чувства с ярким и живым осознанием мира... вызывает одновременные ассоциации с «Гамлетом» Шекспира и «Божественной комедией» Данте, что дало повод исследователям искать параллели между мусульманским Ренессансом Золотой орды и первой зарей Ренессанса в Италии. Зная, что во время чумной эпидемии столица Золотой Орды была перенесена в город Гулистан (Сад Роз), **спрашиваешь себя,**

а где же что-то вроде золотоордынского Декамерона, созданного Бокаччо, как известно, в сходных декорациях чумной эпидемии? В какой-то степени эту нишу занимает произведение М. Булгари, но ведь были – **не могли не быть** – и иные золотоордынские книги?» [1: 220].

Как можно заметить в обоих интертекстовых комментариях проявляется нарративная функция переводчика, который в качестве третьего лица иногда явно, а чаще незримо присутствует не только в интертекстовых комментариях, но и в текстах самих переводов. Особенно наглядно эту драматическую интригу двух разных стратегий перевода – вольного и буквального можно проследить на примере переводов одних и тех же текстов. К сожалению, Р. Бухараев перевел только четыре стихотворения Дэрмента, причем отобрал только те из них, где присутствуют суфийские образы природы – птицы и цветы. Но есть один текст Дэрмента, который привлек внимание не только Кутуя и Бухараева, но и других переводчиков. На примере этого стихотворения буквально наглядно репрезентирована вся переводческая инфраструктура авторов. Здесь и образ нарратора, и разные контексты, несовпадающие интерпретации, интертекстовые включения и гипертекстовые отсылки. Речь идет о стихотворении Дэрмента «Бүзләрем мана алмадым». Пожалуй это единственное стихотворение Дэрмента, где переводчики не пришли к смысловому консенсусу. В настоящее время опубликованы пять переводов с разными названиями: «Не отбелил на саван бязи», «Я не соткал белой ткани», «Не перекрасить савана» (перевод Р. Кутуя) и одинаковое название у Н. Беляева и Р. Бухараева – «Не сумел я окропить савана». Все переводчики переводят строки «кәфнем бүзләрем мана алмадым» и «бүзләрем мана алмадым» как синонимичные предложения, не обращая внимания на несовпадение окончаний: ен // ем. В данном случае за ним стоят разные грамматические формы слова, а значит разные смыслы. Не принималось во внимание явное нарушение ритма и музыкального строя стиха в последней спорной строфе, которая в отличии от всех остальных состоит из 7 строк. Совершенно не учитывался религиозно-суфийский контекст творчества Дэрмента, а ведь это стихотворение опубликовано вместе с другим произведением «Наставление» на одной странице журнала «Шура» в 1908 году. И в последнем очень много суфийских образов. Дэрмент в своем творчестве нередко использовал игру слов и разных смыслов одного слова. Все переводчики ухватились за первое значение «белая ткань». Но у слова **бүз** есть и устаревшие значения: пепельная масть лошади, а также молодой, норовистый. [11: 274]. А слово **ману** имеет смыслы: покрывать, хлестать кнутом, бить. [12: 18]. Кстати последний смысл актуализирован Дэрментом в более позднем стихотворении «Наставлении» (1913), где он сравнивает мир с норовистым конём, которого надо обуздать. Причем это не просто конь, а суфийский символ человеческого эго – нафса, которое надо усмирить. Обращают на себя внимание и совершенно разный контекст переводов Р. Бухараева [7: 108] и Р. Кутуя [4: 86]. Бухараев в свойственной ему манере стилизации и синтеза восточной культуры с западной позиционирует себя как двойника лирического героя Дэрмента. Поэтому его перевод очень субъективен. Рустем Кутуй наоборот вводит в перевод драматический сюжет исторического масштаба – степь, войны, тюркские цивилизации. Фактически он создает новое произведение на русском языке.

В качестве предварительного вывода исследования можно утверждать, что интертекстовые включения играют важную роль в переводах русскоязычных авторов, репрезентирующих татарскую литературу и культуру иноязычным читателям. Татарский интертекст в сочетании с новыми контекстами порождает оригинальные концепции татарского культурного менталитета, маркеры самоидентификации, которые создают в сознании читателя новый для многих и забытый облик грандиозного величия национальной поэтической культуры. «Как переводчик, я хотел бы, чтобы читатели могли вместе со мной представить цветущую культуру городов Золотой Орды, в которых были не только величественные здания, шумные рынки и ремесленные мастерские, но и сады, полные роз, журчащих струй и, конечно, соловьев: ведь **всё это было у нас**, в России, – разве что семь веков назад!» [1: 220], – написал Р. Бухараев в 2004 году. И эта творческая переводческая стратегия является одним из работающих факторов сохранения национальной идентичности и репрезентации татарской культуры в мировом масштабе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бухараев Р. Р. Соловьиный сад Золотой Орды // Золотые ступени: Татарская поэтическая классика / Пер. с татар. Р. Бухараева – Казань: Магариф, 2007. – С.193–220
2. Гураль С. К., Петрова Г. И., Травина И. И., Головкин О. С. Художественный текст как объект перевода с использованием дискурсивного анализа // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. – № 1. – 2019. – С. 10–24.
3. Дәрдемәнд. Стихи. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1970. – 95 с.
4. Дәрдемәнд: вольный перевод с татарского Рустема Кутуя. // Казань – 1999. – № 12 – С. 85–87.
5. Дәрдемәнд. Стихотворения. – Татар. кн. изд-во, 2009. – 160 с.
6. Дәрдемәнд. – Казань: Татар. кит. нәшр., 2003. – 160 с.
7. Золотые ступени: Татарская поэтическая классика / Пер. с татар. Р. Бухараева – Казань: Магариф, 2007. – 231 с.
8. Кутуй Р. Сон волосы причешет для дороги дальней // Казань – 1999. – № 12 – С. 87.
9. Пластинина Н. А. Метакоммуникативная деятельность переводчика как переводческая стратегия // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. – 2016. – № 1. – С. 50–60.
10. Серова Т. С., Коваленко М. П., Кушова И. В. Типы и функции контекстов при переводческом чтении исходного текста и порождении вторичного текста перевода. Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики – № 2 – 2020. – С.20–38.
11. Татарско-русский словарь: в двух томах. Т. 1. – Казань: Магариф, 2007. – 726 с.
12. Татарско-русский словарь: в двух томах. Т. 2. – Казань: Магариф, 2007. – 726 с.
13. Татарская поэзия: вторая половина XX века / Пер. с татар. Р. Бухараева. – Казань: Магариф, 2008. – 223 с.

УДК 821.512.145

ӘХӘТ ГАФФАР ПРОЗАСЫ: ТЕМАТИКА ҺӘМ СӘНГАТЬЧӘ ҮЗЕНЧӘЛЕК

Ә. М. Закиржанов

ТР ФА Г. Ибраһимов исемдәге Тел, әдәбият һәм сәнгать институты (Казан)

Статья посвящена выявлению тематического и художественного своеобразия прозы А. Гаффар. На основе анализа многочисленных произведений, раскрываются новизна тем и поднятых проблем, способы создания характеров и своеобразия отображаемого мира произведения. Особое внимание уделяется определению художественной специфики произведений, которое выражается языково-стилевыми средствами изображения, ярко выраженной авторской позицией в оценке актуальных проблем современности, а также самобытными национальными образами.

Ключевые слова: татарская литература, Ахат Гаффар, тематика, проблематика, прием, образ.

The article is devoted to the identification of the thematic and artistic originality of A. Ghaffar's prose. Based on the analysis of numerous works, the novelty of the topics and problems raised, the ways of creating characters and the originality of the displayed world are revealed. Special attention is paid to the definition of the artistic specificity of the works, which is expressed by linguistic and stylistic means of representation, a pronounced author's position in assessing the current problems of modernity, as well as original national images.

Key words: Tatar literature, Akhat Gaffar, themes, problems, reception, image.

XX гасырның 2 нче яртысында татар әдәбиятын тема-мотивлар төрлелеге, сүзгә талымлыгы, образ-детальләр муллыгы белән баеккан әдипләрнең берсе – Әхәт Гаффар (1948–2021). Сүз сәнгәтенә проза, драматургия, публицистика төрләрендә уңышлы ижат иткән язучының «Әжәт» (1975), «Гөзер» (1978), «Язлар моңы» (1982), «Су астындагы чишмә» (1983), «Яшиселәр алда әле» (1990), «Богау» (1999) кебек жьентькларына туплап бирелгән әсәрләре үз вакытында укучысын табып, киң яңгыраш ала, әдәби тәнкийтьгә уңай бәяләнә. Ә. Гаффар ижаты турында Р. Мостафин [4], Д. Гыймранова [2], М. Вәлиев [1], Р. Сверигин [6], С. Хафизов [7] һ.б. тәнкийть язмалары басылып чыга. Тәнкийтьчеләр әдип сайлап алган темаларның әһәмиятен, проблемаларның житдилеген, теленә матурлыгын билгеләү белән бергә, әсәрләргә тормышчанлык, реаль сурәтләр житмәүне, образларның олы характерларга үсеп әверелмәвен күрсәтәләр. С. Хәким исә Ә. Гаффар әсәрләренә әдәби детальләргә байлыгын, тирән мәгънәле булып, хәтердә калуын искәртә [3: 100], Ә. Баянов исә болай дип яза: «Әхәт Гаффар әдәбиятка үз

материалы, үз карашлары, ныклы принциплары белән килде. Сурәтләү манерасы ягыннан да безнең өчен яңа юнәлештән, тапталмаган сукмактан килеп чыкты» [3: 101]. Шулу вакытта, язучы ижатын өйрәнү әле башлангыч этабында гына. Безнең игътибар үзәгендә Ә. Гаффарның проза әсәрләре һәм аларда чагылыш тапкан тема-мотивлар төрлеләре, аларның сәнгатьчә эшләнеше тора.

Ә. Гаффар тормышның төрле якларына иркен мөрәжәгать итә һәм бу әсәрләренең тема-мотивлар ягыннан бай булуына китерә. Ул аеруча яратып һәм белеп туган як, туган жир белән бәйлә мөһабәтләренә алгы планга чыгара. Татар авылының үткән һәм бүгенгесен сурәтләү аша киләчәгенә күз сала, милли яңарышка бары тик эхлак һәм хәтергә нигезләнеп кенә бару мөмкин дип саный. Авыл белән бәйлә вакыйгаларда житди социаль, ижтимагый мөһабәтләренә милли яшәеш белән үрәп бара. Аның геройлары – гади, гадәти кешеләр, көндәлек тормыш белән яшәп, яшәеш мөһабәтсез хезмәттән, якын кешеләренә изге гамәл кылудан эзләүчеләр. Ижат стили буларак язучының хәлкүренешләренә яратырлык итеп сурәтләнә белүен, аерым деталь-билгеләр аша геройларның житди характер сыйфатларын ачуын, еш кына метафора булып килгән күренешләргә мөрәжәгать итүен билгеләргә кирәк. Нигездә, реалист язучы, әмма романтик купшылыкны, хислелкне, кичерешләр байлыгын шулай ук үз итә.

Ә. Гаффар – хикәя остасы. Ул төп вакыйганы уңышлы тотып ала, укучыны шулу вакыйгада яшәтә, гыйбрәтләнә нәтижеләр ясарга этәрә. Алар матур тел белән язылып, күңелдә хис-кичерешләр уята. «Акчураның жир үбүе» исемле зур булмаган хикәядә гаилә тормышының үзгә бер мизгеле сурәтләнә. Мифтах Акчурасының урманга утынга бару вакыйгасына бәйлә кеше яшәшенә ике чиге аерып куела. Хикәя яшь ир уйланулары белән башлана һәм ул хатынына булган жылы мөһабәтсез, аңа әле дә сокланып каравын кат-кат сиздерә. Шунда ук әлегә бәхет хисен балалары булмау турындагы уй сызып үтә, ирнең жанын бимазалый. Ачык сөйләмәселәр дә бу яшь хатынны да борчый. Текстта бала булмау сәбәбе ачык әйтелми, әмма Акчураның тормышы үзгә алып баруы, хатыны фикеренә, теләкләренә аз колак салуы искәртелә. Табият әнә шуны төзәтә. Ул көнне Сәвирәнең жылккә барасы килсә дә, ире сүзен тыңлап, утынга дип юлга чыгалар. Урман артынан чыккан кара болыт жиргә яшен тавы (шары) жибәрәп, аларны кире бора, үзләренә чак кына фажига китерми. Моңы жаны белән тойган ир, утынга бару ниятенән баш тартып, хатынын жылккә алып китә. Вакыт үтәп, үзенең авырга узуын тойган хатын моңы иренә житкерә: *«жылккәрең бигрәк тәмле булды...»* Бөтен күңел белән шатлык хисен кичергән Акчура, атына атланып, жылккә аланга чаба һәм ир белән хатынга бәхет бүләк иткән жирне үбә. Бала буласын белү шатлыгыннан, яшь ир, яшәшенә бөтен мөһабәтсез, дөнья матурлыгын тоеп, рәхәтлек кичерә: *«Көтү бәхете... Бәхет көтү...»*

Язучыны кешенең рухи дөньясы, күңел халәте даими кызыксындыра. «Бер йотым су» – хикәяләүченә үз-үзен югалтуы һәм табуы турындагы гыйбрәтләнә хикәя. Олыгаеп барган кеше бүгенгә белән генә түгел, үткәннәр белән дә яши. Ә инде үткәндәгә хата-ялгышлар үз вакытында төзәтәлмәгән булса, үкенеч булып йөрәккә яралый, тынычлыкны ала. Герой язмышындагы әнә шундый хәл-вакыйганы кабул итәргә автор укучыны әкрәнләп әзерли. Янгын командасы башлыгы Тәхау Яркәев китапханәдәгә 6437 китапның барысын да укып яисә актарып чыккан. Китапханәче Риза белән аның әңгәмәсе, үзләреннән канәгать булып, балалары язмышы аша бүгенгә яшьләр тормышы турында сөйләшә алырлык кешеләр булуны күрсәтә. Шулу вакытта текстның әлегә өлеше төп вакыйгага каршы да килә. Китапларда сурәтләнәгәннәр никадәр генә кызыклы булмасын, аерым кеше күңеленә тирән катламнарын тулысынча ачып бетерә алмый. Тәхау хатыны Хәлимә белән сөйләшкәч, үз тормышын китап итеп язучы ниятенә килә. Әмма яза башласа да, дәвам итә алмыйча, язганнарын утка ата.

Укучы каршында башкалардан гына түгел, Тәхауның үзеннән яшереп килгән вакыйга ачыла. *«Беренче һәм соңгы тапкыр үземне 13 яшемдә үтердем»* диюе белән сискәндереп жибәрә, тормышына никадәр зур йогынты ясагын аңларга ярдәм итә. Ул исә Тәхауның әссе жәй көнендә ике энесен кыйнавы белән бәйлә. Үзе шундый хәлгә калгач, ул хатасын аңлай, әмма инде төзәтәп булмый. Автор аны болай бирә: *«Эчәмдә посып яткан бөтен дөньяга үпкәле бүрене мин хыянәтчел төстә ике энәкәшем өстенә өстердем дә, кояш көйдергән кара жүрдә ауната-ауната, гөнаһсызга талаттым. Менә шунда үлеп калдым мин. Йөрәгемә тапшырып утырган ул гадәлсезлегем бүтән беркай-*

чан да баш күтәрмәсен өчен, мин үземне беренче һәм соңгы тапкыр унөч яшемдә үтердем». Аның эшеләрен кыйнавы, үзенә жиргә ятып елавы гадел булмаган жәмгыятькә үпкә-ачу булып тора һәм ул моны үзгәртә алмау ачысы. Тәхау әлеге сызланулы халәт-тән котыла алмый интегә. Боларны хатынына сөйләве дә үзен юату өчен дип аңлашыла. Шул рәвешле, автор тирән психологизм белән сугарылган хикәясә аша кеше гомере, яшәү мәгънәсе, үткән гомер юлы турында уйланырга этәрә. Тәхауның үкенечле тормыш сәхифәләре аша укучыны боларны булдырмау юлларын эзләргә өнди.

Әдипнең «Әжәт», «Кояшлы яңгыр», «Кәфенгә кесә текмиләр» хикәяләре чынбарлыкка игътибарлы булуын, гыйбрәтле күренеш-хәлләрне оста тотып алуын күрсәтә. «Кәфенгә кесә текмиләр» хикәясә монолог рәвешендә язылган. Ул ил тарихының гаять катлаулы сугыш алды, сугыш шартлары, сугыштан соңгы еллардагы авырлыкларны күргән кеше истәлекләре булып тора. Хикәяләүче – яшәеш сорауларын тирәнтен аңлаучы, ил сәясәтенә, дөнья хәлләренә төгәл, ачык бәя бирүче. Аның сөйләмә үзәгендә сугыш хәлләре һәм шуларга мөнәсәбәт чагыла. Аның гаиләсе колхозлашу елларында кулак дип өйдән сөрелгән, мунчада яшәргә мәжбүр ителгән. Ул болар өчен әрни, әмма ачу сакламый, чөнки моны эшләүчеләрнең өстән кушылганны үтәүче генә булуын белә. Сугыш турындагы киноларны ярый ялган дип саный. Үз милләттәшләре белән горурулана белә – «*Сталинградны татарлар саклап калды*». Сугыш хәлләренә фәлсәфи якин килә, аның авырлыгын, куркынычын гади генә аңлатып үтә – «*Сабантуй түгел ул*». Немецка каршы торып, канкойгыч сугышлардан исән-имин үтә алуының шарт-сәбәбен берничә тапкыр кабатлый: «*Авылга – өйгә кайтасым бар ич*». Туган жирен саклап сугышканны беркем жинә алмый дигән карашта тора ул.

Хикәяләүче сугыштан соңгы елларның авырлыгын әрнеп искә ала. Икенче «сугыш» зур сугыштан соң башланды, ди, «яшәр өчен». Ул елларда алабута коймагы, кычыткан ашы белән яшәүләрен оныта алмый. Әлеге михнәт-газапларның тиешенчә бәйләнмәвенә ачына. Шуңа да «*безнең гомеребез СССР га хәер иде, жаныбыз – урыс жүрәнә садака*» диюендә башка милләт кешеләре, шул исәптән татарларга үзгә караш булуын һәм саклануын да искәртә. Якты дөньядагы мал шунда кала, аны кәфенгә төреп алып китеп булмый. Хикәяләүче әңгәмәдәшенә бу дөньяда мәгънәле яшәп, якты исем белән мәңгелеккә китүнең асылын аңлата. Шуңа да яшәеш фәлсәфәсе белән сугарылган хикәя күңелдә уелып кала. Матур тел, гыйбарәләргә байлыгы, халыкчан сөйләм үрнәкләре белән яратып укыла. Гомумән, язучы «хикәяләре психологик, лирик, тәнкыйди, шартлы-метафорик һәм фәлсәфи-публицистик агымнарның берләшмәсеннән гыйбарәт» [5: 48].

Ә. Гаффарның «Язлар моңы» (1973), «Дәрәя башы» (1995) повестьлары сәнгати эшләнеше, тел-сурәт чаралары байлыгы белән аерылып тора. «Дәрәя башы» Г. Тукайның Жәектагы тормышы белән бәйлә булып, Габдулладан Тукайга үсү-үзгәрү процессын күз алдына бастыра. Шагыйрьнең бу чорын әдәби сурәтләрдә чагылдырып, хәтердә кала торган уңышлы образлар ижат итә. Иң уңышлы әсәрләреннән булган «Язлар моңы» повесте яралы язмышлар турында. Сюжетка Бөек Ватан сугышы алып килгән жан яраларына бәйлә вакыйга салынган. Сугыш башланганчы берничә ел бергә яшәп калган Фәрдәнә белән Сәгыйдулла язмышы укучыны битараф калдырмый. Сугышның беренче көннәреннән фронтка алынган Сәгыйдулланың үлеме турында хәбәр килә. Үч иткән кебек өйләре дә янып китә. Әнә шундый шартларда Фәрдәнә сугышта бер кулын югалтып кайткан Ярмигә кияүгә чыга. Сугыш беткәч, Сәгыйдулла кайтып төшә. Бер-берсен оныта алмаган ир белән хатын гомере бие жан газабы кичереп яши.

Чынбарлыкның кырыс шартлары романтик рух белән сугарылган повестьта кеше акылына, мәхәббәтнең олылыгына дан жырлана. Шуның белән бергә, татар моңы, аның үлемсезлегенә дә мәдхия укыла. Сәгыйдулланың Фәрдәнәне яратуы, оныта алмавы бик тә үзенчәлекле чагылыш таба. Ел саен язгы ташу буаны алып киткән көнне, үзе чыгарган жырны жырлап урам әйләнә ул, авылны язлар алып килгән моң белән тутыра. Сагыш, ярату турындагы бу жыр елга бер генә тапкыр башкарыла. Бу көнне Сәгыйдулланың гына түгел, Фәрдәнәнең дә жаны актарыла. Этчән яшерен янсалар да, алар аны тышка чыгарып, ямьсезләнәп йөрмиләр.

Сәгыйдулланың үләрәнә берничә көн кала гармунын Фәрдәнәгә бирүне сорап васыять әйтүе дә әлеге хатынга булган ярату хисенә зурлыгын, оныта алмавын аңлата. Автор әлеге сагышлы язмышларның уңышлы чишелешен таба. Фәрдәнә әбидә яшәүче

укытучы кыз Люция Хөрмәт исемле егеткә кияүгә чыга. Жәй көне печән чапканда егет Сәгыйдулла бабайдан яңа жырны отып калган икән. Туйда Хөрмәт башкаруындагы жыр, татар моңы булып, сихри көч белән яңгырый. Ул туган як табигате матурлыгын, иген басулары ямен чагылдырып, ярату хисенә зурлыгын һәм мәңгелеген бөтен кунакларга житкерә. Әсәр билгеле бер кимчеләкләрдән азат булмыйча, М. Вәлиев авторның тирән кичерешләренә, көчле тойгыларны ачып бетерә алмавын искәртә: «Шулар аша гына язучы үз геройларын чын кешеләр, ихлас күңелле, тирән рухи дөньялары булган кешеләр итеп бирә ала» [1: 64].

Язучы аерым кеше язмышын, яшәештәге әхлакый кыйммәтләренә Кеше һәм Табиғат бәйләнешендә ачуга килә. «Олы юлның тузаны» (1989) романы үзенә үзенчәлекле сюжеты, яңа тип геройлары, сәнгати эшләнеше белән игътибарны жәлеп итә. Әсәр башында ерак жирләрдән туган ягына кайтучы Сандугач язмышы Чаныш карт, улы Кадрәк, оныгы Солтан, авыл кызы Мәйсәрә, күрше рус авылы егет Степан һ.б. торышы белән тыгыз бәйләнештә сурәтләнә, уңышлы гомумиләштерүләргә алып килә. Ә. Гаффар кеше хәтерен тарихи хәтер белән бәйләп карый, тарихи хәтер исә Кешелекнең яшәеш нигезен тәшкил иткән әхлакка килеп тоташа. Вакийгалар барышында үткән һәм бүгенге бәйләнеше аша яшәешебезгә янаган куркыныч турында кисәтә. Роман, яшәү мәгънәсе, кеше бәхете кебек кыйммәтләренә сурәтләнеп, тормыш фәлсәфәсен ача. Шулай да авторга гыйбрәтле сюжет аша һәм татар һәм башка милләтләр өчен кызыклы да, житди дә булган мәсьәләләргә чыгу житми. Борчыганы – образ-характерлар эшләнеше. Романда Солтан һәм Степан язмышы күп бәхәсләр калдыра. Зират өстендә арагы эчү, иске каберләренә актару, алар аркасында Сандугач оясы жимереләп, аның нәселе югалуга юл куелу кебек начарлыкларны кылырга эзер егетләрнең киләчәге бармы? Ул вакытта Чаныш бабай яшәшән үрнәк итеп кую нигә кирәк? дигән сорау да калка. Фикер ачыклығы житмәү, әсәрне кабул итүне, автор позициясен ачыклауны киметә.

Ә. Гаффарның «Богау» романы кешенең иреге, хокукы кебек мәңгелек төшенчәләргә багышланган. Әсәрнең исеме үк шуңа ишарә итә һәм вакийгаларга нисбәтле «Без богауда түгелме?», «Кеше үзенә богауда икәнән беләме, аннан ничек котылып була?», «Адәмгә богаудан котылу кирәкме?» кебек сорауларга җавап эзләнә. Автор ике сюжет сызыгында реаль һәм фантастик дөнья күренешләрен сурәтли, алар еш кына кушылып-үреләп бара. Реаль тормыш совет хакимияте бетеп, үзгәртеп корулар башланган чорны күз алдына бастыра: жәмгыятьтә тотнаксызлык, хезмәт өчен тиешенчә түләми, һәртөр житәкче башбаштаклык кыла һ.б. Шуңа да кешеләр моннан котылу, чыгу юлын белмичә, кайгы-борчуларын кирәксә дә, кирәкмәсә дә арагы белән баса. Әлеге зәхмәт яшәешнең бөтен өлкәләренә үтеп кереп, һәркайда мәсьәләне хәл итүче «әйбер»гә әйләнә.

Фантастик дөнья шүрәләләр белән бәйлә булып, алар торышы жир яшәешенә метафора булып килә. Автор ике дөнья бәйләнешендә мавыктыргыч сюжет кора. Шүрәләләрнең Олуг Хакиме Алтын Мөгез үзләренә һәм адәмнәрнең яшәү рәвешен аңлатып, Яхшылыкның нигезе Курку, ә Яманлыкның асылы әлеге куркудан азат булу икәнән белдерә. Шуңа да курку хисен танымаган шүрәле егет Яшел Мөгез Адәми затка әверелдерелә һәм жиргә – кешеләр арасына җибәрелә. Шулар рәвешле, ул жиргә иңеп, арагы белән мавыгып, торышын мәгънәсез дип санаган Ибрайның сыңарына әверелә. Сөйләшәп утырганда шүрәле Ибрай муенындагы тимер муенчакны жир Ибрае үзенә ала. Халык арасына кайткач, кайсысы чын Ибрай икәнән белү турындагы бәхәс, муенчакны салдыру фикеренә китерә. Автор әлеге мизгелга игътибарны жәлеп итә. Кешеләр Ибрайны богаудан коткару турында уйламый, бәлки богауны аннан азат итүне кайгырта. Моңа ирешү максатында Ибрайның башын чабып өзәләр, ул башы белән бергә күккә аша, шүрәләләргә кушыла.

Жиргә кайткан шүрәле Ибрай әйләнә-тирә торыш белән таныша. Күренешләрдә халыкның мескенлектә яшәве, аның өчен бөтен нәрсәне житәкчеләр хәл итүе ачыклана. Жиде ай хезмәт хакы алмаган халыкны «Шүрәле» балетына алып бару күренешендә әлеге хокуксызлык бөтен тулылыгында ачыла. Авыл советы рәисе Яуш, район башлыгы Альберт Ханзафаров, район прокуроры урынбасары Фаршатов, йөк ташучы Фәйзрахман һ.б. белән бәйлә күренешләр кешеләрнең рухи халәте, аларның хокуксызлыгы сәбәпләре турында уйлануга этәрә.

Шүрәлеләр яши торган фантастик дөньяга эләккән Ибрайга жир тормышының үткәндөгә аерым сәхифәләрен, бүгенгә хәлен күрсәтәләр. Ул бабасы белән очраша. Ә инде НКВД лейтенанты Баязит Юмашевның эш-гамәлләре, бер гаепсез тракторист Мирза Нәбиевне, журналист Әбүзәр Фазыловны төрлечә жезалау күренешләре Ибрайны жирдәгә гаделсезлеккә инандыра. Шүрәле Фирузәтөк углы Жиз Калканның «*Нигә камытларыгызы салып атып, баи күтәрмәдегез? Нигә үз ихтыярыгыз белән муеннарыгызга богау кидегез?..*» дигән сүзләре һәркемгә аталган кебек яңгырый. Болар барысы да күктәгә Ибрайның күзен ача, ул, үзенә богауларыннан котылып, жиргә – кешеләр янына кайтырга карар кыла. Шул рәвешле, роман фәлсәфи жирлегә, ижтимагый-социаль мәсьәләләргә милли яшәеш белән үрү ягыннан гыйбрәтле. Авторның вакыйгаларны тел-сурәт чаралары белән күз алдына бастыру осталыгын да күрми мөмкин түгел. Шуның белән бергә, сюжетта таркаулык сизелә, ул өстәмә эпизодлар, күренешләр белән чуарланган, кайберләре яңа мәгълүмат алып килми. Бу исә әсәрне кабул итүне авырлаштыра.

Шулай итеп, Ә. Гаффар хикәя, повесть, романнарында татар авылына, аның үткәне, бүгенгесе, киләчәгенә еш мөрәҗғәт итә. Әдипне кеше шәхесе, күңел дөньясы кызыксындыра. Бу исә әсәрләрендә монолог, жан хәрәкәте кебек психологизм алымнарының еш урын алуына китерә. Ә. Гаффар кешелек бары тик үткәннең әхлакый кыйммәтләрен яклап һәм саклап яши ала дип санып, шуңа да геройларын әхлакый сынау алдына куя. Язучының теле матур, кинәяле, урыны белән жор. Ул әдәби детальләрдән, метафора булып килгән күренешләрдән уңышлы файдалана. Болар барысы да чынбарлык күренешләрен бөтен тирәнлегендә һәм каршылыгында укучыга житкерүгә хезмәт итә.

ӘДӘБИЯТ

1. Вәлиев М. Яшь язучыга хат // М. Вәлиев. Яшьләр мәйданга чыга. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1978. – Б. 59–68.
2. Гыймранова Д. Язлар моңы // Социалистик Татарстан. – 1978. – 29 авг.
3. Даутов Р. Н., Гамбәров Н. Г. Балачак әдипләре: Биобиблиографик белешмәлек. Өченче китап = Писатели нашего детства: Биобиблиографический справочник. Книга третья. – Казан: Мәгариф, 2005. – 335 б.
4. Мостафин Р. Төптәнрәк уйлаганда // Казан утлары. – 1977. – № 1. – Б. 157–168.
5. Насыбуллова Г. Р. Хәзерге татар әдәбиятында хикәя жанры поэтикасы. – Казан: ТР «Хәтер» нәшр., 2011. – 171 б.
6. Свирегин Р. Төсләр һәм кешеләр // Казан утлары. – 1982. – № 7. – Б. 165–167.
7. Хафизов С. Кинәяле роман // Социалистик Татарстан. – 1990. – 20 май.

УДК 82.0

ИЛГИЗ ЗӘЙНИННҮ «ӨЙЛӘНӘМ.ТАТ» КОМЕДИЯСЕНДӘ КӨЛКЕ ҮЗЕНЧӨЛЕКЛӘРЕ

В. Ф. Макарова

ТР ФА Г. Ибраһимов исемдәге Тел, әдәбият һәм сәнгать институты (Казан)

В статье рассматривается своеобразие комического в комедии И. Зайниева «Женюсь. tat». Выделены различные приемы комического. Рассмотрены мотивы противоречия, игры, видимости и его разрушение. Сделан вывод о том, что в рассматриваемой комедии комическое проявляется в том, что абсурдность ситуаций воспринимается как повседневное и типичное для общества, и звучит юмористический смех.

Ключевые слова: мотивы комического, юмор абсурда, пародийность, комическая ситуация, тиражирование стереотипов, травестирование.

The article examines the peculiarity of the comic in I. Zainiev's comedy «I'm getting Married. tat». Various techniques of the comic are highlighted. The motives of contradiction, games, visibility and its destruction are considered. It is concluded that in the comedy under consideration, the comic is manifested in the fact that the absurdity of situations is perceived as everyday and typical for society and humorous laughter sounds.

Key words: motives of the comic, humor of the absurd, parody, comic situation, replication of stereotypes, travesting.

Хәзерге драматургиядә көлке төрле вариантларда чагылыш таба – абсурд юморы, фарс, буффонада (З. Хәким. «Бармы ришвәттән дәва?»), пародияләргә корылган миниатюралар (И. Зәйни. «Мәхәббәт FM»), лирик комедия (И. Зәйни. «Бабайлар чуагы»), моңсу комедия (И. Зәйни. «Мәхәббәт турында сөйләшик») трагикомедия, водевиль һ.б.

Хәзерге татар комедиясендәге эзләнүләргә күз салсак, Илгиз Зәйниев ижаты жанр төрлелеге, заман проблемаларының киңлеге, сәнгатьчә эшләнеше ягыннан аерылып торып күрербез [1: 132]. Республика театрларында бара торган күпсанлы спектакльләр режиссер-драматургны көлке тудыру остасы итеп танытты (алга таба көлке дигәндә без «смех, смешное» мәгънәсендә түгел, ә «комическое»ны күздә тотарбыз). Соңгы вакытта И. Зәйниевнең «Өйләнәм.tat» комедиясе уңыш белән бара. Аны өйрәнү әдип ижатының художество алымнарын гына түгел, XXI гасыр башы татар драматургиясендә көлке үзенчәлекләрен билгеләргә дә мөмкинлек бирә.

«Өйләнәм.tat» комедиясе социаль челтәрдә видео-көндәлек алып баручы Раннурның хатын эзләве, аның белән танышырга килгән хатын-кызлар «кастинг»ы, ябылырга торган газета журналистларының төрле кешеләр белән интервьюлары төсендәге миниатюралардан тора.

Журналистлар таксист Шөһрәт, Гөлсем апа белән Һидаят абыйлар, икенче хатын алган Гали, күрәзәче Гайсә, тракторист Мулланур белән очрашып интервью ала. Нәкъ менә шушы геройлар исемнән автор жәмгыятьтәге төрле ямьсез күренешләргә шелтә белдерә, социаль, милли, фәлсәфи, сәяси проблемалар күтәрә. Илдәге эшсезлек, ирексезлек, ялганга, күзбуяуга журналистларның, халыкның дәшмәве, газеталарда мөһим проблемаларны яктырту урынына мәхәббәт өчпочмагы, көндәлек ызгыш-талашлар турында язу, житәкчеләрнең, милләт исемнән йөрүчеләрнең үз мәнфәгатьләрен генә кайгыртуы тәнкийтләнә.

Эстрадада түбән сыйфатлы жырлар һәм жырчыларның күбәюе («Бигичев кадәр жырлый алмагач, анда буталып йөрергә») халыкның газета, китап укымавы, ир-хатын мөнәсәбәтендәге каршылыклар, рухи кыйммәтләрнең югалуы тәнкийт объектына әверелә.

Журналистларның күбесе акча өчен генә язучы турындагы фикерне («Милләт исемнән беләсеңме күпме акча эшләп була!») журналист Хәбибрахман образы житкерә. Жинел кәсеп белән баерга омтылуычә элге персонаж хакында элекке хезмәттәшенең репликалары сөйли: «Райондагы коррупцияне ачыкларга дип китәсең, главаларга мәдхия язып кайтасың». Кеше алдап, кеше талаштырып йөрүче. Жыен шакшыда гына казынасың...»

И. Зәйни комик ситуация тудыру остасы. 60 ел бергә гомер кичергән Гөлсем, Һидаят башта соклану хисе уяталар. Көлкенең уйдырма мотивы – күз буяу, ялган, иллюзия (тойгы алдавы сәбәпле чынбарлыкны бозып күз алдына китерү) эшкә жигелә. Журналист Раннур белән матур гына итеп сөйләшеп утырган әби белән бабай тора-бара кызып китеп, ачуланыша, әллә нәрсәләр әйтешә, бер-берсенен серләрен ачарга тотыналар. Көтелмәгәнлек эффекты, «иллюзия жимерелү» [4: 92] көлке барлыкка китерә.

Сатирик образ тудырганда драматург үзиронияне куллана. Идея өчен милициягә эшкә кергән, әмма «анда тәртипнең төрлесе» булуын күрәп киткән, «дәүләт акчасынан читтәрәк булсаң, үзеңне ирекле итеп хис итәргә мөмкин» дип санаучы, «миллионерларның акча эшләвен карап утырырга» яратучы таксист Шөһрәт үзенең асылын сөйләмәндә ача. Үзен «ирекле чыпчык» итеп хис итсә дә, гипербола һәм карикатура аша тудырылган образ – усал хатыны үкчәсеннән ул чыга алмый, пластик операцияләргә акча өчен көне-төне таксида чаба. Эчке мәгънә белән тышкы форма туры килмәве көлке тудыра.

Шөһрәт тормыштагы шактый абсурд күренешләрен баян итә (үзләре куйган, әмма турысын әйткән кешене өстәгеләрнең кысуы һ. б.) Вакыйгаларны сөйләп бирү, фикернең жанлы вакыйга аша бирелмәве эсәрдә хәрәкәт аз булган очракта аның сыйфатына хилафлык китерер иде. Ә биредә сөйләп бирү хисабына фикер тыгызлыгына ирешелгән.

Күрәзәче Гайсә – халыкның алданырга яратуы, кешенең үзе уйлыйсы, көч түгәсе килмәве, ап-ачык булган әйберләрен дә кемдер әйтергә тиешлеге турындагы фикерне куәтлән торган персонаж. Биредә кешеләрнең аңнарына йогынты ясаучы манипулятор күрәзәче һәм массакүләм мәгълумат чаралары арасында охшашлык күрми мөмкин түгел.

Күрәзәчегә ирен табу хыялы белән килгән хатын булып уйнаучы журналист Румия көлкөгә кала, чөнки үзе дә симуляциягә белән шөгылләнә – тормышта ир кирәкмәгән кебек кылана, үзен карамый, эшкә бирелгән, ирләргә охшап бара. Биредә көлкөнөң уен һәм уйдырма мотивлары – күз буяу, ялган, буш хыял, өмет, үз-үзенне алдау һәм иллюзияларның жиерелүе күзәтелә. Күрәзәче дә башта аның белән уйнаган кылана. Аннан «Тирә ягыңа күзенне ачыбрак кара... Үзенә ир, балаңа ата табасың килсә, ерак йөри-се түгел» – ди. Румия: «Нишләп сез башта ук белгәннегезне эйтмәдегез?» дигәч, Гайсә: «Кәмит уйнарга килгән кешегә – кәмит(...)», «кайтып чәчәнне ю, киен-ясан, иренәнне буя... Куян кәкәе ашап кына бәхетле булып булмый» – дип җавап бирә.

Алда сүз барасы хатын-кыз типлары көлке алымы буларак абсурд ситуацияләрдә бирелә. Матур сөйли торган ирне ашатыр өчен, 3 жирдә эшләп, кредитка баткан, баласы белән ташлап киткәч тә көтеп ята торган Айнур, лабораториядәге «микробларны ирләргә караганда якынырак күргән», «свиданиега» абыйсы белән килгән Фәридә, ир белән торганы булмаса да, кешеләрне кавышырга өйрәтәп йөрүче корректор Сәлимә («үзем яза белмим, ләкин кешенекен төзәтәм инде»), кемгә булса да гашыйк буласы килгән, интернет аша гына эшләп, дөнья буйлап сәяхәт итү хакында хыялланган яшь стажер Әлфия – теләкләренә абсурдлыгын аңламыйлар. Югары максат-калма-каршы гамәл нәтижәсендә (каршылык мотивы) комик, абсурд ситуацияләр туа.

«Тормыш агымына бирелгән» әлеге геройлардан аермалы буларак, жир кешесе Мулланур образы социаль проблемаларны яктырттырга мөмкинлек бирә. Эчкәч курыкмыйча дөресен сөйли торган трактористны авылның бетүе борчий («юлга якын булганга бөтен көтүлек жирләрне сөрдерделәр дә, анда чәчсәң юлдан күренеп тора бит – матур, имеш бөтен жир чәчелгән! Ә тирәнгәрәк керсәң – нәрсә?»). Аның «Миндә логика бар, ә сездә белем генә. Вәсилә апаның указкасы төшсә, мәңгә онытмаслык буласың», диюе һәм соңрак эйткән «Сталин булса, ул главаны майонез белән сылап, шашлык кебек кыздырыр иде» дигән сүзләре, халык фикерен җиткерә: «каты куллы» җитәкчеләр булганда гына тәртип булчак.

Мулланурның «Сез институт бетергән, ә мин мәктәп, шуңа логикам бар, ә сездә юк ул», – дигән сүзләре рефрен булып кабатлана. Ягъни, сезне идеология белән агулаганнар. Гади кешегә бар да ачык, аның логикасы буенча, «яратмыйча өйләнәп булмый», ир хатынга караганда майонез банкасын күбрәк алырга тиеш.

Көлке белән драматизм үреләп китә – айлык эш хакын майонез белән түлиләр икән («район башлыгының кибетендә сатылмый яткан товар»). Геройның президент белмидер бу хәлләрне (ирония аша кире кагу), «әшәке инвестор гаепле» диюе халыкның Рәсәйдә гомер буга гадел патшага ышануын яки шүрлән күрсәтә. Мулланур телевизордан яхшы кешеләрне генә күрсәтәләр дип ышана. Биредә драматург массакүләм телевидение-радио-мәтбугат чаралары аша халык аңында формалашкан җитәкче образы – симулякр белән эш итә (драматургның «Мәхәббәт FM» комедиясендә исә радиога «килгән» кунаклар – халык аңында формалашкан күренекле җырчы, артист, җитәкчеләрнең образлары уен белән кушылып пародия аша көлүгә китерә). Нәтижәдә, сатирик «кечкенә кеше» образы туа. Мулланур ихластан «глава килер дә белер, может юлларны рәтләләр ул килгән төшкә...» дип ышана. Айныгач, интервьюны бастырырлар дип куркып, редакцияне шартлату белән яный. «Халыкны бер яктан тегеләр кыса, икенче яктан сез. Сез бит безне бер-берегезгә атып уйнарга туп итәсез. Сезгә кызык, ә тупка авырта» – бу аның жан авазы, хәзерге чынбарлык.

«Кәкре каен» газетасының баш мөхәррире Даян Солтанович монологы әсәрнең кульминациясе: «Бер яктан сез, икенче яктан тегеләр. Җиңел дисезме әллә? Кайчан ябарлар икән, лицензияне алмашлармы икән дип, калтырап торырга. Халык укырмы икән? Тираж булырмы? Әз генә булса да бу тормышны үзгәртәр өчен, күзләрегезне берәз ачар өчен барыннан да мөһрүм булырга: тынычлыктан, ялдан, шәхси тормыштан, мөхәббәттән... Шартлат әйдә! Монда көн саен шартлаталар! Куркып туйган. Тәгәрәп китсен дөньясы. Без биргән мәгълүмат сезне бәхетсез генә итә икән, без күрсәткән дөреслек белән сез нишләргә белмисез икән – көле күккә очсын! Шартлат!»

Даянның газета ябылмасын дип, хезмәткәрләргә эш хакын түләр өчен квартирасын сатуы гиперболаштырып бирелә. «Коммунистлар вакытында да идея өчен күп эшләдек», «Куркаклар шигырь язмыйлар, юк инде шигырьләр» – Даян образын ачуда ачык репликалар.

Романтик чишелештә «саргая башлаган» газета ябылмый кала, һәркем үз ярын таба. Шул рәвешле, бер газета тарихы фонында заманның шактый мәсьәләләре күтәрелә. Стенадагы эвакуация планы уңышлы – хәлдән чыгу юллары буталып беткән, әмма ул бар мәгънәсендә анлашыла.

Жор телле репликалар, эчке мәгънәгә бай гыйбарәләр («мине кыскартып булмый, минем әле өйләнәсем бар»), гипербола («сүгенгәндә дә өтер-нокталарны куеп сүгенә иде», «мин дә еладым... гонорарны алгач...») алогизмнар (сөйләшә белми торган профессор, судьяны судка биргән кешене төрмәгә утырту, «мәһабәт» белән «мәхәббәт»не, «охшый» белән «ошый»ны, «-мыни, -мени»не аера белми торган журналист-филолог), югары-түбән категориядәге төшенчәләр белән эш итү (травестирование) мәхәббәт турындагы «Урман бете» шигыре) сүзне бозып әйтү (маноез – майонез), мәлгуматың – мәгълуматың), төрттөрү («билең юк та бит инде, нәрсәң генә ычкына соң шунда гомер бую»), күрәзәче Гайсә такмаклары («ышанмагыз депутатка, баеп булмый эш белән») – һәммәсе көлке тудыра.

Сәнгатьчә алым буларак, әсәренә милли орнамент-афоризмнар, такмаклар, мәкаль-әйтемнәр («эт өрә тора, бүре йөри тора», «карга күзен карга чукымый», «укаң коелмас», «татарның бүреге башы белән генә салына») (Т. Миңнуллин әсәреннән кулланыла кереп киткән)) бизи. Милли нотаны бирүдә Тукай шигыре юллары төрттөрү төсмере ала: «И, надан, ту янадан мәгърифәтле анадан».

Комедиядә алабута образы берничә мәгънәдә килә: таксистның «недострой» хатыны («Нигә ул гомер бую алабута булып яшәргә тиеш. Матур булсын, табигать каян белеп бетерсен монда безнең моданы», «дөнъяны матурлата белсәң, матур» дигән фикерне куәтли); «алабута дурак кебек – чәчмәсәң дә үсә»; авылда чәчелми калган жирләрне баскан алабута.

Комедия ахырында куелышта Little BIG группасына зәвыксыз пародия клипын кулланы хәзергә заманның чагылышы булган «клипты фикерләү»не («клиповое мышление») арттыру формасында күрсәтеп, тәнкийтләр өчен кирәк булгандыр дип уйлыйбыз. Алдан модельләштерелгән тестлар, референдумнар, рекламалар аша кешеләрнең аңы белән идарә итү, манипуляцияне күрсәтүдә уңышлы алым. Әлеге пародия жәмгыятьте бездә «маргештернлаштыру» барган заманны, яшьләргә тәкъдим ителгән сәнгатьнең никадәр түбән булуын, аларны пропагандалауда, журналистларның нинди роль уйнавы хакында уйланыларга этәрә.

И. Зәйниев әлеге алымны «Бию пәрие» комедиясендә дә кулланган иде. Мерилин Монро образы кертеп, автор стереотипларны кабатлау, тиражландыру идеясен бирә. Янәсе, масс-культураның төп идеясе – рәхәтлек бирүче стандарт. Әлеге образ кешеләрнең омтылышларын, үз йөзләрен югалтуны фокуслаштыра, алар шатланып көлә-көлә масскультураның йогынтысына биреләләр. Икенче төрле әйткәндә, шәхес-башкалар, шәхес-жәмгыять каршылыгы һәм шуннан туган газап урынына кешенең масскультурада үз шәхси йөзгә югалткан, суррогат формадагы кеше-жәмгыять идентификациясе барлыкка килә. Хайдеггер, күрсәткәнчә [2: 202], кеше бергәлек хисе хисабына шәхесен югалта. Кеше инде ирек, мәгънәләр югалган өчен борчылмый, чөнки ул, суррогат формада булса да, аларның симулякрларын алды, алар белән канәгатьләнәргә өйрәнде. Мондый шартларда көлке дә тыныч көлке, юмор төсен ала.

Шул рәвешле, бу образлар (Little BIG, Монро) берәз абсурд театрына хас булганча, ирек турында уйлап, борчылырга теләмәгән апатияле буын кәефен бирүдә татар комедиясендә И. Зәйниев кулланган яңа комик чара булып чыга.

«Өйләнәм.tat» әсәрен автор усал комедия дип атаган. Тик ул тулысынча усал нигилистик ирония, усал сарказмнан тора дип әйтә алмыймыз, татар көлкесенең милли үзенчәлегә булган «яшь аралаш көлү» [3: 125] дә юк дәрәжәсендә (Мулламурның репликаларын санамаганда). Ләкин әлеге комедия социаль мәсьәләләр күтәрүе, көлке алымнарына бай һәм көлдәр торган булуы белән бүгенге күп кенә «тешсез» комедияләрдән аерылып тора.

Йомгак ясап әйткәндә, «Өйләнәм.tat» комедиясендә көлкенең юмор төре өстенлек итә, чөнки ситуацияләрен абсурдлыгы тамашачы тарафыннан яшәшәбезгә, илебәзгә хас көндәлек типик күренеш буларак кабул ителә.

ЛИТЕРАТУРА

1. Закирзянов А. М. Авторские жанровые формы в современной татарской драматургии // Жанрово-стилевое развитие национальных литератур в XX–XXI вв.: материалы Международной научно-практической конференции (4 декабря 2020 г., г. Казань). – Вып. 2 / сост.: А. Ф. Ганиева, Ф. Х. Миннуллина, Л. Р. Надыршина. – Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, 2020. – С. 132–140.
2. Липовецки Ж. Ж. Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме. – СПб.: Изд-во «Владимир Даль», 2001. – 330 с.
3. Макарова В. Ф. Национальное своеобразие комического в татарской литературе XX века / В. Ф. Макарова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2014. – № 1 (31): в 2-х ч. Ч. II. – С. 123–125.
4. Рюмина М. Т. Смех как виртуальная реальность. – Изд. 2-е, испр. – М.: КомКнига, 2006. – 320 с.

УДК 82-2

М. ГЫЙЛӘЖЕВ ДРАМАТУРГИЯСЕДӘ «ЯҢА ДРАМА» ҮЗЕНЧӘЛЕКЛӘРЕНЕҢ ЧАГЫЛЫШЫ («Ялгыз йортның төшләре», «Мәхәббәт сүзлегә» пьесалары мисалында)

Ф. Х. Миннуллина

ТР ФА Г. Ибраһимов исемендәге Тел, әдәбият һәм сәнгать институты (Казан)

Изменения в жизни общества приводили к переосмыслению культурных и социальных ценностей, переменам в воссоздании художественной картины мира. Следует отметить значительное сходство общего состояния татарской драматургии со сценической литературой других народов. Так, в русском литературоведении при определении современного драматургического процесса, в частности, в выявлении жанровых особенностей существует ряд определений, например, «новая драма». Статья посвящена исследованию особенностей пьес татарского драматурга М. Гилязова «Сны опустевшего дома» и «Словарь любви» в контексте новых явлений в современной татарской драматургии, а также способам отражения действительности, поискам авторов новых изобразительно-выразительных средств и т.д.

Ключевые слова: новая драма, герой, пьеса, конфликт.

Changes in the life of society led to a rethinking of cultural and social values, changes in the reconstruction of the artistic picture of the world. It should be noted that there is a significant similarity in the general state of Tatar drama with the stage literature of other peoples. Thus, in Russian literary studies, when defining the modern dramatic process, in particular, in identifying genre features, there are a number of definitions, for example, «new drama». The article is devoted to the study of the features of the plays of the Tatar playwrights. Gilyazova's «Dreams of an Empty House» and «Dictionary of Love» in the context of new phenomena in modern Tatar drama, as well as ways of reflecting reality, the search for authors of new visual and expressive means, etc.

Key words: A new drama, a hero, a play, a conflict.

Мансур Гыйләжәв – XX–XXI гасырлар чиге татар драматургиясендә чорның милли-ижтимагый, рухи-әхлакый мәсьәләләрен укучы игътибарына житкерүдә үзенчә оригинальгә, новаторлыгы, традицион темаларны заманча яңгыратуы белән аерым урын алып торган авторларның берсе. Аның ижатында кеше рухы, асылы, татар халкының яшәү рәвеше, милли традицияләр югала бару хакында уйланулар үзгәргән куела. Драматург ялгызлыкка дучар ителгән, якыннары белән уртактан таба алмаган, яшәешкә үтпә кәргән миһербансызлыкларга каршы тора алмаудан гажиз калган шәхесләргә сәхнәгә чыгара, герой фажиғасен тудыручы сәбәпләргә социаль жирлек белән бәйләп аңлата. Татар драматургиясендә яңа юнәлешләр, заманча модерн-постмодерн алымнары алып кәргән әдип буларак, күпчелек эсәрләре татар сәхнә әдәбиятында яңа сүз, әдәби-эстетик табыш кебек кабул ителә.

«1980 еллар ахыры – 1990 еллар башында татар драматургиясендә килгән Г. Каюмов, М. Гыйләжәв, З. Хәким, Аманулла, Д. Салихов, Р. Сәгъди, Ф. Галиев, берәз сонрак аларга килеп кушылган Х. Ибраһим, Ш. Фәрхетдинов, Р. Зәйдулла кебек авторлар үз ижат йөзләре белән аерылып торган «яңа дулкын» тәшкил ителә» [1: 5]. Әлегә

төркемнең үзенчәлекле бер вәкиле булган М. Гыйләжев ижатында, традицияләр дәвамчанлыгы белән бергә, гадәттән тыш арттыру, абсурд күренешләр, «явызлык театры» элементлары, фантастика, мифологик образлар һ.б. киң кулланыла. М. Гыйләжевның XXI гасыр башы ижатында модернизм һәм постмодернизм юнәлешләренә хас алым-чаралар, аерым алганда, сурәтләнгән дөньяның хаос халәтендә булуы, абсурдлыгы, архетипларга, мифологемаларга, пародия алымына, «уен»га актив мөрәҗәгать итү күзәтелә. Үзенчәлекле язу стиле һәм пьесаларында модернистик алым-чараларга мөрәҗәгать итүе, чынбарлыкны сурәтләүнең яңа новаторлык ысулын куллану белән драматург татар драматургиясенә яңа бер этабын ачып жиберде. Драматургның пьесаларында рус драматургиясендә соңгы елларда урын алган «яңа драма» элементлары чагылыш таба. Мондый эсәрләрдә чынбарлыкның натураль картиналары бөтен тулылыгы белән чагылыш таба. «Яңа драма» персонажлары булып, гадәттә ялгызлыкта, яшәү белән үлем арасында газәпләнгән яшәүче, тормышның кискен ситуацияләренә эләккән кешеләр, жинәтьчеләр, йортсызлар, террористлар, киллерлар киләләр. Чынбарлыкны бөтен дәрәҗәгә белән сурәтләү максатыннан, геройларның сөйләмнәре еш кына жаргон сүзләр белән чуарлануы мөмкин. Авторның «Ялгыз йортның төшләре», «Мәхәббәт сүзлегә», «Төзүче, тимерче һәм бакчачы» кебек драмалары аның сәнгати эзләнүләрен ачык күрсәтә. Пьесаларда жәмгыятьтәге үзгәрешләрнең котылгысызлыгы, күнегелгәнчә яшәү мөмкин түгеллегә ачыла.

«Ялгыз йортның төшләре» драматик повестенда вакыйгалар Сафиулла картның яқыннары белән булган мөнәсәбәтән колачлы, хәтергә төшерүләр белән үрелә. Бу тарихта кайчандыр көчле яңгырнан соң авылның күп кенә кешеләрен үзгәрткән сындырган жылы, яқты йортның вакытлар узу белән караңгы, салкын бинага әйләнүе, төгәлрәк әйткәндә, кешеләр арасындагы катлаулы мөнәсәбәтләр, иң куркынычы – аталар һәм балалар арасында тирән упкын, аңлашылмаучанлык, мәрхәмәтсезлек калкулана. Йорт хужалары, Сафиулла улларының эчкечегә әйләнә баруына игътибар итмичә, бары үз мәшәкәтләре белән ялгызлыкта яши. Заманында ярдәмчел, юмарт күңелле карт, нигезен ташлап, шәһәр читенә килеп урнаша, кеше үтерүдә гаепләнә, төрмәдә утырып чыга, төрлө хатыннардан туган улларына тиешле тәрбия бирә алмый. Илгиз тупас, каты йөрәкле булып үсә, атасын гына түгел, бертуганнарын да хөрмәт итми. Олы улы Азат та әтисе кебек жинәть кыла, жиде елга хөкөм ителә, дуслары Ленар белән Нурик кеше талап көн күрәләр, төрмәдән чыккан, дәрәҗә юлга басарга теләүче, гаилә корып жибергән егетне да яңа жинәть юлына кертергә ниятлиләр. Бер гаилә вәкилләре тормышында барган хәл-вакыйгаларны сурәтләү барышында әдип жинәтьчеләргә хас сөйләм үзенчәлекләрен, үз-үзләрен тотышларын чынбарлыкка чиктән тыш яқынайта. Әйттик, Ленарның: «Врёшь собака, бәлки сиңең өчен ул юкка чыккандыр, ә минем өчен ул тагы өчел хезмәт итәргә тиеш! Өч ел мин аның атасы да, анасы да, хатыны да, Алласы да! Аңладыңмы, червяк могильный?» [2: 149] – дип әйтүе шуның бер мисалы. Нурикларның, Азат торган йортка килеп, энесен жәзалауларын, янауларын, Сафиулланың Ленарга хәнжәр белән кадавын, Илгизәрнең Азат хатынын мәсхәрәләргә теләвен һ.б. да натуралистик тасвир дип бәяләргә мөмкин. Нәтиҗәдә йорт образына салынган тирән мәгънә жинәтьчел дөнья дәрәҗәсенә житә. Шулар рәвешле эсәр гаилә тормышы, хужа, аның матди хәле, жәмгыятьтәге урыны, шәхси сыйфатлары, холык-фигыле хакында мәгълүмат бирүдән башлап, ул йорт – нигез, йорт – нәсел, йорт – милләт мотивлары белән баегыла. Кешенең яшәү рәвеше, рухи дөньясының сайлыгы, башка кешеләргә карата булган мөнәсәбәт милләтнең яшәү рәвеше, бүгенгесе һәм киләчәге призмасы аша үткәрелә.

«Мәхәббәт сүзлегә» пьесасында да М. Гыйләжев жәмгыять өчен типик характерларны, вакыйгаларны сурәтли. Шулар ук вакытта драматург персонажларның индивидуаль, кабатланмас яқларын да читләтеп узмый. Мәсәлән, пьесаның баш герое Тәлгатьнең үзенчәлекле сыйфатларыннан аның тышкы кыяфәтен һәм фән өлкәсендә сәләтле булуын атарга мөмкин. Биредә белемле, тәрбияле егет, тормышка жиңел карашлы Фердинанд, төскә-биткә чибәр, акыллы Зөбәржәт кебек студентлар, «яңа байлар» дип йөртелгән социаль катлам вәкилләре – Зөбәржәтнең эти-әннисе, төрмәдә утыручы жинәтьчеләр каршылыгы, ахыр чиктә, матди һәм рухи ихтыяҗлар, башлангычлар каршылыгына өверелә. Биредә мәхәббәт «өчпочмагы» заманча: ярлы, биткә ямьсез, әмма киң күңелле,

фән өлкәсендә сәләтле Тэлгать исемле студент егет белән бай кыз Зөбәржәт бер-берсенә гашыйк була; ләкин эти-әнисе кызны Америкада яшәүче карт байга кияүгә биру максаты белән йөри. Алар, ниятләренә ирешү өчен, Тэлгатьне төрмәгә яптыруга барып житәләр. Мәхәббәтеннән көчләп аерылган Зөбәржәт тәрәзәдән сикерә. Шулай итеп, заманның кырыс чынбарлыгын фаҗигәгә юлыккан бер гайлә мисалында ача. Социаль тормышны сурәтләү өчен, кешеләр арасындагы мөнәсәбәтләренә укучыга житкерү максатыннан, әсәрдә драматург натуралистик картиналарга мөрәҗҗәгать итә. Мәсәлән, тулай торакта ирекле мәхәббәт мөнәсәбәтләренә киң таралышта булуы шуның бер мисалы. Әлеге күренешне автор студент егет Фердинандның яшәү рәвеше аша тасвирлый. Төрмә колоритын күрсәтү өчен, драматург тоткыннарның сөйләмәненә хас жаргон сүзләренә дә киң куллана. «Айдар. Вставай, нечего дрыхнуть. Знакомиться будем. У тебя рожа пятнистая, поэтому мы тебя Пятнистым будем называть... Послушай, ты, морда козлияная, ты как себя ведешь?... Здесь вон кто авторитет – Савелий!...» [1: 194].

Йомгак итеп, шуны әйтергә мөмкин, жәмгыятьтәге житешсезлекләренә типик ситуацияләр аша күрсәтеп, драматург хәзерге заман кешесенә әхлакый йөзен ачып бирә, тормыш шартлары шәхеснең дөньяга карашын, әхлагын, хольк-фигылен үзгәртә дигән фикерне уздыра. Тәнкыйди катлам милли этәлекле мәсьәләләргә – рухи бәйләнешләр өзелү, традиция-гадәтләренә югала баруы, әхлакый кыйммәтләренә үзгәрүе, туган нигез кадеренә кимүе кебек проблемаларга игътибарны юнәлтә, «югалган буын» фаҗигәсен ача. М. Гыйләжәв драмаларында сызлану, «гаҗизлек» мотивы өстенлек итсә дә, соңгы елларда дөнья күргән әсәрләрендә әлеге хәлдән чыгу юлларын эзләү, гомумилеккә, фәлсәфилеккә омтылыш көчәя баруы күренә. Драматургны кеше тормышы, аның яшәеше, кешелек асылын сакларга ярдәм иткән сыйфатлар кызыксындыра, татарның яшәү рәвеше, мәгънәсе, милли рухның югала баруы борчый.

ӘДӘБИЯТ

1. Гилязов М. Сны опустевшего дома // Мансур Гилязов. Словарь любви: пьесы. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2005. – 399 с.
2. Закирҗанов Ә. Рухи таяныч: әдәби тәнкыйт мәкаләләре. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2011. – 158 б.
3. Закирҗанов А. М. Нравственные ценности ислама в татарской литературе (на примере современной драматургии) // Роль ислама в стабилизации социальных процессов. – Набережные Челны, 2019. – С. 39–43.

УДК 398

ЭКСПЕДИЦИЯ МАТЕРИАЛЛАРЫН ФӘННИ ӨЙРӘНҮ ТӘҖРИБӘСЕННӘН (Пермь татарларынан язып алынган әкият текстлары мисалында)

Л. Х. Мөхәммәтҗанова

ТР ФА Г. Ибраһимов исемдәге Тел, әдәбият һәм сәнгать институты (Казан)

В статье автор исследует материалы по сказочному эпосу, собранные в разные годы во время экспедиций в татарских селах Пермского края. Материалом исследования выступают тексты, хранящиеся в фондах Центра письменного и музыкального наследия ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ. В Пермском крае татары имеют тысячелетнюю историю компактного проживания. В процессе фольклорных экспедиций в данном регионе учеными были записаны многие образцы сказок. Ценность записанных из уст татароязычных информантов эпических памятников с каждым годом растет, они требуют к себе тщательного внимания.

Ключевые слова: Пермь, татары, сказка, вариант, сюжет.

In the article, the author examines materials on the fabulous epic, collected in different years during expeditions in the Tatar villages of the Perm Territory. The material of the research is the texts stored in the funds of the Center for Written and Musical Heritage of the I. G. Ibragimov Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. In the Perm Territory, the Tatars have a thousand-year history of compact living. In the course of folklore expeditions in this region, scientists have recorded many samples of fairy tales. The value of the epic monuments written

down from the lips of the Tatar-speaking informants is growing every year, they require careful attention.

Key words: Perm, Tatars, fairy tale, variant, plot.

Пермь крае Төньяк һәм Урта Уралның көнбатыш өлешләрен, шулай ук Урал алды территорияләрен биләп урнашкан, Идел буе федераль округына керә. Оешуы Пермь өлкәсе һәм Коми-Пермяк автоном округының берләшүенә бәйле 2005 елга карый. 2010 елгы статистик мәгълүматлар буенча биредә 157726 татар яши. Бүгенге көндә татарлар иң күп тупланып гомер итә торган торак пунктлар дип Березники, Гремячинск, Губаха, Кизел, Пермь, Чайковский шәһәрләре, шулай ук Барда, Берёзовск, Куедин, Суксу, Уй, Чайковский, Чернушинский һәм Чус районнары санала.

Пермь крае – татарларның тарихи ватаны. Тарихчылар нигезләвенчә, биредә татарларның үзенчәлекле этник төркеме элек-электән шушында нигез корып яшәгән. Ө XVII гасырдан бирегә Идел буеннан күченеп килгән татарлар исәбенә аларның саны тагын да арткан.

Тарихи ватаннарында пермь татарлары дип аталган этник төркем берничә гасыр дәвамында формалашкан. Тор, Ирән, Сөлил, Сеп, Шауба, Бөрмә, Тол елгалары буендагы жирләрдә төпләнгән татарларның теле, авыз ижаты, этнографиясе бик үзенчәлекле. Монда яшәгән халыкны гайнә татарлары һәм күңгер татарлары дигән ике төркемгә бүлеп карау мәгълүм. Бүленешнең сәбәпләре тарихи вакыйгаларга, казан ханлыгы алынып, ханлык карамагындагы жирләр рус дәүләте составына кертелгән чакта административ үзгәртүләргә төрле булуына бәйләп аңлатыла. Казан ханлыгы җимерелгәч, Көнбатыш Урал рус дәүләте кул астында кала һәм Пермь татарлары яши торган Түбән Агыйдел-Оса жирләре Казан Приказына кертелә, ә территориянең калган өлеше Себер Приказына (башта Чәрдән өязенә, аннан соң Күңгер өязенә) карый башлый [5].

Халыкның төп шөгиле аучылык, балыкчылык, умартачылык булган, иген иккәннәр. Казан алынган, чукундырудан качып, жир эзләп, бирегә Идел буеннан да халык килеп урнаша, Пермь татарлары составы яңара. Тел, дин, кәсеп берлеге, утрак тормыш Урта Идел һәм Урал алды татарлары арасындагы этник бәйләнешләрне көчәйтә. Татар хужалыклары биредә гомер-гомергә руслар белән алыш-бирештә катнашканнар, сәүдә иткәннәр. Татарлар бал, балавыз, балык, кыйммәтле жәнлек тиреләре сатып көн итә торган булганнар.

Пермь татарларының тормыш-көн күреше дә, гореф-гадәтләре, йолалары да, рухи мәдәнияте һәм сөйләш үзенчәлекләре дә Казан татарларына бик якин. Шулай ук вакытта күрше халыклардан коми-пермяк, ханты-манси, башкортлар белән тыгыз аралашып яшәү бу төбәктә яшәүче милләттәшләребезне татарларның Идел буенда яшәүче төп массасыннан аермалы, үзенчәлекле итә.

Пермь татарлары фольклоры – белгечләрдә зур фәнни кызыксыну уята торган өлкә. Бу якларда яшәүче татарлардан халык ижаты үрнәкләре шактый күп җыелган. Әлеге үрнәкләрнең күбесе «Татар халык ижаты» җыентыгының академик томнарына кертелгән. Әйтик, «Дастаннар» (1984), «Әкиятләр» (1977, 1978, 1981) томнарында бу якта яшәүче милләттәшләребез авызыннан язып алынган эпик истәлекләр шактый. Татарстан Фәннәр академиясе Г. Ибраһимов исемендәге Тел, әдәбият һәм сәнгать институтының Язма һәм музыкаль мирас үзәге фондларында фәнни әйләнешкә кертелеп тә, әле дөнья күрергә өлгәргән материаллар да җитәрлек.

Әлеге мәкаләдә автор төрле елларда Пермь крае татар авылларында экспедиция вакытында тулланып, Татарстан Фәннәр академиясе Г. Ибраһимов исемендәге ТӘҺСИ-нең Язма һәм музыкаль мирас үзәгендә саклана торган әкияти эпос материалларына мөрәҗәгать итә. Фольклор экспедицияләрендә Пермь краенда борынгы заманнарда бирле төпләнеп яшәүче татарлардан бик күп әкият язып алынган. Бу әкиятләрнең кыйммәте елдан ел үсә, аларга фәнни күзәтү ясап, башка вариантлары янәшәсендә тикшерү гаять мөһим.

Казан фәнни үзгәлләре, аерым алганда, Татарстан Фәннәр академиясе Г. Ибраһимов исемендәге Тел, әдәбият һәм сәнгать институты галимнәре тарафыннан бу төбәк фольклоры шактый еллар дәвамында өйрәнелгән. Институтның Язма һәм музыкаль мирас үзәге фондларында XX йөзненң уртасыннан алып бүгенге көнгә кадәр уздырыла кил-

гән фәнни экспедицияләрдә пермь татарларынан язып алынган авыз ижаты үрнәкләре язмалары һәм күчәрмәләре саклана. Төрле еллардагы фәнни экспедицияләр вакытында милләтгәшләрәбезнең пермь татарлары дип аталган этник төркемнән язып алынган эпик истәлекләрдән бу төбәк кешеләреннән язып алынган әкияти эпос бик кызыклы һәм бай.

Әйттик, Салам-Торхан турындагы әкиятләргә тукталсак, Язма һәм музыкаль мирас үзегенә фольклор фондында «Салам-Торхан әкиятен»нең 1952 елда Пермь өлкәсенә Югары Мул районы Куян авылында Х. Муратовадан З. Зәйнәтдинов язып алган [1] бер варианты саклана. Бу сюжетның иң әүвәл В. Радлов себер татарларынан язып алган «Саламия батыша» [6: 289–292] әкиятендәге сюжет белән аваздашлыгын искәртү мөһим. Радлов вариантында әкиятнең башлам-бетем өлешләрендә үзенчәлек шактый, әмма охшашлыкны да инкарь итеп булмый. Башка халыклар әкиятләрендәге сюжетлар белән охшашлык ягыннан исә «Салам-Торхан»ның («Лиса-сваха») «Рәхмәтле төлке» («Благодарная лиса», төрек), «Салахбай белән төлке» («Салахбай и лиса», казах, башкорт), «Лисица и мельник» (памир халыклары), һ.б. әкиятләр белән уртаклыгы зур.

Салам-Торхан исемле ярлыдан ярлы бер бәндәне бай кызына өйләндереп, йорты-жирле иткән акыллы һәм хәйләкәр төлке мажараларына багышланган әлегә әкиятнең татар фольклорчылары тарафыннан иң беренче теркәлүе 1936 елда булган. Шушы елдан башлап, аны галим Г. Толымбай, атаклы фольклорчы Х. Ярми, язучылар Ш. Маннур, Г. Бәширов ул вакыттагы Бондюг (хәзерге Менделеев) районының төрле авылларында татар телле информантлардан язып алганнар. Бу әкият татарларда иң әүвәл Татарстан территориясендә (Бондюг районы Псәй авылында (1936), шул ук районның Камай, Турай авылларында (1940), Столбище (хәзерге Лаеш) районының Хәерби авылында (1959), Пермь өлкәсе Берёзовка районы Чокыр (Копчиково) авылында (2001) теркәлгән. Шулай ук Новосибирск өлкәсенә Уба районы Яңа Кучум авылында (1967), Омск өлкәсенә Тара районы Шыклар авылында (1969) себер татарларынан язып алынган вариантлар да әһәмиятле. Кайбер детальләр, әкиятченең тел үзенчәлекләре, текстның тулылыгы-кимлегә мäsьәләсендә кайбер аермалар күзгә чалына, әмма Салам-Торханның төлке аркасында көнгә чыгу вакыйгасын тасвир иткән, төрле төбәктә язып алынган бу әкиятләрнең сюжеты бер үк дип санарга нигез бар. Пермь краенда 1952 елда язып алынган «Салам-Торхан» исә композициясе, сюжет элементлары белән Татарстан авылларында язып алынган вариантларга якын тора.

Казах халык әкиятләре арасында «Три девушки и прозорливая старуха» сюжетына аваздаш «Мустан башлык» әкиятенә ике варианты 1952 елда шулай ук Пермь краенда язып алынган. Әкиятләрнең Югары Мул районы Коян авылында Р. Кузьявтан З. Зәйнәтдинов тарафыннан язып алынган «Убырлы карчык һәм кызлар» исеме белән теркәлгән [1], ә «Өч кыз» дигән исем белән теркәлгән тагын бер текст М. Жәләлиева материаллары дигән папкада саклана [2]. Бу – үз тукумасында мифологик күзаллау элементларын һәм әкияттәге традицион мотивларны (кайрак ташлый – тау-ташка әйләнә, тарак ташый – сычкан үтмәс урман була, көзгә ташый – төпсез дәрья барлыкка килә) саклаган борынгы әкиятләрнең берсе. Татар фольклористикасы тарихында бу әкиятнең моннан тыш вариантлары төрле информантлардан 1969 елда Омск өлкәсендә (бу вариант академик томга кертелгән [4: 228–231]), 1971 елда Иркутск өлкәсендә, 1977 елда Калмык республикасында («Мус кортка») язып алынган. Һәр текстның үз үзенчәлегә, шуңа да һәркайсы аерым вариантны тәшкит итә. Әкиятнең Пермь краенда язып алынган «Убырлы карчык һәм кызлар» исеме белән саклана торган күчәрмәсенә башлам өлеше башка төрдәшләреннән нык аерыла. Әкиятнең *«Борын-борын заманда, үрдәк үрәт-ник, саескан сотник, песнәк писер булган заманда бар иде ди бер кеше, чыгып китте ди, күлгә җитте ди, күрдә ди ике сукмак, ике сукмакның икесендә дә ике куак, куакта утырып торадыр иде ди бер чүрәки, бер үрдәк. Үрдәккә атты, үрдәк очты китте, чүрәкигә тиде, бер пот мае чыкты»* дип башланып киткән, әкиятнең очтәлегә белән турыдан-туры бәйләнмәгән өлеше башка әкиятләрдә очрамый. Әкиятнең шушы рәвешле башлануы әкиятченең оста һәм жор телле булуы белән бәйле. Әкиятче, тыңлаучыны жанландырып жибәрү максаты белән, төп сюжетка жиккәнче, үзенең сүзен такмазачуалтмыштан гыйбарәт керештән (присказка) башлай, бу өлеш кайвакыт шактый күләмле дә булып китә. «Әүвәл заманда, кәжә команда, сарык солдат чакта, булган икән

ди...» кебек башланып китә торган кечерәк күләмле башламнарны татар әкиятләреннән «Унике егет», «Ярлы егет белән патша кызы» кебек әкиятләрдә очратырга була, ә менә «Мустан башлык»ның пермь татарларынан язып алынганындагы кебек чагыштырмача озын башлам татар әкиятләрендә гомумән сирәк очрый торган күренеш. Моңа охшаш күләмле башламны татар әкиятләреннән «Алтын кош» текстында гына очратабыз.

Сюжет охшашлыгы белән фарсы, Дагстан халыкларында очрый торган, «Корова с белой меткой на лбу», «Красная корова» әкиятләре белән бер типологик рәттәге «Үги кыз белән патша малае» әкиятә 1952 елда Пермь өлкәсенә Суксун районы Таулы авылында Р. Габделхәевтән З. Зәйнәтдинов тарафыннан язып алынган. Текстның күчәрмәсе Язма һәм музыкаль мирас үзәгендә саклана [1]. Әкиятнең башка татар вариантлары татар вакытлы матбугатында («Ак юл», 1913) әдәбиләшкән-язма формада, шулай ук Татарстан-ның Лениногорск районында информант авызыннан язып алынган формада очрый.

«Алтынбай» – «Мустан башлык», «Үги кыз белән патша малае» әкиятләре кебек үк тылсымлы әкиятләр төркеменә керә торган мәгълүм әкиятләрдән. Пермь өлкәсенә Барда районы Кармак авылында Н. Нурбаков исемле информанттан язып алынган варианты «Көтүче» исеме белән билгеле, текст Язма һәм музыкаль мирас үзәгендә саклана [1]. Моннан тыш Омск, Тобольск, Оренбург өлкәләрендә, Татарстанда табылган вариантлары мәгълүм. Үлеп терелү, терек суы (зәмзәм суы) һ.б. мажаралы элементларга бай бу әкиятнең Кармак авылында язып алынган варианты сюжеты, образлар системасы белән дөнья күргән вариантка бик яқын, әмма биредә мәкерле Хәтфә белән исемнәре алышынган Алтынбайның бай көтүен көтү мотивы бар, шуңа да әкият «Көтүче» исеме белән теркәлгән.

Көнкүреш әкиятләре төркеменә карый торган әкиятләрдән Пермь крае информантларынан үз вакытында «Фикерле кыз», «Белүче карга», «Тай» әкиятләре теркәлгән. «Фикерле кыз» исеме белән мәгълүм әкият «Ыспай кыз Хәдичә һәм усал хатын турында» дигән исем белән Пермь өлкәсе Барда районы Сараш авылында Мостафа Ишбулатовтан, «Белүче карга» Октябрь районы Сәип Әхмәдиевтән, «Тай» – Октябрь районы Ишим авылында Мирзаяф Шәриповтан язып алынган. Күчәрмәләр Үзәктә яхшы хәлдә саклана [3]. Пермь татарларынан язып алынган текстлар да, бу сюжетка башка вариантлар кебек үк, зирәклек, гаделлек, тискәре сыйфатлардан (мәсәлән, аңгыралыктан) көлү темаларына карый. Көнкүреш әкиятләренең таралыш ареалы бик зур. Югарыда саналган әкиятләргә охшаш, хәтта тәңгәл килә торган әкиятләргә үзбәк, казакъ, уйгыр, төрекмән, кыргыз халыклары репертуарында очратырга мөмкин. Шуннысы игътибарга лаек: телгә алынган үрнәкләрнең татар телендәге башка вариантлары күпчелек очракта Татарстан территориясендә теркәлгән, язып алыну вакыты 1940–1970 еллар арасы. Гыйбрәтле, табышмаклы, мажаралы-көлдәргеч көнкүреш ситуацияләрен чагылдырган бу әкиятләр барысы да сатирик әкиятләр төркемчәсенә керә.

Пермь краенда язып алынган көнкүреш әкиятләре дә, тылсымлы әкиятләр кебек үк, татар мәдәниятенә күркәм сәхифәләреннән берсе. Алар – халкыбызның бетмәс-төкәнмәс ижат байлыгын чагылдыра торган кыйммәтле рухи мирасыбыз.

Пермь краена төрле елларда үткәрелгән экспедицияләр барышында милләттәшләребездән галимнәр язып алган текстлар татарларның таралыш ареалын билгеләүдә, аның тарихи үткән юлын барлауда катнаша, милләтнең үзбилгеләнүен тәэмин итүдә дә әлеге материалларны башка төрдәшләре белән чагыштырып өйрәнүнең әһәмияте зур.

ӘДӘБИЯТ ҺӘМ ЧЫГАНАКЛАР

1. Г. Ибраһимов исемендәге Тел, әдәбият һәм сәнгать институты Язма һәм музыкаль мирас үзәге. 1952. ФФ, колл. 45, п. 1, сак. бер. 2.

2. Г. Ибраһимов исемендәге Тел, әдәбият һәм сәнгать институты Язма һәм музыкаль мирас үзәге. 1952. ФФ, колл. 46, п. 1, сак. бер. 16.

3. Г. Ибраһимов исемендәге Тел, әдәбият һәм сәнгать институтының Язма һәм музыкаль мирас үзәге. ФФ, 1946. Колл. 35, п. 1, сак. бер. 1; ФФ, 1976. Колл. 35, п. 2, сак. бер. 1; ФФ, 1976. Колл. 35, п. 3, сак. бер. 1.

4. Мустан батыр // Татар халык ижаты. Әкиятләр (икенче китап). – Казан: Татар. кит. нәшр., 1978. – Б. 228 – 231.

5. Пермь татарлары. URL: https://tt.wikipedia.org/wiki/Пирем_татарлары. Мөрәжәгать итү датасы: 27.10.2021.

6. Саламия батыша // Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи, собраны В. В. Радловым. Ч. IV. – СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1872. – С. 289–292.

**1920 ЕЛЛАР ТАТАР ПОЭМАСЫ ҮСЕШЕНДӨ ТӨП ҮЗГӘРЕШЛӘР
(Ф. Борнаш һәм Н. Такташ әсәрләре мисалында)**

Л. Р. Надыршина

ТР ФА Г. Ибраһимов исемендәге Тел, әдәбият һәм сәнгать институты (Казан)

Статья посвящена изучению основных тенденций развития жанра поэмы в татарской литературе 1920-х гг. Автор акцентирует внимание на ключевых качественных изменениях, обусловленных сменой социокультурных ориентиров. На примере произведений Ф. Борнаша и Н. Такташа выделяются особенности, характерные для формирующегося инварианта татарской поэмы: смена мотивной системы, противопоставление старого и нового миров, обращение к революционной символической, преобладание разговорно-декламационного стихосложения и др.

Ключевые слова: жанр, поэма, татарская литература, социализм, Фатхи Борнаш, Хади Такташ.

The article is devoted to the study of the main trends in the development of the poem genre in the Tatar literature of the 1920s. The author focuses on the key qualitative changes caused by the change of socio-cultural orientations. On the example of the works of F. Burnash and N. Taktash highlights the features characteristic of the emerging invariant of the Tatar poem. These are the change of the motivational system, the opposition of the old and new worlds, the appeal to revolutionary symbolism, the predominance of colloquial and declamatory versification, etc.

Key words: genre, poem, Tatar literature, social realism, Fathi Burnash, Hadi Taktash.

1917 елгы вакыйгалар нәтижәсендә «пролетар әдәбиятның «сафлыгы» һәм анда әүвәлге традицияләрнең сакланышы, революцион идеал белән реаль чынбарлыкның үзара мөнәсәбәте турындагы бәхәсләр» [7: 20], «совет властенң түгә көннәреннән үк сүз сәнгатенә сәяси басымга дучар булуы» [3: 7], «әдәбиятны идеологиянең бер тармагы итеп карау» [2: 6] милли сүз сәнгатенә гомуми үсеш юлын тамырдан үзгәртә. Инкыйлабка кадәр мөдәриятнең «буржуаз» билгеләмәсе белән тамгалануы, әдәбиятның сый-нфыйлык һәм партиялелек принципларына нигезләнүе [4: 146], киләчәккә ышаныч, якты киләчәк өчен көрәш, шул юлда корбанчылык идеяләре белән сугарылган булуы [9: 44] нәтижәсендә XX йөз башы татар әдәбиятында поэма жанрының формалашу һәм үсеш процессында әйдәп баручылардан булган Ф. Ибраһимов, Б. Мирзанов, Г. Сәнгати кебек шагыйрьләрнең модернистик юнәлештә ижат ителгән әсәрләре онытылуга дучар ителә, Ф. Борнаш, Н. Исәнбәт, М. Гафури һ.б. әдипләр исә ижат мәсләген үзгәртәргә мәжбүр була. Әйтик, XX йөз башында романтик һәм модернистик поэмалар ижат иткән Ф. Борнаш инкыйлабтан соң, шагыйрьнең үз сүзләре белән әйткәндә, «революциячел романтизмга» йөз белән борыла, 1919 елда гына да яңа ижат принциплары урнашу мәйданына әйләнгән дистәгә якын поэма ижат итеп бастыра. Әйтик, төп геройның мөхәббәт газыбы турындагы күңел монологы шәкелендә ижат ителгән «Гөлчәчәк» поэмасында традицион образлар һәм детальләр, сурәтләнү чаралары белән баепланган романтик ижат тибы өстенлек итә. Гомумән, әсәрнең сәнгатьчә эшләнеше әдипнең инкыйлаб алды елларында язган лиро-эпик әсәрләреннән аерылмый диярлек. Мисал өчен, Гөлчәчәкнең портреты татар әдәбияты үсешендә иң төп урыннарның берсен алып торган шәркый традицияләр йогынтысында тасвирлана: *Йөзе – ай үзе! / Буе – сыгылып торган тал чыбыгы! / Ут ялкыны – әйткән һәр сүзе! / Күрсә идең син аның кара күзен...* [1: 168]. Егет белән кызының мөхәббәт тарихы, хис-кичерешләр тирәнлеге, сагыну газәпләре – болар барысы да татар милли әдәбиятының нигез ташларын билгеләгән традицион сурәтләнү алымнары ярдәмдә гажәеп лиризм белән ачып бирелә. Инкыйлаб алып килгән ижади таләпләргә буйсыну бары бер эпизодта – егетнең сөйгәнненнән еракта хезмәт куярга мәжбүр булуын социаль тигезсезлек мәсьәләсе белән бәйләп куюда гына чагылыш таба: *Эшмени ул ... / Үз иркеңнән комсыз байгурага / Кол булырга үзең, чибәрең... / Дөнъясында бары да кирәк ич ул... / Йорт-жир кирәк, / Кирәк мал-туар... / Боларның соң миндә кайсы бар?! [1: 70].*

Шагыйрьнең шул ук елда ижат ителгән башка поэмаларында – «Ак каен», «Чәчәк-тән һәйкәл», «Сахра каны» «Таң алдында» әсәрләрендә – яңа чор әдәбиятына хас идеал

күчеше урын ала: «кеше шәхесе ижтимагый идеалга буйсындырыла, һәм әлеге идеал алгы планга чыгарылып, чынбарлык буларак тәкъдим ителә» [5: 84], шулай итеп, әдипнең инкыйлабка кадәр ижат ителгән «Айсылу», «Казакъ кызы» кебек поэмаларында алга чыккан милли идеал ижтимагый идел белән алышына. Ф. Борнашның лирик герое илне дошманнан азат итү омтылышы белән яна, шәхси мәнфәгатьләрен оныгытып, халык бәхете өчен аяусыз көрәшкә ташланырга әзер тора, бу нисбәттән аның эсәрләрендә гыйсьянчылык мотивлары да янгырап китә: *Нәләт җәлладларга! / Дошманнарга! / Улем комсызларга! / Байларга!* [1: 198]. «Әжәл» поэмасында исә геройның хисләре, гомумиләшеп, кешелекнең хокукларын кысқан һәр күренешкә нәфрәт белдерү рәвешен ала: *Алла һәм хансыз гына – / Мин үземә буйсынам!* [1: 213–214].

Шагыйрь поэмаларында милли күзаллау белән бәйле образлылык инкыйлаб тудырган яңа чынбарлык нигезләгән әдәби детальләр белән тыгыз үрелеп китә: байрак, йолдыз кебек идеологик этчәлекле символлар янәшәсендә ак каен, гөлчәчәк кебек милли этчәлекле образлар киң урын ала. Гомумән, Ф. Борнашның 1919 елда ижат ителгән бу поэмалары, XX йөз башы әдәби традицияләреннән баш тартмыйча, яңа чор таләп иткән шартларга жавап бирердәй эсәрләр ижат итү омтылышы буларак та кабул ителә. Сәнгати эшләнеш ягыннан шагыйрьнең инкыйлабка кадәр язылган лиро-эпик эсәрләре белән аваздаш булып, этчәлек ягыннан аларда идеологик кысаларга борылыш күзәтелә, эсәрнең нигезен хасил иткән романтик катламга ялганып киткән публицистик өстәлмәләр чор рухында янгырый. Алдагы дистә ел эчендә инде шагыйрьнең лиро-эпик ижаты татар әдәбиятының шушы аралыктагы үсеш юлын кабатлый: романтик этчәлекле поэмалардан лирик-публицистик эсәрләргә күчеш юлын үтә. Мәсәлән, 1930 елда язган «Ленин – партия» поэмасын инде Ф. Борнаш тулысы белән идеологик кысаларда ижат итә.

Инкыйлабка кадәр яңача янгырашлы, катлаулы символик этчәлекле эсәрләр авторы буларак танылган, әле 1921 елда «Жир уллары трагедиясе»н ижат иткән Н. Такташ та ике елдан инде үзенең ижат принциплары тамырдан үзгәрүен хәбәр итә һәм эсәрләрендә «символизмның кайбер күлгәләре генә калды... минем жырлардан, андагы образлардан символизм канваллары эзләмгез» дип белдерә [8: 234]. Шуннан соң бер-бер артлы язган эсәрләр (алар арасында поэма жанрына караганнары да бар), этчәлек ягыннан, асылда, идеологик кысалардан читкә тайпылмаса да, символик фикерләү жәһәтеннән шагыйрьнең башлангыч чор эсәрләреннән кайтыш түгел. Мәсәлән, 1924 елда ижат иткән «Сыркыды авылы» поэмасында Н. Такташ, яшәешнең катлаулы-каршылыклы сурәтен төрле катлау вәкилләре (Ленинны үзенең дустаны дип санаган каравылчы Шәхми, яна ижтимагый буын вәкилләре булган политрук Мәхмүт, комсомол Гаптери, яна яшәештә урын таба алмаган Мифтах мулла һ.б.) мисалында тергезеп, яңа чор әдәбиятында төп сәнгати оппозиция буларак урнашкан иске һәм яңа тормыш каршылыгын жентекле итеп сурәтләп бирә һәм яңа яшәешнең камиллеге турында идеологик-патетик рухтагы фикерләрен житкерә: *Комсомоллар – яшь ленинчылар алар, / Комсомоллар – искелеккә / Бомбалар! ... / Комсомол Гаптери / Доклад укый, / Ул докладында / Муллаларны борынлар! / Жирләр, налогларны алып, / Сәүдәгәрләргә кирәкләрен бирер дә, / Ленин сүзенә тукталып, / «Ярлыларга кооператив төзәргә киңәш итәр»* [8: 151]. Адашу һәм борчылу, билгесезлек мотивлары белән бәйләнештә килгән символик этчәлекле төн, кыш, буран кебек образлар ярдәмендә тасвирланган яшәеш искедән яңага күчешнең авырлыгына, ижтимагый-сәяси тетрәнүләрнең жәмгыять тормышында чагылышына ишарә итеп, лирик геройның килчәккә якты исә өметләре, какшамас ышанычы таң, көн, яз, кояш кебек шартлы образлар аша тәгъбир ителә: *Төн үтәр, / Иртә булыр...; Кыш. / Кышын карлар дуласа, / Яз көне иген уңа; Без барабыз соңгы һәм / Канлы көрәшләр аркылы / Мәңге кояшлы кызыл таңга табан...* [8: 150–154]. Яңа яшәеш өчен идеологик көрәшнең бөтен катлаулылыгын ачкан символ буларак жил образы эсәрне индәп уза: *Жил бүген эшли: / Йорт башындагы саламны селкетә... / Жил хәбәр сөйлә, / Жил котырган, / Жил тилергән, / Жил дулый. / Ач бүре юлдан адашкан. / Ач бүре шыңшы: / У-у-у-у... / Еракта... / Төн. / Үзе кыш. / Төн – / Давыллы, / Кар туза... / Төн тилергән, / Төн котырган, / Төн узар* [8: 149–140].

«Сыркыды авылы»нда ижтимагый идеал буларак тәкъдим ителгән Ленин образы «Гасырлар һәм минутлар» (1924) поэмасында яңа социалистик яшәеш фрагментларын бер үзәккә туплаучы образ буларак чыгыш ясыя – эсәрдә алышынып торган урын-вакыт элементлары, ахыр чиктә, Ленин вафатына мөнәсәбәтле кинәттән тукталып кала. Вакыт

символы исә поэма дәвамында төрле мәгънәви төсмерләр белән баетыла: баштарак ул, фәлсәфи эчтәлектә бирелеп, капма-каршы төшенчәләр берлеге – мәңгелек һәм мизгел кушылмасы буларак кабул ителә (*Төн карасын яндырып, таңнар туа; / Таңны – көн, / Көнне / Гасыр, еллар куа. / Бер минут – үлдә, / Шулай ук туктамый, / Картаеп, эштән чыгып, көннәр үлә* [8: 122–123]), шулай ук «канлы майданга төбәлгән» хәзерге белән «зур факелларга ягылган көчле факеллар уйнатып», заводлар, урамнар яңгырап торачак киләчәк каршылыгы да сәнгатьчә гәүдәләнеш таба. Шул рәвешле, поэмада вакыт кисемнәренә алышынып торуы жәмгыятьнең яңа туып килгән киләчәккә барышы буларак күзәлләнгән, бу юлның катлаулы һәм каршылыклы булуына ишарә ителә. Алга таба вакыт төшенчәсе гаять тарая һәм ике дата – Ленинның үлеме һәм аның белән бәхилләшү көннәре конкретлаша. Чынбарлыкның күптөсмерле сурәте фажигале хәбәр белән өзелгәндәй туктап кала, елау, өметсезлек, хәсрәт, билгесезлек мотивлары бәйләменнән хасил булган эмоциональ кие-ренкелек, ил чикләреннән чыгып, дөнья, галәм киндәгенә кадәр үстөрелә, юлбашчы идея-ләренә мәңгелегенә басым ясала: *Радиолар / Лондон, Париждан, / Даниядән: / – Ленин үлмәде, / Ул һаман үлмәде, / Ул һаман юлбашчыбыз! / Испаниядән... / Италиядән / Шундый ук радио; / Бөтен җирдән – / Төрөк, Германиядән!..* [8: 127]. Гомумән, «Гасырлар һәм минутлар» поэмасы, идеологик эчтәлек белән сугарылган әсәр булса да, символик сурәтлелек, шартлылык, эчтәлекнең күпкатламлы булуы белән «татар шигърияте примитивлык, лозунглылык, агитациялелектән коткару омтылышы буларак укыла» [4: 178].

Такташ поэмаларындагы эчтәлек яңалыгы форма өлкәсендәге эзләнүләргә дә кирәк. Гомумән, шагыйрь ижаты «1920 еллар татар шигъриятендә шигърь төзелеше, поэтика өлкәсендәге эзләнүләрнең нигезе булып тора дип әйтәргә дә җирлек бар» [6: 167]. Традицион шигърь төзелешеннән баш тартып, Такташ үзенең әсәрләрендә строфаларны билгеле бер иреклелек белән төзи, бу исә, үз чиратында, шигърьнең интонациясендә дә чагылыш таба. Шул рәвешле, инкыйлабка кадәр классик поэтика кысаларында үскән татар шигърияте интонацион-ритмик иреклелек белән үсеп китә, Такташ, алга таба Х. Туфан, К. Нәҗми һ.б. авторларның ижатында бу үзгәрешләр поэма жанры кысаларында да әдәби тәҗрибәләр үткәргә мөмкинлек бирә.

Гомумән, 1917 елгы вакыйгалардан соң татар поэмасы бөтенләй үзгә үсеш юлына басарга тиешлеге аерымачык була: үзгәрешләр һәм эчтәлектә, һәм формада чагылыш таба. Ф. Борнаш ижаты мисалында без бу үзгәрешләрнең кинәт кенә булмавын күрәбез: күпгасырлык традицияләр нигезендә формалашып җиткән жанр-стиль хасиятләреннән баш тарту җиңел генә булмый, нигездә, үзгәрешләр эчтәлеккә идеологик мотив рәвешендә генә бара. Чор таләп иткән публицистик-патетик рухлы поэмалар ижат итә башлаганчы әле дистә елга якын вакыт үтә. Яңа принципларны үзгә бер кискенлек белән кабул иткән Такташ ижатында да инкыйлабка кадәр ижатында өстенлек иткән стиль тенденцияләре сакланып кала: символлар, катлаулы эчтәлекле образ-детальләр, фәлсәфи фикерләү киндәге шагыйрь поэмаларын чорның башка патетик әсәрләреннән аерып тора, татар шагыйрьләренең яңа шартларда да сәнгати эзләнүләргә омтылышын күрсәтә торган үрнәкләр булып кабул ителә.

ӘДӘБИЯТ

1. Бурнаш Ф. Сайланма әсәрләр. Ике томда. 2 т. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1959. – 300 б.
2. Галимуллин Ф. Г. Эстетика һәм социологизм: 20–30 нчы еллар татар әдәбиятында эстетика кануннарының һәм социологизм таләпләренең үзара мөнәсәбәте. Казан: Магариф, 1998. – 223 б.
3. Голубков М. М. Русская литература XX в.: После раскола: Учебное пособие для вузов. – М.: Аспект-Пресс, 2002. – 267 с.
4. Загидуллина Д. Ф. Модернизм в татарской литературе первой трети XX века. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2013. – 307 с.
5. Закиржанов Ә. М. Татар әдәбият белеме: традицияләр һәм үсеш тенденцияләре. – Казан: ТӘҺСИ, 2018. – 352 б.
6. Ибрагимов М. И. Творчество Х. Такташа в контексте татарской и русской поэзии 1910–1920-х гг.: проблемы поэтики // Научный Татарстан. – 2011. – № 1. – С. 164–172.
7. Славина В. А. Проблема идеала в русской литературе, критике, публицистике первой половины XX века: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2005. – 39 с.
8. Такташ Һ. Әсәрләр: 3 томда. 1 т.: шигърьләр һәм поэмалар. – Төз. һәм тулып. 2 нче басма. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2010. – 407 б.
9. Юсупова Н. М. Идеологические образы как образ-символы в татарской поэзии 1920-х годов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2017. – № 5 (71): в 3-х ч. Ч. 2. – С. 44–46.

РУКОПИСИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ПОЭТА УММИ КАМАЛА – БЕСЦЕННОЕ НАСЛЕДИЕ ТАТАРОВЕДЕНИЯ

Ф. К. Фатхтдинов

Башкирский государственный педагогический университет имени М. Акмуллы (Уфа)

Умми Камал – один из видных представителей тюркской поэзии средних веков. Документальные источники, подтверждающие годы его жизни, не найдены. Но по отдельным сведениям из его произведений можно определить время и место жизни, также и его этническую принадлежность. Можно предположить, что он жил в период примерно с конца XIV века до 1475 года. Творчество поэта было распространено в основном на Поволжско-Уральском регионе в виде рукописных сборников до конца XIX века.

Ключевые слова: татарская литература средних веков, татароведение, Умми Камал, древнетюркская литература, суфийская литература.

Ummi Kamal is one of the main representatives of the Turkic poetry of the Middle Ages. There are no any documents confirming the years of his life. But due to his works, the time, place of life and his ethnicity can be determined. It can be assumed that he lived from about the end of the XIV century to 1475. The poet's work was popular mainly in the Volga-Ural region until the end of the 19th century.

Key words: Tatar literature of the Middle Ages, Tatar studies, Ummi Kamal, ancient Turkic literature, Sufi literature.

Известно, что изначально татароведение как филологическая дисциплина возникла во второй половине XVIII века и занималось изучением татарского языка, изданием древних письменных памятников. С образованием ТАССР в 1921 году был создан Академцентр, который занимался координацией исследований по татароведению. Тогда же начали появляться исследования по истории татарского народа, татарской литературе и языкознанию [1: 558].

Сегодня крупными центрами татароведения являются Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова, Институт истории им. Ш. Марджани, Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН Республики Татарстан. Уже одни названия этих научных центров показывают, что татароведение сегодня – не только филологическая дисциплина, а это уже сложившаяся междисциплинарная наука, в которой представлены и история татарского народа, и изучение духовной культуры, и исследования по материальной культуре нашего народа.

Как известно, письменность является основным средством хранения и передачи информации, накопленной народом за его тысячелетнюю историю. Важнейшими памятниками материальной и духовной культуры татарского народа являются древнетюркские тексты, в том числе рукописные книги поэтов и писателей, вобравшие в себя и сохранившие для потомков интеллект, разум, менталитет наших предков. Древнетюркские рукописи – бесценное наследие татароведения.

В коллекции Центра письменного и музыкального наследия ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ хранятся поистине бесценные рукописные сокровища. Одной из таких является «Китабе Өмми Кәмал» («Книга Умми Камала») (ед. хр. 338, 39 собрание, 1 описание, формат текста – 15,5×11,5). В рукописи из 103 страниц собраны более 120 стихотворений поэта-суфия XV века Умми Камала.

Этот рукописный экземпляр, к которому обратились мы, хорошо сохранился, написан четким, разборчивым почерком. На верхней строчке первой страницы рукописи написано «Китабе Өмми Кәмал» («Книга Умми Камала»), чуть ниже – «Язылды Сафакул мэдрәсәсендә 1837 нче санәдә» («Написано в медресе Сафакуль в 1837 году»). На 70-й странице справа по вертикали выведена строчка «Кятиб Мөхәммәдзариф Тәңре колы эл-Болгари» («Кятиб Мухаммедзариф раб Тенгри аль-Булгари»). Слово «кятиб» здесь применено в значении «переписчик», «человек, занимающийся письмом». Таким образом, книга переписана в 1837 году в медресе Сафакуль Мухаммедзарифом аль-Булгари из какого-то источника. Что касается места написания, это может быть деревня Сафакуль нынешней Курганской области, где и поныне живут много татар. Эта территория в свое время относилась к Челябинскому уезду и славилась переписчиками книг.

«Знаменитым из них был Габденнасыр из соседней деревни Сафакуль деревни Альмен. Известно, что он умер в 1841 году прямо за работой. По тому, как писал о себе, он за всю свою жизнь переписал 223 тома. Стал переписчиком в 20 лет и в 95 лет занимался той же работой» [3: 211].

Произведения Умми Камала были изданы в конце XIX века – три раза, в начале XX века один раз. В основном они повторяют друг друга. Сегодня в Национальной библиотеке имени А.-З. Валиди (г. Уфа) в отделе «Редких книг» хранится книга под названием «Китабе Умми Камал», изданная в 1898 году. Считать самым полным экземпляром можно названную выше казанскую рукопись, по-нашему мнению.

Этот рукописный экземпляр изучался нами в сравнении с изданием, хранящимся в Уфе. Подготовлены транскрипция, подстрочный перевод стихотворений, полный словарь произведений.

Биографические сведения о жизни Умми Камала в письменных источниках не сохранились, но отдельные детали в произведениях самого поэта позволяют внести определенную ясность в этом вопросе. Поэтические особенности языка произведений, отзывы автора о себе и о современниках также способствуют получению некоторых представлений о его жизни.

Сегодня в науке существуют противоречивые точки зрения на вопрос о годах жизни и местности, где проживал поэт. Изучив его рукописи можно сказать, что Умми Камал родился в конце XIV века в Нижнем Поволжье, довольно большой промежуток своей жизни провел на Урало-Поволжье. Проживал, возможно, также некоторое время на Кавказе, потом через Крым переехал в Турцию, и умер там в 1475 году.

К этим выводам, во-первых, приводит проделанный нами анализ лексического состава его произведений, где довольно силен пласт слов чагатайского языка и языка османских турок, а также идентичность ритмики, образной системы с поэзией тюркских народов Поволжья.

Безусловно, этим особенностям произведений Умми Камала должно придаваться гораздо больше значения, чем это делалось до последнего времени.

Во-вторых, для XIV–XV вв. довольно частой и даже обычной по тем или иным причинам была перемена места жительства мыслителями тюркского мира, особенно поэтами суфийской ориентации, а также представителей духовенства. В периоды смут и волнений многие поэты и ученые Поволжья также отправлялись в страны тюркского и арабского мира.

На то, что поэт волею судьбы был вынужден расстаться с родиной указывают и следующие строки:

Гарибем горбэтэ килдүм илемдэн
Зэгыйфем намэсенэ кэлмэз элемдэн.

(Беден я, расстался со своей страной,
Нет сил у меня вернуть свое имя.)

Для уяснения корней Умми Камала особое значение имеет также территория распространения его рукописей. Это в основном Урал и Поволжье, где проживают татары и башкиры. Таким образом, это также свидетельствует о популярности стихотворений на его родной почве.

Изучение поэзии и жизненного пути поэта XV века Умми Камала открывает также возможность и узнать о его отношении к своему народу. Также его творчество дает возможность представить эстетические взгляды, желания и стремления, идеалы, степень понимания смысла жизни татарского народа, жившего в XV веке в Поволжье и на Урале. Эти проблемы можно решить, лишь выяснив систему взглядов на мир Умми Камала, воплощенные в его произведениях. А для этого мы должны изучить эпоху, его жизнь, ибо творчество поэта неразрывно связано со своим временем, народом.

Первая половина XV века приходится на период формирования Казанского ханства. Жители этого государства продолжали развивать и в новых условиях культуру, литературу своих предков – болгар. Тревожные и беспокойные события времени также оказали сильное воздействие на размышления Умми Камала, на его стремление познать окружающий мир.

Несмотря на это, в эту эпоху письменная литература не переставала развиваться. Ибо история татарской литературы своими истоками, последовательностью связана с исторической деятельностью народа, его творчеством. Какие бы исторические, общественные перемены, трагические события не происходили в обществе, если жив народ, то живет и его культура. Никакая смута не приводила к уничтожению духовной культуры нашего народа.

Таким образом, письменная литература в любых условиях не перестает существовать. В процессе развития татарской литературы могут быть различные повороты, но тот источник, который питает дух народа, будет бить. Несмотря на то, что в XV веке было очень нелегко заниматься творчеством, появление такого поэта, как Умми Камал яркий тому пример.

Философия жизни конкретного человека и черты народного характера нашли яркое изображение в творчестве поэта-суфий Умми Камала.

Так, в его стихотворениях привлекает внимание интересная философская мысль. О тесной связи биологической смерти с нравственным бессмертием человека. Эта мысль прослеживается во многих произведениях татарской литературы средних веков. К примеру, в поэме «Киссаи Юсуф» Кул Гали – это основная тема.

Умми Камал своим творчеством доказывает нравственное значение жизни и смерти. Все это связано с тем, как прожить жизнь. Если человек живет во имя своего народа, не думая только о своей личной жизни, тогда он входит в совершенно другие отношения с жизнью, здесь для него нет и смерти. Как видно из стихотворных строк, посвященных шейхам-наставникам, шейхи умерли, но образец их деятельности продолжается в памяти других людей. Поэтому с ними «ничего не случилось, и их душа жива».

Представитель какого же конкретного народа Умми Камал? И каков этот народ? Нам представляется, тридцать пятое стихотворение названной выше рукописи дает на этот вопрос конкретный ответ.

Нәфсәң шул золым кем сән әйләдүң
Кемсәйә һич йагъ татар итмәде.

(Похотью и жадностью наполнена душа твоя,
А такому никогда татаринем не стать тебе.)

Татарский народ – дружелюбный, у него много друзей, во Вселенной никому не чужой; отвергает вредные привычки, с ними «никогда татаринем не стать тебе»; не гонится за богатством, делится с другими тем, что имеет; исповедует Ислам; и с раненой душой не стонет и не жалуется. И ведь сам Умми Камал «унизительной просьбой никогда не просил относить его к больным».

Через понимание народа, нации Умми Камал доводит до наших дней основные национальные черты татар XV века. Таким образом, он стремится показать те качества человека, которые необходимы в жизни, и пытается раскрыть их философский смысл. Если человек живет, он должен делать добро другим. Призыв поэта не гнаться за богатством – имеет свою философию. Если ты богат, не скупись, живи щедро. По мнению поэта, есть такое богатство, посланное Аллахом, которое выше всего материального, это – ум, справедливость, щедрость.

Восхваление поэтом человека труда, особенно земледельца, говорит о том, что Умми Камал получил воспитание в той местности, где занимались хлеборобством:

Нитә кем кәлмәз әлдән бәндә икмәк
Һич иксәк илямез ашы икмәк.

(Не придет в руки человеку хлеб,
Если не будем возделывать – не будет хлеба.)

Поэт глубоко осознавал роль земледелия, и этим вызвано уважение к человеку труда. Эти строчки и звучат как призыв к активному труду.

Таким образом, изучение рукописи произведений Умми Камала – является одним из важных этапов в татароведении. Текстологическое исследование дает возможность представить литературное наследие Умми Камала как единое целое, верно понять смысл

произведений и проанализировать их, что, безусловно, помогает верно оценить общественные, политические, эстетические взгляды поэта. И это исследование дает нам возможность определить литературно-историческую ценность этой поэзии, пронизанной суфийскими символами, также на примере творчества Умми Камала представить особенности суфийской поэзии на почве татарской литературы. Помимо этого, через его творчество также можно будет представить эстетические взгляды, желания и стремления, идеалы, общечеловеческие идеи, степень понимания смысла жизни наших предков, живших в XV веке в Поволжье и на Урале.

ЛИТЕРАТУРА

1. Татарский энциклопедический словарь. – Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 1998. – 703 с.
2. Фатхтдинов Ф. К. Художественные и философско-этические особенности творчества поэта XV века Умми Камала. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2013. – 108 с.
3. Харисов Ә. И. Башкорт халкының эзби мирасы: XVIII–XIX быуаттар. – Өфө: Башкорт. кит. нәшр., 1965. – 412 б.

УДК 821.512.145.0

СОВРЕМЕННАЯ ТАТАРСКАЯ ДРАМАТУРГИЯ: ПОИСКИ НОВОЙ ФИЛОСОФСКОЙ ПАРАДИГМЫ

А. А. Шамсутова

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ (Казань)

Цель исследования – определить пути поиска новой философской парадигмы в современной татарской драматургии. В статье проясняется необходимость нового типа мышления для формирования такой парадигмы; выявляются особенности изучения «новой драмы» и развития драматургии на современном этапе. Научная новизна исследования видится в малоизученности данной темы и заключается в комплексном анализе взглядов современных литературоведов, драматургов. В результате доказано, что перед татарской драматургией созрела необходимость нового типа художественного воплощения жизни народа, индивидуума, социума, основанного на новой философии бытия. Позиционирование драматургами себя как носителя национальных культурных кодов и передача их через художественное воплощение в драматических произведениях зрителям и читателям даст осознания идентификации их как «хранителя нации», «хранителя памяти нации». Процесс этот протекает не гладко и должно приводить к изменению в их самосознании, которое должно быть сформировано с особенностями национальных традиций и культурных кодов, философского отношения к самосохранению нации.

Ключевые слова и фразы: современная татарская драматургия, новая философская парадигма, «хранитель нации», «хранитель памяти нации», «национальная идентификация».

The purpose is to determine the ways of searching for a new philosophical paradigm in modern Tatar drama. The article clarifies necessary for a new type of thinking for the formation of such a paradigm; reveals the features of the study «new drama» and the development of dramaturgy at the present stage. The scientific novelty is seen in the little-studied nature of this topic and consists in a comprehensive analysis of the views of modern literary critics, playwrights. As a result, it is proved that the Tatar dramaturgy has matured the need for a new type of artistic embodiment of the life of a people, an individual, a society based on a new philosophy of being. The dramatists' positioning of themselves as the bearer of national cultural codes and their transmission through artistic embodiment in dramatic works to viewers and readers will give awareness of their identification as the «keeper of the nation», «keeper of the memory of the nation». This process does not proceed smoothly and should lead to a change in their self-consciousness, which should be formed with the peculiarities of national traditions and cultural codes, philosophical attitude to the self-preservation of the nation.

Key words: modern Tatar drama, a new philosophical paradigm, «guardian of the nation», «keeper of the memory of the nation», «national identification».

Современная татарская драматургия, и основанное на ней сценическое искусство, остаются сегодня, чуть ли ни одной из единственных, действенной платформой, которая может сплотить народ, призвать его к сохранению национальных компонентов бытия. Роль художественной литературы в форме «чтения» теряет свое значение и значимость;

она не выдерживает конкуренции с «развлекательностью» и «завлекательностью» феномена «социальных сетей» (инстаграмм, фейсбук, тик-ток и др.). Это – одна из причин актуальности изучения состояния татарской драматургии.

В последние годы глубокое осознание татарского народа своей связи не только с прошлым, но и с будущим, его размышления о том, когда и как будет реализоваться сохранение языка, через него литературы и культуры в целом, подвергло радикальному пересмотру взгляда на татарского человека лишь в рамках современного его существования. Понимание его как государствосоставляющего индивидуума оказывает влияние на художественную концепцию личности и в литературе. Еще более усилившаяся устремленность к истории народа должно поднять на новую высоту проблему общечеловеческого и общенационального. Вторая же причина в том, что это предопределяет отход от философии «простого реализма», который был сформирован в XX веке: идут поиски новой философской парадигмы, которая сможет отвечать требованиям отражения реальности существования народа и призвать его к активизации популяризации, сохранения и передаче новому поколению национальных культурных кодов.

В татарском литературоведении были осуществлены масштабные исследования литературы рубежа XX–XXI веков. В них есть специальные разделы, где сделана попытка системного изучения драматургических произведений наших дней (Ахмадуллин, 2012; Закиржанов, 2019; Заһидуллина, 2015; Игламов, 2007; Миңнуллина, 2019; Саттарова, 2003; Шамсутова, 2010; и др.). В этих трудах создана целостная картина художественного процесса 1985–2010 годов. Концепции определения динамики и своеобразия современной татарской драматургии в этих исследованиях разнятся. А. Ахмадуллин акцентировал внимание на том, что «внутри критических событий, происходящих в стране, жанр драматургии стремится найти свое место, обеспечить сцену современными произведениями» [1: 8]. А. Закирзянов подчеркивал, что «авторы с помощью новых композиционных приемов, уникальных изобразительных средств приводят к серьезным размышлениям и к дискуссиям, спорам с читателем-зрителем о судьбе нации в ее прошлом, настоящем и будущем» [3: 323]. Все это лишний раз подчеркивает сложность феномена изучаемого нами процесса и предмета.

Здесь хочется акцентировать внимание на «новой философской парадигме», о которой было оговорено в начале. Под этой парадигмой нами понимается не только 1) художественное воплощение новых идейно-эстетических взглядов драматурга, а 2) новое философское видение развития татарской драматургии в целом, драматических произведений в частности – в масштабах страны и мира; 2) отражение уже осуществленной в мире (в глобальном масштабе) новой философии о человеке, народах, нациях, их места на Земле и роли для формирования своего будущего.

В рамках определении новой философской парадигмы в современной татарской драматургии одним из ведущих дискуссионных вопросов является определение специфики, качества «новой драмы». Этот вопрос вызывает и должен вызывать дискуссию в области предмета исследования и его границ; а так же в правомерности отнесения к обозначенному явлению конкретных писателей и произведений.

Современный этап определения новой философской парадигмы напоминает 1920–1930-е годы, когда после смены социально-исторического устройства шел поиск новой философской парадигмы и способы ее реализации в культуре и искусстве. В то же время, как отмечает М. Ибрагимов, «необходимо принимать во внимание тот факт, что «национальное» в литературе не замкнуто областью художественного творчества, его смыслы открываются в гуманитарной мысли народов, публицистике, наконец, судьбах деятелей национальных культур» [5: 4].

Нам сегодня не хватает той активности, которая была в начале XX столетия: активности в поисках новых методов, новых тем, в постановке острых и актуальных проблем из жизни народа и о его будущем. Налицо отсутствие героического типа характера, который смог бы «указать» путь зрителю в нужном направлении. Скорее, это является результатом отсутствия идеологии (сохранения национальной культуры), которая способна формировать и новую философию. А ведь такой критический период существования от татарской драматургии современности и театра ждали и ждут прорыва в ноуменальные миры с помощью поэтического слова, национального и метафизического-

го содержания. Сегодня социальные, философские и художественные искания в татарском театре и в драматургии должны осуществляться фактически в одном русле.

Да, мы согласны с утверждением, что «Пьеса – драма, комедия – самая трудная форма литературы...» [6: 122]. Однако, представления о драме в каждом поколении быстро стареют. Пьеса сегодня становится самой авангардной формой искусства слова, так как она призвана служить зрителю со сцены, завлекая его от экранов телевизоров и от социальных сетей. Сегодня у зрителя воспиталось «клиповое мышление» – яркость, мгновенность, презентабельность информации, постоянное ее чередование ведут к тому, что человек не может удержать свое внимание на одном и том же больше пяти минут. Поэтому к основному аргументу, что «...действующие лица создаются исключительно и только их речами...» сегодня необходимо прибавить и новые доказательства этих лиц на сцене и, главное, их действенность на зрителя, чтобы он захотел прийти еще.

Драма все еще остается тем эстетическим феноменом, который принадлежит и литературе и театру. Когда мы говорим о литературной форме бытования драмы, мы должны учитывать необходимость наступательного характера вторжения в драму не только лирики и эпоса, но и «театральности», «фольклорности» и «философии». Мы живем в эпоху поликультурности, когда в искусстве существует множество способов выражения действительности. Литература как вид искусства и ее жанры тоже претерпевают определенную трансформацию. «Для того, чтобы выдержать конкуренцию по удержанию читателей, литературе приходится использовать новые способы репрезентации картины мира, поскольку привычные для XX столетия методы реализма и романтизма уже не удовлетворяют требованиям нового времени. На смену им приходят новые, порой «гибридные» формы и жанры, и способы их со-творения» [10: 85].

Театральная же форма бытования драмы должна еще более акцентировать внимание на интонациях в искусстве актера (как любил это делать актер и режиссер Г. Кариев), на мизансценировании и организации пространства в режиссуре и художественном оформлении (как призывал это делать драматург и режиссер К. Тинчурин). Все это призвано для того, чтобы привлечь, удержать зрительскую аудиторию и воспитать в ней через художественное воплощение тем и проблем, связанных с историей и с будущим народа, дух «хранителя нации» и «хранителя памяти народа» и культурных кодов. Зритель всегда был и остается самым важным и главным компонентом театра. На наш взгляд, именно на такие факторы основывается создание новой философской парадигмы в отношении понимания роли драматургии. Как справедливо заметил театровед Р. Игламов: «Сегодня мы имеем дело с ситуацией, когда интересы зрителя самые разнообразные, он приходит в театр воспитанный кино и ТВ. В свою очередь театр, как и прежде, продолжает питать и кино, и телевидение, хотя и потерял монопольное право на зрелищность» [6: 122]. .

В татарском литературоведении сегодня идет большая дифференциация направлений поиска элементов «новой драмы». Она, в свою очередь, является сплавом «синтеза жанров и стилей, взаимопроникновение образных средств различных зрелищных искусств», что гармонично ведет произведения к новому этапу осознания и уточнения собственной специфики.

Сегодня уже идет созревание нового общественного настроения и общественных пристрастий, которые, в конечном счете, ведут объективизации литературно-художественного процесса. В этом есть роль и смены парадигм. Мы ощущаем динамику смены зрительских пристрастий. На сцену пора вновь вернуть такие произведения как «Актамырлар иле» Р. Хамида, «Ак калфагым төшерлем кулдан» И. Юзеева, «Илгизэр + Вера» Т. Миннуллина и др. С большой долей вероятности можно сказать, что в «Тормышмы бу?» Г. Исхаки, «Ике фикер» Г. Кулахметова зазвучали бы очень сильно, если бы их поставили с современной аранжировке. Знаете почему? Причина в том, что в этих пьесах «слово не равноценно себе самому», а имеет глубокий философский подтекст, предполагаемый раскрытие в театре. В них прослеживается формирование отличной от идеологии «социалистического реализма» новой философской парадигмы. Соотношения слова и философского подтекста прекрасно выразил К. С. Станиславский: «Смысл творчества в подтексте. Без него слову нечего делать на сцене».

В связи с этим возникает актуальный вопрос: почему современные драматурги не могут дать такие произведения? «Существуют трудно формулируемые, но объективные

закономерности» этого явления. Но и ссылки на привходящие обстоятельства неубедительны. Вспомним тех драматургов, юность, становление которых совпали с очень тяжелыми перестроечными процессами. Это – Гафур Каюмов, Даниил Салихов, Аманулла, Радиф Сагди, Шамиль Фархутдинов, Зульфат Хаким, Мансур Гилязов, Хабир Ибрагимов, Раушан Шарипов, Ильтизар Мухаматгалиев. Может быть дело в том, что многие из них были с театральным опытом? Уже «вкусившие сценический успех, знающие законы сцены, планирующие сценический результат, изучившие психологию зрителя, умеющие его, зрителя, увлечь» [6: 122].

Сегодня даже эти драматурги находятся вновь на своеобразном «застойном» положении. Многие художники слова, идущие в русле поиска «нового реализма» не могут определиться не темой, а философией раскрытия этой темы. Драматурги 1980-х годов, да и современные привыкли творить «реализме». Однако «реализм» утратило свое «звучание» и первоначальный смысл, который был заложен в него Г. Исхаки, Г. Тукай, Ф. Амирхан, Г. Ибрагимов и др. Его эстетические принципы деформировались под сильным давлением большевистской идеологии и «социалистического реализма». Век сегодняшний привел в конце концов к кризису не только реализма, но и философского мышления: мы знаем о чем размышлять – но не знаем как это передать, как воспитать зрителя, чтобы он не оставался в своем заблуждении.

Времена меняются, но события и требования в культуре и искусстве повторяются: нужны новые методы, новый художественный язык и «новая драма», отвечающая требованиям первой половины XXI века, отличающей даже от его начала. Этого требует быстроменяющийся мир: он новый каждые три дня, скоро будет меняться каждые три часа. И как в таких условиях сохранить не только национальную, но и личностную самоидентификацию? Не потерять себя и свое лицо, свою семью, свои корни? И главное – как сохранить свое будущее?! Все это ведет к глубоким философским размышлениям, в котором находят место и вопросы вечности жизни, понимания смысла земного бытия, сохранения сути родового клана, национальных традиций. И опять главный философский вопрос – как все это сохранить и передать будущим поколениям, которым может это и не пригодиться?...

Этот вопрос требует от нас, литературоведов, а главное – от драматургов, формирования той философской концепции, которая вывела бы саму культуру на более высокий уровень. У нас сегодня почти нет современной драматургии. Да, если смотреть с высоты Казани или Татарстана, делаются большие дела, реализуются проекты. А если посмотреть с масштабов России? По сравнению, опять-таки, с русской современной драматургией?

На наш взгляд, сегодня татарская драматургия не имеет морального права оставаться только на уровне Татарстана или России. Если она хочет сохранить себя и реализовать себя как специфическое национальное сценическое искусство, ей нужно и пора выходить на мировой уровень. Я здесь не говорю о том, что театры должны выезжать на гастроли с пьесами на татарском языке. Речь идет о том, чтобы наши пьесы, в особенности пьесы современных авторов, должны ставиться на сценах театров Европы, тюркского мира (Казахстана, Азербайджана, Турции и др.), как это делалось в 1905–1917 годы, национальными театрами этих стран [11: 81–82]. Необходимо «найти» ту эстафетную палочку, которую когда-то, более чем сто лет назад, и в голод, и в холод, сформировали и несли наши драматурги, а в особенности – режиссеры и актеры. Даже в страшные 1917–1930 годы драматурги (К. Тинчурин, Ш. Усманов, Ф. Бурнаш и др.) работали над созданием нового типа театра с его новой философской парадигмой. Это прекрасный пример о возможностях драматургов. Лишь на сцене проверяется полнота эстетического содержания драмы и только на сцене она приобретает в корне отличные от эпического и лирического родов литературы условия социального функционирования.

Бесспорно, «новая драма» для современных татарских драматургов – это должно быть еще и деятельностью: декламирование своих текстов, участие в фестивалях и др. Для популяризации текстов необходимо создать специализированные издания и периодически публикующие произведения современников. Например, печатные журналы (по аналогии с русскими) «Современная татарская драматургия» «Драматург», «Афиша», сборники пьес и их электронные версии.

Возможно, среди драматургов отношение к «новой драме» пока еще противоречиво. Нужные ежегодные зрительские и читательские дискуссии и полемика на круглых

столах о самодостаточности «новой драмы» и ее необходимости (Так происходило становление «новой драмы» в 1920–1930 годах). Нужны споры о художественном качестве, достижениях, результатах экспериментов, наличии либо отсутствии системных сдвигов (распашивания действия, конфликта и др.) в современной татарской драме.

Заключение. В свете новой философской парадигмы востребованность «новой драмы» очевидна. Это связано с тем, что пьесы призваны отражать изменения в картине мира и концепции человека. Как исследователь, мы видим драматургов, утративших прежние идеалы и ориентиры. Сегодня жесткой регламентированности системы персонажей нет. Но все равно мы замечаем вялое отношение к выделению социальных ролей и «включения» их в заостренную, банальную, сюжетно-композиционную структуру. Налицо нехватка поэтической многозначности слова – аналога подтекста, который требует расшифровки в театральном действии. Нам бы очень хотелось, что первая половина XXI века стала театральной эпохой для татарской культуры, чтобы театральные концепции драмы брали безусловный верх над литературными. Ведь общеизвестно, что путь драмы к зрителю идет исключительно только через сцену.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахмадуллин А. М. Татарская драматургия. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2012. – 511 с.
2. Закиржанов Ә. М. Драматургия / Татар әдәбияты тарихы: сигез томда / [төз. Р. Ф. Рахмани]. – Казан: Фолиант, 2019. 7 т.: 1985–2000 еллар / [фәнни мөх.: Д. Ф. Заһидуллина, Ә. М. Закиржанов]. – 2019. – Б. 320–346.
3. Закиржанов Ә. М. Руһи таяныч: әдәби тәнкыйть мәкаләләре / Ә. М. Закиржанов. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2011. – 287 б.
4. Заһидуллина Д. Ф. 1960–80 еллар татар әдәбияты: яңарыш мәйданнары һәм авангард эзләнүләр. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2015. – 383 б.
5. Ибрагимов М. И. Национальная идентичность татарской литературы: современные методы исследования: очерки / М. И. Ибрагимов. – Казань, 2018. – 104 с.
6. Игламов Р. Испытание временем. Доклады, статьи, рецензии о татарском театре и драматургии. – Казань, 2007. 272 с.
7. Миннуллина Ф. Х. Жанр драмы в татарской драматургии рубежа XX–XXI веков / Ф. Х. Миннуллина. – Казань: ИЯЛИ, 2019. – 144 с.
8. Саттарова А. М. Современная татарская драматургия (1985–2000 гг.): концепция эпохи и героя / А. М. Саттарова. – Казань: Гуманитария, 2003. – 152 с.
9. Шамсутова А. А. Хәзерге татар әдәбиятында яңарыш / А. А. Шамсутова. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2010. – 202 б.
10. Шамсутова А. А., Каримова Р. А. Мифологизм и фольклорные мотивы в современном татарском романе / А. А. Шамсутова, Р. А. Каримова // Роман в литературе и культуре народов России: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции / Отв. ред.: И. С. Цыремпилова, З. А. Серебрякова. – Улан-Удэ: Издательско-полиграфический комплекс ФГБОУ ВО ВСГИК, 2021. – С. 85–99.
11. Шарипова А. С. Азербайджано-татарские литературно-культурные взаимосвязи начала XX века (на примере сценической литературы и театрального искусства) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. – Т. 13. – № 9. – С. 81–84.

УДК 821.512.145

XX ГАСЫР АХЫРЫ – XXI ГАСЫР БАШЫ ТАТАР ДРАМАТУРГИЯСЕНДӘ МИЛЛӘТ ТОРМЫШЫНА ЯҢАЧА КАРАШ

А. С. Шәрипова

ТР ФА Г. Ибраһимов исемендәге Тел, әдәбият һәм сәнгать институты (Казан)

В статье делается попытка выявления особенностей развития национальной тематики в татарской драматургии рубежа XX–XXI веков на примере отдельных произведений Ильдара Юзеева, Туфана Миннуллина, Зулфата Хакима. Полученные результаты свидетельствуют о том, что в татарской драматургии исследуемого периода происходит серьезная трансформация, связанная со сменой устоявшейся картины мира и переформатированием концепции национального героя. Сохранив связи с традициями классической татарской сценической литературы, авторы выходят на совершенно новый уровень осмысления идеи национального возрождения.

Ключевые слова: татарская драматургия, национальное самосознание, история народа, конфликт, идея.

The article attempts to identify the peculiarities of the development of national themes in Tatar drama at the turn of the XX–XXI centuries by the example of individual works by Ildar Yuzeev, Tufan Minnullin, Zulfat Hakim. The results obtained indicate that a serious transformation is taking place in the Tatar dramaturgy of the period under study, associated with the change of the established picture of the world and the reformatting of the concept of a national hero. Keeping in touch with the traditions of classical Tatar stage literature, the authors reach a completely new level of comprehension of the idea of national revival.

Key words: Tatar drama, national identity, history of the people, conflict, idea.

1980 еллар уртасындагы сәяси вакыйгаларга бәйле социомәдәни үзгәреш, сәяси цензура бетерелү, сүз һәм ижат иреге барлыкка килү әдәби барышка житди йогынты ясыи һәм ярты гасырдан артык вакыт дәвамында социалистик реализм тәэсирендә формалашкан инвариантның үзгәрүенә китерә. К. Солтанов илдәге яңарыш «милли мәсьәлә»нең барлык якларының (милли үзән, милли үзәнчәлек, тел, тарих проблемалары һ.б.) роле һәм мәгънәсе аруга китерүне ассызыклап, әлегә күренешне милли яшәешнең күпкырлылыгын күп еллар дәвамында тиешенчә бәяләп бетермәү нәтижәсе буларак аңлашылган табигый реакция дип атый [11: 19]. Шул ук вакытта «татар әдәбиятында монистик идеягә әверелгән милли идеяне Көнбатыш (Америка һәм Көнбатыш Европа әдәбиятлары) һәм Көнчыгыш Европа әдәбиятларының (беренче чиратта рус әдәбиятының) гомуми үсеш тенденцияләре позицияләреннән чыгып бәяләргә ярамый», чөнки татар язучыларының һәрвакыт игътибар үзәгендә булган милли бердәмлекне, генофондны, заман шартларында дини-әхлакый нигезләрне саклау проблемалары, шулай ук милли яңарыш идеясе үзгәртеп коруларга кадәр дә татар зыялылары мохитендә яши, бары тик идеологик тыюлар аркасында ул легаль булмаган хәлдә кала бирә [8], чөнки «тарихи барышның төрле дәверендә, кискен борылышлар һәм тетрәнү чорларында, эстетик принципларны эстетик булмаган мотивларга алмаштыруны таләп иткән схемага каршы килмәгән хәлдә дә, киләчәккә омтылган рухи төшне һәм озак вакытлы мәнфәгатьләрне саклап калып, милли әдәби үсешнең өзлексезлеге, зыян күргән рухи потенциалның жинү белмәс сыйфаты саклана» [11: 51].

Ижтимагый үзгәрешләр нәтижәсендә милли үзәнның үсүе XX–XXI гасыр чикләрендә татар әдәбиятында милли тематиканың киң яңгыраш алуына китерә. Драма-тургия, әдәби төрләр арасында беренчеләрдән булып, яңарыш юлына аяк баса, «яшәеш кыйммәтләренен тамырдан үзгәрүе, моңа кадәр ышанган, хәтта табынган идеалларның юкка чыгуы драматургларны үткәннең гыйбрәтле сәхифәләрен, тормыш-чынбарлыкны, яңа тип геройларны, каршылыклы яшәешне чагылдыруның үзәнчәлекле алым-чараларын эзләүгә этәрә» [3: 320]. XX гасыр ахыры сәхнә әдәбияты моңа кадәр тыелган темаларның мәйданга килүе, шәхес культы, тоталитар режим, Чечен, Әфган сугышы белән бәйле тематика, аерым әхлаксызлык күренешләрен фаш итүгә юнәлтелгән әсәрләр язылу белән характерлана. XXI гасыр башында татар драматургиясе яңа сыйфат үзгәрешләре чорына аяк баса, милләт фәлсәфәсе, милли дөнья картинасын булдыру, тарихның милләт язмышындагы урынын билгеләргә омтылу алгы планга чыга. 2000 елларга кадәр үзәктә көчле герой булса, аңа, нигездә, социаль күзлектән бәя бирелсә, яңа гасыр башында әдәбият мәйданына килгән милли герой гадәти кеше төсмерен ала, аңа фәлсәфи югарылык-та бәя бирү омтылышы көчәя.

И. Юзеевның «Ак калфагым төшердем кулдан...» (1990) пьесасы – үзгәртеп кору чорыннан соңгы милли сәхнә әдәбиятына яңа фикер алып килгән әсәрләренен берсе, ул «формасы һәм образларның оригинальлеге белән татар драматургиясендә аерым урын били» [1: 408]. Автор тарафыннан жанры «халык драмасы» дип билгеләнгән пьесада калку итеп куелган милли проблематика, яңа композицион сурәтләнү чаралары, авторның гражданлык позициясе татар халкының фажиғале язмышын яктыртуга юнәлтелгән. И. Юзеев тарафыннан уйлап табылган әдәби алым – Казан татарлары белән Сан-Францискода яшәүче татарларның телевизион күпер ярдәмендә элементгә керүе – укучыга халыкның үткәне, бүгенгесе һәм киләчәген бербөтен итеп күзалларга мөмкинлек тудыра, татар халкының тарихи Ватаннарыннан аерылып, дөнья буйлап сибелеп яшәүләренен тарихи алшартларын күрсәтеп, милләт язмышы мәсьәләсен калку куя. Әсәрнең композициясе шактый үзәнчәлекле, милләте язмышы темасы аерым персонажларның язмышы белән таныштыру аша ачыла. Казанда яшәсәләр дә, Сан-Францискода

гомер итсэләр дә, геройларның язмышы фажигале, алар барысы да совет чоры вакыйгалары – инкыйлаблар, шәхес культы, сугыш, тоталитар режим корбаннары. XX йөз башында Кембридж университетында белем алган өчен хөкемгә дучар булган мәгърифәтле Фәтхетдин Ишмуллинның кызы, Ватан сугышы чорында ирен, улын югалткан Шәмсия, аның улы – «Идел-Урал» легионы әсире булганлыктан, Ватанына кайтудан куркып, гомер буе исемен алыштырып читтә яшәргә мәжбүр Жак (Габделхак Ишмуллин), үз тормыш шартларын жайлау өчен, кулак итеп танылган этисеннән, Америкада яшәүче туганнарыннан ваз кичкән, бүген үзе Әфган сугышынан инвалид булып кайткан улын тәрбияләүче рәссам Исмай Акчурин, яңа буын вәкиле – туган илендә аңлау, яклау тапмыйча, Америкага күчеп китәргә мәжбүр булган яшь рәссам Тайфур – һәммәсе дә төрле чордагы сәyasi вакыйгаларның корбаннары. Драматург әлеге геройларның гыйбрәтле язмышын сурәтләү аша совет чорының кешеләргә алып килгән фажигасен, милләт язмышына тәэсирен ачык күрсәтә. Ватаннарыннан аерылган татарлар, нинди генә хезмәт иясә, чит илдә гомер итүнең сәбәпләре нинди генә булмасын, һәммәсе дә туган жир, туган тел, милли традицияләргә зарыгып яшәргә мәжбүр:

«Тайфур. Мин ирекле. Ни телим – шуны эшлим. Әмма иң кадерле нәрсәне югалту бәрабәрәнә алынган ирек мине бәхетле итмәде. Басып торган үз туфрагым, жирем, суым, шунда тамырланган тал-тирәкләрәм, телем-моңым житми миңа. Гәрбер көнем-төнәм иксез-чиксез газатка әйләнде...» [13: 59].

Автор фикере фабула төзелешендә генә түгел, әсәрдә мул кулланылган образ-символларда да ачык чагылыш таба. Чабышкы ат, ак сөлге, карурман символик образлары татар милләтенең табигый: туган жирне сагыну, саф күңеллек, бердәмлек кебек – сыйфатларын билгели. Традицияләргә тугрылык, милли рух «иман нуры» символы белән бирелә:

«Катрин. Сак бул, Жак, шпион булып чыкмасын...»

Жак. Юк, моның күзләрендә иман нуры бар.

Катрин. Нәрсә ул иман нуры?

Жак. Ул шундый нур, кадерлем... аны бер телгә дә тәржәмә итеп булмый!» [13: 70].

Әсәрнең исеменә чыгарылган, татар халык жырыннан алынган «ак калфак» символы «кеше туган жиреннән китәргә мәжбүр булса да, үзен халкының, ата-баба туфрагының бер кисәге дип санавына, күрешү теләге белән яшәвенә ишарә итә» [3: 324]. Автор милләт язмышының киләчәген милли рухның торгызылуында, бердәмлектә, иманлы яшәештә күрә:

«Зөбәйдә. Кешеләр кыргый, вәхиш сыйфатларын онытып, Аллаһы Тагалә жән биреп иңдергән Адәм тормышы белән яши башламасалар, бер-берсен бетерәчкәр» [13: 63].

Шул рәвешле, драмада инкыйлабка кадәр үк драматургларның игътибар үзәгендә булган милләт язмышы мәсьәләсе совет чоры вакыйгаларына бәйле рәвештә әсәрдә яңа яңгыраш ала, татар халкының үткәне, бүгенгесе, киләчәге турында яңа фәлсәфи фикер формалаша башлауга китерә.

Идеологик кысалардан котылу әдипләргә әхлакий-фәлсәфи тирәнлектәге уйлануларга юл ача, бу исә ижатта кеше гомеренең мәгънәсе, яшәешнең асылы, тормышның максаты нидән гыйбарәт дигән сораулар жавап эзләү рәвешен ала. Т. Миңнуллинның 1992 елда ижат ителгән «Хушыгыз!» драмасы тулы бер илнең совет чоры белән фәлсәфи сабуллашу әсәре итеп кабул ителә. «Миләүшәнең туган көне», «Дуслар жыелган жирдә» әсәрләренең давамы булган әлеге пьеса, трилогиянең беренче ике өлешеннән аермалы буларак, үзәккә гап-гади татар кешесе фәлсәфәсе куелу белән үзенчәлекле. Автор татар зыялылары – жырчы Миләүшә, шагыйрь Рафис, композитор Фәһим, рәссам Нурисламның үзгәртеп кору вакыйгаларына бәйле рәвештә дөньяга карашлары жимерелү, ялган идеалларга ышанып яшәүләрен соңлап аңлау һәм шуңа бәйле рухи кичерешләр тасвирлау аша совет чорындагы тулы бер буынның күңел халәтен сурәтли, әлеге фикер Миләүшәнең жырында урын ала:

«Бу дөньяда яшәп карап шуны белдем –

Хак дигәнем барысы да ялган икән:

Ак дигәнем, пакь дигәнем корым булып

Йөрәгемә, бәгыремә яуган икән» [10: 61].

Пьесада хезмэт кешесенең бәхетле тормышы турындагы совет чорында формалашкан миф жиимерелә, әсәр нигезенә салынган гафу сорау мотивы, хушлашу мотивы [14: 127], сызлану мотивы аша кыйбласын югалтып гажизлектә калган, яшәү мәгънәсен соңлап аңлаган шәхес фажигасе күрсәтелә, кеше тормышында иң зур кыйммәт ихтирам, мөхәббәт, үзара аңлашып мөнәсәбәтләр кора алу дигән фикер үзәккә куела, «кеше язмышы фәлсәфи һәм психологик яссылыкларда ил һәм кешелек хакыйкате белән янәшәлектә карала» [5: 26]. Үзәк герой Миләүшәнең совет чоры кешеләрен «догасыз калган буын» дип баяләве, яна буын вәкиле булган эшкуар Рөстәмнен әсәр финалындагы «*Исәнмесез, иҗат әһелләре. Гаман да эле этәчләнәсезме? Дөнъяны матурларга жыенасызмы? Кеше күңелен камил итәргә жыенасызмы? Кызганыч кешеләр сез. Бүгенге дөнъяга сыймаган кешеләр*» [10: 93] дигән сүзләре ике капма-каршы тарихи-мәдәни дәвер – совет чоры белән үзгәртеп корудан соңгы чор кыйммәтләренен каршылыгын күрсәтеп, укучыны мөстәкыйль фикергә, уйлануга, фәлсәфи гомумиләштерүгә этәрә.

К. Солтанов билгеләп үткәнчә, озак вакытлар хакимлек иткән атеистик карашлар жиимерелгәннән соң барлыкка килгән кризис шартларында рухи хафалану, таяныч нокталарын, яна тотрыклы кыйммәти юнәлешләренә эзләү гадәттән тыш кискен төс ала, мәдәни-тарихи иҗат үзенчәлеге, һичшиксез, үзәк кыйммәтләренен берсе буларак дингә игътибар таләп итә [11: 73]. Бу жәһәттән Т. Миңнуллинның 2006 елда иҗат ителгән «Мулла» драмасы мөһим урын алып тора. «Дин һәм иман призмасы аша татар авылы буларак күрсәтелгән заманга, жәмгыятькә бая биргән» [5: 33] әсәрнең нигезенә киләчәккә юнәлтелгән фәлсәфә салынган, ул татар халкының үсеш юлын эзләү белән бәйлә. Пьесада бер авылдагы вакыйгалар мисалында жәмгыятьтә динне кабул итүдәге катлаулы вазгыять сурәтләнә. Үзәк герой – шәһәрдән кайткан, каршылыклы язмышлы яшә мулла Әсфәндиярның авылдагы әхлаксызлык, жинаятьчелек күренешләре белән көрәшен тасвирлап, «Т. Миңнуллин милләтнең киләчәген иманлы яшәештә күрә һәм вакыйгалар аша укучы күңеленә шуны житкерә» [4: 440]. Дин юлына шактый авырлыклар аша килгән Әсфәндияр, классик татар драматургиясенә хас булганча, жыелма мулла образы буларак тәкъдим ителми, киресенчә, автор милли геройның идеаллыкка дөгъва итмәгән гадәти кеше булуын асызыклап, аның характерын дингә ышаныч, иманлы булу, рухи ныклык кебек сыйфатлар белән тулыландыра. Үзгәртеп корудан соңгы чордагы «шок терапиясе», «өметсез караңгылык агымы» [2: 94] буларак характерланган рус драматургиясеннән аермалы буларак, әлеге әсәр татар халкының киләчәге өчен өмет, ышаныч чаткысы уяну белән тәмамлана.

Д. Заһидуллина язганча, «XX гасыр ахырына татар әдәбияты үзенең кыйбласын таба: милләт темасы үзәккә куела, совет идеологиясен һәм тоталитар режимны тәнкыйтләү, советчыл мифны жиимерү һәм кызыл идеологияне абсурд чигенә житкереп сурәтләү, үткән, хәзерге һәм киләчәккә нисбәтле хакыйкәтне эзләү, тормышны камилләштерү мөмкинлекләрен барлау алгы планга чыга» [6: 11]. Халыкның бер гасырлык язмышын, ялгышларын баяләүдә иң югары нокта дип, безнең фикеребезчә, Зөлфәт Хәкимнең «Гасыр моңы» (2006) театраль романын атарга мөмкин. 1906–2006 еллар аралыгындагы вакыйгаларны аерым бер нәселнең фажигале язмышы мисалында сурәтләү аша, автор советчыл мифны жиимереп, XX гасыр хакында үз ижади мифын тудыра, бу миф Россия тарихындагы мәгълүм вакыйгаларны баяләргә ярдәм итә. Н. Л. Лейдерман төркемләве буенча, бу – реалистик миф, ул объективлыкка дөгъва итә, укучыны үз тәҗрибәсен ижади мифның «виртуаль чынбарлыгы» белән янәшә куеп карарга, чагыштырырга мәҗбүр итә. Бу сөйләшүдә автор укучыны ышандырырга, аның элеккеге күзаллауларын үзгәртәргә, «яңа мифологияне» үзләштерәргә мәҗбүр итәргә тиеш [9: 538]. Бу сүзләр Зөлфәт Хәким драмасына да кагыла. Күпкатламлы драмада «корбанчылык мотивы һәр персонажның язмышында кабатланып, капма-каршы позицияләренә төшендерә, гасыр тарихын һәм яшәеш тарихын аңлауга ачыкчы булып әверелә» [7: 476]. Татар халкына гына хас булган «моң» концепты аша автор, бер яктан, узып баручы гасырның фажигале гасыр булуын асызыкласа, икенче яктан, дәверләр дәвамында формалашкан кыйммәтләрдән баш тартуның, тамырлардан аерылуның милләт язмышындагы аяныч нәтижеләрен күрсәтә:

«Тимер. Мин гомерем бие сезне бер тапкыр да күрмәгән килеш сагынып, юксынып, күрәсем килеп яшәдем. Минем инде балаларым, оныкларым бар. Хәтта алар да, минем кебек, бер дә аягыбыз басмаган шушы эфирне сагынарлар. Аңлатып булмаслык эфирсү тыңгы бирми.

Илбәк. Бабаларыбызның туган туфрагы тарта, Тимер энем.

Тимер. Тормыш-көнкүрешез яхшы булуга карамастан, эңдә ниндидер газан бар.

Илбәк. Ул гасыр газыбы. Гасыр моңы сыкрата күңелләребезне. Без шушы гасыр балалары. Безнең газан – ул безнеке. Балки, без гаепле дә түгелдер гасыр чуалышларында, ләкин бу сынауларны үтәргә безгә язган. Гасыр моңын без азагына кадәр кичерергә тиешбез. Үзөбезнең гасырыбыз бу. Без яшәдек бу гасырда. Үзөбезнең язмышыбыз бу. Без үзөбез бу!» [12: 209–210].

Әлеге чорда ижат ителгән пьесалардан сурәтләнгән вакыйгаларның масштаблылыгы, киң панорамалы булуы белән аерылып торган «Гасыр моңы» театраль романы тарихның милләт язмышындагы урынын билгеләү, гумани нәтижеләргә чыгу жәһәттеннән XXI йөз башы татар драматургиясенә казанышы дип бәяләнергә ләеклы.

Нәтижә ясап, шуны әйтергә мөмкин: татар драматургиясе, формалашкан чордан башлап, һәрвакыт милли геройлар, милли тормыш сурәтен тудырырга омтыла. XX йөз башында ул, нигездә, мәгрэфәтчелек карашларын үзәккә куеп башкарыла. Ярты гасырдан артык вакыт давамында совет идеологиясе тәэсирендә әлеге темадан читләшергә мәжбүр булган татар сәхнә әдәбияты XX–XXI гасырлар чигендә житди сыйфат үзгәрешләре кичерә: милли үзәк үсү, тарихи үткәнгә мөнәсәбәт, кыйммәтләр системасы үзгәрү нәтижәсендә милләт тарихы, аның бүгенге яшәеше, киләчәге, милләт язмышында аерым шәхеснең урыны кебек мәсьәләләр яңа алгы планга чыга. Бу исә милли сәхнә әдәбиятының, классик әдәбият традицияләре белән бәйләнеше саклаган хәлдә, моңа кадәр булмаган югарылыкка күтәрелүенә, милләт тормышына мөнәсәбәтле яңа фәлсәфә, милли дөнья сурәте формалашуга китерә.

ӘДӘБИЯТ

1. Ахмадуллин А. Г. Татарская драматургия: история и проблемы. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2012. – 511 с.
2. Громова М. И. Русская драматургия конца XX – начала XXI века: учеб. пособие / М. И. Громова. – 2-е изд., испр. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 368 с.: ил.
3. Закиржанов Ә. М. Драматургия // Татар әдәбияты тарихы: сигез томда / [төз. Р. Ф. Рахмани]. – Казан: Фолиант, 2019. 7 т.: 1985 – 2000 еллар / [фәнни мөх.: Д. Ф. Заһидуллина, Ә. М. Закиржанов]. – Б. 320–346.
4. Закиржанов Ә. М. Драматургия // Татар әдәбияты тарихы: сигез томда / [төз. Р. Ф. Рахмани]. – Казан: Фолиант, 2021. – 8 т.: 2001–2020 еллар / [фәнни мөх.: Д. Ф. Заһидуллина, Ә. М. Закиржанов]. – 2021. – Б. 423–448.
5. Заһидуллина Д. Ф. Әдәби хәрәкәт // Татар әдәбияты тарихы: сигез томда / [төз. Р. Ф. Рахмани]. – Казан: Фолиант, 2019. – 7 т.: 1985–2000 еллар / [фәнни мөх.: Д. Ф. Заһидуллина, Ә. М. Закиржанов]. – Б. 9–35.
6. Заһидуллина Д. Ф. Әдәби хәрәкәт // Татар әдәбияты тарихы: сигез томда / [төз. Р. Ф. Рахмани]. – Казан: Фолиант, 2021. – 8 т.: 2001–2020 еллар / [фәнни мөх.: Д. Ф. Заһидуллина, Ә. М. Закиржанов]. – Б. 11–41.
7. Заһидуллина Д. Ф. Зөлфәт Хәким // Татар әдәбияты тарихы: сигез томда / [төз. Р. Ф. Рахмани]. – Казан: Фолиант, 2021. – 8 т.: 2001–2020 еллар / [фәнни мөх.: Д. Ф. Заһидуллина, Ә. М. Закиржанов]. – Б. 448–477.
8. Ибрагимов М. И. Экзистенциальная безопасность как категория сопоставительного литературоведения // Проблемы истории, культуры и развития языков народов Татарстана и Волго-Уральского региона: Материалы науч.-практ. конф. / Ред. кол.: А. Бурханов (отв. ред.) и др. – Казань, Gumanitayga, 2002. – С. 45–51.
9. Лейдерман Н. Л. Современная русская литература: 1950–1990-е годы: В 2 т. Т. 2. 1960–1990 / Н. Л. Лейдерман, М. Н. Липовецкий. – 2-е изд. – М.: Изд. центр «Академия», 2006. – С. 538.
10. Миңнуллин Туфан. Ай булмаса, йолдыз бар: Пьесалар. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1996. – 407 б.
11. Султанов К. Национальное самосознание и ценностные ориентации литературы. – М.: ИМЛИ РАН, «Наследие», 2001. – 196 с.
12. Хәким З. З. Телсез күкә: пьесалар. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2007. – 480 б.
13. Юзеев И. Шагыйрь сәхнәсе: драмалар, комедияләр. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2002. – 191 б.
14. Юсупова Н. М., Ибрагимов М. И. Современная татарская драматургия // Национальные литературы республик Поволжья (1980–2010 гг.) [Текст]: коллективная монография / науч. ред. В. Р. Аминев. – Барнаул: ИГ «Си-пресс», 2012. – С. 124–132.

ТӨРКИ-ТАТАР СУФИ ПОЭЗИЯСЕНДЭ ЭПИК СТИЛЬ: ФОРМАЛАШУЫ ҺӘМ ҮЗЕНЧӘЛЕГЕ

Н. М. Юсупова

*Казан (Идел буе) федераль университеты,
ТР ФА Г. Ибраһимов исемендәге Тел, әдәбият һәм сәнгать институты (Казан)*

А. Ф. Юсупов

Казан (Идел буе) федераль университеты (Казан)

В статье раскрывается формирование эпического стиля в тюрко-татарской суфийской поэзии на материале творчества А. Ясави и С. Бакыргани. Актуальность подобного рода исследования обуславливается, во-первых, малоизученностью данной проблематики, во-вторых, потребностью выявления особенностей формирования, развития эпического стиля и его специфических особенностей в тюрко-татарской поэзии. Объектом исследования являются поэтические тексты А. Ясави и С. Бакыргани, в которых отчетливо проявляются особенности эпического стиля. В ходе исследования утверждается, что эпический стиль, как литературное явление, впервые намечается в творчестве А. Ясави и С. Бакыргани. В их произведениях на первый план выдвигаются этические мотивы, доминирует гуманистическое, дидактическое начало, прослеживаются основные этапы и ступени приближения к Всевышнему, воссоздается религиозно-суфийская картина мира. **Ключевые слова:** суфизм, религиозно-суфийская поэзия, тюрко-татарская поэзия, А. Ясави, С. Бакыргани.

The article reveals the formation of the epic style in the Turkic-Tatar Sufi poetry based on the material of the works of A. Yasavi and S. Bakyrhani. The relevance of this kind of research is due, firstly, to the little-studied nature of this problem, and secondly, to the need to identify the features of the formation, development of the epic style and its specific features in Turkic-Tatar poetry. The object of the study is the poetic texts of A. Yasavi and S. Bakyrhani, in which the peculiarities of the epic style are clearly manifested. The study asserts that the epic style, as a literary phenomenon, is first outlined in the works of A. Yasavi and S. Bakyrhani. In their works, ethnic motives are brought to the fore, the humanistic, didactic principle dominates, the main stages and stages of approaching the Almighty are traced, the religious-Sufi picture of the world is recreated.

Key words: Sufism, religious-Sufi poetry, Turkic-Tatar poetry, A. Yasavi, S. Bakyrhani.

Суфичылык төрки-татар ижтимагый-фәлсәфи фикерендә, тарихында, мәдәния-тендә, тел, әдәбият үсешендә мөһим урын тотта. Төркиләр арасында суфичылыкның чагыштырмача тиз үзләштерелеп китүе өчен билгеле бер идеологик жирлек, дөнья, яшәешне танып-белүгә мөнәсәбәтле охшаш караш формалашкан булган дисәк тә ялгыш-мабыз. Билгеле булганча, «борынгы төркиләр, үз тарихларында мәжүсилектән, күпаллалыктан бераллалыкка күчү, баш алла итеп Тәңренә тану дәрәжәсенә күтәрелү өчен, зур һәм озын юл үткәннәр. Баш алла дип Тәңренә таний башлаганнар. Дөньядагы һәр гамәл, һәр эш нәкъ менә Тәңрә теләге, Тәңрә ярдәме, Тәңрә теләктәшлеге белән генә башкарыла дип ышанганнар» [12: 64]. Бу сыйфатлар, ышану һәм иделлаштыру үзенчәлеге Күлтәгин, Билгә каһан һәм Төһйөкык ташъязмаларында да чагылыш тапкан. Аларда каһаннар образлары идеаллаштырыла, камил инсан дәрәжәсенә күтәрелә, культ тудырылып, алардан соңгы буыннарның, варисларның алардан үрнәк алырга тиешлеге искәртелә, алар тәкъдим иткән кануннарны үтәмәү югалуга алып килә дип раслана. Бу караш төрки халыкларда традицион дөньяга караш төсен ала.

Төрки халыклар яшәгән жирләрдә (Урта Азия, Төркестан, Азәрбәйжан, Идел-Урал буйлары) таралган суфичылык хәрәкәтен «төрки суфичылык» термины белән атау кулланылышта йөри. Идел буе Болгар дәүләтенә суфичылыкны Урта Азия сәүдәгәрләре алып килсә дә, биредә суфичылыкка халык үз горәф-гадәтләрен дә беркетә, куша. Төрки суфичылыкта, гарәп суфичылыгынан аермалы буларак, рәсми исламга каршы чыгу күзәтелми, ислам белән суфичылык бер-берсенә керешеп китә; ишан һәм указлы мулланы бер кешедә күрү мөмкинлеге яши, ишан бер үк вакытта рәсми дин әһеле дә булып тора; рухи житәкче, рухи остаз мәгънәсендәге ишанчылык күренеше табигый санала [7: 183].

Идел һәм Урал буйларында башта Әхмәд Ясәви исеме белән бәйләнгән Ясәвия тарикате киң урын ала, ул беренче төрки суфи оешмасы да булып тора. А. Д. Кныш билгеләп үткәнчә, «иң типик “төрки” суфи төркем дип ясәвичелекне күрсәтергә кирәктер. Ул, 7/12 гасырлардан башлап, шәрыкта һәм Көнчыгыш Төркестанда киң таралган була. Алар күчмә төрки халыклар һәм Алтын Урданың монгол хөкемдарлары арасында ислам динен таратуда катнашалар. Аның нигез салучысы – Әхмәд Ясәви. Ясәвинен төрки телдә ижат ителгән хикмәтләр жыентыгы аның тарафыннан корылган суфи төркемнең идеологик нигезен тәшкил итә» [8: 312]. Тарикать, тарика сүзләре Корьәндә дә очрый. Тарика сүзенә сүз юл дигән мәгънә салынган. Г. Дәүләтшин билгеләп үткәнчә, «ул тасаувыф гыйлеме тарафдарларының оешу рәвешен билгели. Шуңа ук вакытта тарикать сүзе тасаувыфның (суфичылыкның) синонимы буларак та кулланыла һәм дини-әхлакый камилләшүнең мистик юлын аңлата... Галимнәр Болгар илендә һәм соңрак татарларда Урта Азиядән чыккан төркиләреннән беренче суфичылык идеологы, гыйлем иясе, шагыйре Хужа Әхмәд Ясәви (туган вакыты чама белән XI гасырның икенче яртысы, үлгән елы 1166) тарикате һәм шуңа нигезләнгән Шәех Мөхәммәд Баһаведдин Нәкышбәнди (1318–1389) төзегән тарикәتلәреннән киң таралуын язсалар» [5: 259].

Мөселман дөнъясындагы кебек үк, төрки-татар жирлегендә дә суфилар үз фикерләрен житкерү юлында иң мөһим майдан итеп әдәбиятны аерып куя. Г. Рәхим һәм Газиз Гобәйдуллин күрсәткәнчә, «рәсми ислам дине белән бергә безнең татарлар арасында бик борыңгы заманнарда ук алып тасаувыф әдәбияты да таралды. Шуның өчен үзбөзгә дини әдәбиятыбызда суфичылыкның бик көчле тәэсирен күрәбез» [1: 357]. Бу үзгәлеккә әдәбият белгече Ф. Туйкә 1920–1930 еллар чигендә үк игътибар итә: «Әлегә чаклы табылган материалларны тикшерү аркасында Идел буе әдәбиятының өч-дүрт йөзлек шул тарихына әдәбиятыбызның суфилык идеологиясе белән сугарылган чоры дип бәһа бирәбез» [13: 42].

Суфичылык шигъриятне мистик эчтәлек, дөнъяны үзгә күрү-күзаллау, серлелек, яшерен мәгънә белән өрәтелгән образ-символларга, баета-тулыландыра, шигъриятне үзгәлекле структурага «кора». Әмма суфичылык әдәбиятының формалашып китүе өчен милли күзаллау һәм образлы фикерләүгә бәйлә әдәби жирлек булган дисәк тә ялгышмабыз, чөнки сөйгән ярга мэхәббәтне югары күтәрү, аны илаһилаштыру һәм, символик образлар аша житкерү тенденциясе фольклор эсәрләрендә, халык жырларында ук урын ала, ул символик фикерләүнең беренче баскычы, нигезе булып тора [18: 61–91]. Һәр әдәбиятның үз йөзе, традицияләре булган кебек үк, суфичылык әдәбиятын тәшкил иткән хәлдә, һәр халык әдәбиятында формалашкан суфи поэзиянең дә үз үзгәлекләре, специфик үзгәлекләре бар. Азәрбәйжан әдәбиятын өйрәнәп, галимнәр суфичылык поэзиясенә формалашу нигезен фольклордагы гыйшык жырлары белән бәйләп карыйлар [4: 182–183]. Мондый фикерне төрки-татар әдәбияты мисалында да кабатларга мөмкин булып иде.

Урта гасырлар фәлсәфи фикерен өйрәнгән галим Рашат Әмирханов билгеләп үткәнчә, төрки-татар дөнъясында әдәбият ике юнәлештә: дини һәм дөнъяви юнәлештә үсеп китә, беренчесе Хужа Әхмәд Ясәви, Сөләйман Бакырганилар исеме белән бәйләнә, икенче юнәлеш Йосыф Хас Хажиб Баласагуни, Әхмәд Югнәкилә ижатларына тоташа [2: 34]. Ә. Сибгатуллина Й. Баласагунлының «Котадгу белег» поэмасына да суфичылыкның көчле тәэсир итүен һәм Одгурмыш образында бик ачык чагылуын билгели: Одгурмыш – аскет, сукбай, үзен бары Аллага гына хезмәт итәргә багышлаган дәрвиш: аның ашаганы – үлән тамырлары, эчкән суы – яңгыр сулары, кигән киеме – капчык киндереннән [11: 7]. Рус галиме М. С. Фомкин хезмәтләрендә Одгурмыш дәрвиш кенә түгел, шәйх дип билгеләнә [15: 70]. Әмма суфичылык әдәбиятына хас мотивлар, идея-фикерләр, барыннан да элек, төрки әдиләр Ә. Ясәви һәм С. Бакырганий ижатларында ачык чагылыш таба.

Урта гасыр фарсы шигъриятендә галимнәр ике юнәлешне аерып билгели: «авыр аңлашылы гади стиль (саһл-е мөмтани)» һәм «яңа үзгәлекле нәфис стиль (фиганият)» [9: 104–105]. Урта гасыр суфи төрки-татар шигъриятендә дә әлегә классик юл белән үсә: дидактик башлангычка йөз тоткан гади стильдән – символик сурәтлелеккә, күпкатламлы эчтәлеккә йөз тоткан нәфис стильгә юл тотта. Ә. Сибгатуллина «Татар шагыйрьләреннән эсәрләре фарсы әдиләренекә кебек югары стильгә» ия булмавын билгели. Монда

борынгы мөселман суфи шигърияте белән дә параллельләр үткәргә мөмкин булыр иде: И. М. Фильштинский ул дәвер эсәрләренең декларатив характерда булуын, башлангыч чорда сәнгат югарылыкның, катлаулы образлар исәбеннән бигрәк, эмоциональ күтәренкелеккә бәйлә булуын күрсәтә [14: 224].

Кол Шәриф шигъриятеннән үсеш алып киткән нәфис стиль [6: 213] татар шигъриятендә чын мәгънәсендә XIX гасырда, аерым алганда Шәмсетдин Зәки шигъриятендә көчле чагылыш таба [17: 230–235]. Бу хакта Г. Рәхим белән Г. Гобәйдуллин да билгеләп үтә: «...гомуми мәдәни дәрәжәбез түбән булганга, бездә башка шәрык илләрендәге шикелле нәзек вә гали бер суфичылык әдәбияты житешеп, сокланырлык гүзәл чәчәкләр бирә алмады. Шәмсетдин суфи шикелле тәсавуф шигъриятенә югары нокталарына үрмәләгән әдипләр бездә сирәк чыкты» [10: 149].

Ә. Ясәви, аның укучысы С. Бакырганный иҗатлары гади, эпик стильгә йөз тотып үсә. Әхмәд Ясәвинә безнең көннәргә килеп житкән проза белән язылган, Ясәвия тарикате буенча белешмә-өйрәтмәне тәшкит иткән «Дәфтәри әүвәл» («Беренче дәфтәр»), хикмәтләре туплаган «Дәфтәри сани» («Икенче дәфтәр», «Диване хикмәт»), С. Бакырганының 36 хикмәте һәм 3 поэмасы урын алган «Бакырган китабы», аерым китапчылар рәвешендә дөнья күргән «Ахырзаман» һәм «Мәрьям ана» поэмалары, аңа нисбәт ителгән «Хәким ата» китабы шул хакта сөйли. Аларның эсәрләрендә үгет-нәсихәт, өндәү көчле булып, эсәрләр тәкдиргә буйсынырга, әхлакны төзәтәргә чакыру, жанның Алла белән кушылырга омтылуы, бу жирнең коллык, ялган булуы хакындагы мотивлар белән баетыла; иҗтимагый тәртипләргә, мәжүсилеккә, башка диннәргә тәнкыйди мәнәсәбәт житкерелә, рух, жан, яшәү һәм үлем проблемалары һәм аларга бәйлә рәвештә яшәү мәгънәсе проблемалары үзәккә куела.

Эсәрләр Аллага якынаюның төрле этаплары хакында мәгълүматлар бирә. Суфичылыкта Алла юлына чыккан кешенең кәефе «хәл» дип атала һәм аның тугыз төре әйләнешкә керә: Илаһка якынлыкны сизү, Илаһи гыйшык, гөнаһлы булуны төшенү, Алланың кичерәчәгенә өмет итү, хис ташкыны, дуслык-якынлык, рухи тынычлык, Алланың барлыгына һәм берлегенә ышану. Төрки авторларның эсәрләре шул халәтләре сәнгатьчә гәүдәләндерә, укучыга ирештерә. Бу баскычлар лирик геройның еш кына үз-үзе белән, Алла белән сөйләшүе, үзара диалог рәвешендә ала. Гомумән, төрки-татар суфи әдәбиятының үзәген танып-белү проблемасы тәшкит итә. Шуңа мәнәсәбәттә кеше / Алла, реаль / трансценденталь оппозицияләр алга чыга. Ә. Ясәви, С. Бакырганный эсәрләрендә реаль / трансценденталь дөнья оппозициясе яшәешкә бәя бирү чарасына әверелә. Шушы фонда жир тормышы гөнаһ, наданлык, ямьсезлек, тән ләззәте чыганагы буларак кабул ителә, ә трансценденталь дөнья, киресенчә, яктылык, матурлык, изгелек, Алла белән очрашу урыны буларак күзаллана. Мәсәлән, Әхмәд Ясәвинә лирик герое жир яшәешенең мәңгелек газәптан торуы хакында сөйләп, бу газәпларның суфи шәхәсне ахирәт бәхәтенә алып киләчәген раслап куя:

*Монда жәффа чиккәннәргә дидары тәхт,
Рузы Мәхшәр гата кылгай һәм тәхте бәхт,
Яратканда кылган үзе гашийкка гаһд,
Ләмәкәндә Хакдин сабак алдым мына [20: 58].*

Реаль / трансценденталь оппозициясе Әхмәд Ясәви эсәрләрендә гариплек, горбәтлек идеясен житкерүгә дә буйсындырыла. Гомумән, суфи әдәбиятта гариб образы зур урын алып тора. Гариб – ялгыз кеше. Әхмәд Ясәвинә лирик герое да гариблектә «горбәт чиккән», ягъни чит илдә калырга мәжбүр булган кеше буларак аваз сала:

*Вә дәрига, нитәк кылгым гариблектә,
Гариблектә горбәт эчрә калдым менә.
Хорасан вә Шам, вә Гыйрак ният кылып,
Гариблекне күп кадрене белдем менә [19: 63].*

Суфилар фикеренчә, кешеләр – гариб, чөнки алар бу дөньяда горбәттә калганнар, аларның төп ватаны Алла катында. Әхмәд Ясәви тарафыннан яшәештә инсанның төп вазифасы – «теге», трансценденталь дөньяга күчешкә әзерләнү, илаһият белән кушылу юлына таба жан хәрәкәте буларак билгеләнә.

Йөз дә беренче хикмәтендә Әхмәд Ясәви ахырзаман алды билгеләрен санап чыга, шул рәвешле, реаль – трансценденталь яшәеш чикләренәң гаять якын булуы, фани яшәешнең, реаль чынбарлыкның бетү алдында торуы хакындагы экзистенциаль карашларын да житкерә:

*Ахыр заман нишаны ул – хәйрат китте,
Кайһар Игәм кайһар берлә хәкмен әйтте,
Халакикълар, фисык булып, динен йотты,
Ислам зәгыйфь булып, кулдин чыкты, күрең [19: 65].*

Мондый уйланулар лирик геройны үлемнең котылгысызлыгын аңлауга алып килә. Бу экзистенциаль хакыйкәт аша автор бакый дөнья, Алла каршында жавап тоту хакында фикерләрен житкерә, һәр кешене шушы юлга әзерләнергә, намусына күз салырга өнди. Әлеге карашлар яктылыгында кеше гомеренең вакытлы, трансцендентальлекнең илаһи булуы, һәркемнең шунда китәчәге хакындагы фикер калка:

*Газраил бер көн килер шиддәт берләң,
Асигь тәңдин газиз жәннә бирмәк кирәк,
Биш көнлек нәкъд гомерене кулдин биреп,
Чара тапмай, ахыр бер көн үлмәк кирәк [20: 234].*

Охшаш мотивлар С. Бакырганный әсәрләрендә дә дәвам итә. Мисал өчен, аның ождак белән тәмуғның үзара бәхәсенә багышланган шигырендә дөнья сурәте ождак / тәмуғ каршылыгы аша бирелеп, ождак үзенә эчәндә пәйгамбәрләренәң һәм иманлы бәндәләренәң, хак мөселманнарның булуы белән мактана, тәмуғ исә, киресенчә, газәп чигүчә кяферләренә, һәртөрлө жәзалау рәвешләренәң үзәндә булуы белән горурлана. Кеше гомере чикләнгән, кеше үлемгә әзерләнергә, ождакка ирешерлек гамәлләр кылырга, Аллага якынаерга тиеш дигән фикер әсәрне үтәли кисеп бара [3: 240]. Шуңа бәйлә Ә. Ясәви, С. Бакырганный әсәрләрендә аскетлык, дәрвишлек – дөнья малыннан, рәхәтәннән ваз кичү хакында фикерләр актуальләшә. Гомумән, урта гасыр гарәп-мөселман фәлсәфи фикеренең иң киң таралыш алган юнәлешләреннән берсе саналган суфичылыкның халык арасында киң таралуының бер сәбәбен галимнәр шушы сыйфат белән бәйләп аңлата да [16: 114]. Аскетизмның нигез принципларының берсен хәлвә тәшкил итә. А. Кныш фикеренчә, «суфичыл өйрәтүдә “ялгызлык, читләшү” мәгънәсендәгә хәлвә термини (хәлә – ялгызлыкта калу фиғыленнән) мөһим урын тотә» [8: 365], кешесез, тыныч урында ялгыз калу яки тау куышында, биклә бүлмәдә утыру гадәттә Алла һәм тормыш хакында киеренкә уйланулар, чикләүләр (ач яки йокысыз тору), сөйләшмәү һ.б. ны таләп итә. Суфилар шушы юл белән Аллага омтыла, кушыла ала дип санала.

Камил инсан өйрәтүенә бәйлә, дөнья сурәтендә үзәңчәлеккә макрокосм һәм микрокосм каршылыгы алга чыга. Әхмәд Ясәви ижатында Мөхәммәд образын идеаллаштыру сыйфаты аеруча көчлө булып тоела. Әйтик, егерме өченчә, егерме дүртенчә хикмәтләрендә лирик герой, экзальтациягә бирелеп, Хакка ирешү юлында Мөхәммәд пәйгамбәр сыйфатлары хакында бәян итә, Шушы юлда макрокосм һәм микрокосм рәсүл / туфрак бөртеге образлары ярдәмендә төгәлләштерелә:

*Йөздин күтәрәп нәрдәнә, Әхмәт сари бакгыл,
Мән – бәндә, ул руйесийәһенәй (догачы), Мөхәммәд.
Мескен Яссәви арзуиә раузай (каберен күрергә теләүчә) Хәзрәт,
Булгаймы мөйәссәр хаке кәфк пайм (кабер туфрагыңа
барырга лаек булырмынмы), Мөхәммәд? [20: 75]*

Изгелек, фәкыйрьләренә сөю, ярдәмчел булу, булганга канәгать булу, Алла кушканча яшәү, тәкъвалык, шәфкәтьлелек, һәрдаим гыйбадәттә булу, шәригать кануннарын жиренә житкереп үтәү, Алладан ярлыкау һәм жәннәт өмет итү Әхмәд Ясәвинәң лирик героә тарафыннан камил инсанның төп сыйфатлары буларак кабул ителә:

*Гариб, фәкыйрь, ятимнәрне рәсүл сөрдә,
Ушал төнне мигъраж чыгып, дидар күрдә,
Кайтып төшәп, гариб-фәкыйрь хәлен сорды,
Гарибләренәң эзен эзләп төштем менә [19: 35].*

*Сәждә кылган игелеп итагәтьлек Мөхәммәд,
Биш вакыт намазын кылганда, имамәтлек Мөхәммәд.
Ятим, фәкыйрь, гарипкә сәхавәтлек (юмартлык күрсәтүче) Мөхәммәд,
Фәрештәгә, адәмгә сәгадәтлек (бәхет бирүче) Мөхәммәд [20: 77–78].*

С. Бакырганиның Мөхәммәд пәйгамбәрнең мигъражы вакыйгаларын сурәтләүгә багышланган поэмасында да Мөхәммәт пәйгамбәр идеал итеп куела, мистик карашлар урын ала.

Ә. Ясәви, С. Бакырганың әсәрләрендә гөнаһ кылу, аның өчен гафу сорау мотивларын калку: гөнаһ гамәлләр өчен Алладан кичерү сорау кирәк, Алла мәрхәмәтле, чын күңелдән тәүбә итүчеләрне, ярлыкау үтенүчеләрне гафу итә, тәүбәгә килүчеләргә аның нуры инә, ә тәүбәсезләр бу дөньялыктан кичмәс, шулай итеп, рухи чисталыкка, үлемсезлеккә ирешә алмый кала дип раслана. Шуңа мөнәсәбәттә кешелеклелек сыйфатлары мактала, гуманизм идеясе күтәрелә, суфи лирик герой кешеләрне мәрхәмәтле булырга чакыра:

*Кайда күрсәң күңде сынык – мәрхәм булгыл,
Андак мәзлүм юлда калса, һәмдәм булгыл,
Рузе – мәхшәр, дәргаһегә мәхрам булгыл,
Мәнмәнлек халаикъдин качтым мына [19: 89].*

Шул рәвешле, төрки-татар шигъриятендә эпик стиль Ә. Ясәви, С. Бакырганың ижатларына баоып тоташа. Үз әсәрләрен эпик язу стилиенә корып, алар дидактик, гуманистик башлангычка зур урын бирә, суфичылык мотивларын житкерә, суфи юлга керүчеләргә төп фикерләрен ирештерә. Әмма аларда нәфис стильгә хас символик фикерләү көчле түгел, ике катламлы образлар кулланыла, әмма алар беренчел планда тормый.

ӨДӘБИЯТ

1. Абилов Ш. Суфичылык // Татар әдәбияты тарихы: Алты томда. Т. 1. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1984. – Б. 354–368.
2. Амирханов Р. М. Татарская социально-философская мысль средневековья: в 2-х кн. Кн. 1. – Казань, 1993. – 431 с.
3. Бакырган китабы: XII–XVIII йөз төрки-татар шагыйрьләре әсәрләре / текстны басма өчен Ф. Яхин эзерләде. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2000. – 240 б.
4. Габиббейли И., Багиров А. Азербайджан – жемчужина Турана: монография-антология. – М.: Изд-во «Худ. лит-ра», 2020. – 656 с.
5. Дәүләтшин Г. Төрки-татар рухи мәдәнияте. – Казан: Татар. китап нәшр., 1999. – 512 б.
6. Загидуллина Д. Ф. Картина мира и художественные особенности средневековой суфийской поэзии // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия гуманитарных наук. 2007. – Т. 149. Книга 2. – С. 206–216.
7. Йосыпова Н. М. Суфичылык // Әдәбият белеме: терминнар һәм төшенчәләр сүзлеге. – Казан: Мәгариф, 2007. – Б. 183–185.
8. Кныш А. Д. Мусульманский мистицизм. – СПб.: Диля, 2004. – 464 с.
9. Пригарина Н. И. Образное содержание бейта в поэзии на персидском языке // Восточная поэтика. – М.: Наука, 1983. – С. 89–108.
10. Рәхим Г., Гобәйдуллин Г. Татар әдәбияты тарихы. Феодализм дәвере. Икенче басма. – Казан: Татар. матбугат һәм нәшрият комбинаты нәшере, 1925. – 149 б.
11. Сибгатуллина Ә. Т. Татар дини-суфи әдәбияты. – Казан: Казан ун-ты нәшр., 2013. – 184 б.
12. Татар әдәбияты тарихы: 8 томда. Т. 1: Борынгы һәм урта гасырлар. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2014. – 415 б.
13. Туйкә Ф. Тузанлы шүрлекләрдә (әдәбият тарихына материаллар) // Безнең юл. – 1928. – № 9. – Б. 41–43.
14. Фильштинский И. М. Поэзия как форма самовыражения арабо-мусульманских мистиков // Суфизм в контексте мусульманской культуры. – М.: Наука, 1989. – С. 222–238.
15. Фомкин М. С. О суфийских мотивах в «Благодатном знании» Юсуфа Баласагуни // Советская тюркология. – 1990. – № 5. – С. 69–72.
16. Юзеев А. И. Суфизм в Поволжье и Приуралье // Татарская религиозно-философская мысль в общемусульманском контексте. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2002. – С. 113–117.
17. Юсупова Н. М., Юсупов А. Ф. Суфийская символика в татарской поэзии XIX века // Филология и культура. Philology and Culture. – 2014. – № 2 (36). – С. 230–235.
18. Юсупова Н. М. Образ-символ как система номинаций в татарской поэзии первой половины XX века: дис. ... д-ра филол. наук. – Казань, 2018. – 399 с.
19. Ясәви Ә. Хикмәтләр. – Казан: «Иман» нәшр., 2000. – 215 б.
20. Ясәви Ә. Хикмәтләр. – Казан: ТР «Хәтер» нәшрияты (ТаРИХ), 2003. – 383 б.

КОМПАРАТИВИСТСКИЙ ДИСКУРС В СОВРЕМЕННОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ

УДК 82.09

ПОНЯТИЕ «НАЦИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА» В ТРУДАХ Я. Г. САФИУЛЛИНА

В. Р. Аминова, Э. Ф. Нагуманова

Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань)

В статье определяются основные направления осмысления концепта «национальная литература» в трудах Я. Г. Сафиуллина. Выделено несколько проблемно-тематических циклов, связанных с этой категорией. Выявлена роль понятий «идентичность» и «диалог» в характеристике ученым предельных оснований бытия национальной литературы в ценностном поле мировой культуры как уникального духовно-практического образования. Прослежена эволюция взглядов исследователя в понимании языка как фактора национальной идентичности литературы. Установлена актуальность для современного литературоведения сложившихся в работах Я. Г. Сафиуллина путей постижения национального в литературе.

Ключевые слова: национальная литература, нация, язык, диалог, коммуникация, идентичность.

The article defines the main directions of understanding the concept of «national literature» in the works of Y. G. Safullin. There are several problem-thematic cycles associated with this category that are highlighted. The authors reveal the role of the concepts of «identity» and «dialogue» in the scientist's characterization of the ultimate foundations of the existence of national literature in the value field of world culture as a unique spiritual and practical education. The article traces the evolution of the researcher's views in understanding language as a factor of the national identity of literature. This research establishes the relevance of the ways of comprehending the national in literature developed in Y. G. Safullin's works for the modern science of literature.

Key words: national literature, nation, language, dialogue, communication, identity.

Объем и содержание понятия «национальная литература» – предмет дискуссий в современной теории литературы и компаративистике. С одной стороны, интегративные тенденции в литературном процессе дают основание ученым говорить об относительности и исторической подвижности концепта «национальная литература» [см.: 1]. С другой – появляется большое количество авторов с мировым признанием (С. Рушди, Г. Ансальдуа, К. Исигуро, Эми Тан, О. Памук), писательская идентичность которых определяется их пребыванием на стыке культур. Х. Бхабха, М. Эпштейн, М. В. Глостанова констатируют формирование особого типа творчества, выходящего за пределы национальной литературы и обладающего свойством транскультурности [см.: 10, 9, 8].

«Национальная литература» – одна из сквозных тем размышлений Я. Г. Сафиуллина. В определении содержания и объема этого понятия проявились характерные особенности творческого мышления Ямиля Галимовича как литературоведа-философа, человека оригинальных, прорывных, зачастую революционных идей, не соответствующих общепринятым стандартам и схемам, разрушающих стереотипы. С помощью философии он стремился преодолеть ограниченность научных методов, выйти в сферу свободы от создаваемых их строгой системой условий, пределов, допущений, приблизиться к тому, что принято называть не знанием, а истиной. Ему как теоретику литературы в высшей степени была свойственна способность проблематизации устоявшихся понятий, категорий, методов, считающихся аксиомами положений, и прежде всего словосочетания «национальная литература».

В трудах ученого можно выделить три круга проблем, связанных с этой темой: во-первых, связь национальной литературы и языка, пути самоидентификация национальных литературно-художественных систем; во-вторых, целостность национальной литературы, ее «закрытость», герметичность и в то же время «незамкнутость», открытость; в-третьих, литература и судьба нации.

1. Теоретическим новаторством Я. Г. Сафиуллина стала актуализация в словосочетании «национальная литература» его внутренней противоречивости. Слова «нация» и

«литература» принадлежат разным рядам концептуализации действительности: «Словосочетание <...> образовано из двух далёких по значениям слов, которые относятся к разным дискурсам в языке» [7: 164]. Чуткий на коррективы, вносимые современной цивилизацией в культуру, ученый много размышлял об историчности, процессуальности и событийности национального в литературе: «“Национальное” в литературе рождается в свободном творчестве. Оно – не тема, которую кто-то перед автором ставит и предлагает её интерпретацию» [7: 164].

Национальная литература предстает в трудах Я. Г. Сафиуллина явлением, имеющим, с одной стороны, концептуально-семиотическую природу, закрепленную в устойчивых, исторически мало изменяющихся смысловых структурах и символических формах, с другой – континуально-целостный характер: «Когда мы называем ту или другую литературу собственным именем («русская», «татарская», «чувашская» и др.), она представляется нам как самодостаточная целостность (в языке, образной системе, духовности)» [7: 159]. Предельные основания бытия каждой национальной литературы в ценностном поле мировой культуры как уникального духовно-практического образования раскрываются в работах Я. Г. Сафиуллина с помощью понятия «идентичность», которое ученый связывает с категорией «различие» и противопоставляет словам «своеобразие», «специфика», «особенности», используемым при сравнении разных литератур: «Различие укоренено в национальной идентичности отдельно взятой литературы и демонстрирует ее уникальность» [2: 93].

Исследователь подчеркивает, что идентичность литературы не может быть познана рационалистическим способом: идентичность – «самореализация литературы. Она целостна и конкретна. Ее можно «видеть», ощутить как «чужое», понять, описать. Стандартизированная логика разрушает идентичность. По отношению к общему она первична» [3: 30]. В трудах ученого обосновывается продуктивность такого метода понимания идентичности, как сопоставление литератур. Не углубляясь в анализ методологии и понятийно-терминологического аппарата сопоставительного литературоведения, разработанного Я. Г. Сафиуллиным и его учениками, подчеркнем их значимость в концептуализации и теоретическом осмыслении понятия «национальная литература».

Каждая национальная литература тождественна себе, образует неповторимую целостность и конструирует свою идентичность как «чужую» другим. Различия «своего» и «чужого» существенны для постижения национальной идентичности вступающих в диалог национально-художественных систем и особенностей их функционирования. «Межлитературный диалог – столкновение различий. Но не в целях победы одного из них над другим. Оно сопровождается пониманием другого. <...> Различия выступают в отношениях взаимной дополнительности» [2: 93]. «Диалог различий» порождает новые смыслы, которые определяют феноменологию, семантическую структуру и функционирование универсалий словесно-художественного искусства.

Ямил Галимович был последователем В. Гумбольдта, И. Фихте, А. Потебни, Л. Витгенштейна, М. Хайдеггера, В. Виноградова, М. Бахтина в утверждении первичности языка по отношению к литературе и духовной жизни народа. Об участии языка в формировании нации речь идет в одной из поздних работ Я. Г. Сафиуллина – в статье «Понятие “национальная литература”: метаморфозы содержания». «Язык в письменной форме и вместе с ним литература участвовали в формировании той или другой нации, будучи тем самым органической её составляющей. Они не просто отражение чего-то в нации, они – в самой этой нации. Когда мы пытаемся уловить и осмыслить духовный мир какой-то нации, то конструируем этот мир в своем сознании, опираясь в основном на литературу и язык этой нации, которые, таким образом, становятся не отражением чего-то, а первоисточниками для наших представлений» [7: 160].

Однако при выделении языка как доминирующего фактора в определении национальной идентичности Ямил Галимович обращает внимание на существующие в науке противоречия. Так, приводя определение, ставшее в СССР официально признанным («Нация – это исторически сложившаяся устойчивая общность языка...»¹), он указывает

¹ В статье «Марксизм и национальный вопрос» И. В. Сталин писал: «Нация – это исторически сложившаяся устойчивая общность языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры» (Подробнее См.: Сталин И. В. Марксизм и национально-колониальный вопрос. М.: «Партиздат», 1934. 232 с.).

на те перегибы, которые были в результате превалирования языка над нацией. В частности, ученый пишет, что в советскую эпоху не было открытого притеснения наций и их языков, допускалась возможность их саморазвития, «в ходе которого будут исчерпаны, по мнению власти, их индивидуальные потенциалы, после чего они естественным, добровольным образом сольются в гармоническое целое» [7: 160]. Эта мысль может быть подтверждена и тем, что в советскую эпоху к русской литературе редко прибавлялось определение «национальное», она доминировала над национальными литературами, приняла на себя роль учителя. Такая возложенная властью на русскую литературу миссия не способствовала полноте самореализации ее как уникальной системы.

О том, как письменность формирует общественное сознание в советское время, рассуждает Ямил Галимович в статье «Крутые повороты: арабица, латиница, кириллица. Алфавитная революция в Советском Союзе глазами современности», где утверждает, что «советская “языковая политика” открыто встала на сторону письма» [6: 173]. «В открытой печати постоянно утверждалось, что единый алфавит, общие правила письма создают новые, по-настоящему благоприятные условия для сближения и взаимодействия разных языков и литератур» [6: 174]. Процесс унификации алфавита, насаждаемый советской властью, способствовал формированию единого взгляда на национальные литературы, при этом нивелировались различия между ними.

Размышление о языке и нации не могли оставаться в стороне от проблемы «русскоязычной литературы». К термину «русскоязычная литература» Ямил Галимович неоднократно обращался в своих работах. В определении ее статуса и отношения к литературе метрополии и мейнстрима прослеживается эволюция во взглядах ученого. В статье «“Русская литература” и “русскоязычная литература” – синонимы?» дается утвердительный ответ на поставленный в названии статьи вопрос: «Может ли русскоязычная литература быть не русской, а литературой другого народа, скажем, литовского грузинского, татарского, чувашского и т.д.? Да, если допустить мысль, что язык и литература разделены. То есть предположить невозможное. Язык – в основе литературы. Он первичен по отношению к ней. Кроме того, именно язык определяет образ мышления народа, формы его самосознания, к которым относятся и литература» [4: 10]. В более поздних статьях приоритет отдается множеству факторов, формирующих национальную идентичность литературы. Я. Г. Сафиуллин констатирует: «Имеются, по меньшей мере, две проблемы, от решения которых в свою очередь зависит то, какой можно представить «русскоязычную литературу» в контексте той или другой национальной литературы. Первая из них – соотношения языка и литературы; вторая – устойчивость нации в её традиционных признаках» [7: 169]. Национальные литературы могут зародиться на «чужом» языке, чтобы потом перейти на свой, иметь сравнительно долгую историю на нём. То, что Ч. Айтматов написал на русском языке большинство своих лучших произведений, не отвергает того, что он представитель киргизской национальной литературы. Эта литература на русском языке составляет часть самосознания киргизской нации.

2. Проблема целостности национальной литературы, ее «закрытости» и в то же время «незамкнутости» рассматривается в контексте межлитературных взаимодействий: «понятие “национальная литература” находится на границе разных литератур; в нём и то, что разделяет их, идентифицируя каждую из них в контексте общего, и то единое, что существует или возможно между ними» [7: 159]. В эпоху глобализации литературы «открыты» друг другу, они могут взаимодействовать, сосуществовать, соперничать. Татарская, чувашская, марийская, русская литературы выступают как уникальные самодостаточные единицы. В результате их со-поставления мы сможем воспроизвести разнообразие национальных литератур, найти индивидуальное в видении мира представителями каждого народа.

Рассуждая о современном литературном процессе Татарстана, Я. Г. Сафиуллин подчеркивает, что понятия «татарская литература» и «национальная литература татар» не синонимы и содержание второго из них более широкое. Почему так? Мы не должны забывать о писателях, которые пишут на русском языке, но продолжают идентифицировать себя с татарской нацией. К примеру, Р. Бухараев (1951–2012), утратив способность идентифицировать себя с этносом по языку творческого самовыражения, нашел другие пути отождествления себя с родной для него этнокультурной традицией: переводы,

обращение к мотивам и образам поэзии национального татарского поэта Г. Тукая, попытка осмыслить в поэме «Меж двух огней» феномен личности Тукая.

Разговор о «замкнутости – незамкнутости» национальных литератур не может быть закончен без обращения к коммуникативной функции литературы. Эта проблема была поднята исследователем в статье «Коммуникация и литература». Я. Г. Сафиуллин пишет о том, что литературы функционируют в условиях взаимовлияний и заимствований. Именно коммуникация способствует расширению связей между литературами. «Возрастающее влияние коммуникации на взаимоотношения между разными литературами, направленное на то, чтобы преодолевать, разрушать границы между ними, сопровождается образованием так называемой панлитературы, стоящей над национальными литературами и основанной на стандартных темах, идеях и формах творчества. Панлитература призвана удовлетворять эстетические потребности массового и в основном элементарного уровня...» [5: 26]. Однако отношения между литературами нельзя сводить только к коммуникации, именно в диалоге каждая литература раскрывается в своей собственной идентичности. Именно диалог признавался ученым наиболее естественной формой отношений между национальными литературами.

3. С понятием «национальная литература» и путями ее самоидентификации в трудах ученого соотносятся размышления о судьбе нации и факторах, ее определяющих. Я. Г. Сафиуллин цитирует В. Розанова, который считает, что слово «Судьба» метафорично. Нация – это судьба (призвание, миссия) того или другого народа в мире. Возлагаемая Создателем на него ответственность. Воля к самоутверждению. «У Бердяева в его книге “Философия неравенства” нация определяется как “единство исторической судьбы”» [7: 166].

Нация – это общность людей, претендующая на самодостаточность, своё особое место и даже миссию в мире. Она онтологична. Но такое понимание нации не устраивает ученого: «Слово “нация”, от которого образовано определение к слову “литература”, в содержании своём может быть основательно пересмотрено. Это касается не доминирующей в нашей стране русской нации, сохраняющей в полной мере свою целостность, а ряда других бытующих в ней наций, которые уже потеряли или теряют конструирующие их признаки, включая и такие фундаментальные из них, как язык и духовный склад. Не придёт ли на самом деле время отказаться от слова «нация» в его приложении к нерусским народам нашей страны?» [7: 164]. Вопрос, заданный ученым-мыслителем, не получает однозначного ответа. Словом, выступающим в роли замещающего слово «нация», может быть «этнос». Однако Ямил Галимович не может этого принять: «...если будут предприниматься попытки сменить традиционное понятие “национальная культура” новым, связанным в основном с этносом, то это может оказаться только очередным вариантом позитивизма» [7: 167]. Итог размышлений исследователя можно свести к словам: «В будущем возможно расставание со словом “нация” в его привычном для нас определении. Но это не обязательно приведёт к тотальному выравниванию различий, которые им обозначались» [7: 166].

Традиционно в статьях Ямиля Галимовича много вопросов, на которые он не дает однозначного ответа, но сама постановка этих вопросов дает читателю возможность включиться в диалог с мыслителем, постараться понять те проблемы, которые стоят перед современным обществом. Рассматривая взаимодействие национальных литератур между собой, исследователь исходил из идеи их равноправия. Для него нет литератур ведущих и ведомых, Ямил Галимович в своих работах не соизмеряет национальные литературы по их вкладу в сокровищницу мировой культуры. Самая естественная форма отношений между литературами есть диалог, в котором каждая литература раскрывается в своей собственной идентичности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильев Н. Л. Историзм и относительность концепта «национальная литература» // Сравнительное литературоведение: теоретический и исторический аспекты. – М., 2003. – С. 53–58.
2. Сафиуллин Я. Г. О межлитературном диалоге // Проблемы сравнительного и сопоставительного литературоведения Поволжья: сб. науч. ст. – Чебоксары, 2010. – С. 92–95.
3. Сафиуллин Я. Г. Идентичность литературная // Теория литературы: словарь для студентов, специализирующихся по сравнительной и сопоставительной филологии. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2010. – С. 29–31.

4. Сафиуллин Я. Г. «Русская литература» и «русскоязычная литература» – синонимы? // Актуальные проблемы и перспективы развития русскоязычной литературы в контексте национальных литератур. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Казань, 2011. – С. 7–11.
5. Сафиуллин Я. Г. Коммуникация и литература // Межкультурная коммуникация: филологический аспект. Словарь-справочник. – Казань: Отечество, 2012. – С. 15–31.
6. Сафиуллин Я. Г. Крутые повороты: арабица, латиница, кириллица. Алфавитная революция в Советском Союзе глазами современности // Казанский альманах: Бирюза [сост. и ответ. ред. – А. Мушинский]. – 2017. – С. 171–180.
7. Сафиуллин Я. Г. Понятие «национальная литература: метаморфозы содержания // Национальные литературы на современном этапе: научные концепции и гипотезы: круглый стол, посвящ. 80-летию создания Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ (11 сентября 2019 года): Сб. ст. Вып. 1. / Сост.: А. Ф. Ганиева, Ф. Х. Миннуллина, Л. Р. Надыршина. Казань: ИЯЛИ, 2019. С. 157–181.
8. Глостанова М. В. От философии мультикультурализма к философии транскультурации. – М.: РУДН, 2008. – 251 с.
9. Эпштейн М. Знак пробела: О будущем гуманитарных наук. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. – 864 с.
10. Bhabha H. The Location of Culture. – New York, 1994. – 408 p.

УДК 821.51

МАРКЕРЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СИСТЕМЕ ЛИТЕРАТУРЫ (марийско-удмуртские параллели)

А. А. Арзамазов

*Федеральный исследовательский центр «Казанский научный центр
Российской академии наук» (Казань)*

В статье рассматриваются отдельные примеры художественного проявления этнической идентичности. В центре внимания – марийская и удмуртская поэзия. Выделяются показательные в аспекте поставленной научной проблемы мотивы, лирические ситуации. Подчеркивается терминологическая неразработанность, связанная с этноидентичностью в литературе. Статья носит постановочный характер.

Ключевые слова: этническая идентичность, поэзия, национальная литература, язык, ассимиляция

The article examines some examples of the artistic expression of ethnic identity. The focus is on Mari and Udmurt poetry. Illustrative motives and lyrical situations stand out in the aspect of the posed scientific problem. It is emphasized that the terminology related to ethnic identity is not sufficiently developed in the literature. The article contains a presentation of the question.

Key words: ethnic identity, poetry, national literature, language, assimilation

Одна из широко обсуждаемых научным сообществом гуманитарных проблем – многомерная природа этнической идентичности. Это тема имеет ярко выраженный междисциплинарный характер, при этом наибольшую активность в плане ее разностороннего осмысления проявляют этнологи и социологи, психологи, культурологи. Литература как чрезвычайно информативный объект прочтения относительно недавно попала в сферу исследовательского внимания «специалистов» по этноидентичности. Понятийно-категориальный аппарат описания этноидентификационных измерений художественной словесности находится в стадии формирования: на этом научном «поле» еще много творческой свободы. Литературы народов России в аспекте обозначенного аналитического направления представляют значительный интерес. Одним из первых к феномену этнохудожественной идентичности обратился казанский филолог М. И. Ибрагимов [4]. Прекрасно осознавая масштабы данного гуманитарного проблемно-тематического комплекса, в рамках статьи мы хотели бы предложить некоторые сюжеты, сопряженные с поэтическим выражением этнической идентичности в финно-угорских (марийской и удмуртской) литературах.

Марийские истории

Идентичность и этносимволика. В текстах классика марийской литературы Валентина Колумба, невзирая на открыто постулируемые и зачастую стирающие «свое»

соцреалистические приоритеты, находит место этносимволика. Поэт при любой возможности стремится напомнить читателю о своей марийской самобытности. Переводчик в данном случае с удовольствием поддерживает эту исходную авторскую инициативу, оставляет колоритные марийские символы, лексемы, имена: «*Как череп **патыра**, глазницы окон / Куда-то вдаль вперял наш новый дом...*» (Здесь и далее перевод с марийского А. Казакова. —А. А.) [5: 6]; «*Не густая роса гнет колосья тяжёлые, / Тяготит их зерно — лета доброго дар. / Где-то рядом кричит перепелка веселая: / «**Пулдыр тич!**», обещая всем полный амбар» [5: 88]; «*Песнь, как зов оратора, / Жгла, в сердца вселяя / Удальство **Акпатыра**, / Нежность **Палантая**» [5: 13]; «*Везде эта песня народ собирала, как знамя, / На тризнах **онаров**, на свадьбах звенела она... / И в гусях живут перегуды **Акпарсовых маршей**» [5: 28]. В Колумб прибегает к героической мифологии марийцев, для него важно продемонстрировать наличие в марийской реальной и фикциональной истории своих национальных героев, отважных воинов, олицетворяющих народ. Примечательно, что в последних двух процитированных стихотворениях фигурирует музыкально-песенная тема. Песня у Колумба — ключевой маркер этнической идентификации: марийцы посредством песен, мелодий ощущают языковую, духовную сопряженность со своим народом, «переживают» единство, внутринациональную сплоченность.***

«**Везде живут марийцы**». Тема этнической идентичности, этнического самосознания получает выражение в стихотворении «Марийская улица». Лирический субъект в произведениях Валентина Колумба постоянно пребывает в режиме поиска этнического-своего. Для него очень важно быть среди своих соплеменников. Оказавшись на Марийской улице в далеком сибирском городке, он словно возвращается в родные места. И каждый встречный воспринимается как свой этнофор, представитель своего народа. В действительности всё иначе — жители улицы не марийцы, а сибиряки: «*Сибирь — земля не близкая, / И то ли нам не честь, / Что улица Марийская / В краю таежном есть. / Тут плечи не сутулятся, / Ведь, что ни говори, / Недаром эту улицу / Назвали в честь мари... / Пока объята дремою, / В крапиве, лопухах, / Но кажется. Что дома я — / В Орианке иль Морках...*» [5: 48].

Мифологизация прошлого. Этнопсихологические характеристики. Историко-этнографические декорации. Интересным художественным фактом представляется совмещение соцреализма и мифологии мари в поэме Г. Гадиатова «Чоткар». Большую часть произведения занимает этнографическая «интродукция»: поэт достаточно подробно останавливается на духовных обыкновениях мари. Выделяя их миролюбие, подчеркивает готовность в любую минуту ринуться в бой, защитить свой народ от врагов. Следует заметить, что некоторая врожденная воинственность мари находит подтверждение и в исторических событиях — после присоединения Казани «вспыхнули» так называемые «черемисские войны». Марийцы проявляли свой независимый характер. Обозначение марийских этнопсихологических доминант соседствует с лексическими вставками, усиливающими звучание национальной специфики. Один из знаковых сюжетных поворотов поэмы — рождение Чоткара. Его возмужание, взросление мифологически выразительны: «*По слухам, его небеса одарили / Такой богатырскою силой, / Что он не по дням — / По часам, всё быстрее / Созревал, подрастал. / И мощью земной напитался, / И тело свое закалил он...*» (Здесь и далее перевод с марийского С. Золотовцева. —А. А.) [2: 38]. Богатырь Чоткар преподносится как защитник марийского народа. Его физическая мифологическая сила, умение объединять вокруг себя были гарантией мира, размеренности жизни марийцев — враги не решались идти с войной. Невзирая на смысловое послание названия поэмы, Чоткар не становится единственным основным персонажем произведения — он скорее явлен как символическая фигура. После его сюжетного «угасания» начинается эффектное с художественной точки зрения разоблачение царизма, упоминаются многочисленные беды, выпавшие на долю этноса. Приводимый фрагмент — любопытный пример стилизации текста под мифологическое повествование, один из релевантных опытов художественного конструирования языка описания истории: «*Народ похоронные песни / Пел в праздники хлеба. / Ему ни Чоткар-Чумбылат, / Ни Онар в черном горе / Помочь не могли... / И если б на свете был бог, / То и бог бы к нему не пришел / С высоких небес / С добротой и мудростью в помощь. / А царь на огне угнетенья / Держал год за годом / Чугунный огромный котел, / И в нем погибал мой народ. / Полдень был для*

него – / *Словно полночь... / В крови и в поту, беспредельно мучаясь, Владыкам страны / Нес богатство и роскошь / Беднейший народ...*» [2: 40].

«Колыбельная» этноидентификации: деревня. Этническая потерянная в городе. Выраженный характер в поэзии современного марийского автора В. Комарова имеет противопоставленность города и сельской местности, природы. В тексте «Шудо жап» («Пора сенокоса») [6: 12–13] вырвавшийся на выходные в деревню лирический герой занимается тяжелой физической работой, его охватывает трудовой азарт. Помогая на сенокосе отцу, припоминая полузабытые крестьянские навыки, соприкасаясь с испытывающей тело летней жарой, он символически воссоединяется со своим народом, ощущает душевную / духовную, физиологическую сопряженность с ним. Скорое возвращение назад в город воспринимается им как досадная неизбежность. В стихотворении «Яра пасу умбалне» («Над пустошью») символичен образ потерявшегося в городском небе жаворонка. Птица, как и оставившие родную деревню люди, становится жертвой такого аномального, обрекающего на внутренние ломки перемещения. В финале текста прочитывается мысль о неслучайном появлении, тайной миссии жаворонка, который призывает людей вернуться к своим этническим истокам, покинуть чужие города. Столь радикальная и в то же время романтично-наивная точка зрения корреспондирует с авторской оценкой современности – наступила эпоха раздора, безысходности, этнической опустошенности: *«Чу! Жаворонка слышу над проспектом. / Что делает тут серый? Заплутал? / Над полем он висеть обязан летом / В местах, откуда сам я дёрнул дал. / За право жить вязавшись ныне в драку, / Сбежали в город наши женихи. / С чего я вдруг набросился на птаху? / Везде раздор – что сами мы лихи. / Где каждый день безвыходен и черен, / Там был бы голос радости нелеп. / Забыли мы, чьи пустоши без зерен»* (Здесь и далее перевод с марийского Г. Пирогова. –А. А.) [6: 15]. Желание вернуться в марийскую деревню, к своему этносу обостряет случайно услышанная мелодия гармонии. Ее перебивает отталкивающая магнитофонная неживая музыка, олицетворяющая для лирического героя другие ценности, чужую жизнь, духовную ограниченность урбанистического мироустройства: *«Играет в соседнем подъезде гармонь, / потерянно тычутся, ищутся звуки... / Шутя забивает их магнитофон: / Горланящий голос, ударника стуки. / Послушать гармошку бы наедине, / Душой улетаю к святыням и предкам. / Мелодии их, представляется мне, / Равны родникам переливами, рекам»* [6: 17]

Удмуртские истории

Образцы удмуртской поэзии конца XX – начала XXI столетий изобилуют различными сюжетами, в рамках которых манифестируется индивидуально-авторский опыт размышления об этносе. Образ своего народа, оптика его художественно-поэтического восприятия – важное, практически неисследованное направление национального литературоведения, этнографии, психологии. Это то проблемное «перекрестье», где встречаются, «сталкиваются» желаемое и действительное, события микро и макроистории, этнофор и деэтнозирующий социум, проблемы объективно-реальные и «внутренние», непроявленные и непроговоренные. Именно удмуртские поэтические практики указанного периода отличаются ярко выраженной этнориторикой. Речь идет уже не об априорных глубинных образно-символических кодах миропредставления, а об особенном дискурсе личностного реагирования, репрезентации, визуализации – как правило, эмоциональном, отмеченном высокой субъективностью художественного обобщения.

В удмуртской литературе, поэзии художественные размышления об этносе как творческая доминанта оформляются в 1917–1930-х годах – эпоха революции, национального подъема актуализирует тему удмуртскости, обостряет поиск собственной этнической идентичности. Удмуртские поэты, и прежде всего – лидер своего литературного поколения Кузубай Герд – в своих произведениях обращаются к народу, пытаются осмыслить его реальное положение в первые годы Советов, еще искренне и откровенно обнажают точки боли, не избегают неудобных сюжетов, высказываний. Так, Кузубай Герд нередко довольно жестко апеллирует к родному народу, ругает его за инертность, пассивность, нежелание принимать новые социальные и культурные возможности. Вместе с тем поэт представляет будущее удмуртов в романтично-революционном свете, он уверен в неизбежных решительных переменах, верит в этнокультурное пробуждение.

Опыт этнического самопознания. Один из наиболее известных современных удмуртских писателей Вячеслав Ар-Серги подчеркивает сложность истории и современности удмуртов, образно выделяет «глубину» их ментальности. При этом автор может творчески активировать иносказательные приемы, избегая прямых этнокультурных штампов, стереотипов. В стихотворении «Удмурт» своеобразным природно-генетическим зеркалом удмуртов является река Кама: «*Гляди-ка на / Каму – / спокойная, / и даже, с лентою – / река. / А в глуби – стремительное время / Какие / Воздвигает порока!*» (Здесь и далее – автопереводы с удмуртского. –А. А.) [1: 67]. Ассоциирование народа, а точнее – его исторической судьбы с Камой – ожидаемый для удмуртского писателя художественный ход. Интерпретацию текста облегчает его заглавие, снимающее возникающие исследовательские сомнения. Писатель в своих этноцентричных произведениях может высказываться от имени коллективного «Мы», формулировать обобщенную самооценку. Такой переход от «Я» к «Мы» – без серьезной проблемно-тематической и коммуникативной мотивации – наблюдается в тексте «Генорельс» [1: 71]. Художественно репрезентируется мысль о непрозрачной, необъяснимой неудачливости собирательного «Мы». Его этническая принадлежность, в тексте открыто не заявленная, приоткрывается в первых строках: «*И как героически б ни работали – всё делаем не так... / Как звонко песни и не пели бы – / всё делаем не так*». Представленный фокус самовосприятия скорее всего базируется на ощущении упущенного исторического шанса, который, как казалось, в конце 1980 – начале 1990-х годов был у удмуртов, удмуртской интеллигенции. Удмуртское писательское, гуманитарное сообщество, по мнению многих его представителей, оказалось на периферии социополитической жизни республики, не смогло проявить свои сильные позиции, обозначить концептуальные интересы, выстроить равноценный диалог с властью. Неудовлетворенность, разочарованность связаны и с маргинальным положением удмуртского языка, с невозможностью приостановить интенсивно протекающую ассимиляцию, осуществить масштабные культурные, литературные проекты. Этот мотив неудовлетворенности, нереализованности прослеживается в художественных практиках молодых удмуртских поэтов.

Этногероизация прошлого. Война с неизвестным. Тема этнической саморефлексии широко представлена в книге Петра Захарова «Кырмуш» («Дикая пчела»). Во многих стихотворениях сборника на первый план выходит историческое прошлое удмуртов. Прошлое этноса кажется П. Захарову значительно более ярким и событийным, чем современность. В те далекие времена народ при всех сложных социально-экономических и объективно-исторических обстоятельствах в этнокультурном, языковом плане принадлежал самому себе – еще не было «разрывов» этничности.

П. Захаров любит очерчивать границы удмуртского мира, изображать его ландшафты. В тексте «Мон вуи Кам пала» («Я прибыл к реке Кама») [3: 5] пространственным стержнем является Кама, на берегах которой жили древние удмурты (*вашкала удмуртъёс*). Река в художественном восприятии поэта становится своеобразной удмуртской Меккой, местом силы, символом этнокультурного полнокровия. Берега, стороны – не только географический, природный маркер. В таком разделении заложена экзистенциальная суть. П. Захаров, анализируя опыт прошлого и вглядываясь в настоящее, сравнивая положение своего народа с реалиями соседних этносов, обращается к устойчивым в национальном тезаурусе категориям «*тапал*» – «*сонал*» (эта / та сторона).

Интересный для анализа этноцентрический сюжет явлен в стихотворении «Кыче чебер кырза егит нылаш» («Как красиво поет молодая девушка») [3: 14]. П. Захаров пытается изобразить особое состояние этноса – духовное единение, в данном случае возможное благодаря воздействию удмуртской мелодии, песни. Пение, мелодия, стихи имеют сакральное значение, оказывают магический эффект, погружают в транс. По-видимому, для автора очень важно зафиксировать утопическое единство своего народа, которого нет в подлинной реальности – реальности исторического беспамятуства, глубинной этнической потерянности. В этом смысле художественное творчество аккумулирует в себе важные этнопсихологические послылы удмуртского гуманитарного сообщества, рефлексирующего этнофора. В стихотворении удмуртские девушка и юноша, играющие на кубызе и крезе, сравниваются с акынами – творцами «особых слов», заглядывающими как в прошлое, так и в будущее. Автор подчеркивает их связанность со Всевышним, который

после исполнения музыкального ритуала забирает удмуртских акынов к себе. П. Захаров во многих своих произведениях развивает мысль о богоизбранности удмуртов.

Многие поэтические тексты П. Захарова отличаются сложной художественной семантикой, могут быть прочитаны, поняты совершенно по-разному. К таким произведениям относится стихотворение «Шуак пурзо инме вань бурдоос» («Внезапно взлетают в небо все птицы») [3: 17]. Оно входит в имплицитный милитаристский цикл стихов, сложившийся в книге «Кырмуш» – поэт из сборника в сборник продолжает поэтизировать тему войны. При этом война у Захарова нередко имеет демонстративно-риторическое значение, символизирует борьбу лирического субъекта за свою непрерывно актуализируемую этноидентичность. Война в художественном мире Захарова объявляется то женскому полу, то православию, то представителям удмуртской творческой интеллигенции, неспособной, по мнению поэта, отстаивать свои этносоциальные интересы и привилегии. В интерпретируемом тексте взаимодействуют сразу несколько образно-символических блоков – центральное сюжетное место отводится «удмуртским дивизиям», то ли отправляющимся на поле битвы, то ли уже сражающимся с неизвестным противником. Стихотворение открывается урбанистической панорамой, довольно сюрреалистической сценой торжественно-трагических проводов на войну: *«Вдруг взлетают в небо все птицы, / Разрывает пространство жуткий крик завода. / Оркестр марш играет. / Ижевские церкви / Все сразу в колокола бьют»* [3: 17]. В стихотворении снова актуализируется мотив этнической сплоченности – город провожает именно удмуртских солдат, офицеров, образ удмуртских военных противоречив. С одной стороны, они вооружены, экипированы, подчеркивается их внешняя стать, с другой – беззащитны, их милитаристское рвение кажется напрасным, неясным. Очевидно, что в стихотворении речь идет о какой-то метафорической неясной войне, но с реальными жертвами. На наш взгляд, милитаристский контекст поэтического произведения – проекция концептуального в творчестве П. Захарова мета-сюжета о жертвенности удмуртского этноса – история, современность объявляют удмуртам войну. Такой жесткий художественный нарратив обусловлен, спровоцирован «программой» внутреннего неприятия языковой ассимиляции, слабленности национальной литературы, стертости культурно-исторической памяти, слабыми позициями удмуртской интеллигенции в политической жизни Удмуртии. По-видимому, в общую семантическую материю стихотворения вписаны регулярно встречающиеся у П. Захарова мемуаристские мотивы, связанные с ранним трагическим уходом из жизни его учителей, друзей (В. Романова, М. Федотова). Удмуртские офицеры, юнкера, солдаты в тексте окружены христианской символикой: *«Удмуртские офицеры, удмуртские парни, / В первых рядах, рядом с хоругвями – / Лучами зари блестит крест Христа, / Солнце блестит на золотых погонах...»* [3: 21]. Неоднократно замечалось, что к христианству, православию поэт относится сложно, центром его образно-понятийной системы являются удмуртская традиционная вера, разнообразные ритуально-символические практики. Христианские атрибуты в рассматриваемом произведении явлены не просто так, это не внешние эмблематические знаки, а содержательные константы, выступающие как признаки грядущей гибели. «Марши» удмуртских дивизий по улицам Ижевска ассоциируются с похоронной процессией. Тема, реальность смерти получают окончательное утверждение в последней строфе: *«Удмуртские парни, удмуртские офицеры, / В золотых погонах, с крестами. / Седьмого ноября они / И сейчас идут по синим полям»* [3: 21]. При всей неоднозначности, многогранности художественной семантики стихотворения очевидно, что в нем предпринимается попытка поэтического осмысления удмуртской истории и действительности, представлены субъективно-авторские оценки происходившего и происходящего. Текст о сегодняшнем дне обычно сфокусирован на проблемах удмуртского народа, эпоха воспринимается в контексте «этнического самочувствия».

Женское представление этнической идентичности. Отдельной ремарки заслуживает цикл современной удмуртской авторки Ларисы Ореховой «Война ялон» («Объявление войны»). Его восемь частей на первый взгляд не очень связаны между собой. Каждая из них представляется отдельным произведением, с присущей Ореховой «образной пассионарностью», периодически возникающими разрывами смысловых нитей, корреспонденций. Вместе с тем цикл не складывается спонтанно, не выстраивается просто так. Инициатива композиционного соединения достаточно разнородных текстовых

фрагментов обычно обуславливается концептуальной художественной задачей, стоящей перед автором. Можно предположить, что «Война ялон» – этногражданская, тематическая матрица творчества удмуртской поэтессы. Мифологическая кодификация лишь усиливает звучание главной темы цикла, книги. Исчезновение необходимого для полноценной жизни удмуртского этнофора экологического, духовного, языкового измерения кажется автору надвигающейся реальностью, которую нужно заговорить, отвести, запутать. Или же – решительно объявить войну, сражаться до последнего (Примечательно, что в заглавии поэт использует русское слово *война* вместо исконно удмуртских *ож, ожгар, нюръяськон, жугиськон*. Это или осознанный выбор, или «оговорка по Фрейду», символизирующая неприятие ассимиляции, русификации).

Ключевое место в структурно-содержательной системе цикла занимают природно-пейзажные символы. Первое стихотворение циклического целого начинается с разворачивания почти идеального континуума, представленного комплексом образно-изобразительных знаков: *вож бусы* «зеленый луг», *турын кваръёс* «трава», *сяськаос* «цветы», *шунды тылгожьёс* «огненные линии солнца», *чылкыт инвос* «чистые небесные капли воды». В этой природной идиллии лирический субъект черпает силы, обретает вдохновение. Природа в тексте имеет важное этнокультурное значение – она воплощает «безбрежный лес» удмуртской цивилизации, существующей параллельно в современной действительности, в сознании, воображении, внутренних ощущениях удмурта. Удмуртский идеально-утопический пейзаж соревнуется в яркости со сном. В удмуртской реальности / в удмуртском сне сияет утренняя чистота и летают ветры-павлины, здесь человек (этнофор, удмурт) чувствует себя свободно, здесь все свои, нет чужих.

Второе стихотворение продолжает тему сна и пробуждения, однако значительно меняется тональность поэтического высказывания. Речь идет о незаживающих внутренних травмах, декларируется униженность удмуртского народа, отношение к деэтнизирующей современности достигает наибольшей реакционности, приобретает радикальный характер: «*Ты / впервые / сегодня / проснулся: / – смотришь / как удмуртский ребенок / словно волк (волчонок) сосет / со всех сторон / сильно униженный / удмуртский язык / как удмуртская мать / из крови своей / в его кровь собирает / против / сильно унижающих запретов / свой динамит...*» [7: 104–106]. Лирический субъект просыпается и оказывается в неприемлемых для этнического самосознания и самовыражения условиях. В тексте впервые звучит мотив взрыва.

Третий текст как бы «обнуляет» содержание предыдущего. Острота этнокультурной подавленности сменяется довольно отвлеченным, «спокойным» мифопоэтическим повествованием: осуществляется моделирование ландшафта, привлекаются образно-пейзажные компоненты (гора, ель), в качестве субъекта фиктивного авторского континуума вводится персонаж старика-мудреца-колдуна. Важный смысловой поворот наблюдается в заключительных строках – обыгрываются мотивы сожжения / сгорания и перерождения души. Четвертое стихотворение, как и третье, фактически бессюжетно. Оно как бы пребывает за горизонтами традиционного удмуртского читательского ожидания: автор рисует завораживающие, но не поддающиеся рациональному чтению сюрреалистические эскизы. Главенствующий образно-изобразительный код этой части цикла – язык тела. Голова, уши, безбровый глаз, по-видимому, артикулируют особый статус обладателя, еще эфемерного, непрописанного, необозначенного. Отдельного упоминания требует «концепция света», выстраиваемая автором в данном стихотворении и в цикле в целом: мир вокруг светится, блестит, искрится, переливается многообразием цветов, оттенков. Лариса Орехова, как и многие другие поэты-этнофутуристы, восприимчива к цветовой символике.

Важнейшим с точки зрения экспликации метасюжета цикла оказывается пятое стихотворение, в котором звучит монолог Я-субъекта, драматический, эмотивный, художественно убедительный. Лирическая героиня задыхается в «узких коридорах» лишнего этничности бытия. Сам текст фактически является исповедью – одной из многих – смелых, провокативных, беспощадных к себе и другим. Лирическое «Я» утрачивает чувство природы, для него потеряны солнце, океан, воздух, вода. Жизнь и счастье возможны лишь на родной земле, там, где звучит удмуртская речь и человек понимает древний язык мифологии, где обретается душевное равновесие в общении с природой. Лирическая героиня, загнанная в угол, находит силы для противостояния, бросает вызов деэтнизированной

действительности, носителям манкуртизма. Исповедальный текст завершается «разрушительной» сентенцией: «нет нет / не исчезну я / не умру / если найду от страха огромные силы – / душевные углы разворотив / я – / взрывом / выйду / как чеченские женщины» [7: 113]. Героиня уподобляет себя шахидке, желая унести с собой свою печаль и мечту, но при этом – разрушить, задеть взрывной волной необъятного противника. Строки удивляют бескомпромиссностью лирического настроения, категоричностью авторских выводов, оценок. Подобные протесты, краеугольным камнем которых нужно считать глубинные этнические обиды и разочарования, подводные течения этносоциальной нереализованности, вытекают на поверхность национальной литературы в конце 1980-х – начале 1990-х гг.

Шестой текст более сложен в композиционном и образном аспектах. Он начинается с обозначения местонахождения и отрицания своей женской сущности, внешности: «Теперь я / Как Черный Монах / Стою / На вершине Великой Горы – / На женщину не похожу. / Кругом – Черный-Черный Лес / Наверху – Луна» [7: 113]. Таким образом, сакрализируются время и пространство, открываются иные уровни коммуникации. «Я» вступает в диалог с неизвестным мужским голосом, который призывает к терпению, смирению. Однако героиня Л. Ореховой не приемлет перемирия, ей нужна война. В седьмом тексте вводится образ ребенка, находящегося в полуночном доме лирического субъекта. Следует трогательная сцена любования мальчиком, включаются механизмы описания, портретирования («светлое словно золотые колосья детское лицо, словно алмазные нити кудрявые волосы»), его приветствует природа. Заключительный риторический вопрос «кому хочется такого ребенка убить?» метасемантически взаимодействует с другими текстами книги и позволяет в образе невинного, наивного, светлого изнутри малыша рассмотреть удмурта (удмуртский народ), которых, по мнению Ларисы Ореховой, в реальности некому защитить. Ради его спасения и объявляется война. Восьмое, последнее стихотворение цикла, «взывает» к Одину и Вию, скандинавскому и славянскому божествам. Выход в иные мифологические сферы, вероятно, не просто очередной эпизод, эксплицирующий авторскую культурологическую осведомленность, а некий сигнал. Сигнал о помощи, обращенный к иным народам, традициям? Или же это художественное предостережение о возможном стирании своего этнического облика?

Рассмотренные художественные примеры проявления этнической идентичности – только малая часть большого комплекса «работающих» механизмов национальной литературы, которые необходимо рассматривать в широком интеллектуально-гуманитарном контексте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ар-Серги В. Дубрава на луне. Стихотворения. – Ижевск: Удмуртия, 2007. – 123 с.
2. Гадиятов Г. Г. Тыйын лум дене. С именем твоим. Стихи. Отрывки из поэмы. – Йошкар-Ола, Марий Эл писатель ушем, 2013. – 96 с.
3. Захаров П. М. Кырмуш = Дикая пчела: кылбуръёс. – Ижевск: Инвожо, 2015. – 79 с.
4. Ибрагимов М. И. Национальная идентичность татарской литературы: современные методы исследования. – Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, 2018. – 104 с.
5. Колумб В. Травы целуют солнце. Стихи. – М.: Советский писатель, 1968. – 96 с.
6. Комаров В. Э. Тошкем йолгорно. Родовая тропа. – Йошкар-Ола: «Союз писателей России» РМЭ, 2017. – 108 с.
7. Орехова Л. Ярдуртэм нолэс. Aaretu laas. Безбрежный лес. The boundless woods. – Tallinn: Kirjastuskeskus, 2007. – 195 с.

УДК 821.512.145

«С ТАТАРСКОГО» И «НА ТАТАРСКИЙ»: ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПЕРЕВОД КАК СОВРЕМЕННАЯ ПРОБЛЕМА

Р. Ф. Бекметов

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Данная статья посвящена вопросам перевода литературных сочинений с татарского и на татарский язык. Прослеживается вкратце история переводов, констатируется общее состояние переводческого дела в Республике Татарстан на современном этапе развития, формулируются некоторые задачи, решение которых может, по мнению автора, привести

к существенным сдвигам в практике переводов. Подчеркивается мысль, по которой перевод – не просто форма лингвистической адаптации чужой культуры или передача этнического своеобразия средствами другого языка. Перевод в определенные социально-исторические периоды может стать важным и заметным фактором сохранения национального. Именно сохранение национального в условиях глобализации и сложной внутригосударственной политики является приоритетом нынешнего дня. Перевод при всех методологических оговорках способен играть в этом процессе далеко не последнюю роль.

Ключевые слова: татаристика, перевод, история, рецепция, методология, проблема.

This article is devoted to the translation of literary works from Tatar and into Tatar. The history of translations is briefly traced, the general state of the translation business in the Republic of Tatarstan at the present stage of development is stated, some tasks are formulated, the solution of which, according to the author, can lead to significant shifts in the practice of translations. The idea is emphasized that translation is not just a form of linguistic adaptation of another culture or the transfer of ethnic identity by means of another language. Translation into certain socio-historical periods can become an important and noticeable factor in the preservation of the national, its more or less widespread. The preservation of the national in the context of globalization and complex domestic politics is a priority of the present day. Translation can play an important role in this process.

Key words: Tatar studies, translation, history, reception, methodology, problem.

Национальная традиция сегодня переживает отнюдь не простые времена, и это, к сожалению, с вполне определенными основаниями относится к татарской культуре. Происходящие внутри национальных систем, не исключая татарскую, процессы без всякого преувеличения можно охарактеризовать одним коротким словом – «кризис», причем налицо кризис «перманентный», то есть приобретший такие черты и свойства, которые позволяют говорить о нем как о явлении достаточно константном (латинский глагол «permanere» означает буквально «оставаться», «длиться», «сохранять», «пребывать»), по крайней мере в обозримом хронологическом промежутке. Рассуждая с самых общих и отвлеченных позиций, мы, конечно, можем утверждать, что кризис как таковой – неотъемлемая, непреложная часть антропологического существования и что любое время в той или иной степени кризисно. Факт этот, в свою очередь, создает почву для различных, порой конкурирующих, моделей интерпретации, от религиозно-философской до научно-позитивистской, от высказывания об изначальной первородно-тварной греховности человека до предположения, согласно которому кризис – знак того состояния, в котором находится система, свидетельство необходимости ее адаптации к вечно изменяющимся условиям внешней среды, своего рода внутренний ответ, один из симптомов назревшего реформирования. Не вдаваясь, однако, в столь абстрактные представления (что ничуть не снижает их ценности), укажем лишь на два проблемных узла, провоцирующих кризис национальной идеи в текущие дни, когда мы вправе наблюдать его непосредственно, вживую, воочию.

Во-первых, он вызван и протекает в условиях глобализации, когда мир, по сути, стал одним открытым, вне границ, целым («электронной деревней», по остроумному замечанию А. С. Панарина [4: 4]), в котором взаимоотношения народов и стран строятся по «соседскому» типу, очень ускоренно, притом что культуры развиваются, как правило, в согласии с собственной оригинальной логикой, по законам своего темпоритмического рисунка. Глобализация, взятая сам по себе, в истории – не новость. Пожалуй, не будет ошибкой сказать, что она – объективный компонент исторических процессов, и в этом плане поход Александра Македонского в Индию и последующая эллинизация огромной по протяженности территории от Балкан до Индостана – пример глобализации в прошлом. Современная глобализация, берущая начало в «машинном» проекте т.н. фаустовской цивилизации, имеет множество выгодных преимуществ, среди них, к примеру, – внедрение идеи комфортной жизни как легкой доступности к фонду вещественно-материальных и духовно-культурных благ. Вместе с тем ее «темной», оборотной стороной является стандартизация жизни, нивелировка различий, приведение многообразия живых форм к единому знаменателю. И если большие культуры (демографический фактор здесь имеет первостепенное значение) могут как-то противостоять глобализационному «колесу», то малые быстро «сминаются» под его неуклонным движением, расстрачивают и без того

незначительную энергию, подвергаясь мощному воздействию извне. Органика уступает место механическому, технократическому пониманию бытия.

Во-вторых, базисно-глубинным элементом национальной картины мира был и остается язык (это не означает, правда, что если язык вдруг утрачивается этносом, последний автоматически и бесповоротно перестает продуцировать «пассионарность» национального характера; но все же без языка, пусть даже в векторе романтических чаяний о нем, национальная картина не будет обладать наивысшей полнотой). В пестром по этнонациональному составу государстве, каковым формировалась и стала в конечном счете Россия, язык – средство политики; наивно полагать обратное, это типическая закономерность. Прав был Н. Фаттах, который в своем некогда популярном историко-лингвистическом труде «Генеалогия» («Шәжәрә») по этому поводу объяснял: «В мире постоянно идет борьба. Сильные покоряют слабых, слабые пытаются сопротивляться им. Люди находят много причин для того, чтобы создать образ врага. Одна из таких чрезвычайно распространенных причин с давних пор – язык» (пер. мой. – Р. Б.) [8: 9]. События последних лет в России, связанные с крайностями проводимой языковой политики, не внушают особого оптимизма. Тут, если подумать, мы сталкиваемся с тенденциями глобализации несколько меньшего, не мирового, а локального, но оттого не менее болезненного масштаба – унификацией для более упрощенного управления многообразием. В итоге, «цветущая» сложность редуцируется.

И тем острее встает существенный вопрос: как интеллектуально ответить на эти два обстоятельства – вызовы современной истории?

Подчеркнем, что ответы на них *в конкретном случае* не лежат в области государственной и общественной деятельности, о чем в свое время, ссылаясь на положения татарского языка в сравнении с европейскими языками, в частности с языками Южного Тироля, где были – естественно, не в одночасье! – созданы оптимальные условия для паритетного взаимодействия языков и культур, справедливо в публицистическом тоне писал И. А. Гилязов (поддержка языков со стороны ответственного социально ориентированного государства, новая полноценная татарская городская культура, надстраивающаяся над сельской, грамотные двуязычные вывески и афиши в урбанистических центрах и районах Республики Татарстан со смешанным населением и т.д.) [2]. Ответы на них все же требуют системно-комплексного подхода, а нас интересует только одна довольно скромная сфера, в которой целесообразно было бы реализовать стратегию ответа на вызовы обстоятельств, – сфера литературного перевода.

Начнем с переводов на татарский язык.

Ныне татарских переводов мировой и русской классической литературы мало. Это, с одной стороны, находится в разительнейшем контрасте с тем, как переводные произведения были представлены в татарской печати досоветской и советской эпох. Так, известно, что в период с 1901 по 1917 годы отдельными книгами в татарских переводах вышли в печать примерно 36 наименований продукции тиражом свыше 134.000 экземпляров [1: 250] (англо-американская, немецкая, французская, испанская, итальянская, норвежская, новогреческая литературы, переведенные либо напрямую, с языка оригинала, либо через русское или – что тогда случалось чаще – турецкое посредничество). Далее, в период с 1917 по 1932 годы было издано 7000 книг на татарском языке тиражом около 49 миллионов экземпляров в объеме более 5 печатных листов каждой книги [3: 278]; и хотя отсутствуют специальные исследования, посвященные проблеме соотношения оригинальной и переводной продукции в этот отрезок, можно предположить, что переводов, выполненных с различных языков и в первую очередь русского, было ощутимо много, если учесть практику прямых государственных заказов на переводы в советское время. Отметим также, что наш индивидуальный опыт составления аннотированного библиографического указателя переводных сочинений на материале «толстого» литературно-художественного журнала «Огни Казани» («Казан утлары») в интервале между 1939 и 1990 годами, то есть в период активного использования в печати татарской кириллицы, демонстрирует если не числовое равенство оригинально-авторских и переводных сочинений (процедуру обычного статистического подсчета мы пока не производили), то явную тенденцию к усилению роли и значения переводов во всех выпусках названного периодического издания. В последние два десятилетия эта работа сокращается, но

не сходит на нет: переводят немного, предпочитая либо новейших русских, либо родственно-тюркских писателей и поэтов, тогда как в предыдущие десятилетия нередко преобладало поощряемое редакцией желание обращаться к западным авторам, пусть и во вторичной обработке, с русской переводной копии. Попытку, подобную удачному эксперименту К. Миннебаева по полному переводу романа Г. Маркеса «Сто лет одиночества» с испанского, вопреки бытовавшему в 1970-е годы русскому переводу, никто в законченном виде не предпринимал. В этом контексте одинокой и уникальной фигурой остается Ш. Мударрис, который в 1950-е годы перевел шекспировские сонеты с языка подлинника. Сонеты У. Шекспира до сих пор никем из татар не взяты на обновленный перевод, хотя для шекспировского сонетного сборника применимо понятие «переводческой множественности», чем пользуются представители иных культур.

С другой стороны, это кажется странным, если принять во внимание тот очевидный, лежащий на поверхности факт, что диапазон литературных текстов для переводческой практики сегодня стал значительно шире, а индустрия культурно-познавательного и научного туризма в условиях глобализации до коронавирусной пандемии была в числе интенсивно развивавшихся, и даже теперь она сохраняет свой потенциал в адаптивной оболочке, ведь страсть к путешествиям в человеке неискоренима (биологи считают, что к человеку по праву относимо выражение «миграционный инстинкт», инстинкт странствий [5: 20]). Между тем переводы актуальной западной литературы появляются в основном в рамках театральных постановок и фестивалей, имена переводчиков не всегда известны, ибо часто переводы эти – плоды коллективных усилий, в журналах они не публикуются, что, между прочим, исключает серьезную и необходимую дискуссию о качествах переводного слова.

Отсюда – логичный вывод. Если глобализацию трактовать в позитивном ключе, как платформу, площадку для встречи разнообразных культур, когда они оказываются близко расположенными друг к другу, то перевод оказывается не просто банальным средством адаптации «чужого слова» или способом понимания особенностей «чужой реальности» (в разных видах перевода в зависимости от обращенности к той или иной читательской аудитории), перевод становится формой сохранения в языке и той традиции, которая воспринимает их. Перевод служит парадоксальным выходом из затяжного социокультурного кризиса, пусть временным, но по-своему надежным методом замены национального, если это последнее переживает кризис объективного порядка. Уравниваясь в правах с полнокровным национальным творчеством, перевод консервирует языковую культуру воспринимающего народа, не дает ему окончательно распасться, пропасть в «холодных ветрах» истории.

Яркой иллюстрацией спасительной для национального самосознания силы переводческого ремесла может стать старая уйгурская культура. До официального принятия ислама и арабографической письменности вместе с ним, уйгурские племена прошли противоречивый, поистине катастрофичный и полный угрюмых превратностей этап существования, когда неопределенность в принятии главного вероучения влекла за собой размытость всех культурных ориентиров. Уйгуры долго колебались в утверждении единой веры, произведя в короткий срок смену религиозных систем: шаманизм, манихейство, буддизм. Это поставило под угрозу сам язык и самобытную культуру этноса. Тем не менее, язык был сохранен и получил затем развитие благодаря тому, что, неожиданно попав в турбулентное поле могучих тектонических сдвигов («точку бифуркации» в терминах синергетики), уйгуры вовремя осуществили переориентацию с оригинального слова на переводное: они принялись, подобно медоносным пчелам, без устали, усердно и в обилии переводить на родной язык философско-доктринальные трактаты с тибетского, врачебные каноны и каноны по военному искусству с древнекитайского, литературные фолианты с персидского. Испытав влияния огромных культурно-географических зон, они сумели не расплыть сердцевину национального, а как бы ювелирно спрятать ее, аккуратно укрыть в содержательных текстах многовекторной переводной практики. Такой путь этнической адаптации доказал свою результативность, несмотря на то, что его реализация проходила в специфических условиях древней и средневековой культуры, когда понятие перевода, разумеется, ни в какой мере не совпадая с его сегодняшним узким толкованием, предполагало рецепцию «чужого слова» как продолжение «своего»: категория авторства являлась в ту эпоху условной, относительной, перенос,

или трансплантация, текстов из одного культурного пространства в другое без каких-либо «кавычек» представлялся актом бесспорно законным.

Что касается переводов с татарского языка, то ситуация в этой области сравнительно лучшая, если ограничиваться переводами на русский, но совсем, откровенно плохая, если касаться вопроса о переводах татарских произведений на нерусские языки. Прямые переводы в последнем пункте невозможны из-за двух препятствий: отсутствия солидной лексикографической базы (имеющиеся татарско-иностранные словари – как общие, так и отраслевые – оставляют грустное впечатление) и господствующей склонности осваивать языки «по-старому», в советском методическом стиле, грамматикоцентрично, с опорой на излишнее, схоластическое теоретизирование. Но и в этом случае положение не видится безысходным. Русский язык, поставленный законодательно во главу угла российским управленческим слоем, по сути, в ущерб другим языкам (их государственный статус в федеративной республике оказался под сомнением), по факту остается языком-посредником в общении с нерусскими народами. И этот факт нельзя игнорировать; напротив, его нужно использовать, чтобы через переводы татарской литературы на русский язык знакомить с татарской национальной картиной мира другие народы, в идеале – с помощью переводов приобщать их к образцам оригинальной татарской культуры, это один из каналов «мягкой силы», пренебрегать которой было бы недальновидно. (Психологическую потребность через перевод узнать оригинал точно выразил ирландский поэт У. Б. Йейтс, когда описал гипотетическую ситуацию первого знакомства с творчеством заинтересовавшего его немецкого лирика в английском переводе. «Несколько дней тому назад, – вспоминал он, – я разговорился с одним известным бенгальским доктором медицины и сказал ему: “Я не знаю немецкого языка, но если бы мне особенно понравился какой-либо германский поэт в переводе, я бы отправился в Британский музей и достал бы себе книги для ознакомления с его жизнью и с историей его мысли”»). Более того, У. Б. Йейтс привел любопытный пример, который, с его точки зрения, подтверждает истину о хорошем переводе как эмпатическом факторе приближения к оригиналу: «Если бы англичанину, жившему в царствование Ричарда Второго, показали переводы из Петрарки или из Данте и он не нашел бы ответа на свои вопросы, конечно, он направился бы к какому-нибудь флорентийскому банкиру, или ломбардскому купцу»; ср. в дополнение его слова об английских переводах поэтико-философского наследия великого индийца Р. Тагора: «Я носил с собою рукопись с этими переводами целыми днями, читал их в поезде железной дороги, на верхушке omnibusов и в ресторанах и часто закрывал ее, чтобы кто-нибудь чужой не подсмотрел, что это так волнует меня. Эти лирические произведения, которые в подлиннике, по словам моих индусов, исполнены тонкого ритма, непередаваемой нежности оттенков и разнообразия размеров, развертывают целый мир мысли, о котором я мечтал всю жизнь мою» [7: III, VI]). Общаясь с представителями европейских культур (на семинарах, конференциях, форумах, неформальных беседах), мы многократным образом самолично убеждались в том, что интерес к татарской литературе существует, и не такой уж он легковесный, каким бы мог показаться на первый взгляд. Важно поддерживать этот интерес, для чего нужны проверенные переводы, притом со вступительными статьями и комментариями – изданные на высоком научно-культурном уровне. Предпочтительнее было бы брать на переводы татарскую художественную классику, особенно начала XX века, когда нация переживала небывалый в ее истории духовный подъем и дала миру много шедевров, о которых по-настоящему знает лишь узкий круг ценителей татарского слова. Начало XX столетия – целая Атлантида татарской культуры, в советские годы сведенная по идеологическим соображениям к имени Г. Тукая, что в корне неверно. Переводы татарских классиков создадут почву для четкого понимания масштабов и глубины татарской литературы, насчитывающей тысячелетие жизни в большом времени. Это принципиально: в социальных сетях (как бы ни относиться к ним, они – дискуссионное место, в котором выражает свои мысли и настроения срез активного общества) иногда настойчиво циркулирует искреннее заблуждение, что у татарской литературы не было гениальных писателей, кроме Г. Тукая, да и тот – якобы *всецело* «конструкт» советской национальной политики. Переубеждать, объясняя, что это не так, трудно; в той, по М. М. Бахтину, «карнавальная» ситуации постмодернистского релятивизма и хаотизации, в которой мы оказались, нужны не оправдания или бесконечные заслуженно

похвальные слова в адрес татарских писателей, а точечные дела, говорящие сами за себя. Формами дела могут служить именно переводы.

Итак, частным ответом на острые грани неизбежного глобализационного процесса и внутренней государственной политики может стать литературный перевод – малое, но полезное, продуктивное дело («камень, который отвергли строители, соделался главою угла»). Надо взять на вооружение пушкинский настрой, настрой всегда обнаруживать в печальном событии светлый тон надежды и оборачивать худое в благое (эти переходные отношения китайская философия отображает в схеме взаимопроникновения бинарных оппозиций «инь» и «ян»). Глобализация – не только жизнь по стандартным лекалам, это и форма встречи культур, когда каждая из них, независимо от количества носителей, показывает миру все то лучшее, что в ней созрело, как сочный плод. Русский язык на этом фоне следует воспринимать в качестве языка-посредника и использовать его в продвижении национального за пределами очерченного ареала, преодолевая «местечковость».

В 1916 году Р. Тагор посетил Японию. Он был восхищен этой страной, ее природой и культурой. Находясь там, он высказал мысль, которую спустя полвека воспроизвел Я. Кавабата, японский писатель и эссеист, в одной из лекций, прочитанных им в Гавайском университете: «Каждая нация обязана самовыразиться перед миром. Если же ей нечего дать миру, это следует рассматривать как национальное преступление, это хуже смерти и не прощается человеческой историей. Нация обязана сделать всеобщим достоянием то лучшее, что есть у нее. Преодолевая собственные, частные интересы, она посылает всему миру приглашение принять участие в празднике ее духовной культуры» [6: 19].

ЛИТЕРАТУРА

1. Гилязов З. З. Переводы произведений западной литературы на татарский язык в 1901–1917 годы (в книжных изданиях) // История России и Татарстана: итоги и перспективы энциклопедических исследований: сб. статей итоговой научно-практической конференции (г. Казань, 26–27 февраля 2009 года). – Казань: Изд-во «Фэн», 2009. – С. 250–252.
2. Гилязов И. А. Пессимистические заметки: татарский язык в Республике Татарстан // URL: http://dumrt.ru/ru/help-info/theology/analytcs_1131.html (дата обращения: 02.11.2021).
3. Каримуллин А. Г. Татарское государственное издательство и татарская книга России (1917–1932). – Казань: Татар. кн. изд-во, 1999. – 320 с.
4. Панарин А. С. Глобальное политическое прогнозирование. – М.: ООО «Алгоритм-Книга», 2002. – 352 с.
5. Райков Б. Е. Методика и техника экскурсий. – М.; Л.: Государственное издательство, 1930. – 118 с.
6. Тагор Р. Творчество жизни (Садхана) / пер. с англ. А. Ф. Гретман и В. С. Лемпицкой. – М.: Современные проблемы, 1917. – 215 с.
7. Тагор Р. Садовник. Гитанджали / пер. И. Сабашникова. – М.: Издание М. и В. Сабашниковых, 1919. – I–X, 156 с.
8. Фэттах Н. Сайланма эсэрләр: 5 томда. – Т. V. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2002. – 400 б.

УДК 82.091

СОВРЕМЕННАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ДРАМА В КОНТЕКСТЕ ЦЕННОСТНОЙ ПАРАДИГМЫ

И. Ю. Кириллова

Чувашский государственный институт гуманитарных наук (Чебоксары)

В статье рассмотрены чувашская драма «Куккуклә сехет» («Часы с кукушкой») М. Карягиной и татарская монодрама «Микулай» М. Гилязова. Путем сравнительного анализа выявлены ценностные составляющие их художественной структуры, такие как дом, родная земля, память, сохранение традиций и т.п. Близость пьес объясняется системой общих ценностных представлений о нравственном долге перед предками, памяти, преемственности поколений.

Ключевые слова: современная чувашская драма, современная татарская драма, М. Карягина, М. Гилязов, ценностные ориентации.

The article discusses the Chuvash drama «The Cuckoo Clock» by M. Karyagina and the Tatar monodrama «Mikulai» by M. Gilyazov. Through comparative analysis, the value components of their artistic structure are revealed, such as home, native land, memory, preservation of

traditions, etc. The proximity of the plays is explained by a system of common value ideas about the moral duty to the ancestors, the continuity of generations.

Key words: modern Chuvash drama, modern Tatar drama, M. Karyagina, M. Gilyazov, value orientations.

Аксиологическая составляющая художественно-эстетического сознания на разных этапах развития литературно-художественного процесса имеет свои особенности. Та или иная литературно-общественная ситуация выдвигает на первый план свои ценностные ориентиры, которые трансформируются и модифицируются в зависимости от историко-культурного контекста. Наиболее сложным и интересным в этом отношении на наш взгляд является рубеж XX–XXI вв., отличившийся сменой культурных и ценностных парадигм. Процессы, происходившие в духовной жизни народа, отразились в национальных литературах. Трансформация современной национальной драматургии прежде всего была связана актуализацией национальной проблемы. Национальные вопросы поднимались в творчестве чувашских драматургов Б. Чиндыкова, А. Тарасова, М. Карягиной, Н. Сидорова, В. Николаева, татарских – Т. Миннуллина, М. Гилязова, З. Хакима, И. Юзева и др.

Интерес современных писателей к национальной проблематике проявился в обращении к далекому и недавнему прошлому, изображении исторических личностей, в раскрытии национального содержания через обычаи и традиции, в изображении национальных характеров [2: 95]. Цель данной статьи – рассмотреть разные типы национальных характеров в контексте ценностной парадигмы, что в свою очередь позволит дополнить имеющиеся исследования по национальным литературам. Для исследования нами выбраны чувашская драма «Куккуклă сехет» («Часы с кукушкой», 2016) М. Карягиной и татарская монодрама «Микулай» (2019) М. Гилязова, где авторами затронуты проблемы вымирающих деревень, исчезновения национального языка, культуры, народных обрядов и традиций в эпоху глобализации. Обозначенная проблема раскрывается в пьесах через характеры персонажей, описания их качеств и поступков, свойственных национальному менталитету и характеру народа в целом.

Первый Геннадий («Часы с кукушкой») и Микулай («Микулай») – единственные жители в своих деревнях (чувашской и кряшенской соответственно), неунывающие хранители маленького мира, годами накопленного духовного богатства народа. Каждый из них по своему пытается сохранить жизнь в деревне. Микулай изготавливает большие куклы и фигуры из подручных материалов, каждая из которых олицетворяет образ близких ему людей (матери, отца, бабушки, односельчан и т.д.). Первый Геннадий же собирает по деревням сломанные часы и чинит их. Стук часов для него, что стук человеческих сердец. Дед его мастер-часовщик всегда говорил: «В деревне не должно быть сломанных часов! Не к добру это!» [3: 49].

События в обеих пьесах происходят в течение одного-двух дней. Авторы растягивают сюжетную линию, отсылая читателя / зрителя к предшествующим событиям, обращаясь к прошлому персонажей. В этих воспоминаниях личное всегда сопряжено с переживаниями о судьбе деревни, своих родных, друзей, односельчан. В татарской драме герой Микулай впадает в воспоминания в разговоре со своими молчаливыми куклами (в спектакле Казанского татарского государственного театра юного зрителя им. Г. Кариева в качестве собеседника представлен щенок).

М. Карягина же выбрала прием аксиологической антитезы, основанной на контрастных образах и понятиях. Так Первому Геннадию автор противопоставляет Второго Геннадия, его друга детства, который ушел в армию и с тех пор ни разу в деревне не появлялся, даже не приехал хоронить родителей. Два Геннадия – два героя с разными ценностными ориентирами. Если Первый Геннадий хороший друг, примерный семьянин, трудолюбивый, открытый человек, то второй – его противоположность: предал дружбу, оставил родину, родителей, семью, любимую девушку ради карьеры и денег. Он и сейчас приехал в деревню, чтобы продать отцовский дом и отыскать клад, про который во сне ему рассказал отец. Только Первый Геннадий понимает, что клад этот – передаваемые из поколения в поколение духовное богатство народа, национальные традиции и обряды, которые надо сохранить для будущего поколения. М. Карягина сталкивает два типа идентичности.

Если идентичность Первого Геннадия базируется на таких понятиях как «дом», «родная земля», «мать», «отец», «долг», «ответственность», то Второй Геннадий потерял эти чувства, он оторван от родной земли. Тем самым она актуализирует важнейшие национальные и нравственные ценности, противопоставляя им антиценности.

Чувашская и татарская пьесы заставляют задуматься о том, как мы живем, о завтрашнем дне наших деревень. И в то же время смысл пьес намного глубже – исчезает не просто деревня со своими устоями, вместе с ней рушится сам национальный мир, который держится на вековых народных традициях, национальной философии и мировоззрении, человеческой доброте и чистоте. И вместе с героями, которые воплощают в себе народную мудрость, единственными оставшимися в деревне хранителями прошлого, памяти предков, может исчезнуть сам национальный мир. М. Карягина во вступительной ремарке образно сравнивает Первого Геннадия, согнувшегося под тяжестью мешка со сломанными часами, с неким мифическим героем, который на своих плечах удерживает весь мир – Земной шар: «*Хуллен кӑна хӳйӳнчен темиҫе хут пысӳкрах купана тертлӳн малалла сӳтӳрме пуҫлат. Ҷакӳ айккинчен пӳхсан хӳй пурӳнакан тӳнчене – Ҷӳр чӳмӳрне – хул пуҫси вӳйӳне туртса Ҷавӳракан этем пек курӳнат*». (Медленно тащит он на себе несколько раз превосходящую его по размерам тяжелую ношу. Со стороны он выглядит человеком, тянущим на себе целый мир – весь Земной шар, на котором сам живет.) [3: 48]. Микулай же каждый вечер зажигает свечи, не дает погаснуть жизни в родном селе. Детской игрой «Чук-чук» он призывает дождь и верит, что озеро, которое много лет назад вместе со всей живностью забрал спустившийся с неба черный столб, когда-нибудь наполнится водой, и люди вернуться в деревню [1].

И Первый Геннадий, и Микулай выступают в пьесах национальными героями, взявшими на себя непосильную ношу – сохранить деревню, а вместе с ней и частичку национального мира. Они изо всех сил стараются оставить память о прошлом: Микулай зажигает лампочки, не дает погаснуть жизни в деревне, а Первый Геннадий чинит старые часы, заставляет их стучать, идти вперед, как будто хочет исправить само время, эпоху, в которой постепенно обрывается связь поколений, связь с прошлым. В сохранении традиций авторы видят залог непрерывности существования народа. Они хорошо понимают, что «отказ от базовых ценностей равнозначен катастрофическому слову идентичности» [4: 173]. Авторы не безнадёжны: в конце пьесы «Микулай» идет долгожданный дождь, который наполнит опустевшее озеро водой, появляется надежда, что люди вернуться в деревню; в пьесе «Часы с кукушкой» в последний момент в сломанных часах открывается дверца, и кукушка начинает куковать, что также вселяет надежду.

Идентичность Первого Геннадия типологически схожа с идентичностью Микулая и определяется той же ценностной позицией. Их судьбы определяются сопричастностью к родине, духовной культуре народа, родному языку, традициям, которые и составляют их мир ценностей. Близость героев разноязычных произведений объясняется аксиологическим родством, связанным системой общих ценностных представлений о нравственном долге перед предками, преемственности поколений.

Таким образом, в статье на материале чувашской и татарской драмы показаны ценностные категории в мотивно-образной системе современной национальной драматургии Поволжья. Национальная проблема в них рассматривается в отношении героев к народно-традиционным и общечеловеческим ценностям, таким как родная земля, дом, семья, память, нравственность, долг, ответственность и др.

Рассмотренные нами предпосылки исследования национальных литератур приводят к мысли, что региональное литературное пространство предстает не столько как совокупность идентичностей, сколько как «уникальная историческая и культурная целостность» [5: 82]. К. К. Султанов предлагает в качестве грани единого подхода изучать национальные литературы через восстановление в целостности и выявление их фундаментальных ценностных ориентиров, «без которого призыв к полному описанию каждой национальной литературы останется всего лишь благим пожеланием» [5: 98].

ЛИТЕРАТУРА

1. Гилязов М. Микулай. Портал национальных литератур [Электронный ресурс] // URL: Микулай (Драматургия) – Гилязов Мансур – Татарский язык (rus4all.ru) (дата обращения: 12.02.2021).

2. Закирзянов А. М. Основные направления развития современного татарского литературоведения (кон. XX – нач. XXI в.). – Казань: Ихлас, 2011. – 320 с.
3. Карягина М. Куккуклә сехет // Таван Атл. – 2017. – № 4. – С. 48–78.
4. Султанов К. К. Национальная литература: к вопросу о корреляции этнокультурного и аксиологического подходов // Проблемы сравнительного литературоведения и фольклористики Урало-Поволжья: сб. ст. – Чебоксары: ЧГИГН, 2018. – С. 160–177.
5. Султанов К. К. От «единства многообразия» к «единству-в-различии»? Из опыта изучения литератур народов России. // Вопросы литературы. – 2016. – Январь-Февраль. – С. 67–105.

УКД 811.512.111

О ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ ПОГРАНИЧЬЯ (на материале литератур Поволжья)

В. Г. Родионов

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова» (Чебоксары)

Литературоведение пограничья – это литературоведческая интерпретация закономерностей, выявленных другими науками. Этническая картина мира меняется в ходе изменения действительности. Главными внешними покровителями в картине чувашского мира были Бог и царь. Они в литературе XIX в. оставались такими же. Трансформации подвергались образы зла, писателями представленные как представители местной власти. Чувашские писатели середины XIX в. открыто указывали на настоящих прототипов образов зла и врага чувашского народа.

Ключевые слова: картина мира, этническое бессознательное, образы добра и зла, С. Михайлов (Яндуш).

Literary studies of the borderlands is a literary interpretation of the patterns revealed by other sciences. The ethnic picture of the world changes in the course of changing reality. The main external patrons in the picture of the Chuvash world were God and the tsar. They remained the same in the literature of the XIX century. The images of evil, presented by writers as representatives of local authorities, were transformed. Chuvash writers of the middle of the XIX century openly pointed to the real prototypes of the images of evil and the enemy of the Chuvash people.

Key words: the picture of the world, the ethnic unconscious, images of good and evil, S. Mikhailov (Yandush).

Современное отечественное литературоведение исторически складывалось и развивалось на основе теоретических разработок, выработанных путем изучения поэтики и художественных процессов западноевропейских литератур, начиная, примерно, с эпохи Ренессанса (с появления классических произведений искусств и литературы) или, по-иному, начала Нового времени (это эпоха в истории, которая занимает, как известно, между Средними веками и Новейшей историей). Этносы, проживающие вне территории Западной Европы, проходили эту стадию истории позже западноевропейцев. В России начало Нового времени (русской истории и культуры) размещено в XVIII в., которое называется еще эпохой русского Просвещения. В литературах Поволжья, в которых непрерывность письменных традиций была прервана или еще не формировались, поэтика и другие литературные традиции складывались еще позже – во второй половине XIX– начале XX в., когда были совершенно иные культурно-исторические, социально-экономические и политические реалии, чем при формировании русской литературы, тем более литератур Западной Европы. Именно в эти хронологические рамки размещены национальные варианты периода литературного просветительства.

Итак, вузовские учебники по теории литературы, написанные на материале европейских художественных текстов, в том числе и русских писателей, не всегда могут быть полезны для исследования литератур Поволжья и Урала. Цель данной статьи – показать наличие определенных связей между историей литературного процесса, а также поэтикой отдельных литературных классиков, с одной стороны, и некоторых предметных областей исторической этнологии, с другой. В своих отдельных статьях мы пытались находить разные формы воздействия коллективного (этнического) бессознательного на художественное творчество таких писателей, как К. Иванов (Кашкыр), Н. Шубоссинни

и И. Юркин (чувашиские), Г. Исхаки и Г. Тукай (татарские), Г. Верещагин, К. Герд, К. Митрей (удмуртские), С. Чавайн (марийский) и др. [7: 200–228]. Поэты народов Поволжья и Приуралья на уровне бессознательного остро чувствовали реальную угрозу для функционирования этноса, для ее надежной маркировки они обращались к текстам устно-поэтического творчества. В их творениях, прежде всего предназначенных для детей и юношества, родной язык, культура и религия являлись, как мы считаем, главными этническими маркерами [7: 227–228]. Следовательно, обращение талантливых писателей к фольклору объясняется прежде всего их поиском этнического своеобразия, а не отсутствием своих литературных традиций, как доказывали нам исследователи советской эпохи, пытавшие всячески обеднить дореволюционное культурное наследие наших народов.

Далее будем писать о С. Михайлове (Яндуше, 1821–1861), творчество которого литературоведами освещено в аспекте не только художественно-поэтических, но и общественно-социальных, а также этнических проблем [3: 147–159]. Но в его творчестве не изучены такие бессознательные образы (они создаются этническими константами, то есть бессознательными комплексами, складывающимися в процессе адаптации этноса к окружающей природно-социальной среде, и в сознании члена этноса всплывают в виде максимально конкретизированных представлений или объектов [4: 291]), как «источник добра», «источник зла», «образ покровителя», «образ врага», «образ “мы”», «образ поля действия», «образ условия действия» и т.д.

Нас интересует прежде всего этническая картина мира, которую С. В. Лурье дала такое определение: сформировавшиеся на основании этнических констант и культурно-ценностных доминант (они определяют поведение человека, во многих случаях бессознательны) представления человека о мире. Этнические константы одновременно провоцируют человеческую активность в мире, и направляет ее, и предопределяет восприятие мира. Но будучи специфичной для каждой культуры, картина мира не может претендовать на объективность, она может создавать у своих носителей лишь иллюзию ее объективности [4: 292].

Для определения чувашской картины мира периода жизни и творчества Спиридо-на Михайлова в первую очередь следует выявить бессознательные образы чувашского этноса, которые запечатлены в произведениях вышеназванного писателя и ученого в форме конкретных персонажей и героев.

Образ покровительствующей силы (покровителя, защитника). Для чувашей, основное занятие которых было земледелие, главными покровителями были следующие мифологические персонажи: *Турă / Торă* «Бог небесный» и *патша* (позднее заимствование из татарского языка; более ранний вариант – *ёмшү*) «Государь, владычествующий над людьми». В зафиксированной С. Михайловым песне, исполняемой в честь нового урожая (в благодарность за новый хлеб), названы *Торă*, *Пүлэх* и *патша*. Значение второго термина в очерке К. Мильковича (1783) объяснено так: «[...] он (*Кене*. – В. Р.) обитает в небесах и имеет у себя двух вестников, или служителей, *Пүлэхçĕ* и *Пихампар*, из которых *Пүлэхçĕ* посылает он на землю назначать рожденным младенцам участь и записывать даваемые им по рождению от юмзей имена; сей его служитель по исполнении возвращается на небеса и *Кене* или судьбе возвещает» [5: 53]. В процессе разрушения чувашской мифологической системы после массовой христианизации народа утвердилось следующее изречение: «*Турă парсан та, Пүлэхçĕ пүрмесен, ырă курма сук*», т.е. «хотя Бог и назначит какое-либо добро, но если *Пүлэхçĕ* не присудит, то того добра не видать». Появление ложной этимологии термина (от глагола *пүл-* со значением «помешать, загородить») послужило усечению конца слова *Пүлэхçĕ* (> *Пүлэх*) [1: 180]. Таким образом, данный образ трансформировался в божество, имеющего возможность, при своем желании, назначенное Богом добро не довести до человека, то есть навредить ему. По этой причине этот измененный в XIX в. образ можно отнести как к благим, так и к зловредным.

Приведем первую строфу записанного С. Михайловым текста обрядовой песни, исполняемой в благодарность за новый хлеб (знак / – границы строк): «Слава Богу, слава небожителю! / Слава Богу и Царю! / На небе Бог, на земле Царь управляет. / По щедрости Бога и Царя мы пьем и едим. / Слава Богу, слава небожителю» [6: 93]. (Перевод автора записи).

В вышеупомянутом очерке К. Мильковича «Быт и верования чуваш[ей] Симбирской губернии» описаны функции *Сўлти* («обитающий на небе») *Турă* и *Сёрти* («обитающий на земле») *Патша*. Здесь *Пулёхсё* со значением «предписатель земнородных участков» размещен на восемнадцатом месте [5: 50]. Не вдаваясь в подробности такой иерархии благих божеств, следует отметить, что последний мифологический персонаж раздал новорожденным счастливые или же несчастные судьбы. Но почему данный образ в XIX в. так резко приблизился к самому первому лицу в пантеоне благих божеств, а в начале XX в. он стал синонимом самого *Турă*, например, в поэме «Нарспи» К. Иванова (Кашкыра)? Здесь мы имеем свое объяснение и связываем такую семантическую трансформацию *Пулёхсё* с изменением некоторых образов чувашской картины мира, о чем будем писать ниже.

За новый урожай чуваш благодарил не только Богу и царю, а также и «предписателю земнородных участков» *Пулёхсё*, *ака-соха* «земледелию», *кил-сорт* «жилищу», *кил-вот* «домашнему очагу, т.е. семье», детям, односельчанам, родню и просто знакомым. Все они причастны удачному урожаю домохозяина, поэтому все достойны благодарения. Это и есть круг покровителей и помощников чувашского крестьянина, иерархия по степени их значимости (ценности).

Для С. Михайлова (Яндуша), глубоко верующего православного россиянина, Бог и царь тоже были главными покровителями, что хорошо отражено в его произведениях. Дом купца Михеева стоял, по сообщению автора, почти рядом с приходской Богоявленской церковью, в которую чувашский мальчик любил ходить к божественной службе в воскресенье и праздничные дни. В молитвах он просил господ бога не оставить его в прискорбной жизни, просил открыть ему «познание святого закона» [6: 352]. Летом 1833 г. во время службы архиепископа Казанской епархии Филарета Спиридон захотел отправиться в Казань за архиереем, для усовершенствования своих познаний, надеялся на его покровительство [6: 353].

Главным земным покровителем для С. Михайлова (Яндуша), как и для простых чувашей, был царь. В этом отношении весьма интересен один факт. Летом 1836 г. он, помощник писаря Большешатъминского волостного правления, вместе с товарищами преодолел около ста километров туда и обратно, чтобы увидеть Николая I, проезжающего г. Чебоксары по Волге. В одном его стихотворении имеются такие же образы покровительствующей силы, что и чувашском устном творчестве, но они имеют различные культурно-исторические корни, различны из-за изменившегося внешнего опыта, который народ должен воспринимать и упорядочивать. Былое представление о Боге осталось примерно таким же, включая и его обозначающего термина (*Турă* «название Бога чувашской народной религии» > «чувашское название Бога православной религии»). Такая трансформация образа покровительствующей силы не смогла повредить этническим константам чувашского этноса.

Образ противодействующей силы (врага, источника зла). В чувашском фольклоре и мифологии главным антигероем является, как принято считать, *Шуйттан*, который, хотя и имеет злое начало, но, в отличие от христианского Дьявола, менее хитер, даже туповат. Данный термин в чувашский язык проник через мусульман примерно в XIV в., но так и не стал достойным соперником *Турă*. В ходе развития исконного мифа о близнецах антиподом Бога, прогнанным им с неба сложился образ *Киремет* (слово арабского происхождения), при обращении к нему чуваша называли его *Ырă* (др.-тюрк. *ari-* «очищаться»; *ariḡ* «чистый, незагрязненный» [8: 474]). В XVIII в. данный мифологический персонаж трансформировался, не без содействия христианских миссионеров, в главного символа злого начала. Две особенности Киремети (причиняет вред только чувашам, по внешности похож на татарина или русского, разъезжающего в карете) указывают на внеэтнические истоки сложения данного трансформированного образа. В поздних сказках (бытовых) появляется новых герой (поп), который наделяется некоторыми качествами трикстера.

В период жизни и активного творчества С. Михайлова (Яндуша) в чувашской картине мира складывается новый образ противодействующей силы, который наделен талантом хитрости. Например, в очерке Василия Лебедева (он родился в 1813 г. в с. Штанши Курмышского уезда Симбирской губернии, что ныне находится в Красночетайском

районе ЧР) «Симбирские чуваш» (1850) показан ловкий волостной писарь (чув. *тияк* < рус. *дьяк* «государственный служащий, начальник органа управления», «письмоводитель»), который путем обмана находит вора. Подобные разновидности быличек появились не без воздействия мотива «на воре шапка горит», широко распространенного в русском фольклоре. В стихотворении с условным названием «*Пирён телей*» («Наше счастье», 1851) В. Лебедев представляет волостного писаря в совершенно ином ракурсе (русский перевод самого автора стихотворения): «[...] В грусти, в горе и в несчастье / Мы бежим скорее к Тõре: / В киремети закалаем / Молодых телят, коров, / Чтобы Тõра дал здоровья, / Чтобы Тõра дал нам счастья. / Мы не знаем ни писать, / Не умеем и читать; / Мы к священнику бежим: / «Что нам делать при несчастье? / Что же дьякам поднести?» / Так живем мы и доселе, / Так мы видим свое «счастье»; / А во рту у нас табак. / Что поделать – наше «счастье»! / Есть у нас домашний скот: / Кони, свиньи, куры, пчелы, / Овцы, гуси и быки, / Утки, яйца, молоко; / Ешь, чуваш, свой черный хлеб, / А скотину продавай; / Скопишь ты побольше денег, / Дьякам коль придет беда. / Ешь, чуваш, свой черный хлеб. / Что поделать – наше «счастье»! [3: 145–146]

Здесь иронический стиль В. Лебедева насыщен сатирическими моментами, что заставляет читателя восстать против фаталистического утверждения лирического «я». Лейтмотив произведения развивается путем противопоставления *хуйхӓ* (несчастье, беда, горе) и *телей* (счастье) чувашского народа. Все его беды и несчастья связаны, как полагает лирический субъект, с верой в *киремет*, а также с его необразованностью, которого легко обманывают сельские писари и т.п. Бедные чуваша недоуменно вопрошают: «Что нам делать при несчастье, / Что же дьякам поднести?» Доля чуваша – при множестве домашнего скота и птицы довольствоваться одним черным хлебом и горьким дымом махорки. «Много будет у тебя (чуваша. – В. Р.) денег – саркастически замечает лирический “я”, – когда придет беда к писарям». Но дождутся ли чуваша этого времени – ответа в произведении читатель не находит [3: 146].

О бесчинстве местных властей писал и С. Михайлов (Яндуш). Например, в рукописи его статьи, отправленной в Русское географическое общество под грифом «секретно» (19 марта 1856 г.) имеется следующий многозначительный абзац: «Что местные власти дурно управляют чувашами и во зло употребляют благонамеренные распоряжения правительства, то этому примеров было довольно и изъяснять их не для чего, ибо как в прежние, так и нынешние годы наряжаемы были по жалобам инородцев неоднократно особые комиссии для открытия главных виновников зла, которые комиссиями были открываемы и передаваемы суду. В последний раз была подобная комиссия в 1848 и 1849 годах в лице состоящего при Министерстве государственных имуществ коллежского советника Ордынского с жандармским советником из Санкт-Петербурга. Но за всем тем должно сказать, что писари и старшины чуваш[ей], близкие им по службе, пользуясь их трусливостью, вместо защиты от их притеснения и водворения между ними добрых нравов, являются сами *первыми притеснителями и бывают примером для разврата*, отчего в подчиненных им чувашах теряют всякое к себе доверие и *заставляют смотреть на себя как на врагов* (выделены нами. – В. Р.). Не говорю уже здесь о лицах, занимающих высшие инстанции...» [6: 172].

Далее покажем некоторые диалоги из произведения С. Михайлова (Яндуша) «Разговор на постоялом дворе» (1859), которые написаны под воздействием бессознательно возникшего образа врага:

«– У вас здесь народ барский или вольный?

Старуха: Нету, все вольной, да все орда, чуваша.

– Разве чуваша народ не бойкий?

Старуха: Вот ты нашел еще бойких. Их недаром зовут трусами: «чуваш – юваш».

С кого же брать деньги, как не с них. В нынешнее лето писаря на порядках посбирали с них калым.

– За что?

Старуха: По умышленному-то набору. Застрашали их, бедных, как овец: с кого 10, с кого 20, а с кого 30, с кого 50, а с иного сорвали и по 100 целковеньких. Недаром говорят, что наш голова отправил несколько тысяч в ломбард.

– А кто ваш голова, ведь, такой же чувашин?

Старуха: Нет, родимый, не такой чувашин, а из городских мещан; был прежде писарем, да записался в крестьяне, в чувашскую деревню, да и сделался головой, да и стал пуще прежнего всех надувать. Прежде были головы из чуваш, не умели так плутовать. Где чувашину так обманывать!

– Есть ли у вас еще такие головы?

Старуха: Коли нет. Таких плутов ведь любят. Ныне в чувашах все такие головы поделаны, чтобы с живого шкуры драть. Нет житья от них бедным чувашам» [6: 337].

Не простой же народ любит таких плутов, а лица, занимающие должности в высших инстанциях! Писать о последних в те годы было небезопасно. С. Михайлов (Яндуш) находит решение назревшего конфликта в просвещении простого народа, а также в защите и покровительстве его от стеснительных действий волостных и сельских начальников. Как известно, новая, дополнительная система управления государственными крестьянами (введение параллельного окружного управления) в 1839–1843 гг. привело к тому, что количество чиновников, управляющих чувашскими крестьянами, увеличилось вдвое. Акрамовская война 1842 г. была направлена против введения нового управления, усиления крепостнических порядков [2: 3–7].

Такова была действительность в окружении чуваша 30–50-х гг. XIX в. Образы покровителей (благотетелей) и врагов простого чувашского крестьянина из реальной жизни (царь – чиновники местной власти – простые чуваша-крестьяне) перешли мифологический мир (Бог – *Пулӑхсӗ* – чуваша-земледельцы). Не случайно же в обрядовых песнях рядом с Богом чуваша ставили *Пулӑхсӗ* (> *Пулӑх*), который, как мы уже отметили, в XIX в. получил полномочие не исполнять предписания самого *Турӑ*. Так отразились правительственно-административные отношения в Чувашском крае в сознании и бессознательных образах картины мира чувашского этноса.

После массовой христианизации чувашей «чужими» в чувашской деревне стали русскоязычные церковнослужители, некоторые из них в период Пугачевского бунта были повешены своими же прихожанами. В XIX в. для чувашских общинников (*ял халӑхӗ*) ненавидимыми врагами стали чиновники местной власти (*кантур ҫыннисем, тӱре-шара*). Так как тогда в волостных правлениях, тем более в губернских органах власти, работали чиновники иноэтничного происхождения, злое начало в чувашской картине мира располагалось, следует полагать, вне пределов своего этноса» [4: 471]. Об этом утверждают и труды С. Михайлова (Яндуша), в которых писатель и ученый где индизательно (например, в произведении «Разговор на постоялом дворе»), а где и открыто указывал на настоящих прототипов образов зла и врага чувашского народа. Его творения остаются ценным источником для дальнейшего изучения пограничья литературы и некоторых предметных областей исторической этнологии, прежде всего национальной картины мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ашмарин Н. И. Чувашская народная словесность: Исследования. Автобиография, воспоминания. Письма / Сост. и примеч. В. Г. Родионова. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2003. – 410 с.
2. Восстание чувашского крестьянства в 1842 году / Сборник архивных документов / Сост. П. Г. Григорьев и Р. С. Семенова. – Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1942. – 283 с.
3. История чувашской литературы XVIII–XIX веков: коллективная монография / ЧГИГН. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2020. – 296 с.
4. Лурье С. В. Историческая этнология: учеб. пособие для вузов. – М.: Академический Проект: Гаудеамус, 2004. – 624 с.
5. Милькович К. Быт и верования чувашей Сибирской губернии (Из записок уездного землемера Мильковича, 1783 г.) // Известия общества археологии, истории и этнографии при императорском Казанском университете. Т. XXII. Вып. 1. 1906. – Казань: Типо-литограф. имп. ун-та, 1914. – С. 38–60.
6. Михайлов С. М. Труды по этнографии и истории русского, чувашского и марийского народов / Сост. и предисл. В. Д. Дмитриева. – Чебоксары: Чуваш. НИИ при Совете Министров Чувашской АССР, 1972. – 423 с.
7. Родионов В. Г. Чувашский этнос: исследования по этнологии и мифопоэтике. – Чебоксары: ЧГИГН, 2017. – 324 с.
8. Федотов М. Р. Этимологический словарь чувашского языка: в 2-х т. Т. 2. С–Я. – Чебоксары: ЧГИГН, 1996. – 509 с.

КАТЕГОРИЯ РАЗЛИЧИЯ И ОСНОВЫ СОПОСТАВЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЛИТЕРАТУР

А. З. Хабибуллина

Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань)

Статья посвящена рассмотрению категории различия (differance) и ее места в сопоставительной методологии. Установлено, что ценность различий разных национальных литератур достаточно полно была обоснована представителями исторической поэтики (А. Н. Веселовский, Н. И. Конрад, О. М. Фрейденберг). Сопоставительная методология, основу которой образует идея неповторимости, самобытности каждой их литератур, находящейся в диалоге между собой, также подчеркивает значимость различий, особенно по отношению к проблеме литературных жанров. Сделан вывод, что несходство жанровой системы русской и татарской литератур (рассказ и хикая, стихотворение в прозе и нэсер, басня и масал, отрывок и парча), является условием для построения гомологического соответствия жанров. В статье на материале нэсер М. Максуда «Тоскую и люблю тебя, моя Отчизна» выявляется элегический модус художественности как одна из форм выражения элегического жанра в татарской литературе 20-х гг. XX века.

Ключевые слова: различие, сопоставительная методология, жанр, нэсер, элегия, диалог литератур.

The article is devoted to the study of category of difference and its place in the comparative methodology. It is stated that the value of difference between various national literatures was quite fully proved by representatives of historical poetics (A. N. Veselovsky, N. I. Konrad, O. M. Freydenberg). The comparative methodology, based on the idea of uniqueness, originality of each literature which are in dialogue with each other, also highlights the importance of difference, especially referring to the problem of literary genres. It is concluded that dissimilarity of the genre system of Russian and Tatar literature (story and hikaya, poem in prose and naser, fable and masal, excerpt and parcha) is a condition for the construction of homological similarity of genres. The article based on the material of «Toskuju i ljublju tebja, moja Otchizna» naser by M. Maksud, reveals the elegiac mode of artistry as one of the forms of elegiac genre expression in Tatar literature of the 20s of the XX century.

Key words: difference, comparative methodology, genre, naser, elegy, dialogue of literature

*Языки и литературы могут рассматриваться как со-присутствующие единицы,
каждая из которых пребывает в самобытности и одновременно в диалогах с другими.*

*«Единство» в таком случае не исходная для теории категория
и её конечная цель, а перманентное состояние.*

Я. Г. Сафиуллин

В методологии сопоставительного изучения национальных литератур особое место занимает категория различия (differance). В этом контексте значимыми являются теоретические работы основателя школы сопоставительного изучения литератур в Казанском университете Я. Г. Сафиуллина. Так, в статье «Крутые повороты: арабица, латиница, кириллица» исследователь проводит разграничение между двумя научными методами: сравнительным и сопоставительным литературоведением. Если сравнительный подход, который, как известно, был достаточно распространен в отечественной науке о литературе (Н. И. Конрад, А. Н. Веселовский, В. М. Жирмунский) и направлен на поиск *общего* в «столкновениях» разных художественных сознаний (общего эстетического идеала, приемов поэтики, жанра), то сопоставление исходит из идеи *различия* как основы их диалога. Я. Г. Сафиуллин пишет: «Сопоставление иной, чем сравнение, метод, как в научном, так и в обыкновенном мышлении. <...> Сопоставление более всего занято различиями в разных культурах, взаимодействиями на уровне различий. Проблемы взаимной дополненности. Общее в таком случае не цель, не единство в общепринятом смысле слова, в котором разные культуры должны слиться в одно, а постоянный диалог» [5: 176].

Сопоставление, исходящее из представлений об идентичности литературы, которая может быть уникальной по отношению к иной литературе и ее идентичности, формирует вокруг себя область других, обновленных в своем значении понятий и категорий, таких

как «прием описания», «принцип дополнительности», «со-существование» литератур, «множественность литератур».

Нужно отметить, что сама идея различий как основы сопоставления является достаточно известной, всесторонне изученной представителями исторической поэтики, в частности О. М. Фрейденберг. В своей работе («Поэтика сюжета и жанра», 1936) ученый исходит из понятия различия – центральной в историко-генетических исследованиях жанра. Согласно ее убеждениям, «различия изначальны, а сходства вторичны, и что поэтому сходные явления нисколько не объясняются общим происхождением, – напротив, под сходными явлениями лежат совершенно различные возникновения» [6: 27].

Или: «...литературное явление возникает из чего-то от него в принципе отличного: “Встречное отталкивает. Обратное продолжает”» (Цит. по [2: 272]).

Концептуальное значение категории различия по-своему прокомментировала О. М. Фрейденберг и в своих воспоминаниях, подчеркивая, к примеру, то обстоятельство, что «различия определяют всякую жизнь, всякое функционирование, существование: это была исконная и единственно возможная форма выражения мирового единства» [6: 27].

Оставляя в стороне категорию различий в исторической поэтике, отметим, что сопоставительная методология также выделяет ее ценность, которая видится наиболее значимой в изучении *литературных жанров*. С точки зрения концепции сопоставительного литературоведения, различия, поиски истоков уникального, неповторимого в генезисе и художественном содержании жанров выступают тем объективным основанием, которое создает особое «поле напряжения», – то необходимое пространство диалога национальных литератур, из которого складывается «согласие» жанров и их корреляция между собой.

На это, в частности, указывает В. Р. Аминева, актуализируя в своих исследованиях исторический метод в сопоставлении малых и средних жанров русской и татарской литератур. Исследователь пишет: «сопоставление обозначаемых в терминах теоретической и исторической поэтики словесно-художественных явлений опирается на историко-генетический метод, позволяющий выявить их истоки и рассмотреть становление, что сближает сопоставительную поэтику с историей литературы и исторической поэтикой. <...> Именно генезису принадлежит ключевая роль в сопоставительной жанрологии» [1: 7].

Отметим, что категория различия по-своему осмысливалась в зарубежной философии второй четверти XX века, в частности, в работах Ж. Делеза («Различие и повторение», 1969) и Ж. Дерриды («Письмо и различие», 1967). Согласно взглядам Ж. Делеза, различия лежат в основе реальности, они высвечивают многообразие жизни, множественность форм бытия. В этом аспекте белое и черное в многоцветии различия – это лишь два оттенка реальности. Как рассуждает философ: «Различие – не отрицание, напротив, отрицание – перевернутое различие, увиденное искоса. Вечное бревно в глазу» [3: 287].

Различие, таким образом, превосходит по своим качествам тождество, оно – основа жизни, человеческого бытия, способ выживания в нем. В этом аспекте различие существует как более целостная и значимая философская категория, чем тождество. По словам М. Эпштейна, «различия предшествуют тождеству, поскольку тождество само отличается от различия и является лишь одним из моментов его отличия от себя» [8: 55].

Роль «другого» в принятии себя в контексте собственной культуры достаточно заметна в современной транскультурной литературе, основой которого является процесс *самотрансгрессии* – осознание ограниченности данной культуры, исходящее от нее самой. «Всеразличие, – отмечает М. Эпштейн, – полагает множество совершенно самостоятельных индивидов, каждый из которых может, оставаясь собой, искать и достигать универсальности, то есть вмещать в себя других индивидов. Транскультура – это и есть культура, вмещающая в себя опыты и прозрения других культур» [9].

Возвращаясь к мысли Ж. Делеза о том, что «именно различие, не подчиненное тождественному, не дойдет, «не должно бы дойти» до оппозиции и противоречия», отметим, что рассматриваемая категория может выступать онтологической основой в сопоставительной жанрологии [3: 10]. Возникшая в противовес тождественному и постоянному,

т.е. не мотивированному к углублению во множественность художественных форм и их смыслов, она позволяет признать, что разные национальные литературы могут не совпадать с точки зрения жанрового состава. Известно, что в жанровой системе татарской поэзии выделяются формы, которые не находят абсолютного тождества, а следовательно, они лишь гомологически соответствуют жанровой системе русской литературы. Речь идет о таких формах поэзии, как газель, касыда, масневи, рубаи, кыйтга, махзия, марсия, генетические корни которых связаны с Востоком. По мнению А. М. Шарипова, они свободно входили в систему стихотворных жанров тюрко-татарской литературы XIII–XIV веков и «создавались по нормативам, которые были едины для всех восточных литератур арабо-мусульманской ориентации» [7: 55].

В этой связи видится сложным, но необходимым выявление гомологического соответствия жанров, например, оды в русской литературе и касыды в татарской, рассказа и хикая, басни и масал, стихотворения в прозы и нэсер, отрывка и парчи. Вместе с тем без понимания их различий, объяснения природы «несовпадений», научный анализ будет стремиться «от разнообразия к единству», к выявлению наднационального (по сути, абстрактного и стереотипного), что значительно упростит представления об идентичности каждой литератур, вступающих в диалог.

Подчеркнем, что различие, которое выявляется между литературными жанрами, не отрицает «другую структуру мысли», но признает инонациональный жанр идентичным своей природе. Оно (различие) представляет собой объективное условие для «живой жизни» литературы, имеющее основание само в себе, различие выступает в качестве источника, своего рода «движущей силой» для обогащения национальных литератур новыми смысловыми структурами. Ж. Делез пишет об этом свойстве следующее: «Различие, действительно, не перестает быть понятием рефлексии и не становится подлинно реальным понятием лишь в той мере, в какой указывает на катастрофы: либо *перерывы непрерывности в ряде подобий*, либо *непреодолимые пустоты между аналогичными структурами*. Оно сохраняет рефлексивность, лишь чтобы стать катастрофическим. Безусловно, оно одно без другого в нем невозможно. Но разве различие как катастрофа как раз и не свидетельствует о его бунтарском неустранимом содержании, которое продолжает действовать под кажущимся равновесием органического представления?» (выделено нами. – А. Х.) [3: 53].

То, что Делез называет «катастрофическим» по отношению к различию, вполне применимо и к взаимодействию национальных литератур: «столкновение» несходных структур в литературах, наличие «перерывов непрерывности в ряде подобий» формирует то «живое и плодоносящее» поле взаимообогащения, без которого невозможно дыхание жизни одной литературы по сравнению с другой.

Примером сказанному является жанр элегии в русской и татарской поэзии. Нами установлено, что история возникновения этой формы в литературах совершенно разная. Если история русской элегии была богатой и значительной, начиная с XVIII века (В. К. Тредиаковский, А. П. Сумароков), и тесно связана с античными образцами, то татарская элегия долгое время не входила в *жанровую систему* национальной литературы, оставаясь основным модусом художественности суфийской поэзии. До 60-х гг. XX века татарская элегия не занимала заметное место в национальной литературе: эгегические мотивы были рассредоточены внутри других лирических и лиро-эпических жанров, в частности, нэсер.

Нэсер в аспекте содержания сопоставим с русской элегией: кладбищенские мотивы, тема памяти и воспоминание о прошлом, осознание безысходности жизни и выражение тоски по утраченному идеалу – все это теперь, в начале XX века, стали во главу угла при формировании лиро-эпического жанра. Произведения «Цветы принесите мне!» Ф. Амирхана, «В тоске», «Летний нэсер» Г. Рахима, «Тоскую и люблю тебя, моя Отчизна» М. Максуда, «Грусть» Ш. Ахмадеева по-своему подтверждают сказанное.

Так, в нэсер М. Максуда «Сагынам, сөям сине, туган илем» («Тоскую по тебе, моя Отчизна», 1919) эгегический модус художественности тесно связан с темой воспоминания, которая начинает звучать с самых первых строк – лирический субъект воссоздает в своей памяти несравненную красоту любимой родины, ее мирной, довоенной жизни, в которой он по-настоящему был счастлив: «Сагынам сине, сөөкле туган илем!..

Сагынам синең урманнарыңны, сагынам синең тауларыңны, сагынам сиңен кырларыңны, сагынам синең болыннарыңны...

Сагынам безнең өй артынанн ага торган кечкенә елганы, сагынам авылыбызның саф сулы кечкенә чишмәсең, сагынам шул чишмәдән су ташый торган кызларны, сагынам, туган илем, бик сагынам синең чәчәгең, минем күнелем күрке – гүзәл Зәкияне...» [4: 13].

(Тоскую по тебе, Родина моя любимая!.. Тоскую по твоим лесам, тоскую по твоим горам, тоскую по твоим полям, тоскую по твоим лугам...

Тоскую по маленькой речушке, которая протекала сзади нашего дома, тоскую по маленькому роднику нашей деревни с чистой водой, тоскую по девушкам, которые носили воду из этого родника, тоскую, моя Отчизна, очень тоскую по твоему цветку, по частичке моей души – прекрасной Закие...) (перевод Л. Н. Юзмухаметовой. – А. Х.).

Слово «сагынам» в приведенном отрывке является ключевым: оно повторяется более 10 раз, подчеркивая элегическую тему в нэсер. «Сагынам» в первой части произведения, подобно самой сильной, яркой ноте в лирической песне, создает то смысловое содержание, в котором сосредотачивается глубина невыразимой тоски лирического героя. Это чувство сакральное, трепетное, живое, вызванное *воспоминанием о прошлой жизни*, в которой сохранились образы любимой родины, ее природы, родительского дома. В этом воспоминании звучит моң как выражение боли от потерянного.

Вместе с тем такое переживание неоднородно, оно имеет свое внутреннее движение и представлено как процесс. Так, если в исходном абзаце нэсер состояние тоски раскрывается через повторяющиеся импрессионистические образы, дорогие памяти лирического субъекта – леса, горы, поля, луга родиной земли, – то далее, погружаясь в ассоциативный поток, связанной с родиной, оно становится более сильным, волнующим, наконец, достигает своего пика, когда выплескиваются наружу неподвластные разуму чувства: «Не сердись, моя Отчизна, нехороших минут в моей жизни, которая прошла с тобой, было, наверно, больше, чем прекрасных, темные ночи были длиннее, чем погожие светлые дни; твоё солнце меня больше испепеляло, обжигало моё тело, чем ласкало...

И всё-таки, ты роднее, ты милее, моя Отчизна!..

Я забываю все обиды и страдания, снега и метели, ветра и бури, и вспоминаю о тебе лишь только хорошее.

Люблю тебя, тоскую по тебе, моя Отчизна!..» [4: 13].

Таким образом, с точки зрения содержания и некоторых приемов, используемых автором, первая часть нэсер – совершенно элегическая. Несмотря на то, что она состоит из длинных, не версейных строк, зрительно подчеркивающей ее прозаический характер, произведение М. Максуда воспринимается как «большая элегия». Такое сходство с лирическим модусом подчеркивается, прежде всего, за счет деления произведения на *короткие абзацы*: они напоминают строфу в стихотворении, в структуре которой есть также место анафоре:

Сагынам сине сөөкле туган илем!..

Сагынам безнең өй

Сагынам этиемне...

Сагынам хәтта үзебезнең туры кашканы...

Справедливо утверждать, что анафора создает причудливый мелодический рисунок, подчеркивает ритмическое звучание нэсер, все более и более приближая его лирическую тональность к тональности народной песни. Неслучайно, эпиграфом к произведению стали строчки из одной из песен татар: ... Коль даже седина заденет смоль моих волос, / Я не забуду Родины моей...

Выделим и другую особенность нэсер Максуда.

В его самом начале (первые четыре абзаца) ясно выражена аллитерация: «Сагынам сине, сөөкле туган илем!.. Сагынам синең урманнарыңны, сагынам синең тауларыңны.... Образованная с помощью повторов звуков «с», «м», «ң» и «н», она по-своему раскрывает состояние углубленности, погруженности субъекта в свой внутренний мир, в себя. Нэсер, с этой точки зрения, также напоминает элегию, в которой, как известно, ценным является сосредоточенность в себе, отгороженность от внешнего мира, что

неизбежно превращает произведение в семантически замкнутую смысловую структуру, не нуждающуюся во внешнем контексте или диалоге с другими.

Во второй же части нэсер элегический модус художественности уступает место пафосу героизма: образ личности бойца на войне, его огромные внутренние возможности – сила духа и мужество – возвеличиваются в художественном повествовании. По сути Максуд создает образ сверхчеловека, который совершенно не идентичен элегии, вступая в противоречие с сущностью лирического жанра. Теперь он, а не эмоции тоски и грусти формируют смысловое содержание нэсер, трансформируя и наделяя при этом «новыми» свойствами, душевные переживания лирического субъекта.

Таким образом, выявленные различия между элегии в русской поэзии и нэсер в татарской литературе XX века подтверждают уникальность истории лирического жанра в разных культурах. Справедливо утверждать, что в татарской поэзии 20-х гг. элегический модус художественности доминировал над самим жанром. Элегия как жанровая форма, имеющая свои приемы и узнаваемые черты художественной поэтики, заняла свое достойное место в авангардной литературе, начиная с 60–80 гг. XX века, раскрываясь в полноте своего концептуального содержания в творчестве Роб. Ахметзянова, Р. Файзуллина, Ш. Анака.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аминев В. Р. Сопоставительная поэтика: предмет и методы исследования // Сопоставительная поэтика национальных литератур: учеб. пособие / В. Р. Аминев, М. И. Ибрагимов и др. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2018. – С. 4–10.
2. Брагинская Н. В. О работе О. М. Фрейденберг «Система литературного сюжета» // Тыняновский сборник. Вторые тыняновские чтения: сб. ст. / отв. ред. О. М. Чудакова. – Рига: Зинатне, 1986. – С. 272–283.
3. Делез Ж. Различие и повторение / пер. с фр.: Н. Б. Маньковская, Э. П. Юровская. – СПб.: Петрополис, 1998. – 384 с.
4. Максуд М. Сайланма эсерлэр. – Казан: Татгосиздат, 1952. – 214 б.
5. Сафиуллин Я. Г. Крутые повороты: арабица, латиница, кириллица. алфавитная революция в Советском Союзе глазами современности // Казанский альманах. Серия бирюза. – 2017. – С. 171–180.
6. Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра / подготовка текста В. Н. Брагинской. М.: Лабиринт, 1997. – 448 с.
7. Шарипов А. М. Система стихотворных жанров в древнетюркской и тюрко-татарской литературе VIII–XIV вв. (зарождение, становление и функционирование): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Казань, 2001. – 81 с.
8. Эпштейн М. Всеразличие // Проективный философский словарь / под ред. Г. Л. Тульчинского и М. Н. Эпштейна. – СПб.: Алетейя, 2003. – С. 55–59.
9. Homo scriptor: Сборник статей и материалов в честь 70-летия М. Эпштейна. Режим доступа: <https://www.litmir.me/br/?b=678388&p=12> (дата обращения 13. 09. 2021).

УДК 93

ИСТОРИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ ГАЛИМДЖАНА ИБРАГИМОВА В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

К. Г. Ахсанов

Институт языка, литературы и искусств им. Г. Ибрагимова АН РТ (Казань)

Участие Галимджана Ибрагимова в дискуссии об этнониме. Защита национальных героев. Видение Г. Ибрагимовым проблем развития татарской национальной историографии. «Тюркское» и «татарское» для Г. Ибрагимова в национальной самоидентификации. Оценка Г. Ибрагимовым роли Шигабутдина Марджани.

Ключевые слова: Галимджан Ибрагимов. Татары. Тюрки. Национальная история. Шигабутдин Марджани.

Galimdzhan Ibragimov's participation in the discussion about the ethnonym. Protection of national heroes. G. Ibragimov's vision of the problems of the development of the Tatar national historiography. «Turkic» and «Tatar» for G. Ibragimov in national self-identification. G. Ibragimov's assessment of the role of Shigabutdin Mardzhani.

Key words: Galimjan Ibragimov. Tatars. Turks. National history. Shigabutdin Mardzhani.

7 января 1925 г. Г. Ибрагимов был назначен руководителем Академического центра Татнаркомпроса. Он проработал на этой должности до 17 марта 1927 г. Эти годы принято считать самым плодотворным периодом в деятельности данного учреждения [11 : 60]. К этому времени Г. Ибрагимов уже снискал славу одного из крупнейших татарских писателей того времени, кроме того, за ним был опыт политической и государственной деятельности, борьбы за становление советской власти в Поволжье и Приуралье и участие в Гражданской войне. И главное, это был человек хорошо знавший истории, и имевший свое видение истории татарского народа.

Впервые свой интерес к исторической тематике Г. Ибрагимов обозначил еще в 1909 г. в книге «Древняя исламская культура» [3]. Работа носила в основном компилятивный характер и была посвящена развитию культуры и науки в Арабском халифате и в других средневековых мусульманских государствах. Проблема прошлого собственно татарского народа впервые проявилась уже во время дискуссии на страницах журнала «Шура» по поводу этнонима, где Г. Ибрагимов выступил двумя статьями [1] [2] последовательно защищая имя «татары» для своей нации. Хотя, в этих статьях он и не привел ни одного серьезного исторического довода в свою пользу, кроме того, что «весь мир знает нас как татар», что на самом деле тогда, в начале XX в., было не совсем верно. Г. Ибрагимов даже не отрицает того, что «мы – тюрки» и что имя «татар» было дано случайно, но, по его мнению, это не должно вести к отказу от имени «татар». Для Г. Ибрагимова «тюрк» («Турок») – это более широкое понятие, включающее в себя множество разных народов, в том числе и татар.

Г. Ибрагимов продолжил тему начатую в статье «Мы татары!» в рецензии к книге Фатиха Карими «Краткая всеобщая история» (Оренбург, 1911) [10]. Он называет автора книги человеком из тюркского народа, племени татар – то есть выстраивает иерархию, где татары часть тюрков. И по мнению Г. Ибрагимова в книге для учащихся, каковой и является работа Ф. Карими, надо восхвалять историю тюрко-татар, избегать описания неприглядных сторон этой истории, задача книги – показать свой народ лучшим в мире. И то, что книга Ф. Карими не вполне соответствует данным требованиям и является ее главным недостатком. Г. Ибрагимов указывает на то, что в книге уделено недостаточно много внимания тюркам, по сравнению с другими народами. Очень мало сказано о том, какой вклад внесли тюрко-татары в мировую историю, мировую культуру, тогда как о других народах (например, греках, египтянах и пр.) написано в книге гораздо больше. Далее Г. Ибрагимов буквально обрушивается на Ф. Карими за его характеристики, данные вождю гуннов Аттиле, создателю Монгольской империи Чингисхану и эмиру

Самарканда Тамерлану. Всех троих он воспринимает как выдающихся личностей татарского народа и с негодованием отмечает критические замечания о них, содержащиеся в книге Ф. Карими. По мнению Г. Ибрагимова об этих личностях нужно писать только с положительной стороны и не акцентировать внимание юных читателей на кровавых эпизодах их деятельности.

Статья «Противоречия и версии» [7] является ответом на статью выдающегося татарского историка, а на тот момент ещё студента Казанского университета, Газиза Губайдуллина. Сама же статья Г. Губайдуллина представляет собой отзыв на рецензию Г. Ибрагимова на книгу Ф. Карими «Всеобщая история» – то есть является критикой на критику. В этой работе Г. Ибрагимов задается вопросом, а, собственно, можно ли считать историю наукой, такой как математика или естественные науки. В этой связи интересны замечания Г. Ибрагимова об отстаивании чести тех, кого он считает национальными героями и кого он защищает от нападок (Аттила, Чингисхан, Тамерлан). Он отмечает обвинения Г. Губайдуллина в «узком национализме», полагая, что каждая нация в истории защищает своих выдающихся личностей, так почему же татары должны в этом аспекте уступать? Каждая нация превращает историю в оружие, может это и не красиво, но это так. «На войне – как на войне» – отмечает Г. Ибрагимов.

Одним из важных показателей развития исторических знаний, новым этапом роста уровня исторических знаний является осмысление уже написанных исторических сочинений, то возникновение раздела исторической науки под названием историография. «Появление работ, посвященных изучению исторической мысли, развитию знаний о прошлом, становлению исторической науки, то есть проблемам собственно историографического характера, свидетельствовало о прогрессе исторических знаний, конституировании истории как науки, поскольку историография является одним из важнейших элементов ее саморазвития» [12 : 102]. В татарской исторической науке основоположником объективной критики и анализа можно считать Ш. Марджани с его оценками книги Муслими. Сведения о становлении исторических знаний у татар содержатся и в труде Р. Фахретдина «Асар». Оданко человеком впервые попытавшемся осмыслить развитие исторических знаний у татаром целиком, попытавшегося первым дать историографический обзор истории татар можно считать Г. Ибрагимова. В своей статье «Национальная история» [8], Г. Ибрагимов заявляет, что «в древности мы не жили как одна нация», а национальная история зачастую подменялась книгами религиозно-дидактического характера. И вот в связи со становлением нации пробуждается интерес и к национальной истории. Г. Ибрагимов сокрушается о том, что в народе не помнят таких выдающихся личностей, как хан Батый, хан Мамай, царица Сююмбике и даже Чингисхан. Г. Ибрагимов упрекает татар в бесчувствии к своему славному прошлому, называя их «черными», то есть темными. Тем не менее общий настрой статьи оптимистичен: «Настанет день, и мы обретем нашу национальную историю, за которую не придется краснеть, которая представит нашему взору истинный светлый образ нашего прошлого!», – восклицает автор. Одним из источников оптимизма Г. Ибрагимов стала книга его земляка А. З. Валиди «Татарская и тюркская история». Далее Г. Ибрагимов дает характеристики важнейшим на его взгляд трудам по истории татар. Номером один у него идет книга Ш. Марджани «Сведения, привлеченные для истории Казани и Болгара». Давая самую высокую оценку этому труду, Г. Ибрагимов подчеркивает: «Он дал нам прежде всего наше имя – назвал нас татарами». По мнению Г. Ибрагимова «Сведения, привлеченные для истории Казани и Болгара» – это начало национальной истории татар. Далее Г. Ибрагимов упоминает следующих татарских ученых, внесших вклад в развитие национальной истории: Габрашит Ибрагимов, Риза Фахретдин, Мурад Рамзи, Гайнетдин Ахмаров, Хасангата Габаси, Хади Атласи и Юсуф Акчура. В ряде случаев Г. Ибрагимов упоминает их работы и дает им оценки.

Высоко оценивая вышеназванные труды по истории татар Г. Ибрагимов задается вопросом: «Создана ли татарская, тюркская, национальная история?» – дает на этот вопрос однозначно отрицательный ответ. Но в чем же тогда ценность того, что уже сделано? А все уже написанные труды должны, по мнению Г. Ибрагимова, стать фундаментом будущей национальной истории. Национальную историю он сравнивает с биографическим романом об отдельно взятой личности.

Оказавшись в начале 1913 года в Киеве Г. Ибрагимов пишет статью «Из истории русских, тюрков и татар» (В связи с 300-летним юбилеем Романовых) [9]. В этой публикации говорится о том, что нации, как и люди переживают периоды юности, зрелости, старости, но в истории тюрков все это проходит на удивление скоротечно, изменчив. В своей статье Г. Ибрагимов размышляет о различиях между русскими и тюрками. Русские не показывали силу, способную в одночасье перевернуть мир, но они «медленно запрягали», но со времен своего рождения все время росли и укреплялись. История же тюрков подобно потоку, потоку, вулканической лаве. И события, которые рождались от тюрко-татарской силы были очень яркими, но в то же время и мимолетными, словно блеск молний. Г. Ибрагимов обвиняет тюркские народы, прежде всего их аристократию (беев), в готовности жертвовать национальной честью во имя благополучия. И наоборот обращает внимание на то, что для русских их «русскость» священна и они не обменивают ее ни на одно из земных благ.

Одна из главных составляющих этой статьи пессимизм по отношению к тюркским народам. Г. Ибрагимов задается вопросом: давно ли османы наводили страх на Европу? Давно ли турки стояли под стенами Вены? А теперь их бывшие пастухи готовы окончательно уничтожить турецкий трон... Все вышесказанное было написано Г. Ибрагимовым в начале 1913 года – когда шла Балканская война – в которой бывшие подданные Османской империи: греки, сербы, болгары и черногорцы (те самые «пастухи»), нанеся ряд серьезных поражений туркам, вплотную подошли к столице Османской империи – Стамбулу. Болгарские войска всерьез рассчитывали взять город, а их болгарский царь уже мысленно примерял на себе византийскую корону. Российские мусльмане с болью в сердце воспринимали поражения турок, видя в них не только угрозу существования Османского турецкого государства, но и для всего Мира Ислама в целом. Ставился вопрос: останется или нет после этой войны на земном шаре хоть один мусульманин, не попавший в зависимость от европейских держав. «Для тюркских народов значение результатов этой войны еще важнее: здесь проверяется их способность жить в XX в., если смотреть с этой точки зрения, мы, татары, естественно, не можем сохранить хладнокровие: при каждом поражении турок наши сердца разрываются, сопереживаем их бедствия и позор» («Кояш», 1912). Поэтому весь пессимизм Г. Ибрагимова в отношении истории тюрко-татар вполне объясним контекстом происходивших на рубеже 1912–1913 гг. событий на Балканах.

Периоды могущества тюркских государств Г. Ибрагимов называет «праздниками», но сокрушается по поводу того, что праздники эти были скоротечны. Г. Ибрагимов обвиняет татар в отсутствии сплоченности, в готовности за ради спасения жизни и получения материальных благ предать свое национальное достоинство. Он ссылается на примеры о массовом переходе на протяжении столетий золотоордынских татар на русскую службу, включая сыновей правителей, о выдаче казанцами в Москву царицы Сююбике, междоусобице татарских ханств, об участии одних татар на стороне Москвы во время войн с Казанью и т.д. При этом Г. Ибрагимов утверждает, что у русских ничего подобного и быть не могло... Разве выдали бы они кому-то свою царицу? А ведь до таргических событий революции 1917 г. и ужасов гражданской войны, которые и места на месте не оставили от рассуждений Г. Ибрагимова о силе единства у русских, оставались считанные годы...

Татары, когда совершают великие дела, совершают их не ради общего блага, не ради национальной чести, а ради собственной славы. В истории эгоизм татар многократно выше, чем у русских. Ибрагимов полагает, что у русских историю творят не великие личности, а сам простой народ. Русский народ призывает на царствие Бориса Годунова, народ освобождал Москву от поляков, простые мужики противостоят Наполеону в 1812 году... Во всех этих утверждениях Г. Ибрагимов все же больше прослеживается его хорошее знание русской литературы, чем серьезных исследований об истории России.

Один из важнейших моментов этой статьи – говоря об истории турок (разделения между понятиями «турок» и «тюрков» тогда просто не было) и татар Г. Ибрагимов практически не делает между ними разницы – и Чингисхан и Батый и царица Сююбике и османский великий везирь Мидхат паша – все они герои, персонажи истории одной

нации, его Г. Ибрагимова нации – тюркской (турецкой) нации, а татары лишь одно ее ответвлений, одно из племен, как он писал в предыдущей статье.

Одним из важных этапов в понимании термина «нация» стала статья Г. Ибрагимова «Гани бай» [6], являющаяся рецензией на книгу журналиста и литературного критика Бургана Шарафа (1883–1942) об оренбургском купце, общественном деятеле, одном из основателей медресе «Хусаиния» Гайнетдине Хусаинове (1839/1840–1902). Здесь прослеживается определенная эволюция взглядов Г. Ибрагимова в вопросе о национальной идентичности. Он пишет о том, что по мнению востоковедов, в бассейне Волги рождается новая нация. Это нация обладает определенным весом в российской экономике, она признана соседними народами и у нее есть свой смысл и духовная культура. Есть школа, литература, театр, и формирующая общественное мнение печать. У нации есть свое местообитания и своя история. Таким образом, не называя пока нацию татарской, он уже фактически отделяет ее от тюркской (турецкой) нации. Г. Ибрагимов похоже пытается эволюцию своих мыслей переложить на неких «востоковедов». И еще важный момент – он очерчивает географические рамки местообитания своей нации – бассейн Волги.

Г. Ибрагимов пишет о том, что герои этой нации Атилла и Батый выполнили ту же роль в мировой истории, что и в свое время Александр Македонский – они соединили Восток и Запад. Придя с Востока на Запад и на Юг верхом на конях потомки тюрко-татар были вынуждены спешиться и начать обстраиваться на земле, заниматься земледелием, жить сельской и городской жизнью... Спешиться с лошади и сесть на корточки перед «абызом» – учителем-наставником. Для нации и племени – это колоссальная перемена. Здесь Г. Ибрагимов поднимает важную проблему в истории тюркских народов в целом, и татар в частности, проблему перехода от кочевого быта коседло-земледельческому и городскому образу жизни.

В 1915 году происходило торжественное празднование юбилея (столетия по хиджре) Шигабутдина Марджани. «Юбилей стал демонстрацией татарской джадидистской интеллигенции верности заветам Марджани, призвавшего освободить разум человека от оков и открывшего новую эпоху в истории народа» [12 : 61]. На это событие Г. Ибрагимов откликнулся двумя публикациями. В 1915 году в журнале «Аң» Г. Ибрагимов публикует статью «Некоторые произведения нашего великого учителя» [4], посвященные двум работам Ш. Марджани: «Нэзурател-хак» и «Мөстәфадел-эхбар». В наследии Ш. Марджани Г. Ибрагимова привлекало его стремление не просто слепо следовать догматам веры, но и стремление понять Коран силой разума. Г. Ибрагимов считал, что самое сильное воздействие на учащихся медресе в их стремлении к свободомыслию и освобождению от фанатизма оказал именно Ш. Марджани, его «Нэзурател-хак» стал важной ступенью их самосовершенствования. Большой интерес у Г. Ибрагимова вызывал другая книга Ш. Марджани – двухтомный труд – «Мустафад аль-ахбар фи ахвали Казан ва Болгар» («Полезные сведения о Казани и Болгаре»). Он считал эту книгу будет актуальной и в будущем, что она является основой национальной истории. Г. Ибрагимов писал, что эта книга пробудила сознание, забывших свою историю татар. Признавая, что книга написана очень сложным языком (с большим количеством арабских и персидских слов), далеким от разговорного татарского, отмечая, что форма изложения материала далека от того, как пишут историю европейские ученые, Г. Ибрагимов настаивает, что на эту книгу надо смотреть с изумлением. Он считал Марджани гением, опередившим свое время. Г. Ибрагимов пишет о том, что Марджани не только работал с книгами средневековых авторов, но и сам собирал источники, посещал страые кладбища в поисках средневековых надгробий с текстами эпитафий.

Тему Марджани Г. Ибрагимов продолжил во втором номере того же журнала «Аң» в. 1915 г. в статье «Один из критических обзоров нашего великого учителя» [5]. В основе данной статьи Г. Ибрагимова – критические замечания Ш. Марджани по более чем популярной в среде образованных татар XIX в., да и начала XX в. книге некоего Муслими «Таварихи Булгария». Сочинение, представлявшее собой мистификацию, содержавшее значительную долю откровенной лжи и умышленного искажения фактов, тем не менее было широко распространено среди читающей части татарского общества. «Ни одно из средневековых татарских исторических сочинений не имело столь широкого распространения, не стало объектом пристального внимания и горячей полемики, породив взаи-

моисключающие суждения как «Таварихе Булгария» (Булгарская история) Хисамутдина бин Шарафутдина Муслими» [12 : 12]. Данное сочинение неоднократно издавалось как до критики его со стороны Ш. Марджани, так и после. Даже сам Г. Ибрагимов отмечает, что «Таварихи Булгария» в прошлом пользовалось славой и доверием среди читателей. В то время как сочинение самого Ш. Марджани до революции было издано всего два раза. Обращая внимания на то, что сейчас (имеется ввиду время написания статьи – 1915 г.) выступать с критикой нелепиц содержащихся в «Таварихи Булгария» было бы смешно, Г. Ибрагимов подчеркивает, что во времена Марджани отвергать это сочинение было равносильно выступлению против всего тогдашнего общественного мнения. Далее в статье Г. Ибрагимова приводятся конкретные сюжеты, где Марджани выявляет неточности и откровенные ляпы из книги «Таварихи Булгария». В конце статьи Г. Ибрагимов еще раз отмечает смелость Марджани, который выступил против книги, к которой в те времена относились с трепетом и почтением.

Последние перед революцией 1917 г. публикации Г. Ибрагимов посвященные исторической тематике показывают многократно возросший уровень его исторических познаний, компетентности по сравнению со статьями из дискуссии «Кто мы». По сути, тогда по уровню познаний Г. Ибрагимов уже выходил на уровень профессиональных историков своего времени, но статья историком ему доведется несколько позже, а до этого его ждет бурная политическая карьера и попытка самому стать творцом истории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ибраһимов Г. «Без кем» бәхәсе // Ибраһимов Г. Г. Әсәрләр: сигез томда. 7 том. Тарихи хезмәтләр (1911–1927). – Казан: Татар. кит. нәшр., 1984. – Б. 11–13.
2. Ибраһимов Г. Без татармыз // Ибраһимов Г. Г. Әсәрләр сигез томда. 7 том. Тарихи хезмәтләр (1911–1927). – Казан: Татар. кит. нәшр., 1984. – Б. 5–12.
3. Ибраһимов Г. Борынгы ислам мәдәнияте. – Оренбург, 1909. – 139 б.
4. Ибраһимов Г. Бөек остазыбызның кайбер тәэлифләре // Аң. – 1915. – № 1. – Б. 7–19.
5. Ибраһимов Г. Бөек остазыбызның тарихи бер тәнкыйте // Аң. – 1915. – № 2. – Б. 39–48.
6. Ибраһимов Г. «Гани бай» китабы (Тәхрир итүчесе Борһан Шәрәф) // Йолдыз. – 1914. – № 1185.
7. Ибраһимов Г. Ихтиляф вә риваять // Шура. – 1912. – № 10.
8. Ибраһимов Г. Милли тарих // Йолдыз. – 1912. – № 816, 818, 820.
9. Ибраһимов Г. Рус, төрек вә татар тарихыннан (Романовлар ханәданының 300 еллык шәүкәте мөнәсәбәте белән) // Йолдыз. – 1913. – № 951, 952.
10. Ибраһимов Г. Яңа әсәр // Вақыт. – 1911. – № 877, 878.
11. Хакимова Л. З. Общественно-политические и исторические взгляды Галимджана Ибрагимова. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2007. – 120 с.
12. Шакуров Ф. Н. Развитие исторических знаний у татар до февраля 1917 года. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2002. – 128 с.

УДК 930.27:94(470.41)

ТР ФА Ш. МӘРҖАНИ ИСЕМЕНДӘГЕ ТАРИХ ИНСТИТУТЫНЫҢ ТАТАР ЭПИГРАФИК МИРАСЫН ӨЙРӘНҮ ӨЛКӘСЕНДӘГЕ ЭШЧӘНЛЕГЕ

А. М. Гайнетдинов

ТР ФА Ш. Мәрҗани исемендәге Тарих институты (Казан)

Статья посвящена деятельности Института истории имени Ш. Марджани Академии наук РТ в области изучения эпиграфических памятников, сохранившихся на территории Республики Татарстан. Эти памятники играют важную роль в изучении истории, культуры и языка татарского народа. Во время научных экспедиций автором было исследовано около 400 татарских кладбищ, на которых выявлено и изучено свыше 6000 надмогильных камней, представляющих исторический интерес. На основе этих и других материалов сотрудниками Отдела историко-культурного наследия народов РТ Института истории имени Ш. Марджани Академии наук РТ было издано семь книг, посвященные эпиграфическим памятникам Арского, Атнинского, Зеленодольского районов и г. Казани, а также три коллективных монографий об истории некоторых населенных пунктов.

Ключевые слова: татарская эпиграфика, Институт истории им. Ш. Марджани, надмогильные камни, эпитафии, памятники, историко-культурное наследие.

The article is devoted to the activities of the Sh. Mardzhani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan in the field of studying epigraphic monuments preserved on the territory of the Republic of Tatarstan. These monuments play an important role in the study of the history, culture and language of the Tatar people. During scientific expeditions, the author explored about 400 Tatar cemeteries, where over 6,000 gravestones of historical interest were identified and studied. On the basis of these and other materials, the staff of the Department of Historical and Cultural Heritage of the Peoples of the Republic of Tatarstan published seven books dedicated to the epigraphic monuments of the Arsk, Atninsky, Zelenodolsk districts and the city of Kazan, as well as three collective monographs on the history of some settlements.

Key words: Tatar epigraphy, Sh. Mardzhani Institute of History, tombstones, epitaphs, monuments, historical and cultural heritage.

Соңгы елларда тарихи-мәдәни истәләрекләргә игътибар артты дияргә мөмкин. 2009 елда Казанда Бөтенроссия тарихи һәм мәдәни истәлекләренә саклау жәмгыятең Татарстан бүлгегә ачылды, 2018 елда ТР Мәдәни мирас объектларын саклау комитеты оешты. Өлегә оешмалар Республикада яшәүче халыкларның мәдәни мирасын саклау, файдалану, популярлаштыру өлкәсендә зур эшчәнлек алып баралар, тик алар, эпиграфист белгечләре булмау сәбәпле, татар эпиграфик истәлекләрен ачыклау, өйрәнү эшләрен башкара алмыйлар. Болар белән, нигездә, ТР ФА Ш. Мәржани исемендәге Тарих институты, ТР ФА Г. Ибраһимов исемендәге Тел, әдәбият һәм сәнгать институты, ТР ФА А. Х. Халиков исемендәге Археология институты, ТР Милли китапханә хезмәткәрләре шөгыльләнә.

2015 елда ТР ФА Ш. Мәржани исемендәге Тарих институтында ТР халыкларының тарихи-мәдәни мирасы бүлгегә ачылды һәм анда эпиграфик истәлекләр эзлекле һәм күләмле рәвештә өйрәнелә һәм популярлаштырыла башлады. Моның өчен ел саен диярлек татарлар яшәгән төрле төбәкләргә эпиграфик экспедицияләр оештырыла, чөнки әби-бабаларыбыздан сакланып калган бер генә эпиграфик ядкәренә дә күз уңыннан ычкындырырга ярамый, аларның һәрберсен халыкка кайтаруда жиң сызганып эшләү таләп ителә.

Институттагы ин яшь бүлекнең тәүге мәртәбә өйрәнгән төбәге Татарстан Республикасы Арча районы булды. Андагы татар авылларының зиратларында һәм аерым каберлекләрендә хәзерге көннәргә кадәр юкка чыкмыйча сакланып калган бөтен ташъязма истәлекләренә барлау, өйрәнү өчен 2015 елның яз һәм көз айларында берничә фәнни экспедиция оештырылды. Аларның барысында да шушы юллар авторы гына катнашты. Эш барышында 1939 елга хәтле вафат булган кешеләргә куелган гарәп язучы кабер ташларының һәрберсен эзләп табып, фотога төшердек, үлчәмнәрен алдык һәм текстларын укыдык. Барлығы 93 авыл зиратында 1288 борыңгы кабер ташы табылды. Иң күп ташъязма истәлек ачыкланган авыл Яңа Кенәр булды (барлығы 154 таш), чөнки анда өч зират бар. Икенче урында Түбән Оры саласы: 116 ташбилгә табылды. Иске Ашыт авылының ике зиратында 112 борыңгы кабер ташы сакланып калганлыгын ачыкладык. Кызыльтяр, Яңа Кишет, Югары Оры авылларында да шактый күп эпиграфик истәлек табылды. Без ачыклай алган иң борыңгы кабер ташы Казан ханлыгы чорына туры килә, төгәлрәк әйткәндә, 1520–1521 елларга карый. Эшебезнең нәтижәсе буларак, 2016 елда «Арча районы эпиграфик истәлекләре» дигән китап дөнья күрдә. Шулай ук кайбер борыңгы ташбилгеләр хакында мәгълүмат рус телендә нәшер ителгән «История селений Ашитского джигана Заказанья» коллектив монографиясендә дә китерелде [1: 39–52].

Татарстан Республикасы Этнә районы эпиграфик максатта тулысынча өйрәнелмәгән иде, андагы татар авылларының зиратларында һәм аерым каберлекләрендә хәзерге көннәргә кадәр юкка чыкмыйча сакланып калган бөтен ташъязма истәлекләренә ачыклау һәм өйрәнү өчен 2016 елның яз һәм көз айларында без Институтның фәнни хезмәткәре С. Р. Хәмидуллин белән бергә берничә фәнни экспедициягә чыктык. Барлығы 48 авыл (юкка чыкканнарын да кертеп) зиратында 1567 борыңгы кабер ташы табылды. Иң күп ташъязма истәлек ачыкланган авыл Олы Этнә булды (ике зиратында барлығы 200 таш). Икенче урында Олы Мәңгәр саласы: 85 ташбилгә табылды. Иске Өжем авылында 82 (шул исәптән икесе авыл басуында) эпиграфик истәлек сакланып калганлыгын ачыкладык, димәк, әлегә сала ташлар саны буенча өченче урында саналырга хаклы. Югары

Бәрәскә авылы хәзерге вакытта Түбән Бәрәскә составына кереп, атамасын югалткан, шул сәбәпле, әгәр дә аларны бергә кушып санасак (Югары Бәрәскәдә – 47, Түбән Бәрәскәнен ике зиратында – 47 таш), барлығы 94 борыңгы кабер ташы сакланган булып чыга. Яңа Өжем, Кышлау, Мамыш, Олы Бәрәзә, Күлле-Киме, Күңгәр, Күәм, Иске Йогып авылларында да шактый күп эпиграфик истәлек табылды. Без ачыкый алган иң борыңгы кабер ташы Казан ханлыгы чорына туры килә, төгәлрәк әйткәндә, 1476–1477 елларга карый. Гомумән, Этнә районында XV–XVIII гасырга караган жиде дистәгә якын эпиграфик истәлек яки аларның фрагментлары бүгенгә көнгә хәтле сакланып калган. Экспедицияләренң нәтижеләре 2017 елда нәшер ителгән «Этнә районы эпиграфик истәлекләре» китабында урын алды. 2015–2016 елларда ТР Фәнни китапханә хезмәткәрләре Р. Ф. Мәрданов һәм И. Г. Нәдиев эпиграфик максатта Этнә районындагы ташъязма истәлекләренә тикшергәннәр, әмма алар барлығы 1477 ташбилгә генә таба алганнар [4: 4]. Димәк, калган 90 таш (шул исәптән Казан ханлыгы дәверенә караган кайбер кыйммәтле ядкәрләр) аларның игътибарынан читтә калган.

Мәркәзезебез Казанда сакланган зиратлар ни өчендер галимнәр тарафыннан бик аз өйрәнелгән иде, фәкать борыңгы эпиграфик истәлекләренң берникадәр өлешен генә кайбер белгечләр фәнни әйләнешкә кертеп жибәргәннәр. Анда сакланып калган бөтен татар ташъязма истәлекләрен барлау һәм өйрәнү өчен, 2017 елның апрель-июнь айларында Институт тарафыннан фәнни экспедиция оештырылды. Анда А. М. Гайнетдинов, А. И. Ногманов, С. Р. Хәмидуллин һәм О. О. Владимиров катнашты.

Казанның Бишбалта бистәсендәгә татар зиратын тулаем өйрәнгәннән соң, анда барлығы 25 борыңгы кабер ташы (шул исәптән фрагментлары) табылды. Безнең тарафтан зиратта хәзергә көнгә хәтле сакланып калган барлык эпиграфик истәлекләренң текстлары укылды, тулы каталогы төзелде һәм 2018 елда үз хисабыбызга «Казанның Бишбалта бистәсе эпиграфик истәлекләре» дип аталган китапны бастырып чыгардык. Бистә зиратының Казан ханлыгы дәверенә каравы хакында фаразлар булса да, хәзергә көндә анда бу чорларга нисбәтле эпиграфик истәлекләр сакланмаган. Иң борыңгы ташлар эшләнеше һәм палеография билгеләре буенча XIX гасыр ахырына карый, аларының да, ватылу сәбәпле, күбесенә текстларына зыян килгәнгә күрә, төгәл куелу вакытын, ягъни елын ачыклап булмый. Датасы язылган ташлар арасында иң борыңгысы 1910 елның апрель аена карый. Кызганычка каршы, кемгә куелганлыгы билгесез, чөнки аның өскә өлеше – исеме язылган урыны ватылган.

Казанның Дары бистәсендә урнашкан татар зиратында 146 борыңгы ташбилгә ачыкланды. 1929 елга хәтле вафат булган кешеләргә куелган гарәп язучы кабер ташларының һәрберсен табып, фотога төшердек, үлчәмнәрен алдык һәм текстларын укыдык. Бистәдә сакланган иң борыңгы эпиграфик истәлек 1841 елга карый. Ул шул елда вафат булган Әхмәди Габдерәхим улы каберенә куелган. Шулай ук 1843 елда вафат булган Маһи Рәхмәтулла кызына куелган кабер ташы да иң борыңгылардан саналырга хаклы. Зиратта сакланган барлык ташбилгеләренң текстларын, фотоларын үз эченә алган «Казанның Дары бистәсе эпиграфик истәлекләре» китабы 2019 елда дөнья күрде.

Татар халкының төп некрополе башкалабызның Яңа Татар бистәсендә Казанда урнашкан. Биредә милләтебез үсешенә зур өлеш керткән атаклы, абруйлы шәхесләр жирләнгәнлектән, андагы эпиграфик истәлекләр галимнәр өчен иң кыйммәтле өйрәнү объектлары буларак саналырга хаклы. Яңа Татар бистәсе зиратында безнең тарафтан барлығы мең ярымга якын ташъязма истәлек табылды. Тупланган материал нигезендә 1330 кабер иясенә исемнәре ачыкланды һәм аларның тулы исемлегә төзелде. Кызганычка каршы, йөздән артык борыңгы ташбилгеләренң кемгә куелганлыгын ачыклап булмады, чөнки алар инде ватылган һәм текстларына зыян килгән, күбесенә фрагментлары гына сакланып калган. Шулай ук вакытта, тарихчылар Е. В. Липаков һәм Е. В. Афонина бөтенләй югалган дип санаган эпиграфик истәлекләр (мәсәлән, педагог Ш. Әхмәров, сәүдәгәр И. Юнысов һ.б. кабер ташлары) [3: 76] дә ачыкланды. Яңа бистә зиратында без ачыкый алган иң борыңгы кабер ташы 1813 елга карый, ул сәүдәгәр Йосыф Бикбау улына куелган. Шулай ук 1823–1824 елларда вафат булган Салих исемле кешенә һәм билгесез ир-атның кабер ташлары да чагыштырмача борыңгы. Хәбибжамал Исхак кызына куелган кабер ташы исә 1825 елга, Мортаза Нәзир улыныкы 1826 елга нисбәт ителә. 1820 елда бакыйлыкка күчкән Бибизөләйха Муса кызының, 1825–1826 елларда вафат

булган Бибизөһрә Йосыф кызының кабер ташларын да югарыда искә алынган ташлар белән бер рәткә куяр идея, тик аларныкы берәз соңрак, төгәлрәк әйткәндә XIX гасырның 30 нчы елларында куелган. Иң күп ташлар 1921 елга карый. Бу инде аңлашыла да, чөнки бу вакытта зур ачылыш булган. Яңа Татар бистәсе зиратында бик күп атаклы шәхесләргә куелган истәлекләр табылды. Мәсәлән, олуг галимнәребез Ш. Мәржани, Г. Баруди белән бәйле кабер ташлары, шулай ук Аитовлар, Апаковлар, Апанаевлар, Әжимова, Борнаевлар, Замановлар, Субаевлар, Үтәмешевлар, Юнысовлар, Яушевлар һ.б. мәшһүр татар нәселләренә нисбәт ителгән затларның ташбилгеләре сакланган. Ниһаять, зират эпиграфик планда тикшерелде, дип санарга тулы нигез бар. Мәгълүм ки, мәшһүр галимнәребез Шиһабетдин Мәржани, аның хатыннары, балалары, оныклары Казанның Яңа бистә зиратында, ә ата-анасы, әби-бабасы, туганнары Арча төбәгендә жирләнгән. Жыелган материалларыбыз нигезендә 2018 елда галимнең 200 еллыгына багышланган «Мәржани белән бәйле эпиграфик истәлекләр» китабы дөнья күрде. Аның үзенең, туганнарының каберләренә куелган истәлекләрнең текстлары һәм фотолары элекке хезмәттә урын алды. Шулай ук 2019 елда үз хисабыбызга «Эпиграфические памятники Ново-Татарского кладбища Казани: краткий реестр» дип аталган рус телендәге китабыбызны бастырып чыгардык. Анда Яңа Татар бистәсе зиратында XX гасыр башына хәтле жирләнгән шәхесләрнең исемлегә, аларның борынгы кабер ташлары хакында мәгълүмат китерелде.

2021 елда ТР халыкларының тарихи-мәдәни мирасы бүлеге мөдире А. И. Ногманов төзегән «Ново-Татарское кладбище Казани» китабы нәшер ителде. Каталог рәвешендә эшләнгән элекке хезмәт мәшһүр шәхесләрнең кабер ташларына багышланган. Бу хезмәттә Яңа Татар бистәсе зиратының кыскача тарихы, 720 ташбилгенең фоторәсемнәре, кабер ияләре хакында белешмә һәм зиратның план-схемалары китерелгән [5: 23–24]. Анда урын алган 50 дән артык шәхеснең кабер ташларын шәхсән үзбездә ачыкладык һәм атрибуцияләдек, чөнки элекке шәхесләр XIX гасырда һәм XX гасыр башында вафат булган һәм ташларының текстлары гарәп графикасында язылган.

Татарстан Республикасы Яшел Үзән районының борынгы кабер ташлары тиешле дәрәжәдә тикшерелмәгән, андагы татар авылларының зиратларында хәзерге көнгә кадәр юкка чыкмыйча, сакланып калган бөтен ташъязма истәлекләренә барлау һәм өйрәнү өчен, 2018 елның яз айларында без С. Р. Хәмидуллин белән берлектә фәнни экспедициягә чыктык. Эш барышында барлыгы 36 авыл (юкка чыкканнарын да кертеп) зиратында 384 борынгы кабер ташы табылды. Иң күп ташъязма истәлек ачыкланган авыл Олы Күлбаш булды (зиратында барлыгы 41 борынгы ташбилгә сакланган). Аннан берәз гына Уразлы саласы калыша: зиратында 36 таш табылды. Олы Жәке авылы зиратында 30 эпиграфик истәлек сакланып калганлыгын ачыкладык. Норлат, Чиүчи, Каратман, Олы Карагуҗа, Акъегет, Олы Шырдан, Мулла иле, Үтәнгеш салаларында да байтак эпиграфик истәлекләр табылды. Без ачыклай алган иң борынгы кабер ташы Казан ханлыгы чорына туры килә, төгәлрәк әйткәндә, 1481 елга карый. Эшебезнең нәтижәсе буларак, 2019 елда «Яшел Үзән районы эпиграфик истәлекләре» дип аталган китабыбыз дөнья күрде. Шулай ук кайбер ачышларыбыз «История татарских селений Горной стороны» дип аталган коллектив хезмәттә дә урын алды [2: 46–65].

2019 елның язында Институт тарафыннан Татарстан Республикасына кергән Әлмәт, Лениногорск һәм Биектау районнарына фәнни экспедицияләр оештырылды. Әлмәт районының Миңлебай, Кичүчат һәм Тайсуган авылларында 106, Лениногорск районының Зәй-Каратай һәм Түбән Чыршылы авылларында 77 борынгы ташбилгеләр ачыкланды. Алар турында 2019 елда рус телендә басылган «Татарские селения Юго-Восточного Закамья: очаги просвещения и культуры» коллектив монографиясендә тәфсилләп язылды [6: 37–63]. Биектау төбәге зиратларында исә тарихи әһәмияткә ия булган 1100 дән артык эпиграфик истәлек табылды. Бу районда Алтын Урда чорына караган ташбилгеләр Ямаширмә авылында сакланган, димәк, алар иң борынгы кабер ташлары булып саналырга хаклы. Хәзерге вакытта биредә ачыкланган эпиграфик истәлекләрнең тасвирламасын төзү эше инде тәмамланып килә һәм, тиздән элекке төбәкнең ташъязмаларына багышланган хезмәт тә дөнья күрер, дип өметләнәбез. Сүз уңаеннан, ТР ФА Г. Ибраһимов исемендәге Тел, әдәбият һәм сәнгать институты хезмәткәрләре В. М. Усманов, И. Г. Гомәров, А. М. Ахунов 2019 елда безнең белән бер үк вакытта Биектау районында

эпиграфик истәлекләренә барлау һәм өйрәнү белән шөгьльләнделәр, тик алар биредә, ТР Фәннәр академиясенә 2019 елгы отчетында язылганча, нибары 230 кабер ташы гына ачыклаганнар.

2021 елда без, Татарстан Республикасы Актаныш төбәгенә сәфәр кылып, дистәдән артык авыл зиратлары тикшердек һәм йөздән артык борынгы кабер ташларын ачыкладык. Киләчәктә районның бөтен татар авылларында сакланган ташбилгеләренә өйрәнү һәм аларның каталогын төзү планлаштырыла.

Шулай итеп, Институт тарафыннан Казан шәһәрәндә һәм Арча, Өтнә, Биектау, Яшел Үзән, Әлмәт, Лениногорск районнарында урнашкан якынча 400 татар зираты тулысынча тикшерелеп, 6000 нән артык борынгы кабер ташы өйрәнелде. Фәнни экспедицияләр вакытында жыелган эпиграфик материаллар нигезендә ун хезмәт язылды. Шуннысын әйтергә кирәк: вакыт узган саен эпиграфик истәлекләребезнең саннары кимегәннән-кими һәм без табып өйрәнгән ташларның кайберләре берничә елдан соң инде бөтенләй табылмаска мөмкин. Безнең исәпләүләребез буенча, ел саен дистәгә якын татар эпиграфик истәлекләре юкка чыгып бара. Аларны тизрәк өйрәнеп, китапларга фоторәсемнәрен, тасвирламаларын теркәп калдырырга кирәк. Кызганычка каршы, Институтның ТР халыкларының тарихи-мәдәни мирасы бүлегә, жиде ел яхшы һәм нәтижәле генә эшләсә дә, 2021 елның азагында бетереләчәк, үз эшчәнлеген туктатачак, хезмәткәрләре башка бүлекләргә күчәреләчәк. Шулай да, эпиграфик мирасыбызны барлау һәм өйрәнү эше Институтта барыбер дәвам ителер, дип ышанып калабыз.

ӘДӘБИЯТ

1. История Ашитского джидна Заказанья: коллективная монография / отв. ред. А. И. Ногманов. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. – 240 с. + 20 с. цв. вкл.
2. История татарских селений Горной стороны (Акзигитовская волость Цивильского уезда Казанской губернии): коллективная монография / отв. ред. А. И. Ногманов. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. – 348 с.+20 с. цв. вкл.
3. Липаков Е. В. История татарских кладбищ: Специальное издание к 1000-летию основания города Казани / Е. В. Липаков, Е. В. Афонина. – Казань, 2005. – 80 с.
4. Мәрданов Р. Ф. Өтнә төбәгенә ташъязма истәлекләре / Р. Ф. Мәрданов, И. Г. һадиев. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2018. – 595 б.
5. Ново-Татарское кладбище Казани. Каталог-справочник памятных захоронений / автор-составитель А. И. Ногманов. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2021. – 388 с., ил., карты.
6. Татарские селения Юго-Восточного Закамья: очаги просвещения и культуры: коллективная монография / отв. ред. А. И. Ногманов. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. – 388 с.+ 20 с. цв. вкл.

УДК 930(091)

ФАЗЫЛ ТУЙКИН ӘСӘРЛӘРЕНДӘ ТАТАРЛАР ТАРИХЫ

Э. М. Галимжанова

ТР ФА Г. Ибраһимов исем. Тел, әдәбият һәм сәнгать институты (Казан)

В данной статье рассматривается исторический рассказ Ф. Туйкина «Сугышчы Сатыш эфәнде» и совместный труд братьев Туйкиных «Төрәк тарихы». На примере данных трудов, с точки зрения самих авторов, раскрываются далекие корни наших предков и их происхождение.

Ключевые слова: история литературы, история татар, история түрков, Ф. Туйкин, К. Туйкин.

This article discusses the historical story of F. Tuikin's «Sugyshchy Satysh efende» and the joint work of the Tuikin brothers «Torek Tarikhy». On the example of these works, from the point of view of the authors themselves, the distant roots of our ancestors and their origin are revealed.

Key words: history of literature, history of Tatars, history of Turks, F. Tuikin, K. Tuikin

XIX йөз ахыры – XX йөз башында татар иҗтимагый-сәясәти, икътисади һәм мәдәни тормышында алгарыш башлана. XIX гасырның икенче яртысында Аурупа – рус әдәбиятларындагы кебек сәнгатьчә фикерләүгә корылган татарча романнар, драматургия

эсәрләре ижат ителу, XX гасыр башында вакытлы матбугат, татар театры туу, төрле фикри юнәлешләргә алга сөргән милли оешмалар майданга чыгу, татар милләтенен ныклы рәвештә тәрәккыяткә таба хәрәкәт итүе турында сөйлә. Татарлардагы алгарыш хәрәкәтен тизләтүдә 1905–1907 рус инкыйлабының да эһәмияте зур. Инкыйлабтан соң рус булмаган халыкларга карата милли изү сәясәте берникадәр йомшый төшә. Бу исә, халыкта милли үзәкнең үсүенә, ныгуына зур этәргеч була. Бигрәк тә «яңа революцион күтәрелеш елларында татарлар арасында милли хәрәкәтнең көчәюе, милли хисләрен күтәрүе, милли мәсьәләне теоретик планда яктырта башлау иң элек үткән борылып карауга, халыкның үткәне белән кызыксынуына китерә» [6: 146].

Тарихи теманы үзләштерү XX гасыр башы әдәбиятында, әдәби-эстетик фикернең актуаль мотивына әйләнә. Баштарак, Ф. Әмирхан, Г. Тукай, Г. Ибраһимов кебек язучыларыбыз милли тарихка караган мәкаләләрендә, тарихи теманың әдәбиятта сүлпән үзләштерелүеннән зарланалар, бу юнәлештә рус классиклары тәҗрибәсен өйрәнү кирәклегенә басым ясылар [7: 108]. Мәсәлән, Г. Ибраһимов тарихи теманың поэзиягә бик акрын керүеннән канәгатьсезлек белдереп, 1910 елда язган бер мәкаләсендә болай ди: «...хәятәмезнең күп нокталары шагыйрьләремезнең күзенә чалынмый ятадыр; хосусән, озак яшәгән вә бик төрле, жанлы вә бик күп хәзинәле булган хәятә мазиямез (*үткән тормышыбыз*), тарихымыз шагыйрьләремез тарафыннан бөтенләй онытылып торадыр». Тарихи теманың прозада да, тарихи хезмәтләреннән үзгә дәрәҗәсиз йомшак үзләштерелүеннән ризасызлык белдереп: «Хәер, – ди ул, – бу бер шигырьдә генә түгел, нәсерәбез дәрәҗәсиз кул сузмый, түгел әдәбият кына, фән тарихымыз үзгә үк ул тирәдә сай йөзәдәр» [4: 36].

Милләт, аның тарихы, этногенезы, мәдәни барышы турында уйланулар вакытлы матбугат битләрендә актив яктыртыла башлый, Мәсәлән, 1911–1912 елларда «Шура» журналында «Без татармы, төрекме?» дигән темага бәхәсләр кузгалып китә. 1913–1914 елларда «Аң» журналы да «Милләтне ничек аңлайсыз?» дигән анкета белән укучыларга мөрәҗәгать итә. Газета-журнал битләрендә башланып киткән бу бәхәсләр тарихи темага китаплар язылуга һәм басылып чыгуга да этәрә.

Әдәбиятчы Фәрит Бәширов әдәбиятта тарихи теманың жанлануын искәртеп болай ди: «Заман куйган сорауларга яңа әдәби чишелешен табарга тырышу, яңа тип герой эзләү идеясе татар әдипләрендә үзгәң тамырларның белән кызыксыну тенденциясен дәрәҗәсиз, халыкның тарихи үткәненә игътибарны күрәлмәгән дәрәҗәдә арттыра. Зыялылар «ни эшләргә?», «нинди юлдан барырга?» дигән сораулар белән бергә, «без үткәндә кем идек?», «кайдан киләбез? дигән үткән мәсьәләләргә дәрәҗәсиз көн тәртибенә куялар. Чөнки аларга җавап тапмый торып, «кая барабыз» дигән проблеманы да күз алдына китергә мөмкин түгел [2: 174].

Татар тарихына игътибарны арттыру турында шагыйрьләр, язучылар, журналистлар гына түгел, тарихчы галимнәр уйланалар. Кыска гына вакыт аралыгында төрки-татар тарихына багышланган җитди генә хезмәтләр тудыралар. 1911–1912 елларда Н. Атласыйның «Себер тарихы», Х. Галинең «Мохтасар тарихе кауме төрки», Г. Батталның «Татар тарихы», Ф. Кәримнең «Мохтасар тарихе ислам» исемле китаплары дөнья күрә.

Озакламый, тарихи темага язылган эсәрләр дәрәҗәсиз башлый. Мәсәлән, 1911 елда Ш. Саггаровның Чыңгыз хан образын гәүдәләндергән «Татар халкы» исемле хикәясә, Н. Думавиның «Шәрәкь даһие» (1915) поэмасы һ.б. басылып чыга.

Ә 1912 елда исә, Ф. Туйкинның Болгар дәүләтеннән җимерелүгә, туздырылуга йөз тоткан бер чорын тасвирлаган «Сугышчы сатыш әфәнде» хикәясә дөнья күрә. Эсәрдә автор, символик исемгә ия булган «Дәүләт» авылының юкка чыгуы мисалында, үткәндәге тарихыбызның бай булуын, халкыбызның дәүләтле булуын исбатларга тели.

«Үткән – киләчәкнең көзгәсә», «Үткәннән бәхәс иткән тарих исә бөтен фәннәреннән анасы һәм эһәмиятлесе» [9: 5] дигән фикердә торган Ф. Туйкин хикәянен «Язучылардан бер-ике сүз» дип исемләнгән керешендә үткән тарихыбызны өйрәнүнең эһәмиятен асызыклап, тарихи теманың әдәбиятта тиешле дәрәҗәдә өйрәнелмәвенә борчылуын белдерә. Татар халкының тарихы әдәбиятта бөтенләй диярлек яктыртылмавын искәртеп: «Көррәи әрызда (*җир шарында*) дәрәҗәсиз, безем кеби милләтләреннән, хәтта бик вакларына кадәр милли тарихлары нә кадәр ачык вә нә кадәр парлак улуы өстенә, халыкның фикеренә, тәрәккыйсенә хезмәт итү касды илә бөек мөхәррирләре тарафыннан язылган

тарихи романнары һәм тарихи театр рисалэләре белән матбугат тулмыштыр» [8: 2] – ди ул. Ф. Туйкин милли темага язылган әсәрләрнең аз булуына гына игътибар итеп калмыйча, тарихны гәүдәләндергән әсәрләр татар халкының тәрәккыятенә хезмәт итәргә тиеш дигән фикер дә үткәрә. «Без бичаралар исә, – ди ул, – милли тарихымыздан шул кадәр ерак бер мәсафәттә (*аралыкта*) торамыз, гүя алдан һич хәбәрәмез юк кеби, аны белергә дә теләмибез; бәгъзе мөхәррирләремез тарафыннан язылган бер-ике кечкенә тарихи рисаләмездән башка, матбугатымызда һичнәрсәмез юклыгы моңар бик ачык бер дәлилдер» [8: 2].

Шушы ук фикер 1911 елда Һади Атласый тарафыннан да әйтелгән була. Ул да, татар халкының зур тарихи байлыгы булуын искәртеп: «Безнең бабаларыбыз булган төрек-татарлар борынгы заманнарда иң атаклы халыклардан булганлыклары сәбәпле, аларның тарихлары иң парлак тарихлар жөмләнәндер [1: 6], – ди. Алга таба «башка милләт галимнәре үз бабаларының борынгы хәлләрен тикшереп, аларның вак эшләреннән әллә нинди зур нәтижәләр чыгарып, үз кардәшләренең балаларына милләт хисе уятырга тырышкан бер вакытта безнең голямәбез тарих галәмәндә беренчелек казанган атаклы бабаларының иң олугъ эшләре хакында хис уятырлык һичнәрсә язмаганнар вә һаман язмыйлар [1: 6], – дип милләтебезнең киләчәгә өчен борчылуын белдерә.

«Сугышчы Сатыш әфәнде» хикәясенә язылган кереш сүз үзенә күрә бер тарихи темага язылган әдәби-тәнкыйть мәкаләсен хәтерләтә. Ф. Туйкин да, Г. Ибраһимов кебек, әдәбиятта тарихи теманың чагылыш табуы халыкның милли аңына зур тәәсир итү чарасы икәнлеген танып, болай ди: «Тасвиры килешсез булса да, яшь мөхәррирләребезгә үрнәк буларак, алар тарафыннан тәәсирләр рәвештә язылачак тарихи романнарыбызга бер мөкаддәмә кабиләннән язылган шул рисаләчөгемне мәйданга куюым өчен укучылардан гафу итүләрен үтенәмен» [8: 3].

Ф. Туйкин болгар һәм гомумән төрки халыклар тарихын яхшы белүче тарихчы да була. «Гасыр башында тарихыңның асыл башлангычын ачыклау, тамырларыңны барлау мәсьәләләре, бүгенге көндә дә галимнәр арасында дәвам итеп, безнең ата-бабаларыбыз – болгармы, әллә чыгышыбыз монгол-татарларына барып тоташмаң дигән бәхәсләрдә Ф. Туйкинның фикере ачык була. Ул «болгар» позициясендә тора.

Шагыйрә Эльмира Шәрифуллина «Сугышчы Сатыш әфәнде» хикәясендәге вакыйгаларның чоры анык булмавын, бернинди тарихи документлар белән ныгытылмавын искәртә, шулай да хикәядә образ-сурәтләрнең автор тасвирларга омылган чорга шактый туры килүен танып: «...сугышчының сөңгеләр, кылычлар белән кораллануы, сунарчыларның тире киёмнәре киеп билән бәйләвә, башына холи эчле тирән бүрек, аягына күн итек киюе, кечкенә гәүдәле йөгәрек атка атлануы һәм тагын башка бик күп детальләр Ф. Туйкинның Болгар тарихынан шактый мәгълүматлы кеше булуы турында сөйләләр» [10: 166].

1919 елда аның абыйсы Кәбир Туйкин белән берлектә, күп еллар эзләнүләренең нәтижәсе булган, «Төрөк тарихы» исемле тарих дәрәслеге басылып чыга. Бу китапта болгарларга аерым бүлекләр багышланып, Болгарның сәүдә һәм сәнгатьчелектә алга киткән югары мәдәниятле дәүләт булуына басым ясала. «Төрөк тарихы» Октябрь инкыйлабына кадәр языла башлып һәм өч кисәк итеп планлаштырылган була. «Беренче бүлем – тарих баскычыннан алып Чыңгыз хан дәверенә кадәр булган әхвальдән бәхәс итеп, тиздән мәйданга куелачак икенче бүлем – Чыңгыз хан дәвереннән алып Казан ханлыгы егылганга кадәр вә өченче бүлем исә, Казан ханлыгы егылганнан алып хәзергә көнгә кадәр булган әхвальдән бәян итә» [9: 2]. Кызганычка каршы, әлегә дәрәслекнең беренче китабы гына сакланып калган. Хезмәтнең калган бүлемнәре хакында мәгълүмат юк.

Китапта төрки халыкларның тарихына кыскача күзәтү ясала, алар яшәгән географик шартлар тасвирлана; борынгы төркиләрнең тарихтагы беренче адымнары, тормыш һәм мәдәниятләре, канун һәм йолалары, табигатьләре һәм әхлаклары, диннәре яктыртыла. Гарәб һәм Шәрәкь төркиләренең төрле дәверләре, аралашып яшәгән күршеләре, аларның атаклы идарәчеләре, ханнары, каганнары белән таныштырыла. Төркиләрнең таркаулык дәвере хакындагы бүлектә болгарлар, хәзәрләр, печенеглар, кыпчаклар, уйгырлар, татарлар, газнәвиләр, сәлжүкләр, харәземшаһлар турында белешмә бирелә, аларның күршеләре белән мөнәсәбәтләре турында сөйләнелә. Китапның кереш өлешендә

Туйкиннар тарих фəнен: «Фəннəрнең иң əһəмиятлесе, ышанычлы житəкчесе, яшүсмерлəребезгə якты юл күрсəтүче маяк» [9: 2], – дип язалар. Алар үткəндөгə тарихыбызга мəктəп-мəдрəсəлəрдə һəм вакытлы матбугат битлəрендə игътибарның житмəвен əйтеп үтəлэр. Бары тик гасыр башында чыккан «Шура» журналы гына тарих мəсьəлələре белəн кызыксынган. Алар фикеренчə, изелгəн миллəт вəкиле булган татарларның тарихы өйрəнелмəгəн, бу өлкəдөгə əһəмиятле чыганаclar да сакланмаган. Татарлар турында башка халыclarда сакланып калган материаллар исə, сəяси, дини максатлар белəн чуартылган. Тарихыбыз бик тə томанлы булуын истə тотып, Туйкиннар тərкилəрнең бик борынгыдан алып бүгəнгə көнгə кадэр булган чорны яктыртуны максат итеп куялар.

Билгеле булганча, тərки кабилələр бик борынгы заманнарда ук зур мəмлəkəтлэр төзеп яшəгəннэр. Моннан биш-алты йөз ел элек аларның бу мəмлəkəтлэр, вак ханлыclarга бүленеп, башка халыclar тарафыннан əкрен-əкрен йотылып беткəн. Бары тик госманлы төрөклərə генə үзлəренең мөстəкыйльлеклəрен саклап калганнар.

Туйкиннар тərкилəрнең килеп чыгышын Алтай тирələре белəн бəйлилэр, аларның бик борынгы халык икəнлегəе турында язалар. Шунда ук тərкилəрнең тарихы Алтай, Урал дəверенə кадэр үк башлануын искəртеп, аларның эзлəрен ерак Каледония (хəзергə Англия территориясенə бер өлешə), Америка һəм Мексикада да булуын фараз итəлэр; тərкилэр турындагы мəгълүматларның борынгы Кытай, Юнан (Греция) чыганаclarында күп сакланып калуы турында сөйлилэр.

Тарихчы галим Миркасыйм ага Госманов искəрткəнчə: «Əлбəттə, күрсəтелгəн тərкемнэр арасында тərкилеклərə бəхəслэрək булганнары да юк түгелдэр». Əмма «алар төп максат итеп үзалларына туган халкының, татар халкының тарихын яктыртуны куйганнар... Туйкиннар үз темаларына караган махсус тюркологик мəгълүматларны белүлərə жəһəтəннən тиешле югарылыкта торганнар» [3: 11]. Авторлар Аурупа галимнəренең хезмəтлərə белəн таныш булганнар, төрөк тарихчыларының да китапларын яхшы белгəннэр. Шулай ук В. В. Радлов, В. В. Бартольд кебек бөек ориенталистларның да хезмəтлəрен актив өйрəнгəннэр [3: 12].

«Төрөк тарихы» китабында болгарларга багышланган бүлекчələрдə Болгар ханлыгының барлыкка килү тарихы, аның чиклərə, күршелərə славяннар, болгарларның яшəү рəвешə һəм мəдəниятлərə үзенчəлеклərə яктыртылган. Болгар дəүлəтенəң көчлə һəм мəдəниятлє булуы, күршелərə белəн тату яшəргə тырышулары турында да мəгълүматлар бар. Лəкин болгарларга, дилэр авторлар, тыныч тормыш белəн генə яшəргə туры килмəгəн. Күршелərə славяннар аларны һэрвакыт бимазалап торганнар, араларында канлы сугышлар да булып торган. Алар турында язганда Туйкиннар башка халыclarның язма чыганаclarына таяналар. «Тарихчылар, – дилэр алар, – славяннарны бик яманлап язалар, аларның иллəрендə идарə, тэртип һəм низам, хэтта гаилə тэшкилатə (*никах*) кебек эшлэр булмаган» [9: 80]. Болгарлар күршелərə славяннар белəн бары тик Алтын Урда составында чагында гына, ике гасыр чамасы тынычлап, иреклє өлкə һəм олыс булып яшəгəннэр, дип язалар.

Хезмəттə Алтын Урда чоры яктыртылмый. Шулай да бу хакта кайбер мəгълүматлар табарга мөмкин. Авторлар Чыңгыз ханның атаклы баһадиры Сəбədəй батырның 1223 елны Болгарга ясаган беренчə походында жиңелүе хакында əйтəлэр. «Шул вакыйгадан ундүрт ел үткəч, – дилэр алар, – Бату хан бик зур хəзерлек белəн Европага килеп, Болгар ханлыгын һəм рус кенəзлеклəрен алганнан соң, Болгар ханлыгы Идел буенда төзелгəн «Алтын Урда» мəмлəkəтенəң иреклє олысы булып кала» [9: 84].

Китапта болгарларның ислам мəдəниятенə булган мөнəсəбəтлərə дə шактый киң яктыртылган: ничек итеп Багдадтан Болгарга Ибне Фазлан илчелегə килү, аннан соң Болгар жирендə нинди үзгəрешлэр булуы; мəктəп-мəдрəсəлэр, мəчэтлэр төзелүе, ислам мəмлəkəтəннən Идел буена əдиплэр, философлар, мөдэррислэр килүе, болгар кешелəренең үзлəренең дə Көнчыгыш иллəренə барып укулары турында язылган. «Төрөк тарихы»нда Болгардан чыккан уннан артык зур галимнəң исемнəре атала, аларның язган китаплары телгə алына. Ягъкуб Ногманның Болгар тарихы хакындагы хезмəтенəң тарихыбыз өчен аеруча əһəмиятлє булуы, əмма аның безнəң көннəргə килеп житə алмавы хакында əйтелə.

Тərки халыclarның һəм болгарларның ислам мəдəнияты юлына басулары аларга нəрсə бирə – бу хакта да Туйкиннарның үз фикерлərə бар. Алар гарəп графикасын, ислам

динен кабул итүнең төркиләр тормышына күп үзгәреш, яңарыш алып килүе турында сөйләләр. Төркиләрнең көнчыгыш илләрендә, аеруча, сәясәт өлкәсендә уңышлары зур булуга басым ясылар. Әмма алар төркиләрнең мөселман мәдәниятына кушылуларының тискәре якларын да күрәләр. Туйкиннар фикеренчә, төркиләр борынгыдан килгән табигатләрә белән башка халыклар арасында «эрәп китәргә» сәләтле халыклар. «Ислам йортына килгәч тә, миллилекләрен оныттылар, – диләр алар. – Үз телләренә һәм әдәбиятларына эһәмият бирмәделәр. Бәлки гарәп һәм фарсы әдәбиятына хезмәт иттеләр, китапларын гарәпчә яздылар» [9: 125].

XX гасырның унынчы елларында милли хәрәкәт зур сыйфат үзгәрешләре кичерә. Бу чорда иҗат иткән татар язучылары, гомумән, татар зыялылары бер уй-фикер белән яшиләр: татар халкының милли аңын үстерүне, тәрәккыят баскычында тагы да югарырак күтәрелүне бурыч итеп куялар. Фазыл Туйкин да шул олы максатка хезмәт итүне – милли һәм тарихи аң тәрбияләүне күздә тоткан. Туйкиннарның төрки кавемнең дәүләтле халык булуларына басым ясаулары, татарларның да узган тарихта дәүләтле һәм мәдәниятле халык булулары турында язучылары шул хакта сөйлә.

ӘДӘБИЯТ

1. Атласи Н. Себер тарихы. Сөенбикә. Казан ханлыгы. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1992. – 448 б.
2. Бәширов Ф. XX гасыр башы татар прозасы. – Казан: Фикер, 2002. 287 б.
3. Бертуган Туйкиннар: тарихи документаль җыентык / төз. авт. Эльмера Галимжанова. – Казан: Рухият, Җыен, 2007. – 592 б.
4. Ибраһимов Г. Әсәрләр: сигез томда. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1978. – Т. 5. – 492 б.
5. Ибраһимов Г. Әдәбият // Йолдыз. – 1912. – 15 гыйнвар.
6. Нуруллин И. З. XX йөз башы татар әдәбияты. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1982. – 247 б.
7. Рәмиева И. Әдәбиятта Сөембикә образы: филол. фән. канд. ... дис. – Казан, 2002. – 265 б.
8. Туйкә Ф. Сугышчы Сатыш әфәнде. – Казан: Сабах, 1912. – 31 б.
9. Туйкин Кәбир һәм Фазыл. Төрөк тарихы беренче бүлем. Дәрәслек. – Оренбург: Белек, 1919. – 128 б.
10. Шәрифиллина Э. Илебез – кадерле жиребез // Казан утлары. – 1977. – № 6. – Б. 163–169.

УДК 94 (470)

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ Х. ГИМАДИ

А. Т. Галимзянова

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань)

В представленной статье показано влияние идеологической политики коммунистической партии на развитие исторической науки и на судьбы ее последователей. Автор освещает биографию выдающегося татарского историка Х. Гимади, научное становление которого произошло в период ужесточения национальной политики советского государства. На примере его работ можно проследить тенденцию к использованию клишированных фраз в научных трудах и схематическому отображению исторических явлений, не выходящих за рамки Постановления ЦК ВКП (б) 1944 г. В статье впервые использованы документы из личного дела Х. Гимади, его воспоминания и материалы устной истории.

Ключевые слова: Постановление ЦК ВКП (б) «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации», ТАССР, Хайри Гимади, Институт языка, литературы и истории (ИЯЛИ) КФАН ТАССР, советская идеология.

This article devote to the influence of the ideological policy of the Communist Party on the development of historical science as well as on the fate of its followers. The author covers the biography of the outstanding Tatar historian Kh. Gimadi, whose scientific formation took place during the period of tightening of the Soviet national policy. Drawing on the case of his academic papers, we can trace the tendency towards the use of clichéd phrases in scientific works and a schematic representation of historic events that do not go beyond the framework of the Resolution of the Central Committee of the CPSU (b) (1944). Documents from personal file of Kh. Gimadi, his memoirs and oral history materials were first used in this article.

Key words: Resolution of the Central Committee of the CPSU (b) «About the state and measures to improve the mass political and ideological work in the Tatar party organization», Tatar ASSR, Hairy Gimadi, The Institute of Language, Literature and History, soviet ideology.

Августовское Постановление 1944 г. «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации» бесспорно имело существенное значение в развитии советской региональной историографии. Этому документу и степени его влияния на духовную сферу татарского общества посвящены труды многих современных исследователей [4–7, 9–11, 13 и др.].

Постановление отразилось не только на становление институций, вытекающих из национальной политики государства того периода, но и на судьбы тех, кто непосредственно принимал участие во внедрении партийной идеологии в общество. Показательным примером является жизнь и деятельность Гимадудинова Хайрутдина Гимадеевича, которому будет посвящено данное исследование.

Имя Х. Гимади часто упоминается в трудах современных региональных историков. Однако до сегодняшнего дня не было трудов, посвященных биографии самого Х. Гимади. Лишь в «Татарской энциклопедии» (т.5) мы можем встретить краткую информацию о нем.

Поисковая работа была начата с архива Центра письменного и музыкального наследия Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова (ЦПМН ИЯЛИ). В фонде Гимадудинова Хайрутдина Гимадеевича (Ф. 54) нам удалось обнаружить личное дело историка, которое ранее считалось утерянным. В деле сохранились автобиография, личный листок по учету кадров, протоколы заседаний института, выписки из приказов, удостоверения о получении высшего образования, справки, характеристики и т.д. Из полученных источников мы узнаем о его научной, педагогической и общественной деятельности.

По указанным в личном листке сведениям о семейном положении Х. Гимади нам удалось найти и связаться с его сыном. Эдуард Хайрутдинович Гимади – доктор физико-математических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института математики им. С. Л. Соболева Сибирского отделения РАН, сейчас проживает в Новосибирске. Он, вместе со своими сестрами поделился воспоминаниями об отце, наиболее ценными из которых явились сохранившиеся записи самого Х. Гимади, где тот записал свою автобиографию хронологически доводя изложение до 1926 г.

Х. Гимади родился 1 сентября 1912 г. в д. Молвино Нурлатского района Татарской АССР. Он рос в многодетной семье, где воспитывалось шестеро детей. Родители были крестьянами. Отцу часто приходилось уходить на заработки в Симбирскую губернию [3: 1, 5]. В 1920 г. шестеро детей остались на попечении одной лишь матери: отец скончался. В воспоминаниях Х. Гимади описывает, как они ходили по деревне попрошайничали, но с приходом массового голода помощи было ждать не от кого. Он вспоминает: «Вместо кусочка хлеба нас стали гонять впрочь с крестьянских дворов». Тогда летом 1921 г. мама отправила его с братом в город для поиска пропитания. Х. Гимади очень ярко описывает эти годы: людей с звериными лицами, изнеможенных от голода детей и их бессильных матерей.

Мы не будем подробно останавливаться на периоде беспризорничества, так как этому посвящена отдельная моя статья [2]. Укажем только, что с осени 1922 г. до 1926 г. Х. Гимади находился в детском доме №1 в г. Ростов [3: 12], затем его перевели в детский дом г. Свияжска.

С 1927 г. Х. Гимади работал наборщиком в типографии Свияжского Райисполкома и одновременно учился в средней школе. В 1930 г. по разверстке ЦК ВЛКСМ был в счет «1000» направлен на учебу в Восточный педагогический институт г. Казани [15: 17], который он окончил в 1933 г. и осенью того же года поступил в аспирантуру.

Хайрутдин Гимадеевич совмещал учебу с преподавательской деятельностью в родном институте. В период 1933–1942 гг. он прошел путь от ассистента и старшего преподавателя до исполняющего обязанности доцента кафедры истории СССР, а затем декана исторического факультета Казанского государственного педагогического института (КГПИ). С 1943 г. Х. Гимади начал работать в должности старшего научного сотрудника Института языка, литературы и истории (ИЯЛИ) при СМ ТАССР [15: 97] (с 1945 г. ИЯЛИ Казанского Филиала АН СССР (КФАН СССР)), где с января 1946 г. возглавил работу сектора истории [15: 16].

ИЯЛИ КФАН стал основным местом работы Хайрутдина Гимадеевича. Здесь произошло его становление в качестве научного исследователя в области изучения истории Татарии. Ему принадлежат труды по истории Золотой Орды, этногенезу татарского народа, Татарской АССР.

Х. Гимади, как и многие советские ученые, был продуктом своего времени. Его труды «Торжество ленинско-сталинской национальной политики» (1945 г.), «Ленин и Сталин – организаторы Татарской АССР» (1946 г.), «Монгольское иго и вопрос о происхождении казанских татар» (1946 г.), «Народы Среднего Поволжья в период господства Золотой Орды» (1949 г.), «Народы Татарии под игом Золотой Орды» (1951 г.), «Происхождение казанских татар в свете учения И. В. Сталина по вопросам языкознания» (1952 г.), «О прогрессивном значении присоединения Татарии к Русскому государству» (1952 г.) и пр. написаны в свете марксистско-ленинской философии и являются ярким примером влияния советской идеологии на мировоззрение его последователей.

При этом наибольшее значение для формирования его взглядов как историка имело августовское Постановление ЦК ВКП (б) (1944 г.) о котором говорилось выше. На основании этого документа Татарский Обком ВКП (б) издал специальное Постановление «Об ошибках и недостатках в работе Татарского научно-исследовательского ИЯЛИ» (6 октября 1944 г.), в котором сотрудники института обвинялись в популяризации феодально-ханского эпоса «Идегей» и идеализации Золотой Орды. Согласно новому веянию времени изучение истории Золотой Орды стало чревато появлением новых идеологических ошибок, в связи с чем, об этом периоде в истории татар стали говорить вскользь, причем показывая Золотую Орду исключительно в качестве агрессивного военно-феодального государства, разрушившего экономические и культурные достижения «порабощенных народов», ставших «жертвой» «пришельцев-завоевателей». Поскольку Х. Гимади писал кандидатскую диссертацию и главы к книге «История Татарской АССР» посвященные средневековью, он был вынужден кардинальным образом перестроить свою научно-исследовательскую работу, пересмотреть трактовку золотоордынского периода и проблеме этногенеза казанских татар. По последнему вопросу позже будет закреплена так называемая болгарская теория.

В качестве примера того, как идеология влияла на формирование историка и на ход его мыслей, приведем статью Х. Гимади «О важнейших этапах истории Татарии в свете ленинского учения о национальном вопросе» (1949 г.). В ней историк обращается к «национальному вопросу», важнейшему в советской историографии: не случайно данная фраза использована 13 раз только на одной машинописной странице, содержащую вводную часть его исследования.

В статье Хайрутдин Гимадеевич обильно цитирует произведения классиков марксизма и обстоятельно доказывает отсутствие самой возможности существования единого обособленного государства у татарского народа. Примечательно, что в историческом исследовании отсутствуют ссылки на какие-либо первоисточники и лишь единожды Х. Гимади сослался на академика Б. Д. Грекова с указанием на то, что и тот основывается на «сталинском учении о дофеодальном и феодальном периоде» [1: 74].

В исследовании отрицательную характеристику получили достижения предшествующих региональных историков, а их труды были отнесены к «буржуазно-националистической историографии». При этом Х. Гимади часто употребляет в негативном значении понятия «национальная культура», «национальная аристократия», «буржуазно-националистические авторы», «националистические партии», «воинственная националистическая пропаганда». Всему этому противопоставлялся «интернационализм». О периоде существования Золотой Орды автором сказано крайне мало. Значительное внимание в статье уделено болгарскому периоду, поскольку, по мнению автора, он составлял «важную веху» в формировании народности казанских татар, а событие 1552 г. описывалось как «присоединение Татарии к русскому государству», имевшее неоспоримо «прогрессивное значение». В целом, развитие «отсталого» и «темного» татарского народа рассматривалось на фоне «цивилизующего влияния» «великого», «передового» русского народа.

Подобное описание прошлого татарского народа было характерно для всех исторических трудов послевоенных десятилетий. Конечно были исследователи, выходявшие за

рамки Постановления 1944 г., но это являлось скорее исключением, чем правилом [8: 3; 12: 74–80].

Стоит отметить, что Х. Гимади проработал на должности заведующего сектором истории ИЯЛИ КФАН до 1959 г. К этому времени он защитил кандидатскую диссертацию по теме «Народы Булгарии под игом Золотой Орды (в связи с этногенезом казанских татар)» (1949 г.) и работал над докторской – «Присоединение Татарии к Русскому государству и ее историческое значение».

В 1955 г. под его редакторством был издан I том «Истории Татарской АССР», работа над которой шла с момента образования сектора истории ИЯЛИ (1941 г.) и затянулась благодаря тому же Постановлению 1944 г.

Судьба Х. Гимади, трагически оборвавшаяся в 1961 г., так же как и его труды являются ярким отражением идеологической политики коммунистической партии, направленной на стирание национальных особенностей, личных и профессиональных принципов.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Галимзянова А. Т. Две позиции в отношении Постановления ЦК ВКП (б) от 9 августа 1944 г.: Х. Гимади, И. М. Ионенко // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2021. – № 3. – С. 72–82.
2. Галимзянова А. Т. Воспоминания Хайри Гимади // История и архивы. – 2022. – № 1.
3. Гимади Х. Воспоминания. Важнейшие вехи моей жизни. Неопубликованные воспоминания // Архив Э. Х. Гимади. – Новосибирск.
4. Gallyamova A. G., Kabirova A. Sh., Khanipova I. I. The Decree of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks in August 1944 and the Tatar Intelligentsia // Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review. – 2020. – Vol. 8. – No. 1. – P. 185–199.
5. Галлямова А. Г. «“Расправа” над Золотой Ордой» в середине XX в.: Идеологический дискурс в татарской медиевистике в свете августовского Постановления 1944 г. // Золотоордынское обозрение. – 2019. – Т. 7. – № 4. – С. 784–797.
6. Закиев М. З. История татарского народа (Этнические корни, формирование и развитие). – М.: ИНСАН, 2008. – С. 78–82.
7. Измайлов И. Л. Оценка болгарского периода в татарской истории: научные концепции и общественное сознание // Национальная история татар: теоретико-методологическое введение. – Казань: Институт истории АН РТ, 2009. – С. 57–75.
8. Ионенко И. О некоторых ошибках в изучении истории татарского народа // Красная Татария. – 1949. – 11 мая.
9. Исхаков Д. М. К вопросу о концепции национальной истории татар // Национальная история татар: теоретико-методологическое введение. – Казань: Институт истории АН РТ, 2009. – С. 5–18.
10. Кабирова А. Ш. Историография советского периода истории Татарстана (1917–1950-е гг.). – Казань, 2008. – С. 16–27, 101–116.
11. Кабирова А. Ш. Татарский национальный фактор как элемент идеологической либерализации в годы Великой Отечественной войны // Tatarica. – 2015. – 1(4). – С. 98–109;
12. Сафаргалиев М. Г. Один из спорных вопросов истории Татарии // Вопросы истории – 1951. – № 7. – С. 74–80.
13. Тагиров И. Р. История и культура перед судом политики [Электронный ресурс] // История и политика: Учебное пособие для студентов специальности «Отечественная история». – Казань, 2009. – Режим доступа: URL: <https://all-politologija.ru/knigi/lekcii-po-kursu-istoriya-i-politika/istoriya-i-kultura-pered-sudom-politiki>.
14. ЦПМН ИЯЛИ. Ф. 5. Оп. 26. Д. 16.

УДК 070

ГАЛИМЖАН ИБРАГИМОВНЫҢ БАШЛАНГЫЧ ЧОР ПУБЛИЦИСТИКАСЫ

Ф. Г. Фэйзуллина

ТР ФА Г. Ибраһимов исемендәге Тел, әдәбият һәм сәнгать институты (Казан)

В статье рассматриваются ранние публицистические произведения классика татарской литературы Г. Ибрагимова, где раскрываются искренность и переживания автора. При анализе статей прослеживается путь формирования и становления яркого публициста.

Ключевые слова: история литературы, Галимджан Ибрагимов, публицистика, журналистика, газета «Алислах».

The article examines the early journalistic works of the Tatar classic G. Ibragimov, where the sincerity and feelings of the author are revealed. Through their analysis, the way of formation and formation of a bright publicist is investigated.

Key words: literary history, Galimjan Ibragimov, journalism, newspaper «Alislahk».

Язучы, галим, жәмәгать эшлеклесе Галимжан Ибраһимов татар әдәбияты тарихында ялкынлы публицист буларак та урын алган. Ул даими рәвештә шактый газета-журналларда языша. Кайберләрен оештыруда катнаша, кайберләренен юнәлеш бирүчесе була. Көндәлек вакыйгаларга карата үзенә карашын, мөнәсәбәтен белдереп язган мәкаләләре белән, ул татар совет матбугатын оештыручыларның берсенә әверелә.

Г. Ибраһимовның каләме, әдип буларак та, публицист-журналист буларак та, башлап, «Әлислах» газетасында чыныгу ала. Әлеге газетаның 1907 елның 10 октябреннән 1908 елның 2 июленә кадәр барлыгы 17 санда аның «Зәки шәкертнең мәдрәсәдән куылуы» исемле беренче әдәби әсәре басыла. Повесть әдипнең 1898–1905 елларда укыган Оренбургтагы Вәли мулла мәдрәсәсендә кичергән вакыйгаларга нигезләнеп язылган. Анда күтәрелгән мәдрәсә-шәкерт темасы, әдәби әсәр кысаларына гына сыймыйча, Г. Ибраһимовны публицистик ижатка да алып кереп китә.

«Әлислах» газетасының шул ук елгы 17 декабрь санында «Мәдрәсә хәбәрләре» рубрикасында Г. Ибраһимов «Уфа мәдрәсәләре» мәкаләсен бастыра. Автор Уфадагы «Галия», «Госмания», «Хәсәния» мәдрәсәләренә аерым тукталып, аларның «кайсысына гына керсәң дә, дәресләрнең начарлыгыннан, мөгаллимнәрнең укыта белмәвеннән, низам-тәртип юклыгыннан кайгырып чыгарлыктыр» [1], – ди.

Г. Ибраһимовны 1906–1908 елларда үзе укыган «Галия» мәдрәсәсе белән беррәттән, тирә-яктагы мәдрәсәләрнең торышы да кызыксындыра. Үзе күрү белгән яки аларда укучы шәкертләрдән ишеткәннәргә таянып, яшь публицист газета укучыларының мәдрәсә хәлләре белән таныштырып барырга тырыша. Шуңа күрә, каләме белән мәдрәсәләрдәге иске тәртипләргә каршы көрәшкә күтәрелә [11].

Тугызтомлык «Әсәрләр»е басмасыннан укучыларга әдипнең әлеге темага багышланган «Әлислах» газетасында «Әлислах мөхбире» имзасы белән басылган «Уфа мәдрәсәләре» (1907), «Галимжан Ибраһимов» имзасы белән басылган «Шәкертләр аһ-зары» (1908) һәм «Йолдыз»да «Галимжан Ибраһимов» имзасы белән басылган «Мәдрәсә чуалулары» (1913) исемле мәкаләләре генә мәгълүм иде. Матбугат битләрендә жентекле эзләнүләр нәтижәсендә, аның мәктәп-мәдрәсәләр торышын яктырткан «Кыешкы мәдрәсәләре» («Әлислах», 1908,), «Шәкертләр һәм уку» («Әлислах», 1908, 8, 10, 23 сентябрь), «Уфа, мәдрәсәи «Галия»дә тентү» («Әлислах», 1909, 26 февраль) мәкаләләре булуы да ачыкланды.

Яшь публицист, беренче чиратта, Уфа шәһәрәндәге хәлләр белән кызыксына. Шәһәрдә бәдәлчеләр күрүгә борчылып, «Әлислах» газетасының 1908 елгы 21 август санында ул «Уфага бәдәлчеләр тулды» дигән мәкаләсен бастыра. Автор, үзе ишеткән бәдәлчеләр турында сөйләп, «Менә бу бәдәлчеләр, мондагы мөтәгәссыйб (*фанатик*) ишаннарга-фәләнләргә кушылып, уку-укыту тугрысында безгә бик зур зарар итәләр» [2] дигән фикерен укучыларга житкерергә тели. Әле каләме чарланмаган әдип бу язмасын «Әлислах» газетасының 1908 елгы 27нче июль санында «Сәгъди» имзасы белән басылган «Бәдәлчеләр каһарманы Морад әфәнде» исемле мәкалә тәэсирендә яза. Ө 14 нче август санында «Әпсәләм» имзасы белән басылган «Оренбур хәлләре» аңа Уфа хәлләрен яктырткан «Уфа йоклый» мәкаләсен язганга этәргеч бирә. «Гыйлем-мәгарифнең тәрәккыйсе өчен хезмәтләрдән кайсысын гына тотма – ул юк. Матбага юк, кыйраатханә (*уку залы*) юк, гәзитә юк, рәтле жәмгыять юк, халыкның ихтияжыны үтәрлек бер китап тижарәте (*кибете*) юк, һичбер нашир юк, нәшрият жәмгыятьләре юк, бер язучы юк; яшьләр дигән бер фирканен исеме дә юк. Мәктәп, мәдрәсә дә юк», – дип санап чыкканның соңында, «Уфаның уянганы юк. Уфа һаман йоклый», [10] дигән фикергә килә.

Шәкертлек чорында, ягъни 1909 елга кадәр, яшь публицист мәдрәсә-шәкерт, гыйлем-мәгариф темаларыннан ерак китми. Әмма аның мәкаләләре киләчәктә хәятның үзгәрүенә ышану белән сугарылган. Ул киләчәккә өметләр белән ижат итә. Ө менә «Гыйрфанзадә» имзасы белән басылган «Дустыма» фельетонында («Әлислах», 1909, 17 март) Г. Ибраһимов, мәдрәсәдә төрле газаплар бәрәбәрәне үткәргән елларын

башыннан кичереп, матур хыялларының тормышка ашуына өметен өзә. Үз-үзенә «Ни эшләргә?» дигән сорау куеп, «Без барыбыз да татар инкыйлабының корбаннары инде» дигән нәтижә ясый. [8] Бу өметсезлек аның «Габди» имзасы белән басылган «Фикердә инкыйлаб» мәкаләсендә дә дәвам итә. Г. Ибраһимов, биредә тулысынча төшенкелеккә бирелеп: «Әүвәлгә хәят, гәрчә кайгылы булса да, аның кайгыларында да бер ләззәт, бер дәрт бар, истикъбальне (*киләчәкне*) уйлау бик зур жуаныч төсле була иде. Хәзер исә әллә нинди тозсыз, ямьсез вә тупас бер хәят хөкем сөрә, мотлакан (*шиксез*) хайваният хаким буладыр», [6] – ди. Яшь публицистның төшенкелеккә бирелүен күреп булса кирәк, аны дәртләнделергә тырышып, «Йолдыз» редакциясе әлеге мәкаләдән соң, бу мәсьәләгә карата: «...Бундый инкыйлабларны (*үзгәреشلәрне*) мөстәгыйд (*сәләтле*) яшьләрнең күбесе кичерәләр... Инкыйлаб илә тәрәккый (*алга китеш*) да, тәнзил (*түбәнгә төшә*) дә мөмкиндер. Хәрәкәт галәмә тәрәккыйга таба улдыгындан, сезнең инкыйлаблар да шаяд (*балки*) тәрәккыйга юл тоталар... Каләмөнез өмидледер. Каләм эшендә тәрәккыйеңиз мәмүлдер (*ихтималдыр*). Инкыйлабтан катгы нәзар илә чалышыңыз (*үзгәрешкә карамыйча, эшләгез*)», [6] – дип, үзенә фикерен дә өстәп куйган.

Һәм, чынлап та, Г. Ибраһимовның аннан соңгы мәкаләләрендә тәрәккыйәткә омтылыш сизелерлек дәрәжәдә арта. «Татар яшьләре» мәкаләсендә ул инде: «Яшьләргә мәгънәсез рәвештә бәйләнеп, анларны милләткә кара күрсәткәнче, аларга уку юлында ярдәм мәсьәләсенә хәл кылу хакында уйланса, гүзәлрәк булыр иде», [5] – дип, үзе кебек татар яшьләренең мәнфәгатьләрен кайгыртып язуга күчә.

«Галия» мәдрәсәсеннән киткәннән соң, Г. Ибраһимов, берникадәр вакыт казакъ далаларында, Уралда, Әстерхан төбәгенең нугай татарлары арасында чыныгу ала. Һәм публицистика өлкәсендәге эшчәнлеген киңрәк жәелдереп жибәрә. Төрле ижтимагый мәсьәләләрне укучыга житкерү юнәлешендә киң колачлы публицистик тулы ижат юлына кереп китә. Мәкаләләрендә татар матбугатына, сәнгатькә, тарихка бәйләнешле күптөрле мәсьәләләрне күтәреп чыга, аларны шул чорның алдынгы идея-эстетик карашлары ноктасыннан хәл итәргә омтыла.

1909–1916 еллар аралыгында Г. Ибраһимов күп төрле темаларны яктырткан мәкаләләр белән чыгыш ясый. Чит төбәкләрнең тәэсире нигезендә булса кирәк, 1910 елда «Әстерханнан» («Йолдыз». 1910, 16, 30 сентябрь, 3 октябрь), «Нугай туе» («Йолдыз». 1910, 31 октябрь) кебек читтә яшәүче татарларның тормышын тасвирлаган мәкаләләре билгеле.

Г. Ибраһимовның 1911 елда «Габди» имзасы белән басылган «Казан китапчылары» («Вакыт»), «Казан китапчыларының рәдиясе (*кире кагуы*) хакында», «Дәгъвәт» («Йолдыз») мәкаләләре аеруча игътибарга лаек. Аларда автор, Казанда китап басу эшенең торышын яктыртып, кирәкмәгән китаплар бастырып, адәм укырлыклары чыга алмый яталар, дип, наширләрне тәнкыйть утына ала. Аның «Ни өчен матбугат юлына билгеләнгән сәрвәт (*мал*) бер шәһәрдә чамадан тыш бүлекләргә, вак кулга бүленә?» [4] дигән сорауы наширләрнең ачуын кузгата. «Вакыт» газетасының 1911 елгы 1 октябрь санында «Казан китапчылары» исемле мәкалә басылганнан соң, аңа җавап буларак, «Йолдыз» газетасында (1911, 29 ноябрь саны) Шиһаб Әхмәровның «Сөйләү ансам, эшләү читен» исемле язмасы дөнья күрә. Мәкаләнең ахырында бу фикергә кушылучы Гыйльметдин Шәрәф белән Әхмәд Урманчиевның да имзалары бар. Анда Ш. Әхмәров «Әлеге китапчыларымыз татар шәкертләреннән, мәдрәсә хәлфәләреннән булган кебек, бәхетсез-легемезгә каршы, язучыларымыз да шул татар шәкертләре илә мәдрәсә хәлфәләреннән гыйбарәт булып калды» [3] кебек сүзләр белән Г. Ибраһимовның да һәр нәрсәгә шәкерт күзе белән генә каравына ишарәли.

Г. Ибраһимов каләмәннән хатын-кыз темасы да читтә калмый. «Аң» журналы битләрендә үзе үк ачкан «Хатын-кыз галәмәннән» рубрикасында 1913 елгы 21 нче (27 октябрь) санында, «Гъ-Джан» имзасы белән «Хатын язмышы» мәкаләсе дөнья күрә. Г. Ибраһимов биредә «Хәзер халык уяңды, бик күп хорафатлар, бик күп тәгассыблар (*фанатизмнар*) жимерелде. Шуның илә бергә, татар хатынының да алгы өлеше, йөзендәге пәрдәсен ertyп, дөньяга серле нурын күрсәтте. Үзе табигатькә иркен карый алды» [7] дигән фикерне яклап чыга. «Тормыш» газетасының 1914 елгы 21 март санында басылган «Хатын-кыз дөньясы» мәкаләсендә Г. Ибраһимов «Яшь кызлар ни өчен картларга кияүгә баралар?» [9] дигән сорауга җавап эзли һәм таба.

1917 елгы Февраль инкыйлабы Г. Ибраһимов публицистикасын яңа кыйблага юнәлтә. Ул укыту эшен ташлап, язучылык хезмәтен бер якка куеп, бөтен көче белән көндәлек матбугат һәм ижтимагый эшкә чума. 1917 елның мартында Фатих Сәйфи-Казанлы белән берлектә Уфада «Ирек» газетасы чыгара башлый. Сентябрь аенда бу газета, «Солдат теләге» газетасы белән берләшеп, «Безнең юл» исеме белән дәвам иттерелә. Газетаның баш мөхәррире булу Г. Ибраһимовка каршылыксыз ижәт майданы бирә. Бу чорда ул эшчеләр, солдатлар, игенчеләр, шәкертләр арасында инкыйлаби аңлату алып бара, 1917 елның маенда Мәскәүдә һәм июль аенда Казанда жыйелган Бөтенроссия мөселманнарының ике корылтаенда катнаша, Уфада жыйелган Милләт Мәҗлесе утырышларында татарлар өчен жирле мохтарият идеясен яклап чыгышлар ясый. Шушы чорда Г. Ибраһимовның каләме авыл халкы мәнфәгатләрән яклауга, жир һәм ирек идеяләрән алга сөрүгә юнәлдерелгән була. Ул матбугат битләре аша укучыларны Бөтенроссия мөселманнары жыелышларының барышы, анда күтәрелгән мәсьәләләр белән таныштырып бара. «Ирек» газетасының һәрбер санында диярлек (барлығы 34 сан чыккан) «Бөтенрусия мөселманнары жыелышы» дигән гомумисем астында Г. Ибраһимовның 1917 елның 1–11 маенда Мәскәүдә узган Бөтенрусия мөселманнарының беренче съездын яктырткан «Жыелыш алды көннәре» («Ирек». 1917, 6 май), «Мәркәз Шурага сайлау. Г. Исхакый мәсьәләсе. Зур җәнжал» («Ирек». 1917, 21 май), «Эшчеләр мәсьәләсе» («Ирек». 1917, 25 май), «Хатын-кыз мәсьәләсе» («Ирек». 1917, 28 май) кебек мәкаләләре, төрле сәяси мәсьәләләргә багышланган «Мәркәزلәр» («Ирек». 1917, 4 июнь), «Социалист-революционерлар ни телиләр?» («Ирек». 1917, 4 июнь), «Халыкны саташтырмаңыз!» («Ирек». 1917, 5 июль) һ.б. мәкаләләре, шулай ук 1917 елның 21 июленнән 2 августына кадәр Казанда узган Бөтенроссия мөселманнарының икенче съездына караган «Икенче съезды тәэссератым» («Аваз». 1917, 30 июль), «Бөтенрусия мөселманнарының икенче жыелышыннан кайткач» («Ирек». 1917, 7 август), «Бөтенрусия мөселманнарының икенче жыелышы» («Ирек». 1917, 11 август) кебек мәкаләләре урын ала. Г. Ибраһимов халыкның көченә ышана. Аның бер-бер артлы басылган «Куәт – халыкта» («Ирек». 1917, 30 март), «Халык падишаһ» («Ирек». 1917, 7 апрель), «Халык үзе хөкем итсен» («Ирек». 1917, 28 май) кебек мәкаләләре дә моны раслый.

Г. Ибраһимов 1917 елгы октябрь инкыйлабын бәйсез фикерле ялкынлы публицист буларак каршы ала.

ӘДӘБИЯТ ҺӘМ ЧЫГАНАКЛАР

1. Әлислах мөхбире. Уфа мэдрәсәләре // Әлислах. – 1907. – 17 декабрь.
2. Әлислах мөхбире. Уфага да бәдәлчеләр тулды // Әлислах. – 1908. – 21 август.
3. Әхмәров Шиһаб. Сөйләү ансат, эшләү читен // Йолдыз. – 1911. – 29 ноябрь.
4. Габди. Казан китапчылары // Вақыт. – 1911. – 1 октябрь.
5. Габди. Татар яшьләре // Йолдыз. – 1910. – 19 апрель.
6. Габди. Фикердә инкыйлаб // Йолдыз. – 1910. – 31 гыйнвар.
7. Г-Джань. Хатын язмышы // Аң. – 1913. – № 21.
8. Гыйрфанзада. Дустыма // Әлислах. – 1909. – 17 март.
9. Джань. Хатын-кыз дөнъясы // Тормыш. – 1914. – 21 март.
10. Мөхбиренез. Уфа йоклыгы // Әлислах. – 1908. – 31 август.
11. Фәйзуллина Ф. Г. Г. Ибраһимов публицистикасында «Галия» мэдрәсәсе темасы яктыртылышы // Наследие Галимджана Ибраһимова в контексте многообразия культур: материалы международной конференции, посвященной 130-летию со дня рождения Г. Ибрагимова / сост.: Ф. Х. Миннуллина, А. Ф. Ганиева. Казань: ИЯЛИ, 2017. – С. 290–294.

ЯЗЫК, ЛИТЕРАТУРА, КУЛЬТУРА ТАТАР В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ

УДК 821.512.145

ШӘХЕС ҺӘМ МИЛЛИ ҮЗАҢ

Ф. И. Габидуллина, Э. Р. Ибрагимова

Казан (Идел буе) федераль университетының Алабуга институты (Алабуга)

В статье рассматривается проблема личности и его национального самосознания. Это понятие тесно связано с чувством патриотизма. Серьезной опорой в формировании национального самосознания является знание истории народа, родного языка. В работе особое внимание уделяется анализу языковой ситуации в республике и преподаванию родного языка в учебных заведениях.

Ключевые слова: личность, национальное самосознание, история народа, патриотизм, родной язык.

The article deals with the problem of personality and its national identity. This concept is closely related to the sense of patriotism. A serious support in the formation of national identity is the knowledge of the history of the people, the native language. The paper pays special attention to the analysis of the language situation in the republic and the teaching of the native language in educational institutions.

Key words: personality, national identity, history of the people, patriotism, native language.

Хәзерге чорда жәмгыятьнең үсеш шартлары, ижтимагый мөнәсәбәтләр, мәдәният һәм фән-техника өлкәсендәге үзгәрешләр милли-ижтимагый, сәяси һәм хокукый мәсьәләләргә, милләт язмышын бөтен кискенлеге белән ачып салып, аларның чишелеш юлларын актив рәвештә эзләүгә этәрә. Һәр милләт күп гасырлар дәвамында туллап килгән рухи хәзинәсен, үз йөзен, телен, сыналган горел-гадәтләрен, йолаларын, гасырлардан килгән әхлакый кыйммәтләрен үзәндә саклый. Шуңа да милли жәмгыятьтә барган процессларны конкрет, тирән, объектив анализлайыча торып, аның киләчәген күзалларга, милли-мәдәни үсеш законнарын аңларга мөмкин түгел.

Милли процессны анализлаганда «кая барабыз?», «без кем?», «без нинди?» кебек сорауларга җавап эзләү алга куела. Бу сорауларга җавап бирү өчен, иң элек, милләтнең нәрсә икән ачыклап үтү зарур. Күренекле татар галиме С. Максуди «Миллият тойгысының социологик әһәмияте» исемле фәнни хезмәтендә «кавем-милли» төшенчәсен кулланышка керткән була һәм аны ыруг, кабиләләрнең бер дәүләт эчендә берләшү нәтижәсендә туган этнос дип күрсәтә. Аныңча, «Кавем-милләт билгеле бер жир-мәйданда (территориядә) яшәгән, этнологик яктан бер тамырдан чыккан оймак вә кабиләләрнең туган һәм бер телдә сөйләшүче, бер үк дингә ышанучы, уртақ горел-гадәтләре вә үзенә хас милли холкы булган, бер-беренә теләктәшлектә торучы вә охшаш кешеләр гаммәседер» [5: 49]. Бу билгеләмәдән күренгәнчә, милләт – кавем-мәдәни бердәмлек. Ул билгеле бер кабилә яки кабиләләр жирлегендә формалаша, аңа тел, горел-гадәтләр берлеге хас. Милләтнең асылын уртақ дин, милли үзаң билгели. С. Максуди бу бәяләмәне дөнья фәнненең казанышларына таянган төпле анализ нигезендә бирә. Аның әйтелгән фикерләре безнең милләтнең үткәне, бүгенгесе һәм киләчәге турында фикер йөрткәндә гаять зур әһәмияткә ия. Һәр милләт, кешеләрнең этник берлеге буларак, тел, икътисади тормыш, мөнәсәбәтләр, территория уртақлыгы һәм психологик үзенчәлекләр белән характерлана.

Милли процесстың үсеш-үзгәреше барышында халык борыңгы тамырларына, тарихи үткәнә, йолаларына, горел-гадәтләренә, диненә һәм хәзерге тормыштагы ролен, урынын аңлауга игътибарын арттыра. Санап үтелгәннәрне ачыкларга милли хис, милли тойгы, милли үзаң ярдәм итә. Кешенең милли хисләре аң белән сугарыла, ә милли аң үзе милли хисләр нигезендә барлыкка килә. Милли үзаң, кешенең конкрет юнәлештәге эшчәнлегенә нәтижәсе буларак, фәкать милли хисләр, милли мәнфәгатьләр

турында уй-фикер йөртү аша гына формалаша ала. Милли үзаң – реаль күренеш, ул чынбарлыкның үзөндө, кешеләрнең фикерләү ысулында, телендә, сәнгатендә, йолаларында, әйләнә-тирәдәгә күренешләргә мөнәсәбәтендә чагыла.

Соңгы берничә елда бөтендөнья аренасында барган каршылыклы, аерым очрақларда дәһшәтле вакыйгалар милләтара мөнәсәбәтләр кору, толерантлык, милли үзаң кебек төшенчәләргә өйрәнү, тәрбияләүнең әһәмиятен асызыклап тора. Әле узган гасырның туксанынчы елларында скинхед дип аталган жинаятчы төркемнәрнен куркыныч гамәлләре Россия халкын шомга салса, Кавказ халыклары белән мөнәсәбәтләр коруда кияренкелек туган очрақлар еш теркәлсә, бүген Украина качаклары, Украина халкы белән мөнәсәбәтләр кискенләшә. Европа илләрендә Сирия, Ираннан килгән качаклар белән бәйлә проблемалар да дөнья масштабындагы сораулар рәвешен ала. Татар телен мәктәпләрдә ихтыяри укутуга калдыру куркынычы да милли үзаң мәсьәләсенә кискен торуын күрсәтте. Мондый шартларда галимнәр, алдынгы жәмәгәтчылек проблемага ничек якын килергә тиеш соң? Безнең фикеребезчә, иң элек милли үзаң турында дәрәс, объектив төшенчә булдыру, ә аннан милли үзаң тәрбияләү чыганақларын күрсәтү һәм аларның милли үзаң тәрбиясендәгә потенциалын дәлилләү мөһим.

Милли үзаң төшенчәсенә аңлатма бирү, терминны шәрехләү проблемасы күп кенә галимнәргә борчы. Шактый гына фәлсәфи, мәдәни, тарихи һәм башка хезмәтләрдә милли үзаң төшенчәсенә тулы һәм төгәл аңлатма табу мөмкин түгел. Милли үзаң – милләтнең милләт буларак яшәшән, башка милләт вәкилләре белән мөнәсәбәтләрен көйләүче механизм ул. Милли үзаң шул милләт вәкиленең үзен конкрет милләт вәкиле буларак тануын, үткәнә, хәзергә торышына, тарихи һәм мәдәни мирасына, теленә, туган жиренә аңлы карашын үз эченә ала.

А. Г. Спиркин асызыклаганча, милли үзаң кеше үз-үзенә сокланып карый торган рухи көзгә ролен башкару өчен түгел, ә бәлки жәмгыять һәм башка кешеләр белән катлаулы мөнәсәбәтләр системасында үз-үзен тотышын үзконтрольгә алу һәм регуляцияләүнең тарихи ихтыяжы хасил булу белән бәйләлектә барлыкка килә [8: 184]. Хәзергә фәндә милли үзаң милләт аңында этник һәм ижтимагый факторларның, аларның үзара мөнәсәбәтенең чагылышы буларак карала. Публицист Мәхмүт Әхмәтжанов милли үзаңны милләтне яшәтүче фактор буларак билгеләп, болай дип яза: «Милли үзаңы югары булган халыкның гына киләчәгә бар. Тарих шулай ди. Чөнки, ул үз арасынан шактый этносларның төшәп калуын яхшы белә. Казан ханлыгы яшәүдән туктагач, татар халкының язмышы кыл өстендә калды. Әмма йөзәр ел буге формалашкан менталитет, этнопедагогика, бигрәк тә ислам дине халыкның милли үзаңын югары дәрәжәдә саклады» [1: 188].

Татарстан Республикасында яшәү шартларында балаларда милли үзаң тәрбияләү проблемасы кайбер үзгәчлекләргә ия. Беренчедән, биредә татар малае-кызы рус йогынтысы тәсирендә шәхес буларак формалаша. Әлегә йогынты иң элек телдә чагылыш таба, русча сөйләшүгә күчкән бала русча фикер йөртә башлый, рус мәдәниятенә тартыла, милли тарих, әдәбият, мәдәният аның өчен читкә әйләнә. Бу жәһәттән республикадагы ике проблемага тукталырга була: беренчедән, татар мәктәпләренең азсанлы булуы, икенчедән, балаларга көчле йогынты ясаучы интернет челтәрләренең рус телендә булуы. Кызганычка каршы, чын татар мәктәпләре хәзер эре шәһәрләрдә дә бөртекләп санарлык күләмдә генә калды, ә башка мәктәпләрдә татар сыйныфлары юк. Дәрәс, мәктәпләрдә татар теле һәм әдәбиятын укутуда татар балалары татар телен туган тел буларак өйрәнүчеләр программасы бугенчә өйрәнәләр, әмма калган барлык фәннәр рус телендә алып барыла. Нәтижәдә татар мәктәпләре һәм сыйныфларының ел саен кимүе күзәтелә. Татарстан республикасы өчен генә түгел, ә бәлки башка регионнар өчен дә дистә еллар дәвамында татар теле һәм әдәбияты укутучылары эзерләүче Алабуга институтының беренче курсына әлегә белгечлек бугенчә студентлар кабул ителмәвә – шуның бер чагылышы.

Дөньяда төрлө-төрлө милләтләр булып, һәр милләт вәкиле үзен шул милләт белән идентификацияләү – табигый күренеш. Шулай ук буге милләт үсешә өчен шартлар тәэмин итү зарур, аның үсешен махсус чаралар белән туктату, тоткарлау гаделсезлек булып тора. Саны бугенчә аз һәм күпсанлы халыклар бар, мәдәни-тарихи үсешнең төрлө баскычларында торган халыклар бар, әмма рухи-әхлакый потенциал бугенчә халыкларны

бу рәвешле бүлү мөмкин түгел. Без бу мәсьәләдә П. А. Кропоткин белән тулысынча килешәбез: «Кешелек хокукларына һичнинди чыгармасыз һәр кеше ия булырга тиеш, һәр кешедә, аның нинди кавем, нәселдән булуына карамастан, үз туганыңны күрергә кирәк; шул туганыңның хәсрәтләре, аның чыганакалары нидә булуга карамастан, башка кешеләрдә дә чагылыш табачак» [4: 389].

Тырыш, кунакчыл һәм сабыр милләт буларак, татарлар башка милләتلәргә карата да түземлек, итәгатчелек сыйфатларын күрсәтүләре белән аерылып торалар. Борынгы бабаларыбыз, никадәр көчле, кодрәтле дәүләт ияләре булмасыннар, дин ирегән, шәхес ирегән беркайчан да чикләмәгәннәр, көчләмәгәннәр. Эмма башка милләткә булган ихтирамнан алда үз милләтеңне, дәүләтеңне хөрмәт итү зарур.

Әлбәттә, татар халкына үзенең динен, телен, мәдәни үзенчәлекләрен саклап калу өчен, күп көч куярга туры килә. Мәгълүм булганча, актив жәмәгать эшлеклеләре тарафыннан әлеге эш даими алып барыла. Д. Ф. Заһидуллина ассызыклап киткәнчә, XX гасыр башында ук милләтне саклап калу турында бәхәсләр башланып китә һәм татар зыялылары «моның өчен милли үзәкне үстерү кирәк» [3: 5] дигән фикерне яклап чыгалар.

Милләткә хөрмәт, мәхәббәт хисе белән Ватанны ярату сыйфаты да якин тора. Ватанны ярату – милләтебезгә хас иң мәртәбәле һәм мактаулы әхлакий сыйфатлардан санала. Милли тәрбиябездә куркаклык, Ватанга хыянәт кискен гаепләнә һәм әлеге күренеш халык әкиятләрендә, мәкаль-әйтемләрдә, әдипләр ижатында калку гәүдәләнеш таба. Патриотлык сыйфаты, туган илне ярату белән берлектә, башка илләргә карата да хөрмәт белән карауны үз эченә ала. И. Ф. Харламов ассызыклавынча, чын патриотизм бары милли мәнфәгатьләренә кайгыртуны күзалламый, үзенең табигате белән гуманитарлыкка тартыла һәм башка халыкларга, илләргә, аларның милли гадәтләренә һәм традицияләренә, мөстәкыйльлекләренә карата ихтирамлы булуны үз эченә ала [9: 207].

Татар халкының милләт буларак формалашу процессы XIX йөз ахыры – XX йөз башында бара. Әлеге чорны, бигрәк тә мәгърифәтчел юнәлешле татар дөнъяви фәлсәфи фикере таралыш алуын галимнәр зур вакыйга буларак бәялиләр. «Бу – татар жәмгыяте һәм мәдәнияте өчен дөнъяви белем алган, үзләрен татар милләте вәкилләре буларак таныган, татар халкының мәдәни дәрәжәсен Европа дәрәжәсенә күтәргә теләгән шәхесләре, эшмәкәрләре формалашкан Яңа заман дәвере» [10: 82], – дип ассызыклана А. Н. Юзеев тарафыннан. XX гасырда мондый теләк-омтылышларны Шакир Мөхәмәдов, һади Максуди, Габдулла Тукай, Сәгыйть Рәмиев, Фатих Әмирхан кебек атаклы каләм ияләре ижатларында һәм публицистикасында табарга мөмкин. Милли идеяләрен таратуда алар вакытлы матбугат чараларын файдаланганнар. Мисал өчен, беренче сатирик журналларның берсе булган «Яшен»нең беренче саны Габдулла Тукайның түбәндәге шигъри юллары белән ачыла:

*Ялтырый милли болытлар арасыннан «Яшен»,
Балки, рәхмәт яңгырыдыр – яшьнәсен ул, яшьнәсен!
Юл табар золмәткә калганнар – төшерсен шәүләсен
Таш йөрәкләр һәм «яшен күргән укыр «Ләхәүлә»сен.*

Татарлар арасында милли идеяләрен үз дәүләтебез чикләрендә генә түгел, чит илләрдә яшәгәндә дә пропагандалаучы атаклы шәхесләребез бар. Шундыйлардан берсе булган язучы, публицист, журналист Гаяз Исхакый, совет дәүләтендә милли үсешкә юл куелмаячагын аңлап, мөһажирлек юлын сайлый, эмма кайда гына яшәсә дә – Кытай, Төркия, Берлин, Варшава һ.б. – матбугат аша милләт үсеше турында кайгырткан фикерләрен белдереп бара [2: 59–60]. Чынлап та, массакуләм мәгълүмат чаралары – чынбарлыкны чагылдыручы көзгә генә түгел, ә балки йогынты ясау, кыйммәтләр һәм ориентацияләрен чагылдыручы гажәеп корал да.

Татар тарихына, мәдәниятенә төрле дәверләрдә ясалган һөжүмнәргә карамастан, алар сакланып кала алалар. Татарлар горәф-гадәтләрен, милли ризыкларын да саклап калуга ирешә. Эмма тел сакланышына бәйле хәл-торыш әледән әле жәмгыятеңне сискәндереп жибәрүен искәртү зарур. Ә бит тел – милләтнең төп күрсәткече.

Д. Ә. Сәлимова, А. А. Тимерханов кебек галимнәр икетеллекнең симметрияле булуына тискәре йогынты ясаган факторлар рәтендә соңгы еллардагы мәгариф

**ТАТАРЫ ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ НА СТРАНИЦАХ
ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИХ И НАУЧНО-СПРАВОЧНЫХ ИЗДАНИЙ
ИНСТИТУТА ТАТАРСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ И РЕГИОНОВЕДЕНИЯ
АКАДЕМИИ НАУК ТАТАРСТАНА**

Р. Р. Ибрагимов

Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ (Казань)

Ч. Х. Саматова

Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань)

В статье изучен опыт Института татарской энциклопедии и регионоведения Академии наук Татарстана по разработке энциклопедических и научно-справочных статей об истории и современном состоянии национально-культурной и общественной жизни татар Пензенской области. Авторы публикации показали основные этапы работы по подготовке статей, факторы, обусловившие актуальность данных изданий, логику их структурирования, принципы отбора материала. Показана значимость сотрудничества с представителями татарских общественно-культурных центров, государственных структур и научным сообществом Пензенской области.

Ключевые слова: татары, Пензенская область, энциклопедии, справочники, национально-культурная жизнь.

The publication examines the experience of the Institute of the Tatar Encyclopedia and Regional Studies of the Academy of Sciences of Tatarstan in the development of encyclopedic and scientific reference articles on the history and current state of the national, cultural and social life of the Tatars of the Penza region. The authors of the publication showed the main stages of work on the preparation of articles, the factors that determined the relevance of these publications, the logic of their structuring, the principles of material selection. The importance of working with representatives of Tatar social and cultural centers, government agencies and the scientific community of the Penza region is shown.

Key words: Tatars, Penza region, encyclopedias, reference books, national and cultural life.

Татары относятся к числу дисперсно расселённых народов. На территории Республики Татарстан проживают только около 25% всех татар [6]. На протяжении нескольких столетий отдельные группы поволжско-приуральских татар периодически переселялись в другие регионы. В каждом случае это было продиктовано определёнными политическими и социально-экономическими обстоятельствами. В то же время, территории некоторых современных регионов Российской Федерации предки татар начали осваивать ещё со времён Волжской Булгарии, став, фактически, коренным населением этих регионов.

Вышеуказанное в полной мере относится к татарам Пензенской области. Предки татар издавна населяли Среднее Посурье, входившее в состав Волжской Булгарии и Золотой Орды [5: 595]. Уже в составе Русского государства, в связи со строительством в XVII в. засечных черт, территорию Пензенской области начали заселять служилые татары из Темникова, Алатыря, Арзамаса. Значительный след в истории края оставили династии татарских князей и мурз – Акчурины, Альшевы, Бигловы, Дашкины, Девлекильдеевы, Енгальчевы, Еникеевы, Кугушевы, Кушаевы, Макуловы, Маматовы, Мамлеевы, Муратовы, Сакаевы, Тенишевы, Терегуловы, Утяшевы, Чанышевы, Шахмаметьевы и др. В настоящее время татары являются второй по численности национальностью Пензенской области (по данным переписи населения 2010 года, численность татар в области составила 86431 человек) [6] и в основном проживают в Беднодемьяновском, Белинском, Вадинском, Городищенском, Иссинском, Каменском, Кузнецком, Лопатинском, Лунинском, Неверкинском, Пачелмском, Сосновоборском и Шемышейском районах.

Одним из важнейших направлений работы Института татарской энциклопедии и регионоведения Академии наук Республики Татарстан, является подготовка энциклопедических изданий посвящённых истории и современному состоянию татарского социума за пределами Республики Татарстан. Подготовка статей энциклопедически-справочного характера по данному разделу была начата и успешно апробирована в рамках подготовки Татарского энциклопедического словаря (1999) и многотомной татарской энциклопедии (2002–2014). В ходе их подготовки была отработана методика сбора материала для

планируемых статей, проведена их типологизация, разработана структура. В Татарском энциклопедическом словаре жизнь татар Пензенской области, наряду с жизнью татар других регионов, была представлена в формате статьи об области. В многотомной татарской энциклопедии история и современное состояние татар Пензенской области, помимо областного формата также представлена статьями, посвящёнными отдельным районам области, в которых татары имеют значительный процент населения. Схема написания статей позволила показать основные этапы складывания татарского населения Пензенского края, оценить его современное социокультурное состояние.

Данное направление работы получило дальнейшее развитие после создания в структуре института Центра изучения татарской диаспоры. В соответствии с поставленными перед ним целями и задачами, сотрудниками центра были подготовлены справочные издания «Регионы компактного проживания татар в Российской Федерации» (2016), «Татарская деревня в местах компактного проживания татар в Среднем Поволжье» (2017), «Татары в регионах Российской Федерации: персоналии» (2019), «Регионы компактного проживания татар в Российской Федерации: Общественные и культурно-просветительские организации, средства массовой информации (Пензенская, Самарская, Саратовская и Ульяновская области)» (2020).

В справочном издании, выпущенном в свет в 2016 году, татарам Пензенского края посвящён отдельный раздел [1: 111–120]. В рамках данной работы были актуализированы сведения, использовавшиеся в многотомной татарской энциклопедии, в основном это касалось статистических сведений, данных об известных представителях татарского народа, чья жизнь и деятельность связана с территорией Пензенской области. Статьи были существенно дополнены новыми материалами отражающими отдельные аспекты из истории и современной общественной и культурной жизни татар Пензенского края.

В справочном издании «Татарская деревня в местах компактного проживания татар в Среднем Поволжье» (2017), представлена целостная картина истории возникновения и эволюции татарских сельских населённых пунктов на территориях Пензенской, Самарской и Ульяновской областей. В данном издании татарская деревня рассматривалась как важнейший фактор бытования и сохранения духовно-нравственных ценностей татарского народа, факторов его этнокультурной идентичности, в первую очередь языка, религии и культуры.

В справочнике, наряду с двумя другими регионами, представлены отдельные статьи о 83 сельских населённых пунктах Пензенской области [4: 103–138] (кроме татарских, в это число входят также селения, где татары проживают смешано с другими национальностями, а также населённые пункты основанные татарами, но впоследствии ставшие русскими). Структура статей позволяет увидеть факторы возникновения татарских селений, проследить наиболее значимые этапы их развития в контексте истории татарского народа и Российского государства. Особое внимание в статьях уделено динамике количества основных маркеров национально-культурной жизни татар – мечетей, татарских школ, творческих коллективов. Примечательно, что на территории Городищенского района Пензенской области находится самое крупное татарское село в России – Средняя Елюзань.

Известные татары Пензенской области широко представлены в справочном издании «Регионы компактного проживания татар в Российской Федерации: Персоналии» (2019) [2]. Среди таковых знаменитые деятели науки и культуры, государственные, политические, военные деятели, спортсмены из татар, чья жизнь и деятельность связаны с территорией Пензенской области. Структура и содержание статей позволяет увидеть жизненный путь человека и его вклад в определённые отрасли государства и сферы жизни общества.

В вышедшем в 2020 г. научном справочнике «Регионы компактного проживания татар в Российской Федерации: Общественные и культурно-просветительские организации, средства массовой информации (Пензенская, Самарская, Саратовская и Ульяновская области)» [3], представлены сведения об основных факторах формирующих национально-культурную жизнь татар в регионах их компактного проживания за пределами Республики Татарстан – татарских СМИ, общественных и культурных организациях, школах, творческих коллективах, музеях, общественных деятелях. Всё это в полной мере представлено в разрезе Пензенской области. Собранный и систематизированный в книге

информация позволяет сформировать целостное представление об истории и современном состоянии социокультурной и общественной жизни татар Пензенской области.

Специфика объекта исследования, обусловила тесные рабочие контакты с общественными и государственными структурами. Так, при подготовке всех вышеперечисленных изданий огромную помощь оказали Региональная организация «Национально-культурная автономия татар Пензенской области», местные краеведы и общественные деятели, Всемирный конгресс татар, Федеральная национально-культурная автономия татар, правительственные структуры Республики Татарстан и Пензенской области разного уровня.

Таким образом, татары Пензенской области весьма широко представлены в энциклопедических и справочных изданиях Института татарской энциклопедии и регионоведения Академии наук Татарстана. В них история и современное состояние татарского социума Пензенского края представлены в формате отдельных статей в разрезе области, муниципальных районов, татарских сельских населённых пунктов, СМИ, культурно-просветительских учреждений, общественных организаций, творческих коллективов, а также статей, посвящённых известным деятелям татарского народа, чьи жизни и деятельность связаны с Пензенским краем. Данные сведения способствуют пониманию роли и места татар в жизни Пензенского края в прошлом и настоящем, их вкладе в культуру, науку и экономику этого региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Регионы компактного проживания татар в Российской Федерации: справочник / Отв. ред.: Л. М. Айнутдинова, Б. Л. Хамидуллин. Казань: ОП «Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ», 2016. – С. 111–120.

2. Регионы компактного проживания татар в Российской Федерации: Персоналии (справочник) / Науч. ред.: Л. М. Айнутдинова, Б. Л. Хамидуллин. – Казань: ОСП «Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ», 2019. – 388 с.

3. Регионы компактного проживания татар в Российской Федерации: Общественные и культурно-просветительские организации, средства массовой информации (Пензенская, Самарская, Саратовская и Ульяновская области) / Науч. ред.: Л. М. Айнутдинова, Б. Л. Хамидуллин. – Казань: ОСП «Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ», 2020.

4. Татарская деревня в местах компактного проживания татар в среднем Поволжье: история и современность / Материалы круглого стола, проведённого в Институте татарской энциклопедии и регионоведения Академии наук Республики Татарстан (Казань, 27.10.2017). Научный справочник / Отв. ред.: Л. М. Айнутдинова, Б. Л. Хамидуллин. – Казань: ОП «Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ», 2017. – С. 103–138.

5. Татарская энциклопедия: в 6 т. / Гл. ред. М. Х. Хасанов; отв. ред. Г. С. Сабирзянов. – Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2008. – Т. 4: М–П. – 768 с.

6. Федеральная служба государственной статистики по Пензенской области // URL: <https://pnz.gks.ru/Censuses#>

7. Федеральная служба государственной статистики // URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/perepis_itogi1612.htm

УДК 001.32(092)

ИСТОЧНИКО-ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ БАЗА И ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКАЯ ЦЕННОСТЬ ТРУДА ВОСТОКОВЕДА В. В. ВЕЛЬЯМИНОВА-ЗЕРНОВА О КАСИМОВСКИХ ТАТАРАХ

Ф. Г. Калимуллина

Институт Татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ (Казань)

В статье рассматривается труд востоковеда XIX в. В. В. Вельяминова-Зернова о касимовских татарах и Касимовском ханстве. Выявляется его вклад в изучение истории тюркских народов России. Анализируются источники, которых выявил и внес в научный оборот ученый. Взгляды востоковеда сравниваются с работами его современников. Подчеркивается, что сведения В. В. Вельяминова-Зернова о татарах легли в основу многих статей современной многотомной Татарской энциклопедии.

Ключевые слова: Касимовское ханство, историография, источниковедение, энциклопедистика, Татарская энциклопедия.

The article examines the work of the orientalist of the XIX century V. V. Velyaminov-Zernov about the Kasimov Tatars and the Kasimov Khanate. The contribution of the scientist to the

study of the history of the Turkic peoples of Russia is revealed. The sources that the scientist identified and introduced into scientific circulation are analyzed. The orientalist's views are compared with the works of his contemporaries. It is emphasized that the information of V. V. Velyaminov-Zernov about the Tatars formed the basis of many articles of the modern multi-volume Tatar encyclopedia.

Key words: Kasimov Khanate, historiography, source studies, encyclopedistics, Tatar Encyclopedia.

Востоковед, тюрколог В. В. Вельяминов-Зернов (1830–1904) известен в первую очередь как создатель четырехтомного труда *Исследование о касимовских царях и царевичах* (1863–1887). Его монография отличается не только тем, что в ней впервые в комплексе были отражены источники по истории Касимовского ханства, но еще привлекают внимание их количество и анализ. Данную его работу не зря называют энциклопедией тюркских народов России [9: 4]. Сведения востоковеда по биографиям касимовских правителей, истории Касимовского и других постзолотоордынских ханств вошли в основу соответствующих статей многотомной Татарской энциклопедии.

История создания труда о касимовских татарах началась с того, что в 1858 г. на одном из заседаний Восточного отделения Русского археологического общества секретарь отделения П. С. Савельев сообщил об имеющихся надгробных памятниках касимовских ханов в Касимове и предложил связаться с кем-либо из касимовских жителей для получения с них точных копий. В 1859 г. действительный член общества, рязанский архимандрит Макарий сообщил обществу о нескольких рукописях 1792 г., хранящихся в старом рязанском консисторском архиве, где содержались сведения о касимовских эпитафических памятниках. Это были списки по Рязанской епархии для доставления их обер-прокурору Святейшего Синода А. И. Мусину-Пушкину, выполненные касимовским ахунмом Абдуллой Баклеевым. Общество обратило внимание на то, что история города Касимова совсем не изучена [5: Ч. 1: 5]. Вскоре татарским просветителем, преподавателем Петербургского университета Х. Фаизхановым были сняты копии с этих памятников. Привезенный материал был проанализирован В. В. Вельяминовым-Зерновым. Именно тогда ученый понял, что эпитафические источники времен Касимовского ханства содержат богатый исторический материал, и изъявил желание продолжить исследование [7: 75]. История татарского ханства, созданного когда-то внутри Руси, видимо, заинтересовала научную общественность. Изначальная цель изучения, судя по официально принятым в то время взглядам о ханстве, была направлена на выражение превосходства и политической дальновидности великих московских князей, а это делало тему исследования более привлекательной.

В. В. Вельяминов-Зернов детально изучил надписи и схемы построения эпитафических памятников Касимова. Особый материал предоставили надписи на эпитафиях Старопосадского кладбища: 1) текие (мавзолей) хивинского султана Авгана (Афгана), родного брата знаменитого Абулгази Бахадур-хана; 2) текие Шах-Али хана, построенное в 1555 г.; 3) места погребения одних из древнейших татарских родов – сеидов Шакуловых и Максутовых, потомки которых жили в Касимове и в XIX в. Востоковед изучил планы многочисленных православных церквей, храмов. Одним из первых, например, он исследовал часовню Казанского девичьего монастыря, где в 1677 г. был похоронен крещеный касимовский царевич Яков Васильевич.

Из повествовательно-нарративных памятников, в самом начале исследования, автор изучил русские летописи. Наиболее содержательными по изучаемой тематике являются Никоновская, Воскресенская, Тверская, Львовская летописи и Казанский летописец (к этому источнику он относился осторожно, подвергал тщательной критике). Первые работы отечественных ученых, упоминавших о Касимовском ханстве, в основном базировались лишь на данном виде источников. В. В. Вельяминов-Зернов же, в отличие от своих предшественников, ввел в круг изучения тюрко-татарские нарративные источники. Так, появилась возможность для сверки фактов, приведенных в русских и тюрко-татарских источниках, что намного обогатило работу ученого. В. В. Вельяминов-Зернов обнаружил духовное завещание Галикея-аталыка – один из редких подлинных татарских актов, а также список завещания начала XVII в. касимовский татарки Кишбика-бикач. Подробный анализ данных источников с современной точки зрения был осуществлен З. С. Миннуллиным [11: 155].

В. В. Вельяминовым-Зерновым были проанализированы также такие источники, как «Шейбани-наме» (XVI в.) [5: Ч. 1: 505], «Сборник летописей» Кадыр-Али-бека (1602) [5: Ч. 2: 121–124]. При этом он пользовался текстами, изданными в 1849–1854 гг. И. Н. Березиным в серии «Библиотеки восточных историков» в Казани. Первое конкретное привлечение материалов «Сборника летописей» в научном исследовании было осуществлено именно В. В. Вельяминовым-Зерновым, отметившим как его достоинства, так и отдельные недостатки [18: 33]. Были приведены значительные выдержки из текстов и дан анализ произведений «Ассаб ас-Сейяр» («Семь планет») (середина XVIII в.) крымского историка Мухаммада Ризы [5: Ч. 1: 110–111], «Тарихи Рашиди» (1541–1547) персидского автора Мухаммада Хайдара. В источниках имеется информация о тюрко-татарских ханствах, есть шаджара известных исторических личностей. В. Вельяминов-Зернов писал, что первоначально текст «Тарихи Рашиди» хранился в фондах Казанского университета. Ученый особо выделил 2-ю часть данного сочинения, отметив, что это «в своем роде единственный источник для позднейшей истории Джагатаидов» [5: Ч. 1: 131–246]. При этом он ценил добросовестность автора в изложении событий. Сведения «Тарихи Рашиди» В. В. Вельяминов-Зернов сравнивал с данными «Бабурнаме» Загреддина Бабура (1520-е гг.), двоюродного брата Мухаммада Хайдара [5: Ч. 2: 135]. Ученым также были привлечены следующие источники – «Абдулла-наме» (XVI в.) Хафиза Таныша, «Шаджараи тюрок» Абулгази (XVII в.), «Тазкира-и Хаджиган» (1768–1769 гг.) Мухаммад-Садька Кашгари. Исследователь выявил, что в своем произведении Хафиз Таныш в основном пользовался сведениями «Тарихи Рашиди» [5: Ч.2: 45]. Другой источник – «Ассаб ас-Сейяр» был проанализирован В. В. Вельяминовым-Зерновым по тексту, изданному в 1832 г. М. Казем-Беком. Следует отметить, что текст «Абдулланаме», подготовленный востоковедом к изданию, в связи с его болезнью в свет не вышел, судьба рукописи неизвестна. Издание источника, его перевод с персидского языка были осуществлены другим исследователем лишь во второй половине XX в. [13].

В «Исследованиях...» В. В. Вельяминов-Зернов приводит сведения иностранных путешественников о Касимовском ханстве, выявляя фактический материал. Им были рассмотрены воспоминания австрийского дипломата барона Сигизмунда Герберштейна (побывавшего в Касимове в 1526 г.); голландских путешественников Адама Олеария (в Касимове – в 1636 г.), барона Мейерберга (в Касимове – в 1661–1662 гг.), Ж. Стрюиса (в Касимове – в 1669 г.), Николаса Витсена (издал книгу о путешествии в Россию в 1692 г.), Корнелия де Бруина (в Касимове – в 1703 г.); члена посольства в Китай под руководством Л. В. Измайлова – Георга Унферцаха (в Касимове – в 1719 г.); действительного члена Петербургского АН Петра Симона Палласа (в Касимове – в 1768 г.). Ученый отметил, что путешественники в основном заимствовали сведения друг друга, порой не учитывалась даже разница во времени, отделявшая посещение ими Касимова. Почти все иностранцы упоминали сведения Герберштейна о том, что женщины красили свои ногти в черный цвет и ходили с «непокрытой головой». Особо ценными являются данные Герберштейна о внутреннем строе ханства, им были перечислены титулы касимовских татар, дано их объяснение, впервые упомянуто об административном институте карачи в Касимове и о четырех основных родовых кланах.

В. В. Вельяминов-Зернов выделил рисунок внешнего вида города Касимов, выполненный А. Олеарием, и даже включил его состав приложений своего «Исследования...» [5: Ч. 3: 184]. Олеарий писал о несовершеннолетнем татарском князе – Рес-Кичи. По словам путешественника, двенадцатилетний Рес-Кичи жил в каменном здании, некогда являвшемся замком, и несколько лет тому назад вместе с матерью и бабушкой подчинился великому князю. Про Рес-Кичи упоминали Стрюис и Витсен, но почему-то, спустя 30 лет, князь у Стрюиса оставался в том же возрасте. Ученый установил, что здесь речь шла о Сеид-Бургане. Олеарий, Мейерберг и Витсен упоминали о «первом магометянском храме Касимова». В. В. Вельяминов-Зернов предположил, что речь шла о старинной мечети, которая в отреставрированном виде существовала и в XIX в. Ее постройку приписывали первому правителю Касимовского ханства Касиму, и датировалась она около 1467 г. Но В. В. Вельяминов-Зернов, полагаясь на данные «Сборника летописей» Кадыр-Али-Бека, высказал сомнения по этому поводу. Автор «Сборника летописей» в свое время упоминал о каменной мечети, построенной Шах-Али ханом.

В. В. Вельяминов-Зернов предположил, что речь идет об одной и той же мечети и пришел к выводу, что мечеть, скорее всего, была возведена именно Шах-Али после назначения на касимовский престол в 1516 г. [5: Ч. 1: 67]. Он также отметил, что здание несколько раз реконструировалось, и более древним является лишь минарет. Следует заметить, что в историографии до сих пор нет точного ответа о дате постройки мечети. Есть мнение современных ученых, что мечеть была построена именно Касимом [2]. Исследователь А. В. Беляков, например, по этому вопросу использует примерный временной отрезок почти в сто лет – между 2-й половиной XV и серединой XVI в. [2].

В. В. Вельяминов-Зернов обратил внимание на то, что и Витсен, и Корнелий де Бруин оставили сообщения о деревянных гробницах. Все ныне существующие памятники – каменные, писал ученый, и предположил, что, возможно, в Касимове были и деревянные мавзолеи, но со временем они исчезли. Корнелий де Бруин и Унферцах указывали на плохое обеспечение, жалкое состояние города в период их посещения (начало XVIII в.).

Следует отметить, что о социально-экономическом упадке Касимова в своем труде упоминал М. Н. Тихомиров. Основываясь на материале писцовой книги 1627 г., он отметил, что уже в начале XVII в. татарская слобода находилась в плохом состоянии [17: 44]. Но это, видимо, было лишь началом процесса, поскольку Олеарий, посетивший Касимов в этот период, не отметил особой нищеты. Упразднение Касимовского ханства, по нашему мнению, привело к упадку порядка в городе и к обнищанию населения. Местные власти, должно быть, не очень волновались насчет уровня благосостояния города, а центр к данному населенному пункту потерял какой-либо интерес. Существуют и другие мнения о состоянии Касимова начала XVII в. Например, И. П. Попов отметил, что в этот период там велась обширная торговля, и в качестве примера привел количество лавок на рыночной площади. Но данные источников того периода, а также исследования М. Н. Тихомирова указывают на спорность заявления И. П. Попова.

В. В. Вельяминов-Зернов включил в «Исследование...» сведения С. П. Палласа о каменных постройках времен Касимовского ханства и их неоправданном уничтожении в XVIII в. Представляют важность замечания Палласа, который впервые упомянул о социальном положении касимовских татар, особо выделив купеческую прослойку [1; 23; 24].

Другую группу источников, использованную В. В. Вельяминовым-Зерновым, составляет документальный материал: актовые и канцелярские источники. Из канцелярских источников особенно важными ученый считал писцовую книгу 1627 г., в которой присутствует информация о вотчинных землях правителя Сеид-Бургана; переписную книгу 1683 г., с данными о поместных владениях царевичей Ивана и Семена Васильевичей [6: 101] (автор обнаружил их в 1864 г. в архиве Министерства юстиции). В них хранится информация о внутреннем административном устройстве Касимовского ханства и Мещерского юрта в целом. Автором впервые была привлечена Башмаковская разрядная книга, составленная в первой половине XVII в, где имели место разряды с 1375 г. по 1610 г. В книге содержатся материалы о службе касимовских правителей, этническом составе населения и др. В установлении некоторых фактов В. В. Вельяминову-Зернову помогла коллекция рукописей касимовского мещанина И. С. Гагина. Среди них автор «Исследований...» нашел несколько старинных документов и актов, относящихся к периоду Касимовского ханства, в том числе подлинные грамоты, жалованные касимовским сеидам и мурзам царем Федором Иоанновичем и Лжедмитрием II. Некоторые из перечисленных источников позднее были использованы также в книге Н. И. Шишкина, посвященной истории города Касимова. В. В. Вельяминов-Зернов, не имея на руках оригинала, сведения писцовой книги повзаимствовал у неизвестного автора, опубликовавшего в 1853 г. в одном из номеров «Рязанских губернских ведомостей» статью «Материалы по истории Рязани». Источник сведений в публикации не был указан. В. В. Вельяминов-Зернов лишь предположил, что это отрывок из писцовой книги 1627 г. Но ученый не знал, из какого именно варианта источника он переписан. Текст публикации, приведенный Вельяминовым-Зерновым, и текст документа, заимствованный позднее Шишкиным у старосты Ямской слободы [20: 78], за исключением нескольких незначительных расхождений в словах, идентичны. Из этого следует, что до Н. И. Шишкина этот источник уже кем-то неизвестным был выявлен и опубликован, и в научном плане

проанализирован В. В. Вельяминовым-Зерновым. Автор «Исследований...», например, писал, что, насколько ему известно, первый приезд Арслана в Москву состоялся в апреле 1616 г. По данным Н. И. Шишкина выходило, что Арслан был в Москве в марте 1614 г. при пожаловании ему престола и жалованной грамоты. Это вполне допустимо, поскольку его предшественники свое назначение, в основном, получали в Москве.

Дипломатический материал, привлеченный В. В. Вельяминовым-Зерновым, представлен в виде переписки русских великих князей с татарскими ханами. Это – дипломатическая переписка Ивана III в 1489 г. с казанским ханом Мухаммад-Амином, Василия Ивановича в 1517 г. с крымским ханом Мухаммад-Гиреем, Ивана IV в 1553 г. с Шах-Алием, в 1559 г. с ногайскими мурзами и др., где есть сведения и о касимовских правителях. Актовый материал составили Договорные грамоты русских великих князей, отдельные актовые материалы XVI в., духовные завещания русских правителей и др.

Первые упоминания о Касимовском ханстве в исторических изданиях были осуществлены еще во 2-й половине XVIII в. Тема затрагивалась в связи с повышенным интересом русских ученых к истории Казанского ханства. Высказывания авторов XVIII, XIX вв. о Касимовском ханстве, в основном, повторяли друг друга. О том, что во время одной из битв под Суздалем в 1445 г. Василий II потерпел поражение и попал в плен Улуг-Мухаммаду, упоминается почти во всех работах, посвященных истории Русского государства. Говорится также о том, что в 1446 г. на службу к великому государю прибыли два татарских царевича – Касим и Якуб, и что Касиму был дарован Мещерский городок.

Первые сведения о ханстве представлены в трудах В. Н. Татищева [16] и М. Щербатова [21]. В них даны фрагментарные сообщения об отдельных касимовских царях и царевичах. Больше внимания авторы уделили неудачному походу 1467 г. царевича Касима с целью взойти на престол Казани, личности хана Шах-Алия, боевым успехам хана Данияра. Об этом же упоминает и более поздний автор – К. Бестужев-Рюмин [4].

О дани, которую великие русские князья платили касимовским правителям, впервые упомянул Н. М. Карамзин [10]. Еще он отметил, что Касимовское ханство, по сравнению с другими регионами с «инородческим» населением, в религиозном плане не ущемлялось. Об этом же писал и С. М. Соловьев [21]. Более подробно, по сравнению с другими авторами XVIII – начала XIX вв., описывал историю образования Касимовского ханства Н. Полевой [12].

Как видим, до В. В. Вельяминова-Зернова тема истории Касимовского ханства была отражена слабо и фрагментарно, а источниковая база ограничивалась лишь русскими летописями. Фундаментальная монография востоковеда стала настольной книгой для исследователей истории не только Касимовского ханства, но и всех постзолотоордынских государственных образований. Сведения книги В. В. Вельяминова-Зернова о татарах и татарских ханствах, подтвержденные конкретными источниками, были использованы при написании статей для многотомной Татарской энциклопедии, подготовленной и изданной Институтом татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аминов Д. А. Татары в старом Петербурге. – СПб. СПб.: АОЗТ «Альд», 1994. – 49 с.
2. Аристов В. Дом напротив минарета // Советская Татария. – 1967. – 20 августа.
3. Беляков А. В. Формирование этнорелигиозной картины в Мещере в XV–XVII вв. // Сборник материалов ежегодной научно-практической конференции «Российские мусульмане на пути к религиозному и образовательному единству». Фаизхановские чтения № 5 (2008). – Н. Новгород, 2009. – С. 117–26.
4. Бестужев-Рюмин К. Русская история. – СПб., 1872. – Т. 1.; СПб., 1885. – Т. 2.
5. Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах. – СПб., 1863. – Ч. 1. – 558 с.; СПб., 1866. – Ч. 3. – 502 с.; СПб., 1887. – Ч. 4. – 178 с.
6. Записки Императорской Академии наук. – СПб., 1864. – Т. 4. – 380 с.
7. Известия Императорского Русского археологического общества – СПб., 1861. – Т. 3. – 368 с.
8. Исхаков Д. М. Сеиды в позднезолотоордынских татарских государствах. – Казань: Иман, 1997. – С. 13.
9. Калимуллина Ф. Г. В. В. Вельяминов-Зернов как историк Касимовского ханства. – Казань: ГБУ «Республиканский центр мониторинга качества образования», 2014. – 240 с.
10. Карамзин Н. М. История государства Российского. – М., 1998. – Т. 4–6.
11. Миннуллин З. С. Источниковедческая характеристика татарских частных актов XVII – 1 половины XIX: дис. ... к-та истор наук. – Казань, 1988. – 222 с.

12. Полевой Н. История русского народа. – М., 1833. – Т. 5. – 666 с.
13. Саид Мухаммед-Риза. Ассэб ос-сейяр, или Семь планет, содержащий историю крымских ханов / Изд. М. Казембек. – Казань, 1832. – 378 с.
14. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. – М., 1994. – Т. 7–8.
15. Татарская энциклопедия. – Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ. 2002–2014. – Т. 1–6.
16. Татищев В. Н. История Российская. – М.-Л., 1965. – Т. 5. – 343 с.; М.-Л., 1966. – Т. 6. – 378 с.
17. Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. – М., 1962. 585 с.
18. Усманов М. А. Татарские исторические источники XVII–XVIII вв. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1972. – 222 с.
19. Хафиз-и Таныш ибн Мир Мухаммад Бухари. Шараф-нама-йи шахи / Пер. М. А. Салахетдиновой // Материалы по истории казахских ханств XV–XVII вв. – Алма-Ата, 1969. – С. 242–312;
20. Шишкин Н. И. История города Касимова с древнейших времен. Второе изд.– Рязань, 1891. – 201 с.
21. Щербатов М. История Российская с древнейших времен. – СПб., 1783. –Т. 4. – Ч. 2. – 542 с.
22. Әхмәтжанов М. И. Сәйед Шакуловлар шәжәрәсе // Мәдәни жомга. – 1995. – 6 октябрь.
23. Гали М. Касыйм шәһәре // Кызыл Татарстан. – 1930. – 20 июль.
24. Мостакаев К. Касыйм мөселманнары хәлакәт алдында // Шура. – 1914. – № 18. – Б. 548.

УДК 323.1

МУСУЛЬМАНСКИЕ ОБЩИНЫ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ПОЛИТИКЕ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В 1950–1960 ГОДЫ

Р. А. Мухамедов

Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова (Ульяновск)

В статье рассматривается деятельность мусульманских общин на территории Ульяновской области в 1950–1960-е годы. Отношение власти к религии, закрытие и разрушение молитвенных зданий, а также празднование самых важных исламских праздников. Анализируется количество верующих в селах: их численность и возрастной состав. Несмотря на все религиозные запреты со стороны государственных органов и по партийной линии, в татарских деревнях большая часть взрослого населения участвовала в религиозных праздниках как Ураза-байрам и Курбан-байрам, даже при отсутствии мечетей.

Ключевые слова: Татары, ислам, мечеть, Курбан-байрам, Ураза-байрам, религия, верующие.

The article examines the activities of Muslim communities in the Ulyanovsk region in the 1950s–1960s. The attitude of the authorities towards religion, the closure and destruction of prayer buildings, as well as the celebration of the most important Islamic holidays. The number of believers in the villages is analyzed: their number and age composition. Despite all the religious prohibitions on the part of state bodies and along the party line, in Tatar villages most of the adult population, participated in religious holidays like Eid al-Adha and Eid al-Adha, even in the absence of mosques.

Key words: Tatars, Islam, mosque, Eid al-Adha, Eid al-Adha, religion, believers.

Среднее Поволжье, куда относится Ульяновская область, считается регионом традиционного распространения ислама. Советский период стал временем выживания ислама в условиях жесткой, антирелигиозной, атеистической политики государства, особенно в 20–40-е гг. XX века. Радикальный курс партии большевиков, направленный на искоренение религиозных традиций в советском обществе, выразился в закрытии и уничтожении культовых зданий и духовенства, ликвидации системы религиозного образования. Религия была отодвинута на периферию общественного сознания и в ряде случаев приобрела бытовой, обрядовый характер, но, тем не менее, несмотря на это, оставалась важным фактором повседневной жизни советского населения.

Во втором полугодии 1955 года были проверены зарегистрированные религиозные общины верующих мусульман села Уразовка Карсунского района, села Новые Зимницы Старо-Кулаткинского района, села Абдреево и Елховый Куст Ново-Малыклинского района и села Новые Тимерьяны Богдашкинского районах [1]. Однако, оказалось, что по мере удаления от областного центра религиозность татарского населения была в разы выше чем вблизи города [2], например в таких селах: Николаевского района, село Зур Чирклей, Ахметли; Павловского района, село Явли, Сайман; Старокулаткинского района все татарские деревни. Богослужение, коллективные молитвы, неофициально, проводились

во все времена в частных домах, а в большие праздники как, например Ураза-байрам, Курбан-байрам проводились летом в хорошую погоду на площади вблизи кладбища и участвовали практически все взрослое мужское население.

По отчетам Уполномоченного Совета по делам религии при Совете министров СССР по Ульяновской области, официально было зарегистрировано на 1953 г. всего 16 мечетей [3].

На территории Карсунского района в 1955 году была одна действующая мечеть в селе Уразовка, которая зарегистрирована как ранее действующая в 1946 году. Примерное количество верующих в данном селе до 200 человек [4].

Верующие проводят четырехразовое моление: утром, в полдень и вечером до заката солнца и после заката с количеством молящихся в обычные дни 5–10 человек; по пятницам: утром 12–15 человек, в полдень 25–30 человек и вечером 8–10 человек. Возрастной состав верующих, участвовавших на этих молениях в основном лица пожилого возраста, т.е. от 65 лет и выше [5].

В дни религиозных праздников в селе возрастает количество молящихся. На «курбан-байрам» 29 июля 1955 года на молении участвовало до 200 человек. Причем на этом молении были не только старики, но и молодежь в количестве 60 человек от 15 до 25 лет, в том числе 12 человек учащихся 6–7 классов Уразовской семилетней школы и 2 комсомольца – Алтынбаев и Хайруллов учащиеся Карсунской школы механизации [6].

Доказательство того, что вышеуказанный праздник справлялся верующими села подтверждается тем, что многие не выходили на работу, причем как верующие, посещающие мечеть, так и те, кто мечеть не посещает.

На территории Старо-Кулаткинского района имелась одна действующая зарегистрированная мечеть в селе Новые Зимницы, как ранее действующая в 1947 году. Примерное количество верующих в вышеуказанном селе до 200 человек [7].

По отчетам Уполномоченного Совета по делам религии «Верующие села в обычные дни проводят трехразовое моление: утром и вечером два раза и по пятницам четырехразовое моление утром, в полдень и вечером до заката солнца и после заката солнца. Ночного моления не проводится. Количество верующих, участвовавших в этих молениях в обычные дни 8–10 человек и по пятницам – утром 10–12 человек, в полдень 25–30 человек и вечером 10–12 человек. Возрастной состав верующих, участвующих в этом молении и основном лица пожилого возраста, т.е. от 60 лет и выше. На праздник «курбан-байрам» 29 июля 1955 года в селе Нов. Зимницы на молении участвовало до 250 человек, на котором участвовали не только старики, но и молодежь от 15 до 25 лет и количестве 65 человек, среди которых были школьники 6–7–8 классов [7: 27].

В Ново-Мальклинском районе были зарегистрированы две действующие религиозные общины верующих мусульман в селах Абдреево и Елховый Куст. Абдреевская религиозная община в составе своего прихода насчитывала до 100 верующих и Елхово-Кустинская до 200 человек верующих [8].

Возрастной состав верующих, входящих в эти религиозные общины в основном лица пожилого возраста от 50 лет и выше. Посещаемость молитвенных зданий верующими вышеуказанных религиозных общин: при четырехразовом молении в обычные дни от 5 до 10 человек и по пятницам от 15 до 20 человек. В дни религиозных праздников посещаемость молитвенных зданий несколько увеличивается. Например, в день праздника «курбан-байрам» 29 июля 1955 года на молении участвовало в селе Абдреево до 70 человек и Елховый Куст – до 100 человек. Возрастной состав верующих, участвовавших в молении как в обычные дни, в дни пятниц и в дни религиозных праздников в основном лица пожилого возраста. Однако в день праздника «курбан-байрам» в селе Елховый Куст в праздничном молении принимала участие и молодежь от 18 до 25 лет в количестве 18 человек. Женщины в праздничном молении участия не принимали [9].

На территории Богдашкинского района зарегистрирована одна действующая мечеть в селе Новые Тимерьяны, открытая Советом в 1946 году. Примерное количество верующих до 300 человек [10].

Посещаемость молитвенного здания верующими села в обычные дни 10–15 человек и в дни пятниц до 40 человек, а в дни религиозных праздников 100–150 человек. Возрастной состав верующих в основном лица пожилого возраста, т.е. от 50 лет и выше [10: 11].

Таким образом, в Ульяновской области вопреки действиям советских властей мусульмане продолжали придерживаться религиозных канонов в повседневной жизни, активно соблюдали мусульманские праздники.

В рамках реализации атеистического проекта в СССР деятельность священнослужителей рассматривалась как чуждая и опасная. Местные власти подавляли религиозную деятельность духовенства, осложняли его материальное и материальное положение, убеждали отречься от религии. В конце 1958 года под знаменем вступления СССР в завершающую фазу строительства коммунистического общества произошло коренное изменение государственной религиозной политики. Строительство коммунистического общества в СССР было непосредственно связано с полным преодолением «религиозных пережитков» и на практике привело к новому нападению на религию.

Таким образом, деятельность священнослужителей подвергалась постоянному контролю со стороны власти. Здания мечетей и молельные дома в масштабных количествах признавались аварийными, другие здания для совершения молитвы не выдавались. Результатом данных действий становилось маловерие среди населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Ульяновской области (ГАНИ УО) Ф. 8. Оп. 14. Д. 144. Л. 31.
2. Мухамедов Р. А. Общественный и религиозный уклад жизни и характерные черты обрядов мусульман // *Tatarica*. – 2018. – № 1 (10). – С. 77–90.
3. ГАНИ УО. 3705. Оп. 1. Д. 4, 8, 13, 15, 16, 17, 18, 19, 22, 24, 25, 65, 87; Ф. 3705. Оп. 4. Д. 13, 16,
4. ГАНИ УО. Ф. 8. Оп. 14. Д. 147. Л. 22–27.
5. ГАНИ УО. Ф. 8. Оп. 14. Д. 176. Л. 13.
6. ГАНИ УО. 3705. Оп. 1. Д. 4. Л. 73.
7. ГАНИ УО. Ф. 8. Оп. 14. Д. 33. Л. 18.
8. ГАНИ УО. 3705. Оп. 1. Д. 17. Л. 2–24.
9. ГАНИ УО. 3705. Оп. 1. Д. 4. Л. 73.
10. ГАНИ УО. 3705. Оп. 1. Д. 14. Л. 3.

УДК:372.881.1

БАШКОРТСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ РУС ТЕЛЕНДӘ УКЫТУ АЛЫП БАРЫЛГАН МӘКТӘПЛӘРЕНДӘ ТАТАР ТЕЛЕННӘН ПРОЕКТ ЭШЧӘНЛЕГЕН ОЕШТЫРУ МӨМКИНЛЕКЛӘРЕ

И. С. Насипов

М. Акмулла исемендәге Башкорт дәүләт педагогия университеты (Уфа)

Н. Ә. Мөкимова

Башкорт дәүләт университетының Стәрлетамак филиалы (Уфа)

Участие в проектной деятельности – основное требование в формировании метапредметных результатов универсальных учебных действий. В сообщении обращается внимание на особенности организации проектной деятельности в содержании учебных программ и учебных пособий по учебному предмету «Татарский язык» для образовательных организаций Республики Башкортостан. Учебные пособия предназначены для использования в 1–4 и 5–9 классах в общеобразовательных школах с русским языком обучения.

Ключевые слова: Татарский язык, учебные пособия, учебные программы, проектная деятельность, метапредметные результаты, универсальные учебные действия.

Participation in project activities is the main requirement in the formation of meta-subject results of universal educational activities. The report draws attention to the peculiarities of the organization of project activities in the content of curricula and textbooks on the subject «Tatar language» for educational organizations of the Republic of Bashkortostan. The textbooks are intended for use in grades 1–4 and 5–9 in general education schools with the Russian language of instruction.

Key words: Tatar language, textbooks, training program, project activities, meta-subject results, universal educational actions.

Мәгариф системасындагы үзгәрешләр, укыту процессын оештыруга куелган яңа таләпләр белем бирүне оештыру белән бергә укыту программасын үзләштерү

нәтижеләрен тикшерү формалары, ысуллары һәм эчтәлегенә дә кагыла. Башлангыч гомуми белем бирүнең федераль дәүләт стандартларында «рухи-әхлакый үсешнең планлаштырылган нәтижеләренә ирешүне бәяләү, башлангыч гомуми белем бирүнең программасын үзләштерү процессында бер-берсен тулыландыра торган төрле ысуллар һәм формалар (стандартлаштырылган язма һәм телдән эшләр, проектлар, гамәли эшләр, ижади эшләр, үзанаһиз һәм үзбәя, күзәтүләр һ.б.) кулланылырга тиеш», дип билгеләнгән [9: 21]. Ә инде төп гомуми белем бирү программасын үзләштерү нәтижеләрен йомгаклап бәяләгәндә, «проект эшчәнлеген башкару күнекмәләрен формалаштыру һәм укуы-гамәли һәм укуы-таныш белү бурычларын хәл итүгә сәләтлелек исәпкә алынырга тиеш» [10: 20]. Бу таләпләрне, әлбәттә, туган тел буларак татар телен укуытуда да исәпкә алу кирәк.

Татар телен укуытуда укучыларның белемнәрен тикшерү гадәттәгечә төрле диктантлар, изложение, сочинение һәм грамматик биремнәрне үтәү нигезендә башкарылган булса, хәзер инде тест сорауларына җавап бирү, диалог яки монологик сөйләм төзү, проектлар башкару кебек ысуллар да актив кулланыла башлады. Болар Башкортстан Республикасында рус телендә укуы алып барылган гомуми белем бирү оешмаларында татар телен өйрәтү өчен төзелгән Үрнәк программаларында һәм уку әсбапларында да чагылыш тапты. Әлеге мәкалә кысаларында проект эшчәнлеген оештыруга кагылышлы мәсьәләләрен ачыклап үтәбез.

Башкортстан Республикасында рус телендә укуы алып барылган гомуми белем бирү оешмаларында татар телен өйрәтү өчен төзелгән Үрнәк программаларда һәр сыйныф өчен проектлар күләме, тематик юнәлеше, бәяләү критерийлары билгеләнде. Мәсәлән, башлангыч сыйныфларда уку елына икешәр проект эшен башкару тәкъдим ителә: 1 нче сыйныфта – «Йорт хайваннары һәм кошлары», «Башкортстандагы кыргый хайваннар һәм кошлар»; 2 нче сыйныфта – «Татар һәм башкорт телләрендә ялгызлык исемнәр», «Безнең гаиләдә милли ризыклар»; 3 нче сыйныфта – «Саннар төрле телләрдә», «Туган жиремдә милли бәйрәмнәр»; 4 нче сыйныфта – «Төрле телләрдә кешенең холкын сыйфатлаучы сүзләр», «Китап – белем чышмәсе». Темаларыннан ук күренгәнчә, проектлар жирлек үзенчәлекләрен искә алып, теге яки бу лингвистик күренешнең берничә телдә чагылышы турында беренчел күзәтүләр ясап, нәтижеләр ясарга мөмкиннәр. Әлбәттә, һәр сыйныфта укучыларның яшь һәм шәхси үзенчәлекләре искә алына, укучылар үти алырлык таләпләр куела.

Уку әсбапларының авторлары да проектны башкару өчен төгәл, анык сораулар, биремнәр һәм күрсәтмәләр, иллюстратив һәм ярдәмче материаллар тәкъдим ителәр. Мәсәлән, 1 нче сыйныфта «Йорт хайваннары һәм кошлары» проектын башкару өчен 4 сорау бирелә (Сиңа нинди йорт хайваны яки кошы ошый? Сиңең йортта нинди хайван яки кош бар? Ул нишли? Нәрсә ярата?), аларга җавап язарга һәм фотосурәткә төшерергә [1: 140]. 2 нче сыйныфта тәкъдим ителгән «Исемен матур, кемнәр куйган?» проектын башкару өчен беренче эзерлек өчен мәгълүмат һәм эш бирелгән: 1) Рәмзәнә Абуталипованың исем кушу турындагы ике дуртбүллек белән танышу; 2) шигырь буенча сорауларга җавап бирү; 3) Автор турында белешмә; 4) Гомәр Саттаровның кеше исемнәре турында әйтелгән фикере; 5) галим турында белешмә; 6) сүзлек эше. Проектны башкару өчен түбәндәге сораулар һәм биремнәр тәкъдим ителә: 1) Сиңең исемен ничек? 2) Ул исемне сиңа кем кушкан? 3) Исем сайлаганда, эти-әниен әби-бабаң нәрсәгә (аның мәгънәсенә, матур яңгырашына, әсәр яки фильм герое хөрмәтенә, башка сәбәп) нигезләгән? 4) Сиңең исеменң мәгънәсе нинди? 5) Исемен кайдан килеп чыккан? 6) Сиңа нинди исемнәр ошый? [2: 115–117]. 3 нче сыйныфта тәкъдим ителгән «Саннар төрле телләрдә» дигән проектны башкару өчен укучылар жирәбә нигезендә 2 төркемгә бүленәләр (1) һинд-европа телләре, 2) төрки телләр), төркемдәге бала һәр бала тагын жирәбә буенча бер телне сайлап ала, шул телдә 10 га кадәр саннары укырга өйрәнә яки ятлый. Шунан һәр төркем саннарын тамырларын чагыштыру, тәңгәлләштерүләр нигезендә нәтижә ясы [3: 116]. 4 нче сыйныф өчен уку кулланмасын төзүчеләр шулай ук бик кызыклы биремнәр белән «Төрле телләрдә кешенең холкын сыйфатлаучы сүзләр» дигән проект эшкәртмәсен урнаштырганнар: 1) Төрле телләрдә кешенең холкын сыйфатлаучы сүзләр белән таныш, тәржемә ит (сүзләр я татар, я башкорт, я рус телләрендә бирелгән: *скромный, уңган, хәйләкәр, упрямый, тәртинһез* һ.б.). 2) Татар, башкорт, рус әкиятләрен исеңә төшер, исемнәрен таблицага тутыр. Әкият геройларын яз. 3) Үрнәктәгечә, бер әкият

героен сурәтлә. 4) Үзең яраткан әкият героен турында кечкенә хикәя төзеп яз. Хикәяңдә сыйфатлар куллан [4: 102]. Шулай итеп, әлеге проект эшкәртмәләре нигезендә укучыларның лингвистик, коммуникатив һәм этномәдәни компетенцияләрен формалаштыру мөмкинлеген һәм предмет, метапредмет, шәхскә кагылышлы нәтижеләргә ирешү мөмкинлеген күзаллап була.

Төп гомуми белем бирү баскычында татар телен укыту программасында тәкъдим ителгән проектлар туган як әдәбияты һәм федераль реестрга кергән әдәбият дәреслекләрендә булган әсәрләр буенча планлаштырылды. Бу проектлар нигездә төрле жанрга караган халык авыз ижаты әсәрләреннән, әдәби һәм тарихи вакыйгаларны яктырткан текстлардан милли-мәдәни эчтәлеккә берәмлекләренә табу, аларның мәгънәләрен төрле сүзлекләр ярдәмендә аңлату, милли-мәдәни белем һәм осталыкларны үстерү максатында тикшеренү эшләрен башкаруга юнәлтелгәннәр.

8 нче сыйныфта беренче проект түбәндәге биремнәренә үтәүдән тора: 1) «Сөембикә бәете»нән өзекне танырга, әдәбият дәреслегеннән тулысынча укып чыгарга. 2) Әсәренң жанрын билгеләүче сыйфатларны язарга. 3) Рус халык ижаты белән чагыштыру. 4) Бирелгән өзектән төп геройны ачыклаган сүзләренә язып куярга. 5) Атым, затым, морза сүзләренң лексик мәгънәсен ачыкларга. 6) Сөембикә белән бәйлә риваять һәм чынбарлыкны ачыклау. 7) Сөембикә исеме белән йөртелгән башка объектларны барлау. 8) Сөембикәгә багышланган жырлар, шигырьләр табып язарга һ.б. [8: 18]. 8 нче сыйныфтагы башка бер проект М. Мәһдиев әсәрләрендәге такмаклар белән бәйлә [8: 46].

9 нчы сыйныф авторлары Башкортстан шагыйрьләре һәм язучылары исемлеген биреп, берсен сайлап алып тормышы һәм ижаты турында чыгыш эзерләү, Ш. Хөсәеновның «Әниемнң ак күлмәге» әсәрен сәхнәләштерү белән бәйлә проектлар тәкъдим ителәр [9: 58, 83].

Татар телен өйрәтүнең инновацион технологияләре арасында да проектлар методлары аерым урын алды. Бу метод буенча эшләгәндә, укучылар актив рәвештә уйлау-фикерләү эшчәнлегенә тартылалар, проект эшен башкару программаны үзләштерүнең, укытуның планлаштырылган һәм предмет, һәм метапредмет, һәм шәхскә кагылышлы нәтижеләренә ирешүгә нигез булып тора.

Укучыларның проект эшчәнлегендә катнашуы – метапредмет универсаль уку гамәлләре формалаштыруның шарты. Мәгълүмат белән эшләү күнекмәләренә ия булуы укучыларга текст белән эшләргә, андагы мәгълүматны системалаштырырга, чагыштырырга, анализларга, гомумиләштерергә, иң мөһим өлешен күрә белергә, план төзәргә, мәгълүматны диаграммаларда, схемаларда, терәк конспектларда күрсәтергә ярдәм итә. Проект эшчәнлегендә алган күнекмәләр укучыларның мөстәкыйльлеген арттырырга булыша, инициативалы, жаваплы булырга өйрәтә, гадәти булмаган шартлардан уңышлы чыгу юлларын күрсәтә.

ӘДӘБИЯТ

1. Татар теле: 1 нче сыйныф. Башкортстан Республикасында укыту рус телендә алып барылган гомуми белем бирү оешмаларында татар телен өйрәтү өчен уку кулланмасы / Н. А. Мөкимова, В. Ә. Садыкова, И. Р. Сәмигуллина. – Уфа: Китап, 2021. – 168 б.;

2. Татар теле: 2 нче сыйныф. Башкортстан Республикасында укыту рус телендә алып барылган гомуми белем бирү оешмаларында татар телен өйрәтү өчен уку кулланмасы / Н. Ә. Мөкимова, В. Ә. Садыкова, Р. К. Гафарова, Г. Н. Гаскәрова. – Уфа: Китап, 2021. – 208 б.;

3. Татар теле: 3 нче сыйныф. Башкортстан Республикасында укыту рус телендә алып барылган гомуми белем бирү оешмаларында татар телен өйрәтү өчен уку кулланмасы / Н. Ә. Мөкимова, В. Ә. Садыкова, И. Р. Сәмигуллина, Р. В. Раянова, Р. Т. Галиева. – Уфа: Китап, 2021. – 168 б.;

4. Татар теле: 4 нче сыйныф. Башкортстан Республикасында укыту рус телендә алып барылган гомуми белем бирү оешмаларында татар телен өйрәтү өчен уку кулланмасы / Н. Ә. Мөкимова, Р. Т. Галиева, Ә. Г. Биккулова, В. Ә. Садыкова. – Уфа: Китап, 2021. – 192 б.

5. Татар теле: 5 нче сыйныф: Башкортстан Республикасында укыту рус телендә алып барылган гомуми белем бирү оешмаларында татар телен өйрәтү өчен уку кулланмасы / И. С. Насипов, Р. Р. Гәрәева, З. Г. Нурисламова, Л. И. Фәтәхова. – Уфа: Китап, 2021. – 224 б.

6. Татар теле: 6 нче сыйныф: Башкортстан Республикасында укыту рус телендә алып барылган гомуми белем бирү оешмаларында татар телен өйрәтү өчен уку кулланмасы / И. С. Насипов, Р. Р. Гәрәева, А. Г. Халиуллина, З. Я. Мансурова, Ә. Р. Әсләмова. – Уфа: Китап, 2021. – 176 б.

7. Татар теле: 7 нче сыйныф: Башкортстан Республикасында укыту рус телендә алып барылган гомуми белем бирү оешмаларында татар телен өйрәтү өчен уку кулланмасы / И. С. Насипов, Р. Р. Гәрәева, И. Г. Ахунова, Р. Ф. Галимжанова, Ә. Р. Мөхәммәтжанова. – Уфа: Китап, 2021. – 232 б.

8. Татар теле: 8 нче сыйныф. Башкортстан Республикасында укыту рус телендә алып барылган гомуми белем биру оешмаларында татар телен өйрәтү өчен уку кулланмасы / И. С. Насипов, Н. Ә. Мөкимова, Р. Т. Галиева, С. Р. Ишмөхәмәтова, Г. Б. Корбанова. – Уфа: Китап, 2021. – 136 б.

9. Татар теле: 9 нчы сыйныф. Башкортстан Республикасында укыту рус телендә алып барылган гомуми белем биру оешмаларында татар телен өйрәтү өчен уку кулланмасы / И. С. Насипов, Н. Ә. Мөкимова, И. С. Мансуров, Г. Н. Мансурова. – Уфа: Китап, 2021. – 176 б.

9. Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования (в ред. приказов Минобрнауки России от 26.11.2010 № 1241, от 22.09.2011 № 2357). Режим доступа: URL: <https://fgos.ru/> (14.04.2021).

10. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования (в ред. Приказа Минобрнауки России от 29.12.2014 № 1644). Режим доступа: URL: <https://fgos.ru/> (14.04.2021).

УДК 398

ПОЭТИКА МУНАДЖАТОВ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Р. К. Садыкова

ОГБПОУ «Ульяновский колледж градостроительства и права» (Ульяновск)

В статье дается сравнительно-типологический анализ одного из распространенных лиро-эпических жанров татарского фольклора, как мунаджат. Впервые приводятся статистические данные об общем количестве произведений данного жанра в Ульяновской области и о количестве по тематическим группам. Изучаются поэтические особенности мунаджатов данной местности. Среди произведений данного жанра выделяется еще одна тематическая группа мунаджатов, посвященных хозяину дома, устроившего религиозное застолье, то есть мунаджаты-пожелания. В существующей классификации мунаджатов эта группа учеными-фольклористами не отмечена.

Ключевые слова: мунаджат, классификация, лексический состав, обучающий характер, поэтика.

This article contains comparative-typological analysis of munajat – one of the common lyric-epic genres of Tatar folklore. Statistical data regarding the number of works of this genre in Ulyanovsk region in aggregate, as well as separated into topical groups, is released for the first time. The article is dedicated to studying of munajat poetical features that are common to aforementioned area. This study highlights a separate group of munajats-wishes – topical munajats dedicated to an owner of a house who has arranged a religious feast. The group is not distinguished by folklore scientists in existing classification of munajats.

Key words: munajat, classification, vocabulary, instructional character, poetics.

Мунаджат – один из древнейших и популярных в народе жанров татарского фольклора. В Поволжье мунаджат известен как жанр духовной песни религиозно-дидактического содержания, предположительно возникший в городской просвещенной среде при знакомстве с аналогичным жанром поэзии Среднего Востока и, возможно, под влиянием суфизма. Мунаджаты известны как обращение к Творцу – Аллаху. Позже мунаджаты, получив распространение и в сельской среде, стали фольклорным жанром [3].

В татарской фольклористике существуют две классификации по тематике мунаджатов. Первая, более ранняя, представлена у Р. Ф. Ягъфарова [1: 20–22], в которой выделяются три тематические группы мунаджатов:

- 1) мунаджаты о разлуке с Родиной, родной землей;
- 2) мунаджаты о взаимоотношениях матери и ребенка;
- 3) мунаджаты о жизни и смерти.

Вторая классификация Ф. И. Урманчеева [2: 110–114] содержит четыре тематические группы:

- 1) мунаджаты о родной земле;
- 2) мунаджаты о матери и дитя;
- 3) мунаджаты о смерти и бессмертии;
- 4) мунаджаты, посвященные Аллаху и его пророкам.

Можно отметить, что Ф. И. Урманчеев лишь дополняет первую классификацию, вводя четвертую тематическую группу. Но, на наш взгляд, это очень существенное

дополнение, так как основную массу татарских мунаджатов составляют те из них, которые посвящены Аллаху и его пророкам, главным образом Мухаммеду.

Актуальность данной темы обусловлена необходимостью осмысления одного из самых популярных жанров татарского фольклора – мунаджатов через сравнительно-сопоставительный анализ текстов, собранных на территории Ульяновской области студентами национальных групп УлГПУ за 1993–2010 годы. Нами выявлено 112 текста. Из них 84 текста из Старокулаткинского района, остальные из Николаевского, Барышского, Чердаклинского, Цильнинского, Карсунского, Новомалыклинского районов, г. Ульяновска.

Если рассмотреть мунаджаты по темам, то произведения тематических групп о смерти и бессмертии составляют 42 текста, мунаджаты об Аллахе и его пророках – 39, о взаимоотношениях матери и дитя – 21 текст, о расставании с родными и Родиной – 10 текстов.

Такое соотношение текстов не случайно, этому способствовали ряд исторических процессов. Мунаджаты на протяжении XX столетия из-за религиозного компонента были запрещены. С распадом советской власти начинается бурный процесс духовного возрождения. Совершенно естественно, что этот процесс проник во все сферы жизни татар. Начиная уже с середины восьмидесятых годов, появляются научные работы, посвященные изучению мунаджатов. В 1983 году выходит в свет монографическое издание «Татарское народное творчество» [2], где дается первая классификация мунаджатов. Но в этой классификации не получила отражение одна из самых популярных групп произведений на сегодняшний день – мунаджаты, посвященные Аллаху и его пророкам. В настоящее время эти произведения составляют самостоятельную многочисленную группу.

Что касается мунаджатов о расставании с родными и Родиной, то расцвет этого цикла приходится на конец XIX – начало XX века, когда татарские крестьяне массово покидали свои родные края, семьи, уходя на заработки на Урал, в Баку, Сибирь и Донбасс, в голодном 1921 году вынуждены были уехать в Среднюю Азию, но потом с улучшением жизни в стране в жизни крестьян появилась стабильность, исчезла необходимость искать счастья в стороне. И такого рода мунаджаты перестали сочиняться.

Жанр мунаджатов не стоит на месте. Он развивается, появляются новые темы, новая функциональная направленность. Так, например, в ходе изучения мунаджатов Ульяновской области нами была выявлена тематическая группа, не освещенная ранее в научных трудах татарских фольклористов. Эту группу составляют мунаджаты, функция которых – выразить благодарность хозяину дома, собравшего гостей в своем доме на маджлис (застолье) и оказавшему им радушный прием и гостеприимство. Было проанализировано семь таких текстов из разных населенных пунктов Ульяновской области. Самый ранний из них относится к 2001 году.

Появление такого специфического цикла произведений можно объяснить тем, что в девяностые годы, вместе с возрождением духовности, люди получили возможность открыто проводить религиозные праздники, устраивать застолья (дини маджлис), куда обычно приглашаются уважаемые служители религии, которые читают молитвы, дают религиозные наставления, в конце гости часто исполняют мунаджаты.

По своему характеру мунаджаты этой группы перекликаются с пожеланиями (теләкләр), которые существуют как отдельный жанр татарского фольклора. Поэтические пожелания-поздравления есть и в детском фольклоре, в школьном, также они испокон веков сопровождают семейные (родильные, свадебные) и календарные (частушки-пожелания во время праздника Навруз, в День красного яйца) обряды. Но тексты пожеланий в мунаджатах создаются учитывая специфику этого жанра.

Рассматривая мунаджаты Ульяновской области, можно выявить специфические особенности в языке, показать образную систему произведений данного жанра.

Тематический состав мунаджатов о смерти и бессмертии весьма разнообразен. Мы условно разделили произведения на четыре группы: 1) раздумья о смерти; 2) назидания для людей размышляющих; 3) подготовка к ответу пред Всевышним; 4) жизнь – это лишь миг.

В мунаджатах, где на первый план выступают раздумья о смерти, татарские женщины поэтапно и подробно представляют весь процесс умирания и собственных похорон,

описывая это в поэтической форме («О болезни»). В мунаджате «О болезни» словом болезнь называется смерть (агония смерти). В произведении натуралистически от первого лица описывается весь обряд похорон. Этим преследуется определенная цель. Во-первых, утешить и подготовить всех к естественному концу, во-вторых, успокоить остающихся на этом свете родных.

Исполнительницы мунаджатов – престарелые женщины. Это период в жизни человека, когда происходит переоценка ценностей, когда одолевают мысли о смерти. Взгляд с высоты прожитых лет позволяет видеть смерть иначе. Хотелось бы многое изменить, исправить, но жизнь человека коротка («Не жить нам вечно в этом мире»). Звучат наставления близким. Смерть человека – это не только горечь разлуки с родными и близкими, но и новое рождение для жизни вечной, где так важно благоволение Всевышнего, ведь предстоит отчет («Как предстанем пред Всевышним?»), поэтому звучат в мунаджатах мольбы о прощении грехов, о милости Аллаха, мольбы о рае (жәннәт) («Агония смерти»).

Мунаджаты о смерти и бессмертии, так же, как и мунаджаты, посвященные Аллаху и его пророкам, построены в соответствии с религиозной философией, поэтому имеют специфическую лексику и образную систему. Для понимания тематической группы произведений из цикла «Смерть и бессмертие», где речь идет о Судном дне и наказании за грехи, совершенные человеком в земной жизни, необходимо также знать и об обрядах религиозной практики мусульман. Это такие как, «садака» – милостыня, «намаз» – пятикратная ежедневная молитва, «сәннәт тоту» – следование жизненному примеру пророка Мухаммада (сунна) и другие.

В этих произведениях красной нитью проходит мысль о необходимости совершения праведных дел, чтобы обрести благоволение, довольство Аллаха («Мунаджат сестры о намазе»). Функция таких произведений не только моральная подготовка человека к испытаниям загробной жизни, но и прививание высококонрастных качеств, призыв не только к исполнению религиозной практики, но и к укреплению религиозного духа, так необходимого для обоих миров. Большую роль здесь играют художественно-выразительные средства, как противопоставления (*молодость – старость – силы – бессилие*), сравнения (волосы *черные как шелк*), олицетворение (*распроцалась со мной молодость*), метафоры (*седина – выпавший снег, жизнь – быстротечная река*) и другие.

В ходе анализа мы установили, что по характеру повествования, образной системе, языку эти произведения очень близки к религиозно-философским мунаджатам, но темы и идеи этих произведений отличаются. Если мунаджаты об Аллахе повествуют о величии Творца, знакомит нас со святыми пророками, учит основам религии, то данная группа повествует об определении жизненных ценностей человека, их центральная идея – поиск смысла жизни и обретение умиротворения в обоих мирах.

Среди ученых-фольклористов цикл мунаджатов, посвященных Аллаху и его пророкам, носит условное название «Мунаджаты религиозного характера». В этом цикле речь идет об основополагающих столпах ислама, его постулатах, воспеваются вера-иман, Аллах как создатель всего сущего, мироздания и венца творения – человека. В основу повествования часто берутся образы, взятые из Корана. Это образы пророков, ангелов, райская река Каусар и другие.

Многие мунаджаты носят обучающий характер, пропагандируя те или иные положения священного Корана («Молитва для души»). «О Аллах», «Господь мой, взываю к тебе», «С именем Аллаха на устах», «Проснитесь мои очи», «Совершай намаз» и другие мунаджаты определяют, наряду с обучением азам религии, и нравственно-моральные устои татарского народа, осуждают дурнословие, жадность, беспечность. Смирение и скромность, усмирение страстей, терпение, исполнительность – такие морально-волевые качества воспеваются в религиозных мунаджатах. Мунаджаты, посвященные Аллаху и его пророкам в целом имеют информационный характер. По этой причине их образная система очень скудна, выразительно-экспрессивные средства практически не используются. Они заменяются религиозными мотивами и специфической лексикой.

Тоска по Родине, родным и близким, горе от утрат звучит в татарских мунаджатах о родной земле. Находясь на чужбине, вдали от родных и близких болит сердце человека. Чтобы унять эту боль, он взывает к Аллаху («Печаль»). Исполнительница полна воспо-

минаний о беззаботной юности в родительском доме. Молодость свою она олицетворяет в образах цветка, соловья, столь частые в народной лирике. В данном случае они служат для противопоставления счастья-несчастья. Этот прием – контраст – характерен и для баитов, песен, сказок. Преодолеть жизненный контраст, смягчить боль разлуки помогает лишь терпение («Мунаджат о терпении»). Человек, покинувший родной край, воплощается через образ одинокого соловья (*аерылган былбыл*), для которого и запах, и вода на чужбине теряют вкус («Рассталась я с Родиной»). Яркая экспрессия создает особый психологизм («Мунаджат о терпении», «Печаль»). В тяжелых думах о Родине возникает символический образ белого платья (*ак кулмак*), символизирующий белый саван.

Таким образом, мы видим, что трагизм, являющийся особенностью мунаджатов о родной земле, приобретает необычайную остроту. Исполнителя переполняет чувство одиночества и безмерной печали. Лишь вера во Всевышнего помогает жить, преодолевающая трудности, помогает верить и надеяться на встречу. В данной группе произведений используется яркая и эмоциональная образность, появляются традиционные в лирике образы *соловья, цветка*, используются образы-символы *белого савана, темного леса*. Широко используются художественно-выразительные средства: метафоры (*пожелтел мой лик, горит сердце*), эпитеты (*печальный голубь*), метонимия (*голова*, в значении «человек»), сравнительные обороты (человек, оторванный от родных, сравнивается с лепесточками дерева, сорванными ветром).

В мунаджатах, которые фольклористы объединяют в группу, называемую «Мать и дитя», показываются чувства оставшейся наедине со своими тяжелыми думами пожилой женщины. В них повествуется о сложных взаимоотношениях детей и престарелой матери: отсутствие внимания со стороны детей, боль разлуки, тяжелые думы об одинокой старости.

Большое количество мунаджатов этой тематической группы собраны по Ульяновской области. Среди представленных произведений о матери и дитя можно выделить несколько видов: 1) мунаджаты-завещания (васыятьнамэ); 2) мунаджаты о лишенной внимания и должного почета матери; 3) скорбь по умершей матери; 4) разлука с детьми; 5) смерть ребенка.

Язык мунаджатов-завещаний очень простой, мало художественных средств, встречаются лишь те, которые характеризуют жизнь в могиле (*в темной могиле, тесная могила*), душа матери, возвращающаяся к детям, передается образом *белого мотылька*. Такая скудность средств оправдана. Мунаджаты-завещания – это своего рода документ в стихотворной форме, передающий пожелания матери об исполнении традиционных обрядов по умершему. В другой группе произведений, где на первый план выступает одиночество пожилой матери при живых детях, лексика экспрессивна и очень эмоциональна («Молитва матери», «Материнская печаль», «Что же это?»). Красной нитью в этих произведениях проходит мотив материнской печали, обиды и горечи. Мать, подарившая жизнь своему ребенку, лишена внимания и должного почета с его стороны. В этих мунаджатах материнской ласке и нежности («Бала анага татлы» / «Ребенок дорог сердцу матери») противопоставляется черствость детей («Бала бэгыре каты икэн» / «Сердце ребенка черство и глухо к матери»). Но несмотря на обиду и чувство горечи, которые переполняют ее сердце, мать обращается к детям самыми сердечными, теплыми словами. Эти слова часто сопровождаются эпитетами «газиз» – милый, дорогой, «газиз-бэгырем» – сердце мое, «ике күземдэн кара алмам» – свет очей моих.

Следующая группа произведений представляет собой монолог дитя, скорбящего по матери. Дети, утратившие мать, льют безутешные слезы, вопрошают к Аллаху, чтобы он был милостив к их матери и просят его, чтобы он соединил их в райской обители. Эта группа мунаджатов проникнута чувством любви, благодарности и признательности матери, ушедшей в мир иной. Центральной является мысль о невосполнимом долге детей перед той, которая подарила им жизнь и, не жалея сил и здоровья, вырастила. Они просят прощения за обиды, пролитые слезы из-за них («Могила матери»). В мунаджатах «Сирота», «Мунаджат сироты» утрата матери остро переживается лирической героиней. Это передается яркими художественно-выразительными средствами, как метафоры: в душе моей вспыхнул огонь (*ут кабынды багыремэ*), горящее сердце (*яяган йөрэк*). Грусть и печаль героини настолько сильны, что вызывает сострадание соловья,

поющего у изголовья материнской могилы и одинокого дерева, грустящего вместе с ней. Как было уже замечено, это традиционные образы татарской лирики. Следующая группа произведений повествует о матери, которую судьба разлучает с детьми, и она живет одной лишь мыслью увидеть своего ненаглядного ребенка. Мунаджат «Материнское» восхищает красотой языка, богатой палитрой красок, изображением тончайших струнок тоскующей души. Яркая экспрессия достигается благодаря обилию художественно-выразительных средств: эпитетов – *сердце мое* («газиз бәгърем»), *белое молоко* матери («как сөтем»), сердце обливается *багровой* кровью («йөрәгемә кара каннар уралды»), пролила я много *красавых* слез («түгелеп бетте канлы яшем»); метафоров – *дитя* – *плод сердца* («бала – бәхер (лит. бәгырь) йомышы (лит. жимеше)»), *пожелтел светлый лик* от забот о детях («бала дәрте саргайтты ак йөземне»), *осенний ветер* («көзге жил») в значении горя и печали; сравнений – словно *высохшее дерево* («ботагы корыган агач тик калган»); метонимий – *бедные головы* («мескен башлар») в значении бедные матери («Не жди, мать»).

Таким образом, в мунаджатах о взаимоотношениях матери и дитя раскрываются различные грани этих непростых, как и сама жизнь, отношений.

По лексическому составу мунаджаты-пожелания хозяину дома, собравшего гостей на маджлис (застолье) и оказавшему им радушный прием и гостеприимство, очень близки к религиозно-философским мунаджатам, но совершенно новая функция этих произведений дает нам основание выделить их в отдельную группу. Это такие произведения, как «Последнее пожелание», «Мунаджат хозяину дома» и другие. В них произносится молитва (дога) о благоденствии, покое и здоровье хозяину дома, в котором проходит маджлис, и его семье. Некоторые произведения из этого цикла так и называются «Молитва», а также есть произведение с поэтическим названием «Гостеприимный дом подобен райской обители». В мунаджатах данного цикла воспеваются общеизвестное гостеприимство, радушие, с которым встречают гостей в татарских домах («Мунаджат хозяину дома»).

Наилучшим пожеланием для верующего человека является не только благоденствие в этом мире, но и в жизни вечной. Отсюда постоянная параллель: гостеприимный дом – райская обитель («кунак өе – жәннәт түре»). Произведения этой группы мунаджатов насыщены религиозной лексикой: «дога» (дева) – молитва, «иман нуры» – свет веры, «жәннәт хуры» – райский житель, «зикер-тәсбих» – молитвы-поминания Всевышнего, «ожмах, жәннәт» – рай. Слова благодарности переплетаются с прямыми обращениями к Аллаху («Последнее пожелание»): «О Аллах! Взываю к тебе, Помоги нам унаследовать рай».

Нужно отметить, что по религиозной этике не принято восхвалять, возвеличивать человека, поэтому в данных текстах мы не найдем описания внешности или каких-либо выдающихся качеств человека, к которому обращен мунаджат. Для сравнения возьмем величальные песни русского фольклора, где идеализируются внешность персонажа, его одежда, поступки и внешний мир. В мунаджатах хозяину дома воздается хвала, слава – только Всевышнему, который помогает своему рабу в добрых деяниях, и человек стремится к его благоволению, прося помощи и преуспевания в земных делах, прощения грехов и райской обители в мире ином. Эта концепция воплощена во многих мунаджатах. Исследуемая группа мунаджатов еще не отражена в классификациях фольклористов, но мы сделали попытку на основе сравнительно-сопоставительного анализа выявить специфику представленных произведений.

В заключении хочется сказать, что в ходе исследования удалось наиболее полно проанализировать поэтические особенности мунаджатов Ульяновской области в сравнительно-сопоставительном плане, так как ранее эта тема не получала такого глубокого освещения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Татар халык ыжаты. Бәетләр. – Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1983.
2. Энже чәчтем – энже жыям. Бәетләр, мөнәжәтләр. – Казан: Мәгариф, 2000. – 159 б.
3. Юнусова В. Музыкальные традиции праздника Мавлид у российских мусульман // URL: <http://portal-credo.ru>

ТАТАР ӘДӘБИЯТ БЕЛЕМЕНДӘ РЕГИОНАЛЬ ӘДӘБИЯТНЫ ӨЙРӘНҮ ТОРЫШЫ

Ф. С. Сайфулина

Казан (Идел буе) федераль университеты (Казан)

Представленная статья посвящена изучению татарской региональной литературы как одной из актуальных проблем татарского литературоведения. Особое внимание уделяется вопросу состояния изученности татарской литературы Тюменского края, как одного из Российских регионов, где сохранилась возможность развития национальной культуры и литературы. С открытием татарского отделения и соответствующей кафедры при ТГПИ им. Д. И. Менделеева, здесь сформировалось целое направление в изучении литературы, созданной местными литераторами. В конце XX – начале XXI в. изучению татарской литературы уделялось особое внимание. В результате деятельности литературоведов и молодых ученых региона проводилась целенаправленная работа по разностороннему изучению истории формирования, развития и современного состояния татарской литературы.

Ключевые слова: татарская литература, регионоведение, литература Тюменского региона.

The presented article is devoted to the study of Tatar regional literature as one of the topical problems of Tatar literary criticism. Special attention is paid to the issue of the state of study of the Tatar literature of the Tyumen Territory, as one of the Russian regions, where the possibility of the development of national culture and literature has been preserved. With the opening of the Tatar branch and the corresponding department, a whole direction was formed here in the study of literature created by local literary forces. In the late XX – early XXI centuries. special attention was paid to the study of Tatar literature. As a result of the activities of Tatar literary critics and young scientists of the region, purposeful work was carried out on a comprehensive study of the history of the formation, development and current state of Tatar literature.

Key words: Tatar literature, regional studies, literature of the Tyumen region.

XX гасыр ахыры – XXI йөзгә башы татар әдәбият белеме үсеше турында сөйләгәндә – аерым регионнарда ижат ителгән әдәбиятны фәнни өйрәнү юнәлешен актуаль мәсәләләрнең берсе буларак аерып чыгарырга мөмкин. Әлеге тенденциянең аеруча 1990 елларда илдә барган катлаулы үзгәрешләр нәтижәсендә аерым бер активлык белән үсә башлавын билгеләп үтә алабыз. Күрсәтелгән проблема буенча фәнни эзләнүләрнең төп сәбәпләренә берсе буларак – XX гасырның 90 нчы елларында милли хәрәкәтнең активлашуы, әлеге хәрәкәтнең татар халкының үз тарихына, теленә, мәдәниятенә, шул исәптән әдәбиятына да, игътибары көчәюе белән аңлатыла. Бу юнәлештә олы нәтижәле эшнә берсе буларак – Татарстаннан читтәге төбәкләрдә югары уку йортларында (Мәскәү дәүләт педагогия университеты, Башкорт дәүләт университеты, Башкорт дәүләт педагогия институты, Төмән дәүләт университеты, Д. И. Менделеев исемендәге Тобол дәүләт педагогия институты, И. Н. Ульянов исемендәге Ульянов дәүләт педагогия институты) татар бүлекләре ачылу һәм аларда татар филологиясе яки педагогик белем бирү юнәлешләрендә татар теле һәм әдәбияты белгечләре эзрли башлауны күрсәтергә мөмкин. Милли белем һәм тәрбия бирүгә юнәлдерелгән яңа кафедралар ачылу исә әлеге төбәкләрдә югары белемгә фәнни кадрларның да туплануына китерде. Нәтижәдә, төбәкләрдәге милли кафедралар – телне, жирле фольклорны һәм әдәбиятны фәнни нигездә өйрәнүнең үзәкләренә әверелде.

Белгәнәбезчә, татар халкы тарихи яктан караганда, географик рельефы, табигате, көнкүреше, яшәү шартлары белән бер-берсеннән аерылып торган төрле регионнарда гомер итә. Милли белем бирү системасы, телне, мәдәниятны саклау һәм үстерү өчен шартлары булган төбәкләрдә аерым географик жирлектә ижат ителеп, үзенә генә хас уникаль сыйфатларны чагылдырган төбәк әдәбияты формалаша. Һәр төбәкнең әдәби мирасы гомумилли әдәбиятның кабатланмас, үзенчәлекле, оригинал бер өлешен тәзи. Татар әдәбиятының байлыгын, төрлелеген дә, шул исәптән, регионнарда ижат ителгән әдәбият та тәэмин итә.

Әдәбият белемендә региональ әдәбият «язучыларның аерым жирлекне (гадәттә, авыл жирлеге) һәм бу жирлектә яшәүче кешеләрне сурәтләүгә игътибарны юнәлткән әсәрләрнең бердәмлеге» [1: 864] буларак тәкъдим ителә. Галимнәр «матур әдәбиятта аерым бер урынчылыкка, өлкәгә генә хас булган милли яшәешне, табигать сурәтен, тел үзенчәлекләрен» янадан тудыруга омылган «жирле колорит» төшенчәсен дә алдагысына синоним буларак кулланалар [2: 217]. Әлеге ике терминны төп билге – аерым урынны географик һәм социаль яктан сыйфатлау уртаклыгы берләштерә. Әдәбиятта жирле халыкның тарихы, яшәү рәвеше, табигый тормыш шартлары, гореф-гадәтләр, башка милләтләр белән аралашып яшәү нәтижәсендә формалашкан геройларның үзенчәлекле характер-холкы чагылыш таба.

Гомуммилли әдәбият тарихы галимнәр тарафыннан төрле яклап, тарихи өзлеклекләр төп жентекле өйрәнелгән булса, аерым төбәкләрдә ижат ителгән әдәбият үрнәкләре үзенчәлекләрен тикшерү, нигездә, XX гасырның соңгы чирегендә актуальләште. Әдәби белем бирү системасында региональ компонентка йөз тоту, бу юнәлешкә игътибар көчәю, әдәби әсәргә яңача якын килү таләбе куелу – әлеге эзләнүләрнең әһәмиятен тагын да арттырды. XX гасыр ахыры – XXI йөз башыда региональ әдәбиятны гыйльми күзаллауны киңәйтү максатын билгеләп оештырылган фәнни-гамәли конференцияләр дә, замана соравы буларак кабул ителеп, галимнәрнең бу юнәлештәге эшчәнлеген активлаштырды.

Үз вакытында «әдәби перифериядән» – Россия төбәкләреннән чыгып, милли әдәбият тарихына үз исемен алтын хәрәфләр белән язып калдырган әдипләр аз түгел. Башкортостан, Пенза, Саратов, Ростов-Дон, Сембер, Оренбург, Себер төбәкләре татар сүз сәнгәтенә Шәмсетдин Зәки, Муса Акъегетзадә, Заһир Бигиев, Шәехзадә Бабич, Дәрдемәнд, Сәгыйть Рәмиев, Мәжит Гафури, Мирхәйдәр Фәйзи, Галимжан Ибраһимов, Фәтхи Бурнаш, Гадел Кутуй, Мирсәй Әмир, Фатих Кәрим, Муса Жәлил һ.б. талантларны бирде. «Соңгы елларда татар әдәбиятының, нигездә, Татарстанда һәм Башкортостанның татар районнарында туып-үсеп, милли белем алган һәм әдәби-тарихи шартларда формалашкан язучылар исәбенә генә баюы, һәм, киресенчә, регионнарда килеп кушылган әдәби үрнәкләрнең елдан-ел азия баруы, үзәктән читтә яшәп, милли әдәбиятны баутуга үз өлешләрнең керткән төбәк әдәбиятын фәнни өйрәнүнең зарурлыгын һәм актуальлеген раслый. Төбәк әдәбиятларына игътибарлы булу, аны үстерү өчен шартлар булдыру, бу әдәби мирасны гомуми әдәби барыш кысаларында өйрәнү, идея-эстетик кыйммәттен ачыклап, әдәби процесста аның тоткан урынын билгеләү – татар әдәбият белеменең әһәмиятле юнәлешләрненнән берсе» [3: 72–91].

Региональ әдәбиятны системалы рәвештә өйрәнү, безнеңчә, Төмән төбәге әдәбиятын өйрәнү юнәлешендә булды, дип ышанып әйтә алабыз.

Д. И. Менделев исемендәге Тобол дәүләт педагогия институтында татар мәктәпләре өчен татар теле һәм әдәбияты белгечләре әзерләүче татар бүлегә XX гасырның урталарында ике дистәгә якын ел эшләп килә. 1990 еллардагы милли күтәрелеш тәэсирендә әлеге уку йортында янадан татар бүлегә оеша, берничә елдан Институтның тулы хокуклы структурасы буларак, аерым кафедра (татар теле, әдәбияты һәм уку методикалары кафедрасы) формалаша һәм йөз еллык тарихы булган әлеге уку йортының елъязмасына үзенең асыл тарихын яза башлый. Кафедра эшчәнлегенә ин зур нәтижәсе буларак, XXI гасыр башында Институт каршында татар теле һәм әдәбияты буенча югары квалификацияле белгечләре әзерләү өчен кандидатлык һәм докторлык диссертацияләре яклау Советы ачылуын атарга мөмкин. 12 елга якын эшләп килгән әлеге диссертация советы эшчәнлеге – регион өчен югары квалификацияле кадрлар әзерләүдә яңа адым буларак бәяләнәргә хаклы.

Өлбәттә, региональ әдәбият гомумататар әдәбиятның бер өлеше буларак, гомуми нигездә үсә. Ләкин әһәмиятле булганы шул: «Себер якларында ижат ителгән әдәбият, беренче чиратта, гомумтатар әдәбиятынан аермалы буларак, үзенә генә хас аерым мотивлар аша ачыклана. Шуларның берсе – ау һәм аучы мотивы» [4: 135–142]. Себер жирлегендә яшәгән татар халкының үзенә генә хас фольклор мотивлары да региональ әдәбиятның үзенчәлеген тәшкил итә [5: 136–142]. Шунуң белән бергә, төбәк әдәбияты – себер татарларының психологик портретын, яшәеше кануннарын, әйләнә-тирәгә, аеруча табигатькә мөнәсәбәтән күрсәтүе ягыннан әһәмиятле. Халык ижаты жәүһәрләре, төбәкнең бай тарихы һәм шәхесләре, кабатланмас мифологиясе дә әлеге жирлектә ижат ителгән әсәрләрдә урын алган дөнья сурәтен баетып килә. Шулу вакытта, аерым гео-

график жирлектә язылып, шушы төбәк әдәбиятына гына хас булган уникаль сыйфатлар белән характерланган әсәрләр бербөтенне тәшкит итүче гомуммилли татар әдәбиятының кабатланмас, үзенчәлекле бер өлеше булып тора.

Сүз сәнгатенен нигезе булган туган телне саклау мәсьәләсе регионда бу проблеманың куелышын кискенләштерде. Фәнни конференцияләр оештыру – «Сөләйманов укулары», «Зәнкийев укулары» – фәнни эзләнүләрнең көн кадагына куелышын актуальләштерә, өзлекле рәвештә эзләнүләр алып барырга этәреш тә ясый. Соңгы 3 дистә еллар буена үткәрелеп барылган әлеге конференцияләр – киң географик таралу алды, Төмән төбәге мәдәниятын өйрәнүнең бер бренды дәрәжәсенә күтәрелде.

Нәтижәдә, дистә елга якын вакыт эчендә Төмән өлкәсе татарларының телен, мәдәниятен, шул исәптән әдәби казанышларын да, тикшерүгә багышланган диссертацияләр язылды, житди монографик хезмәтләр дөнья күрдә. Әлеге юнәлештәге эзләнүләрне күзалласак, 2005 еллардан башлап, шактый өзлекле, нәтижәле эш алып барылган булуына инанабыз. Әлеге эшләрнең беренчеләре – мәдәни үзәгебез – Казан галимнәре житәкчелегендә башкарылган булуы да әһәмиятле.

Шундыйлардан, Гүзәл Муллачанованың «Себер регионы (1990–2005) татар поэзиясендә әдәби дөнья» [6: 27] (2006, фәнни житәкчесе – проф. Д. Ф. Заһидуллина) Казан университеты диссертация советында яклана; диссертация Төмән төбәк әдәбиятының поэзия жанрын замана татар шигърияте кысаларында өйрәнүне максат итеп куя.

Галәмова Гөлшат Сәйфетдин кызының «XX гасыр татар прозасында Себер темасы чагылышы» [7: 18] (2006, фәнни житәкчесе – проф. Ф. М. Мусин) диссертациясе төбәк яшәешенен, шушы төбәктә формалашкан шәхесләрнең татар әдәбиятында бирелеше кебек кызыклы, яңа теманы ачуга багышланган.

Әлеге хезмәт белән бер үк елда Фәезова Лилия Харис кызы тарафыннан башкарылган «Себер-татар шагыйре Ш. Гаделша ижаты үзенчәлекләре» [8: 18] (2006, фәнни житәкчесе – проф. Ф. З. Яхин) хезмәте, исемненн күренгәнчә, себер татарларынан чыгып, гомерен Казанда кичерсә дә, үзенә генә хас бик үзенчәлекле ижат стилиен формалаштырган шагыйрь ижатын монографик аспектта өйрәнүгә багышланган.

«Тобол шагыйре һәмдәми һәм аның “Нәсыйхәтнама” әсәре» [9: 18] (2007, фәнни житәкчесе – проф. Ф. З. Яхин) дип аталган диссертация Талипова Гөлфия Марат кызы тарафыннан 2007 елда яклана. Төрле экспедицияләрдә табылган әлеге әсәрнең Тобол шагыйре тарафыннан язылуын фәнни нигездә раслауга багышланган хезмәт – себер татарлары мәдәни тарихын тирәннәрәк күзалларга ярдәм итә.

Әлеге мәкалә авторының «Төмән регионы татар әдәбиятының формалашуы һәм үсеше» темасына язылган докторлык диссертациясе [10: 50] (2008, фәнни консультанты – проф. Т. Н. Галиуллин) – төбәктә яшәп, күпеллык эзләнүләрнең нәтижәсе булып тора. Халык ижаты әсәрләрненн башлап, регион әдәбиятын тарихи аспектта өйрәнү һәм бәяләүне тормышка ашырган әлеге фәнни хезмәт – Төмән төбәге әдәбиятын татар әдәбияты тарихы кысаларында өйрәнәп, киң аспектта өйрәнү һәм ачуга юнәлдерелгән.

Ташкеева Гөлсинә Хәлиловнаның «Якуб Зәнкийев романында мифологик һәм фольклор мотивлары» [11: 23] (2009, фәнни житәкчесе – проф. Ф. С. Сәйфуллина) хезмәте темада күрсәтелгән мәсәләгә аерым игътибар итеп, әлеге үзенчәлекнең романның идея-эстетик әһәмиятен ачуга юнәлдерелгән булуын ачыклаудан гыйбарәт.

Себер татарлары арасынан чыгып, киң катлам укучыларга танылган прозаик Я. Зәнкийев эшчәнлегенә тагын бер юнәлешен өйрәнүне максат итеп куйган диссертация – «Якуб Зәнкийевның әдәби-публицистик эшчәнлеге» [12: 23] (2009, фәнни житәкчесе – проф. Ф. С. Сәйфуллина) Кирамова Халидә Халидулла кызы тарафыннан башкарыла. Вакытлы матбугатта өч йөзгә якын мәкаләләре дөнья күргән шәхеснең әлеге юнәлештәге эшчәнлеге дә үз вакытында тикшерелүе һәм бәяләүне куанычлы.

Жирле әдәбиятның аерым үзенчәлекләре, әдәби әсәрнең үзгендә торучы геройның чагылышы асылын ачыклауга юнәлдерелгән хезмәт буларак Бабшанова Гөлнур Нурғали кызының «XX гасыр себер-татар язучылары Зәнкийев Я. К., Сөләйманов Б. В. прозасында шәхеснең әдәби концепциясе» [13: 22] (2009, фәнни житәкчесе – проф. Х. С. Шагбанова) диссертациясе дә әһәмиятле.

Шул рәвешле, әлеге күзәтүләр дә Төмән регионы татар әдәбияты үсеше торышы, әдәби хәрәкәтне шактый киң аспектта, төрле яклап өйрәнелгән булуын раслый. Әлбәттә,

элегә фәнни эзләнүләр региональ әдәбиятның үсеш перспективаларын да билгеләргә мөмкинлек бирә.

Фикерне төгәлләгәнче тагын шуны да искәртә алабыз: аерым регионнарда татар әдәбияты торышын күзаллаганда, Башкортостан төбәгендә татар әдәбиятының бүгенгә көндә дә актив үсүе күзгә ташлана. Республикада татар телендә матбугат басмалары, нәшрияты булуы, бүгенгә көндә дә алда аталган вузлардан нәкъ менә Башкортостан югары уку йортында (Акмулла исем. БДПУ) татар бүлегә, кафедра эшчәнлегә дәвам итүе – уңай күрсәткеч. Шулай булуга карамастан Башкортостан Республикасындагы татар әдәби хәрәкәтенен, аерым язучылары ижатыны монографик планда актив өйрәнелә дип әйтә алмыйбыз. Соңгы елда гына төбәктәге татар әдәбияты торышын чагылдырган һәм аерым шагыйрьләр ижаты мисалында региональ үзенчәлекне билгеләүгә юнәлдерелгән күләмле фәнни хезмәтнең күренә башлавы куанычлы күренеш. Шундыйларның беренчеләреннән – Латыпова Алсу Вәкил кызының «Башкортстанда замана татар поэзиясе торышы: милли дөнья картинасы һәм жанрлар парадигмасы» диссертациясен [14: 23] (2021, фәнни житәкчесе – проф. Ф. С. Сәйфуллина) билгеләп үтергә мөмкин.

Әлбәттә, регионнарда киләчәктә дә әдәби хәрәкәт тукталмас һәм аны баяләүче галимнәр эшчәнлегә дәвам итер дигән өмет-теләктә калабыз.

ӘДӘБИЯТ

1. Николокин А. Н. Региональная литература // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А. Н. Николюкина. – М., 2001. – 1600 с.
2. Вентцель Т. В. Местный колорит // Литературный энциклопедический словарь / Под общ. ред. В. М. Коженикова и П. А. Николаева. – М., 1987. – 750 с.
3. Сәйфуллина Ф. С., Талипова Г. В. Себер төбәге татар әдәбиятында дөнья сурәте // Tatarika. – 2016. – № 10. – С. 72–91.
4. Сайфуллина Ф. С. Трансформация национального образа мира в творчестве современных поэтов Сибири // Ученые записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки, 2007. – Т. 149, кн. 4. – С. 135–142.
5. Ташкеева Г. Х., Сайфуллина Ф. С. Фольклорные и мифологические мотивы в романе сибирско-татарского писателя Якуба Занкиева «Зори Иртыша» // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. – № 30 (168). – Вып. 35. – С. 136–142.
6. Муллачанова Г. Художественный мир татарской поэзии Сибирского региона (1990–2005): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 2006. – 27 с.
7. Галямова Г. Отражение темы Сибири в татарской прозе второй половины XX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тобольск, 2006. – 18 с.
8. Фаизова Л. Х. Особенности творчества сибирско-татарского поэта Ш. Гадельши: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тобольск, 2006. – 24 с.
9. Талипова Г. М. Тобольский поэт Амдами и его книга наставлений «Насихатнам»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 2007. – 22 с.
10. Сайфуллина Ф. С. Формирование и развитие татарской литературы Тюменского региона. – Тюмень: Вектор Бук, 2007. – 296 с.
11. Ташкеева Г. Х. Мифологические и фольклорные мотивы в романах Якуба Занкиева: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тобольск, 2009. – 23 с.
12. Кирамова Х. Х. Литературно-публицистическая деятельность Якуба Занкиева: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тобольск, 2009. – 23 с.
13. Бабшанова Г. Н. Художественная концепция личности в прозе сибирско-татарских писателей XX века: Занкиев Я. К., Сулейманов Б. В.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тобольск, 2009. – 22 с.
14. Латыпова А. В. Современная татарская поэзия Башкортостана: национальная картина мира и жанровая парадигма: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2021. – 24 с.

УДК 398.1

БАШКОРТСТАН ТАТАРЛАРЫНЫҢ РИВАЯТЛӘРЕНДӘ ҺӘМ ЛЕГЕНДАЛАРЫНДА ФОЛЬКЛОРАРА БӘЙЛӘНЭШЛӘР ЧАГЫЛЫШЫ

И. К. Фазлетдинов

Башкорт дәүләт университеты (Уфа)

В данной статье на материале преданий и легенд татар, проживающих в Республике Башкортостан, рассматриваются проблемы межэтнического и межфольклорного взаимодействия между народами Урало-Поволжья; изучаются интернациональные мотивы и сюжеты; выявляются локальные особенности устной несказочной прозы татар Башкортостана. Особое внимание автор уделяет преданиям об историях сел и деревень,

в которых прослеживается как синтез мифологических воззрений татарского народа и реальных исторических событий, так и различных этнических и фольклорных традиций.

Ключевые слова: татары Башкортостана, предания и легенды, мотивы и сюжеты, истории сел и деревень, анахронизм, мифология.

The article deals with the problems of inter-ethnic and inter-folklore interaction between the peoples of the Ural-Volga region; studies international motives and subjects; identifies local features of the oral non-fairy prose of the Tatars of Bashkortostan on the material of legends of the Tatars living in the Republic of Bashkortostan. The author pays special attention to the legends about the stories of villages, in which there is a synthesis of the mythological views of the Tatar people and real historical events, as well as various ethnic and folklore traditions.

Key words: Tatars of Bashkortostan, legends, motives and plots, history of villages, anachronism, mythology.

Башкортстанда яшәүче татарларның халык авыз ижаты гомумтатар фольклоры белән бергә үсеш-үзгәрешләр кичереп, үзенә төрләр, жанр һәм персонажлар составы ягыннан аңардан аерылмый, диярлек. Шуңа күрә вакытта Татарстаннан читтә яшәүче татарларның фольклорында милләттәшләребез белән бер үк географик һәм мәдәни мохиттә яшәүче төрле халыкларның эпик традицияләренә бер-берсенә йогынтысы барлыгын да инкар итәргә болмый. Башкортстанда яшәүче рус халкының фольклор мирасын тирәнтен өйрәнгән Б. Г. Әхмәтшин билгеләвенчә, «күпмилләтле Уралдагы халык прозасының асылын билгеләүче бер үзенчәлек булып, биредә төрле этник традицияләренә тарихи закончалыкка нигезләнеп, бергә килүе һәм бер-берсенә йогынты ясауы» исәпләнә [1: 5]. һәм бу үзгәлек, беренче чиратта, тарихи үткәннәребезнең уртаклыгына нигезләнә. Күренекле фольклорчы Ф. И. Урманчиев сүзләре белән әйтсәк, «риваятьләр, легендалар, мифлар теләсә кайсы халыкның иң борынгы һәм борынгы тарихын өйрәндә мөһим чыганаclarның берсе булып тора» [8: 86].

Риваятьләр составындагы авыл тарихлары – бик үзенчәлекле төркем. Алар «гадәттә, теге яки бу авылның кайдан, кайчан, нинди сәбәпләр аркасында күчеп килүе турында сөйли. Авыл тарихларында төбәккә беренче килеп утырган кешеләр, аерым нәселләр тормышындагы мөһим вакыйгалар турында төрле мәгълүматлар бирелә. Бу ягы белән алар тарихи риваятьләргә яқын торалар. Күп эсәрләрдә, авыл исеменә килеп чыгышы да аңлатыла. Монысы исә топонимик риваятьләргә хас күренеш» [7: 13].

Шунысы мөһим: Казан татарлары фольклорынан аермалы буларак, Башкортстандагы татар авыллары тарихларында Болгар, Алтын Урда, башка ханлыklar белән бәйлә вакыйгалар сирәк очрый. Аларда сурәтләнгән төп тарихи вакыйгаларның берсе – ул XVI гасыр уртасында Явыз Иванның Казан ханлыгы яулап алуы һәм шуннан соң татарларга карата башланган милли һәм дини геноцид сәясәте. Риваятьләренә шактыенда нәкъ шушы факт татар халкының Көнчыгышка күчеп, авыллар хасил итүенә төп сәбәпчәсе итәргә күрсәтелә.

Мәсәлән, укытучы Байсар Иманголовтан язып алынган Туймазы районы Карамалы-Гобәй авылы тарихын алып карыйк. «Элгәре Иван Грозный исемле бик явыз патша була. Ул башта мордва халкын басып ала, аннан чират чуваш, марыйларга да житә. Моннан соң Иван патша Урта Идел буенда яшәүче болгарларны да басып алмакчы була һәм Казанга һөжүм итә. Ул Казанны ала алмый һәм ачуыннан тирә-яктагы авылларны туздыра. Шундый авылларның берсе – безнең ата-бабаларыбыз яшәгән Байлар Сердәге исемле авыл була.

Бу авылда Гобәй исеме мулла яшәгән. Ул бик акыллы булган һәм халык аны нык ихтирам иткән. Урыс гаскәрләре килә башлагач, ул авыл халкын өлкән улы жетәкчеләгендә Уралга озата. Тик үзе туган төягеннән китми, берничә авыл карты белән шунда кала. Сатлыкжаннар аны урыс гаскәрләренә тотып бирәләр. Урыслар казанда сумала кайнагып, шунда Гобәйне салып үтерәләр. Калган картларны коллыкка озаталар.

Мулланың өлкән улы Алдаргол авыл халкын башкорт жирләренә алып бара. Алар Осән елгасының аръягында тукталалар һәм әлегә Алдар тавында төпләнәләр. Яңа авылга Гобәй мулла исемен кушалар. Авылның тирә-ягын карама урманы әйләндереп алганлыктан, тиздән ул Карамалы-Гобәй дип атала башлый.

Алдаргол артынан Гобәйнең кызы һәм кияве житәкчелегендәге икенче төркем чыга. Ләкин алар Алдарголның эзләрен югалталар һәм Нөгеш елгасы буенда тукталалар. Алар шушында төпләнәләр һәм авылга Сердәк исеме кушалар. Шулай итеп, Байлар Сердәге кешеләре ике авылга нигез сала» [3: 31–32].

Шунысы мөһим: әлеге риваятьнең Фазлыи Камалиев истәлекләреннән күчереп алынган икенче вариантында татарларның күчеп килгәч хужалык итү рәвеше һәм, иң мөһиме, жирле халык белән мөнәсәбәتلәре, бик ачык итеп тасвирлана. Монда Казан ягынан күчеп килүчеләрнең «кеше үтеп керә алмаслык зур сазлык» янына килеп утырулары, «вакыт үтеп, күчеп килүчеләр саны артып, авыл зурайгач кына» сазлыкны киптереп, яңа иген басуларын барлыкка китерүләре тасвирлана.

«Шулай берчакны, монда авыл барлыгын белеп, Карамалы-Гобәйгә иярләнгән атларга атланган башкорт картлары килеп чыккан. Алар бу жирләргә элек-электән башкортлар хужа булганлыгын аңлатканнар. Безнең авыл картлары киңәшләшкәч, аларны яхшы сыйлап, озақ кунак иткәннәр һәм шул ук вакытта үзара килешү төзегәннәр.

Кунак булгач, башкорт картлары, безнең авыл бабайларын ияртеп, Өсән елгасы аша чыкканнар. Алар биек тау башына менеп, атларыннан да төшмичә: «Ана, ана, шуннан!» – дип, Өсән елгасының Бәләбәй ягын күрсәткәннәр. Аннан икенче якка борылып: «Ана, ана, шуннан», – дип, Өсән елгасының Собхангул авылы яныннан аккан урынын күрсәткәннәр. Шулай итеп, алар татарларга бирелгән жирләрен чикләрен билгеләгәннәр...» [3: 32–33].

Риваятьтән күренүенчә, башкортлар биргән территорияләре тулысынча үзләштерергә Карамалы-Гобәй авылы халкының гына физик мөмкинлекләре житми. Шулай итеп, биредә төп халык татарлар булган Тукай һәм Кәлшәле авыллары нигезләнә. Алар һәммәсе дә бүгенге көндә Башкортстанның Туймазы районына карый.

Шулай да Башкортстанда яшәүче татарлар арасында таралган риваятьләрен күчеләгендә XVII–XX гасыр башларында булып узган вакыйгалар өстенлек итә. Киеренкелеге, драматизмы белән бу чорга тиндәшерлек хәлләр борынгы тарихта булмагандыр да. Халыкның милли-колонияль, сыйнфый изүгә каршы XVII–XVIII гасырларда бер-бер артлы баш күтәрүләре, Русия хөкүмәтенен төрле мәкерле юллар белән башкорт жирләрен үзләштерүе, Урта Идел буйларында гомер кичергән татарларның көнчыгышка күчеп утыруына бәйле вакыйгалар, гражданныр сугышы, сыйнфый көрәш фажиғаләре, аңлашылып тора, жанлы тарихның кеше аңындагы, күңелендәге чагылышы булган фольклор жанры – риваятьләрдә чагылыш тапмыйча калмый.

Күчеп килүчеләрнең урындагы халык белән мөнәсәбәтләрен тасвирлаучы риваятьләрдә үзәктә жир биләү мәсьәләсе тора. Әлеге мәсьәләгә бәйле рәвештә, риваятьләрдә төрле милләт, сословие вәкилләре арасында жир өчен конфликтлар турында сөйләгән күпсанлы мотивлар урын ала. Казан татарлары фольклорыннан аермалы буларак, күршеләренә малын, жирен тартып алу өчен күчмә кабиләләр арасында барган феодаль сугышлар – карымта-барымта яулары урындагы риваятьләр Башкортстан татарлары репертуарында зур урын тотта. «Тарихтан билгеле булуынча, XVI–XVIII гасырларда башкорт-казакь ырулары арасында мөнәсәбәтләр катлаулана. <...> Халык авыз ижатында үзара үчләшүгә, дошманлашуга китергән феодаль чапкыннар, барымта һәм карымта күренешләре урын ала. <...> Көнъяк, көнъяк-көнчыгыш башкортларының авыз-тел ижатында казакь белән башкорт барымталары хакында байтак кына риваять һәм легендалар очрый» [6: 28].

Моңа кадәр әлеге төр эсәрләр мөстәкыйль тематик төркем буларак бары тик башкорт риваятьләре составында гына аерымлана иде. Соңгы еллардагы тикшеренүләребез карымта-барымта яулары белән бәйле мотивларның башкорт фольклорында гына түгел, Башкортстан татарларының риваятьләрендә дә мөһим урын тотуын ачыклады һәм аларны мөстәкыйль тематик цикл итеп карау мөмкинлеген бирде. Безнең фикеребезчә, биредә «татар халкының бер өлешенең хәзерге Башкортстан жирләрендә борын-борынан яшәп, бу сугышларда турыдан-туры катнашуы турында фикер йөрттергә дә урын бар» [2: 31]. Карымта-барымта сугышлары урындагы мотивлар Башкортстан татарлары риваять-легендаларындагы төбәк үзенчәлекләренең бер билгесе булып тора.

Мәсәлән, Авыргазы районы Нугазак авылында язып алынган «Каравыл тау» [3: 47–48] һәм «Кырлау үзән» [3: 48] исемле риваятьләр әлеге атамаларның барлыкка килүен нәкъ шушы карымта-барымта сугышларына кайтарып калдыралар. Ике үрнәктә

дә бу жирләрнең борынгы халкы итеп «катай башкортлары» күрсәтелә һәм «барымта» төшенчәсенә мәгънәсе ачып салына. Ул, чит кабиләләрнең «һөжүм» итеп, башкортларның «барлык малларын, хатын-кызларын» алып китүеннән гыйбарәт икән. Ике риваятьтә этнологик мотивка – атамаларның барлыкка килүен аңлатуға нигезләнгәннәр. «Кырлау үзәнә» дигән үрнәктә ул «күчеп йөрүче башкортлар белән Урта Азия якларынан килгән баскынчылар арасында зур сугыш булып, бик күп кеше кырылуы» белән аңлатыла һәм «Кырлауда кырылдык» дигән сүзләрнең катай башкортларында хәзер дә еш искә алынуы турында хәбәр ителә [3: 48]. «Каравыл тавы» дигән үрнәктә исә башкортларның төрле ыру-кабиләләре арасында теләктәшлек, бер-берсенә авыр вакытта ярдәмгә килергә һәрчак эзер тору кебек асыл сыйфатлары чагылыш таба. Алар «тау башында каравылда» торып, куркыныч янаса, зур уақлар ягып, төтен ярдәмендә» бу хакта «бер-берсенә хәбәр» ителәр. «Хәбәрне алгач, башкортлар бер-берсенә ярдәмгә килеп, барымтачыларның һөжүмнәрен кире кага, мөмкин булмаса, урман-тау арасына кача торган булганнар», – дип әйтә риваятьтә [3: 47–48]. Шул рәвешле, урынга атама аның үтәгән вазифасы ягыннан бирелгән, дигән фикергә килергә мөмкин.

Шуны да әйтк, «Каравыл тавы» оронимының Башкортстанда таралу географиясе шактый киң. Бу атаманың килеп чыгышын аңлатучы риваятьләр Ярмәкәй районының Сөярмәт һәм Учалы районының Ахун авылларында да очрый [2: 109] [4: 62]. Бу үрнәкләрдә дә ул әлеге тауларда «сакчыларның тирә-якны күзәтеп, авылны каравыллап» торуларына кайтарып калдырыла. Димәк, барымта-карымта кебек күренешләр борынгы Башкортстанның һәр төбәгә өчен типик булган, дигән нәтижәгә килергә мөмкин.

Кайбер риваятьләрдә илен саклап, явыз жирбасар-барымтачыларга каршы сугышта һәлак булган батыр егет яки кызның жаны шушы урынга күчеп, әлеге тау яки сазлыкның яу белән килүчеләрнең юлында үтәлмәслек киртәгә әверелү мотивын да күрергә мөмкин. Моңа мисал итеп, Нуриман районы Кызыл Яр авылындагы «Каратау» [4: 61–62], Әлшәй районы Гайниял авылындагы «Гамбәр сазлыгы» [3: 49], Балтач районы Иске Балтач авылындагы «Такы тавы» [5: 63], Борай районы Кәшкәләү авылындагы «Үрәзикәй чишмәсе» [5: 62–63], Стәрлебаш районы Стәрлебаш авылындагы «Котып чокыры» [2: 111] риваятьләрен китерергә була. Бу үрнәкләрдә сугыш картиналары аеруча драматик итеп тасвирлана, илен саклаучы батырларга халык илаһи сыйфатлар биреп, хәтта жансыз табигатьне дә аларга теләктәш итеп күрсәтә.

Башкорт халкы белән күп гасырларга сузылган рухи һәм географик янәшәлек Башкортстан татарларының риваятьләрендәге аерым мотивлар, образлар күчәлгән сыйфатында да чагылыш таба.

Мәсәлән, Идел буе татарлары фольклорында авылның, яисә теге яки бу нәселнең башын мифик затларга – жән-пәриләргә, шайтаннарга бәйләгән этногенетик риваятьләр очрамай. Ә башкорт халкының әкияти характерда булмаган халык прозасы составында әлеге мотивка корылган эсәрләр үзәк аерым цикл тәшкил итә. Без исә әлеге мотивның ачык бер чагылышын шагыйрь Фәрит Габдерәхим тарафыннан язып алынган Бүздәк районы Арыслан авылы тарихынан күрдәк. Биредә батыр татар егете урманда ау вакытында уңган һәм чибәр бер кыз белән таныша, гашыйк була һәм өйләнә. Ләкин кыз бер шарт куя: алар бергә мунча кермәскә тиеш. Башта егет бу табу-шартны тотса, аларның бер-бер артлы уллары туа. Ләкин бер көнне түзми: Хатыны мунчага киткәч, Арыслан тегенең янына бара да керә, әй. Ни күрсен! Хатыны озын толымлы чөчен баш түбәсеннән куптарып алып, алдына салган да, бет карап утыра, ди. Хатын чәрелдәп кычкырып жибергән:

– Нигә кердең, нигә сүзәндә тормадың? Мин бит жән кызы. Чөчәмне кубарып алуымны адәми зат күрергә тиеш түгел иде, – ди дә, жән бирә.

Шулай итеп, Арыслан уллары белән гәнә торып кала, ди. Үсеп житкәч, аларның һәрберсе этиләре янында үзәнә йорт сала. Өнә шулай авыл барлыкка килә. Аны беренче булып йорт салган Арыслан исемле белән йөртә башлаганнар, ди легенда [2: 48–49].

Шулай итеп, борынгы халыкның мифологик карашларын чагылдырган бу мотивның татарлар репертуарына килеп керүен ике халык арасында гасырлар дәвамында барган рухи-мәдәни алмашулар нәтижәсе итеп карарга кирәк. Татар һәм башкорт авылларының янәшә урнашуы, яисә аларның бер авылда аерым урам, аерым оч булып яшәве үзара мәдәни интеграциягә китерә. Нәтижәдә, фольклорара бәйләнешләр дә барлыкка килә. Шул рәвешле, бер фольклорга хас мотивлар һәм образлар икенче халык фольклорына да

үтеп кереп, кабатланмас синтез хасил итә. Риваятьләр һәр милләтнең тормыш тәҗрибәсеннән килеп чыккан яңа төсмерләр белән баей, халыкның үз менталитетына яраклаша. Карымта-барымта яулары, жир сату яисә аның халыктан алдау юлы белән тартып алынуы кебек вакыйгаларга бәйле рәвештә туган фольклор мотивларының Башкортстан татарлары репертуарында зур урын тотуын нәкъ шуның белән аңлатырга мөмкин.

Гомумән, Башкортстан татарларының риваять һәм легендаларында янәшәдә яшәүче халыкларның гына түгел, ә гомумдөнья фольклорының йогынтысын да күрергә мөмкин. Халык башыннан үткәргән тарихи вакыйгаларны художестволы сурәтлэгәндә күчеп йөрүче интернациональ сюжет һәм мотивларны да еш файдаланган. Болар исәбенә алып чабатасыннан коелган туфрактан тау хасил булу, пугачевчылар түбәтәйләренә салып ташыган комнан калкулык барлыкка килү, үгез тиресе кадәрле жир сатып алу, «кулга кермәс» алтын хәзинәнең кешеләргә бәрән, яисә утлы шар кыяфәтендә күренүе һ.б. шундый күпсанлы мотивларны кертергә мөмкин. Аларның күпчелегендә борынгыларның антропоморфик, анимистик һәм тотемистик карашлары чагылыш таба һәм шуна күрә дә бу мотивларны бик ерак мәжүсилек чорларында барлыкка килгән дип исәпләргә кирәк.

Формасы белән әлеге мотивлар һәм сюжетлар интернациональ булсалар да, һәр халык үз тормыш тәҗрибәсеннән, менталитетыннан, тарихыннан чыгып, аларга яңа эчтәлек сала. Мәсәлән, игенче татар кебек үк жир сөрәп, арып, ял итәргә утырган алып, чабатасына кергән туфракны койгач, тау хасил була; түбәтәйгә тугырып ташыган комнан күпер барлыкка килү азатлык өчен баш күтәрүче пугачевчылар белән бәйләнгән һәм, татар белән башкорт гаделсезлеккә каршы бергә күтәрелсә, кәләпүш белән ташып кына да тау өя алырлык көчкә ия булуын символлаштыра; Көнбатыш Европада Америка индеецларына кадәргә майданда таралган үгез тиресе кадәрле жир сатып алу мотивы башкорт жирләренең патша чиновникларны тарафыннан халыктан нинди астыртын юллар белән тартып алынуын образлы рәвештә гәүдәләндерә. Кыскасы, әлеге традицион мотивларга корылган риваять һәм легендалардан да халыкның үткәннән, аның аһ-зарларын, сызлануларын ачык тоемларга мөмкин.

Урын атамаларының килеп чыгышын зур тарихи вакыйгаларга бәйләп аңлатучы риваятьләр булган яисә булуы мөмкин булган вакыйгалар турында сөйләсәләр дә, алар тарихи документларны алыштырып килә алмый. Чөнки телдән телгә, урыннан урынга, буыннан буынга күчү процессында аларның конкрет документальлек билгеләре тоныклана, анахронизм көчәя, тора-бара тарихилык гомумиләштерелгән төс ала, ирекле уй йөртү, фараз итү, фантазия өстенлек итә башлый.

Моның ачык мисалын Салават Юлаев һәм Емельян Пугачев житәкчелегендәге крестьяннар сугышы турында сөйләүче риваятьләрнең хәтта әлеге яу үтмәгән төбәкләрдә дә киң таралуында күрергә мөмкин. Гадәттә, бу уйдорма эчтәлекле әсәрләр, теге яки бу урын атамасына бергәп, аның аңлатмасы ролен үти башлап, «тарихилашып» китә, хикәяләнүче тарафыннан чыннан да булган вакыйга сыйфатында бәян ителә. Моны хәтта яу кырыннан читтә яшәгән, восстаниедә катнашмаган крестьяннарның да күңелләре белән башкүтәрүчеләр янында булулары, азатлыкка омтылыш утында янулары белән аңлатырга кирәк. Салават Юлаев, Емельян Пугачев һ.б. тарихи шәхесләрнең риваятьләрдәге образларын да реаль кешеләрнең реаль эшчәнлеген халык авыз ижатына күчерү нәтижәсе итеп кенә санарга ярамый. Гасырлар буена халык күңелендә йөртелгән азатлык идеяләрен даулап көрәшкә чыгулары, кешеләр аңында гаделлек һәм ирек идеалларын гәүдәләндерүләренең нәтижәсе буларак, әлеге ил батырлары фольклорлашалар, эпик геройлар дәрәжәсенә күтәреләләр. Аларга мифик алыпларга, әкият батырларына хас сыйфатлар күчәләр.

Мәсәлән, алыплар кебек үк, Салават Юлаев һәм Пугачев та риваятьләрдә ярымтау-ярымкеше буларак чыгыш ясылар; алар күтәргән восстание дә тауда башлана һәм азактан башкүтәрүчеләр тау куышларына кереп югалалар; Пугачев һәм Салаватның гайре табигий көчен күрсәтер өчен, мифик персонажларга хас алым кулланыла – батыр атының тояк эзе ташларга уелып кала, Салават житмеш потлы ташны бер кулы белән генә күтәрәп, дошманнарга ыргыта һ.б. Болар һәммәсә дә әлеге реаль шәхесләрнең фольклорлашу нәтижәсе булып тора.

Шулай итеп, риваятьләр һәм легендалар реаль көнүрәштәгә һәм тарихи вакыйгаларны чагылдыруы белән борын-борыннан танып-белү эһәмиятенә ия булганнар. Әнә шул максатка ирешү өчен, халык вакыйгаларны гомумиләштергән, анда катнашкан бил-

геле шәхесләрнең образларын типиклаштырган, тыңлаучыларның риваять, легенданы эмоциональ кабул итүенә ирешү өчен, әкиятләр, бәетләр һәм хәтта мазәкләргә хас мотивларны да кулланган. Шуна күрә дә риваятьләр һәм легендалар реаль чынбарлык күренешләре белән халкыбызның мифологик карашларын, ижади фантазиясен бергә берләштереп киләләр һәм фольклорның башка жанрлары белән тыгыз мөнәсәбәттә торып, кабатланмас күренеш тудыралар.

ӘДӘБИЯТ

1. Ахметшин Б. Г. Горнозаводской фольклор Башкортостана и Южного Урала / науч. ред. Р. Г. Кузеев. – Уфа: Китап, 2001. – 288 с.
2. Башкортстан татарлары фольклоры. Риваятьләр, легендалар, мифологик хикәятләр, сөйләкләр / төзүче, кереш мәкалә һәм искәртмәләр авторы И. К. Фазлетдинов. – Уфа: Китап, 2018. – 344 б.
3. Башкортстан татарлары фольклоры. Көнбатыш һәм көньяк-көнбатыш районнар / томны төзүче, кереш мәкалә һәм аңлатмалар авторы И. К. Фазлетдинов; фәнни редакторы К. М. Миңнуллин. – Казан: ТӘҺСИ, 2021. 312 б.
4. Башкортстан татарлары фольклоры. Төньяк һәм төньяк-көнчыгыш районнар / томны төзүче, кереш мәкалә һәм аңлатмалар авторы И. К. Фазлетдинов; фәнни мөхәррире К. М. Миңнуллин. – Казан: ТӘҺСИ, 2021. – 296 б.
5. Башкортстан татарлары фольклоры. Үзәк һәм төньяк-көнбатыш районнар / төзүче, кереш мәкалә һәм аңлатмалар авторы И. К. Фазлетдинов; фәнни редакторы К. М. Миңнуллин. – Казан: ТӘҺСИ, 2021. – 304 б.
6. Башкорт халык ижады. Икенсе том. Риүәйәттәр, легендалар / төзүсене, инеш мәкалә һәм аңлатмалар языусы Фәнүзә Нәзершина; яуаплы редакторы Кирәй Мәргән менән Әхмәт Сөләймәнов. – Өфө: Башкортстан китап нәшриәте, 1997. – 440 б.
7. Татар халык ижады. Риваятьләр һәм легендалар / томны төзүче, кереш мәкалә һәм искәртмәләрне язучы С. М. Гыйләжетдинов; фәнни редакторы Х. Ш. Мәхмүтов. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1987. – 368 б.
8. Урманче Ф. И. Проблемы национальной истории // Академик Мирфатых Закиев. К семидесятилетию / редакторы-составители: Ф. И. Урманче, Х. Ш. Махмутов. – М.: Инсан, 1998. – С. 85–131.

УДК 39

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ СИБИРСКИХ БУХАРЦЕВ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКЕ

Г. Ч. Файзуллина, М. В. Прокопова

Тюменский государственный университет (Тюмень)

Э. Х. Кадирова

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ (Казань)

В статье актуализируется изучение метрических записей о сибирских бухарцах Тобольской губернии XIX – начала XX вв. Авторы рассматривают вопросы изучения сибирских бухарцев в исторических, этнографических и лингвистических работах. Делается вывод о том, что исследование мусульманских метрических (мечетных) книг в лингвокультурологическом аспекте позволит дать более полную историко-культурную характеристику сибирских бухарцев как этнословной группы и расширит научные представления о культуре и истории Западной Сибири в целом.

Ключевые слова: сибирские бухарцы; Тобольская губерния; метрические записи.

The article updates the study of metric records about the Siberian Bukharans of the Tobolsk province of the XIX – early XX centuries. The authors consider the issues of studying the Siberian Bukharians in historical, ethnographic and linguistic works. It is concluded that the study of Muslim metric (mosque) books in the linguoculturological aspect will give a more complete historical and cultural description of the Siberian Bukharians as an ethnic group and expand the scientific understanding of the culture and history of Western Siberia as a whole.

Key words: Siberian Bukharians; Tobolsk province; metric records.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-412-720008 «Метрические записи XIX – начала XX вв. о тобольских и тюменских бухарцах как историко-лингвистический источник».

Исследование бухарской культуры в Сибири имеет давнюю историю. Сибирские бухарцы неоднократно становились объектом историко-этнографических исследований. Начиная с XVIII века этнографы, в частности Г. Ф. Миллер (XVIII в.), Н. М. Ядринцев

(XIX в.), обращали внимание на их роль в освоении Сибири, участие в процессе прокладывания торговых путей, привнесение восточной культуры в сибирские земли. В наше время этнографы и историки активно изучают происхождение, социальный статус, культуру, быт, религиозные обычаи бухарцев. Данная тематика находится в сфере научных интересов исследователей Томска, Омска, Тюмени, Тобольска, Уфы, Казани, Красноярска и т.д. Так, Г. Л. Файзрахманов в работе «Бухарцы в Западной Сибири в XVII – начале XX века» рассматривает сибирских бухарцев как потомков среднеазиатских переселенцев, которые прошли сложный путь исторического развития, ассимилировавшись с местным населением [13]. Статья Н. Т. Рахимова «Диаспоры бухарцев в Сибири в XVI–XIX веках и их отражение в исторической литературе» посвящена историографии возникновения и функционирования торговых факторий бухарских купцов, создавших свою диаспору в городах Западной Сибири [12].

Результаты изучения деятельности сибирских бухарцев XVIII века, в основном, в области дипломатии и установления контактов с соседними народами, предлагаются в работе омской исследовательницы А. А. Крих «Разведывательная деятельность сибирских бухарцев в киргизской степи в XVIII в.» [5].

Значительный вклад в изучении бухарцев Тары внесла С. Н. Корусенко. Так, в своей работе «Сибирские бухарцы: динамика численности и расселение (XVII–XX вв.)» исследователь рассматривает бухарцев как значимый этнический компонент в структуре этноса сибирских татар и указывает на их роль в развитии культуры тюркского населения Сибири [8], а в статье «Политика центральных и местных властей по отношению к бухарцам Сибири в середине XVII – начале XIX века» раскрывает процесс формирования этносословной группы сибирских бухарцев, в том числе посредством предоставления им различных льгот и привилегий [7]. Материалами исследований С. Н. Корусенко стали делопроизводственные документы, в частности «Дозорная книга бухарцев Тарского уезда 1701 г.», первичные переписные листы Первой всеобщей переписи населения 1897 г. В работах «Землевладение и землепользование бухарцев в Сибири: генеалогический ракурс» [6], «Торговля и предпринимательская деятельность бухарцев Тары (по материалам переписи населения 1897 г.)» [9] на основе генеалогического исследования и сопоставительного анализа документов XVIII и XIX веков исследовательницей сделаны интересные выводы о формировании землевладельческой элиты сибирских бухарцев и ее взаимосвязи с торговой и духовной элитой.

Бухарцы Тарского округа Сибирского края находятся в центре внимания и красноярского исследователя В. Г. Дацышена, в работах которого «Сибирские бухарцы» [4], «Бухарское население Сибири в первое послереволюционное десятилетие» [3] рассматриваются проблемы экономического, политического и культурного развития общины сибирских бухарцев в первое десятилетие после Революции 1917 г.

Культура сибирских бухарцев изучается и в области лингвистических исследований. В области исследований деловой письменности интерес представляют работы О. В. Бараковой [1], Ф. М. Хисамовой [15].

Значительный вклад в изучении метрических книг в системе лингвистической и культурологической научной парадигмы внесли работы А. Е. Бельковой «Метрические книги первой половины XIX века Тюменского духовного правления как жанр деловой письменности» [2], Е. А. Косых, Е. В. Чеснокова «Метрические книги в системе русской культурологической парадигмы» [10], Г. Ч. Файзуллиной, Э. Х. Кадировой, А. А. Фатаковой «Мечетные книги Тобольской губернии XIX – начала XX веков как памятник письменности сибирских татар: состав книг и лексика» [14].

Таким образом, в отечественной научной традиции – историографической лингвокультурологической – сложился определённый круг тем, которые рассматриваются применительно к изучению бухарцев в Сибири. К ним относится история формирования локальных групп бухарцев в Западной Сибири, характеристика их предпринимательской деятельности, системы жизнеобеспечения и традиционной культуры, роль в распространении ислама в Сибири. Однако нельзя не обратить внимание, что в большинстве случаев исследования проводились на основе источников, характеризующих этнико-социальные процессы в среде омских и тарских бухарцев, в то время как быт и культура тобольских и тюменских бухарцев мало изучены. Стоит отметить также, что, несмотря

на заметный интерес к изучению делопроизводственных документов, до сих пор не введены в активный научный оборот редкие источники – мусульманские метрические (мечетные) книги. Исследование этих источников в лингвокультурологическом аспекте позволит дать более полную историко-культурную характеристику сибирских бухарцев как этносословной группы и расширит научные представления о культуре и истории Западной Сибири в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баракова О. В. Деловая письменность XVII века: концептосфера, субгестовый состав: на материале таможенных книг Московского государства: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – 2004. – 44 с.
2. Белькова А. Е. Метрические книги первой половины XIX века Тюменского духовного правления как жанр деловой письменности: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Сургут, 2009. – 21 с.
3. Дацьшен В. Г. Бухарское население Сибири в первое послереволюционное десятилетие // Вестник Российского университета Дружбы народов. Серия: История России. – 2018 – № 17(3) – С. 661–674.
4. Дацьшен В. Г. Сибирские бухарцы // Сибирский субэтнос: культура, традиции, ментальность: материалы V Всерос. науч.-практ. Интернет-конф., 15 янв. – 15 мая 2009 г. / отв. ред. Н. И. Дроздов. – Красноярск, 2009. – С. 79–87.
5. Крих А. А. Разведывательная деятельность сибирских бухарцев в киргизской степи в XVIII в. // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». – 2019. – № 2. – С. 35–42.
6. Корусенко С. Н. Землевладение и землепользование бухарцев в Сибири: генеалогический ракурс // Известия Алтайского государственного университета. – 2009. – № 4–3 (64). – С. 98–102.
7. Корусенко С. Н. Политика центральных и местных властей по отношению к бухарцам Сибири в середине XVII начале XIX века // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». – 2014. – № 3 (3). – С. 105–119.
8. Корусенко С. Н. Сибирские бухарцы: динамика численности и расселение (XVII–XX вв.). – Омск: Издат. дом «Наука», 2011. – 248 с.
9. Корусенко С. Н. Торговля и предпринимательская деятельность бухарцев Тары (по материалам переписи населения 1897 г.) // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». – 2018. – № 4 (20). – С. 267–272.
10. Косых Е. А., Чеснокова Е. В. Метрические книги в системе русской культурологической парадигмы // Культура и текст. – 2011. – № 12. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metricheskie-knigi-v-sisteme-russkoy-kulturologicheskoy-paradigmy> (дата обращения 08.10.2021).
11. Крих А. А. Разведывательная деятельность сибирских бухарцев в киргизской степи в XVIII в. // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». – 2019. – № 2. – С. 35–42.
12. Рахимов Н. Т. Диаспоры бухарцев в Сибири в XVI–XIX веках и их отражение в исторической литературе // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Гуманитарные науки. – 2014. – № 2 (39). – С. 139–149.
13. Файзрахманов Г. Л. Бухарцы в Западной Сибири в XVII – начале XX веков // Вестник Башкирского университета. – 2005. – № 3. – С. 69–71.
14. Файзуллина Г. Ч., Кадилова Э. Х., Фаттакова А. А. Мечетные книги Тобольской губернии XIX – начала XX веков как памятник письменности сибирских татар: состав книг и лексика // Научный диалог. – 2020. – № 2. – С. 127–140.
15. Хисамова Ф. М. Функционирование и развитие старотатарской деловой письменности XVI–XVII вв. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1990. – 154 с.

УДК 908

РОЛЬ РЕГИОНАЛЬНОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРЕССЫ В ФОРМИРОВАНИИ ТАТАРСКОЙ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ОБЩНОСТИ (на примере Самарской области)

Л. Р. Халилова

Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ (Казань)

Татарское информационно-культурное пространство, составной частью которого является татарская журналистика представляет собой универсальную среду для научно-исследовательской работы по проблемам татарского народа. В статье дан краткий анализ развития татарской национальной печати в предвоенный период и в советское время, приведены названия печатных изданий. Более подробно в материале рассмотрены средства массовой информации начала 1990-х гг. и современности, обрисованы цели и задачи журналистских коллективов газет, журналов.

Ключевые слова: средства массовой информации, газета, журнал, медиа-портал, общественно-культурная жизнь, национальное издание.

The Tatar information and cultural space, of which Tatar journalism is an integral part, is a universal environment for research work on the problems of the Tatar people. The article provides a brief analysis of the development of the Tatar national press in the pre-war period and in Soviet times, the names of printed publications are given. More details in the material are considered the mass media of the early 1990s and modern times, are considered in detail, the goals and objectives of journalistic collectives of newspapers and magazines are outlined.

Key words: mass media, newspaper, magazine, media portal, social and cultural life, national publication.

В условиях постоянных межэтнических контактов в повседневной жизни горожан процессы унификации культурного разнообразия неизбежны. Однако сегодня наблюдается повсеместный интерес людей к своему историческому прошлому и традиционной культуре. Российские регионы формируют политику гармонизации межнациональных отношений, развития культур, языка и традиций представителей различных этносов, проживающих на их территории. Наряду с другими народами России татары сохраняют свою идентичность не столько в отдельном государстве или административно-территориальной единице, сколько в едином информационно-культурном пространстве, которое формируется и существует благодаря системе образования, культуры, науки и СМИ. Особая роль каналов массовой коммуникации в развитии самосознания татарского народа обусловлена дисперсным расселением татар по регионам Российской Федерации и других стран, а также его приоритетным значением в этномобилизации татар.

Понятие «этническая журналистика» стало широко использоваться в конце XX в. Р. П. Овсепян отмечает, что «дезинтеграция СССР, образование СНГ, рост национального самосознания, проблемы глобализации, потребность в толерантности, миграционные процессы вызвали к жизни этническую журналистику» [3: 40]. Отчетливо прослеживается общая миссия региональных национальных изданий – раскрытие многоцветной палитры национальных культур, традиций, стремление к развитию межкультурного диалога [5: 340]. Обращение к теме истории Самарской татарской журналистики актуально потому, что вопросы зарождения, становления и функционирования татароязычной периодической печати за пределами Республики Татарстан, в частности в Самарской области, остаются практически неисследованным пластом истории татарской культуры. Актуальность изучения этой темы обусловлена тем, что воссоздание целостной картины национальной татарской печати позволит представить историю татарского народа как единого этноса.

Предки татар жили на Самарской Луке со времен Волжской Булгарии, позже – в составе Золотой Орды. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., татары представляют собой второй по численности народ в Самарской области, их численность составляет 126124 человека [8]. Всего в 10 районах на северо-западе и северо-востоке области расположены 28 компактных татарских поселений. Много татар проживает в крупных городах: Самара, Тольятти, Сызрань, Похвистнево, Чапаевск, Кинель, Отрадный, Новокуйбышевск, Жигулевск, Октябрьск [4: 202].

Бурные процессы начала XX в. оказали большое влияние на общественно-политическое и культурное развитие народов России. События 1905 г. вдохнули и в татарский народ осознание собственной исторической роли в общественно-политической жизни Российской империи. До 1925 г. больше половины всех татарских газет и журналов издавались за пределами Татарстана, а в числе издателей и редакторов татарской печати 1905–1924 гг. выходцы из других регионов составляли как минимум половину. В Самаре издавались газеты: «Безнең фикер», «Киңәш», «Халык» (все – 1918 г.), «Кызыл дөнья» (1918–20 гг.), «Кызыл маяк», «Урак-чүкеч» (обе – 1919 г.), «Идел арты хәрби-сәяси идарәсе хәбәрләре», «Яна көч» (обе – 1920 г.), «Эшче» (1921–22 гг.), «Авыл» (1922–24 гг.), «Кызыл армеец» (1924 г.), «Яна дөнья» (1924–25 гг.); журналы «Колхозчы» (1928–38 гг.), «Методик жьентык» (1931–33 гг.) и «Комбайн» (1932–33 гг.) [6: 228]. В последующие годы в связи с изменением национальной политики партии и государства национальные отделы издательств, газеты и журналы были закрыты. Однако в сельских районах области, в местах компактного проживания татар, газеты на татарском языке издавались для своей аудитории. С 1931 г. в Байтуганском районе (с 1939 г. – Камышлинский) выходила газета «Югары уңыш өчен» («За высокий урожай»). Изда-

васась до начала 1960-х гг. В марте 1963 г. в объединенном Похвистневском районе на русском, татарском и чувашском языках начала издаваться газета «Игенче тавышы» («Голос хлебороба»). В то же время в Похвистневском районе одновременно начала выходить как дубляж к русскоязычной газете «Ленинская правда» газета на татарском языке «Ленин хакыйкаты». После передачи (по Указу Президиума Верховного РСФСР от 12 февраля 1965 г.) территории бывшего Камышлинского района из Похвистневского в восстановленный Клявлинский район здесь стал издаваться татарский дубляж районной газеты «Знамя Родины» – «Ватан байрагы». В 1992 г., после восстановления Камышлинского района, здесь начала выходить двуязычная газета «Камышлинские известия» – «Камышлы хэбэрлэре» [2].

В конце 1980-х гг. XX в. наблюдаются процессы этнокультурного возрождения татарского народа. В целях удовлетворения культурно-просветительских, общественно значимых духовных и материальных потребностей татарского населения, сохранения и развития татарского языка, обычаев и традиций народа было образовано Самарское областное татарское общество «Туган тел». Активистами татарской общины во главе с руководителем Р. Абдулловым, а также Р. Ягудиным, М. Ямалетдиновым, А. Надировым и др. был поднят вопрос о создании в регионе национальной газеты. 1 марта 1990 г. основана Самарская областная татарская газета «Бердэмлек», главным редактором которой являлся заслуженный работник культуры Республики Татарстан, член Союза журналистов России Р. Н. Аглиуллин [7: 221]. На протяжении трех десятилетий газета являлась ведущим источником формирования этнокультурного и духовного факторов консолидации татарского народа как этноса. В издании особое внимание уделяется социальным, религиозным и культурным темам. Авторитетность и доступность издания обусловлена тем, что ориентировано на читателя своего региона, учтены национальный, конфессиональный, образовательный состав аудитории своего края, в центре внимания журналистов народные обычаи, творчество татарских деятелей культуры, но главное – судьбы простых людей конкретного региона. Вместе с тем аудитория газеты распространяется за пределы Самарской области, еженедельник популярен в Ульяновской, Оренбургской и др. областях, а также в Республике Татарстан. Она первой в России стала выпускать ежемесячное религиозное приложение «Кыйбла» [1: 60].

С июня 1996 г. на русском языке издавалась общественно-политическая, религиозная «Азан» (существовала до 2013 г.). Редактор – Ш. Х. Галимов. В каждом номере газеты содержались сведения о общественно-политической жизни мусульман, этнической истории, культуре, деятельности мусульманских общин, исламском образовании Самарской области. Публиковались статьи об истории татар региона, в частности, о традиции пчеловодства у самарских татар, праздновании Сабантуя в 1914 г. и др. Данная традиция была продолжена журналом «Самар татарлары». Значительное место отводилось развитию мусульманского образования, рассказывалось о медресе «Галия» (с. Алькино), «Нур» (г. Самара). Значительная часть материалов в 2014 г. была издана отдельной книгой «Азан» уполномочен заявить».

В августе 2003 г. вышел первый номер мусульманской религиозной газеты «Салям» (первоначальное название «Ислам Нур»). Учредители: Региональное духовное управление мусульман Самарской области в составе Центрального духовного управления мусульман России, Самарская Соборная мечеть городского округа Самара, Самарская областная татарская национально-культурная автономия. В первые годы печаталась на русском языке, с октября 2007 г. на русском и татарском языках два раза в месяц. Выходит под лозунгом: «Ватанны сою – Иманнын бер олешедер» = «Любовь к отчизне – это составляющее Веры». Редакторы И. Х. Сафин, Ф. Х. Шириязданов (2008–2018 гг.), Р. И. Мустафин (с 2018 г.). На страницах издания размещаются материалы, посвященные татарской культуре, ее прошлому и современному состоянию, различным аспектам Ислама, в том числе духовно-нравственному воспитанию молодежи видными религиозными деятелями, меценатами региона и др.

С 2012 г. печатается ежеквартальный общественно-политический журнал «Самар татарлары» на татарском и русском языках. Учредитель и издатель «Ассоциация содействия татарским предпринимателям Самарской области». Редактор – Д. И. Сайфиев. Основные темы журнала: значимые события и известные люди Самарской области,

актуальные проблемы общественно-политического развития региона, история татар, возрождение и развитие татарского языка и культуры, социальные и культурные проблемы татар, вопросы морали и религии. Печатаются спецвыпуски, в частности в 2017 г. журнал посвящен памяти сельской учительницы А. А. Шакуровой, 37 лет преподававшей родной язык и литературу в Теплостанской средней школе Елховского района Самарской области.

С 18 октября 2013 г. функционирует татарский информационный медиа-портал «Самарские татары». Учредитель и постоянный спонсор медиа-портала – президент Самарского областного татарского общества «Туган тел» И. Г. Шакуров, автор проекта, главный редактор Р. Р. Нуретдинова. Это площадка оперативного и объективного отражения жизни татар, проживающих на территории г. Самара и Самарской области, освещения актуальных и злободневных проблем, укрепления межнациональных отношений, дружбы народов России, разъяснения экспертами в области религии исламских вопросов; для консолидации самарских татарских печатных СМИ с целью усиления влияния и авторитета, объединения публикаций в едином информационном пространстве, сплочения творческих сил; для популяризации национальных традиций и культурных ценностей татарского народа, творчества местных поэтов, писателей, артистов, коллективов культуры и искусства. Сайт ориентирован на самые широкие возрастные и социальные категории посетителей. Аудитория: жители Самарской области, других регионов России, зарубежных стран как татарской, так и других национальностей.

Таким образом, в Самарской области в разное время функционировали десятки татароязычных средств массовой информации и сегодня он занимает лидирующие позиции по насыщенности татарских СМИ среди субъектов РФ, где традиционно компактно проживают татары.

Актуальность вопроса изучения национальной татарской прессы обусловлена тем, что средства массовой информации играют важную роль в становлении гражданского общества, его самосознания, являются ведущим источником формирования ценностной ориентации, убеждения и общественного мнения татарского народа.

Местные СМИ могут более точно учитывать особенности региона, национальный, конфессиональный, образовательный, возрастной состав аудитории, использовать факты, явления и привлекать авторов, которых жители региона знают лучше. Это делает региональные СМИ более авторитетными, доступными, понятными и полезными. Регионализация способствует более широкому распространению достижений национальной культуры, показу самобытности, народного творчества, поддержки традиций населения конкретного региона. Именно региональные татарские СМИ призваны проявлять себя как серьезный общественный инструмент формирования этнокультурного и духовного факторов консолидации татарского народа как этноса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердәмлектә – көч // Самар татарлары (Самарские татары). – 2013. – № 3 (4). – С. 59–62.
2. Галимов Ш. Х. Татарская национальная печать Самарского края и ее влияние на формирование культурно-образовательного пространства татарского населения в довоенный период [Электронный ресурс]. URL: www.samtatnews.ru (дата обращения: 20.10.2021).
3. Овсепян Р. П. Многонациональная печать новой России (некоторые аспекты функционирования // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика. – 2011. – № 3. – С. 39–51.
4. Регионы компактного проживания татар в Российской Федерации: справочник / Отв. ред.: Л. М. Айнутдинова, Б. Л. Хамидуллин. – Казань: ОП «Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ», 2016. – 336 с.
5. Савинова О. Н. Культурная традиция и роль СМИ в межкультурном диалоге: опыт Приволжского Федерального округа // Вестн. Нижегородск. ун-та им. Н. И. Лобачевского. – 2012. – № 1–2. – С. 340–343.
6. Татарская энциклопедия. Т. 5. – Казань, 2010. – 736 с.
7. Татары Самарского края: историко-этнографические и социально-экономические очерки. – Самара: книжное издательство, 2017. – 616 с.
8. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: www.gks.ru (дата обращения: 21.10.2021).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абдуллаев Сайфулла Нурмухаммедович, доктор филологических наук, профессор Иссык-Кульского государственного университета им. К. Тыныстанова. *Каракол, Кыргызстан.*

Абдуллина Чулпан Зуфаровна, заведующая отделом аспирантуры Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Айдарбекова Алия Сарыбаевна, преподаватель Центрально-Азиатского инновационного университета. *Шымкент, Казахстан.*

Айдарова Светлана Ханиповна, кандидат педагогических наук, доцент Российского исламского института. *Казань, Россия.*

Алеева Аниса Ханифовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Алеева Гульназ Усмановна, кандидат филологических наук, преподаватель Казанского колледжа строительства, архитектуры и городского строительства. *Казань, Россия.*

Алишина Ханиса Чавдатовна, доктор филологических наук, профессор Тюменского государственного университета. *Тюмень, Россия.*

Аминова Венера Рудалевна, доктор филологических наук, профессор Казанского (Приволжского) федерального университета. *Казань, Россия*; ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН. *Москва, Россия.*

Антипова Элина Евгеньевна, преподаватель английского языка. *Казань, Россия.*

Арзамазов Алексей Андреевич, доктор филологических наук, заведующий лабораторией Федерального исследовательского центра «Казанский научный центр Российской академии наук». *Казань, Россия.*

Ахметова Миляуша Ансаровна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Федерального исследовательского центра «Казанский научный центр Российской академии наук». *Казань, Россия.*

Ахсанов Камил Гусманович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Бадрtdинова Алсу Анисовна, младший научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Батыршина Гузель Гумеровна, кандидат филологических наук, доцент Российского исламского института. *Казань, Россия.*

Баширова Илида Басыровна, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Бейсенова Асемгуль Жолдаспековна, магистрант Кокшетауского университета им. Ш. Уалиханова. *Кокшетау, Казахстан.*

Бекметов Ринат Ферганович, доктор филологических наук, доцент Казанского (Приволжского) федерального университета. *Казань, Россия.*

Бикбулатова Аниса Рифовна, доктор исторических наук, профессор Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына. *Бишкек, Кыргызстан.*

Булатова Альфия Каримовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Валиева Миляуша Закиевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Габдуллина Гульнур Рустемовна, аспирант Казанского (Приволжского) федерального университета. *Казань, Россия.*

Габдулхакова Гульшат Мансуровна, научный сотрудник Института татарской энциклопедии и регионоведения Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Габидуллина Фарида Имамутдиновна, кандидат филологических наук, доцент Елабужского института Казанского (Приволжского) федерального университета. *Елабуга, Россия.*

Гайнуллина Гульфия Расилевна, кандидат филологических наук, доцент Казанского (Приволжского) федерального университета. *Казань, Россия.*

Гайнутдинов Айдар Марсилевич, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института истории имени Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Галимзянова Алина Тагировна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории имени Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Галимзянова Эльмера Махмутовна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Галимова Ольга Николаевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Галимуллин Фоат Галимуллович, доктор филологических наук, профессор Казанского (Приволжского) федерального университета. *Казань, Россия.*

Галимуллина Альфия Фоатовна, доктор педагогических наук, профессор Казанского (Приволжского) федерального университета. *Казань, Россия.*

Ганиева Айгуль Фирдинатовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Гиниятуллина Лилия Миннулловна, кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Досумова Майра Мухамеджановна, магистрант Кокшетауского университета им. Ш. Уалиханова. *Кокшетау, Казахстан.*

Еникеев Ильдар Ахнафович, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Жукенова Алма Карисовна, кандидат филологических наук, доцент Кокшетауского университета им. Ш. Уалиханова. *Кокшетау, Казахстан.*

Зайнеева Гульнара Нургалиевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Закирзянов Альфат Магсумзянович, доктор филологических наук, доцент, заведующий отделом литературоведения Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Ибрагимов Руслан Рустамович, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института татарской энциклопедии и регионоведения Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Ибрагимова Эльмира Рашитовна, кандидат филологических наук, доцент Елабужского института Казанского (Приволжского) федерального университета. *Елабуга, Россия.*

Исламов Рамил Фанавиевич, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института татарской энциклопедии и регионоведения Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Кадирова Энзе Ханафиевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Калимуллина Фирдаус Галимовна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института татарской энциклопедии и регионоведения Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Кириллова Зоя Николаевна, кандидат филологических наук, доцент Казанского (Приволжского) федерального университета. *Казань, Россия.*

Кириллова Ирина Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Чувашского государственного института гуманитарных наук. *Чебоксары, Россия.*

Курманова Айнаш Курмановна, магистр педагогических наук, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева. *Нур-Султан, Казахстан.*

Латыпова Гульназ Марсовна, кандидат исторических наук, заместитель директора Таткультресурсцентра. *Казань, Россия.*

Лентон Адам Чарльз (Lenton, Adam Charles), университет Джорджа Вашингтона. *Вашингтон, округ Колумбия* (Ph.D. Candidate the George Washington University. *Washington, DC.*)

Макарова Венера Файзиевна, доктор филологических наук, доцент, старший научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Миннуллина Фатыма Халиулловна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Мукимова Насима Анваровна, кандидат филологических наук, доцент Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета. *Уфа, Россия.*

Мухамедов Рашит Алимович, доктор исторических наук, профессор Ульяновского государственного педагогического университета им. И. Н. Ульянова. *Ульяновск, Россия.*

Мухаметзянова Лилия Хатиповна, доктор филологических наук, доцент, главный научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Нагуманова Эльвира Фирдавильевна, кандидат филологических наук, доцент Казанского (Приволжского) федерального университета. *Казань, Россия.*

Надыршина Лейсан Радифовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Насипов Илшат Сахиятулович, доктор филологических наук, зав. кафедрой татарского языка и литературы Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. *Уфа, Россия.*

Нешадим Ольга Владимировна, преподаватель Института иностранных языков. *Санкт-Петербург, Россия.*

Нурмухаметова Раушания Сагдатзяновна, кандидат филологических наук, доцент Казанского (Приволжского) федерального университета. *Казань, Россия.*

Оспанова Дана Жанабековна, магистр педагогических наук, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева. *Нур-Султан, Казахстан.*

Пименова Марина Владимировна, доктор филологических наук, профессор, ректор Института иностранных языков. *Санкт-Петербург, Россия.*

Проколова Майя Владимировна, кандидат филологических наук, доцент Тюменского государственного университета. *Тюмень, Россия.*

Раева Асемгуль Жеткергеновна, магистр педагогических наук, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева. *Нур-Султан, Казахстан.*

Рафикова Гульнара Эрнстовна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института татарской энциклопедии и регионоведения Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Родионов Виталий Григорьевич, доктор филологических наук, профессор Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова. *Чебоксары, Россия.*

Росс Даниэль (Ross, Danielle), университет штата Юта. *Логан, Юта, США* (Associate Professor, Utah State University. *Logan, UT, USA.*)

Сагдеева Фаузия Кабирова, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Садыкова Резеда Камиловна, кандидат филологических наук, доцент, методист Ульяновского колледжа градостроительства и права. *Ульяновск, Россия.*

Сайфуллина Флера Сагитовна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой татарской литературы Казанского (Приволжского) федерального университета. *Казань, Россия.*

Салахова Рузиля Рашитовна, кандидат филологических наук, доцент Казанского (Приволжского) федерального университета. *Казань, Россия*

Салихова Айгуль Рустэмовна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Саматова Чулпан Хамитовна, кандидат исторических наук, доцент Казанского (Приволжского) федерального университета. *Казань, Россия.*

Сибгаева Фируза Рамзеловна, кандидат филологических наук, доцент Казанского (Приволжского) федерального университета. *Казань, Россия.*

Улемнова Ольга Львовна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Фазлутдинов Ильдус Камирович, кандидат филологических наук, доцент Башкирского государственного университета. *Уфа, Россия;* научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Файзуллина Гузель Чахваровна, доктор филологических наук, профессор Тюменского государственного университета. *Тюмень, Россия.*

Файзуллина Фания Галимулловна, научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Фаттахов Ильгам Фаилевич, кандидат филологических наук, внештатный корреспондент еженедельной газеты «Мэдэни жомга» (Культурная пятница). *Казань, Россия.*

Фатхтдинов Фаил Камирович, кандидат филологических наук, доцент Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. *Уфа, Россия.*

Федотова Любовь Николаевна, заместитель директора по «СОШ № 19» г. Набережные Челны. *Набережные Челны, Россия.*

Хабибуллина Алсу Зарифовна, кандидат филологических наук, доцент Казанского федерального (Приволжского) университета. *Казань, Россия.*

Халилова Лейсан Ринатовна, научный сотрудник Института татарской энциклопедии и регионоведения Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Хуснутдинова Гульназ Азатовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Шайдуллин Рафаиль Валеевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий центром энциклопедистики Института татарской энциклопедии и регионоведения Академии наук республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Шакурова Муслима Магесумовна, кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Шамсутова Алсу Атласовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Шарипова Алсу Самигулловна, кандидат филологических наук, заместитель директора Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Юсупов Айрат Фаикович, кандидат филологических наук, доцент Казанского федерального (Приволжского) университета. *Казань, Россия.*

Юсупова Нурфия Марсовна, доктор филологических наук, профессор Казанского федерального (Приволжского) университета. *Казань, Россия.*

СОДЕРЖАНИЕ / ЭЧТӘЛЕК / CONTENT

<i>Салахов М. Х.</i> От Академцентра до Академии наук: история и перспективы татароведения	3
<i>Salakhov M. Kh.</i> From Academy Center to Academy of Sciences: history and prospects of Tatar studies	6

Институционализация и развитие татароведения в России и за рубежом: история и современность / Institutionalization and Development of Tatar Studies in Russia and Abroad: History and Modernity / Татар белеменең Россиядә һәм чит илләрдә институционализациясе һәм үсеше: тарих һәм хәзерге заман

<i>Бикбулатова А. Р., Бикбулатова С. Р.</i> Историография татар Кыргызстана	9
<i>Зайнеева Г. Н.</i> Деятельность Г. Ибрагимова в татарской редакционной коллегии Академцентра на страницах архивных документов	14
<i>Исламов Р. Ф.</i> Гыйльми үзәк эшчәнлегендә язма рухи мәдәният проблемалары	16
<i>Кириллова З. Н.</i> 1920 елларда татар телен дөүләт теле итүдә Гыйльми үзәк эшчәнлеге	22
<i>Латыпова Г. М., Рафикова Г. Э.</i> Татгосиздат Академцентра Наркомпроса ТАССР: первый опыт государственного регулирования издания национальной литературы	25
<i>Lenton, Adam Charles.</i> Tatar studies in political science research: trends and challenges	30
<i>Ross, Danielle.</i> Unequal subjects: what critical race theory can bring to Tatar history	35
<i>Салихова А. Р.</i> Основные направления в изучении татарского театрального искусства: история и современные тенденции	40
<i>Улемнова О. Л.</i> Академический центр Татнаркомпроса и основные направления татароведения 1920-х гг.	44
<i>Хөснетдинова Г. А. Г.</i> Рәхимнең Татар халкын гыйльми өйрәнү жәмгыятендә эшчәнлеге	51
<i>Шайдуллин Р. В.</i> Особенности развития татароведения в России во второй половине XVIII – 20-е гг. XX в. (по материалам Татарской энциклопедии)	54

Татарский язык и современные направления и методы в лингвистике / Tatar language and modern trends and methods in linguistics / Татар теле һәм лингвистиканың хәзерге юнәлешләре һәм ысуллары

<i>Абдуллаев С. Н., Абдуллаева Г. С.</i> Татарский язык в новых условиях многоязычия в Кыргызстане	63
<i>Абдуллина Ч. З., Сагдеева Ф. К.</i> Двужычие и современная концепция культуры татарской устной речи (постановка проблемы)	67
<i>Алеева Г. У.</i> Применение электронных словарей на занятиях татарского языка в русскоязычной аудитории	70
<i>Алиева Ә. Х.</i> Татар әдәбиятында хажнамәләр: жанрның эволюциясе.	73
<i>Алишина Х. Ч.</i> Татароведение XX–XXI веков: Фуат Ашрафович Ганиев	76
<i>Антипова Э. Е.</i> К вопросу о смене научных парадигм в языкознании	80
<i>Батыршина Г. Г., Айдарова С. Х.</i> Каюм Насырлының «Ләһжәи татари» сүзлегендә фольклор үрнәкләре.	81
<i>Бәдретдинова А. Ә.</i> Актаныш авылы сөйләше үзенчәлекләре	84
<i>Бәширова И. Б.</i> XX–XXI гасырларда татар телендә жанлы сөйләмә һәм язма әдәби төрләре: объектив-фәнни дәрәҗә һәм сәясәт-субъектив карашлар.	85
<i>Булатова А. К.</i> Границы лексической полисемии (на материале татарского языка).	95
<i>Вәлиева М. З.</i> «Матурлык» төшенчәсен белдерә торган лексик берәмлекләрдә синонимия күренеше (XVII–XVIII гасыр язма истәлекләре мисалында)	97
<i>Галимова О. Н., Федотова Л. Н.</i> Развитие зоологической терминологии в татарском языке в 20-е годы XX века (на материале учебной и научно-популярной литературы)	100

<i>Гиниятуллина Л. М., Шакурова М. М.</i> Функционально-смысловые особенности сложных синтаксических целых в художественном тексте	102
<i>Кадилова Э. Х.</i> Шагырь Мөхәммәдьяр ижатында сәнгать алымы буларак антонимнар	106
<i>Курманова А. К., Раева А. Ж., Османова Д. Ж.</i> Тюркская лексика, имеющая общее происхождение (на примере названий животных)	109
<i>Нурмөхәммәтова Р. С.</i> Татар телендә кешене бәяләү сүзләре	114
<i>Пименова М. В., Айдарбекова А. С., Нецадим О. В.</i> Культурные первосмыслы концептов	117
<i>Пименова М. В., Досумова М. М., Бейсенова А. Ж.</i> Первичные признаки концепта «атаман» в русской лингвокультуре	121
<i>Пименова М. В., Жукенова А. К., Досумова М. М., Бейсенова А. Ж.</i> Концепт «кочевье» в аспекте тюркского заимствования	124
<i>Сагдеева Ф. К.</i> О тезаурусном моделировании ключевых понятий и терминов лингвокультурологии	129
<i>Салахова Р. Р.</i> О деривационных особенностях глаголов речи в татарском языке	136
<i>Сибгаева Ф. Р., Салахова Р. Р.</i> Татар дөнья тел сурәтендә яшь үзенчәлекләренә бәйле лексик берәмлекләр	139
<i>Фәттахов И. Ф.</i> Татар орфографиясе турындагы мәсьәләгә карата	143

**Проблемы изучения татарской литературы и фольклора /
Problems of studying Tatar literature and folklore /
Татар әдәбиятын һәм фольклорын өйрәнү проблемалары**

<i>Ахметова М. А.</i> О двух редакциях пьесы Р. Ишмуратова «За десять лет»	148
<i>Габдулхакова Г. М.</i> Татарская литература в Республике Башкортостан (на примере творчества поэта Шамиля Анака)	154
<i>Гайнуллина Г. Р., Габдуллина Г. Р.</i> Илсәяр Иксанованың башлангыч чор шигъриятендә образ тудыру үзенчәлеге	156
<i>Галимуллин Ф. Г.</i> Махмут Гаялу – один из основоположников художественного освоения судьбы татарского народа	160
<i>Галимуллина А. Ф.</i> Мотивы времени и полета души в поэме Рената Хариса «Reanimation» и в ее переводе на русский язык	165
<i>Ганиева А. Ф.</i> Флүс Латыфийның «Ишелеп төшкән бәхет» романында милли проблематика	170
<i>Еникеев И. А.</i> Репрезентация татарского интертекста в переводах Р. Кутуя и Р. Бухараева	173
<i>Закирҗанов Ә. М.</i> Әхәт Гаффар прозасы: тематика һәм сәнгатьчә үзенчәлек	177
<i>Макарова В. Ф.</i> Илгиз Зәйнинең «Өйләнәм.tat» комедиясендә көлке үзенчәлекләре	181
<i>Миңнуллина Ф. Х. М.</i> Гыйләжев драматургиясәдә «яна драма» үзенчәлекләренә чагылышы («Ялгыз йортның төшләре», «Мәхәббәт сүзлеге» пьесалары мисалында)	185
<i>Мөхәммәтҗанова Л. Х.</i> Экспедиция материалларын фәнни өйрәнү тәҗрибәсеннән (Пермь татарларыннан язып алынган әкият текстлары мисалында)	187
<i>Надыршина Л. Р.</i> 1920 еллар татар поэмасы үсешендә төп үзгәрешләр (Ф. Борнаш һәм Н. Такташ әсәрләре мисалында)	191
<i>Фатхтдинов Ф. К.</i> Рукописи произведений поэта Умми Камала – бесценное наследие татароведения	194
<i>Шамсутова А. А.</i> Современная татарская драматургия: поиски новой философской парадигмы.	197
<i>Шәрипова А. С.</i> XX гасыр ахыры – XXI гасыр башы татар драматургиясендә милләт тормышына яңача караш	201
<i>Юсупова Н. М., Юсупов А. Ф.</i> Төрки-татар суфи поэзиясендә эпик стиль: формалашуы һәм үзенчәлеге	206

**Компаративистский дискурс в современном литературоведении /
Comparative Discourse in modern literary studies /
Хэзерге эдэбият белемендэ компаратив дискурсе**

<i>Аmineва В. Р., Нагуманова Э. Ф.</i> Понятие «национальная литература» в трудах Я. Г. Сафиуллина	211
<i>Арзамасов А. А.</i> Маркеры этнической идентичности в системе литературы (марийско-удмуртские параллели)	215
<i>Бекметов Р. Ф.</i> «С татарского» и «на татарский»: литературный перевод как современная проблема.	221
<i>Кириллова И. Ю.</i> Современная национальная драма в контексте ценностной парадигмы.	226
<i>Родионов В. Г.</i> О литературоведении пограничья (на материале литератур Поволжья).	229
<i>Хабидуллина А. З.</i> Категория различия и основы сопоставления национальных литератур	234

**Вопросы истории и историографии татар /
Issues of the history and historiography of the Tatars /
Татар тарихы һәм историографиясе мәсьәләләре**

<i>Ахсанов К. Г.</i> Исторические взгляды Галимджана Ибрагимова в дореволюционный период	239
<i>Гайнетдинов А. М.</i> ТР ФА Ш. Мәржани исемендәге Тарих институтының татар эпиграфик мирасын өйрәнү өлкәсендәге эшчәнлеге	243
<i>Галимжанова Э. М.</i> Фазыл Туйкин әсәрләрендә татарлар тарихы	247
<i>Галимзянова А. Т.</i> Штрихи к портрету Х. Гимади	251
<i>Фәйзуллина Ф. Г.</i> Галимжан Ибраһимовның башлангыч чор публицистикасы	254

**Язык, литература, культура татар в российских регионах /
Language, literature, culture of the Tatars in the Russian regions /
Россия төбәкләрендә татарларның теле, эдэбияты, мәдэниятте**

<i>Габидуллина Ф. И., Ибрагимова Э. Р.</i> Шәхес һәм милли үзәк.	258
<i>Ибрагимов Р. Р., Саматова Ч. Х.</i> Татары Пензенской области на страницах энциклопедических и научно-справочных изданий Института татарской энциклопедии и регионоведения Академии наук Татарстана.	262
<i>Калимуллина Ф. Г.</i> Источнико-историографическая база и энциклопедическая ценность труда востоковеда В. В. Вельяминова-Зернова о касимовских татарах	264
<i>Мухамедов Р. А.</i> Мусульманские общины Ульяновской области в политике советского государства в 1950–1960 годы	269
<i>Насипов И. С., Мөкимова Н. Ә.</i> Башкортстан Республикасының рус телендә укыту алып барылган мәктәпләрендә татар теленнән проект эшчәнлеген оештыру мөмкинлекләре	271
<i>Садыкова Р. К.</i> Поэтика мунаджатов Ульяновской области	274
<i>Сайфулина Ф. С.</i> Татар эдэбият белемендә региональ эдэбиятны өйрәнү торышы	279
<i>Фазлетдинов И. К.</i> Башкортстан татарларының риваятьләрендә һәм легендаларында фольклорара бәйләнешләр чагылышы	282
<i>Файзуллина Г. Ч., Проколова М. В., Кадирова Э. Х.</i> Из истории изучения сибирских бухарцев в отечественной науке	287
<i>Халилова Л. Р.</i> Роль региональной национальной прессы в формировании татарской этнокультурной общности (на примере Самарской области)	289
Сведения об авторах	293

**ТАТАРОВЕДЕНИЕ В СИТУАЦИИ СМЕНЫ ПАРАДИГМ:
ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ, ПРАКТИКА**

I Международный научно-практический семинар
2–3 декабря 2021 года, город Казань

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ

Материалы публикуются в авторской редакции

Дизайн обложки А.В. Булатова
Компьютерная верстка Н.Т. Абдуллиной

Подписано в печать 22.11.2021.

Формат 70×108 1/16. Гарнитура «Таймс». Бумага офсетная, печать офсетная
Усл.-печ. л. 26,25. Уч-изд. л. 29,5. Тираж 500 экз.

Оригинал-макет подготовлен
в Институте языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ
420111, Казань, ул. К. Маркса, 12

Издательство Академии наук Республики Татарстан
420111, Казань, ул. Баумана, 20